Р. М. ТИМЕРБАЕВ

РОССИЯ И ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

НАУКА

Р. М. ТИМЕРБАЕВ

РОССИЯ И ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

1945-1968

МОСКВА
«НАУКА»
1999

УДК 327
ББК 66.4 (2 Рос)
Т 39

Тимербаев Р.М.

Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. – М.: Наука, 1999. – 383 с.

ISBN 5-02-008285-6

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена одной из узловых проблем международной безопасности – предотвращению расползания ядерного оружия. На основе вновь раскрытых материалов из архивов России и США, собственных воспоминаний и воспоминаний современников автор – непосредственный участник переговоров по Договору о нераспространении ядерного оружия – рассказывает о возникновении этой проблемы, о формировании и развитии подхода нашего государства к ядерному нераспространению и политике основного контрагента России в этой области – Соединенных Штатов Америки.

Для политиков, специалистов в области ограничения вооружений и разоружения, широкого круга читателей, интересующихся проблемами международной безопасности.

Без объявления

Timerbaev R.M.

Russia and Nuclear Non-Proliferation. 1945–1968. – M.: Nauka, 1999. – 383 p.

ISBN 5-02-008285-6

The book addresses one of the key and most challenging problems of international security – prevention of the further spread of nuclear weapons. The author, who participated in the negotiation of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, has written this book on the basis of documents newly discovered in the archives of Russia and the United States, of his own reminiscences as well as the reminiscences of other contemporaries. He shares with readers his views with regard to the origins of this problem and the evolution of Russia's approach to nuclear non-proliferation. The author also addresses the policy of the other principal player in this area – of the United States of America.

The book is written for policy makers and political scientists, for specialists in the field of arms control and disarmament, for everyone involved in matters of international security.

ISBN 5-02-008285-6

© Р.М. Тимербаев, 1999
© В.А. Смирнов, художественное оформление, 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 6

Глава 1

О планах международного контроля над атомной энергией (1943–1949) 10

1. Первоначальная идея международного контроля над атомной энергией 15
2. Начало атомной эры 25
3. Последняя попытка Стимсона 28
4. Советский атомный проект 31
5. Создание Комиссии ООН по атомной энергии 34
6. Американский план контроля ("план Баруха") 39
7. Предложение СССР о запрещении атомного оружия 44
8. Работа Комиссии ООН и ее завершение 51
9. Конец атомной монополии США 59
10. Советские ученые о контроле над атомным оружием 63

Глава 2

Создание Международного агентства по атомной энергии (1953–1957) 79

1. Развитие мирного атома 80
2. Американский план "Атомы для мира" 81
3. Советско-американские переговоры о создании международного атомного агентства 85
4. Многосторонние переговоры об атомном агентстве 98
5. Вашингтонское совещание и Конференция в Нью-Йорке по выработке Устава МАГАТЭ 102

Глава 3

Распространение атомных технологий (50–60-е годы) 118

1. Третья атомная держава – Англия. Сотрудничество между США и Англией 119
2. Четвертая атомная держава – Франция 122
3. Сотрудничество в атомной области между СССР и КНР. Китай – пятая ядерная держава 127
4. Сотрудничество в атомной области между Францией, ФРГ и Италией 135
5. Атомные программы ФРГ (137), Италии (140), Швеции (141), Норвегии (145), Швейцарии (146), Японии (147), Австралии (148), Южной Кореи (149), Тайваня (150), Ирана (151), Югославии (151) 137
6. Атомные программы Израиля (152), Индии (155), Пакистана (156), Ирака (157), КНДР (158), Южной Африки (159), Аргентины (159), Бразилии (159) 152

Глава 4

Образование широкого консенсуса в пользу международного режима ядерного нераспространения 163

1. Ирландская резолюция 165
2. Рассмотрение в ООН и в Женевском комитете по разоружению проблемы нераспространения в 1962–1963 гг. 171
3. Создание безъядерных зон 179

Глава 5

Разработка системы гарантий МАГАТЭ (1959–1965) 187

1. Критическое отношение СССР к гарантиям на начальном этапе 187
2. Документ об инспекторах 198
3. Поворот СССР к гарантиям 200

Глава 6

Ядерное нераспространение и планы создания многосторонних ядерных сил НАТО 209

Глава 7

Проблема нераспространения ядерного оружия в 1964–1966 гг. 226

1. Начало подвижек в позиции США .....
2. Советский проект договора о нераспространении 238
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи 2028(XX) 240
4. Продолжение дискуссии по нераспространению в Комитете 18-ти и в ООН в 1966 г. 243

Глава 8

Переговоры по договору о нераспространении ядерного оружия (1966–1968) 250

1. Канун переговоров 250
2. Порядок, формат и ход переговоров 257
3. Согласование статей I и II 259
4. Статья III (о гарантиях) 273
5. Статья IV (о мирном использовании атомной энергии) 301
6. Статья V (о ядерных взрывах в мирных целях) 303
7. Статья VI (о переговорах по ядерному разоружению) 307
8. Статья VII (о безъядерных зонах) 313
9. Статья VIII (о поправках к договору и о периодических конференциях по рассмотрению его действия) 314
10. Статьи IX и XI (подписание и присоединение к договору, депозитарии, вступление в силу, определение ядерных держав и другие заключительные постановления) 317
11. Статья X (о выходе из договора и сроке его действия) 319
12. Одобрение договора ООН, открытие его для подписания и вступление в силу 323

Глава 9
О гарантиях безопасности неядерных государств 328

1. Проблема гарантий безопасности в 1965–1967 гг. 330
2. Резолюция Совета Безопасности о позитивных гарантиях 336
3. Конференция неядерных государств 1968 г. 342
4. О негативных гарантиях безопасности неядерных государств 348

Заключение 349

Приложения 354

Приложение 1. Договор о нераспространении ядерного оружия 354
Приложение 2. Участники Договора о нераспространении ядерного оружия 360
Приложение 3. Гарантии безопасности неядерных государств. Резолюции Совета Безопасности 255 (1968) и 984 (1995). Заявления РФ, США, Соединенного Королевства, Франции, КНР о гарантиях безопасности 365

Библиография 370

Именной указатель 378

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема нераспространения ядерного оружия и недопущения появления новых ядерных государств возникла с началом атомной эры. Но еще до создания ядерного оружия передовые умы уже задумывались над тем, какую беспрецедентную опасность для человечества таит в себе внутриядерная энергия, к чему могут привести развитие и распространение атомных материалов и технологий и, главное, как обезопасить мир от возможных последствий нового открытия. Довольно быстро стало очевидно, что до тех пор, пока ядерное оружие и знания о нем будут существовать, эта проблема будет представлять угрозу для цивилизации. И человеческому обществу, как бы оно ни стремилось уберечь себя от ядерной опасности, придется иметь дело с неумолимой угрозой ядерного распространения неопределенно длительный исторический период.

Многие промышленно развитые государства, включая Советский Союз и Соединенные Штаты, в первые годы атомной эры во имя политических, геостратегических, идеологических или иных целей фактически способствовали распространению атомных технологий. Потребовалось почти 20 лет прежде чем опасность, таящаяся в ядерном распространении, стала для большинства государств очевидной и в мире начал формироваться широкий консенсус в пользу принятия коллективных мер по предотвращению дальнейшего расползания ядерного оружия. Государствам пришлось преодолеть тернистый путь осмысливания опасности ядерного распространения, и то, что сегодня представляется очевидным, в 50-х и 60-х годах казалось далеко не бесспорным. Таким же сложным путем шла и Россия.

Мысль написать исследование о формировании и эволюции политики нашего государства по нераспространению ядерного оружия возникла у меня под влиянием главным образом следующих обстоятельств.

В 1982–1985 гг. я читал спецкурс по ограничению вооружений и разоружению в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО). После завершения дипломатической службы в МИДе России в 1992 г. (последний пост – постоянный представитель при Международном агентстве по атомной энергии и других международных организациях в Вене) мне довелось в течение нескольких лет преподавать в качестве приглашенного профессора в Монтерейском институте международных исследований в Калифорнии. Помимо обычных преподавательских дел и научно-исследовательской работы я вел группы молодых дипломатов, политологов, журналистов, ученых разных специальностей из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и других стран СНГ, которым читал курс по проблемам нераспространения и ограничения ядер-

ных вооружений. В 1997 г. в Московском инженерно-физическом институте прочел курс "Введение в ядерное нераспространение". Я столкнулся с тем, что на русском языке литература по этой тематике, особенно по истории ядерного нераспространения, крайне малочисленна, если не считать разрозненных статей и сравнительно небольшого числа научных исследований, к тому же написанных зачастую тенденциозно, хотя и содержащих полезные фактологические сведения. А более или менее фундаментального труда, который содержал бы систематизированную историю ядерного нераспространения, пока что просто не было.

Моя преподавательская и научно-исследовательская деятельность в Центре по изучению проблем нераспространения при Монтерейском институте, а затем в московском Центре политических исследований (ПИР-Центре), президентом которого я был в течение нескольких лет, совпали с крупными изменениями в мировой политике – окончанием взаимной ядерной конфронтации между двумя основными ядерными державами, с одной стороны, и появившимися новыми проблемами в области ядерного распространения, с другой.

По существующим подсчетам, за прошедшие годы в мире было изготовлено порядка 130 тыс. ядерных боезарядов, многие из которых, конечно, устарели и были сняты с вооружения, а также тысячи тонн оружейных расщепляющихся материалов – высокообогащенного урана и плутония. По оценкам бывшего министра обороны США Роберта Макнамары, до последнего времени насчитывалось около 40–50 тыс. стратегических и тактических ядерных боезарядов. В результате выполнения вступившего в силу в конце 1994 г. Договора СНВ-1 их число будет снижено до 20 тыс., а с реализацией Договора СНВ-2 количество ядерного оружия сократится примерно до 10 тыс. боезарядов[1].

В последние годы делаются первые шаги по существенному сокращению ядерных запасов России и США. Но как далеко пойдут такие сокращения и есть ли возможность полностью и навсегда отвести от человечества дамоклов меч ядерного оружия?

По Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) Россия и остальные ядерные державы взяли на себя обязательство вести переговоры и, следовательно, договариваться о ядерном разоружении[2] – без этого обязательства другие страны, не обладающие ядерным оружием, не пошли бы на отказ от создания собственного оружия. В 1995 г. ДНЯО был продлен бессрочно, но только после того, как обладатели ядерного оружия тогда же вновь подтвердили свое обязательство добиваться уничтожения

---

[1] Disarmament Diplomacy. A Monthly Rev. Bradford (West Yorkshire). United Kingdom. 1996. No. 4. Apr. P. 8. В пик "холодной войны" общее количество ядерных боезарядов СССР и США достигало 60–80 тыс. единиц (The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy/Committee of International Security and Arms Control, National Academy of Sciences. Wash. (D.C.): Nat. Acad. Press, 1997. P. 36.

[2] Это было подтверждено в июле 1996 г. и консультативным заключением Международного Суда относительно законности угрозы и применения ядерного оружия, в котором Суд, в частности, единогласно постановил, что существует "обязательство вести в духе доброй воли и довести до завершения переговоры, ведущие к ядерному разоружению во всех его аспектах под строгим и эффективным международным контролем" (выделено мной. – *Авт.*).

ядерных арсеналов. Выполнение ими данного обязательства станет главным и весьма острым вопросом на предстоящей в 2000 г. конференции участников договора по рассмотрению его действия.

В то же время после окончания "холодной войны" появились новые сложности в решении задачи обеспечения полного и универсального ядерного нераспространения. Хотя угроза всеобщего ядерного конфликта ушла в прошлое, распространение ядерных технологий продолжается, выявились случаи утечки ядерных материалов, сохраняется, а возможно даже усиливается, угроза ядерного терроризма. Перед ядерными державами стоит сложнейшая задача утилизации высвобождаемых в результате ядерных сокращений оружейных расщепляющихся материалов, особенно плутония.

Многолетний опыт подсказывает, что основательное и непредвзятое понимание истории нераспространения может помочь выявить и наметить перспективы дальнейшего укрепления режима ядерного нераспространения и возможности снижения размеров, а в конечном итоге и ликвидации ядерных арсеналов. Мы только начинаем понимать и осмысливать наше ядерное прошлое, и еще на многие вопросы ядерной истории должны быть получены адекватные ответы, прежде чем мы сможем представить себе облик нашего ядерного будущего.

Причастность к проблеме нераспространения с 50-х годов, участие в многочисленных переговорах и конференциях как на правительственном, так и неправительственном уровне, преподавательская и научно-исследовательская работа дают мне основание и даже возлагают моральный долг взяться за труд по истории данной проблемы. Его первоосновой, главным источником являются официальные документы и уже открытые для исследования архивные материалы, а также воспоминания современников и мои собственные. Конечно, значительная доля документов как у нас, так и за рубежом еще дожидается рассекречивания. Книга написана на базе тех документов и архивных материалов, которые были мне доступны, и на основе воспоминаний современников и очевидцев, с которыми удалось восстановить контакты. Мне хотелось максимально объективно излагать факты и события (насколько это вообще возможно, ведь неизбежно довлеют жизненный опыт и собственные представления о предмете исследования) и не давать им оценок, если они недостаточно подкреплены документальными материалами и свидетельствами современников. Насколько это удалось – судить читателю.

Проделанная работа была бы, конечно, невозможна без помощи многих коллег – своими воспоминаниями, добрыми советами, практической помощью. Искренняя благодарность М.В. Антясову, Н.К. Арбатовой, Джорджу Банну, Хансу Бликсу, Б.Н. Верещагину, Ю.М. Воронцову, Рэймонду Гартхоффу, Йозефу Гольдблату, Г.А. Гончарову, С.Н. Гончарову, О.А. Гриневскому, С.А. Зеленцову, А.И. Зобову, Герберту Йорку, Франческо Калоджеро, А.Н. Калядину, Сперждену Кини, Тору Ларссону, А.П. Мовчану, В.А. Орлову, Уильяму Поттеру, Яну Правицу, А.А. Рощину, П.Е. Рубинину, Леонарду Спектору, К. Субраманиаму, Шаю Фелдману, Дэвиду Фишеру, Астрид Форланд, Муниру Ахмад Хану, Дэвиду Холлоуэю, Браме Челлани, Мохамеду Шакеру, Аннет Шапер, Лоурен-

су Шайнмэну, В.В. Шустову, Зигварду Эклунду, Дэниэлу Эллсбергу, Мохамеду Эльбарадею.

Хотелось бы особенно отметить тех, кто взял на себя труд прочесть рукопись монографии или отдельные ее части и высказать по ним замечания, – С.Н. Гончарова, А.И. Зобова, Уильяма Поттера, П.Е. Рубинина, В.В. Шустова.

Глубокая признательность тем, кто помог мне облегчить доступ к архивным материалам в России, США, а также в МАГАТЭ, – Е.В. Белевич, Шарлейн Берджес, Уильяму Берру, Милтону Густафсону, Елене Даниэльсон, Йозефу Катричу, Н.В. Кочкину, С.А. Мельчину, Н.П. Мозжохиной, С.В. Павлову, П.А. Смидовичу.

Особая благодарность – Фонду Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров за великодушную поддержку при подготовке книги.

Глава 1

О ПЛАНАХ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ (1943–1949)

Как формировалась советская политика в отношении установления международного контроля над атомной энергией? Вопрос этот далеко за рамками чисто исторического интереса. При определении позиции руководства СССР по контролю над атомной энергией вырабатывалась советская атомная политика в более широком контексте, а также ядерная стратегия в целом и подходы к ограничению ядерных вооружений, ядерному нераспространению. Для того же, чтобы четко представить фон, на котором развивался этот процесс, важно и даже необходимо составить достаточно ясную картину того, как вырабатывалась атомная политика Соединенных Штатов, которые в результате коренных геополитических изменений после второй мировой войны стали нашим основным контрагентом на международной арене.

Еще до того, как ядерное оружие было создано и широкомасштабные работы по его производству в США только разворачивались, в международной группе ученых, которая участвовала в этих работах, а также среди части руководящих деятелей США и Англии начали задумываться над тем, какую роль будет играть ядерное оружие в послевоенном мире. Ретроспективно можно говорить о двух основных тенденциях, которые тогда формировались.

С одной стороны, значительная часть ученых и некоторые крупные американские и английские администраторы видели в новом оружии небывалой доселе разрушительной силы потенциальное "яблоко раздора", которое неизбежно вызовет усиление соперничества между государствами и губительную гонку атомных вооружений, а потому, считали они, нужно попытаться найти способ поставить его, как только оно появится, под надежный международный контроль. И для этого пришлось бы поделиться секретом атомной бомбы – во всяком случае с союзниками по антигитлеровской коалиции.

С другой стороны, в правительственных и военно-промышленных кругах США и Англии существовали более могущественные силы, которые считали, что новое оружие может быть использовано в качестве решающего инструмента престижа и влияния в мире и поэтому следует не допустить раскрытия секрета о работах над атомным оружием и попытаться воспрепятствовать или хотя бы максимально отдалить возможность появления его у других государств, в первую очередь у Советского Союза.

Вторая точка зрения в своем дальнейшем развитии, собственно говоря, и легла в основу политики, которая впоследствии, уже на более позднем этапе, когда в число обладателей ядерного оружия вошли крупнейшие мировые державы, в том числе СССР, стала называться политикой недопущения дальнейшего распространения ядерного оружия.

Секретные работы над атомной бомбой поначалу стремились скрывать даже от самых близких военных союзников, не говоря уже об СССР, хотя в ходе войны с гитлеровской Германией между ними довольно широко развивалось военное сотрудничество во многих областях новейшей военной техники (радары, современные средства связи, танки и авиация, ракетная артиллерия и т.п.). Читателю будет любопытно узнать, что на самом начальном этапе англичане, первые осознавшие значение нового открытия[1], пытались скрыть возможность создания атомного оружия даже от США. Определяющими для формирования такой позиции были меморандум эмигрировавших в Англию немецкого ученого – Рудольфа Пайерлса и австрийского – Отто Фриша, которые впервые показали *практическую* возможность создания бомбы на базе урана-235 (апрель 1940 г.), и доклад Комитета МОД (MAUD Committee) в составе крупных ученых, в котором британскому правительству было направлено заключение, где говорилось, что "предложение о создании урановой бомбы осуществимо и может привести к решающим результатам в войне", что атомную бомбу можно создать за два-три года, и рекомендовалось "дать работам высочайший приоритет и расширить их масштабы, чтобы получить оружие в возможно кратчайший срок" (июль 1941 г.)[2].

Доклад Комитета МОД попал на стол личному советнику Черчилля по науке лорду Черуэллу (проф. Ф. Линдеману), который, как писала Маргарет Гаунинг, официальный историк и архивист британского управления по атомной энергии, считал, что обладание производством урана-235 позволит "диктовать условия остальной части мира". "Как бы сильно я ни доверял своему соседу и ни полагался на него, – писал Черуэлл, – я очень неохотно полностью положился бы на его благорасположение и поэтому не стал бы просить американцев предпринять это дело – я бы просто продолжал обмениваться информацией и приступил бы к производству *здесь* (курсив мой. – *Авт.*), не поднимая перед ними вопроса, займутся ли они этим или нет"[3]. Черчилль, как замечает советник президента Кеннеди по национальной безопасности Макджордж Банди в своем исследовании "Опасность и выживание", в течение некоторого времени разделял взгляды Черуэлла и крупнейшего английского физика Дж. Чедвика, который также считал, что весь проект должен быть осуществлен в Англии. Однако вскоре стало ясно, что из-за угрозы немецких бомбежек и

---

[1] Альберт Эйнштейн по совету Лео Сциларда в письме от 2 августа 1939 г. призывал президента Рузвельта начать работы по созданию атомной бомбы, мотивируя это тем, что Германия уже занимается созданием бомбы. Атомные работы в США широко развернулись, однако только в 1942 г. Полный текст письма Эйнштейна см.: Создание первой советской ядерной бомбы / Гл. ред. В.Н. Михайлов, зам. гл. ред. А.М. Петросьянц. М.: Энергоатомиздат, 1995. С. 21–22.

[2] *Gowing Margaret*. Britain and Atomic Energy 1939–1945. L.: Macmillan. 1964. P. 398.

[3] Ibid. P. 96–97.

при отсутствии должной промышленной и энергетической инфраструктуры работы придется перевести в США, "хотя политически более привлекательным местом была бы Канада"[4].

Что касается США, то там многие в правительстве сразу же стали рассчитывать на длительное монопольное владение ядерным оружием, преследуя далеко идущие военно-политические цели. Характерно в этом отношении известное высказывание руководителя Манхэттенского проекта[5] генерала Лесли Гровса: "Уже примерно через две недели после того, как я стал во главе этого проекта, у меня не было никаких иллюзий, что нашим врагом будет Россия, и проект осуществляется именно исходя из этой предпосылки"[6]. Первые зачатки такого американо-английского подхода к нераспространению секрета атомного оружия, в том числе и в отношении своих союзников по антигитлеровской коалиции – СССР и Франции, следовательно, появились, а затем и были закреплены в соответствующих двусторонних договоренностях задолго до создания атомного оружия.

Англо-американское сотрудничество в атомной области налаживалось не без трений. Когда американский проект еще только вставал на ноги, "чрезмерно уверенные в себе британцы, – пишет Маргарет Гаунинг, – предпочитали атомное сотрудничество полной интеграции проектов, как это предлагалось Рузвельтом осенью 1941 г. Но американский проект вскоре обогнал британский, и американцы больше не нуждались, да и не хотели британской помощи". Англичане "пришли в отчаяние: они самостоятельно не могли идти дальше и были отрезаны от американских знаний"[7].

5 августа 1942 г. член военного кабинета У. Черчилля Джон Андерсон пишет Ванневару Бушу, руководителю американского Национального комитета оборонных исследований, письмо с предложением об учреждении в будущем международного контроля за использованием атомной энергии и о создании комиссии из представителей США и Англии, которая рассмотрела бы состав будущего "атомного клуба". "Комиссия должна будет рассмотреть вопрос о привлечении других стран, входящих в состав Объединенных Наций и воюющих с общим врагом, таких, как британские доминионы и Россия, а также выработать условия, на которых они смогут участвовать в этой работе". Андерсон ссылался при этом на приобретение

---

[4] *Bundy McGeorge.* Danger and Sirvival. Choices about the Bomb in the First Fifty Years. N.Y.: Random House. P. 23–29. Дин Ачесон, хорошо знавший атомную проблему и в 1946 г. возглавлявший подготовку известного доклада Ачесона–Лилиенталя, также признавал, что к моменту вступления США во вторую мировую войну британская наука опережала американскую в области ядерной физики. См.: *Acheson Dean.* Present at the Creation. N.Y., W.W. Norton & Co., 1969. P. 164.

[5] Специальный округ инженерных войск под названием Манхэттенский, на который возлагалось создание атомной бомбы, был образован по решению президента Рузвельта 13 августа 1942 г.

[6] Testimony of General Groves in the Matter of T. Robert Oppenheimer. Transcript of Hearings before the Personal Security Board held of Washington, D.C., from April 12 to May 6, 1954. P. 173, Library of Congress. Wash. (D.C.). Цит. по: *Berezhkov Valentin.* Origins of the Cold War: Lessons for Future U.S. – Russian Relations. Occasional Paper N 4. Center for Russian and Eurasian Studies / Monterey Institute of International Studies, Monterey (CA), 1994. P. 11.

[7] *Gowing Margaret.* Niels Bohr and Nuclear Weapons // *Bohr Niels.* A Centenary Volume. Cambridge (MA); London: Harv. Univ. Press, 1985. P. 268–269.

Англией патентов на открытия французских ученых Ханса фон Хальбана и Льва Коварски (сотрудников Фредерика Жолио-Кюри, успешно работавших тогда в Англии, а затем в Канаде над созданием тяжеловодного реактора на природном уране)[8].

В своем ответе от 1 сентября Ванневар Буш ограничился общими словами о том, что предложения о международном контроле весьма серьезны, но не относятся к числу неотложных мер[9]. В дальнейшем – в 1944–1945 гг. – Буш заинтересуется проблемой международного контроля и станет одним из активных сторонников данной концепции, но это будет уже на более позднем этапе поисков подходов к тому, как избежать послевоенной гонки атомных вооружений. В данном же случае В. Буш усмотрел в предложении Андерсона о международном контроле (и в общем-то вполне справедливо) прежде всего попытку обеспечить полноправное участие Англии в Манхэттенском проекте.

Заместитель Буша по американскому атомному проекту президент Гарвардского университета Джеймс Конэнт, посетивший Англию и познакомившийся с английскими работами, считал, что англо-американское атомное сотрудничество должно быть строго ограниченным. Его рекомендации были одобрены Рузвельтом и в январе 1943 г. сообщены англичанам. В результате последовал острый конфликт, продолжавшийся восемь месяцев, который "надолго оставил шрамы на взаимоотношениях между военными союзниками"[10].

Как свидетельствует М. Гаинг, "лишь только после большой борьбы Черчиллю удалось убедить Рузвельта подписать в августе 1943 г. Квебекское соглашение, которое позволило британским ученым принять участие в некоторых разделах американского проекта – и, что самое главное – в Лос-Аламосе, где должны были создаваться бомбы"[11].

На этой конференции, проходившей с 14 по 24 августа, стороны договорились о следующем:

1. Мы никогда не используем это средство друг против друга.
2. Мы не применим его против третьих стран без взаимного согласия.
3. Мы не будем передавать какую-либо информацию о нем третьим сторонам без взаимного согласия.
4. Учитывая, что основное бремя производства легло на США, британское правительство признает, что Соединенные Штаты будут делиться с Великобританией после войны полученными преимуществами промышленного или коммерческого характера на условиях, которые будут определены президентом США.

---

[8] National Archives (Wash., D.C.), Manhattan Engineer District (MED) Records. Record Group 77, Hurrison-Bundy Files, Roll 9. Target 6. File 107. T. 10–8 (French Situation). J. Anderson to V. Bush. 1942, Aug. 5. Цит. по: *Мальков В.Л.* Манхэттенский проект. М.: Наука, 1995. С. 22–23.

[9] Там же. С. 23.

[10] *Hershberg James G.* James B. Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. N.Y.: Knopf, 1993. P. 174. Конэнт продолжал и дальше выражать большой скептицизм в отношении участия англичан в Манхэттенском проекте (Op. cit. P. 182).

[11] *Gowing Margaret.* Niels Bohr and Nuclear Weapons. P. 268–269.

5. В Вашингтоне создается Объединенный политический комитет (Combined Policy Committee – CPC), который призван координировать деятельность в атомной области[12].

Оба западных лидера несколько позднее условились принять меры к тому, чтобы установить монопольный контроль над всеми запасами урана, к которым они могли бы получить доступ. В совместной декларации от 13 июня 1944 г. они согласились, что "[о]ба правительства будут стремиться к тому, чтобы установить возможно более полный контроль над запасами урана и тория в пределах границ регионов, находящихся под их юрисдикцией, а также и других регионов, находящихся вне контроля обоих правительств и правительств доминионов Индии и Бирмы"[13].

18 сентября 1944 г. Рузвельт и Черчилль подписали в Гайд-Парке (штат Нью-Йорк) памятную записку, в которой, в частности, говорилось:

> "Предложение о том, чтобы информировать мир относительно (атомной бомбы) с целью достижения международного соглашения о контроле над ней и ее применении, неприемлемо. Вопрос о ней по-прежнему должен рассматриваться как чрезвычайно секретный; но когда она будет окончательно изготовлена, возможно, ее следует, после основательного рассмотрения, применить против японцев, которых нужно будет предупредить, что бомбежка будет повторяться до тех пор, пока они не капитулируют".

В заключительном параграфе памятной записки подчеркивалось, что "должны быть приняты меры, чтобы не было утечки информации (относительно бомбы), особенно русским"[14].

Аналогичной линии американцы придерживались и в отношении Франции. 19 января 1945 г. специальный помощник военного министра Стимсона Харви Банди в совершенно секретном меморандуме высказывал сильные опасения, как бы Жолио-Кюри сам или через де Голля не поставил в настойчивой форме вопрос о "немедленном" привлечении Франции к атомным работам. Банди озабоченно писал, что в случае отказа французы, причем, возможно, вместе с русскими, могут произвести "политический взрыв"[15]. Аналогичные опасения и категорические возражения против передачи атомных секретов Франции, а также России выражал У. Черчилль в письме Антони Идену от 25 марта 1945 г.[16]

Когда в последние месяцы войны специальная миссия американской разведки "Алсос" (Alsos) была командирована в Германию, чтобы захватить немецких ученых, работавших на германском атомном проекте, и прежде всего "объект номер один" – выдающегося немецкого физика

---

[12] *Sherwin Martin J.* A World Destroyed. Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y.: Vintage Books, 1987. P. 85–86.

[13] Agreement and Declaration of Trust, June 13, 1944, Diplomatic History of the Manhattan Project, Annex N 22a at National Archives. Wash. (D.C.). Цит. по: *Berezhkov Valentin.* Op. cit. P. 12.

[14] President's Map Room Papers, Naval Aide's File, Box 172 – General Folder, Roosvelt Library, Hyde Park, N.Y. Цит. по: *Sherwin Martin.* Op. cit. P. 284.

[15] Manhattan Engineer District, Harrison-Bundy Files, Folder N 36. Цит. по: *Sherwin Martin.* Op. cit. P. 289–290.

[16] Premier 3 Records, File N 139/6, Public Records Office, London. Цит. по: *Sherwin Martin.* Op. cit. P. 290–291.

Вернера Гейзенберга, а также все атомное оборудование и ядерные материалы, то поскольку район южнее Штутгарта, где велись основные работы, отходил под французскую оккупационную зону, была дана установка "задержать ученых и изъять материалы до прихода французов, а если это окажется невозможным, то полностью уничтожить"[17].

1. ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ИДЕЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

Параллельно с указанным подходом правительств США и Англии, который был чреват, как выявилось в первые послевоенные годы, серьезными последствиями для судеб мира, вызревали более разумные и более дальновидные представления о том, как человечество должно ответить на вызов, брошенный ему новым открытием.

Эти мысли зародились прежде всего в среде международной группы ученых, работавших в рамках Манхэттенского проекта, а в дальнейшем их стали разделять и некоторые крупные американские, а также и английские организаторы военных исследований и государственные деятели.

Пожалуй, первым такие мысли стал высказывать, а затем сформулировал и стал их настойчиво продвигать один из крупнейших физиков XX в. Нильс Бор. Уже после первого посещения Лос-Аламоса в декабре 1943 г., когда он увидел широкий разворот работ, Бор высказал в письме Андерсону, члену военного кабинета Черчилля, идею установления эффективного *международного контроля над атомным оружием*, дабы избежать опасного для мира послевоенного международного состязания в создании атомных вооружений[18]. Бор советовался по этому вопросу и с английским послом в Вашингтоне лордом Галифаксом, который рекомендовал ему обратиться непосредственно к Рузвельту.

Бор хорошо знал высокую компетентность русских ученых и прекрасно отдавал себе отчет в том, что Советский Союз не пожалеет усилий, чтобы догнать англо-саксов, и, очевидно, уже занимается урановой проблемой. Его убеждение укрепилось, когда в апреле 1944 г. он получил письмо от академика П.Л. Капицы, написанное еще за полгода до этого, с приглашением приехать в Москву, поселиться там и продолжить свою научную деятельность. Н. Бор ответил теплым, но ни к чему не обязывающим письмом, ознакомив с перепиской английские власти.

Датский ученый продолжал искать единомышленников, и ему удалось найти сторонников идеи международного контроля среди довольно высокопоставленных представителей английского руководства (которые, очевидно, прежде всего опасались единоличного атомного господства США в послевоенном мире). Маргарет Гаинг считает, что взгляды Бора в общем и целом разделяли советник Черчилля по науке лорд Черуэлл, посол в США лорд Галифакс, президент Королевского общества (академии наук) Генри Дейл, член кабинета Андерсон (который в марте 1944 г. направил

---

[17] *Cassidy David C.* Uncertainty. The Life and Science of Werner Heisenberg. N.Y.: W.H. Freeman and Company. 1992. P. 497.

[18] *Gowing Margaret.* Niels Bohr and Nuclear Weapons. P. 270.

Черчиллю меморандум в поддержку идеи международного контроля): премьер-министр, министр иностранных дел и обороны Южной Африки фельдмаршал Ян Смэтс, входивший в состав британского военного комитета. Последний писал Черчиллю 15 июня 1944 г.:

> "Открытие (атомной энергии) является самым крупным открытием из когда-либо сделанных наукой. Это открытие и для войны и для мира, для разрушения и для созидания (...). Необходимо что-то сделать, чтобы поставить его под контроль, но что именно, сейчас далеко не ясно. Хотя, может быть, и благоразумно держать в данный момент секрет при себе, долго он секретом не останется, и раскрытие его после войны может положить начало самому разрушительному соревнованию в мире. Поэтому было бы разумным вам и президенту еще раз рассмотреть этот вопрос, и особенно вопрос о том, поделиться ли со Сталиным этим секретом. Конечно, между вами должно быть полное доверие, прежде чем секрет будет раскрыт. Но вопросу нельзя позволить затягиваться бесконечно.
>
> Если когда-либо и была потребность в международном контроле, то это именно тот самый случай"[19].

По протекции упомянутых выше лиц между Бором и Черчиллем 16 мая 1944 г. состоялась беседа, которая, однако, завершилась безрезультатно.

Одновременно Бор предпринимает аналогичные шаги в США. 3 июля 1944 г. он пишет меморандум президенту Рузвельту, в котором выражает глубокую озабоченность перспективой послевоенных разногласий между государствами по атомной проблеме и потенциальной опасностью, которую несет в себе наступающая атомная эра. Он предупреждает, что временное преимущество, которое может возникнуть в результате успешного создания атомной бомбы, может быть "перевешено вечной угрозой человеческому обществу" и что поэтому вопрос об установлении международного контроля над использованием атомных материалов требует "самого неотложного внимания". Ученый предложил информировать союзников (т.е. в первую очередь советского союзника, поскольку англичане уже участвовали в Манхэттенском проекте), с тем чтобы избежать в дальнейшем гонки ядерных вооружений и заложить основу для послевоенного сотрудничества. Бор подчеркивал, что только "открытый мир" позволит создать надлежащую среду для установления международного контроля. В развернутом виде эти соображения Бора были опубликованы только в 1950 г.[20]

Благодаря посредничеству члена Верховного Суда США Феликса Франкфуртера 26 августа 1944 г. состоялся разговор Бора с Рузвельтом. Президент, как пишет Маргарет Гауинг, держался весьма дружественно и откровенно обсуждал с ученым политические проблемы, возникающие в связи с созданием атомной бомбы. Он сказал Бору, что следует попытать-

---

[19] Premier Files of Winston Churchill, Public Record Office, London, 3/139. Цит. по: *Bundy McGeorge*. Op. cit. P. 125.

[20] *Bohr Niels*. For an Open World // The Bull. of the Atomic Scientists. 1950. July.

ся обратиться к России, и это откроет новую эру в истории человечества. Сталин, по мнению Рузвельта, был достаточно реалистом, чтобы понимать последствия этой научно-технической революции. Бор, продолжает Гауинг, был "довольно воодушевлен своим разговором с Рузвельтом, набросал черновик письма Капице в духе обсуждавшихся идей и был готов поехать в Россию". После беседы с Рузвельтом Н. Бор писал американскому президенту:

> "⟨...⟩ Следует принять во внимание тот факт, что в результате плодотворного международного научного сотрудничества принципы, на базе которых становится осуществимым высвобождение в больших количествах энергии расщепленного ядра атома, во всяком случае, в основном были известны еще до войны и являются, таким образом, общим достижением физиков всего мира.
>
> Известно также, что подготовительные работы предприняты в различных странах, и хотя, кажется, можно считать очевидным, что американо-английские усилия опережают усилия других, любая информация об успехах в этой работе в США, какой бы скудной она ни была, скорее всего вызовет форсирование подобных же усилий повсеместно. К счастью, ход войны устранил любую угрозу военного использования целеустремленных усилий в этой области со стороны Германии. Но следует, однако, помнить, что после разгрома Германии все специальные знания и технический опыт, накопленные в этой стране, как можно предполагать, в равной мере станут достоянием всех великих держав-победительниц.
>
> В этих условиях личные связи между учеными, зародившиеся еще в годы предвоенного сотрудничества, могут, по-видимому, оказаться весьма полезными для выработки (с соблюдением всех правил секретности) понимания того, как высока будет ставка в случае, если ожидаемые исследования в области атомной физики материализуются, а также для подготовки полноценного использования тех огромных выгод, которые может принести честное сотрудничество в практическом осуществлении эффективных мер контроля"[21].

Однако надежды Бора, как писала Гауинг, "были грубо развеяны". На совещании между Черчиллем и Рузвельтом в сентябре 1944 г. первому удалось уговорить американского президента усилить контроль за соблюдением атомных секретов. 18 сентября ими была подписана памятная записка, в которой, в частности, говорилось:

> "⟨...⟩ Следует провести расследование деятельности профессора Бора и предпринять шаги, чтобы убедиться, что он не несет ответственности за утечку информации, особенно русским"[22].

---

[21] Коммунист. 1984. № 17. Подлинник письма хранится в документах Роберта Оппенгейера (Отдел рукописей Библиотеки Конгресса США). Публикация В.Л. Малькова.

[22] Цит. по: *Sherwin Martin*. Op. cit. P. 284.

Как Черчиллю удалось заставить Рузвельта совершить такой volte-face, "покрыто мраком неизвестности", пишет американский историк Питер Уайден. Сама эта записка была обнаружена только после смерти Рузвельта, причем среди документов по военно-морским делам[23].

Однако друзья датского ученого – Черуэлл, Андерсон, Галифакс и другие взяли его под защиту. Черуэлл в присутствии Буша разговаривал с Рузвельтом, и вопрос о каком-либо преследовании Бора был закрыт.

Активная позиция Бора вызвала живой отклик среди ученых и многих администраторов. Как утверждает биограф Конэнта Джеймс Хершберг, Конэнт независимо от Бора еще в мае 1944 г. развивал сходные и даже более детальные соображения о международном контроле. В рукописной записке от 4 мая 1944 г., озаглавленной "Некоторые мысли о международном контроле над атомной энергией", американский ученый писал:

> "1) Ассоциация государств для этой цели.
>
> 2) Международная комиссия по атомной энергии в составе: от Англии, США и России по 3 представителя и 6 представителей от других государств.
>
> 3) Полная власть Комиссии над всеми работами по атомной энергии.
>
> 4) Лицензирование исследований и разработок во всех странах.
>
> 5) Финансирование исследований и разработок во всех странах.
>
> 6) Все результаты публикуются.
>
> 7) Инспектирование соответствующими агентами всех лабораторий, предприятий всех видов. Они должны дать присягу всю имеющуюся информацию рассматривать как конфиденциальную.
>
> 8) Полная открытость информации о сырьевых материалах и потенциальном оружии.
>
> 9) Наличие наблюдателей и хранителей арсенала, который должен быть размещен в Канаде, где будет минимальная возможность хищения материалов.
>
> 10) Комиссия будет иметь собственную авиацию и международные войска численностью 10 000 чел., которые принесут присягу Комиссии пресекать захват материалов.
>
> 11) Право доступа представителей Комиссии, независимо от того, существует ли состояние войны между теми или иными государствами.
>
> 12) Вмешательство в деятельность Комиссии со стороны правительства любого государства будет рассматриваться как акт войны.
>
> 13) Право передавать любой материал, относящийся к атомной энергии, из одной страны в другую.
>
> 14) Выделение материалов осуществляется только по едино-

---

[23] *Wyden Peter*. Day One. Before Hiroshima and After. N.Y.: Simon and Schuster, 1984. P. 124.

гласному решению Комиссии. Представители любого государства, отказывающиеся подчиниться решению, лишаются права голоса"[24].

Хотя записка Конэнта осталась в его архиве и, по мнению Хершберга, никому разослана не была, можно не сомневаться, что содержащиеся в ней идеи были в дальнейшем широко использованы при подготовке в 1946 г. плана Ачесона–Лилиенталя.

Аналогичным образом действовали и некоторые другие ученые. 12 декабря 1944 г. Альберт Эйнштейн пишет Бору письмо, в котором, сетуя на то, что политики не сознают угрозы миру, проистекающей от атомной бомбы и потенциальной гонки атомных вооружений, настойчиво призывает к тому, чтобы ученые совместно оказали нажим на политических лидеров в пользу интернационализации ядерного оружия. Эйнштейн предложил, чтобы инициативу взяли на себя сам Бор, а также Артур Комптон, лорд Черуэлл, Капица и Иоффе[25]. Но предупрежденный друзьями о возможных негативных последствиях такой акции, Бор решил проявить осторожность. 22 декабря он посетил Эйнштейна в Принстоне и заверил его, что ответственные государственные деятели Америки и Англии полностью осознают опасности и возможности, создаваемые бомбой, после чего А. Эйнштейн на своей идее настаивать не стал.

Над проблемами, поставленными Бором и другими учеными, все больше стали задумываться политические деятели. В Англии это – Андерсон, Галифакс и Иден. В Вашингтоне – Буш и его заместитель Джеймс Конэнт, игравшие ключевую роль в Манхэттенском проекте, обсуждали эти вопросы с военным министром Генри Стимсоном и 30 сентября 1944 г. подготовили для него совершенно секретный меморандум о международных последствиях создания атомной бомбы, где высказались за международный контроль. В меморандуме Буша и Конэнта с поразительной для того времени дальновидностью подчеркивалось:

> "[Д]ля Соединенных Штатов и Великобритании было бы крайне опасно продолжать в полной тайне дальнейшее развитие военных применений (атомной энергии). Если так будет продолжаться, то Россия, несомненно, тайно пойдет тем же путем, а также, возможно, и некоторые другие страны, включая и наших поверженных врагов. Мы не думаем, что можно рассчитывать на то, что контроль над запасами (урана) в течение десятилетия помешает такому тайному развитию в других странах. В особенности если будет создана супер-супер бомба, поскольку запасы тяжелого водорода по-существу безграничны, а такие более редкие материалы, как уран и торий, будут использоваться только в качестве детонаторов. Если какое-либо другое государство, а не Велико-

---

[24] National Archives. Box 9, folder 97, S-1, Bush–Conant Correspondence, Office of Scientific Research and Development, Record Group 227. Wash. (D.C.). Цит. по: *Hershberg James*. Op. cit. P. 757–758.

[25] *Gowing Margaret*. Op. cit. P. 273–274.

британия и Соединенные Штаты, первым создаст супер-супер бомбу, то мы окажемся в ужасном положении ⟨...⟩.

В ответ на нестандартную ситуацию, создаваемую появлением этого нового средства, мы предлагаем установить свободный обмен всей научной информацией по этому вопросу под эгидой международного механизма, который получил бы властные полномочия от той ассоциации наций, которая будет создана по окончании нынешней войны ⟨...⟩. Мы понимаем, что будет сильное сопротивление этому шагу, но мы считаем, что опасности для будущего планеты достаточно велики, чтобы такая попытка была оправдана"[26].

Энергичный Буш в феврале 1945 г. пишет еще один меморандум и направляет его в Белый Дом, в котором предлагает, чтобы в разрабатывавшемся тогда Уставе ООН было предусмотрено создание в рамках новой всемирной организации международного научного органа, который взял бы на себя обеспечение полного обмена информацией по всем научным вопросам, которые касались бы военных применений. При этом имелось в виду, что эвентуально ООН возьмет в свои руки контроль над всеми наиболее разрушительными видами вооружений[27]. Стимсон во многом разделял озабоченность ученых относительно перспектив гонки вооружений и их идею международного контроля и обращения к Советскому Союзу. 15 марта 1945 г. он сказал Рузвельту, что предстоит сделать выбор между, с одной стороны, политикой секретности и англо-американской монополией и, с другой, – политикой международного контроля, основанной на свободном обмене научной информацией[28]. Рузвельт выразил согласие, и Стимсон остался довольным разговором, но президент никаких действий не предпринял. Это была последняя встреча между президентом и военным министром[29].

Рузвельт до своей смерти, наступившей 12 апреля, так и не принял определенного решения на этот счет. Находясь под непрестанным воздействием противоборствующих сил, Рузвельт явно колебался. Он все больше задумывался над тем, не стоит ли поставить советского союзника в известность относительно завершающихся в США работах над созданием атомного оружия. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в ходе Ялтинской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г., во время встречи Рузвельта с Черчиллем в Ливадийском дворце

---

[26] Manhattan Engineer District Records, Harrison-Bundy Files, Folder N 69, National Archives. Wash. D.C. Цит. по: *Sherwin Martin*. Op. cit. P. 288.

[27] *Hewlett Richard G., Anderson, Jr. Oscar E.* A History of the United States Atomic Energy Commission. The New World, 1939/1946. University Park (PA): The Pennsylvania State Univ. Press, 1962. P. 333.

К сожалению, эта интересная идея не получила дальнейшего развития и в Уставе ООН нет положений о контроле над оружием массового уничтожения, а о разоружении вообще упоминается весьма лаконично. Речь в нем идет лишь о "регулировании вооружений" и о "возможном разоружении" (ст. 26 и 47).

[28] *Stimson Henry L., Bundy McGeorge*. On Active Service in Peace and War. N.Y.: Random House, 1947. P. 615–616.

[29] *Wyden Peter*. Op. cit. P. 128.

где находилась резиденция американского президента) Рузвельт спросил английского премьер-министра: "Не настал ли момент информировать Сталина о бомбе?" Черчилль ответил отрицательно, добавив, что такое предложение его просто "шокировало"[30]. Рузвельт не стал настаивать. В.М. Бережков, работавший в годы войны в секретариате В.М. Молотова, писал, что все разговоры в Ливадийском дворце прослушивались и докладывались Сталину[31]. По мнению Бережкова, Сталин, получавший по линии советской разведки регулярную информацию о прогрессе Манхэттенского проекта, уже тогда заключил, что Вашингтон и Лондон держали работы над бомбой в секрете, и, очевидно, считал, что они намереваются использовать это оружие в качестве средства давления на Советский Союз[32].

Весной 1945 г. Бор направил Рузвельту еще один меморандум, однако он попал на стол Бушу уже после смерти президента. В нем датский ученый поднимал вопросы, идущие уже дальше своего предложения о целесообразности информирования русских об атомной бомбе. Он писал, что в скором времени будут найдены способы, "упрощающие методы производства активных материалов и усиливающие их эффективность в такой степени, что это позволит любому государству, располагающему крупными промышленными ресурсами, овладеть силами разрушения, превышающими всякое воображение. Ввиду этого человечество окажется перед опасностью беспрецедентных масштабов, если в должное время не смогут быть приняты меры для упреждения гибельного соперничества в создании мощных вооружений и установления международного контроля за производством и применением разрушительных материалов". Ученый предлагал создать постоянный комитет экспертов при международной организации по поддержанию безопасности, который будет вести учет новых научно-технических открытий и рекомендовать соответствующие коррективы в методах контроля. По рекомендации этого комитета организация будет определять условия, на основании которых будет разрешаться промышленная эксплуатация источников атомной энергии, при надлежащих гарантиях недопущения образования из активных материалов взрывных устройств[33].

Можно предполагать, что соображения Бора были учтены в дальнейшем при подготовке американских планов международного контроля. А на более позднем этапе эти мысли нашли определенное отражение и при разработке системы гарантий МАГАТЭ[34].

Упорная и дальновидная деятельность Бора в пользу установления

---

[30] Churchill to Eden on March 15, 1945, Premier 3, Record N 139/6 at Public Records Office, Library of Congress. Wash. (D.C.), 1945. Цит. по: *Berezhkov V.* Op. cit. P. 12.

[31] Сам Бережков в Ялте не был, но этот факт подтвердил в беседе со мной один из присутствовавших на Конференции сотрудников советской делегации.

[32] *Berezhkov V.* Op. cit. P. 12.

[33] *Gowing Margaret.* Op. cit. P. 275–276.

[34] И после того, как работа Комиссии ООН по атомной энергии стала жертвой начавшейся "холодной войны", датский ученый продолжал свои усилия по сдерживанию гонки атомных вооружений: в 1948 г. он обращался со своими предложениями к государственному секретарю США Джорджу Маршаллу, в июне 1950 г. направил открытое письмо в ООН, а в 1956 г. еще одно открытое письмо генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду.

международного контроля была активно поддержана Бушем. 25 апреля 1945 г. он пишет специальному помощнику Стимсона Банди:

> "Несколько дней назад меня посетил д-р Бор. Вы хорошо знаете, что в недалеком прошлом при посредстве судьи Феликса Франкфуртера он имел беседу с президентом Рузвельтом о международных аспектах нашего специального проекта ⟨...⟩. Его заинтересованность в этой стороне дела целиком продиктована сильнейшим убеждением, что продуманный подход к международной политике в свете этой проблемы является абсолютно необходимым условием для благоприятного развития цивилизации, с чем я совершенно согласен".

Буш предложил создать специальный комитет для обсуждения послевоенных проблем, связанных с появлением атомного оружия, на который следовало бы пригласить Бора выступить с изложением своих взглядов[35].

В тот же день, 25 апреля, Стимсон впервые после смерти Рузвельта знакомил нового президента с ходом работ над атомной бомбой (судя по всему, Трумэн, будучи вице-президентом, не знал об этих работах[36]). Основной акцент в беседе с новым президентом он сделал на политических последствиях создания атомного оружия и на опасности в будущем распространения этого оружия. Стимсон представил Трумэну меморандум, в котором, в частности, писал:

> "⟨...⟩ Абсолютно очевидно, что мы не в состоянии сохранить за собой эти преимущества (обладание секретом атомной бомбы. – *Авт.*) на неопределенное время, так как:
>
> a) различные исходные данные, связанные с открытием секрета атомной бомбы и ее производством, хорошо известны многим исследователям во многих странах ⟨...⟩.
>
> b) хотя производство бомбы существующими сейчас методами требует огромных научных и промышленных усилий, а также сырьевых ресурсов, которые не являются неисчерпаемыми, но находятся в основном в руках США и Соединенного Королевства, очень вероятно, что в будущем более легкие и дешевые методы производства будут найдены учеными вместе с открытием более распространенных материалов. В результате весьма вероятно, что в дальнейшем бомба может быть изготовлена и малыми странами, и даже отдельными группами или в более короткий срок большой страной.
>
> ⟨...⟩ В результате можно предсказать, что в будущем мы придем к такому положению, когда атомная бомба может быть изготовлена тайно и использована внезапно и эффективно с огромной разрушительной мощью злоумышленно настроенной

---

[35] Harrison-Bundy Files. U.S. National Archives. Wash. (D.C.). Цит. по: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 49–50.

[36] *Holloway David.* Stalin & the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1994. P. 120; *Hershberg James.* Op. cit. P. 222.

страной или группой стран против ничего не подозревающей страны или группы стран, пусть даже более крупных по своей территории или по материальным ресурсам. С помощью атомного оружия даже очень сильная, но не ожидающая нападения страна может быть захвачена буквально в считанные дни значительно меньшей страной. Единственное государство, которое могло бы начать производство этого вида оружия через несколько лет, – это Россия.

⟨...⟩ Мир, принимая во внимание уровень морали и уровень технической оснащенности, в случае если развитие пойдет по этому пути, окажется заложником атомной бомбы. Другими словами, современная цивилизация может быть полностью уничтожена.

⟨...⟩ В свете наших сегодняшних подходов к данному роду оружия вопрос о совладении им с другими странами, включая и условия такого совладения, если вопрос будет решен положительно, становится главным вопросом нашей внешней политики. Следует также принять во внимание, что наша руководящая роль в войне и в производстве этого оружия налагает на нас определенные моральные обязательства, от которых мы не можем уклониться без того, чтобы не взять на себя очень серьезную ответственность за любые катастрофические последствия".

С удивительным проникновением в характер возможных последствий появления к тому времени еще даже не испытанного атомного оружия Стимсон писал об опасности распространения этого оружия. Он также отлично отдавал себе отчет в том, что проверка соглашения о международном контроле над атомной энергией создаст колоссальные проблемы. В своем меморандуме он указывал:

"Ни одна из систем контроля, которая рассматривалась прежде, не может быть признана адекватной нынешней ситуации и способной эффективно контролировать возникшую опасность. Как внутри любой страны, так и в межгосударственных отношениях установление контроля над этим оружием натолкнется на величайшие трудности и потребует таких далеко идущих прав на инспекцию и внутренний контроль, о которых мы ранее никогда и не помышляли"[37].

Судя по записи беседы, сделанной присутствовавшим на ней генералом Гровсом, Трумэн, видимо, никак не реагировал на соображения, высказанные Стимсоном относительно международного контроля, но полностью поддержал атомный проект и производимые на него расходы[38].

С одобрения Трумэна в мае Стимсоном был создан Временный комитет (Interim Committee), в состав которого, помимо Стимсона, вошли

---

[37] *Stimson Henry L., Bundy McGeorge*. Op. cit. P. 635–636.

[38] Manhattan Engineer District Records, Commanding General's File N 24. Tab. "D". National Archives. Цит. по: *Sherwin Martin*. Op. cit. P. 293–294.

Джеймс Бирнс, директор Управления военной мобилизации и будущий государственный секретарь, Буш, Конэнт, генералы Маршалл и Гровс, ученые Оппенгеймер, Ферми, Лоуренс и другие, для подготовки решений, связанных с завершением работ над атомной бомбой, применением ее, подготовкой атомного законодательства, а также для рассмотрения послевоенных последствий создания атомного оружия, включая вопрос о контроле над ним.

Тем временем сторонники установления международного контроля над атомной энергией продолжали активно отстаивать преимущества своего подхода. В конце мая Лео Сцилард встречался с Бирнсом, но без какого-либо успеха. В июне в чикагской Металлургической лаборатории, где под руководством Энрико Ферми в декабре 1942 г. заработал первый атомный "котел", было создано несколько комитетов для подготовки рекомендаций правительству относительно послевоенной политики по атомным вопросам.

Комитет по социально-политическим последствиям, возглавлявшийся лауреатом Нобелевской премии Джеймсом Франком, в работе которого принимал участие Лео Сцилард, в своем докладе от 11 июня (известном как "доклад Франка") подчеркнул три основных момента: 1) политикой секретности США не смогут избежать гонки атомных вооружений; 2) наибольшую надежду на обеспечение национальной и международной безопасности будет создавать установление международного контроля над атомной энергией; 3) желательно избежать военного использования атомной бомбы против Японии и вместо этого продемонстрировать ее разрушительную мощь над необитаемым островом или пустыней[39].

Назначенный Стимсоном Временный комитет провел свои заседания в спорах. Бирнс и Гровс решительно отстаивали политику секретности, тогда как Буш, Конэнт и, особенно, Оппенгеймер выступили за то, чтобы сообщить русским о бомбе раньше, чем она будет применена, и предложить совместную разработку международного контроля. Бирнс же на заседании Временного комитета отстаивал ту точку зрения, что американское обладание бомбой сделает Россию более покладистой в Восточной Европе[40]. В итоге победила точка зрения Бирнса, фактически представлявшего в комитете президента, и было решено сохранить в секрете от Советского Союза сведения о бомбе, пока она не будет сброшена на Японию.

Представляет интерес мнение государственного секретаря США в 60-х годах Дина Раска, обычно придерживавшегося осторожных и консервативных суждений, который, правда уже задним числом, высказывал сожаление, что в период Манхэттенского проекта не было уделено должного внимания рассмотрению политических аспектов атомной бомбы. В своих мемуарах, опубликованных в 1990 г., он писал:

> "⟨...⟩ Мы совершили ошибку с самого начала Манхэттенского проекта. Нам следовало бы создать специальную политическую

---

[39] *Seaborg Glenn T.* with *Loeb Benjamin S.* Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington (MA); Toronto: Lexington Books, 1987. P. 60. (Далее – *Seaborg Glenn T.*).

[40] *Hewlett Richard G., Anderson, Jr. Oscar E.* Op. cit. P. 355.

группу для рассмотрения последствий применения бомбы. К сожалению, те, кто понимал дело и был знаком с Манхэттенским проектом, – Рузвельт, Стимсон и немногие другие – были слишком заняты военными усилиями, чтобы сфокусировать внимание на долговременных последствиях создания ядерного оружия. Такая группа могла бы и не повлиять на результат – в отношении либо Хиросимы, либо последовавшей за нею гонки вооружений, но уж во всяком случае мы просчитали бы все возможные варианты"[41].

2. НАЧАЛО АТОМНОЙ ЭРЫ

Официально атомная эра началась 16 июля 1945 г. первым испытанием американской атомной (плутониевой) бомбы в районе Аламогордо (штат Нью-Мексико). Трумэн был поставлен в известность об успешном испытании во время Потсдамской конференции трех руководителей антигитлеровской коалиции (17 июля–2 августа)[42].

Американский президент, прежде чем информировать Сталина об атомной бомбе, отрепетировал свой разговор с ним со Стимсоном, госсекретарем Бирнсом и Черчиллем. Было решено прямо не говорить об *атомной* бомбе, дабы избежать возможных вопросов Сталина о дальнейшей судьбе этого оружия. Разговор состоялся 24 июля после окончания вечернего заседания конференции. Существует несколько версий того, как проходила беседа Трумэна со Сталиным.

Согласно одной из версий, Трумэн, подойдя к Сталину без своего переводчика[43] и полагаясь на перевод русского переводчика, "как бы невзначай" упомянул, что США "располагают оружием необычайной разрушительной силы". В своих мемуарах Трумэн потом напишет: «Русский премьер не проявил особого интереса. Все, что он сказал, это то, что он был рад услышать об этом и надеется, что мы "хорошо воспользуемся этим оружием против японцев"»[44]. Черчилль в своих мемуарах вспоминал: "Лицо Сталина оставалось веселым и радушным. Я находился примерно в пяти метрах от них (Трумэна и Сталина), наблюдая с большим вниманием за историческим разговором. Я заранее знал, как будет действовать президент. Главное было оценить, какой эффект его слова произведут на Сталина. Я вижу его лицо, как будто это было вчера. Казалось, что он

---

[41] *Rusk Dean.* As I Saw It. N.Y.: Penguin Books, 1990. P. 122.

[42] Трумэн добивался откладывания начала Потсдамской конференции, с тем чтобы использовать испытание бомбы в своей дипломатической игре. Это был, в сущности, первый акт "атомной дипломатии" (*Hewlett Richard, Anderson Oscar.* Op. cit. P. 360).

[43] Помощник госсекретаря Чарльз Болен, который был переводчиком Трумэна, писал позднее американскому историку Г. Файсу: "Как я себе представляю и как мне помнится, хотя я и не могу припомнить никаких особых замечаний президента на этот счет, он хотел, чтобы сказанное им было воспринято как абсолютно непреднамеренная реплика, и поэтому, оставив меня, своего переводчика, позади, он приблизился к Сталину во время короткого перерыва или в конце заседания, с тем чтобы и сделать это. Важно отметить, что не я переводил сказанное президентом и поэтому не слышал, что он говорил" (Library of Congress. Washington, D.C. Herbert Feis Papers. Box 14. Charles Bohlen to Feis. 1960, Jan. 25. Цит. по: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 121–122).

[44] *Truman Harry S.* Memoirs. Vol. 1: 1945. Year of Decision. N.Y.: Signet Books, 1965. P. 458.

был восхищен. Новая бомба! Чрезвычайной мощи! Вероятно, приведет к скорому решению войны с Японией! Какая удача!"

Но вот Иден, который вместе с Черчиллем наблюдал за разговором также с расстояния нескольких метров, писал в своих мемуарах, что Сталин просто кивнул головой и сказал: "Благодарю Вас", никак не комментируя сообщение Трумэна[45]. Переводчик Сталина В.Н. Павлов, переводивший разговор, в интервью советскому историку, а в прошлом ответственному сотруднику МИДа В.Г. Трухановскому в основном подтвердил рассказ А. Идена, и, как он припоминает, Сталин вообще ограничился легким кивком головы, и слово "спасибо" произнесено не было[46].

По мнению ряда историков, Трумэн и Черчилль были убеждены, что Сталин не сознавал, что речь идет об *атомной* бомбе. Но воспоминания советских участников Потсдамской конференции определенно свидетельствуют: Сталин отлично знал, что Трумэн имел в виду атомное оружие. Более того, он еще до отъезда на Потсдамскую конференцию располагал информацией, полученной через советскую разведку, о готовящемся ядерном взрыве в штате Нью-Мексико[47].

Маршал Г.К. Жуков вспоминает:

> "⟨...⟩ В ходе конференции после одного из заседаний глав правительств Г. Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомной.
>
> В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И.В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждали, что, вероятно, И.В. Сталин не понял значения сделанного ему сообщения.
>
> На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Сталин *в моем присутствии* (выделено мною. – *Авт.*) рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал:
>
> – Цену себе набивают.
>
> И.В. Сталин рассмеялся.
>
> – Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы"[48].

---

[45] *Eden Anthony*. The Reckoning. Boston: Houghton Mifflin, 1965. P. 635.

[46] *Трухановский В.Г.* Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М.: Междунар. отношения, 1985. С. 23.

[47] Во время встречи с советским агентом Голдом ("Раймондом") в Санта-Фе в начале июня 1945 г. Клаус Фукс передал информацию, что атомное испытание намечено на середину этого месяца. Он сообщил, что, как ожидалось, мощность взрыва составит около 10 тыс. т тринитротолуола. 19 сентября он информировал, что присутствовал при испытании первой атомной бомбы (*Феклисов А.С.* Подвиг Клауса Фукса // Воен.-ист. журнал. 1990. № 12. С. 26; *Феклисов А.* За океаном и на острове. Записки разведчика. М.: ДЭМ, 1994. С. 149. О том, что Сталин знал о предстоящем испытании, писали и американские историки. См.: *Wyden Peter*. Op. cit. P. 226; *Holloway David*. Op. cit. P. 117.

[48] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. М.: АПН, 1974. Т. 2. С. 418.

Примерно сходные воспоминания оставил А.А. Громыко, тогдашний посол в США:

"24 июля после окончания заседания, когда Сталин направился к выходу, президент США задержал его и сказал:

– Я хотел бы сделать конфиденциальное сообщение.

Сталин остановился, а Трумэн сообщил ему следующую информацию:

– Соединенные Штаты создали новое оружие большой разрушительной силы, которое мы намерены применить против Японии.

Эту информацию Сталин принял к сведению спокойно, не проявив каких-либо эмоций. Американский президент, как стало известно позже, был немало разочарован такой реакцией советского руководителя.

Черчилль с волнением ожидал окончания разговора Трумэна со Сталиным. И когда он завершился, английский премьер поспешил спросить президента США:

– Ну как?

Тот ответил:

– Сталин не задал мне ни одного уточняющего вопроса и ограничился лишь тем, что поблагодарил за информацию".

Далее, продолжает Громыко:

"⟨...⟩ Сталин незамедлительно из Потсдама дал советскому ученому-физику И.В. Курчатову указание ускорить дело с созданием атомной бомбы, которое стало мощным импульсом для всего комплекса работ в нашей стране"[49].

Посол СССР в США в 1960–1980 гг. А.Ф. Добрынин, не присутствовавший на Потсдамской конференции, пишет в своих мемуарах, что после разговора с Трумэном Сталин позвонил Курчатову и приказал ему ускорить работы. Курчатов стал жаловаться на то, что он сталкивается с трудностями: требуется огромное количество электроэнергии, которой не хватает; недостаточно тракторов для расчистки площадок в сибирских лесах для строительства атомных предприятий. "Сталин, – продолжает Добрынин, – тут же принимает решение: во-первых, просто отключить свет в нескольких крупных населенных районах, оставив электроснабжение только для заводов, и переключить электроэнергию на атомный проект, и, во-вторых, предоставить в распоряжение Курчатова две танковые дивизии, с тем чтобы танки использовались в качестве тракторов для расчистки площадок"[50].

Вряд ли в ходе данного разговора Курчатов затрагивал такие конкретные и тем более технические вопросы, поскольку атомный проект только начинался и находился на стадии научно-исследовательских и лабо-

---

[49] *Громыко А.А.* Памятное. М.: Госполитиздат, 1988. Кн. 1. С. 221.

[50] *Dobrynin Anatoly.* In Confidence. Moscow's Ambassador to Six Cold War Presidents (1962–1986). N.Y.: Times Books, Random House, 1995. P. 23.

раторных работ, так что Добрынин, видимо, имел в виду последующие разговоры вокруг проблем создания инфраструктуры атомной промышленности.

Состоявшийся в Потсдаме 24 июля разговор между Трумэном и Сталиным (если только его можно назвать разговором) имел важное историческое значение. "Сталин, – как верно отмечает американский историк Герберт Файс, – был способен скрыть любое проявление того, что ему известно, и подавить любой возникающий признак того, что дипломатический и военный баланс между Западом и Советским Союзом может быть поколеблен новым оружием"[51]. Именно этот разговор дал мощный стимул развертыванию советской атомной программы.

3. ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА СТИМСОНА

После бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, зная о последствиях применения атомного оружия, и после капитуляции Японии Стимсон, собираясь уже в отставку с поста военного министра, предпринял еще одну и последнюю попытку продвинуть решение вопроса о международном контроле над атомной бомбой. Стимсон пришел к определенному выводу о необходимости договориться об этом в первую очередь напрямик с Советским Союзом. 11 сентября 1945 г. он направляет Трумэну меморандум, написанный при содействии своего заместителя Джона Макклоя, в котором настойчиво призывает его предпринять "прямое" обращение к Советам:

> "Такое обращение, – писал Стимсон, – могло бы в более конкретном плане повести к предложению о прекращении нами работ над дальнейшим усовершенствованием и производством бомбы в качестве оружия войны при условии, что русские и британцы поступят аналогичным образом".

Далее следует наиболее важная, на наш взгляд, часть меморандума:

> "Я считаю, возможно, самым главным из всех иных соображений, чтобы это обращение к России было сделано как предложение США, поддержанное Великобританией, но, прежде всего, как предложение США. Действия какой-либо международной группы государств, включающей множество малых стран, которые не проявили потенциальной силы или ответственности в этой войне, не будут, по моему мнению, серьезно восприняты Советами".

Свой меморандум Стимсон завершил словами:

> "Главный урок, который я усвоил за свою долгую жизнь – это то, что единственный способ сделать человека заслуживающим доверия, – доверять ему, а самый верный способ сделать его недостойным доверия – не доверять ему и выказать ему свое недоверие"[52].

Первоначальная реакция Трумэна на соображения Стимсона была как

---

[51] *Feis Herbert*. The Atomic Bomb. Princeton, 1970. P. 102.
[52] *Stimson Henry, Bundy McGeorge*. Op. cit. P. 645.

будто положительной. Однако его новый государственный секретарь Джеймс Бирнс был ярым сторонником сохранения американской атомной монополии. Но самая резкая оппозиция плану Стимсона исходила от министра Военно-морского флота (и будущего министра обороны) Джеймса Форрестола. Обсуждение меморандума Стимсона состоялось 21 сентября, в день, когда ему исполнялось 78 лет, и это был его последний день на посту военного министра: он уходил в отставку.

Заместитель госсекретаря Дин Ачесон (Бирнс был в Лондоне на СМИДе – Совете министров иностранных дел, учрежденном на Потсдамской конференции для подготовки мирных договоров с бывшими вражескими государствами и решения других вопросов послевоенного урегулирования) поддержал Стимсона, но, как позднее писал в своих мемуарах, "обсуждение не дошло до существа предмета"[53]. Заседание не привело к какому-либо окончательному решению, и Трумэн попросил участников в письменной форме изложить свои мнения.

Ачесон направил президенту 25 сентября совершенно секретный меморандум, в котором писал, что "политика секретности бесполезна и опасна". Далее в нем говорилось:

> "(1) Ученые придерживаются практически единодушного мнения, что теоретическая основа знаний (об атомной энергии) сейчас широко известна; исследования за границей могут приблизиться к нашему нынешнему уровню знаний в сравнительно короткий срок; промышленные разработки в иностранных государствах, например в Советском Союзе, могут сравниться с нашим нынешним уровнем приблизительно через пять лет; малоперспективно разрабатывать эффективные средства обороны от бомбы. ⟨...⟩
>
> (4) Совместное развитие в настоящее время этого открытия (атомной энергии) вместе с Англией и Канадой должно восприниматься Советским Союзом как бесспорное свидетельство англо-американских комбинаций, направленных против него. По мнению СССР, много и других доказательств этого.
>
> (5) Невозможно представить, что такое могущественное и стремящееся к усилению своего могущества государство, как Советский Союз, не примет энергичные меры для исправления ситуации. Советское правительство должно будет предпринять и предпримет все усилия к тому, чтобы восстановить ту утрату своей мощи, которая явилась результатом этого открытия. Если мы попытаемся вести политику его отторжения, то в атмосфере подозрительности и вражды оно будет действовать именно так, что приведет к усугублению всех нынешних трудностей между нами. Если мы объявим себя попечителями развития (этой энергии) на благо всего мира, то с точки зрения русского менталитета это будет не что иное, как открытая политика отторжения.
>
> (6) Как представляется, идет процесс углубления разногласий с Советским Союзом по всем направлениям. И тем не менее я не

[53] *Acheson Dean.* Present at the Creation. My Years in the State Department. N.Y.: Norton & Co, 1969. P. 123.

вижу, почему основные интересы двух наций должны вступать в конфликт. Долгосрочное взаимопонимание, основанное на твердости, откровенности и взаимном признании основных интересов друг друга, мне представляется невозможным, если англо-американцы будут проводить политику исключения России из атомного развития. Если это окажется невозможным, то упорядоченного мира не будет, а наступит вооруженное перемирие.

(7) Вопроса о том, стоит или не стоит пытаться иметь программу взаимного обмена информацией и сотрудничества с Советским Союзом, нельзя избежать путем внесения в Организацию Объединенных Наций предложений о контроле. ООН не может действовать в этой области без соглашения между Соединенными Штатами, Соединенным Королевством и СССР. Такое соглашение, если его нужно будет достичь, должно быть предпринято напрямую, а не путем дополнительных осложнений, если мы с самого начала вовлечем еще пятьдесят или больше стран ⟨...⟩"

Ачесон рекомендовал предпринять обращение к Советскому Союзу после обсуждения с англичанами, как это требуется имеющимися с ними соглашениями, "с целью выработки программы взаимного обмена научной информацией и сотрудничества в разработке атомной энергии"[54].

Здесь приведены столь пространные выдержки из меморандума Ачесона, учитывая весьма трезвые и дальновидные суждения заместителя госсекретаря, который неплохо понимал, к чему может привести иная, чем он рекомендовал, политика в отношении Советского Союза по атомной проблеме. Сходной с Ачесоном точки зрения придерживались Буш[55] и министр торговли Генри Уоллес.

Однако Объединенный комитет начальников штабов высказался за то, чтобы Соединенные Штаты "сохранили в настоящее время все существующие секреты, касающиеся атомного оружия"[56]. В докладе, подготовленном специалистами по новому оружию для Объединенного комитета, говорилось: "Самым серьезным для нас последствием создания атомного оружия является то, что, окажись такое оружие в руках других государств, оно в огромной степени ослабит безопасность континентальных Соединенных Штатов". В докладе предлагалось "поддерживать высочайший уровень секретности в отношении атомной бомбы и не передавать эти секреты никакому государству или Организации Объединенных Наций"[57].

Бирнс также решительно выступил против раскрытия атомных секретов Советскому Союзу и за передачу атомной проблемы в ООН,

---

[54] The Under Secretary of State. Memorandum Requested by the President. September 25, 1945. Nuclear Non-Proliferation. National Security Archive (в дальнейшем – NSA) and Chadwyck-Healey. Wash. (D.C.). No. 00003.

[55] Memorandum by the Director of the Office of Scientific Research and Development. September 25, 1945. NSA. No. 00004.

[56] Memorandum by William D. Leahy, Fleet Admiral, Commander in Chief of the Army and Navy. 23 October 1945. NSA. No. 00006.

[57] Overall Effect of Atomic Bomb on Warfare and Military Organization. Report by the Joint Strategic Survey Committee. 30 October 1945. NSA. No. 00007.

очевидно рассчитывая на то, что в этой организации не придется делиться конкретной информацией об атомном оружии и все дело можно будет потопить в бесконечных дискуссиях. Как писал Макджордж Банди, "для Бирнса, а также и для Трумэна, идея комиссии ООН была способом двигаться вперед, избегая решения трудных вопросов"[58]. Трумэн поддержал Бирнса и военных.

Что касается английского лейбористского правительства, то первоначально Клемент Эттли считал, что в атомных делах он, Трумэн и Сталин должны "совместно держать совет". Однако к ноябрю Великобритания была готова к тому, чтобы приступить к созданию собственной бомбы, и он решил, что "мы все должны отложить в сторону свои националистические идеи" и направить проблему атомной энергии на рассмотрение Организации Объединенных Наций[59].

В итоге предложение о передаче атомной проблемы в ООН было поддержано правительством Эттли, хотя еще в августе британский премьер считал, что единственным курсом, который давал бы надежду, были бы "совместные действия США, Соединенного Королевства и России, основанные на действительно реальном подходе к делу". Что же привело к изменению английского подхода? Банди приходит к выводу, что осенью 1945 г. в Лондоне созрела мысль о необходимости создания собственной, британской атомной бомбы. Он приводит следующие слова английского премьер-министра: "Я должен сказать президенту, что мы, естественно, заинтересованы в развитии атомной энергии и в качестве средства самообороны, и в качестве источника промышленной мощи"[60].

Позднее Эттли вспоминал: "Все это время мы добивались неуклонного прогресса в исследовательской работе и в конструировании (бомбы) в Англии. И эти работы не испытывали затруднений из-за нехватки денег. Я стремился к полному сотрудничеству с Соединенными Штатами, но не мог согласиться на то, чтобы Англия оказалась в полной зависимости в этой области от своих друзей за океаном"[61].

4. СОВЕТСКИЙ АТОМНЫЙ ПРОЕКТ

Сталину стало совершенно очевидно: разрушение Хиросимы и Нагасаки американскими атомными бомбами подтвердило имевшиеся в его распоряжении данные, что США на деле обладают невиданной доселе мощью – ядерным оружием. Оно воочию показало, что Соединенные Штаты в состоянии распоряжаться этим оружием в качестве инструмента преобладающей силы и могут угрожать планам социалистического строительства в СССР, сохранению советского государства как великой державы, а также препятствовать распространению коммунистического влияния в мире. Сталину, советскому руководству было ясно, что Советский Союз должен как можно скорее положить конец монополии Соединенных

---

[58] *Bundy McGeorge*. Danger and Survival. N.Y.: Random House. 1988. P. 147.

[59] *Chace James*. Sharing the Atom Bomb // Foreign Affairs. 1996. Jan./ Feb. P. 137.

[60] *Bundy McGeorge*. Op. cit. P. 154–155.

[61] *Attlee Clement*. As it Happened. N.Y., 1954. P. 288. Цит. по: *Трухановский В.Г.* Указ. соч. С. 41.

Штатов на ядерное оружие и создать в противовес США свою собственную атомную бомбу.

В последнее время появилась довольно обширная литература, рассказывающая на основе рассекреченных материалов о том, как начинались атомные работы в СССР[62]. Поэтому ограничимся здесь только основными фактами.

Ядерная физика в Советском Союзе сделала большие успехи еще до начала второй мировой войны. В 1940 г. Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон пришли, в принципе, к тем же выводам, которые Отто Фриш и Рудольф Пайерлс сформулировали в своем известном меморандуме от апреля 1940 г.: имея десятикилограммовую массу урана-235, можно сделать бомбу огромной разрушительной силы. Существует мнение, что расчеты Зельдовича и Харитона были более точными, чем вычисления Фриша и Пайерлса[63].

В 1942 г. были сделаны первые шаги к началу работ по овладению атомной энергией. Толчком к этому послужили предложения самих советских ученых (в частности, известное письмо, направленное Сталину в середине 1942 г. физиком-атомщиком Г.Н. Флеровым, открывшим до войны совместно с К.А. Петржаком явление самопроизвольного деления ядер урана), и сведения, полученные разведкой, главным образом от немецкого ученого антифашиста Клауса Фукса – участника атомных исследований в Англии и США, который осенью 1941 г. добровольно предложил передавать Советскому Союзу данные об атомных работах на Западе[64] (в обобщенном виде они были доложены Сталину в записке Л.П. Берии от 10 марта 1942 г.[65]).

О том, как начиналась эпопея борьбы за освоение атомной энергии, рассказывает заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР М.Г. Первухин в своих воспоминаниях. В 1942 г. В.М. Молотов пригласил его к себе и ознакомил со сведениями, полученными от иностранных ученых. После изучения их Первухин предложил Молотову пригласить группу специалистов для оценки этих данных. По рекомендации директора Ленинградского физико-технического института А.Ф. Иоффе были вызваны молодые ученые И.В. Курчатов, А.И. Алиханов и И.К. Кикоин, которые дали положительную оценку достоверности полученных сведений и подготовили письменное заключение с предложением организовать широкие работы по ядерной физике[66].

15 февраля 1943 г. было принято решение о создании Лаборатории № 2 АН СССР (известной также как лаборатория ЛИПАН) в целях

---

[62] См., например: Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат, 1995; *Круглов А.К.* Как создавалась атомная промышленность в СССР. М.: ЦНИИатоминформ, 1995; Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... Нижний Новгород; Арзамас-16; изд-во "Нижний Новгород", 1995; и др.

[63] *Холлоуэй Дэвид.* Некоторые соображения по ранним советскому, американскому, британскому и германскому проектам. Сообщение, сделанное на Международном симпозиуме "Наука и общество. История Советского атомного проекта (40–50-е годы)", Дубна, 14–18 мая 1996 г. М.: ИздАТ, 1997. Т. 1. С. 554.

[64] *Феклисов А.* За океаном и на острове...С. 144.

[65] Создание первой советской ядерной бомбы. С. 41–42.

[66] Первухин подготовил эти воспоминания для ознакомления Политбюро ЦК КПСС в мае 1967 г. См.: там же. С. 45.

раскрытия путей овладения энергией деления ядер урана и исследования возможности военного применения энергии урана. Начальником лаборатории был назначен Курчатов.

Однако в широких масштабах советский атомный проект развернулся лишь после окончания войны – после известного разговора Трумэна со Сталиным на Потсдамской конференции 24 июля 1945 г. и атомной бомбардировки Хиросима и Нагасаки.

20 августа 1945 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР образовал Специальный комитет под председательством Л.П. Берия и Первое Главное Управление (ПГУ) при СНК СССР во главе с Б.Л. Ванниковым для работ "по использованию внутриатомной энергии урана", а также "разработки и производства атомных бомб"[67].

Вскоре после принятия этих постановлений, решительно ускоривших атомные работы в Советском Союзе, состоялись первые контакты между руководителями внешнеполитических ведомств СССР и США, на которых они обменялись первыми пристрелочными "залпами" зарождающейся атомной дипломатии.

Уезжая в Лондон на Совет министров иностранных дел, открывавшийся 11 сентября, Бирнс, по замечанию Стимсона, "походил на человека, державшего, так сказать, бомбу в кармане брюк, как мощное орудие для решения стоявших проблем"[68]. Молотов тоже держал бомбу, но пока что только в уме. Вопрос об атомной энергии формально на повестке дня Лондонского СМИДа не стоял (он был посвящен послевоенному урегулированию и подготовке мирных договоров с бывшими вражескими государствами), но советский министр сам его затрагивал, правда, на дипломатических приемах, не раз как бы в шутку задавая госсекретарю один и тот же вопрос, не привез ли тот с собой "бомбу в кармане". По общему признанию, Молотов проводил на сентябрьском СМИДе жесткую линию, Бирнс отвечал ему тем же, и заседание Совета министров завершилось практически безрезультатно.

Однако более нюансированно в этот период держался с американскими представителями И.В. Сталин. В беседе с послом США Авереллом Гарриманом 26 октября, как докладывал посол своему госсекретарю, советский руководитель, "несмотря на ряд резких высказываний" в адрес администрации США, вел разговор в "спокойной и открытой манере". "У меня такое чувство, что он хотел бы уладить дела вместе с нами, но с большой подозрительностью относится к каждому нашему шагу, который он воспринимал как попытку оказать на него давление"[69].

Советское руководство, как следует из этого, стремилось вести дело таким образом, чтобы США, обладая атомной монополией, не могли извлечь из нее политические выгоды, пока Советский Союз отставал в развитии атомной энергии.

---

[67] Полный текст решения ГКО см.: Там же. С. 52–54.

[68] Дневники Стимсона, запись от 4 сентября 1945 г. Хранятся в Йельском университете. Цит. по: *Holloway David*. Stalin and the Bomb. P. 155.

[69] U.S. National Archives. General Records of the Department of State. Decimal File. 1945–49. RG. 59. Main File, 1945–49. Box 3428.711. 61/10-2624. Harriman to Secretary of State. 1945, Oct. 26. Цит. по: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 157.

5. СОЗДАНИЕ КОМИССИИ ООН ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Взяв курс на передачу вопроса об установлении международного контроля над атомной энергией в ООН, администрация США договорилась с правительствами Англии и Канады о принятии совместной декларации Трумэна, Эттли и Маккензи Кинга, в которой предлагалось создание Комиссии ООН по атомной энергии. Декларация была принята на совещании трех руководителей в Вашингтоне 15 ноября 1945 г. При этом имелось в виду, что пять постоянных членов Совета Безопасности и Канада возьмут на себя инициативу выступления с предложением на этот счет на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, намечавшейся на январь 1946 г.

> "4. ⟨...⟩ Мы в самом начале заявляем, – говорилось в декларации трех стран, – о нашей готовности, в качестве нашего первого вклада, приступить к обмену основной научной информацией и взаимному обмену учеными и научной литературой в мирных целях с любой страной, которая в полной мере захочет ответить тем же.
>
> 5. ⟨...⟩ В осуществление этой политики миру уже была предоставлена основная научная информация, необходимая для развития применения атомной энергии в мирных целях[70]. Наше намерение состоит в том, что со всей дальнейшей информацией такого характера, которая будет время от времени появляться, поступали бы подобным же образом ⟨...⟩.
>
> 6. ⟨...⟩ Мы не убеждены, что распространение специальной информации относительно практического применения атомной энергии до того, как будет возможно обеспечить эффективные, основанные на взаимности и претворяемые в жизнь гарантии, приемлемые для всех стран, поможет конструктивному решению проблемы атомной бомбы. Наоборот, мы считаем, что это могло бы иметь обратный эффект. Мы готовы, однако, поделиться на базе взаимности с другими Объединенными Нациями подробной информацией относительно практического промышленного применения атомной энергии, как только могут быть созданы эффективно претворяемые в жизнь гарантии против использования атомной энергии в разрушительных целях[71].
>
> 7. ⟨...⟩ Мы придерживаемся мнения, что следует как можно

---

[70] Имеется в виду известный доклад Генри Смайса (Henry Smyth), опубликованный американским правительством 12 августа 1945 г. В нашей литературе его часто называют докладом Смита.

[71] По-видимому, это первое упоминание "гарантий" – "safeguards", которые в дальнейшем легли в основу международного контроля по "плану Баруха", а еще позднее – системы гарантий Международного агентства по атомной энергии. По замыслу авторов, гарантии шире понятия международного контроля, поскольку включают не только проверку и инспекции на местах, но и меры обеспечения соблюдения соглашений, вплоть до принятия "коррективных" мер соответствующим международным органом и принудительных мер через Совет Безопасности ООН. При этом, что немаловажно, термин "гарантии" не имеет столь одиозной коннотации, как "контроль", который отдельные страны, включая Советский Союз, приравнивали к вмешательству в свои внутренние дела.

скорее учредить Комиссию ООН для подготовки рекомендаций для Организации. ⟨...⟩.

8. Работа комиссии должна проводиться по отдельным этапам, успешное завершение каждого из этих этапов будет развивать необходимое доверие во всем мире до того, как будет начат следующий этап. В частности, считается, что комиссия вполне могла бы уделить свое внимание сначала широкому обмену учеными и научной информацией и на втором этапе – достижению полного ознакомления с естественными ресурсами сырьевых материалов"[72].

В трехсторонней декларации, таким образом, уже определялись основные параметры позиции западных держав по атомной энергии в ООН, а именно, акцент делался на установление контроля в рамках этой организации и на поэтапное решение атомной проблемы.

Бирнс 23 ноября предложил, чтобы следующее заседание Совета министров иностранных дел состоялось в Москве. Он явно спешил убедить советское правительство поддержать предложение западных стран передать атомную проблему в ООН. На московском СМИДе (16–27 декабря 1945 г.) Бирнс 18 декабря передал Молотову и английскому министру иностранных дел Эрнесту Бевину (который, как заявил на заседании госсекретарь, уже был знаком с документом) предложения США относительно учреждения органа ООН по атомной проблеме. В конкретном плане имелось в виду создание Комиссии ООН по атомной энергии, при этом предлагалось, чтобы пять постоянных членов Совета Безопасности совместно с Канадой "взяли на себя инициативу выступления с предложением в этом смысле" на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в январе 1946 г.

Комиссия учреждалась бы Генеральной Ассамблеей в составе всех членов Совета Безопасности, а также Канады, если последняя не является членом Совета, и представляла бы свои доклады членам ООН, Совету Безопасности, Экономическому и Социальному Совету. В ее компетенцию входило бы внесение предложений о расширении обмена основной научной информацией в мирных целях; о контроле над атомной энергией для обеспечения ее использования исключительно в мирных целях; об изъятии из национальных вооружений атомного и других видов оружия массового разрушения; об эффективных гарантиях в виде инспектирования и других способах защиты государств, выполняющих условия соглашения, от опасностей, связанных с нарушениями и уклонениями[73].

Явно стремясь ускоренно решить вопрос, Бирнс и Бевин на заседании СМИДа 20 декабря вновь вернулись к вопросу о создании комиссии, но Молотов заявил, что советская делегация еще изучает предложение США. Лишь на заседании 22 декабря он объявил, что у него имеется свой встречный проект.

---

[72] The Department of State Bulletin. 1945: Vol. XIII, N 334, Nov. 18. P. 781–782.

[73] Архив Внешней Политики Российской Федерации. Ф. 0430, оп. 1, п. 1, д. 2, лл. 64, 68–71. (В дальнейшем – АВП РФ)

"Коротко говоря, – сказал Молотов, – суть вопроса заключается в том, что советская делегация присоединяется к предложению американской делегации о создании комиссии по атомной энергии. Советское правительство согласно также с тем, чтобы пять постоянных членов Совета Безопасности, совместно с Канадой, взяли на себя инициативу выступления с этим предложением на первой Ассамблее Организации Объединенных Наций в январе 1946 г.

Советское правительство предлагает внести одно изменение в американское предложение. Советское правительство предлагает, чтобы учреждаемая Организацией Объединенных Наций комиссия по атомной энергии была подчинена Совету Безопасности. Это соответствует Уставу Объединенных Наций, поскольку на Совет Безопасности возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности".

В предложенном Молотовым проекте прямо говорилось, что комиссия "будет состоять при Совете Безопасности и работать под его руководством"[74].

Быстро ознакомившись с советским проектом, Бирнс выразил "удовлетворение сотрудничеством со стороны советского правительства в этом серьезном вопросе" и сказал, что ему потребуется некоторое время для изучения советского текста[75].

Уже на следующий день, 23 декабря, Бирнс внес пересмотренный текст, который в немалой степени учитывал советское контрпредложение. США согласились с тем, чтобы комиссия представляла свои доклады Совету Безопасности, однако высказались против того, чтобы она **состояла** при Совете и работала **под его руководством.** Молотов настаивал на своем проекте. В ходе дальнейшего обсуждения Бевин, очевидно, по предварительной договоренности с Бирнсом (поскольку последний тут же его поддержал) предложил добавить, что Совет Безопасности будет иметь полномочия давать комиссии указания по вопросам, относящимся к безопасности[76]. Молотов принял суть этого предложения, и на следующем заседании 24 декабря, после внесения некоторых дополнительных изменений и уточнений, проект резолюции был согласован. Было также решено, что США, СССР и Англия обратятся к Франции и Китаю, а Англия – к Канаде с предложением стать соавторами проекта резолюции Генассамблеи[77].

Из архивных документов и имеющейся литературы, основанной на воспоминаниях современников, следует, что решение о создании Комиссии ООН по атомной энергии было принято без сколько-нибудь существенных

---

[74] Именно такой подход к предложению о создании комиссии ООН советовал Молотову занять заместитель наркома по иностранным делам М.М. Литвинов (который в это время практически уже был не у дел) в записке на имя народного комиссара от 29 ноября 1945 г. (АВП РФ. Ф. 06, оп. 8, п. 7, д. 91, лл. 1–3).

[75] АВП РФ. Ф. 0430, оп. 1, п. 1, д. 2, лл. 157, 166.

[76] АВП РФ. Ф. 0430, оп. 1, п. 1, д. 2, лл. 167–79, 187–88.

[77] Там же. Лл. 189– 91, 199–200.

споров. Предложение Советского Союза относительно большей привязки Комиссии к Совету Безопасности, в котором действует право вето постоянных членов, не встретило серьезных возражений со стороны западных держав. Все участники встречи, и особенно США, были удовлетворены тем, что проблема атомной энергии передается на рассмотрение только что созданной международной организации. Бирнс не скрывал своего удивления по поводу быстро принятого решения. Русские, писал он, были неожиданно приветливы и чинили "меньше трудностей по поводу предложения о создании комиссии по атомной энергии, чем я предполагал"[78]. Другой участник московского совещания – Джеймс Конэнт был того же мнения: "К большому удивлению всех присутствующих русские не спорили и не вступали в полемику", – писал он Ванневару Бушу[79].

В тот период было много эйфории по поводу учреждения всемирной организации по поддержанию мира, и все же представляется, что главной предпосылкой и подоплекой столь быстро достигнутого согласия было общее для всех трех правительств понимание того, что передача вопроса в ООН никак не помешает национальным планам строительства и развития атомных инфраструктур в их соответствующих странах, а главное, производству атомного оружия. Как справедливо считает Дэвид Холлоуэй, Сталин и Молотов "вряд ли могли ожидать большой пользы от Комиссии ООН"[80]. Тремя державами, по всей вероятности, как раз предполагалось, что дискуссии в ООН по вопросам атомной энергии будут даже удобными с точки зрения камуфлирования их подлинных намерений относительно дальнейшего строительства своей атомной промышленности.

В ходе московского СМИДа имел место любопытный эпизод, приоткрывающий линию Сталина в его отношениях с США по атомной проблеме. Если при первом официальном известии от США об атомной бомбе, хотя и сообщенном в завуалированной форме во время Потсдамской конференции, он отреагировал на него весьма туманно и неопределенно, то теперь, после того как в конце августа было принято чрезвычайное решение о скорейшем создании советской атомной бомбы, Сталин уверенно и даже демонстративно заговорил о значении атомной энергии.

В архиве МИД РФ хранится документ, врученный Бирнсом Молотову 26 декабря:

> "Генералиссимус Сталин послал через доктора Конэнта свои самые сердечные поздравления американским ученым по случаю их достижений в деле получения атомной энергии. При этом он выразил надежду, что это открытие будет иметь большое значение для будущего не как орудие войны, а в связи с техническими проблемами промышленности в мирное время"[81].

Каких-либо пояснений по поводу этой записки Бирнса, переданной Молотову, в архиве МИД обнаружить не удалось. Нет данных и о том, как поздравление было передано госсекретарю и почему Сталин сделал

---

[78] *Byrnes James.* All in One Lifetime. N.Y., 1958. P. 267–68.

[79] *Chace James.* Op. cit. P. 137.

[80] *Holloway David.* Op. cit. P. 158.

[81] АВП РФ. Ф. 0430, оп. 1, п. 2, д. 17, л. 8.

это без предварительного ознакомления с ним Молотова. Однако некоторый свет на это проливает исследование Адама Улама "Сталин как личность и его эпоха", опубликованное в 1989 г., и уже цитировавшиеся монографии Дэвида Холлоуэя и Джеймса Хершберга.

Джеймс Конэнт участвовал в московском СМИДе в качестве научного советника американского госсекретаря и надеялся познакомиться с советскими учеными-атомщиками и выступить с лекцией перед студентами МГУ по проблеме атомной энергии, но не получил разрешения от советского руководства. Как-то во время дипломатического приема Молотов снова стал подшучивать над американцами, как он делал это в Лондоне, на этот раз над Конэнтом: не привез ли и тот в своем кармане атомную бомбу. Сталин резко прервал наркома иностранных дел: не пристало шутить над достижениями американской науки и произнес тост в честь научных успехов западных ученых. При этом он сказал: "Мы должны работать совместно, чтобы это великое открытие было использовано для мирных целей"[82].

По мнению Улама, Сталин явно не хотел показать, что он каким-то образом озабочен появлением у США атомного оружия[83]. В американской делегации существовало мнение, разделявшееся и Конэнтом, что, Сталин, возможно, инсценировал весь эпизод[84]. Судя по всему, Сталин посчитал необходимым и в письменной форме зафиксировать свое понимание, что научные достижения в атомной области – дело важное, если они направлены на мирные цели. Не в последнюю очередь Сталин, возможно, хотел создать перед западными странами впечатление, что широко разворачивавшиеся тогда в Советском Союзе работы по атомной проблеме, о чем те не могли не знать, преследуют "мирные цели".

Резолюция Генеральной Ассамблеи была принята по предложению шести государств – США, СССР, Англии, Франции, Китая и Канады 24 января 1946 г. Это было первое по счету решение ООН. В компетенцию Комиссии ООН по атомной энергии входила подготовка предложений:

"a) относительно распространения между всеми странами обмена основной научной информацией в мирных целях;

b) относительно контроля над атомной энергией, в объеме, необходимом для обеспечения использования ее только в мирных целях;

c) относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения;

d) относительно эффективных мер предосторожности, путем обследования и применения других методов для защиты государств, соблюдающих соглашения, от возможных нарушений и уклонений"[85].

---

[82] *Hershberg James G.* James B. Op. cit. P. 255.

[83] *Ulam Adam.* Stalin. The Man and his Era. Boston, 1989. P. 631–632.

[84] *Hershberg James.* Op. cit. P. 255.

[85] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1(I) от 24 января 1946 г.

6. АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН КОНТРОЛЯ ("ПЛАН БАРУХА")

После принятия Генеральной Ассамблеей ООН решения о создании Комиссии ООН по атомной энергии перед членами Комиссии, и прежде всего перед советским руководством и администрацией США, встала задача подготовки своих предложений к ее заседаниям.

В США комитет по подготовке предложений возглавил заместитель госсекретаря США Дин Ачесон. В комитет вошли Ванневар Буш, Джеймс Конэнт, Лесли Гровс и Джон Макклой. При комитете была образована группа консультантов во главе с Дэвидом Лилиенталем, который в период рузвельтовского "Нового курса" руководил строительством гидроэлектростанций на реке Теннесси, а позднее стал первым председателем Комиссии США по атомной энергии. В группу консультантов вошли ученые и специалисты, в том числе научный руководитель Манхэттенского проекта Роберт Оппенгеймер, который, по свидетельству Эдварда Теллера, играл самую активную и творческую роль в разработке американского плана и "практически сам подготовил предложение и убедил весь комитет в его эффективности"[86]. План был единогласно одобрен всеми членами комитета, включая Лесли Гровса (американские исследователи отмечали, что последний подписал его, считая, что русские никогда не согласятся на американское предложение), и представлен госсекретарю 16 марта и опубликован 28 марта 1945 г.[87] В литературе его принято называть "планом Ачесона–Лилиенталя".

В плане подчеркивалось, что поскольку основы использования атома широко известны, "сердцевина сложности проблемы – в соперничестве между государствами в развитии атомной энергии, которая легко может быть переключена на цели разрушения". Отсюда – вывод о необходимости создания сильного международного органа, который один только будет полномочен осуществлять деятельность, связанную с атомным оружием.

План предусматривал учреждение международного Органа по развитию атомной энергии (Atomic Development Authority – ADA) в качестве одного из вспомогательных агентств ООН, в функции которого входили бы:

В области сырьевых материалов – полный контроль над мировыми запасами урана и тория на правах владения или лизинга, при этом международный орган осуществлял бы их добычу.

По промышленным предприятиям – строительство и эксплуатация атомных реакторов и заводов по разделению изотопов (типа Хэнфордских и Окриджских).

Научно-исследовательская деятельность – международный орган осуществляет такую деятельность в том числе и в отношении атомных взрывных устройств, поскольку "исследования в области атомных взрывных устройств, возможно, выявят побочные результаты, которые окажутся полезными для мирной деятельности". Однако международный

---

[86] *Teller Edward.* Revival of the Baruch Plan (Unpublished memorandum prepared for the Lawrence Livermore National Laboratory). 1992. Jan. 29. P. 1. (Личный архив автора).

[87] A Report on the International Control of Atomic Energy, Department of State Publication 2498. Washington, D.C. Mar. 16, 1946.

орган не должен сдерживать, а, наоборот, "должен энергично поощрять исследования на национальном и частном уровне".

Лицензирование – международный орган, располагая собственностью на урановые и ториевые рудники и на производимые расщепляющиеся материалы, выдает лицензии на их использование.

Инспекционная деятельность – такая деятельность будет занимать "существенное место", дабы избегать "переключения и уклонения". Развитие атомной энергии и контроль за ее использованием должны быть "нераздельными" функциями.

Обращение в ООН, в частности в Совет Безопасности, будет осуществляться по решению международного органа. Возможно, будет желательно участие вооруженного персонала ООН для охраны атомных предприятий.

В докладе Ачесона–Лилиенталя подчеркивалось, что хотя "сегодня США располагают монополией на атомное оружие", такая монополия не может быть "перманентной". "Международный контроль подразумевает принятие с самого начала того факта, что наша монополия не может быть длительной". В сопроводительном письме на имя госсекретаря члены комитета Ачесона указывали на важность принятия "принципиальных решений высшей политики". Одно из таких решений будет касаться вопроса о том, "в течение какого периода времени Соединенные Штаты будут продолжать производство бомб. План не требует, чтобы США прекратили такое производство после внесения плана или начала деятельности международного органа. На каком-то этапе осуществления плана это потребуется". Ачесон исходил из того, что полная реализация плана потребует 5–6 лет[88].

По свидетельству Хершберга, конструктивную роль в разработке плана играл Конэнт. Он добивался, чтобы план "имел шанс быть принятым русскими", и считал, что "установление добрых отношений с Россией еще не является полностью безнадежным делом"[89].

Однако дальнейшие события приняли иной оборот. Уже в день представления доклада Бирнсу последний сообщил Ачесону, что Трумэн выбрал известного банкира Бернарда Баруха своим представителем в Комиссии ООН по атомной энергии с поручением, чтобы тот, как выразился один американский исследователь, "так сказать, продал план остальному миру".

Ачесон и Лилиенталь "были в ужасе". Ачесон пытался убедить госсекретаря не делать этого назначения, а Лилиенталь писал в своем дневнике: "Мне стало дурно. Нам нужен был молодой (Баруху исполнилось 75 лет), энергичный и честолюбивый человек, с тем, чтобы русские почувствовали, что он не будет стремиться загнать их в угол и не будет безразлично относиться к международному сотрудничеству. У Баруха эти свойства отсутствовали"[90].

Барух начал с того, что убедил Трумэна внести два радикальных

---

[88] *Hewlett, Richard G., Anderson Jr., Oscar E.* Op. cit. P. 548.
[89] *Hershberg James.* Op. cit. P. 265–266.
[90] *Chace James.* Op. cit. P. 140.

изменения в "план Ачесона–Лилиенталя": во-первых, на деятельность международного органа не будет распространяться правило единогласия постоянных членов Совета Безопасности (право вето), и, во-вторых, этот орган будет обладать полномочиями принятия принудительных мер против возможных нарушителей в обход Совета Безопасности, который по Уставу является единственным международным механизмом, располагающим такими полномочиями.

Как пишут американские исследователи Р. Хьюлетт и О. Андерсон, «Барух считал введение наказаний условием sine qua non. Он отлично понимал, что это может поставить Соединенные Штаты "в противоречие с правом вето", так как в качестве конечного наказания может оказаться необходимой война. Это означало изменение структуры ООН или создание контрольного органа в обход ООН». Барух представил президенту меморандум с изложением своих радикальных поправок к "плану Ачесона–Лилиенталя". Поправки Баруха были одобрены Трумэном: "Изложенные общие принципы одобряются. Гарри С. Трумэн. 7 июня 1946 года"[91].

Таким образом измененный американский план поэтапного установления международного контроля (получивший название "плана Баруха") был внесен Соединенными Штатами на первом заседании Комиссии ООН 14 июня 1946 г.

Можно без преувеличения утверждать, что "план Баруха" был заранее обречен на провал. Не будучи реалистичным, он, собственно говоря, и не был рассчитан на серьезный диалог. Сам Ачесон, вскоре ставший государственным секретарем США, считал, что выдвинутые Барухом условия были "обречены на неизбежный провал". "Незамедлительное, быстрое и безусловное наказание" нарушителей, о чем провозглашал Барух в своем выступлении в Комиссии ООН, означало бы "войну", как сказал сам Барух американскому президенту[92].

Конэнт, несмотря на публичное приглашение Баруха и уговоры Бириса, отказался войти в состав делегации США в Комиссии ООН. В письме Баруху накануне начала переговоров он предрекал, что все дело закончится катастрофическим провалом. "⟨...⟩ Этот план – ⟨...⟩ в высшей степени опасный курс действий, если мы не готовы вести превентивную войну. А после того, как мы выиграем войну, то что тогда?"[93]

Даже Трумэн позднее признавался своему госсекретарю, что, выбрав Баруха, он совершил "самую серьезную ошибку, которую когда-либо делал"[94].

По воспоминаниям известного австралийского ученого Марка Олифанта, который был советником делегации Австралии и присутствовал на заседании Комиссии ООН при оглашении "плана Баруха", "многие неамериканцы увидели в нем *Pax Americana*, где Соединенные Штаты будут единственным обладателем ядерного оружия".

---

[91] *Hewlett, Richard G., Anderson Jr., Oscar E.* Op. cit. P. 573–574.

[92] *Chace James.* Op. cit. P. 141.

[93] *Hershberg James.* Op. cit. P. 269–271.

[94] Ibid. P. 141–142.

"В то время в ООН, – продолжает Олифант, – не практиковался одновременный перевод. В ходе длинного перевода речи Баруха на другие языки ген. Лесли Гровс, военный руководитель проекта по созданию атомной бомбы, подходил к тем, с кем был знаком, и радостно сообщал им, что русские никогда не примут план Баруха. А поскольку Америка не согласится ни на какой другой, одна Америка в течение длительного времени будет владеть ядерным оружием. Генерал Гровс был уверен, что Советы не смогут создать ядерное оружие менее чем за 10 или 20 лет"[95].

Оппенгеймер, по свидетельству Лилиенталя, вошел в состав делегации США в Комиссии ООН, чтобы довести до ее понимания фактическую сторону дела. Но с большим разочарованием обнаружил, что мало что может сделать в этом отношении. Он считал, что частично проблема состояла в том, что Барух и его команда просто не понимали плана. Кроме того, он увидел, что «озабоченность Баруха по поводу "наказания" и "вето" наделала много вреда, так что было мало обсуждения или даже вообще не было обсуждения существа плана». Но не меньше беспокойства вызывало у Оппенгеймера то, что ему не с кем было вести разговор с другой стороны. "Громыко, – писал в своих дневниках Лилиенталь, – не имел никаких полномочий для переговоров, а лица, которые могли бы иметь полномочия, не были известны, никто не мог установить с ними диалог и никто не мог быть уверен, что эти лица знали из первых рук, о чем вообще идет речь"[96].

Дин Раск, госсекретарь США при Джоне Кеннеди и Линдоне Джонсоне, считал, что

> «по "плану Баруха" мы, по-видимому, требовали от Советов слишком многого⟨...⟩. Наши предложения по "плану Баруха" и международному контролю шли дальше того, на что мы, американцы, вероятно, сами дали бы согласие, если бы оказались в положении русских. Лучшая проверка любой идеи – проверить, соответствует ли она взаимным интересам. Если бы Советы первыми разработали и применили ядерное оружие и внесли бы точно такое же предложение прежде, чем мы сами раскрыли бы секрет бомбы, очень маловероятно, чтобы президент Трумэн или конгресс приняли бы его. Хотя я сожалею, что мы не добились установления международного контроля в 40-х годах, мы не можем позволить себе проявлять ханжество в отношении советской непримиримости»[97].

Оппенгеймер считал, что предложения Баруха, в случае их принятия русскими, "означали бы отказ от прошлой советской политики и в определенной мере от основ советской политической теории", что было бы нереально[98].

---

[95] *Oliphant Mark.* Three Men and the Bomb // The Bul. of the Atomic Sceintists. 1989. Mar. P. 41.

[96] *Lilienthal David E.* The Journals of David E. Lilienthal. Vol. 2, N.Y.: Harper & Row, 1964. P. 69–70. Цит по: *Bundy McGeorge.* Op. cit. P. 170.

[97] *Rusk Dean.* Op. cit. P. 139.

[98] *Beckman R.L.* Nuclear Non-Proliferation. Congress and the Control of Peaceful Nuclear Activities. Boulder, (CO): Westview Press. 1985. P. 30.

А вот мнение о "плане Баруха" американского дипломата и историка Бернхарда Бечофера, который в 50-е годы в составе делегаций США принимал участие в различных переговорах о разоружении:

> «Содержащийся в "плане Баруха" подход к вето внес посторонний и ненужный элемент в переговорный процесс, позволивший Советскому Союзу занять позицию, благодаря которой он получил существенную поддержку за пределами своего блока. Позиция Баруха в отношении вето является экстремальным примером его изоляции от генеральной линии внешней политики США»[99].

Конечно, по большому счету стратегической подоплекой "плана Баруха" служил складывающийся новый послевоенный курс США в отношении Советского Союза, который в дальнейшем получил название политики "удерживания" СССР ("policy of containment")[100]. Официально Трумэн ее провозгласил в своем послании конгрессу в марте 1947 г. ("доктрина Трумэна").

Идеологической основой этой политики стали соображения, высказанные Кеннаном, советником посольства США в Советском Союзе, а позднее руководителем отдела внешнеполитического планирования госдепартамента и историком, в его известной "длинной" телеграмме, отправленной из Москвы в феврале 1946 г. и в дальнейшем, в июле 1947 г., опубликованной в виде статьи за подписью "X" в журнале "*Foreign Affairs*". На базе анализа советских идеологических установок о "непримиримости капитализма и социализма" и "неизбежности победы коммунизма во всемирном масштабе" Кеннан делал вывод о необходимости сдерживания "советского нажима" путем "умелого и бдительного применения мер противодействия" и о целесообразности рассматривать Советский Союз "в обозримом будущем" "в качестве соперника, а не партнера на политической арене". В то же время Кеннан писал о возможности и желательности оказания влияния на внутреннее развитие в Советском Союзе[101].

Шведский министр по разоружению Альва Мюрдаль так характеризовала политический курс США в тот период, когда складывался американский подход к контролю над атомными вооружениями: «⟨...⟩ "[П]лан Баруха" формировался в то время, когда внешняя политика США развивалась в сторону более националистической *realpolitik*»[102].

Уже в тот день, когда резолюция о создании Комиссии по атомной энергии принималась Генеральной Ассамблеей ООН, Пентагон объявил о плане проведения ядерных испытаний на атолле Бикини в Тихом океане, а через две недели после внесения "плана Баруха" там началась серия

---

[99] *Bechhoefer Bernhard G.* Postwar Negotiations for Arms Control. (D.C.): The Brookings Instit. Wash. 1961. P. 60.

[100] В нашей литературе ее чаще называют политикой "сдерживания".

[101] Foreign Affairs. 1947. July. P. 566–558.

[102] *Myrdal Alva.* The Game of Disarmament. How the United States and Russia Run the Arms Race. Nottingham Spokesman (UK): Spokesman: 1980. P. 73.

испытаний[103]. А тем временем в штабе ВВС США уже вынашивались идеи использования атомного оружия в качестве средства сдерживания через устрашение (deterrence). По мнению начальника штаба ВВС генерала Кэртиса Лемэя, угроза возмездия, подготовка к возмездию были бы достаточны для того, чтобы предупредить нападение на США[104].

Показательно также, что именно в это время конгресс США одобрил закон Макмагона 1946 г. (U.S. Atomic Energy Act of 1946), который имел далекоидущие международные последствия. "Он отражал чисто националистический подход к атомной энергии, закрепив политику секретности и отказа (secrecy and denial) и определив в качестве закрытых сведений любую информацию, относящуюся к производству или использованию расщепляющихся материалов"[105]. Запреты, вводимые законом Макмагона, распространялись как на военные, так и на мирные применения. "〈...〉 До тех пор пока Конгресс не объявит, что эффективные и готовые к осуществлению международные гарантии установлены, – говорилось в законе, – не должно быть обмена информацией с другими государствами в отношении применения атомной энергии для промышленных целей"[106].

4 января 1947 г. Б. Барух подал в отставку с поста представителя США в атомной комиссии ООН, и, как пишут американские историки Джойс и Габриел Колко, Трумэн, "очевидно, испытал чувство облегчения по этому поводу, как и по поводу того, что завершилась безуспешная пропагандистская кампания"[107].

7. ПРЕДЛОЖЕНИЕ СССР О ЗАПРЕЩЕНИИ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

А как формировался подход руководства СССР к рассмотрению атомной проблемы в ООН и вообще как развивалась советская ядерная политика в условиях американской атомной монополии и предпринимавшихся тогда в СССР интенсивных усилий по созданию атомного оружия?

Сделать первое официальное заявление по атомному вопросу, пустить, так сказать, "пробный шар", Сталин поручил Молотову, сам пока

---

[103] *Cortright David.* The Coming of Incrementalism // The Bulletin of the Atomic Scientists. 1996. Mar./Apr. P. 34. На эти испытания были приглашены по два наблюдателя от стран – членов Совета Безопасности. От СССР участвовали физик-ядерщик М.Г. Мещеряков и проф. С.П. Александров. Отчет Мещерякова и заснятый кинофильм были использованы при оснащении Семипалатинского полигона. Ученый принимал участие в подготовке и проведении первого советского атомного взрыва (*Круглов А.К.* Как создавалась атомная промышленность в СССР. М.: ЦНИИатоминформ, 1995. С. 152).

[104] *Rhodes Richard.* The Dark Sun. The making of the Hydrogen Bomb. N.Y.: Simon and Schuster, 1995. P. 228.

[105] *Clausen Peter A.* Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1993. P. 14–15.

[106] Раздел 10(1) Закона Макмагона. Цит. по: *Peter A. Clausen.* Op. cit. P. 15.

[107] *Kolko Joyce and Gabriel.* The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy. N.Y.: Harper & Row. 1972. P. 109.

оставаясь в тени[108]. Выступая 6 ноября 1945 г. на торжественном собрании по случаю годовщины Октябрьской революции, Молотов заявил:

> "(...) Надо сказать об открытии атомной энергии и об атомной бомбе, применение которой в войне с Японией показало ее громадную разрушительную силу. Атомная энергия еще не испытана, однако, на предмет предупреждения агрессии или на предмет охраны мира. С другой стороны, в настоящее время не может быть технических секретов большого масштаба, которые могли бы остаться достоянием какой-либо одной страны или какой-либо одной узкой группы стран. Поэтому открытие атомной энергии не должно бы поощрять ни увлечений насчет использования этого открытия во внешнеполитической игре сил, ни беспечности насчет будущего миролюбивых народов"[109].

В выступлении Молотова содержался явный намек на то, что в Советском Союзе идет работа над раскрытием атомного секрета, и в то же время можно ощутить даже элемент предупреждения обладателям атомной монополии, правда, еще довольно завуалированный и, пожалуй, даже робкий.

Первое официальное выступление самого Сталина было еще более осторожным, но все же проникнутым стремлением вселить определенную уверенность в сознание советских людей в условиях монопольного владения Соединенными Штатами ядерным оружием. Однако советский руководитель явно избегал касаться внешнеполитического аспекта. Он ограничился следующим высказыванием в своем выступлении перед избирателями 9 февраля 1946 г.:

> "Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны"[110].

Впрочем, вскоре после этого Сталин резко обрушился на Черчилля за его выступление в США в г. Фултоне (штат Миссури) 5 марта 1946 г., в котором тот бросил крылатую фразу о "железном занавесе", опустившемся над Европой. "Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей

---

[108] Еще до выступления Молотова в журнале "Новое время" были опубликованы первые статьи относительно атомной бомбы – за подписью Модеста Рубинштейна (1 сентября) и полковника Толченова (1 ноября 1945 г.). Хотя эти статьи содержали лишь анализ сообщений иностранной прессы об атомной бомбе, в них уже был задан определенный тон для ориентировки советской общественности. Так, в заметке Толченова говорилось: "(...) Ни одно из вновь изобретенных средств нападения или защиты никогда не оставалось надолго достоянием какого-либо одного государства. В зарубежной печати высказывается трезвая мысль о том, что в настоящее время наука и промышленность во всех крупных странах находится на таком уровне, что каким бы производственным секретом ни владела одна из стран, он неизбежно будет вскоре раскрыт и другими. В последнее время многие виднейшие ученые высказывались по этому поводу, и все они единодушно пришли к такому мнению".

[109] Известия. 1945. 7 нояб.

[110] Известия. 1946. 10 февр.

войны. И г. Черчилль здесь не одинок, – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки", – заявил советский руководитель корреспонденту "Правды"[111].

Но Черчилль к этому времени уже не занимал официального поста, уступив на выборах лейбористскому правительству Эттли. Конечно, отношение Черчилля к Советскому Союзу было хорошо известно Сталину. В приватных беседах, в частности со своим личным врачом лордом Мораном, бывший премьер открыто высказывался за то, чтобы нанести по Советскому Союзу упреждающий удар до того, как он обзаведется своим ядерным оружием: "Мы не должны дожидаться пока Россия будет готова (создать такое оружие). Я думаю, ей потребуется для этих бомб 8 лет. Америка знает, что 52% машиностроительной промышленности размещено в Москве, а она может быть стерта с лица земли одной единственной бомбой"[112].

В обстановке нараставшей напряженности отношений с Западом советское правительство уже на втором заседании Комиссии ООН 19 июня, не теряя времени на тщательное ознакомление с "планом Баруха", внесло проект конвенции о запрещении ядерного оружия.

Следует сказать, что советская делегация, прибывшая на сессию Комиссии ООН по атомной энергии, не имела в своем багаже конкретных предложений по существу атомной проблемы. Однако, как только стало ясно, что США предполагают внести предложение о международном контроле, в Москве было решено выступить с проектом конвенции о запрещении производства, применения и хранения атомного оружия.

Как рассказывает А.А. Рощин, после внесения Соединенными Штатами "плана Баруха", Молотов вызвал его к себе и поручил подготовить уже к утру следующего дня проект конвенции, что и было сделано. Молотов внес одну поправку в преамбулу проекта, и в тот же день Сталин одобрил его[113]. Проект был направлен в Нью-Йорк и внесен на рассмотрение Комиссии.

Основные положения советского проекта сводились к следующему:

1) запрещение производства и применения атомного оружия при каких бы то ни было обстоятельствах;
2) уничтожение в трехмесячный срок всех запасов готовой и незаконченной продукции атомного оружия;
3) признание того, что нарушение данных положений является

---

[111] Правда. 1946. 14 марта.

[112] *Moran Charles*. Churchill: The 1940–1965 Struggle for Survival, Boston, 1966. P. 337–338. Цит. по: *Berezhkov Valentin*. Origins of the Cold War... P. 12.

[113] *Рощин А.А.* Дома и за рубежом (неопублик. рук. восп.). С. 139. Рукопись была любезно предоставлена мне его вдовой, Ольгой Антиповной Рощиной.

Рощин допускает небольшую неточность. В действительности поручение подготовить проект конвенции было дано Рощину до внесения "плана Баруха", – очевидно, 11 или 12 июня, поскольку из архивных документов следует, что решение Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении проекта конвенции было принято 13 июня, а "план Баруха", как указывалось выше, был внесен в Комиссию ООН 14 июня.

Рощин Алексей Александрович (1905–1997) был заместителем заведующего и заведующим Отделом по делам ООН МИД, позднее – представителем СССР в Комитете 18-ти государств по разоружению.

тягчайшим международным преступлением против человечества;

4) суровая наказуемость за нарушение данных положений на основе законов, которые будут изданы договаривающимися государствами[114].

Одновременно советская делегация внесла предложение об организации работы Комиссии по атомной энергии, предусматривавшее учреждение **двух** комитетов – **по обмену научной информацией** и **по предотвращению использования атомной энергии во вред человечеству.** В функции второго комитета входила подготовка рекомендаций, в частности, "относительно мероприятий, системы и организации контроля за использованием атомной энергии и за соблюдением условий вышеупомянутой международной конвенции об объявлении вне закона атомного оружия" и "относительно разработки системы санкций против незаконного использования атомной энергии"[115]. Впрочем, советскому представителю было поручено исходить из того, что главное внимание на данном этапе должно быть уделено вопросу о заключении конвенции и только потом обмену информацией и т.п.

Как и "план Баруха", советский проект, как видно из приведенных выше его основных положений, также не отличался реалистическим подходом. Предложения обеих держав были диаметрально противоположны и, соответственно, были взаимно отвергнуты.

В тот период в американских средствах массовой информации уже стала нагнетаться антисоветская истерия. Одновременно и в советской пропаганде (например, в передовой статье журнала "Большевик" за июнь 1946 г.) и во внутренних документах проводилась линия на ужесточение отношений с США и другими западными странами. Характерным в этом отношении была записка посла СССР в США Н.В. Новикова от 27 сентября 1946 года "Внешняя политика США в послевоенный период", в которой, в частности, утверждалось, что "внешняя политика США, отражающая империалистические тенденции американского монополистического капитала, характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господству", и тем самым подводилась база для оправдания соответствующих ответных мер со стороны СССР[116]. В своих воспоминаниях Новиков отмечает, однако, что его авторство этой записки было условным, так как сам Молотов проинструктировал посла, как ее написать[117].

Довольно откровенную оценку московских умонастроений дал в интервью американской радиокомпании Си-Би-Си 18 июня 1946 г. заместитель министра иностранных дел (с марта 1946 г. Наркоминдел стал называться МИДом) М.М. Литвинов, который вскоре был отправлен в

---

[114] Док. ООН AEC/31/ Rev. 1. Приводится по: Сборник предложений СССР, УССР, БССР, вносившихся в ООН в 1946–1950 гг. М.: МИД СССР, 1952. С. 2–4. (В дальнейшем: Сборник предложений СССР, УССР и БССР)

[115] Док. ООН AEC/8. Приводится по: Сборник предложений СССР, УССР и БССР. С. 4–5.

[116] Междунар. жизнь. 1990. № 12. С. 148–154.

[117] *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата. М.: Политиздат, 1989. С. 353.

отставку. Литвинов, сторонник послевоенного советско-американского сотрудничества, с огорчением констатировал, что разногласия между Востоком и Западом зашли слишком далеко, чтобы можно было достичь примирения. Причина, по его мнению, заключается в том, что в Москве верх взяла концепция о "неизбежности конфликта между коммунистическим и капиталистическим мирами ⟨...⟩. В СССР сейчас вернулись к устаревшей концепции географической безопасности". Корреспондент Си-Би-Си не решился передавать это интервью открыто по каналам своей радиовещательной компании, ограничившись тем, что сообщил о нем американскому посольству в Москве[118].

После того как Советский Союз развернул широкомасштабные работы по созданию атомной бомбы, но еще не приступил к ее производству, советское руководство в своих публичных высказываниях стремилось принизить стратегическое значение и разрушительную мощь ядерного оружия и тем самым замаскировать перед народом и мировым сообществом свою озабоченность американской монополией на бомбу.

Соответствующую установку имела и советская пропагандистская машина. Так, при рассмотрении комиссией ЦК ВКП(б) работы Советского информационного бюро его начальник С.А. Лозовский докладывал, что была задержана (т.е. не допущена к публикации) статья, автор которой "изобретение атомной бомбы по своему значению приравнял к Октябрьской социалистической революции. ⟨...⟩ Этого мудрого автора взяли за жабры"[119].

Одновременно принимались меры по повышению боеспособности родов войск и укреплению военно-политического присутствия Советского Союза в Центральной и Восточной Европе, однако в первые послевоенные годы атомный фактор еще не играл значительной роли в советском военном планировании. Оперативный план Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), утвержденный главнокомандующим ГСОВГ маршалом В.Д. Соколовским 5 ноября 1946 г., не намечал глубокого вторжения советских войск и бомбежек объектов на территории Западной Европы и выглядел оборонительным по своему характеру. Каких-либо мероприятий, связанных с возможным применением атомного оружия, план не предусматривал[120]. Этот стратегический курс подтверждается и заявлением министра обороны брежневского периода маршала А.А. Гречко о том, что до 1953 г. основу могущества армии и флота продолжали составлять обычные виды оружия и боевой техники, которые применялись в войне против гитлеровской Германии[121]. Тем не менее на Западе, особенно в военно-политических кругах, господствовало мнение, что Сталин не отмобилизовывал после войны советские войска и

---

[118] U.S. National Archives. R.G. 84. Foreign Service Posts of the Department of State. USSR Moscow Embassy. Top Secret Records from the Office of the Ambassador, 1943–50. Box 3. Цит. по: *Батюк В., Евстафьев Д.* Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–50 гг. М.: Рос. ун-т. изд-во, 1995. С. 69–70.

[119] Стенограмма заседания комиссии ЦК ВКП(б) под председательством Секретаря ЦК А.А. Кузнецова от 28 июня 1946 г. // РЦХИДНИ. ф. 17, оп. 125, д. 386, л. 47.

[120] Полный текст оперативного плана ГСОВГ и карту см.: Военно-истор. журнал. 1989. № 2. С. 27–31; С. 2 обложки.

[121] Ядерный век и война. М.: Известия, 1964.

поддерживал и усиливал военное присутствие в Восточной Европе в целях противопоставления его американскому атомному оружию.

Однако в своих публичных выступлениях и довольно многочисленных интервью по атомной проблеме Сталин держался достаточно осмотрительно, явно не желая антагонизировать и провоцировать американскую администрацию в период, когда советский атомный проект еще только набирал силу.

В интервью 23 октября 1946 г. московскому корреспонденту "Sunday Times" Александру Верту Сталин говорил:

"**Вопрос:** Считаете ли Вы, что фактически монопольное владение США атомной бомбой является одной из главных угроз миру?

Ответ: Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб. Конечно, монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против этого существуют, по крайней мере, два средства:

а) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго;

б) применение атомной бомбы будет запрещено"[122].

На вопросы президента агентства "Юнайтед Пресс" Хью-Бейли, опубликованных 30 октября 1946 г., Сталин ответил следующее:

"**Вопрос**: Имеет ли Россия свою атомную бомбу или какое-либо подобное ей оружие?

Ответ: Нет.

Вопрос: Как, по Вашему мнению, можно лучше всего контролировать атомную энергию? Должен ли этот контроль создаваться на международной основе и в какой степени должны державы жертвовать своим суверенитетом в интересах установления эффективного контроля?

Ответ: Нужен строгий международный контроль"[123].

В интервью с сыном бывшего президента Эллиотом Рузвельтом от 21 декабря 1946 г., опубликованном журналом "Look", Сталин сказал:

«**Вопрос**: Если вы считаете, что Объединенные Нации должны контролировать атомную бомбу, то не должны ли они это делать путем инспекции, установления контроля над всеми исследовательскими институтами и промышленными предприятиями, производящими вооружение всех родов, и мирным использованием

---

[122] Большевик. 1946. № 17-18. С. 3.

[123] Правда. 1946. 30 окт.

атомной энергии? (В этом месте Эллиот Рузвельт в скобках указывает: "Сталин немедленно задал вопрос: "Вообще?" Я сказал: "Да, но, в частности, согласна ли Россия в принципе с таким планом?").

Ответ: Конечно. Но на основе принципа равенства для России не должны делаться никакие исключения. Россия должна подчиняться тем же правилам инспекции и контроля, как и любые другие страны. (В этом месте Рузвельт в скобках указывает: "В его ответе не было никакого колебания. И вопрос о резервации права вето не был даже упомянут".)»[124].

В беседе с известным деятелем республиканской партии Гарольдом Стассеном 9 апреля 1947 г.:

"**Стассен**: ⟨...⟩ считает, что дело создания инспектирования, контроля и объявления вне закона использования атомной энергии в военных целях имеет большое значение для всех народов мира. Считает ли И.В. Сталин, что имеются перспективы разработки соглашения в будущем о контроле и регулировании производства атомной энергии и о ее мирном использовании?

Сталин: отвечает, что он на это надеется. Между СССР и США имеются большие разногласия по этому вопросу, но, в конечном счете, как он, И.В. Сталин, надеется, обе стороны поймут друг друга. По его, И.В. Сталина, мнению, будут учреждены международный контроль и инспектирование, и это будет иметь большое значение. Использование атомной энергии для мирных целей вызовет большой переворот в производственных процессах. Что касается атомной энергии для целей военных, то это, по всей вероятности, будет запрещено. Этого требуют желание и совесть народов.

Стассен: говорит, что это одна из наиболее важных проблем. Если она будет решена, атомная энергия станет величайшим благодеянием для народов всего мира, а если нет, то она будет величайшим проклятием.

Сталин: говорит, что, как он думает, удастся учредить международное инспектирование и контроль. К этому идет дело"[125].

Важное значение для понимания тактики Сталина в период, когда Советский Союз еще только овладевал производством атомного оружия, были также его ответы на вопросы корреспондента агентства "Интернэйшнл Ньюз Сервис" Кингсбери Смита, в которых он подчеркнул готовность "к постепенному разоружению"[126].

Можно констатировать, таким образом, что советское руководство в

---

[124] Большевик. 1947. № 1. С. 2.
[125] Правда. 1947. 8 мая.
[126] Известия. 1949. 1 февр.

период американской атомной монополии в целом держалось достаточно предупредительно в атомных вопросах, маневрировало, на словах признавая значение международного контроля, и определенно избегало провоцировать США на какие-либо опрометчивые действия.

Но в частной беседе в начале 1947 г. с Милованом Джиласом, одним из югославских лидеров (дело было до размолвки Сталина с Тито), советский руководитель с нескрываемым восхищением говорил об атомной бомбе: "Это – могущественная штука, мо-гу-щест-венная!" Джилас делится своими впечатлениями от разговора с советским руководителем: «Выражение его лица было полно восторга, и можно было видеть, что он не успокоится, пока у него тоже не будет "могущественная штука"»[127].

Известное заявление Молотова от 6 ноября 1947 г. о том, что "секрета атомной бомбы давно уже не существует", в общем-то соответствовало истине, так как в декабре 1946 г. был запущен первый исследовательский ядерный реактор малой мощности Ф-1, но до пуска первого промышленного реактора "А" в Челябинске-40 оставалось еще много времени. На проектную мощность в 100 МВт он был выведен в июне 1948 г.[128]

8. РАБОТА КОМИССИИ ООН И ЕЕ ЗАВЕРШЕНИЕ

Уже с самого начала работы Комиссии ООН, после внесения Соединенными Штатами "плана Баруха" и Советским Союзом – проекта конвенции о запрещении и уничтожении атомного оружия, между двумя державами возникли в сущности неразрешимые противоречия. Советская сторона усматривала в американском предложении попытку увековечить атомную монополию США, а американское руководство видело в советской конвенции стремление лишить США важного инструмента проецирования своего влияния и могущества в мире.

Следует заметить, что и со стороны некоторых западных стран, особенно англичан, которые уже с начала 1947 г. приступили к осуществлению своего собственного проекта создания атомной бомбы, энтузиазма в отношении "плана Баруха" не было. В Комиссии ООН англичане занимали сдержанную позицию по этому предложению, которое по существу их не устраивало. Как рассказывают, Бевин поговаривал о том, что следует забыть о "плане Баруха" и заняться изготовлением своей собственной атомной бомбы. Но идти на открытый разрыв с США Англия по понятным причинам не могла: слишком зависела она от Америки во многих других сферах[129].

Оценивая работу Комиссии ООН с позиции сегодняшнего дня, американский эксперт по вопросам нераспространения Генри Сокольски пишет:

---

[127] *Djilas Milovan.* Conversations with Stalin. N.Y.: Harcourt, Brace & World, Inc., 1962. P. 153. Джилас от себя добавляет, что Сталин не упоминал в разговоре, имеет ли Советский Союз атомную бомбу и ведутся ли работы над ее созданием.

[128] Создание первой советской ядерной бомбы. С. 83.

[129] *Трухановский В.Г., Капитонова Н.К.* Советско-английские отношения. 1945–1978. М.: Междунар. отношения, 1979. С. 51.

«США, однако, вряд ли были настроены на компромисс. Учитывая преимущество ядерного оружия как оружия наступательного и стратегического и обладая ядерной монополией в 1945 году, США не были готовы отказаться от такого оружия без контроля и санкций, требуемых "планом Баруха". По тем же самым причинам Советы были убеждены, что овладение ядерным оружием является императивом. И поэтому ядерные переговоры в ООН быстро зашли в тупик»[130].

Стороны оказались неспособными завязать серьезный разговор на тему о роли ядерного оружия в послевоенном мире в то время, когда, может быть, еще сохранялись какие-то возможности для такого разговора. Во всяком случае, тогда у США было всего несколько атомных бомб, а в Советском Союзе работы над созданием ядерного оружия еще только развертывались.

Между тем, со стороны некоторых американских и советских ученых и специалистов предпринимались попытки помочь завязыванию диалога о контроле над атомной энергией.

Интересные, хотя и не очень реалистические мысли о том, как продвинуть переговоры, высказывал в кругу американской делегации Конэнт, который после ухода Баруха с поста руководителя делегации США согласился занять пост консультанта преемника Баруха в Комиссии ООН по атомной энергии генерала Осборна. Конэнт предложил либо вообще отказаться от развития атомной энергии, либо установить мораторий, дабы добиться запрета на создание и хранение атомного оружия. Он высказывался за то, чтобы создать "временный механизм", который осуществил бы полное уничтожение американских атомных запасов, как только предлагаемый по "плану Баруха" международный орган по атомной энергии приступил бы к своей деятельности. Вполне понятно, что предложение Конэнта американской администрацией принято не было[131].

Существенный интерес представляет предложение по международному контролю академика Д.В. Скобельцына, эксперта советской делегации в Комиссии ООН, который в докладной записке на имя Молотова и Берии от 12 октября 1946 г., в частности, писал:

"Слабость нашей позиции заключается в том, что она дает основания для предположений, что мы якобы отвергаем самую идею контроля ⟨...⟩.

Между тем при создавшемся положении мы, ведь, в сущности имеем больше оснований требовать установления контроля, чем Америка.

Вполне мыслимы такие варианты системы контроля, которые были бы весьма обременительны и стеснительны для Америки, с имеющимся уже у нее крупным производством, и, вместе с тем,

---

[130] *Sokolski Henry*. Nonproliferation: The Last 50 Years, Updated Mar. 17, 1996, published by The Nonproliferation Policy Education Center. Wash. (D.C.).

[131] *Hershberg James*. Op. cit. P. 326, 335.

весьма мало связали бы нас на довольно длительный период времени в будущем (...).

Наша концепция контроля основывалась бы на том, что этот контроль должен действовать в отношении крупных предприятий, которые уже имеются в Америке (...). Но в отличие от американского плана мы вовсе не будем предусматривать распространение контроля на **исследовательскую деятельность**, направленную на достижение **другими странами** того уровня, который **уже достигла** Америка".

Из записки Скобельцына с очевидностью следует, что он пытался втянуть советское руководство в серьезное обсуждение с США вопроса о международном контроле над атомной энергией. Чтобы сделать свое предложение максимально привлекательным, академик отмечал в своей записке:

"Если предложить такую систему контроля, которая не предусматривала бы запрещение или подконтрольность **исследовательской** деятельности в области производства атомной энергии, то, вероятно, было бы возможно ликвидировать наше отставание прежде, чем система контроля была бы приведена в действие в отношении нас".

И далее:

«Если бы было заключено соглашение о таком контроле над заводами, которые у нас появятся лишь в будущем, но которые уже существуют в Америке, то в течение длительного времени такая система контроля была бы в сущности односторонней, направленной против Америки. В таком случае она, вероятно, и не была бы принята США. Однако наша позиция в области международной "атомной политики" стала бы более сильной»[132].

Записка Скобельцына встретила поддержку со стороны руководства МИД. Уже в тот же день, когда она поступила, руководитель Отдела по делам ООН МИД А.А. Рощин направил заместителю министра В.Г. Деканозову свое заключение, в котором отмечалось, что предложения Скобельцына имеют следующие преимущества:

"1. Контроль над атомными заводами распространялся бы на деятельность американцев в области атомной энергии и не касался бы в настоящее время СССР.

2. Внесение предложения о контроле над атомными заводами создало бы для нас благоприятную политическую позицию в органах ООН в том отношении, что в этом случае мы выступили бы сторонниками контроля над наиболее опасными стадиями атомного производства, а американцы вынуждены были бы занять "оборонительную" позицию, что в еще большей степени ослабило бы их положение в вопросах атомной политики.

[132] Записку Д.В. Скобельцына см.: Вестн. МИД. СССР. 1991. № 13 (95). 15 июля.

3. Учитывая то, что американцы вряд ли пойдут на установление контроля над опасными атомными заводами, такое наше предложение было бы весьма для нас выгодным политически и не содержало бы риска в отношении необходимости раскрытия каких-либо данных об атомном производстве в СССР".

Деканозов на следующий день, 13 октября, поставил на записке резолюцию: "Согласен"[133]. Учитывая, что Деканозов был близок к Берии, следует полагать, что идея Скобельцына получила поддержку могущественного сановника.

Соображения, выдвинутые Скобельцыным, были использованы при подготовке далеко идущих предложений СССР по установлению контроля над атомной энергией[134]. Эти предложения разработал МИД при участии соответствующих специалистов из атомного ведомства. В архиве МИД имеется письмо Генштаба Вооруженных сил СССР от 28 мая 1947 г. о согласии с ними министра вооруженных сил Н.А. Булганина[135].

Советские предложения, внесенные на рассмотрение Комиссии по атомной энергии 11 июня 1947 г., предусматривали весьма широкие функции по инспекции и контролю, не затрагивая, однако, научно-исследовательских работ. Более того, в них подчеркивалось, что государства, подписавшие конвенцию о запрещении атомного оружия, "должны иметь право проводить без ограничений научно-исследовательскую работу в области атомной энергии, направленную на изыскание способов использования ее в мирных целях" (п. 8б)[136].

Вместе с тем Советский Союз продолжал настаивать на первоочередном принятии конвенции о запрещении и уничтожении атомного оружия, а "после заключения конвенции по запрещению атомного оружия может и должна быть заключена другая конвенция, предусматривающая создание международной контрольной комиссии и установление других мер по контролю и инспекции, обеспечивающих выполнение конвенции по запрещению атомного оружия". В этом же документе, правда, содержалось важное согласие СССР на инспектирование не только заявленных предприятий, но и на проведение

---

[133] АВП РФ. Ф. 047, оп. 1, п. 1, д. 16, лл. 34–35.

[134] Академик Скобельцын и позднее, высказываясь за запрещение атомного оружия, считал необходимым "осуществление системы контроля, обеспечивающей соблюдение такого запрещения" (открытое письмо в редакцию журнала "Междунар. жизнь". 1954. № 2. (дек.). С. 111–117).

Несмотря на поддержку советского руководства, которой он в тот период пользовался, у Скобельцына в дальнейшем были довольно сложные отношения с советским атомным ведомством. В 1957 г. министр среднего машиностроения Е.П. Славский, как это следует из докладной записки заведующего Отделом международных организаций МИД К.В. Новикова на имя А.А. Громыко (АВП РФ. Ф. 047, оп. 3, п. 89, д. 31, л. 51), настоял на снятии академика с поста представителя СССР в Научно-консультативном комитете при Генеральном секретаре ООН с мотивировкой, что тот "абсолютно не разбирается в атомных делах" и "не стремится к получению знаний в области атомной энергии".

[135] Там же. Оп. 2, п. 4, д. 22, лл. 75–80.

[136] Док. ООН AEC/31/Rev. 1. Приводится по: Сборник предложений СССР, УССР и БССР. С. 13–15.

специальных обследований "в случаях возникновения подозрений о нарушении"[137].

При этом советский представитель Громыко имел дополнительное указание, согласованное с министром вооруженных сил Булганиным: "Если ⟨...⟩ партнеры будут настаивать на том, чтобы конвенция о контроле была заключена раньше конвенции о запрещении атомного оружия, то в качестве второй нашей позиции можете предложить одновременное заключение и вступление в силу обеих конвенций"[138].

Советские предложения по контролю оказались, однако, запоздалым шагом. Как сообщал в Париж на следующий день после их внесения в Комиссию ООН научный советник французской делегации Бертран Гольдшмидт,

> "план был новой уступкой Советов, и если бы он был внесен на год раньше, то оказал бы большое влияние ⟨...⟩. Я не думаю, что общее соглашение по этой (атомной) проблеме когда-либо может быть достигнуто, но шанс на его достижение увеличился с одного из 10 тысяч до одного из 50, а поскольку это все же шанс избежать войны, он заслуживает серьезного изучения"[139].

Советские предложения по контролю были официально отклонены Соединенными Штатами в апреле 1948 г. с мотивировкой, что они не предусматривали достаточного, с точки зрения США, контроля и к тому же деятельность предлагавшейся СССР контрольной комиссии подпадала бы под вето постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Советская сторона к этому времени также пришла к выводу, что переговоры зашли в тупик. 24 февраля 1948 г. руководители Отдела по делам ООН МИД С.А. Виноградов и А.А. Рощин в записке на имя заместителя министра А.Я. Вышинского предложили, чтобы советские представители в Комиссии ООН придерживались следующей позиции:

> "Не проявлять активности с внесением каких-либо новых предложений, настаивая на наших предложениях, внесенных 19 июня 1946 г. и 11 июня 1947 г.
>
> Можно было бы в порядке известной уступки с нашей стороны в вопросе о контроле над атомной энергией согласиться на одновременное заключение конвенции о запрещении атомного оружия и о контроле над атомной энергией, однако считаем существующую в настоящее время обстановку для такой уступки неподходящей".

Вышинский наложил на записку положительную резолюцию[140].

---

[137] Письмо представителя СССР в Комиссии по атомной энергии А.А. Громыко от сентября 1947 г. на имя представителя Англии (Там же. С. 16–18).

[138] АВП РФ. Ф. 047, оп. 2, п. 4, д. 210, лл. 79–80.

[139] *Goldschmidt Bertrand.* A Forerunner of the Non-Proliferation Treaty? The Soviet 1947 Proposals, Unpublished paper prepared for Niels Bohr Centennial in the University of Copenhagen, September 27–29, 1985. P. 9. (Личный архив автора).

[140] АВП РФ. Ф. 047, оп. 3, п. 10, д. 23, л. 6.

23 мая 1948 г. было опубликовано сообщение ТАСС, в котором подчеркивалось, что "только при наличии решения о запрещении атомного оружия есть смысл в установлении международного контроля, чтобы обеспечить действительное проведение в жизнь этого решения". Одновременно советской делегации было дано указание воздержаться от постановки вопроса об одновременном заключении двух конвенций – по запрещению атомного оружия и по контролю.

В период работы Комиссии ООН по атомной энергии имела место еще одна попытка со стороны некоторых советских экспертов продвинуть вопрос о контроле за запрещением атомного оружия и сокращением вооружений.

Когда делегация СССР внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН 29 октября 1946 г. проект резолюции о всеобщем сокращении и регулировании вооружений, в нем упоминания о контроле не содержалось[141]. Но уже 1 ноября Б.Е. Штейн[142] направил на имя В.М. Молотова записку, в которой, в частности, говорилось:

> "Ввиду того, 〈...〉 что в американской печати упоминается об отсутствии в нашем предложении ссылки на контроль, а также ввиду позиции, занятой советской делегацией по вопросу о контроле над атомной энергией (при рассмотрении советского предложения о сокращении вооружений. – *Авт.*), было бы желательно в ходе дискуссии в первой комиссии специальное выступление по вопросу о контроле над сокращением вооружений.
>
> 〈...〉 Такое выступление могло бы содержать в себе следующие тезисы:
>
> а) советская делегация внесла предложение по сокращению вооружений. Если Генеральная Ассамблея, на что надеется советская делегация, одобрит в принципе советское предложение и, согласно этому предложению, поручит Совету Безопасности заняться вопросом о сокращении вооружений, советская делегация внесет в Совет Безопасности конкретный план сокращения вооружений;
>
> б) одной из частей этого плана несомненно должна быть глава, трактующая вопрос о контроле над выполнением всеми членами ООН будущей конвенции по сокращению вооружений;
>
> в) самая форма и методы контроля над сокращением вооружений теснейшим образом зависят от конкретного плана сокращения вооружений и методов этого сокращения. В качестве примера можно указать на то обстоятельство, что сокращение вооружений при помощи сокращения военных бюджетов вызовет одну систему контроля, в то время как прямое сокращение численности армии будет требовать другую форму контроля и,

---

[141] Док. ООН A/BUR/42. Приводится по: Сборник предложений СССР, УССР и БССР. С. 6.

[142] Штейн Борис Ефимович (1892–1961) в 30-е годы был полпредом в Финляндии и Италии, в 1945–1952 гг. работал советником МИД СССР, был заместителем члена советской делегации на 2-й части I сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

наконец, запрещение или ограничение каких-либо отдельных видов вооружений потребует особую форму контроля;

г) исходя из вышеизложенного очевидно, что до обсуждения и принятия конкретного плана сокращения вооружений невозможно говорить о какой-либо конкретной форме контроля".

К записке Штейна прилагались "Предварительные соображения о плане международного контроля всеобщего сокращения вооружений" и "Проект плана организации международного контрольного органа", который создавался бы в качестве органа Совета Безопасности и действовал бы "по директивам Совета Безопасности". Одной из функций учреждаемой Международной контрольной комиссии было бы "наблюдение, контроль и общее согласование порядка выполнения всеобщего сокращения вооружений, в том числе **уничтожения имеющегося запаса атомных бомб, запрещения производства атомного оружия и использования атомной энергии в военных целях**".

Создавались бы и национальные контрольные комиссии. Членами Международной и национальных комиссий "не могут быть лица, являющиеся владельцами и крупными акционерами военно-промышленных предприятий, **в том числе и предприятий, связанных с производством атомного вооружения** ⟨...⟩. Для эффективного выполнения своих обязанностей по контролю за сокращением вооружения, **уничтожения запасов атомных бомб, запрещения производства атомного оружия и использования атомной энергии в военных целях Международная Контрольная Комиссия должна располагать полной информацией от государств-членов о состоянии своих вооруженных сил и боевых средств, включая все их современные элементы,** в том числе и всех основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения ⟨...⟩". Международная Комиссия "должна иметь доступ к обследованию тех отраслей государственной, общественной или частной деятельности, которые связаны с проведением сокращения вооружения, **производством атомного оружия и использования атомной энергии в военных целях**". Предварительные соображения и план организации международного контрольного органа подписаны экспертами советской делегации А. Васильевым, Богденко и А. Шараповым[143].

Записка Штейна была принята во внимание руководством делегации. Уже 28 ноября 1946 г. советская делегация на Генеральной Ассамблее внесла дополнительное предложение к своему проекту резолюции о всеобщем сокращении и регулировании вооружений, в котором предлагалось предусмотреть создание специальных органов инспекции, для чего образовать комиссию по контролю за выполнением решения о сокращении вооружений и комиссию по контролю за выполнением решения о запрещении использования атомной энергии в военных целях. Спустя несколько дней оно было включено в сводное предложение СССР относительно всеобщего сокращения вооружений[144].

---

[143] АВП РФ. Ф. 06, оп. 8-г, п. 101, д. 91, лл. 1–8. Места, относящиеся к атомному оружию, выделены самими авторами цитируемых документов.

[144] Док. ООН A/C.1/83, A/C.1/78 и A/C/78/Add. 1. Приводятся по: Сборник предложений СССР, УССР и БССР. С. 6–7.

Просуществовав около трех лет, Комиссия ООН по атомной энергии прекратила свою деятельность в 1949 г. (ее последнее заседание состоялось 29 июля). США настояли на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН на прекращении работы Комиссии по атомной энергии, деятельность которой потеряла всякий смысл, хотя советская дипломатия в политических целях и продолжала настаивать на продолжении работы Комиссии и даже вносила предложения на этот счет, сознавая, конечно, их неприемлемость для другой стороны.

После прекращения работы Комиссии по атомной энергии Генеральная Ассамблея предложила пяти постоянным членам Совета Безопасности и Канаде провести консультации относительно дальнейшей работы над проблемой международного контроля над атомной энергией. Консультации проходили с августа 1949 по январь 1950 гг., но были безрезультатными. Советский Союз прекратил свое участие в консультациях 6-ти в связи с тем, что его требование о передаче Китайской Народной Республике ее законного места в ООН не было принято западными державами.

Мировая общественность довольно сурово оценила действия в Комиссии ООН обеих ядерных держав. Характерным в этом отношении было мнение Альвы Мюрдаль, которую мы уже выше цитировали. В своей книге "Игра в разоружение. Как США и Россия ведут гонку вооружений", изданной в 1976 г., она писала:

> "Возможность поставить ядерное оружие под международный контроль была потеряна с самого начала. Зная сейчас, как развивались события в ходе последующих десятилетий, мы должны считать это трагедией. Даже до того, как Комиссия приступила к работе, гонка ядерных вооружений уже началась и продолжалась, не утихая ⟨...⟩.
>
> Если бросить взгляд назад, то поражаешься, как другие члены ООН позволили этому случиться. Спор в Комиссии ООН по атомной энергии шел между двумя основными державами. Британия вела себя как верный сторонник США[145]. Франция проявляла несколько большую независимость, но не пыталась повернуть спор на путь, который помог бы завязать целенаправленные переговоры"[146].

Спустя некоторое время, после появления у США и СССР водородного оружия, среди некоторых американских ученых и официальных деятелей вновь возродилась идея возвращения к плану международного контроля над атомной энергией.

По свидетельству председателя Объединенного комитета конгресса по атомной энергии, а позднее первого Генерального директора МАГАТЭ Стерлинга Коула, осенью 1953 г. Эдвард Теллер выступил с предложе-

---

[145] Хотя по существу, как уже указывалось, англичан "план Баруха" не устраивал, так как ко времени его внесения кабинетом Эттли было принято принципиальное решение о создании атомного оружия, которое официально было оформлено в 1947 г.

[146] *Myrdal Alva.* Op. cit. P. 76–77.

нием договориться об установлении международного контроля с теми государствами, которые поддерживали "план Ачесона–Лилиенталя". Он считал, что Советской Союз "под давлением мирового общественного мнения" в конечном счете пойдет на такой контроль. Председатель КАЭ Люис Страус, которому Коул передал мнение Теллера, поддержал эту идею. Однако предложение ученого не получило развития, поскольку вскоре Эйзенхауэр выступил в ООН с планом "Атомы для мира", который привел к созданию МАГАТЭ[147].

В 1954 г. не кто иной как сам государственный секретарь Джон Фостер Даллес в меморандуме Эйзенхауэру высказал аналогичную идею. Он писал:

> "Увеличивающаяся разрушительная мощь ядерного оружия и приближение к эффективному атомному паритету создают ситуацию, когда всеобщая война будет угрожать уничтожением западной цивилизации и советского режима и когда национальных задач невозможно будет достичь путем всемирной войны, даже если в ней будет одержана военная победа ⟨...⟩ Атомная мощь слишком разрушительна, чтобы дать ее использовать в военных целях какому-либо государству".

Даллес высказался за то, чтобы "ее (атомной энергии. – *Авт.*) использование в интересах безопасности было интернационализировано", и предложил передать контроль над ней Совету Безопасности ООН, в котором, однако, не было бы права вето. "Если Советский Союз был бы готов отказаться от права вето, то группа стран (поддерживающая американское предложение) передала бы ответственность Совету Безопасности". Эйзенхауэр назвал идею Даллеса "интересной", но и она развития не получила, хотя госсекретарь США и в дальнейшем к ней возвращался[148].

9. КОНЕЦ АТОМНОЙ МОНОПОЛИИ США

Основной причиной прекращения работы Комиссии ООН по атомной энергии был, разумеется, крах американской атомной монополии. Советский Союз произвел ядерный взрыв 29 августа 1949 г. (РДС-1)[149].

Первыми оповестили о нем 23 сентября американцы и одновременно англичане и канадцы. Сообщение ТАСС о взрыве последовало

---

[147] *Scheinman Lawrence*. The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Resources for the Future. Wash. (D.C.), 1987. P. 61. О создании МАГАТЭ см. гл. 2.

[148] *Smith Gerard C*. Take Nuclear Weapons into Custody // The Bul. of the Atomic Scientists. 1990. Dec. P. 12; *McNamara Robert S*. The Changing Nature of Global Security and Its Impact on South Asia. Address to the Indian Defense Policy Forum. New Dehli, Nov. 1992. Washington Council on Non-Proliferation. P. 7–8. Оба автора ссылаются на: *Gaddis John Lewis*. The Unexpected John Foster Dulles // *Immerman Richard H*. (ed.). John Foster Dulles and Diplomacy of the Cold War. Princeton University Press, 1990. P. 47–78.

[149] РДС – так закодированно обозначались первые советские атомные взрывы. Расшифровывают РДС по-разному: "реактивный двигатель Сталина", "Россия делает сама".

только 25 сентября, т.е. спустя почти месяц после его проведения[150].

В советском сообщении об атомном взрыве утверждалось, что заявление Молотова от 6 ноября 1947 г. о том, что секрета атомной бомбы "давно уже не существует", означало, что Советский Союз "имеет в своем распоряжении это оружие". В действительности же первый промышленный атомный реактор для наработки плутония в Челябинске-40 был пущен в эксплуатацию лишь в июне 1948 г. Что касается высокообогащенного урана, то газодиффузионный комбинат № 813 тоже только в 1948 г. получил уран с 75%-ным обогащением, который затем поступал на дообогащение на завод № 418 (оба в Свердловской области), где он был доведен методом электромагнитного разделения изотопов до более чем 90%-ного обогащения и использован во второй советской бомбе (урановой) в 1951 г. (РДС-2)[151].

В сообщении ТАСС от 25 сентября делалась также попытка создать впечатление, будто произведенный 29 августа первый советский атомный взрыв был не единственным ядерным испытанием. В сообщении говорилось, что "в Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов – строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза".

Дело, конечно же, в том, что реальные запасы атомного оружия США никак не были сопоставимы с теми, которыми располагал СССР. У Советского Союза были тогда лишь одна-две атомные бомбы, хотя велись работы и над другими боезарядами. Утверждают, что еще до испытания первой бомбы РДС-1 в различных удаленных уголках страны были устроены взрывы обычных взрывчатых веществ большой мощности, призванные имитировать испытания атомного оружия. Это делалось для того, чтобы убедить американских политиков в возможностях СССР нанести ядерный удар в случае атомного нападения. Раскрыть реальную дату испытания первого атомного заряда значило бы признать, что таких возможностей нет, и это, очевидно, для советского руководства представлялось недопустимым[152].

При всей неуклюжести сообщения ТАСС необходимо учитывать, что руководство СССР было в тот период действительно озабочено возможностью превентивного ядерного удара. Как потом стало достаточно широко известно, а Сталин, видимо, был осведомлен об этом ранее (и, во

---

[150] Один из руководящих работников советской разведки генерал П.А. Судоплатов писал, что причина, почему объявление об атомном взрыве вовремя сделано не было и оно появилось лишь после американского сообщения о нем, заключалась в том, что "мы опасались превентивного ядерного удара США. По крайней мере так мне говорил помощник Берии по атомным вопросам Сазыкин" (*Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО "Гея", 1996. С. 251).

[151] Создание первой советской ядерной бомбы. С. 283–284.

[152] Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... / Рук. авт. колл. Е.А. Негин. Нижний Новгород: изд-во "Нижний Новгород", 1995. С. 180–181.

всяком случае, мог предполагать подобное развитие событий), Пентагон имел чрезвычайные планы атомного удара по Советскому Союзу, как только у США появился достаточный, с точки зрения военных, запас атомных бомб[153].

К концу 1947 г. США имели в боевой готовности 56 атомных бомб (50 плутониевых и 6 урановых), а ВВС – 35 бомбардировщиков B-29. Оперативный план "Halfmoon" ("Полумесяц"), принятый Объединенным комитетом начальников штабов в начале мая 1948 г., включал "атомное приложение" для ВВС под названием "Harrow" ("Борона"), которое предусматривало атомный удар по 20 советским городам, что "вызвало бы немедленный паралич по крайней мере 50% советской промышленности"[154]. Совет национальной безопасности США официально принял, а президент утвердил доктрину сдерживания через устрашение (deterrence) во время берлинского кризиса в ноябре 1948 г., постановив, что США должны "поднять уровень военной готовности, которая поддерживалась бы так долго, как это будет необходимо для сдерживания советской агрессии"[155].

Характерно, однако, что после создания Советским Союзом атомного оружия тон высказываний Сталина радикально изменился. После второго советского испытания в 1951 г. (РДС-2) Сталин, отвечая на вопросы корреспондента "Правды", в частности, заявил:

> "⟨...⟩ Испытание атомных бомб различных калибров будет проводиться и впредь по плану обороны нашей страны от нападения англо-американского агрессивного блока ⟨...⟩.
>
> Конечно, агрессоры хотят, чтобы Советский Союз был безоружен в случае их нападения на него. Но Советский Союз с этим не согласен и думает, что агрессора надо встретить во всеоружии"[156].

К концу жизни тональность высказываний Сталина, их агрессивность стали еще больше усиливаться, особенно когда вовсю развернулись и

---

[153] По свидетельству А.А. Громыко, советская разведка на Западе работала хорошо, и советскому руководству были известны планы ядерного нападения на СССР (*Громыко Анатолий.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: Автор. 1997. С. 53). В тот период (до начала 1957 г., когда он стал министром) А.А. Громыко был непосредственно, из "первых рук", знаком с деятельностью советской разведки, так как будучи первым заместителем министра иностранных дел, он одновременно возглавлял Комитет Информации при МИД. Этот комитет был преобразован в 1951 г. из так называемого "большого" Комитета Информации, который существовал в 1947–1951 гг. и объединял внешние разведки министерств госбезопасности и обороны, в "малый" Комитет Информации при МИД СССР, на который была возложена задача докладывать ЦК КПСС информационно-аналитические материалы, основанные на данных разведки.

[154] *Rhodes Richard.* Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y.: Simon & Schuster, 1995. P. 307, 321. Принятый в следующем, 1949 г., план "Dropshot" предусматривал использование уже 300 атомных бомб против 100 советских городов, что могло бы привести к гибели 65 млн чел.

[155] Ibid. P. 342.

[156] Правда. 1951. 6 окт. Следует заметить, что обычно в том случае, когда Сталин отвечал на вопросы не иностранных, а советских корреспондентов, весь текст интервью готовился в Кремле. Судя по всему, Сталину именно в данный момент требовалось сделать важное, с его точки зрения, публичное заявление.

приблизились к завершению работы по созданию водородной бомбы. В своей книге "Сталин" Эдвард Радзинский утверждает (насколько это верно, судить не беремся), что в последние годы жизни Сталин вновь развязал террор,

> "чтобы начать новую Большую войну – войну с Западом. Последнюю войну, которая должна была окончательно сокрушить капитализм.
>
> ⟨...⟩ [В] тот момент, – считает Радзинский, – у него были все возможности для этого: его войска стояли в странах Восточной Европы и в Германии; его армия, закаленная в войне, пока была самой могущественной в мире; его столица была защищена двойным кольцом ракет; со дня на день он ждал испытания самого мощного в мире оружия, которое **пока** – на короткий срок – выводило его в лидеры (но он знал, что американцы идут следом);[157] треть человечества была под его знаменами, и многие сотни тысяч сочувствовали ему – победителю Гитлера ⟨...⟩.
>
> Однако все эти преимущества были временными. Пока он был впереди – пока! Но уже завтра его полуголодная, полуразрушенная страна – покатит вспять!
>
> Мог ли этот великий хищник, уже теряя физические силы, в ожидании грядущего конца, не воспользоваться последним шансом осуществить Великую мечту?"[158]

В подтверждение своего мнения Радзинский приводит следующие доводы. Он ссылается на книгу чешского историка Карела Каплана, который писал:

> "В секретных архивах чехословацкой компартии сохранилось изложение выступления Сталина на совещании братских компартий в 1951 году. Сталин объяснил участникам совещания, что настал наиболее выгодный момент для наступления на капиталистическую Европу ⟨...⟩. Война в Корее показала слабость американской армии ⟨...⟩. Лагерь социализма получил военное преимущество, но это преимущество временное ⟨...⟩. Таким образом, основной задачей социалистического лагеря является мобилизация всех его политических и военных сил для решающего удара по капиталистической Европе ⟨...⟩. Возникла реальная возможность установить социализм по всей Европе"[159].

Радзинский приводит также свидетельства других современников, в частности члена Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС генерал-полковника Д. Драгунского, о том, что Сталин в феврале 1953 г., в ответ на сообщение министра иностранных дел А.Я. Вышинского о негативной реакции Запада на готовившийся процесс "врачей-убийц", обрушился на

---

[157] Первый термоядерный взрыв (так называемая сахаровская "слойка" мощностью 400 кт) был проведен уже после смерти Сталина – 12 августа 1953 г. (РДС-6с).

[158] *Радзинский Эдвард.* Сталин. М.: Вагриус, 1997. С. 607–608.

[159] Там же. С. 609.

министра, назвал своих соратников "слепыми котятами" и в конце сказал: "Мы никого не боимся, а если господам империалистам угодно воевать, то нет для нас более подходящего момента, чем этот"[160].

К этому следует добавить, что, как утверждает генерал Судоплатов, по сведениям заслуживающих доверия разведывательных источников Клауса Фукса и Дональда Маклина (члена известной "Кембриджской пятерки"), "американская сторона не была готова вести ядерную войну в конце 40-х и даже в начале 50-х годов"[161].

Но приводимые в американской литературе данные говорят о том, что к январю 1953 г. США располагали ядерным арсеналом примерно из 1600 бомб, а СССР, по их сведениям, имел к тому времени только около 50 единиц атомного оружия и к середине года – 100. Американцы обладали несколькими сотнями стратегических бомбардировщиков B-36 и B-47, которые могли достичь советской территории с баз в Англии, французском Марокко, на Аляске и в других регионах[162].

Было ли это известно Сталину, доверял ли он в полной мере своей разведке и учитывал ли он все это в своих стратегических расчетах? И вообще, был ли он способен в последние месяцы жизни мыслить рациональными категориями?

Существует и другая оценка советской атомной стратегии того времени. Согласно этой оценке, если пользоваться принятой сегодня терминологией, можно, очевидно, говорить о том, что Сталин разделял принцип ядерного сдерживания. Как считают некоторые современные специалисты по ядерной стратегии, вопреки многочисленным заявлениям крупных советских военачальников о том, что Советский Союз победит США в атомной войне, "ретроспективный анализ ядерной политики СССР позволяет сделать вывод, что военно-политическое руководство Союза негласно придерживалось так называемой стратегии выживания. Суть ее можно выразить следующим утверждением: если вы втянете нас в войну, мы будем стремиться в ней выжить, а в ядерной войне создадим неприемлемые для вас последствия. Другими словами – это известная западная концепция гарантированного уничтожения в оборонительном варианте"[163].

10. СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ О КОНТРОЛЕ НАД АТОМНЫМ ОРУЖИЕМ

Для составления более многомерного представления о том, как шел процесс формирования советской политики по ядерной проблеме, немалый интерес имеет вопрос о том, как советские ученые относились к атомному оружию, к тому, как избежать использования этого оружия, к возможным

---

[160] Там же. С. 608–609.

[161] *Судоплатов П.А.* Указ. соч. С. 250.

[162] *Botti Timothy J.* Ace in the Hole. Why the United States Did Not Use Nuclear Weapons in the Cold War, 1945 to 1965. Westport (CT); London: Greenwood Press, 1996. P. 44, 55.

[163] *Старухин В.В.* (генерал-майор, заместитель начальника управления Главного штаба РВСН), *Кузнецов Г.А.* (полковник). Основа стратегической стабильности // Независимое воен. обозрение. 1997. № 17.

последствиям его применения, к установлению международного контроля над ним. Среди наших ученых-атомщиков, как и в Соединенных Штатах, к этим вопросам не было однозначного отношения, хотя подавляющее большинство из них без каких-либо колебаний приняло активное участие в создании атомной бомбы. В первую очередь представляет значение позиция крупнейшего советского физика академика П.Л. Капицы, который, как известно, непосредственно не участвовал в создании атомного оружия.

Капица был прекрасно знаком с развитием ядерной физики. По-видимому, он первым из советских ученых **публично** указал на реальность использования ядерной энергии для создания атомного оружия. Выступая на антифашистском митинге ученых в Колонном зале Дома Союзов 12 октября 1941 г., Капица заявил:

> "Одним из основных орудий войны являются взрывчатые вещества. Наука указывает принципиальную возможность увеличить их взрывчатую силу в полтора-два раза. Но в последние годы открыты еще новые возможности – использование внутриатомной энергии. Теоретические подсчеты показывают, что если современная мощная бомба может, например, уничтожить целый квартал, то атомная бомба, даже небольшого размера, если она осуществима, могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения"[164].

И неслучайно с самого начала, уже в 1942 г., Капица наряду с Иоффе и Курчатовым рассматривался в качестве возможного руководителя работ по расщеплению атомного ядра и созданию ядерной бомбы.

Когда 20 августа 1945 г. Сталин образовал Специальный комитет по "руководству всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана" под председательством Берии, он включил в него только двух ученых – Курчатова и Капицу. Оба они, наряду с некоторыми другими учеными и администраторами, вошли и в Технический совет при Специальном комитете, который возглавил Б.Л. Ванников[165].

Однако уже 25 ноября 1945 г. Капица в письме на имя Сталина "еще раз" просил его освободить от работы "по атомной бомбе (А.Б.)". В письме ученый указывал: "Хоть и тяжеловато будет, но, во всяком случае, попробовать надо скоро и дешево создать А.Б. Но не таким путем, как мы идем сейчас, он безалаберен и без плана". Далее он подробно излагал план действий по созданию атомного оружия и объяснял мотивы своего ухода: "Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете (имеется в виду Специальный комитет – *Авт.*) как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему

---

[164] Правда. 1941. 13 окт.

[165] Полный текст постановления ГКО см.: Создание первой советской ядерной бомбы. С. 52–54.

оркестру. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо"[166]. Капица был освобожден от участия в атомном проекте 21 декабря 1945 г., а затем – в августе 1946 г. – и от руководства Институтом физических проблем АН СССР, созданным им в 1935–1936 гг.[167]

В дальнейшем, в письме на имя Н.С. Хрущева от 22 сентября 1955 г., Капица еще раз объяснил, почему он вышел из проекта: "⟨...⟩ Единственной причиной, заставившей меня отказаться от этой работы, было невыносимое отношение Берия к науке и ученым. Мне думается, что моя тогдашняя критика начального хода развития атомных работ была в дальнейшем учтена и оказала пользу. Так что все нарекания на меня, что я, дескать, пацифист и поэтому отказался от работы по атомной бомбе, ни на чем не основаны. Хотя я лично не вижу, почему следует вменять в вину человеку, если он по своим убеждениям отказывается делать оружие разрушения и убийства?"[168]

Эта последняя фраза, как представляется, все же заставляет задуматься о подлинных причинах выхода Капицы из атомного проекта, хотя многие считают, в том числе и его жена, что он ушел из-за разногласий с Берией. Так, Холлоуэй считает: "Письма (Капицы) ясно показывают, что его уход мотивировался не возражениями нравственного или политического порядка против создания бомбы, а его неудовлетворенностью отношением Берии к ученым и курсом на копирование США"[169].

В том же духе высказывалась и жена Капицы Анна Алексеевна. На вопрос о существовании версии, что П.Л. сам не хотел заниматься созданием бомбы, она ответила: "Он не хотел иметь дело с Берией. Он не мог принимать в этом участия. Вначале он был в Атомном Комитете, но потом написал то самое письмо Сталину, в котором указывал, что Берия – как дирижер, который машет палочкой, не понимая партитуры. Вот, например, Курчатов был очень хороший ученый, потрясающий дипломат и тактик. Он умел заставить наших правителей и уважать его, и слушать. Он умел подойти к ним с какой-то такой стороны, когда они чувствовали, что их не презирают, наоборот – запанибрата ⟨...⟩. П.Л. этого не мог ⟨...⟩"[170].

Ряд современников и коллег Капицы, с которыми мне приходилось беседовать, убеждены, что ученый, зная о недоверии к нему всесильного Берии, возглавлявшего атомный проект, искал удобный повод уйти в сторону без больших потерь и в конце концов нашел такой повод –

---

[166] *Капица П.Л.* Письма о науке. М.: Моск. рабочий. 1989. С. 237–247.

[167] Следует отметить, что авторы книги "Создание первой советской ядерной бомбы" (М., 1995) неточно, а потому несправедливо, утверждают, что Капица был "отстранен" от участия в атомном проекте (С. 370). Формулировка постановления СНК СССР от 21 декабря 1945 г. гласила: "Удовлетворить просьбу академика Капицы П.Л. и освободить его от работы в Специальном комитете при Совнаркоме СССР и Техническом совете указанного комитета ⟨...⟩". Текст постановления хранится в архиве П.Л. Капицы в Институте физических проблем РАН.

[168] *Капица П.Л.* О науке и власти. М., 1990. С. 39.

[169] *Holloway David.* Stalin and the Bomb. P. 141.

[170] *Зотиков И.* Три дома Петра Капицы // Новый Мир. 1995. № 7. С. 206.

написать письмо Сталину о том, что он не сработался с Берией. Петр Леонидович полагал, что, учитывая международный авторитет ученого, Сталин не позволит Берии физически расправиться с ним. Хотя ему пришлось уйти из основанного им института, все же он остался жив и смог продолжать плодотворную научную работу на своей даче на Николиной горе.

И тем не менее представляется, что для Капицы нравственный вопрос имел большое значение. Это видно по многим источникам и, в частности, из его письма на имя Молотова, обнаруженного среди архивных документов МИД СССР. В этом письме, датированном 18 декабря 1945 г. (т.е. за несколько дней до освобождения академика от работы над атомным проектом), он предложил выступить в печати со статьей, с тем чтобы "дать более объективное освещение" ситуации, которая "создалась в мировой науке в связи с вопросами атомной энергии". В изложенных в письме тезисах такой статьи (опубликованных только 31 мая 1990 г.) Капица, в частности, писал:

> "1. Достигнутые успехи науки и техники в использовании атомной энергии, несомненно, по своей значимости отмечают новую эру в культуре человечества.
>
> 2. Главное значение технического использования атомных процессов это то, что в руки человечества дан новый могущественный источник энергии ⟨...⟩
>
> 5. То, что происходит сейчас, когда атомную энергию расценивают первым делом как средство уничтожения людей, так же мелко и нелепо, как видеть главное значение электричества в возможности постройки электрического стула. Атомная энергия для бомб будет также мало применяться в будущем, как электричество для электроказни.
>
> 6. Как ни значителен успех научной работы в Америке, но все же техника использования атомной энергии находится в своей инфантильной стадии, главное значение последних научных достижений в том, что показана возможность получения и управления атомной энергией в значительных масштабах. Но над ее практическим использованием надо еще много работать ⟨...⟩
>
> 9. ⟨...⟩ Главное значение в применении атомной энергии лежит в мирных культурных целях, где ей предстоит революционизировать энергетику и ряд других ведущих областей техники.
>
> 10. За годы войны советские инженеры и ученые благодаря эвакуации основных научных учреждений и тяжести борьбы, которая легла непосредственно на них, должны были сосредоточить свои силы на вопросах, связанных непосредственно с войной и менее проблемного характера, чем атомная энергия. Это временно и помешало им принять участие в решении большого числа проблем, связанных с атомной энергией, как это удалось поставленным в более спокойные условия ученым, работавшим за океаном. Советские ученые всегда видели то колоссальное поле деятельности, которое раскрывают перед творческими работниками науки и техники вопросы, связанные с получением и

использованием атомной энергии главным образом для мирного строительства.

11. Благодаря тому, что первый раз за историю науки ее результаты делаются секретными, работа ученых поставлена в нелепое положение. Ученым вместо того, чтобы дружно со своими коллегами за рубежом дополнять достижения друг друга, приходится в значительной степени заниматься тем, что "открывать открытое". Это самый нездоровый путь развития мировой науки и техники, который может существовать.

12. История никогда еще не показала, что засекречиванием можно остановить развитие науки и техники в стране, где она находится на должном уровне. Это является следствием единого закона развития культуры всего человечества.

13. Несомненно, что последующие поколения будут рассматривать эти извращения в путях развития вопросов атомной энергии, этой важнейшей области мировой науки и техники, свидетелями которой мы являемся, примерно так же, как мы сейчас рассматриваем тот период средневековья, когда в интересах религии и ее служителей тормозилось развитие прогрессивной и передовой науки".

Капица завершает письмо Молотову следующими словами: "Тезисы отражают то, что я сейчас думаю, и то, что я уверен, **думают всюду большинство ученых**" (выделено мной. – *Авт.*). Ученый просил согласия на опубликование статьи, основанной на этих тезисах[171].

Точка зрения Капицы относительно необходимости открытости в науке поразительно перекликается с мыслями Нильса Бора, изложенными им в его известной статье "Энергия атома. Возможности и вызов. Взгляд ученого", опубликованной в лондонской газете "Times" 11 августа 1945 г. (т.е сразу же после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки), в которой датский ученый **впервые открыто** высказал свои мысли о необходимости объединения усилий человечества и обеспечения возможности "международного регулирования" во имя того, чтобы "избежать всеобщей угрозы". (Известно, что эта статья была подготовлена заблаговременно и только дожидалась официального сообщения о применении ядерного оружия над Японией.)

Первоначально Молотов высказался за то, чтобы разрешить Капице опубликовать статью. Его резолюция на письме – впоследствии зачеркнутая – гласила: "Т. Берия. По-моему, можно разрешить Капице напечатать такую статью. В. Молотов". Видимо, в результате обмена мнениями между Молотовым и Берией появилась окончательная резолюция Молотова: "Сообщить т. Капице по телефону, что, по-моему, лучше подождать с этим".

Еще участвуя в атомном проекте, Петр Леонидович ставил перед Спецкомитетом и добивался принятия решений по мирному использованию атомной энергии. Это зафиксировано в протоколах комитета и его Технического совета:

---

[171] Письмо Капицы см.: Вестн. МИД СССР. 1990. № 10 (68). 31 мая.

"Из протокола № 7 заседания Спецкомитета при СНК СССР. 26 октября 1945 г.

8. [Слушали]: О разработке мероприятий по использованию атомной энергии в мирных целях.

[Постановили] Поручить Техническому Совету обсудить предложения Капицы П.Л. об использовании внутриатомной энергии в мирных целях, разработать план мероприятий в этой области и доложить его Спецкомитету.

Председатель Спецкомитета при СНК СССР Л. Берия"

"Из протокола № 8 заседания Технического Совета Спецкомитета. 13 ноября 1945 г.

5. [Слушали]: Об организации исследовательских работ по использованию атомной энергии в мирных целях (по поручению Специального Комитета).

[Постановили]: Поручить тт. Капице П.Л. (созыв), Курчатову И.В., Первухину М.Г. в месячный срок подготовить и внести на рассмотрение Совета предложения об организации ⟨...⟩ исследовательских работ по использованию внутриатомной энергии в мирных целях.

Председатель Технического Совета *Б.Л. Ванников*
Ученый секретарь *А. Алиханов*"[172]

Недавно стало известно (благодаря изысканиям П.Е. Рубкина, секретаря комиссии по научному наследию Капицы), что русский ученый высказывал мысли о долге ученых в связи с новыми научными открытиями в письме на имя Бора в октябре 1945 г., а также в июле 1946 г. по случаю избрания его Датской академией своим иностранным членом. В письме от 22 октября 1945 г. Капица писал:

> «В настоящее время я много раздумываю над проблемами международного сотрудничества работников науки, которое совершенно необходимо для здорового развития культуры во всем мире. Последние открытия в области ядерной физики – я имею в виду знаменитую атомную бомбу – показали еще раз, как мне кажется, что наука не является более "развлечением" университетской профессуры, а стала одним из тех факторов, которые могут повлиять на мировую политику. В наши дни существует опасность, что научные открытия, содержащиеся в секрете, могут послужить не всему человечеству, а могут быть использованы в эгоистических интересах отдельных политических и национальных группировок ⟨...⟩»[173].

Отвечая на идею организации сотрудничества ученых, Бор пишет Капице 12 апреля 1946 г. письмо, в котором информирует Петра Лео-

---

[172] Цит. по: *Гапонов Ю.В., Озеруд Ф., Рубинин П.Е.* Новый взгляд на поездку Я.П. Терлецкого к Н. Бору в 1945 году // Наука и общество. История советского атомного проекта (40–50-е годы). Сб. тр. междунар. симпоз. М.: ИздАТ, 1997. Т. 1. С. 495–496.

[173] *Капица П.Л.* Письма о науке. С. 236.

нидовича об избрании его иностранным членом Датской академии наук и искусств:

> "Что касается организации международной конференции ученых, о которой Вы мне писали, то я убежден, что если Вы и некоторые из Ваших коллег смогли бы принять в ней участие, то многие из наших английских и американских коллег с радостью приветствовали бы встречу с нами здесь, в Копенгагене. И я готов, как только получу Ваш ответ, приступить к подготовке подобной встречи, которая, на мой взгляд, может быть организована в любое удобное для Вас время"[174].

При получении диплома члена Датской академии в июле 1946 г. Капица сказал:

> "Сейчас, в связи с колоссальными возможностями, которые для человечества открыла атомная энергия, идея ⟨...⟩ интернационального сотрудничества науки подвергается большим опасностям. ⟨...⟩ Центр тяжести проблемы лежит, несомненно, не в военном применении новых открытий, а в той необычайной мощи энергетических источников, которые обещает предоставить человечеству атомная энергия и которые, как можно ожидать, со временем совершенно изменят весь облик нашей культуры. Те опасности, которым подверглось развитие науки в этом направлении, несомненно, самым губительным образом могут сказаться на ходе развития науки и прогресса ⟨...⟩.
>
> Наши точки зрения (с Нильсом Бором. – *Авт.*) совпадают в том отношении, что ученые должны выступить с протестом против засекречивания работ в этом направлении и против всяческих попыток превращения одного из самых замечательных научных достижений в игрушку узко империалистических устремлений или агрессивных замыслов отдельных стран"[175].

Спустя месяц Сталин подписывает постановление, в котором снимает Капицу со всех его постов и освобождает его от руководства созданным им Институтом физических проблем. Такова была кара за отказ сотрудничать с Берией в создании атомной бомбы[176].

---

[174] Архив П.Л. Капицы в Институте физических проблем им. П.Л. Капицы РАН. Цит. по: *Рубинин П.Е.* Нильс Бор и Петр Леонидович Капица // Успехи физ. наук. 1997. Янв. Т. 167. С. 106.

[175] Там же. С. 102.

[176] Хотя Капица не участвовал в советской атомной программе и в создании ядерного оружия, уже тот факт, что в числе советских физиков был ученый такого масштаба, оказывал влияние на развитие ядерной науки. Интересно, что именно это обстоятельство в немалой степени подтолкнуло американскую администрацию к решению приступить к созданию термоядерного оружия. По свидетельству члена КАЭ США (в последующем ее председателя) Луиса Страуса, при рассмотрении этого вопроса американские ученые Эрнест Лоуренс и Луис Альварес в октябре 1949 г. аргументировали необходимость приступить к работам над водородной бомбой тем, что Капица является одним из самых видных специалистов в области физических свойств легких элементов и что поэтому "логично ожидать, что Советы с его помощью могут произвести водородную бомбу прежде, чем это сделаем мы" (*Strauss Lewis L.* Men and Decisions. Garden City; N.Y.: Doubleday & Co, 1962. P. 218).

Капица, несмотря на отказ Берии и Молотова дать ему возможность довести до общественности свою позицию по атомной бомбе, после смерти Сталина пишет еще одну статью и направляет ее на этот раз Н. Хрущеву. В статье "Ядерная энергия", датированной 11 января 1955 г. и направленной тогдашнему советскому руководителю 16 января, он подробно описывает свое ви́дение развития использования ядерной энергии, не лишенное актуальности и сегодня. Петр Леонидович затрагивает и вопросы контроля над энергией атома. Он, в частности, пишет:

> "Так неужели же всегда существовавшая среди людей рознь в политических, религиозных и других мировоззрениях может привести к использованию термоядерной бомбы, как к методу доказательства своей правоты и этим самым к общей гибели?
>
> Очевидно, что сейчас есть один выход из создавшегося положения, это категорическое запрещение любого типа атомного оружия и осуществление **строжайшего общественного международного контроля** за выполнением этого запрещения" (выделено мной. – *Авт.*)[177].

Капица настойчиво подчеркивает свою принципиальную убежденность в необходимости рассекречивания атомных работ:

> "Поскольку обе стороны располагают примерно одинаковым количеством знаний в этой (атомной. – *Авт.*) области, естественно появляется возможность рассекретить эти знания и сделать их достоянием ученых всего мира. Просматривая научную литературу, нетрудно заметить, что такое пока еще робкое рассекречивание ядерной физики уже началось и можно с уверенностью предсказать, что оно полностью завершится через несколько лет – срок, который нужен соответствующим государственным органам, ответственным за секретность, чтобы осознать и полностью разобраться в создавшемся положении.
>
> Рассекречивание ядерной физики нужно приветствовать, так как оно, несомненно, приведет к прогрессу в научных работах над мирным применением ядерной энергии. Сразу же будет вовлечен в эту работу круг ученых и начнется сотрудничество ученых, работающих в различных областях знания: этого сейчас остро недостает ⟨...⟩.
>
> Пока главным тормозом, мешающим развитию этой объединенной работы, является секретничество, связанное с научной работой по ядерным процессам. Это мешает объединяться в работе не только ученым в международном масштабе, но, как это видно из иностранной прессы, даже ученым внутри одной страны.
>
> Я уже сказал, что сейчас, когда гонка атомного вооружения пришла в тупик, есть все основания предвидеть, что уже в

[177] Истор. архив. 1994. № 6. С. 122.

ближайшие годы в области ядерной физики секретность должна прекратиться и это сразу приведет к расцвету науки. Но не надо забывать, что на пути к международному общению ученых все же останется и другое крупное препятствие – это холодная война и ее исток – классовая нетерпимость к коммунистическому мировоззрению. Для любого прогрессивно мыслящего человека в этой нетерпимости, конечно, не может не чувствоваться возрождения средневековых методов борьбы с новыми идеями в науке подобных тем, которые были когда-то организованы против Коперника, Галилея и их последователей. Людям уже давно следовало понять, что никогда и нигде полицейскими мероприятиями нельзя опровергнуть передовое мировоззрение и приостановить его развитие. Хотелось бы верить, что в наш век такая ситуация долго продолжаться не может и дружное международное сотрудничество ученых снова возродится и это сразу же двинет вперед мирное применение ядерной энергии"[178].

Как представляется, достаточно откровенные ссылки Капицы в 1955 г. на полицейский режим в науке, очевидно, и предрешили решение ЦК КПСС о нецелесообразности опубликования статьи академика. В записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС относительно статьи утверждалось, что статья Капицы "страдает объективизмом в освещении некоторых политически важных вопросов" и что в ней "объективистски" рассматривается "вопрос о вредном влиянии засекречивания ядерных исследований на прогресс науки"[179].

Так каковы все же были истинные причины нежелания Капицы участвовать в советском атомном проекте? Однозначного ответа на этот вопрос, видимо, нет.

Академик И.М. Халатников выдвигает весьма правдоподобную версию. По его мнению, для Петра Леонидовича сразу же возникла проблема его роли в атомном проекте. Руководить многотысячным коллективом было не в духе Капицы, он должен был найти свое место, в котором его могучий ум ученого и инженера мог себя проявить. Ему же приходилось подолгу участвовать в заседаниях, на которых председательствовал Берия. Могущественный сановник был хорошо информирован разведкой о конструкции американской бомбы, которая уже сработала. Естественной была идея, что нужно идти по этому самому пути.

Капица же почти наверняка не располагал такой информацией, и как человек, всегда мыслящий оригинально, стал думать об альтернативных решениях и начал их продвигать на заседаниях Специального комитета. А поскольку Берия знал больше об американском проекте, чем Капица, его это, продолжает Халатников, очень раздражало. Возникло взаимное раздражение, и ситуация стала критической. Берия к этому моменту

---

[178] Там же. С. 124, 128.

[179] Докладная записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС о статье П.Л. Капицы "Ядерная энергия" от 27 января 1955 г. (Истор. архив. № 6. 1994. С. 129–131).

понял, что Капица ему для атомных дел не нужен и с ним можно разделаться.

И тут Капица находит нетривиальный и рискованный ход: он пишет Сталину, что Берия руководит атомным проектом, ничего не понимая в сути дела. Последствия этого хода, по мнению академика Халатникова, Петр Леонидович рассчитал, по-видимому, правильно. Он выиграл – спас себе жизнь. Его могли бы обвинить во вредительстве, а хорошо известно, чем в те времена кончались подобные обвинения[180].

А.Д. Сахаров в своих воспоминаниях пишет, что Капица, отказавшись принимать участие в разработке атомного оружия, "выдвигал тогда на первый план не идейные соображения, а несогласие по организационным проблемам и нежелание подчиняться людям, которых он считал ниже себя в научном отношении ⟨...⟩. Я думаю, что тут была не только уловка, а действительное сочетание разнородных причин, в какой комбинации – трудно сказать"[181].

Что касается позиции самого Сахарова, то, как он пишет в своих мемуарах, главным для него и других участников группы академика И.Е. Тамма, работавшей над созданием термоядерного оружия, было "внутреннее убеждение, что эта работа н е о б х о д и м а".

> "Я не мог не сознавать, какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались. Но только что окончилась война – тоже нечеловеческое дело. Я не был солдатом в той войне – но чувствовал себя с о л д а т о м этой, научно-технической. ⟨...⟩. Со временем мы узнали, или сами додумались до таких понятий, как стратегическое равновесие, взаимное термоядерное устрашение и т.п. Я и сейчас думаю, что в этих глобальных идеях действительно содержится некоторое (быть может, и не вполне удовлетворительное) интеллектуальное оправдание создания термоядерного оружия и нашего персонального участия в этом"[182].

Сахаров занимался работами, связанными с разработкой термоядерного оружия и примыкающими темами, 20 лет – с июня 1948 г. по июль 1968 г., когда он был отстранен от секретных работ. В предисловии к изданному в США в 1974 г. сборнику "Sakharov Speaks" он пишет, что ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях, начиная с 1957 г.[183].

В своих "Воспоминаниях" Сахаров рассказывает что по совету И.В. Курчатова он в 1957 г. написал и в 1958 г. опубликовал в журнале "Атомная энергия" статью "Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические эффекты", работа над которой явилась важным этапом в формировании его взглядов на моральные проблемы ядерных испытаний. В статье было показано, что радиоактивный углерод

---

[180] Петр Леонидович Капица. Воспоминания, письма, документы. М.: Наука, 1994. С. 209–211.

[181] *Сахаров А.Д.* Воспоминания. В 2-х т. М.: Права человека, 1996. Т. 1. С. 148.

[182] Там же. С. 141–142.

[183] *Сахаров А.Д.* Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 5–7.

образуется при взрыве любых видов атомного и водородного оружия, включая и "чистые" водородные бомбы. По оценкам Сахарова, от уже проведенных взрывов общее число жертв составит около миллиона человек за 8 тыс. лет.

Курчатов мотивировал необходимость опубликовать статьи Сахарова тем, что в США известным физиком и членом КАЭ Уиллардом Либби был выпущен доклад, в котором доказывалось, что уже проведенные и дальнейшие испытания ядерного оружия биологически безопасны для человечества. Предложение Курчатова о публикации статьи было утверждено ЦК КПСС в начале 1958 г.

Сахаров обращался к Курчатову и Хрущеву с предложениями об ограничении ядерных испытаний и возражал против возобновления их в 1961 г., когда действовал трехсторонний советско-американо-английский мораторий на проведение испытаний. Летом 1962 г. Сахаров по инициативе В.Б. Адамского поднимает перед министром среднего машиностроения Е.П. Славским вопрос о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах: в атмосфере, в космосе и под водой. В 1963 г. заключением Московского договора эта идея была реализована[184].

Нужно сказать, что Капица с большим пониманием и симпатией относился к жизненной позиции и деятельности А.Д. Сахарова. Как свидетельствует Ю.П. Любимов, когда между ними был разговор о том, как разрядить обстановку вокруг Сахарова, Петр Леонидович сказал: "Что же делать, Юрий Петрович? Они даже не понимают, какого уровня этот ученый. И второе: они совершенно не понимают, что у него комплекс вины. Я ведь не стал делать бомбу для них, а Андрей Дмитриевич стал ⟨...⟩"[185].

В одном из рассекреченных документов КГБ ("Тезисы в отношении Капицы П.Л.", 24.03.60, без подписи), переданных семье Капицы в 1995 г. и основанном, судя по всему, на донесениях агентов и "данных оперативной техники", излагается разговор Капицы с его близким другом, английским физиком Полем Дираком в октябре 1956 г., когда Дирак приезжал в Москву. Разговор был очень личным, при котором никто из посторонних присутствовать не мог. Процитируем эти "тезисы": "Разговор в октябре 1956 года с английским физиком ДИРАКОМ. ⟨...⟩ Заявление Дираку о том, что не хотел отдавать себя работе над созданием атомной бомбы, считая ее позорной"[186].

Следует упомянуть также о позиции академика Л.Д. Ландау, который руководил теоретическим отделом в институте Капицы. Известно, что Ландау участвовал в атомном проекте как физик-теоретик на начальной стадии. Он получил звание Героя Социалистического Труда, был трижды удостоен Сталинской премии[187], однако занимался "спецработами" (как тогда было принято говорить) не по убеждению, что видно из докладной

---

[184] *Сахаров А.Д.* Воспоминания. Т. 1. С. 278, 288–290, 299–302, 322, 323; *Он же.* Мир, прогресс, права человека... С. 5–7.

[185] Петр Леонидович Капица. Воспоминания... С. 299.

[186] Архив Капицы в Институте физических проблем им. П.Л. Капицы РАН. Сообщено П.Е. Рубининым.

[187] Как известно, Ландау был и лауреатом Нобелевской премии по физике.

записки председателя КГБ И.А. Серова на имя заведующего Отделом науки ЦК КПСС В.А. Кириллина от 20 декабря 1957 г.

КГБ докладывал на основании "агентурных данных и оперативной техники", что "еще в 1952 г. он был занят мыслью сделать как можно меньше". По данным КГБ, Ландау говорил, что

> "[р]азумный человек должен стараться держаться как можно дальше от практической деятельности подобного рода. Надо употребить все силы, чтобы не войти в гущу атомных дел. В то же время всякий отказ и самоустранение от таких дел должны делаться очень осторожно".

"Ландау считает, – сообщал КГБ, – что целью умного человека, желающего, елико возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное самоотстранение от задач, которые ставит перед собой государство, тем более советское государство, которое построено на угнетении".

«В конце марта (1955 г.), – докладывал КГБ, – Ландау был вызван вместе с (академиком В.Л.) Гинзбургом к (министру среднего машиностроения А.П.) Завенягину по поводу спецдеятельности. ⟨...⟩ В разговоре с источником Ландау высказывался очень резко по адресу Зельдовича, "от которого идут всякие пакости". Ландау сказал источнику, что он ни за что не согласится опять заниматься спецделами и что ему неприятно вести об этом разговор. По дороге в министерство Ландау предупредил Гинзбурга, чтобы он не вздумал заявить, что Ландау ему нужен для предстоящей работы. Ландау рассказывал источнику после, говорилось далее в докладной КГБ, что министр принял его весьма вежливо и любезно и держался очень хорошо. Ландау быстро убедил присутствующих, что ему не следует заниматься спецработой, но, как он сам выразился, не мог отказаться от предложения изредка разговаривать по этим вопросам. "На самом же деле, конечно, никаких разговоров и не будет", – сказал Ландау»[188].

Завершим этот раздел словами Юлия Борисовича Харитона, который, наряду с Игорем Васильевичем Курчатовым, внес решающий вклад в создание и совершенствование ядерного потенциала нашего государства. Незадолго до своей смерти в 1966 г. в мемориальном послании Комитету Роберта Оппенгеймера Харитон не мог не сказать слова покаяния, а главное, завета грядущим поколениям ученых:

> "Сознавая свою причастность к замечательным научным и инженерным свершениям, приведшим к овладению человечеством практически неисчерпаемым источником энергии, сегодня, в более чем зрелом возрасте, я уже не уверен, что человечество дозрело до владения этой энергией. Я осознаю нашу причастность к ужасной гибели людей, к чудовищным повреждениям, наносимым природе нашего дома – Земли. Слова покаяния ничего не изменят. Дай Бог, чтобы те, кто идет после нас, нашли пути, нашли в себе

[188] ЦХСД. Ф. 89, оп. 18, д. 24, лл. 170–186. См. также: Истор. архив. 1993. № 3. С. 151–161.

твердость духа и решимость, стремясь к лучшему, не натворить худшего"[189].

* * *

Итак, попытка поставить атомную энергию под международный контроль в первые годы после ее открытия успехом не увенчалась. Существовали ли для этого объективные возможности? Были ли эти возможности упущены или нет, либо их просто вообще не существовало, не было в природе? Вопрос не простой, он дебатируется уже много лет.

Немаловажным фактором, правда в основном технико-инфраструктурного характера, было то обстоятельство, что вся к тому времени созданная или создававшаяся атомная промышленность и в США, и в СССР, и в Англии находилась первоначально в руках государства, частные компании не приступили еще к развитию атомной энергетики. Да и сама военная атомная инфраструктура находилась еще на начальной стадии развития. В СССР только строились закрытые города, конструкторские бюро и атомные предприятия, но все же они были немногочисленны. Англия еще больше отставала, приняв решение о создании атомной бомбы в 1947 г. и взорвав свое первое ядерное устройство только в 1952 г.

Что касается политических условий и объективных возможностей, то среди некоторой части американских историков и аналитиков существует мнение, что если бы Стимсон и Ачесон смогли настоять на прямом обращении к Москве осенью 1945 г., это могло бы изменить все дело. И хотя Сталин уже в августе того года принял решение об ускоренном создании советской атомной бомбы, его подчеркнуто осторожные заявления в 1946–1947 гг., когда советский атомный проект только разворачивался, может быть, и подтверждают такую версию?

Американский историк профессор Джеймс Чейс полагает, что если бы Рузвельт был жив, то благоприятный поворот событий все же мог бы иметь место. Он полагает – и не без оснований, – что американский президент глубоко верил в необходимость тесного сотрудничества великих держав во имя предотвращения новой мировой войны. Стремясь избежать повторения бессилия и провала Лиги Наций, не смогшей предотвратить вторую мировую войну, Рузвельт уже в начале войны обдумывал идею совместной ответственности великих держав за поддержание послевоенного мира и был одним из главных проводников идеи создания Организации Объединенных Наций.

Чейс приводит мнение Банди, что "Рузвельт принял бы близко к сердцу задачу выработки действенного международного соглашения" и "сделал бы эту задачу своим самым настоятельным делом", чего Трумэну не было дано[190].

В своем капитальном труде "Опасность и выживание" Банди пишет:

---

[189] Особое выступление академика Юлия Борисовича Харитона (J. Robert Oppenheimer Memorial Committee. Los Alamos, 1995. July. P. 8).

[190] *Chace James*. Op. cit. P. 143.

"В какой мере ситуация была бы иной, если Франклин Рузвельт был бы жив и здоров? У него было бы много преимуществ, и не самое меньшее из них – его выдающаяся роль в успехе огромного и начатого в сущности лично им самим предприятия, за которое он взялся с самого начала. То, что он предпринял бы попытку прямых переговоров (с русскими) представляется почти несомненным, но гораздо менее ясно, пошел бы он на соглашение, которое признавало бы и мирилось бы с перспективой создания советского (атомного) оружия. Рузвельт умер, не разрешив своего глубоко противоречивого подхода к будущему мира. Он вовлек свою страну в новую Организацию Объединенных Наций, красноречиво показав необходимость четырех свобод[191] и коллективной безопасности, но в равной же степени он взял на себя ведущую роль в проведении дипломатии между великими державами и не разрешил, а лишь оттянул решение фундаментального конфликта между двумя державами ⟨...⟩.

Мог ли он или кто-либо еще, продолжает Банди, обеспечить принятие очевидного императива международного контроля и согласиться с той реальностью, что Советский Союз стоял перед **необходимостью** предпринять соответствующие (ответные) меры. Это представляется маловероятным.

Так что лучшее оказалось врагом хорошего. По мере того, как их разногласия с каждым месяцем становились все более острыми, Москва и Вашингтон продолжали произносить речи в защиту своих несовместимых предложений в пользу мира без ядерного оружия, в то время как обе державы продолжали рассчитывать на обладание этим оружием в качестве необходимого уравнителя силы, каждая идя своим путем"[192].

Ответил бы Сталин на инициативу о прямом диалоге, как это предлагал Стимсон и поддерживал Ачесон, и мог бы такой диалог повести к реальным результатам? Исключать этого полностью нельзя, но даже и в этом случае согласие Советского Союза на отказ от своей атомной программы и на установление международного контроля над атомной энергией также представляются маловероятными. Когда же Трумэн, Бирнс и Эттли предложили передать атомную проблему в ООН, перспектива американо-советского партнерства была неизбежно обречена на провал. Весьма характерно, что советское руководство без сколько-нибудь серьезных колебаний согласилось на создание Комиссии ООН по атомной проблеме, что также свидетельствовало о намерении Сталина похоронить эту проблему в бесконечных прениях в ООН.

---

[191] В своем известном ежегодном послании конгрессу от 6 января 1941 г. (которое в дальнейшем стало известно как "Послание о четырех свободах") Рузвельт говорил о свободе слова, свободе вероисповедания, свободе от нужды и свободе от страха. "⟨...⟩ Свобода от страха, если это перевести на мирской язык, означает всеобщее сокращение вооружений до такого уровня и таким тщательным образом, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против любого соседа – где бы то ни было в мире". Цит. по: *Bechhoeffer Bernhard G.* Op. cit. P. 15.

[192] *Bundy McGeorge.* Op. cit. P. 195–196.

Имеется свидетельство А.А. Громыко, что "летом 1946 г. Сталин и Молотов все еще могли пойти на соглашение с США по атомной проблеме". Однако позднее, в 80-е годы, Громыко считал, что "сейчас, когда от переговоров с Барухом нас отделяет столько лет, я уверен, что Сталин не отказался бы от создания собственной атомной бомбы. Он хорошо понимал, что Трумэн от атомного оружия не откажется"[193].

Одним из главнейших факторов, предрешавших дальнейшее развитие событий, было принятие закона Макмагона 1946 г., который "был направлен на сохранение американской монополии путем секретности и отказа"[194].

В итоге же мир оказался ввергнутым в изнурительную и взрывоопасную гонку ядерных вооружений.

Американский историк Артур Шлезинджер полагает, что «"холодная война" была геополитической неизбежностью, учитывая тот вакуум власти, который создался в Европе в период второй мировой войны». По его мнению, "переоценивается важность перехода власти от Рузвельта к Трумэну. ⟨...⟩ Если бы Рузвельт не умер, возможно, в условиях создавшегося вакуума власти, американская политика еще более ужесточилась бы, даже быстрее, чем при Трумэне. Ведь в 1940 году он (Рузвельт) называл Советский Союз одной из самых жестоких диктатур в мире"[195].

Каковы бы ни были причины возникновения "холодной войны" (а первопричиной было идеологическое противостояние, многократно усиливавшееся в связи с появлением после второй мировой войны двух могущественных держав, обе из которых претендовали на лидерство в мире, причем одна из них уже обладала абсолютным оружием, а другая быстро к этому шла), очевидно, что научно-техническое развитие и создание ядерного оружия радикально вмешались в ход истории. И найти ответ на этот технологический вызов ни обе "сверхдержавы", ни мир в целом не смогли. Обе державы не только не продемонстрировали прозорливый государственный подход, проникнутый заботой о будущем человеческого общества, но и заняли непримиримые позиции, что неизбежно привело к гонке вооружений. О причинах и истоках "холодной войны" написаны сотни книг и статей, но подлинная история ее возникновения еще ждет и будет еще немало времени ждать своих более объективных исследователей, которые должны будут иметь в своем распоряжении все необходимые архивные материалы и, что еще важнее, обладать возможностью менее пристрастно, чем современники этих событий, оценить все то, что произошло[196].

---

[193] *Громыко Анатолий.* С. 65, 67.

[194] *Clausen Peter.* Op. cit. P. 2.

[195] Междунар. жизнь. 1990. № 10. С. 132.

[196] Хорошо сказал об этом, о сложности и неоднозначности процессов и событий, приведших к "холодной войне", в своих воспоминаниях О.А. Трояновский, очевидец многих важных послевоенных встреч между руководителями СССР, США и Англии (*Трояновский О.А.* Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997. Гл. «У истоков "холодной войны"». С. 124–143).

С сожалением приходится констатировать и то, что те политические деятели, которые стояли у истоков атомной эры, за редким исключением, не подозревали и не предполагали, с какой проблемой апокалиптических масштабов и разрешимой ли вообще – проблемой распространения ядерных технологий и ядерного оружия – миру придется столкнуться уже начиная с 50–60-х годов.

В этих условиях главным было и остается – извлечь уроки из того, что произошло, постараться найти в тех идеях и дискуссиях о международном контроле над атомной энергией, проходивших в 40-х годах, то полезное, что можно было бы применить в деле сейчас, когда, хотелось бы надеяться, появляются реальные возможности приблизить мир к устранению ядерного оружия из жизни человечества.

Глава 2

СОЗДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО АГЕНТСТВА ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ (1953–1957)

Вторая мировая война послужила мощным толчком для использования внутриатомной энергии и развития ее практических применений. Если бы не чрезвычайные обстоятельства военного времени и необходимость для США и Англии во что бы то ни стало опередить гитлеровскую Германию, а для Советского Союза – как можно скорее догнать Америку, то применение на практике нового революционного научного открытия, возможно, заняло бы многие годы и – нельзя того исключать – даже десятилетия.

Важная сторона открытия состояла в том, что весь мир в мгновение ока увидел, что атомная бомба – инструмент невиданной доселе мощи, обеспечения национальной безопасности, укрепления престижа и авторитета государств, средство распространения влияния на другие страны и народы, орудие сдерживания – устрашения. В этом – большая притягательная сила появившегося оружия.

Масштабное вспрыскивание огромных средств на производство атомной бомбы (на Манхэттенский проект было израсходовано по крайней мере 2 млрд долл., а сколько на советский атомный проект – и по сей день не известно) и тотальная мобилизация научно-технических и промышленных возможностей позволили в кратчайшие сроки создать атомный потенциал, который неизбежно должен был найти выход для своего применения в самых различных областях человеческой деятельности – не только для целей разрушения, но и созидания.

Имманентное свойство внутриядерной энергии состоит в тесной взаимосвязи между мирными и военными технологиями и невозможности провести четкую грань между ними. Другая особенность нового источника энергии, которая быстро стала очевидной, заключается в том, что "распространение новых ядерных технологий, – как выразился ветеран МАГАТЭ Дэвид Фишер, – можно замедлить, но невозможно остановить"[1].

[1] *Fischer David.* History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna: IAEA, 1997. P. 10.

1. РАЗВИТИЕ МИРНОГО АТОМА

Конец американской атомной монополии совпал по времени с бурным развитием и распространением атомных технологий, что, естественно, было объективным процессом. На базе опыта, приобретенного военной атомной промышленностью, стали интенсивно развиваться мирные применения ядерной энергии.

В подмосковном городе Обнинске в 1954 г. была пущена в эксплуатацию первая в мире атомная электростанция небольшой мощности – 5 МВт, но значение и воздействие этого события на дальнейшее развитие атомной энергетики, как стало очевидно очень скоро, было во много раз больше номинальной мощности реактора первой АЭС. В СССР, США и Англии начали строить экспериментальные и учебные реакторы, проектировать вначале небольшие, а потом и крупные энергетические реакторы.

На XX съезде КПСС (14–25 февраля 1956 г.) председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин заявил, что "по использованию атомной энергии в мирных целях наша страна идет впереди других стран". Было объявлено, что в шестом пятилетнем плане (1956–1960 гг.) предусмотрено строительство АЭС общей мощностью 2500 МВт. Началось сооружение первого атомного ледокола, с 1951 г. под руководством академика Л.А. Арцимовича проводились исследования возможностей получения электроэнергии за счет управляемых термоядерных процессов (на базе системы "Токамак")[2], о чем впервые было объявлено И.В. Курчатовым в специальном докладе в английском атомном центре Харуэлле в 1956 г. во время визита Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Англию.

С 1955 г. Советский Союз приступил к заключению соглашений о сотрудничестве в области развития и использовании атомной энергии в мирных целях с КНР, Чехословакией, ГДР, Болгарией, Венгрией, Румынией, в следующем году с Югославией, Египтом, а в дальнейшем и со многими другими странами[3].

В США и Англии частный сектор живо заинтересовался перспективами производства электроэнергии с помощью атомных энергетических реакторов, возможностями завоевания рынков сбыта таких реакторов, сфер приложения капитала. В США этому, однако, препятствовало действовавшее тогда законодательство (закон Макмагона 1946 г.). В 1953 г. в конгрессе начались слушания по новому законопроекту об атомной энергии, подготовленному Комиссией по атомной энергии, который снимал некоторые юридические препятствия для участия частной промышленности в атомной деятельности. Так, разрешалось бы на основании лицензий,

---

[2] Атомная наука и техника в СССР / Под ред. И.Д. Морохова и др. М.: Атомиздат, 1977. С. 246.

[3] *Ларин В.* Международное агентство по атомной энергии. М.: Госюриздат, 1957. С. 8–9; *Тимербаев Р.М.* Мирный атом на международной арене. М.: Междунар. отношения, 1969. С. 129–145.

В. Ларин – псевдоним Оберемко Валентина Ивановича (1926–1980), в 50-е годы возглавлявшего референтуру по мирному использованию атомной энергии Отдела международных организаций МИД СССР, а в дальнейшем работавшего советником-посланником посольства СССР во Франции и послом в Италии.

выданных КАЭ, частное владение энергетическими реакторами и расщепляющимися материалами, используемыми в качества топлива для реакторов.

Допускалось бы и международное сотрудничество в области применения атомной энергии при соответствующих гарантиях неиспользования ее в недозволенных целях. Выступая в Объединенном комитете конгресса по атомной энергии, заместитель государственного секретаря Беделл Смит говорил:

> "Первостепенное значение для наших международных связей вообще имеет поддержание и совершенствование Соединенными Штатами своего руководящего положения в развитии атомной энергии (...). Положению Соединенных Штатов был бы нанесен большой ущерб, если бы другая страна стала первой в этой области и особенно – если бы Советский Союз превзошел нас в развитии атомной энергии".

Развитие взаимоотношений с другими странами в этой области должно было также, по мнению Б. Смита, ослабить впечатление от "советской пропаганды" о том, что США развивают только свою военную атомную промышленность[4].

В августе 1954 г. президентом США был подписан новый закон об атомной энергии, пришедший на смену закону Макмагона 1946 г. (1954 Atomic Energy Act).

Важным шагом в развитии международного атомного сотрудничества явилась Женевская конференция по мирному использованию атомной энергии, состоявшаяся в августе 1955 г. В ней приняли участие около 1,5 тыс. ученых и научных администраторов из 73 стран. На конференцию было представлено свыше 1000 докладов, в том числе советскими учеными – 102 доклада. На ней были рассмотрены доклады о потребностях в энергии отдельных стран и о той роли, которую атомная энергия будет играть в течение ближайших десятилетий; о типах ядерных реакторов для АЭС; о проблемах ядерной безопасности; об использовании радиоактивных изотопов и т.д. По предложению советской стороны в программу конференции был включен и рассмотрен пункт "Сообщения государств – участников конференции о мероприятиях по оказанию помощи другим странам в области мирного применения атомной энергии"[5].

2. АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН "АТОМЫ ДЛЯ МИРА"

Параллельно началось и политическое осмысливание новых тенденций в атомной сфере. Существенную роль в трансформировании американской политики сыграл доклад группы экспертов во главе с Оппенгеймером, назначенной госсекретарем США Ачесоном в 1952 г., в которую, в

---

[4] Atomic Power Development and Private Enterprise. Hearings before the JCAE. 83d Congress, 1st Session. Wash. (D.C.). 1953. P. 64. Цит. по: *Малинин С., Онушкин В.* Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. М.: Соцэгиз. 1961. С. 23.

[5] *Тимербаев Р.М.* Указ. соч. С. 15–16.

частности, входили Буш, Даллес (в то время заместитель директора ЦРУ) и в качестве секретаря – молодой профессор Гарвардского университета Банди. Доклад группы – "Вооружения и американская политика" был представлен новому президенту США Эйзенхауэру в феврале 1953 г.

В докладе делался вывод, что для крупных держав в будущем не будет нехватки с делящимися материалами и что ядерное оружие будет стоить сравнительно дешево. В этих условиях надо что-то делать с усиливающейся гонкой вооружений. Проанализировав ситуацию с рассмотрением американского плана международного контроля над атомной энергией в ООН и общую геостратегическую обстановку, авторы доклада пришли к заключению, что разногласия между "свободным миром" и Советским Союзом "столь глубоки, что не представляется вероятным подлинное широкомасштабное политическое урегулирование при жизни нынешнего поколения". В докладе экспертов говорилось:

> "В принципиальном плане и в конечном итоге проблема, поставленная высвобождением атомной энергии, – это вопрос о том, способно ли человечество управлять собой без войны. Теперь, когда люди научились высвобождать эту энергию, нет способа навечно исключить атом из нашей жизни. Даже если будет установлен в разумной мере полный контроль над атомной энергией, знания об атоме сохранятся, и трудно представить себе, как избежать большой войны, в ходе которой та или другая сторона в конечном счете не создаст и не применит атомные бомбы. В этом отношении в 1945 году навсегда радикально изменилась суть проблемы вооружений".

США, по мнению экспертов, втянулись в слишком жесткую политику массированного ядерного возмездия, не оставив для себя возможности гибкого ответа. Чтобы иметь большую гибкость, требуется разъяснительная работа среди законодателей и широкой общественности, для чего нужно проводить "политику прямоты, откровенности" ("Policy of Candor")[6].

Доклад группы Оппенгеймера произвел на Эйзенхауэра благоприятное впечатление. После смерти Сталина в марте 1953 г. президент США стал вообще более оптимистически смотреть на возможность улучшения отношений с СССР и, выступая перед редакторами газет 16 апреля, призвал новое советское руководство к сотрудничеству, с тем чтобы "переменить ход истории". 8 мая Совет национальной безопасности одобрил большинство положений доклада Оппенгеймера, хотя к этому времени уже развернулась травля ученого, которого в конце концов лишили допуска к секретным работам[7].

Эйзенхауэр решил пойти дальше и в июне 1953 г. (по всей видимости, самостоятельно) высказал мысль о целесообразности выступления США с

---

[6] *Hewlett Richard G., Holl Jack M.* Atoms for Peace and War. 1953–1961. Eisenhower and the Atomic Energy Commission. Berkeley: Univ. of Cal. Press, 1989. P. 42–43; *Rhodes Richard.* Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y.: Simon and Schuster, 1995. P. 588.

[7] *Hewlett Richard G., Holl Jack M.* Op. cit. P. 49.

новым планом по атомной энергии[8]. В сентябре американский президент в письме Луису Страусу конкретизировал свое предложение, высказавшись за то, чтобы США и СССР выделили определенные количества расщепляющихся материалов на мирные цели[9].

При подготовке выступления Эйзенхауэра в ООН в Белом Доме исходили из того, что оно "должно быть такого характера, что его отклонение русскими и даже продолжительное затягивание реакции с их стороны ясно показали бы народам мира, и не только правительствам, что мы все должны готовиться к худшему и что моральное бремя ответственности за гонку вооружений и, возможно, за возникновение войны определенно ляжет на русских"[10].

8 декабря 1953 г. план "Атомы для мира" был представлен Генеральной Ассамблее ООН. В нем предлагалось, чтобы "главным образом заинтересованные правительства ⟨...⟩ приступили сейчас и продолжали делать совместные вклады из своих запасов обычного урана и расщепляющихся материалов в международное агентство по атомной энергии", которое создавалось бы под эгидой ООН. На агентство "могла бы быть возложена ответственность за получение, хранение и защиту выделяемых в его распоряжение расщепляющихся и других материалов"[11].

Американский президент рассматривал "Атомы для мира" как первый шаг к более масштабной схеме международного контроля над атомной энергией. В письме своему брату Милтону от 11 декабря, спустя три дня после представления своего плана Организации Объединенных Наций, Эйзенхауэр писал:

> «План получил развитие из моей первоначальной основной идеи, что поскольку более всеобъемлющий "план Баруха" был отвергнут Советами, ⟨...⟩ возможно, постепенный подход откроет новые перспективы, новые линии поиска решения и принесет некоторую надежду на смену тому страху, который охватил мир»[12].

Когда в мае 1953 г. Эйзенхауэр назначал Страуса, считавшегося "ястребом", председателем Комисии по атомной энергии, последний в качестве условия своего согласия выдвинул требование, чтобы Оппен-

---

[8] Как пишет в своих мемуарах тогдашний председатель КАЭ США Луис Страус, Эйзенхауэр сказал ему, что поскольку русские отклонили "план Баруха", нужно сделать новое предложение, которое было бы "безопасным для свободного мира и привлекательным для русских". (*Strauss Lewis*. Men and Decisions. Garden City; N.Y.: Doubleday and Co, 1962. P. 337).

[9] Ibid. P. 357.

[10] Memorandum to the President by C.D. Jackson, Special Assistant to the President, Oct. 2, 1953. National Security Archive and Chadwyck-Healey. Nuclear Non-Proliferation, No 00126.

[11] Цит. по: PPNN Briefing Book. 1995, Vol. II. P. 0-5–07.

Следует отметить, что накануне выступления Эйзенхауэра на Генеральной Ассамблее посол США в Москве Чарльз Болен информировал Молотова о предстоящем американском предложения. Советский министр какой-либо реакции по существу этого предложения не высказал. (Телеграмма Болена госдепартаменту от 7 декабря (The National Security Archive and Chadwyck-Healey, 1991. Wash. (D.C.), No 00138).

[12] Цит. по: *Bundy McGeorge*. Danger and Survival. N.Y.: Random House, 1988. P. 290.

геймер никак не был связан с комиссией. Президент не стал возражать, хотя незадолго до этого, в феврале того же года, как уже отмечалось, Эйзенхауэр с интересом ознакомился с заключениями группы экспертов госдепартамента по вопросам разоружения, которые были доложены ему Оппенгеймером. На церемонии приведения Страуса к присяге в качестве председателя комиссии президент отвел его в сторону и сказал: "Луис, у Вас должна быть полная ясность в отношении вот чего: моя главная забота и ваше первое задание – найти какой-нибудь новый подход к разоружению атомной энергии ⟨...⟩. Мир просто не может продолжать жить в страхе перед страшными последствиями ядерной войны"[13].

Один из американских аналитиков так расценил план президента:

> «Как рассчитывал Эйзенхауэр, план "Атомы для мира" был главным средством возобновления американо-советского диалога по разоружению. Предлагавшаяся передача расщепляющегося материала была намеренно скромным первым шагом, который искусно продвигал бы урегулирование трудно поддающихся решению проблем инспекции, строгого выполнения соглашений и международного контроля, обрекших на провал "план Баруха" и другие всеобъемлющие подходы. И в то же время в плане "Атомы для мира" присутствовал несомненный пропагандистский аспект. Он был призван отвлечь внимание от более радикальных советских предложений по разоружению, при этом для Москвы было бы политически рискованным делом отвергнуть содержащиеся в нем привлекательные черты. Кроме того, предлагаемые передачи (ядерных материалов. – *Авт.*) имели бы символический характер и ни в коей мере не затронули бы военных возможностей – в особенности с учетом того, что обе страны продолжали производить расщепляющиеся материалы. И в самом деле, предложение совпало с массированным расширением военно-промышленного комплекса США, и Эйзенхауэр прекрасно сознавал, что если его план будет осуществлен, он фактически увеличит американское военное превосходство»[14].

По свидетельству современников, президент говорил своим советникам: «Предположим, США и Советы передадут в ООН на мирные цели по "икс" кг расщепляющегося материала ⟨...⟩. Количество "икс" могло бы быть установлено на уровне, который мы могли бы легко выделить из наших запасов, но которому Советам было бы трудно соответствовать»[15].

План Эйзенхауэра, таким образом, был достаточно противоречив и содержал как позитивные, так и негативные элементы. Американский президент предполагал при обнародовании своего плана в ООН выступить с предупреждением Советскому Союзу, объявив о политике массированного атомного возмездия. Однако накануне речи в ООН президент 4–5

---

[13] *Rhodes Richard*. Op. cit. P. 531.

[14] *Clausen Peter A*. Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1993. P. 30–31.

[15] Цит. по: *Bundy McGeorge*. Danger and Survival. N.Y.: Random House, 1988. P. 290.

декабря имел встречу на Бермудских островах с Черчиллем и Иденом, и последние убедили Эйзенхауэра воздержаться от "атомного предупреждения", что он сделал "неохотно"[16]. Позиция Англии была вполне понятна: основные силы атомной американской бомбардировочной авиации, нацеленные на объекты СССР, базировались на английской территории (а стратегической триады тогда еще не существовало), и англичане, конечно, не могли не опасаться ответного советского возмездия.

Следует все же полагать, что при всей своей противоречивости план "Атомы для мира", предусматривавший создание международного агентства по атомной энергии с более ограниченными полномочиями в сравнении с "планом Баруха" и, таким образом, более приемлемый для Советского Союза, в тех исторических условиях, когда быстро набирало темпы расползание по миру атомных технологий, был шагом вперед в деле ограничения распространения.

3. СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О СОЗДАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО АТОМНОГО АГЕНТСТВА

Реакция Советского Союза на выступление Эйзенхауэра в ООН была достаточно спокойной по своей тональности и по тому времени, можно сказать, даже довольно конструктивной. После смерти Сталина и устранения Берии новое советское руководство было готово завязать диалог с новой американской администрацией. К этому времени обе державы овладели секретом водородной бомбы и испытали ее, к тому же с очень небольшим временны́м зазором, причем советские ученые осуществили это в основном самостоятельно, практически без помощи разведывательных служб[17].

В разработке термоядерного оружия Советский Союз в 1955 г. достиг уровня, не уступающего уровню США, а в некоторых аспектах оказался впереди США. В двух испытаниях 1955 г. СССР первым в мире произвел сброс термоядерных бомб с самолета. США произвели первое испытание термоядерной бомбы с самолета в 1956 г.[18] Все это, несомненно, придавало советским руководителям известное чувство уверенности в силах и возможностях молодой атомной промышленности Советского Союза. Заявление Эйзенхауэра в ООН от 8 декабря 1953 г. вызвало в советском

---

[16] *Botti Timothy J.* Ace in the Hole. Why the United States Did Not Use Nuclear Weapons in the Cold War, 1945 to 1965. Westport (CT); L.: Greenwood Press, 1966. P. 52–53. Джон Фостер Даллес объявил о политике массированного атомного возмездия спустя несколько недель, 12 января 1954 г., в своем выступлении в Совете внешних сношений в Нью-Йорке.

[17] Более того, имелись сведения о том, что на этот раз Лос-Аламос использовал данные американской разведки относительно исследований по сжатию дейтерия, полученные через австрийского ученого И. Шинтльмайстера, работавшего в Советском Союзе. Эти данные, как считает Ричард Роудс, могли существенно помочь создателям американской водородной бомбы, Эдварду Теллеру и Станиславу Уламу, в разработке принципов и конструкции термоядерного устройства (*Rhodes Richard.* Op. cit. P. 465). Шинтльмайстер работал в Лаборатории № 2 (Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат. 1995. С. 349).

[18] *Гончаров Г.А.* Хронология основных событий истории создания водородной бомбы в СССР и США: Докл. на междунар. симпозиуме "Наука и общество. История советского атомного проекта (40-е – 50-е годы)". Труды симпоз. Т. 1. М.: ИздАТ, 1997. С. 251–252.

руководстве значительный интерес. Уже 10 декабря на заседании Президиума ЦК КПСС состоялось его обсуждение, и МИДу было поручено в недельный срок подготовить "необходимые предложения". Показательно также, что полный текст заявления Эйзенхауэра в ООН и последовавшая переписка между двумя правительствами были опубликованы осенью 1954 г. массовым тиражом, что уже само по себе не было общепринятой в то время акцией[19].

В заявлении Советского правительства от 21 декабря 1953 г. говорилось:

> "Можно понять то обстоятельство, что президент Эйзенхауэр, который известен как один из выдающихся военных руководителей в последней мировой войне, подчеркнул разрушительную мощь атомного оружия. Необходимо также иметь в виду, что с течением времени значение этой проблемы еще больше усиливается.
>
> Было бы совершенно непонятно, если бы государства, имеющие атомное или водородное оружие, не придали должного значения вопросу о запрещении атомного и водородного оружия, как и других видов оружия массового уничтожения, или стали бы откладывать до какого-то неопределенного будущего осуществление международного соглашения по этому вопросу ⟨...⟩.
>
> В своем выступлении об атомном оружии 8 декабря президент США отметил важное значение проблемы ослабления международного напряжения и создания атмосферы взаимного мирного доверия. Это соответствует также взглядам Советского правительства, которое неизменно стремится содействовать уменьшению напряженности в международных отношениях и обеспечить укрепление мира во всем мире ⟨...⟩".

Касаясь предложения о создании международного атомного агентства и о передаче ему части ядерных материалов, в советском заявлении обращалось внимание на то, что, во-первых, "главная масса атомных материалов по-прежнему будет направляться на производство атомных и водородных бомб" и, "во-вторых, предложение президента Эйзенхауэра нисколько не ограничивает саму возможность использования атомного оружия":

> "Что касается заявления президента Эйзенхауэра о конфиденциальных или дипломатических переговорах относительно сделанного им предложения, то Советское правительство ⟨...⟩ выражает готовность принять участие в таких переговорах ⟨...⟩.
>
> Советское правительство исходит из того, что в ходе этих переговоров будет одновременно рассмотрено следующее предложение Советского Союза:
>
> Государства – участники соглашения, руководствуясь стремлением к уменьшению международной напряженности, принимают

[19] Нотная переписка была издана по инициативе советской стороны и с согласия американской администрации. См.: К переговорам между правительством СССР и правительством США по атомной проблеме. М.: Госполитиздат, 1954.

на себя торжественное и безоговорочное обязательство не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения.

Если все дело сведется к тому, что какая-то небольшая часть атомных материалов будет направлена на мирные цели, а основная масса этих материалов, количество которых непрерывно растет, будет направлена на производство все более и более разрушительного атомного оружия, то опасность атомной войны нисколько не ослабнет ⟨...⟩.

Что касается Советского Союза, то его позиция совершенно ясна. Она состоит в том, чтобы обратить великое открытие человеческого разума не против цивилизации, а на ее всесторонний прогресс, не на массовое истребление людей, а на мирные нужды, на всемерное обеспечение подъема благосостояния населения"[20].

При этом советскому послу в Вашингтоне Зарубину было дано указание предложить, чтобы в ходе переговоров соблюдался принцип чередования, при котором одно заседание посвящалось бы обсуждению предложения США, а другое – рассмотрению советского предложения о запрещении атомного оружия.

Первый диалог между Молотовым и госсекретарем США Даллесом состоялся во время Берлинского совещания министров иностранных дел великих держав в конце января – начале февраля 1954 г. Как докладывал Молотов на пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 23 февраля – 2 марта 1954 г., между ним и Даллесом состоялись две беседы по атомному вопросу, но "действительный смысл этого предложения ("Атомы для мира"), – или, может быть, лучше сказать этого маневра, – еще не раскрыт ⟨...⟩". Молотов далее в довольно спокойных тонах рассказал на пленуме об обсуждении вопроса в Берлине:

> "Состоявшийся в Берлине обмен мнениями с Даллесом касался процедуры (порядка) обсуждения атомного вопроса. В соответствии с предложением правительства США условлено, что на некоторый период это обсуждение будет вестись в Вашингтоне между представителями двух стран – США и СССР. Со стороны США было заявлено, что на более поздней стадии имеется в виду возможность привлечь к этим переговорам Англию, Францию, а также Канаду и Бельгию. С нашей стороны было выражено пожелание, чтобы в этом случае приняла участие Китайская Народная Республика, а также Чехословакия. Однако вопрос о том, какие страны, кроме СССР и США, будут привлечены к участию в переговорах по атомному вопросу, еще подлежит согласованию в дальнейшем".

Во время одной из бесед Даллесу был передан проект Декларации пяти великих держав об отказе от применения атомного оружия. По согласованию с Даллесом текст Декларации был также передан Идену и

[20] Там же. С. 14–22.

французскому министру Бидо. Между США и СССР было согласовано, что переговоры будут носить конфиденциальный характер[21].

Таким образом, Советский Союз настаивал на одновременном (с созданием атомного агентства) рассмотрении вопроса о запрещении применения атомного оружия. Кроме того, было внесено предложение о привлечении к переговорам Китайской Народной Республики.

В марте стороны приступили к двусторонним переговорам, и 19 марта Даллес вручил советскому послу в Вашингтоне Г.Н. Зарубину меморандум, содержащий "предварительные взгляды, поясняющие предложения о Международном агентстве по атомной энергии".

Американской стороной предлагалось учредить агентство "под эгидой ООН", т.е. по существу в качестве одного из специализированных учреждений ООН, которое имело бы примерно такие отношения с Организацией, как и другие подобные учреждения (МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО, МСЭ, ВМО и т.д.), и представляло бы доклады Экономическому и Социальному Совету ООН. Агентство должно было бы докладывать Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее лишь тогда, "когда это будет запрошено любым из этих органов". Роль нового агентства сводилась бы к функциям "расчетной палаты" ("clearing house") или "атомного банка", как выразился представитель Англии на IX сессии Генассамблеи ООН 5 ноября 1954 г.

Иными словами, как оценивал МИД СССР, "агентство действовало бы скорее как международный посредник"[22]. Его роль, стало быть, сводилась бы к "получению поставок ядерных материалов от стран-членов, которые имеют запасы таких материалов", для целей поощрения исследований и мирного использования атомной энергии. США были бы готовы сделать "в качестве пожертвования значительный первоначальный взнос". СССР сделал бы "эквивалентное пожертвование". Агентство обладало бы постоянными полномочиями "для обеспечения того, чтобы выделенный расщепляющийся материал использовался для целей, для которых он был выделен"[23].

Несмотря на договоренность о проведении двусторонних советско-американских переговоров, параллельно предварительные соображения США были переданы Англии, Франции и Канаде для замечаний, а также Бельгии, Южной Африке и Австралии для сведения. Замечания этих стран были в целом положительные, лишь англичане высказали мнение, не будет ли предлагаемое агентство слишком тесно связано с ООН[24].

Советское правительство усмотрело в американских предложениях попытку США создать организацию подобно специализированным учреж-

---

[21] ЦХСД. Ф. 2, оп. 1, д. 87, лл. 43–45.

[22] АВП РФ. Ф. 047, оп. 1"б", п. 77"в", д. 9, л. 25.

[23] Там же. Лл. 10–12, 29–34. Приводимая оценка американского предложения содержится в докладной записке, направленной заведующим Отделом международных организаций С.К. Царапкиным руководству МИД.

Царапкин Семен Константинович (1906–1984) занимал также посты заместителя представителя при ООН, представителя в Женевском комитете по разоружению, посла в ФРГ, посла по особым поручениям.

[24] *Hewlett Richard G., Holl Jack M.* Op. cit. P. 220.

дениям ООН, в которых, как считалось в Москве, американцы тогда безраздельно господствовали. Кроме того, советское руководство на основе печального, с его точки зрения, опыта с рассмотрением в ООН "плана Баруха" считало, что вопросы, относящиеся к использованию атомной энергии, непременно должны находиться под неусыпным оком Совета Безопасности ООН, как органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, органа, где великие державы, включая СССР, располагают правом вето.

Официальная советская реакция на этот раз была жесткой. В памятной записке, врученной Молотовым Даллесу в Женеве 27 апреля 1954 г., подтверждалась позиция СССР в пользу необходимости запрещения применения атомного оружия и подчеркивалось, что без достижения договоренности об этом "начавшиеся переговоры не могут дать должных результатов". Относительно соображений США по предлагаемому агентству в советской записке говорилось, что их "недостаточность и односторонность" очевидны и они могут быть рассмотрены "по достижении договоренности по основным вопросам"[25].

Джерард Смит, специальный представитель государственного секретаря США по вопросам атомной энергии, присутствовавший на беседах Молотова и Даллеса, вспоминал, что «когда Молотов протестующе заявил подозрительному Джону Фостеру Даллесу, что предложение "Атомы для мира" приведет к распространению по всему миру запасов оружейных ядерных материалов, мне пришлось разъяснить Даллесу, что в техническом отношении Молотов был лучше осведомлен. Спустя некоторое время Советы спросили нас, как мы предполагаем предотвратить распространение. И самое лучшее, что мы смогли сказать в ответ: "Путь к этому может быть найден"»[26]. В своих более поздних воспоминаниях Смит уточняет, что именно тогда Даллес поручил ему и другому ответственному сотруднику госдепартамента Филиппу Фарли подготовить памятную записку советскому правительству, утверждавшую, что "могут быть разработаны способы установления гарантий против переключения материалов из реакторов, производящих электроэнергию"[27].

Американцы тоже решили "проявить характер" и приступили к обсуждению планов создания атомного агентства без СССР – в кругу одних лишь западных стран, хотя весьма сомнительно, что без второй ядерной державы учреждение такой организации имело бы какой-либо смысл. В краткой неофициальной записке, врученной Даллесом Молотову в Женеве 1 мая, государственный секретарь сообщил, что "ввиду отсутствия интереса у Советского Союза к тому, чтобы в настоящее время продолжать рассмотрение этого предложения (о создании Агентства. – *Авт.*) Соединенные Штаты будут считать себя свободными рассмотреть вопрос о создании такого агентства совместно с другими заинтересованными странами. Если же Советский Союз впоследствии решит, что он желает участвовать

---

[25] К переговорам... С. 34–40.

[26] *Smith Gerard.* Nuclear Commerce and Non-Proliferation in the 1980s – Some Thoughts. Address to the US Atomic Industrial Forum, April 29, 1982.

[27] *Smith Gerard.* Disarming Diplomat. The Memoirs of Gerard Smith, Arms Control Negotiator. Lanham; New York; London: Madison Books, 1996. P. 38.

в таком обсуждении, Соединенные Штаты будут, конечно, приветствовать это участие"[28].

В архиве Эйзенхауэра сохранился секретный внутренний меморандум от 17 августа 1954 г., содержавший соображения относительно целесообразности создания МАГАТЭ и в случае "отказа СССР от участия в Международном агентстве по атомной энергии". В нем утверждалось, что и в случае советского неучастия агентство "может быть с пользой учреждено государствами, готовыми поддерживать его деятельность". В меморандуме рекомендовалось как можно скорее объявить о начале переговоров о создании атомного агентства[29].

Тем временем обмен мнениями между обеими державами продолжался. Стороны еще раз обменялись памятными записками – 9 июля (США – Советскому Союзу) и 22 сентября 1954 г. (СССР – Соединенным Штатам), где продолжали придерживаться своих позиций. В советской записке вместе с тем была выражена готовность "в любое время возобновить переговоры для рассмотрения как предложения Советского правительства, так и предложения Правительства США". В записке советской стороны при этом впервые высказывалась готовность рассмотреть вопрос о гарантиях мирного применения ядерных материалов. В ней говорилось:

> "В меморандуме правительства США указывается, что возможны такие формы мирного использования атомной энергии, при которых могут быть намечены пути, чтобы создать гарантию против утечки материалов из реакторов, производящих энергию, и что, по мнению правительства США, имеются такие формы мирного использования, при которых вопрос о материалах, идущих на производство атомного оружия, не возникает. Советское правительство готово рассмотреть в ходе дальнейших переговоров соображения правительства США по данному вопросу".

Важным элементом в советской записке было также заявление о том, что

> "Советское правительство разделяет мнение правительства США относительно того, чтобы соответствующий международный орган (стало быть, в принципе предполагалось согласие на создание такого органа. – *Авт.*) докладывал Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее о своей деятельности. Само собой разумеется, что в тех случаях, когда в связи с этим будут возникать вопросы, касающиеся безопасности тех или иных государств, необходимые решения должен принимать именно Совет Безопасности как орган, на который возложена главная ответственность за поддержание мира и международной безопасности"[30].

В дальнейшем, когда завяжутся предметные переговоры о создании международного атомного агентства, вопрос о взаимосвязи между

---

[28] К переговорам... С. 40–41.

[29] Memorandum on Proposed International Atomic Energy Agency. Aug. 17, 1954, Nuclear Non-Proliferation File. NSA Wash. (D.C.). No. 00167.

[30] К переговорам... С. 53–54.

МАГАТЭ и ООН станет одним из центральных в советских предложениях.

Трудное начало переговоров об образовании агентства во многом объяснялось проходившими в советском руководстве после смерти Сталина сложными процессами: осмысливанием стратегического и политического значения атомного и водородного оружия, оценкой безопасности СССР в условиях развернувшейся гонки ядерных вооружений, а также борьбой за власть внутри правящей верхушки (Маленков, Берия, Хрущев, Молотов).

Нужно сказать, что атомная проблема фигурировала и при принятии мер по ликвидации Берии летом 1953 г. На пленуме ЦК КПСС в начале июля среди других преступлений Берия был обвинен и в том, что он (будучи председателем Социального комитета ГКО, а затем Совмина) занимался атомными делами, игнорируя ЦК, и без его ведома принял решение о проведении испытания водородной бомбы.

Выступая на пленуме ЦК КПСС 2 июля с докладом "О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии", Маленков заявил, что Берия "без ведома ЦК и Правительства принял решение организовать взрыв водородной бомбы ⟨...⟩ и единолично вынес решение, скрыв его от ЦК и Правительства"[31]. На заседании пленума 3 июля член ЦК и заместитель Министра среднего машиностроения А.П. Завенягин пояснил, как это было:

> "Мы подготовили проект решения правительства (по испытанию водородной бомбы). Некоторое время он полежал у Берии, затем он взял его с собой почитать. У нас была мысль, что, может быть, он хочет поговорить с товарищем Маленковым. Недели через две он приглашает нас и начинает смотреть документ. Прочитал его, внес ряд поправок. Доходит до конца. Подпись – Председатель Совета Министров Г. Маленков. Зачеркивает ее. Говорит – не требуется. И ставит свою подпись"[32].

Отражением процессов, происходящих внутри тогдашнего советского руководства, явилась и история с докладной запиской министра среднего машиностроения[33] В.А. Малышева на имя первого секретаря ЦК КПСС Хрущева от 1 апреля 1954 г. направленной в копии Маленкову и Молотову. В записке предлагалось опубликовать в печати статью под названием "Опасности атомной войны и предложение президента Эйзенхауэра", подготовленную И.В. Курчатовым, А.И. Алихановым (руководителем работ по созданию тяжеловодного реактора), И.К. Кикоиным (научным руководителем работ по газодиффузионному обогащению урана) и А.П. Виноградовым (научным руководителем предприятия по получению

---

[31] Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 145.

[32] Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 166. Первое испытание водородной бомбы РДС-6с (сахаровской "слойки") состоялось уже после ликвидации Берии – 12 августа 1953 г.

[33] Министерство среднего машиностроения СССР, созданное в 1953 г., стало преемником Первого главного управления, учрежденного Сталиным в 1945 г. для руководства всем атомным проектом, и являлось предшественником Министерства атомной энергии и промышленности СССР, которое в начале 1992 г. было преобразовано в Министерство Российской Федерации по атомной энергии.

металлического плутония в Челябинске- 40), при участии самого Малышева. При этом министром предлагалось, чтобы статья была подписана другими авторитетными учеными, хорошо известными за границей, но не связанными с атомным проектом (дабы не раскрывать фамилии его действительных руководителей), -- А.Н. Несмеяновым, А.Ф. Иоффе, Д.В. Скобельцыным и А.И. Опариным.

Статья была написана вскоре после испытания 1 марта 1954 г. американской водородной бомбы по проекту "Bravo" мощностью 15 Мт, когда от радиоактивного пепла пострадали рыбаки японской рыболовецкой шхуны "Фукурю-Мару", находившейся в 145 км от атолла Бикини, и последующего термоядерного взрыва "Romeo" мощностью 11 Мт[34].

В проекте статьи ученых, в частности, говорилось:

> "Уже сейчас разрушительная сила водородной бомбы вполне сравнима с самыми разрушительными действиями природы ⟨...⟩.
>
> ⟨...⟩ [Т]емпы роста производства атомных взрывчатых веществ таковы, что уже через несколько лет накопленных запасов атомных взрывчатых веществ будет достаточно для того, чтобы создать невозможные для жизни условия на всем земном шаре.
>
> ⟨...⟩ Таким образом, нельзя не признать, что **над человечеством нависла огромная угроза прекращения всей жизни на земле** (выделено мной. – *Авт.*)".

В проекте статьи далее указывалось, что

> ⟨...⟩ наибольшее значение для развития техники представляет использование атомной энергии для энерго-силовых установок ⟨...⟩.
>
> Однако надо прямо сказать, что развитие промышленного использования атомной энергии само по себе не только не исключает, но ⟨...⟩ ведет к увеличению военного атомного потенциала ⟨...⟩.
>
> Следовательно, применение атомной энергии для получения электрической энергии "в мирных целях" в крупных масштабах одновременно может являться промышленным и достаточно дешевым способом производства больших количеств взрывчатых веществ для атомных и водородных бомб ⟨...⟩.

В проекте статьи делался вывод, что

> "⟨...⟩ предложение Президента США Эйзенхауэра ⟨...⟩ о создании международного органа по мирному использованию атомной энергии ни на йоту не уменьшает опасность атомной войны и направлено на дезориентацию мирового общественного мнения"[35].

---

[34] Именно после этой серии взрывов возникло широкое международное движение в пользу прекращения ядерных испытаний. См.: *Тимербаев Р.М.* Полное запрещение ядерных испытаний. М.: Наука, 1986.

[35] ЦХСД. Ф. 5, оп. 30, д. 126, лл. 38–45.

Маленков, который был тогда председателем Совета Министров, в своем предвыборном выступлении перед избирателями 12 марта 1954 г. объявил, что «политика "холодной войны" есть политика мировой бойни, которая при современных средствах войны означает **гибель мировой цивилизации** (выделено мной. – *Авт.*)"[36]. Иными словами, Маленков по существу поставил под сомнение саму основу коммунистической доктрины об исторической неизбежности победы коммунизма над капитализмом, чем не преминули тут же воспользоваться его соперники.

На состоявшейся в апреле сессии Верховного Совета СССР Маленков был подвергнут Хрущевым критике, хотя без называния адресата критики. Впрочем, даже непосвященным было понятно, в чем суть разногласий и против кого были направлены хрущевские стрелы. Хрущев заявил: "Уроков истории нельзя забывать ⟨...⟩. Если империалисты попытаются завязать новую войну, то она неминуемо окончится крахом всей капиталистической системы". И Маленкову пришлось публично, на том же заседании, по существу отказаться от своих слов, заявив, что "агрессор будет подавлен тем же оружием и что подобная авантюра неизбежно приведет к развалу капиталистической общественной системы"[37].

Проекту статьи Курчатова и других ученых так и не был дан ход, и она опубликована не была, а в марте 1955 г., судя по отметке, сделанной в Общем отделе ЦК КПСС на докладной записке Малышева, статью списали в архив. В феврале 1955 г. Маленков был смещен с поста председателя Совета Министров СССР, его сменил Н.А. Булганин, Молотов также был постепенно отодвинут с ведущих позиций, а на первое место в государстве стал быстро восходить Хрущев. Он же очень скоро начал признавать опасность термоядерной войны, что проявилось в ходе саммита в Женеве в июле 1955 г., а на XX съезде КПСС в 1956 г. уже был провозглашен тезис о "мирном сосуществовании" между различными социальными системами.

Представляется очевидным, что статья ученых не увидела свет по той причине, что до тех пор, пока Советский Союз не овладел полноценным термоядерным оружием (первое испытание прототипа термоядерных зарядов мощностью 1,6 Мт было осуществлено 22 ноября 1955 г.) и достаточным запасом ядерного оружия, высшее руководство страны не

---

[36] Правда. 1954. 13 марта.

[37] Там же. 27 апр.

Подобная мысль настойчиво пропагандировалась в тот период и военными специалистами. В известной книге "Военная стратегия" утверждалось, что "[п]о своей политической, социальной сущности **новая мировая война будет решающим вооруженным столкновением двух противоположных мировых социальных систем. Эта война закономерно окончится победой прогрессивной коммунистической общественно-экономической формации над реакционной капиталистической общественно-экономической формацией, исторически обреченной на гибель**" (выделено авторами). В подтверждение этого приводился такой "довод": "Учитывая, что водородное оружие в Советском Союзе было создано раньше, чем в США, а главное, что США не располагают сверхмощными термоядерными зарядами в несколько десятков миллионов тонн, которые имеются у СССР, наше превосходство над западным блоком в ядерном оружии мы рассматриваем как неоспоримое" (Военная стратегия / Под ред. В.Д. Соколовского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1963. С. 258, 239).

хотело излишне будоражить население. В тот период в советской печати, в том числе и военной, публиковалось крайне мало материалов о боевых возможностях ядерного оружия. В тех же редких случаях, когда материалы на эту тему все же появлялись в печати, в них просматривалось стремление преуменьшить значимость атомного оружия и доказать, что оно не может решить судьбу будущей войны[38].

Нелишне напомнить весьма характерное высказывание известного тогда военного обозревателя генерал-майора Н. Таленского:

> «⟨...⟩ Шумиха, которая была поднята в печати империалистических государств по вопросу о том, что победа в будущей войне может быть достигнута несколькими атомными бомбардировками, является показателем лишь полной военной неграмотности такого рода "теоретиков" и свидетельствует о том, что истинной целью такой шумихи является прежде всего шантаж во внутренней и внешней политике заокеанских империалистов»[39].

По-видимому, еще одной причиной неопубликования предложенной Малышевым статьи, в которой содержалось резко отрицательное отношение к эйзенхауэровскому плану "Атомы для мира", было то обстоятельство, что в тот период в советском истеблишменте менялось отношение к идее создания международного органа по атомной энергии.

В МИД СССР существовало мнение, изложенное в записке Отдела международных организаций за подписью А.А. Рощина и П.Ф. Шахова[40], о том, что

> "[н]еучастие СССР в проектируемом агентстве дало бы США возможность возглавить все это дело, определять направление деятельности этого агентства по их усмотрению, устанавливать условия предоставления помощи различным государствам в области мирного применения атомной энергии и использовать связи с учеными кругами других стран исключительно в своих интересах. Кроме того, неучастие СССР в указанном агентстве могло бы быть использовано американской пропагандой для попыток изобразить Советский Союз в качестве противника международного сотрудничества в этой области"[41].

С другой стороны, военные высказывали возражения против советского участия в новом международном атомном органе. 18 сентября 1954 г.

---

[38] На эту тенденцию в советской пропаганде обратили внимание в своем очерке Л.Н. Нежинский и И.А. Челышев. См. *Нежинский Л.Н., Челышев И.А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы "холодной войны" // Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945–1985). Новое прочтение. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 21.

[39] Военная мысль. 1951. № 2. С. 32.

[40] Шахов Павел Федорович (1913–1987) возглавлял в тот период референтуру разоружения в Отделе международных организаций МИД СССР.

[41] АВП РФ. Ф. 047, оп. 1, п. 64, д. 4, л. 15. Это мнение было поддержано и Отделом стран Америки МИД СССР и содержится в совместной докладной записке руководителя этого отдела А.А. Солдатова и А.А. Рощина (АВП РФ. Ф. 047. оп. 1"б", п. 77"в". д. 9, лл. 13–20).

начальник Генерального Штаба Соколовский в записке на имя Молотова докладывал, что с точки зрения военных интересов вступать в международный орган по атомной энергии нецелесообразно, поскольку СССР будет вынужден открыть членам этого органа данные о запасах атомного сырья, уровне атомного производства, состоянии научно-исследовательских работ в области атомной энергии и пр. Советский же Союз во всяком случае получить новые сведения вряд ли сможет. Он больше проиграет, чем выиграет.

Линия на создание международного агентства тем не менее возобладала. Она отражала общую тенденцию, складывавшуюся тогда в советском руководстве, которое стало всесторонне взвешивать вопрос об участии СССР в новом агентстве, учитывая и то, что речь ведь пойдет всерьез и об установлении международного контроля за атомными предприятиями.

28 февраля 1955 г. руководство МИД направило в ЦК КПСС обстоятельную записку о "позициях США и СССР в вопросе о международном контроле над атомной энергией", подготовленную в Отделе международных организаций и подписанную С.К. Царапкиным. В ней говорилось, что идеи "плана Баруха" "не претерпели существенных изменений, что видно, например, из документа, представленного делегацией Соединенных Штатов Америки в Подкомитет Комиссии по разоружению в Лондоне 29 мая 1954 года, относительно прав, полномочий и функций международных контрольных органов".

Излагая советскую позицию по контролю, МИД отмечал, однако, что если в первоначальных предложениях Советского Союза предусматривались лишь периодическая инспекция и специальные обследования атомных предприятий на местах, то в январе 1952 г. на сессии Генеральной Ассамблеи Советский Союз "согласился на осуществление международным контрольным органом инспекции на **постоянной основе** (выделено мной. – *Авт.*), однако, без права вмешиваться во внутренние дела государств. Положение об инспекции на постоянной основе было уточнено в предложении СССР от 30 сентября 1954 г. на IX сессии Генеральной Ассамблеи. Это предложение предусматривало, что **инспекция на постоянной основе будет осуществляться в объеме, необходимом для того, чтобы обеспечить выполнение всеми государствами соглашения о запрещении оружия массового уничтожения и сокращении вооружений"** (выделено Царапкиным). Далее МИД обращал внимание на следующее:

> "⟨...⟩ [П]редложение об инспекции на постоянной основе можно понимать в том смысле, что международный контрольный орган располагал бы во всех странах, в т.ч. в СССР, своим штатом инспекторов, которые, в пределах осуществляемых ими функций контроля, имели бы в любое время беспрепятственный доступ ко всем объектам контроля.
>
> ⟨...⟩ Вместе с тем Советский Союз в этом вопросе отстаивает ту точку зрения, чтобы деятельность контрольного органа не вела к вмешательству этого органа во внутренние дела государств. Согласно советскому плану о контроле, право принятия решений о

санкциях в отношении того или иного государства, нарушившего соглашение о запрещении атомного оружия, возлагается только на Совет Безопасности".

В записке МИД отмечалось, что если США предусматривают введение контроля **до** проведения в жизнь мероприятий по запрещению атомного оружия, то СССР предлагает **одновременность** введения в действие запрещения и установления контроля. Вместе с тем,

"по тактическим соображениям Советский Союз в своих предложениях от 30 сентября 1954 года дал согласие на то, чтобы программа сокращения вооружений и запрещения атомного оружия была проведена двумя стадиями – на первой стадии проводится частичное сокращение вооружений обычного типа и вооруженных сил; на второй стадии – запрещение атомного оружия и дальнейшее сокращение обычных вооружений и вооруженных сил. При этом Советский Союз согласился на то, чтобы уже на первой стадии действовал контрольный орган с тем, однако, чтобы этот орган – временная контрольная комиссия – обладал лишь правом истребования от государств необходимых сведений о проведении мероприятий по сокращению обычных вооружений и вооруженных сил и не имел права проводить инспекции на месте"[42].

Несмотря на жесткость советской позиции по контролю, что отчетливо видно из приведенной записки МИД (она проявилась и в ходе обсуждения контрольных положений устава новой организации по атомной энергии), в июле 1955 г. Советский Союз официально выразил готовность принять участие в многосторонних переговорах. В памятной записке правительству США от 18 июля, врученной заместителем министра иностранных дел В.А. Зориным поверенному в делах США в СССР У. Уолмсли, Советский Союз, подчеркнув свою прежнюю позицию, что вопросы развития международного атомного сотрудничества находятся в прямой зависимости от разрешения проблемы запрещения атомного оружия, изложил следующие принципиальные положения, которые, по мнению СССР, должны лечь в основу Международного агентства по атомной энергии:

1. В Агентстве могут принять участие все желающие государства.

2. Соглашение о создании Агентства не должно ставить какую-либо страну или группу стран в привилегированное положение.

3. При оказании помощи какому-либо государству Агентство не должно обуславливать эту помощь требованиями политического или военного характера.

4. Агентство не должно быть использовано в ущерб безопасности тех или иных государств.

5. Агентство создается в рамках ООН и должно представлять

[42] ЦХСД. Ф. 5, оп. 30, д. 126, лл. 15–22.

доклады Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН, когда это будет запрошено любым из этих органов.

6. Агентство осуществляет свою деятельность по оказанию помощи государствам в области мирного использования атомной энергии на следующей основе:

а) Агентство оказывает государствам помощь консультативного характера в области мирного использования атомной энергии.

б) Расщепляющиеся материалы и специальное оборудование предоставляются государствами, оказывающими помощь, непосредственно государствам-потребителям на основе заключенных при содействии агентства соглашений между заинтересованными государствами. Ответственность за хранение и использование полученных расщепляющихся материалов несет государство-потребитель в соответствии с заключенным соглашением.

7. Агентство поощряет обмен научной и технической информацией среди стран и несет ответственность за широкое распространение данных, находящихся в его распоряжении. С этой целью Агентство создает научно-исследовательские учреждения и содержит группу специалистов в области мирного использования атомной энергии, которые оказывают необходимую помощь государствам в этой области. Агентство оказывает содействие и помощь государствам в подготовке национальных кадров специалистов в области мирного использования атомной энергии.

Что касается вопроса о проведении экспертами обеих стран совместного изучения "проблемы, вытекающей из того, что само применение атомной энергии в мирных целях связано с возможностью увеличения количества расщепляющихся материалов, которые служат основой для производства атомного оружия, советское правительство подтверждает свое согласие на проведение такого совещания экспертов и заявляет об отсутствии у него возражений против повестки дня", которая была передана послу в США Зарубину 14 апреля[43].

Советский Союз выразил готовность внести в международный фонд атомных материалов 50 кг расщепляющихся материалов, как только будет достигнуто соглашение о создании Агентства. (США объявили о взносе 100 кг расщепляющихся материалов на IX сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1954 г., а в июне 1955 г. председатель Комиссии США по атомной энергии Страус заявил, что США увеличивает свой взнос до 200 кг. Англичане, со своей стороны, заявили о выделении 20 кг.)

При определении своего отношения к создаваемому атомному агентству советское руководство внимательно прислушивалось к мнениям других государств и не в последнюю очередь к позиции Франции. Как информировало посольство СССР в Париже, ведавший вопросами использования атомной энергии, министр-делегат при Совете министров Франции Гастон Палевский в беседах с послом С.А. Виноградовым неоднократно затраги-

[43] Междунар. жизнь. 1956. № 10. С. 133. В журнале опубликована переписка между СССР и США по вопросам создания МАГАТЭ с ноября 1954 г. по сентябрь 1956 г.

вал вопрос о международном агентстве, высказываясь за участие в нем Советского Союза. Так, в беседе 14 июня 1955 г. он рекомендовал советскому правительству занять гибкую позицию в этом вопросе и представить свои контрпредложения, так как в случае, если бы СССР просто отказался от участия в международном агентстве, то последствием этого шага была бы, по словам министра, "новая маршаллизация" Западной Европы. Аналогичные мысли Палевский вновь высказывал Виноградову 2 июля, особо упирая на опасность "маршаллизации" Западной Европы. Советское посольство в своем докладе в Москву в положительном ключе подавало французские рекомендации[44], и можно с достаточной долей уверенности полагать, что они попадали на благоприятную почву.

4. МНОГОСТОРОННИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ОБ АТОМНОМ АГЕНТСТВЕ

Тем временем 6 октября 1954 г. правительство США передало второй предварительный набросок ("Preliminary Outline") плана создания международного атомного агентства группе западных стран, добавив к ней также Португалию. В декабре 1954 г. Англия направила в госдепартамент первый проект Устава нового агентства, и вскоре США подготовили пересмотренный текст. Затем США, Англия и Канада согласовали сводный текст и представили его восьми западным странам в марте 1955 г. Проект Устава Агентства, выработанный "Группой 8-ми", был направлен правительством США Советскому Союзу 29 июля 1955 г., а 22 августа с небольшими поправками конфиденциально распространен среди всех 84 членов ООН и специализированных учреждений[45].

С точки зрения Советского Союза, проект был далеко не совершенным документом. В нем не предусматривалось установление достаточно тесной связи между Агентством и ООН, а структура Агентства не отличалась демократизмом[46]. Тем не менее советское правительство согласилось, чтобы проект с некоторыми поправками был положен в основу для выработки Устава МАГАТЭ. В памятной записке правительству США от 3 октября 1955 г. советское правительство сделало следующие основные замечания по проекту Устава:

1. Имея в виду существующую тесную связь производства атомной энергии как в мирных, так и в военных целях и учитывая тот факт, что деятельность Агентства самым тесным образом будет связана с использованием расщепляющихся материалов, необходимо предусмотреть в Уставе положение относительно контроля за расходованием поступающих в Агентство материалов с тем, чтобы не допустить их использования в военных целях. Поэтому необходимо обеспечить надлежащее наблюдение и контроль за работой Агентства со стороны такого представительного

---

[44] АВП РФ. Ф. 047, оп. 1, п. 65, д. 18, лл. 78–79.

[45] *Scheinman Lawrence*. The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Wash. (D.C.): Resources for the Future. 1987. P. 69.

[46] *Ларин В.* Указ. соч. С. 21–22.

международного органа, как ООН. (На этом положении Советский Союз упорно настаивал и, в конце концов, добился его соответствующего отражения в Уставе. Американские специалисты по ядерному нераспространению с признательностью вспоминали об этом после принятия Советом Безопасности в 1991 г. решений по Ираку, когда нужно было привлечь МАГАТЭ к особо интрузивной инспекционной деятельности в Ираке.)[47]

2. Устав Агентства должен исходить из признания принципа, что ни одна страна или группа стран не будет находиться в привилегированном положении. Агентство должно осуществлять деятельность по оказанию помощи государствам таким образом, чтобы предоставление этой помощи не обусловливалось предъявлением стране, получающей помощь, требований политического, экономического или военного характера, равно как и любых иных требований, несовместимых с суверенными правами государств.

3. Контроль и инспекция за использованием государстами получаемой от Агентства помощи должны осуществляться с должным соблюдением суверенных прав этих государств. (Здесь, в этом пункте, уже тогда было заложено критическое отношение к системе гарантий МАГАТЭ, которое советские представители настойчиво отстаивали в процессе разработки Устава и в течение первых лет деятельности Агентства.)

4. Любое государство, даже если оно не является членом ООН или специализированного учреждения, должно иметь право быть в числе инициаторов создания МАГАТЭ. (Советский Союз добивался участия в этом процессе таких стран, как КНР и ГДР, которые тогда были отстранены Западом от участия в международных организациях.)

5. Советское правительство считает целесообразным, чтобы постоянные члены Совета Безопасности являлись постоянными членами Совета Управляющих агентства и чтобы, кроме того, в первый состав Совета управляющих были включены Индия, Индонезия, Египет и Румыния.

Советское правительство предложило созвать совещание экспертов правительств наиболее заинтересованных государств (США, СССР, Чехословакии и тех стран, с которыми США вели переговоры о создании Агентства) для совместного рассмотрения вопросов, связанных с выработкой Устава Агентства[48].

1 ноября 1955 г. Советский Союз направил официальную ноту госдепартаменту США, в которой дал согласие на участие как в совещании

---

[47] О значении тесных взаимоотношений между СБ ООН и Агентством и о роли советской дипломатии во включении этого положения в Устав Агентства говорил, в частности, Хельмут Зонненфельдт, в прошлом ответственный сотрудник госдепартамента США, на семинаре в июне 1993 г., организованном Институтом по проблемам глобального конфликта и сотрудничества (IGCC) Калифорнийского университета в Сан-Диего. (Из личных воспоминаний автора). Приоритет СССР в выдвижении положения о том, что ядерная деятельность в мирной и военной области взаимосвязана и должна быть соответственно учтена, была отмечена и другими исследователями МАГАТЭ, в частности Астрид Форланд из Норвежского института оборонных исследований (Hope over Fear. The Establishment of the International Atomic Energy Agency. Forsvarsstudier 3/1995, Institutt for Forsvarsstudier Oslo, 1995. P. 12).

[48] Междунар. жизнь. 1956. № 10. С. 143–144.

представителей расширенной до 12-ти участников группы государств, так и в подготовительной группе, на заседание которой были направлены заместитель министра среднего машиностроения В.С. Емельянов и заведующий Отделом стран Америки МИД А.А. Солдатов. Смысл полученных ими инструкций сводился к тому, чтобы придать совещанию 12-ти более демократический характер, в частности провести его не в Вашингтоне, а в Нью-Йорке – в штаб-квартире ООН, образовать международный секретариат, предусмотреть представление совещанию 12-ти не кратких содержаний, а полных текстов предложений и замечаний государств по проекту Устава и т.д. Большая часть советских предложений не была, однако, принята[49].

X сессия Генеральной Ассамблеи ООН в единогласно принятой резолюции от 3 декабря 1955 г. высказала одобрение проводимых переговоров по выработке проекта Устава МАГАТЭ и намерения созвать совещание 12-ти государств, которое подготовило бы этот проект и представило бы его на рассмотрение международной конференции всех членов ООН и специализированных учреждений.

По предложению США было условлено, что под занавес Женевской научной конференции по мирному использованию атомной энергии, проходившей в августе 1955 г. (см. выше), состоятся предварительные **технические переговоры по рассмотрению гарантий (контроля)** для создаваемого международного атомного агентства с участием, наряду с делегациями США и СССР, также делегацией Англии, Франции, Канады и Чехословакии. Эти переговоры получили название "Совещания 6-ти правительств". Делегацию СССР возглавлял директор Физического института АН СССР академик Д.В. Скобельцын, американскую – председатель Генерального консультативного комитета КАЭ США Исидор Раби, английскую – Джон Кокрофт, французскую – Франсис Перрен, канадскую – У. Льюис и чехословацкую – Ч. Симане. Переговоры проходили с 22 по 27 августа.

Обе основные делегации прибыли на переговоры слабо подготовленными[50]. Американская сторона изложила на совещании общие принципы обеспечения физической сохранности и установления процедур отчетности, выдвинув идею использования "меченых" радиоактивных изотопов, для чего применялись бы радиоактивный кобальт для плутония-239 и уран-232 для урана-235. Эта идея, как свидетельствует политический советник американской делегации Джерард Смит, была предложена в ходе встречи директором Аргоннской лаборатории Валли Зинном, но она не встретила

---

[49] АВП РФ. Ф. 047, оп. 1"б", п. 77"В", д. 9, лл. 31–34.

[50] В указаниях Раби, подписанных заместителем госсекретаря Робертом Мэрфи, подчеркивалось, что предстоящие дискуссии являются предварительными и "за ними могут последовать, а могут и не последовать более всеобъемлющие обсуждения. Нынешние дискуссии должны быть узко техническими и должны быть ограничены рассмотрением повестки, предложенной Советскому Союзу в ноте правительства Соединенных Штатов от 14 апреля 1955 г. и принятой СССР 19 июля 1955 г. Обсуждения не следует доводить до принятия обязательств (...). Следует избегать какого-либо обсуждения взаимоотношений между Агентством и ООН" (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Special Ass't to the Secretary for Energy and Outer Space. Records Relating to Atomic Energy Matters. Box 78).

поддержки ни со стороны советских, ни даже американских ученых[51]. Скобельцын также в основном ограничивался общими рассуждениями и больше задавал вопросы, не выдвигая каких-либо предложений[52].

Советская делегация имела указание выяснить методы и средства, а также практические способы контроля, которые США могли бы предложить в целях обеспечения такого положения, когда полностью исключалась бы возможность использования расщепляющихся материалов и атомных установок международного агентства для военных целей. Делегация должна была высказаться за необходимость систематической проверки на месте, учета, хранения и использования расщепляющихся материалов по назначению. В то же время исходить из необязательности представления детальных научных отчетов о результатах исследований на исследовательских реакторах.

По свидетельству Джона Холла, другого американского участника переговоров, Исидор Раби и другие представители пришли к общему выводу, что для режима гарантий потребуются обеспечение физической защиты и система материальной отчетности[53]. Однако ни одна из обсуждавшихся на Совещании 6-ти правительств конкретных идей не вошла в систему гарантий Агентства. "Тем не менее, – отмечал автор капитального труда по созданию и деятельности МАГАТЭ Пол Сас, – совещание послужило полезной цели, поскольку впервые ⟨...⟩ Соединенные Штаты и Советский Союз вступили в серьезную дискуссию по гарантиям на многостороннем форуме, и они на этот раз провели такую дискуссию на научном, а не на политическом уровне"[54].

По итогам встречи было согласовано краткое коммюнике, в котором говорилось, что состоялся "полезный обмен мнениями технического порядка" и что обсуждавшиеся проблемы будут "дополнительно рассмотрены соответствующими правительствами"[55]. В своем отчете госсекретарю США Даллесу от 27 августа о результатах Совещания 6-ти Раби писал, что позиция советской делегации на совещании "отражала стремление ⟨...⟩ Советского правительства к определенно открытым и кооперативным взаимоотношениям с США. ⟨...⟩ Советский представитель и его советники тщательно избегали прямой полемики с США, оставляя открытой дверь для соглашения в будущем, не связывая, однако, себя принятием наших предложений"[56].

После женевского совещания экспертов, писал Смит, "мне пришлось признать, что Соединенные Штаты имели лишь ограниченное представление о проблеме гарантий". "Стало ясно, – продолжал он, – что высказанное ранее Советским Союзом требование связать вопрос о мирном исполь-

---

[51] *Smith Gerard*. Disarming Diplomat. P. 46.

[52] *Hewlett Richard G., Holl Jack M*. Op.cit. P. 313–314; *Holloway David*. Stalin and the Bomb. Yale Univ. Press, 1994. P. 353–354.

[53] Из интервью Дж. Холла Л. Шайнмэну. См.: *Scheinman Lawrence*. Op.cit. P. 68.

[54] *Czasz Paul C*. The Law and Practices of the International Atomic Energy Agency. Vienna: IAEA. 1970 P. 29.

[55] Стенографический отчет пятого заседания Совещания 6-ти правительств 27 августа 1955 г. PV/5/Rev. 1. P. 5. U.S. NARA. Ibid. Box 78.

[56] U.S. NARA. Ibid. Box 79.

зовании (атомной энергии) с контролем над вооружениями имело под собой почву"[57].

Когда администрация США разобралась с процедурами применения гарантий к своим двусторонним соглашениям с государствами в области мирного применения атомной энергии и разработала такие процедуры, она обратилась к советскому правительству с предложением, не пожелает ли советская сторона изучить возможность применения к своим соглашениям о мирном использовании атомной энергии гарантий, которые предполагалось установить по разрабатываемому Уставу МАГАТЭ, где это предусматривалось бы осуществлять на добровольной основе, в порядке договоренности между соответствующими сторонами. США передали советскому посольству в Вашингтоне при памятной записке от 15 августа 1956 г. текст статьи о гарантиях, которая включалась в соответствующие соглашения американской стороной. Советский Союз, однако, ушел от этого вопроса, заявив, что "к нему можно было бы вернуться после принятия Устава Агентства с учетом работы конференции и после необходимой ратификации Устава"[58].

В своей практике заключения двусторонних соглашений СССР в течение довольно длительного времени придерживался отношений доверия к контрагентам, полагаясь на их юридически оформленные заверения, что получаемая помощь будет применяться исключительно в мирных целях, и не требовал установления гарантий на предоставляемых установках. Но в то же время эти соглашения неизменно содержали весьма важные обязательства для стран-получателей о непременном возвращении в СССР всего отработавшего топлива. Таким образом в сущности в значительной степени обеспечивалось, что эти страны не смогут выделять для себя плутоний, накапливавшийся в поставляемом ядерном топливе, которое облучалось в реакторах.

5. ВАШИНГТОНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ И КОНФЕРЕНЦИЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ ПО ВЫРАБОТКЕ УСТАВА МАГАТЭ

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в Вашингтоне с 27 февраля по 18 апреля 1956 г. проходило совещание 12-ти стран по подготовке Устава Агентства.

В директивах советской делегации, подготовленных Министерством среднего машиностроения и МИД и утвержденных постановлением ЦК КПСС 21 февраля 1956 г., делегации поручалось исходить из того, что "проект Устава может быть положен в основу для выработки Устава" МАГАТЭ. При этом делегации "следует ограничиться необходимым минимумом поправок, направленных на обеспечение прав и интересов Советского Союза. Наша позиция не должна дать повода для того, чтобы истолковывать отношение Советского Союза к созданию Агентства или к участию в Агентстве, как отрицательное". В директивах указывалось:

---

[57] *Smith Gerard.* Disarming Diplomat... P. 47.

[58] См.: Междунар. жизнь. 1956. № 10. С. 144–148. Памятная записка посольства СССР от 24 сентября 1956 г.

"⟨...⟩ 4. Ввиду исключительного значения использования атомной энергии в мирных целях и, учитывая тот факт, что деятельность Агентства самым тесным образом связана с использованием опасных расщепляющихся материалов, настаивать на создании Агентства в рамках Организации Объединенных Наций, а также на предоставлении Агентством докладов о своей деятельности Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН ⟨...⟩.

7. При обсуждении вопроса о системе инспекции и контроля не возражать против положений, предусмотренных в проекте Устава, но в эти положения внести дополнение, что проверка и контроль осуществляются с должным соблюдением суверенных прав государств и **в рамках соглашений между государствами и Агентством** (выделено мной. – *Авт.*).

Кроме того, указать на необходимость предоставления Совету Безопасности, как органу, несущему главную ответственность за поддержание мира, докладов о всех случаях нарушений, подпадающих под компетенцию Совета Безопасности, государствами–членами Агентства своих обязательств по Уставу Агентства".

Делегации поручалось добиваться включения в Устав положения о том, что Совет Управляющих обеспечивает охрану находящихся в его распоряжении материалов от a) воздействия погоды, b) незаконного перемещения, c) ущерба или разрушения, включая диверсию, и d) насильственного захвата. Это положение вошло в Устав. Ей также было поручено исходить из целесообразности размещения штабквартиры Агентства в одной из нейтральных стран – Австрии, Швейцарии или Швеции.

Директивы давали возможность советской делегации на Вашингтонском совещании проявлять достаточную гибкость:

"15. При голосовании проекта Устава Агентства выступить с изложением основных замечаний Советского Союза по проекту Устава, **но голосовать за принятие Устава даже в том случае, если эти замечания не будут приняты"** (выделено мной. – *Авт.*)[59].

Делегация должна была также исходить из того, что с точки зрения научно-технической заинтересованность СССР в международном органе определялась тем, что, участвуя в нем, Советский Союз сможет получать интересующую Советский Союз информацию, которая будет поступать в этот орган, и, кроме того, участие в нем позволит устанавливать контакты с научно-техническими кадрами, имеющимися в этой области в других странах[60]. Этой стороне дела в Москве неизменно придавалось большое значение, и само отношение к созданию Агентства в немалой степени определялось стремлением использовать новую организацию для получения полезной научно-технической информации по атомной проблематике.

---

[59] АВП РФ. Ф. 047, оп. 2, п. 79, д. 18, лл. 7–11 и 38–41.
[60] Там же. Ф. 06, оп. 15а, п. 24, д. 33, л. 52.

В порядке подготовки к переговорам по Уставу советская делегация проводила разъяснительную работу, чтобы заручиться поддержкой своей позиции другими участниками Вашингтонского совещания, и действовала в этом отношении в сотрудничестве с дружественными государствами. Как видно из беседы Молотова с послом Индии Меноном 3 февраля 1956 г., предложение о тесной связи создаваемого Агентства с ООН, судя по полученным Индией замечаниям от пятнадцати государств, "найдет значительную поддержку"[61].

О том значении, которое придавалось в Москве, особенно со стороны атомного ведомства, необходимости не допустить слишком строгого контроля, свидетельствует тот факт, что уже после утверждения Политбюро ЦК КПСС директив советской делегации (как выше указывалось, они были одобрены 21 февраля) руководство Министерства среднего машиностроения в письме министра Завенягина на имя Молотова от 23 февраля посчитало нужным еще раз привлечь внимание МИД к весьма жесткой позиции всесильного атомного ведомства в отношении контроля. Целесообразно, говорилось в письме, дать делегации указание:

> "1) Вновь подчеркнуть, что вопросы практического осуществления инспекции и контроля в системе Международного агентства по атомной энергии, по мнению Советского правительства, должны рассматриваться в неразрывной связи с соблюдением суверенных прав государств – членов Агентства и в рамках соглашений между государствами и Агентством;
>
> 2) В соответствии с этим более детально относительно объема контроля и инспекции можно говорить при заключении соглашений между заинтересованным государством-членом и Агентством.
>
> В настоящее время нецелесообразно и невозможно определить детали объема контроля со стороны Агентства, формы инспекции и характер инспекторского аппарата"[62].

Но в целом, несмотря на определенные колебания и, возможно, даже некоторые расхождения между МИДом и министерством среднего машиностроения, общая позиция Советского Союза даже в тот ранний период "основывалась на признании необходимости строгих гарантий против использования атомной помощи в военных целях", как отмечалось в аналитической справке, подготовленной в мае 1960 г. в Отделе международных организаций МИД П.И. Федосимовым. "Этой позиции, – продолжал он, – мы придерживались на Вашингтонском совещании экспертов, по окончании которого было внесено в ЦК КПСС предложение придерживаться такой же позиции на предстоящей Нью-Йоркской конференции"[63].

---

[61] Там же. Ф. 047, оп. 2, п. 79, д. 18, лл. 42–45.

[62] Там же. Лл. 56–57.

[63] АВП РФ. Ф. 047, оп. 6, п. 117, д. 37, л. 67.

Федосимов Павел Иванович (1910–1978) возглавлял референтуру по мирному использованию атомной энергии Отдела международных организаций МИД, а позднее был советником Представительства СССР при МАГАТЭ в Вене.

Накануне открытия совещания 12-ти в Вашингтоне президент Эйзенхауэр выступил с заявлением, что правительство США выделит 20 т обогащенного урана для предоставления помощи иностранным государствам. На вопрос индийского представителя, будет ли осуществляться эта помощь через Агентство или помимо него, американские представители на совещании заявили, что этот вопрос будет решен в зависимости от того, каков будет окончательный текст Устава Агентства. "Этот шаг американцев, резюмировал заведующий Отделом международных организаций МИД Царапкин в записке на имя Молотова, несомненно свидетельствует об их стремлении оказать давление на страны, принимающие участие в совещании, с тем чтобы обеспечить выработку приемлемого для США проекта Устава Агентства"[64].

Одним из важнейших на Вашингтонском совещании стоял вопрос о взаимоотношениях между Агентством и ООН. Было согласовано, что между двумя организациями будет установлена тесная связь. Наиболее спорными оказались вопросы о составе Совета Управляющих и взаимозависимости и взаимоподчиненности создаваемых органов Агентства. Советский Союз выступал за то, чтобы высшим органом стала Генеральная конференция, включающая всех членов организации, и чтобы ее решения носили обязательный характер для Совета. Но это предложение не прошло. Хотя права и полномочия Генконференции были расширены по сравнению с первоначальным проектом, а функции Совета несколько ограничены, все же в конце концов круг его полномочий остался весьма широким.

Что касается состава Совета Управляющих, то в согласованной редакции Устава сочетался принцип справедливого географического распределения с принципом представительства в Совете государств, наиболее развитых в области атомной энергии, а также государств, производящих исходные атомные материалы. Положение о назначении (а не избрании) в состав Совета Управляющих стран, "наиболее развитых в области технологии атомной энергии", фактически гарантирует постоянное членство ядерных держав в Совете.

При рассмотрении проблемы гарантий советская делегация, не возражая в соответствии с директивами в принципе против установления необходимой системы инспекции и контроля, в то же время подчеркивала, что проверка и контроль за использованием каким-либо государством помощи, получаемой от Агентства, должны осуществляться лишь в той мере, в какой это необходимо, и при обязательном соблюдении суверенных прав таких государств[65].

В ходе работы совещания Министерство среднего машиностроения (письмо заместителя министра Б.Л. Ванникова на имя Молотова от 8 марта) вновь подчеркнуло необходимость отражения в Уставе положения о том, что "контроль в любой форме должен осуществляться Агентством с соблюдением суверенных прав государств-членов" и отсутствие такой оговорки может «поставить страны, получающие помощь, в такое

---

[64] АВП РФ. Ф. 06, оп. 15а, п. 24, д. 33, лл. 25–32.

[65] *Ларин В.* Указ. соч. С. 35.

положение, когда Агентство будет насильственно навязывать ему ту или иную форму "помощи" или "контроля", не считаясь с волей государства – члена Агентства»[66].

Делегация СССР тесно сотрудничала с делегацией Индии в попытках ослабить положения о гарантиях, предлагавшиеся США и Англией, которые категорически возражали против урезывания контрольных прав Агентства. Советская делегация зарезервировала за собой право поднять вопрос о необходимости обеспечения суверенных прав государств при осуществлении гарантий на международной конференции по принятию Устава Агентства.

В итоге Вашингтонское совещание единогласно одобрило проект Устава, хотя делегация СССР сделала, как это предусматривалось директивами, оговорки по некоторым уставным положениям. С оговорками выступили и некоторые другие делегации.

Давая оценку итогам Вашингтонского совещания, МИД СССР отмечал, что "в результате внесения в Устав ряда поправок текст его улучшен". Так, "включено положение, обязывающее Агентство представлять доклады Генеральной Ассамблее и в соответствующих случаях – Совету Безопасности". Записано также положение, предусматривающее, что в случае возникновения в деятельности Агентства каких-либо вопросов, находящихся в компетенции Совета Безопасности, Агентство должно уведомлять об этом Совет Безопасности как орган, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности". "Поскольку, – делался общий вывод, – этот проект несколько улучшен по сравнению с первоначальным вариантом, советская делегация на Вашингтонском совещании голосовала за проект устава в целом, сделав, однако, при этом ⟨...⟩ оговорки по некоторым статьям"[67].

Следующим и заключительным этапом в создании Агентства стала международная конференция в Нью-Йорке, проходившая с 20 сентября по 23 октября 1956 г. и собравшая представителей 81 страны.

По **проблеме гарантий**, рассмотрение которой, по признанию многих исследователей, проходило на конференции в наиболее острой борьбе[68], США предлагали, чтобы в Устав (ст. XII) были включены примерно те же условия контроля и инспекции, которые предусматривались в двусторонних соглашениях, заключавшихся США с другими странами. Еще до начала конференции в памятных записках от 1 июня и 15 августа 1956 г. США предложили Советскому Союзу заранее договориться о выработке единообразных условий инспекции и контроля. В ответе на это предложение советское правительство предпочло занять выжидательную позицию и заявило, что оно не возражает против изучения возможности стандартизации гарантий, однако этот вопрос следует рассмотреть дополнительно с участием других государств[69].

---

[66] АВП РФ. Ф. 047, оп. 2, п. 79, д. 18, лл. 61–63.
[67] Там же. Лл. 114–121.
[68] См., например: *Scheinman Lawrence.* Op. cit. P. 72.
[69] *Ларин В.* Указ. соч. С. 61.

Такой ответ объяснялся тем, что к началу конференции в Нью-Йорке в Советском Союзе стали постепенно приходить к выводу, что в позицию по вопросу о контроле в связи с созданием международной организации по атомной энергии необходимо внести некоторые уточнения.

В своих двусторонних соглашениях по мирному исследованию и использованию атомной энергии (они активно заключались в 50-е и 60-е годы и к 1968 г. были подписаны с 26-ю странами[70], а к 1971 г. – уже более чем с 30-ю[71]), как отмечалось, Советский Союз не добивался установления контроля. Страны – получатели помощи лишь брали на себя обязательства использовать эту помощь в мирных целях и "не передавать другим странам, равно как юридическим или физическим лицам, полностью или частично информацию, техническую документацию, а также оборудование и аппаратуру, согласно договоренности между сторонами". Эти государства обязывались также принять "все необходимые меры, гарантирующие сохранность, тайну и использование по назначению полученных от советской стороны по настоящему соглашению информации и технической документации"[72]. Словом, как уже говорилось, дело строилось на доверии и на требовании возвращения поставщику, т.е. Советскому Союзу, отработавшего ядерного топлива.

В уже цитировавшейся нами аналитической справке Федосимова отмечалось, что, к открытию конференции «стало выясняться отрицательное отношение ряда стран к навязыванию им каких-либо гарантий ⟨...⟩. Стало известно, например, что Индия будет требовать ограничения предоставляемых Агентству прав в области инспекции и контроля. Египет считал "колонизаторскими" условия предоставления атомной помощи». В этих условиях, говорилось в материале Федосимова, МИД и Минсредмаш пришли к выводу, что

> «⟨...⟩ [с]тремление США втянуть нас в переговоры узкого круга держав по вопросу о стандартизации гарантий объясняется тем, что во многих странах высказывается недовольство условиями контроля за использованием предоставляемой помощи, которые предусматриваются как в проекте Устава Международного агентства, так и в двусторонних соглашениях, заключаемых США с другими государствами ⟨...⟩.
>
> В связи с этим МИД СССР и МСМ 14 сентября 1956 г. вошли в ЦК КПСС с новым предложением поправить нашу позицию в отношении условий контроля над использованием государствами полученной от Агентства атомной помощи в сторону их смягчения, вплоть до исключения из проекта Устава постановлений, касающихся инспектирования государств, получающих атомную помощь, ограничившись сохранением в Уставе лишь положений, предусматривающих обязательство указанных государств предо-

---

[70] *Тимербаев Р.М.* Мирный атом... С. 129.

[71] *Малинин С.М.* Мирное использование атомной энергии. Международно-правовые вопросы. М.: Междунар. отношения, 1971. С. 18.

[72] Там же. С. 130–131.

ставлять Агентству отчеты и доклады об использовании получаемой помощи.

Мы исходили из того, что изменение нашей позиции в отношении контроля в сторону его смягчения найдет положительный отклик и встретит поддержку со стороны слаборазвитых стран. При этом учитывалось, что на Нью-Йоркской конференции по всем главным вопросам, в том числе и по вопросу о гарантиях, к нашей позиции будут ближе не США, а такие страны, как Индия, Египет, Сирия, Индонезия и др.

Что касается нашего ответа на предложение госдепартамента о переговорах по стандартизации гарантий, то МИД СССР и МСМ предложили, не отказываясь от переговоров, указать в ответе американцам на необходимость участия в таких переговорах всех заинтересованных государств, а к вопросу о распространении гарантий Агентства на двусторонние соглашения вернуться после принятия Устава конференцией. При этом предлагалось исходить из того, что вопрос о гарантиях по двусторонним соглашениям – вопрос, который не может служить предметом многосторонних переговоров.

Эти предложения были утверждены постановлением ЦК КПСС № П 42/25 от 22.IX.56 г. В Директивах делегации СССР на Нью-Йоркской конференции было предложено заявить, что "советская делегация считает достаточной гарантией предусматриваемые в проекте Устава обязательства государств не использовать получаемую от Агентства помощь для производства ядерного оружия, а также обязательства государств представлять отчеты и доклады об использовании помощи, получаемой от Агентства". Предлагалось поддержать требования участников конференции, особенно представителей слаборазвитых стран, относительно условий контроля вплоть до исключения из проекта Устава положений об инспектировании государств, получающих помощь от Агентства»[73].

Из изложенного видно, что советская позиция по гарантиям в период создания Агентства определялась как стремлением избежать установления строгого контроля, что вытекало из общего подхода к международному контролю еще со времен "плана Баруха", так и линией на завоевывание по возможности широкого влияния во вновь формируемой организации, опираясь прежде всего на развивающиеся страны.

Исходя из этого курса, советская дипломатия вела на конференции дело к тому, чтобы максимально ослабить американские предложения по гарантиям при поддержке других государств. И, действительно, против американской позиции по контролю на конференции выступили делегации Индии, Индонезии, Цейлона, Египта, Ирана, Сирии, Афганистана, Филиппин, Ливана и ряда других стран.

Особенно упорно против американских предложений по контролю

---

[73] АВП РФ. Ф. 047, оп. 6, п. 117, д. 37, лл. 69–70.

выступала на конференции в Нью-Йорке делегация Индии. Еще накануне конференции представитель Индии при ООН Артур Лалл заявил, что Индия будет добиваться смягчения контроля. Советская делегация, руководителем которой был посол в США Зарубин, заявила, что достаточной гарантией она считает предусмотренные в проекте Устава обязательства государств не использовать получаемую от Агентства помощь для производства ядерного оружия, а также обязательства государств представлять отчеты и доклады об использовании атомной помощи, получаемой от Агентства.

Проведение в жизнь системы гарантий, предусматриваемой проектом Устава, подготовленным Вашингтонским совещанием, заявлял советский представитель, имело бы значение в том случае, если бы это было связано с запрещением атомного оружия и если бы гарантии распространялись на все государства, как получающие помощь, так и предоставляющие ее. Применение же строгих гарантий только в отношении стран, получающих помощь, т.е. в первую очередь в отношении слаборазвитых стран, не достигает цели и в то же время навязывает им такие условия контроля, которые нарушали бы их суверенитет и тормозили бы мирное использование атомной энергии в этих странах[74].

Франция также возражала против жесткого контроля, считая его посягательством на национальный суверенитет. Французский представитель Гольдшмидт вспоминал:

> "Индия была лидером оппозиции очень строгому применению гарантий, и Франция, которую я представлял, поддержала ее, предложив смягчить гарантии в отношении естественного урана и настаивая на том, чтобы гарантии не были столь суровыми, чтобы отпугивать будущих государств-членов от обращения к новому агентству за помощью"[75].

Под занавес конференции, когда возникла угроза отклонения проекта статьи XII или ее принятия очень небольшим числом голосов, Франция и Швейцария предложили компромиссную поправку к пункту А.5 статьи XII, в соответствии с которой государства могли бы сохранять из произведенных ими расщепляющихся материалов те количества, которые они считают необходимыми для исследовательской деятельности и заправки действующих или строящихся ядерных реакторов. Делегация США попросила 48 часов для согласования с Вашингтоном и в конце концов франко-швейцарская поправка с некоторыми изменениями была принята[76].

В итоге дискуссий после включения в проект статьи XII некоторых смягчающих ее поправок, текст в целом был единогласно одобрен, причем во многих отношениях он был близок к его первоначальной редакции. Немалую роль в оказании "должного" воздействия на представленные на

---

[74] *Ларин В.* Указ. соч. С. 65–66.

[75] *Goldschmidt Bertrand.* The Origins of the International Atomic Agency // International Atomic Energy Agency Agency, Personal Reflections. Vienna: IAEA, 1997. P. 11.

[76] Ibid. P. 12.

конференции государства сыграло заявление президента Эйзенхауэра о выделении Агентству 5000 кг урана-235[77].

Делегация СССР в своем выступлении по мотивам голосования каких-либо оговорок в отношении положений статьи о гарантиях не сделала, указав лишь, что "не следует налагать обременительных условий получения помощи странами, желающими воспользоваться услугами Агентства, и что надо установить обязательным, чтобы деятельность Агентства в любой области проводилась с должным соблюдением суверенных прав государств"[78].

В принятом Уставе Агентство уполномочивается "устанавливать и проводить в жизнь гарантии, имеющие своей целью обеспечить, чтобы специальные расщепляющиеся и иные материалы, услуги, оборудование, технические сведения, предоставляемые Агентством или по его требованию или под его наблюдением или контролем, не были использованы таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели и распространять, по требованию сторон, применение этих гарантий на любые двусторонние или многосторонние соглашения или, по требованию того или иного государства, на любые виды деятельности этого государства в области атомной энергии" (ст. III.A.5). На основе этого принципиального положения Устава в статье XII излагается порядок осуществления гарантий. МАГАТЭ явилось первой широкой международной организацией, располагающей функциями контроля и инспекции на территории ее государств-членов.

Но ограниченный и компромиссный характер предусмотренной Уставом МАГАТЭ системы гарантий очевиден. Контроль мог быть установлен только при трех обстоятельствах:

1. Помощь государству-получателю оказывается **самим** Агентством. Эта помощь на практике носила и по сей день носит чрезвычайно ограниченный характер. Обещанные США, СССР и Англией многие сотни килограммов расщепляющихся материалов практически так и не были поставлены, за исключением незначительных количеств.

2. Гарантии применяются к **двусторонним** соглашениям о сотрудничестве. Установление контроля зависит, стало быть, от требования государства, предоставляющего помощь, и от согласия на это государства-получателя. США неизменно требовали контроля, Советский же Союз поначалу оказывал помощь без такого требования.

3. Государство само **добровольно** соглашалось бы ставить под гарантии свою ядерную деятельность. Этот вариант некоторыми скептиками тогда считался гипотетическим и даже наивным (кто, будучи в здравом уме, согласится поставить себя под контроль?), но во всяком случае без-

---

[77] Следует заметить, что из всего обещанного Агентству расщепляющегося материала (обогащенного урана) общим количеством 5140 кг (5070 кг от США, 50 кг от СССР и 20 кг от Англии) и исходного материала (от Канады, Индии, Португалии, Южной Африки и Шри Ланки) только граммовые количества были предоставлены американцами лаборатории Агентства в Зайберсдорфе (Австрия). В дальнейшем ядерные материалы передавались странам-получателям на основе двусторонних соглашений под соответствующими гарантиями МАГАТЭ.

[78] АВП РФ. Ф. 047, оп. 6, п. 117, д. 37, л. 70.

вредным. Однако в дальнейшем, уже после заключения Договора о нераспространении ядерного оружия, именно в соответствии с этим положением все ядерные державы добровольно согласились поставить под гарантии МАГАТЭ свою гражданскую ядерную деятельность (или часть ее)[79], а участники соглашений о зонах, свободных от ядерного оружия, приняли эти гарантии для контроля за обеспечением безъядерного статуса таких зон. Ныне же имеется принципиальная договоренность между Россией, США и МАГАТЭ о добровольной постановке под трехсторонние гарантии и расщепляющихся материалов, высвобождаемых в результате сокращения ядерных арсеналов.

Принятый текст статьи о гарантиях США считали минимальным, но приемлемым выходом, он был для них более "предпочтительным, чем ничего", они рассчитывали в дальнейшем постепенно усиливать систему контроля[80] (что в действительности впоследствии и произошло). Советский Союз, удовлетворившись тем, что не все требования США были приняты и что ему удалось завоевать поддержку целого ряда развивающихся стран, также согласился на принятие статьи XII.

Представляет далеко не чисто исторический интерес обсуждение на конференции предложений, направленных на выработку **определения "военные цели"** – формулировки, употребляемой в ряде статей Устава, которое мы приводим на основе аналитической справки, подготовленной сотрудниками Отдела международных организаций МИД В.И. Оберемко и И.М. Паленых[81].

Делегат Франции Гольдшмидт предложил записать в Уставе, что "применением атомной энергии не в мирных целях считается только использование в военных целях атомных взрывов и токсичности радиоактивных материалов". Индийский представитель Хоми Баба, со своей стороны, предложил такое определение: "Военные цели означают производство, испытание или применение ядерного или термоядерного оружия". По всей вероятности, Баба уже в 1956 г. имел в виду возможность проведения так называемых мирных ядерных взрывов. Сам он погиб в авиационной катастрофе в 1966 г., а Индия произвела свое первое ядерное испытание в 1974 г., объявив, что это взрыв "в мирных целях".

Представитель США Дж. Уодсворт высказал сомнение в обеих предложенных формулировках. Его поддержал англичанин Рэндал. Советский представитель Зарубин также заявил о несогласии с обеими поправками. Касаясь французской, он сказал, что не может ее поддержать "так как, согласно этой поправке, например, производство атомных двигателей для подводных лодок или для любых военных судов не является военным применением атомной энергии, с чем, конечно, согласиться нельзя".

---

[79] См. гл. 8.

[80] *Clausen Peter A.* Op. cit. P. 36–37.

[81] АВП РФ. Ф. 047, оп. 3, п. 89, д. 31, лл. 11–13.

Паленых Игорь Михайлович (1929–1992) был советником Отдела международных организаций, советником Представительства СССР при МАГАТЭ, руководителем делегации на советско-американских переговорах по заключению протоколов к договорам о "пороговом" ограничении испытаний ядерного оружия и о подземных ядерных взрывах в мирных целях.

Поправка Франции "чрезвычайно ограничивает" понятие "военных целей". Зарубин высказался отрицательно и в отношении индийского предложения, считая, что "она не вносит полной ясности в вопрос об определении, что такое использование атомной энергии в военных целях". Делегации трех ядерных держав – СССР, США и Англии, как видно, не были склонны каким-либо образом конкретизировать понятие "военные цели". Определение "военных целей" так и не было согласовано. Любопытно упоминание Зарубиным атомных двигателей для подводных лодок. Не означало ли это определенную обеспокоенность отставанием Советского Союза от США в создании атомного подводного флота?

Большое место в дискуссиях на конференции занял вопрос о **взаимоотношениях между МАГАТЭ и ООН**, в рассмотрении которого заметную активность проявляла советская делегация. Суть вопроса состояла в том, быть ли создаваемому Агентству специализированным учреждением ООН или иметь особый, автономный статус, но в то же время находиться в тесной связи с ООН в вопросах поддержания международной безопасности.

Широкое обсуждение этого вопроса состоялось еще на IX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1954 г. По просьбе Первого комитета Генассамблеи Генеральный секретарь ООН подготовил меморандум, в котором высказал мнение, что Агентство должно иметь "достаточно тесную связь с ООН для обеспечения эффективной координации его программ и деятельности с другими органами системы ООН". Однако "имеются серьезные основания считать, почему модель взаимосвязи со специализированными учреждениями не будет адекватно служить желаемым целям". Генеральный секретарь высказался за то, чтобы проложить здесь "особый курс"[82].

Делегация США еще до появления указанного меморандума вместе с другими западными странами выступила с проектом резолюции, где предлагалось, чтобы взаимоотношения между ООН и МАГАТЭ были подобными тем, которые существуют со специализированными учреждениями. Против этого решительно выступила советская делегация. Она выдвинула поправку к проекту резолюции, предлагавшую записать, что Агентство "учреждается как орган, ответственный перед Генеральной Ассамблеей, а в случаях, предусматриваемых Уставом ООН, перед Советом Безопасности"[83]. И хотя эта поправка тогда не была принята, исследователь МАГАТЭ Пол Сас считает, что практически вопрос о статусе Агентства на сессии Генассамблеи решен – МАГАТЭ не будет специализированным учреждением[84].

На следующей – X сессии Генассамблеи в 1955 г. Генеральный секретарь подготовил новое исследование по вопросу о взаимоотношениях между обеими организациями, в котором высказывалось мнение, что между ними должно быть заключено соглашение, в которое от име-

---

[82] Док. ООН A/C.1/L.758.
[83] Док. ООН A/C.1/L.106/Rev.1.
[84] *Szasz Paul.* Op. cit. P. 260.

ни ООН вступит Генеральная Ассамблея[85]. Нью-Йоркская конференция по Уставу Агентства поддержала указанное исследование ООН. Поскольку по Уставу ООН (ст. 63, п. 1) со специализированными учреждениями соглашения заключает Экономический и Социальный Совет ООН, Агентство, таким образом, не становилось специализированным учреждением.

В итоге в Уставе МАГАТЭ была зафиксирована особая форма взаимоотношений между двумя организациями. Не будучи специализированным учреждением ООН, Агентство, с одной стороны, обладает автономным статусом в рамках "семьи ООН", но в то же время имеет более тесную связь с всемирной организацией и ее Советом Безопасности. Как подметил Сас, причиной для получения такого особого статуса послужило главным образом стремление к тому, чтобы Агентство имело "ограниченную подчиненность Совету Безопасности"[86].

Существенную роль в достижении этой цели сыграл Советский Союз. Еще на Вашингтонском совещании он предложил включить в Устав формулировку о представлении Агентством докладов Генеральной Ассамблее и Совету Безопасности ООН. В окончательном виде это положение было зафиксировано в статье III.B.4 следующим образом:

> Агентство "представляет ежегодные доклады о своей деятельности Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций и, когда это требуется, Совету Безопасности. Если в связи с деятельностью Агентства возникают вопросы, входящие в компетенцию Совета Безопасности, Агентство уведомляет об этом Совет Безопасности, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, а также может принять меры, на которые оно уполномочено в силу настоящего Устава ⟨...⟩".

Таким образом, Международное агентство по атомной энергии следует рассматривать как специфический механизм в системе ООН, созданный на основе межправительственного соглашения, однако поставленный в особую, только ему присущую связь с ООН в лице ее главных органов – Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности[87].

Уставное положение об особом характере взаимоотношений между МАГАТЭ и ООН и ее Советом Безопасности было конкретизировано позднее в Соглашении между МАГАТЭ и ООН, заключенном в 1957 г. О том, что Советский Союз добивался при выработке этого соглашения возможно более тесной связи между МАГАТЭ и ООН, видно из докладной записки заведующего Договорно-правовым отделом МИД Г.И. Тункина заведующему Отделом международных организаций К.В. Новикову[88]. В записке предлагалось настаивать на том, чтобы соглашение "предусмат-

---

[85] Док. ООН A/3122.

[86] *Szasz Paul.* Op. cit. P. 261.

[87] Ср.: *Малинин С.А.* Указ. соч. С. 99.

[88] Новиков Кирилл Васильевич (1905–1983) в годы войны – советник посольства СССР в Англии, в дальнейшем посол в Индии, в 1964–1973 гг. – заведующий Отделом международных организаций, принимал участие в сессиях ООН и МАГАТЭ.

ривало конкретный порядок представления Агентством докладов о своей деятельности как Генеральной Ассамблее, так и Совету Безопасности"[89]. Во многом благодаря усилиям Советского Союза принятый текст статьи IX этого соглашения был сформулирован следующим образом:

"Сотрудничество с Советом Безопасности

> Агентство сотрудничает с Советом Безопасности, представляя ему по его требованию такие сведения и **оказывая такую помощь** (выделено мной. – *Авт.*), какие могут потребоваться при исполнении им своих обязанностей по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности"[90].

Именно это положение в дальнейшем послужит юридической основой для тесного сотрудничества между специально созданным Советом Безопасности органом – Специальной комиссией ООН по Ираку (UNSCOM) и МАГАТЭ в деле уничтожения ядерного потенциала Ирака после войны в Персидском заливе в 1991 г.[91]

В отношении другого важного аспекта деятельности МАГАТЭ – его участия **в контроле за ограничением ядерных вооружений и разоружением,** то в Уставе Агентства с общего согласия было записано важное положение о том, что Агентство

> "проводит свою деятельность в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций, направленными на укрепление мира и поощрение международного сотрудничества, и в согласии с проводимой Организацией Объединенных Наций политикой содействия установлению обусловленного гарантиями разоружения во всем мире и в согласии с любыми международными соглашениями, заключенными в соответствии с такой политикой" (ст. III.B.1).

Эта статья Устава в дальнейшей деятельности Агентства стала краеугольной юридической основой для развертывания усилий Агентства в области ограничения ядерных вооружений и разоружения – контроль за соблюдением Договора о нераспространении ядерного оружия, договоров об образовании зон, свободных от ядерного оружия, и др., которые, в соответствии со сложившейся практикой, обычно одобряются решениями ООН[92].

В данном контексте уместно заметить, что указанное направление деятельности Агентства (контроль за нераспространением ядерного оружия и разоружением) на всем протяжении существования МАГАТЭ – и по сей день – вызывало и вызывает дебаты, имеет своих сторонников и

---

[89] АВП РФ. Ф. 047, оп. 3, п. 89, д. 31, л. 2.

[90] Док. МАГАТЭ INFCIRC/11.

[91] См.: *Timerbaev Roland, Welsh Susan.* The IAEA's Role in Nuclear Arms Control // The Nonprolifer. Rev. 1994. Spring–Summer. Vol. 1. N 3. P. 19–20.

[92] См.: *Timerbaev Roland, Welsh Susan.* Op. cit. P. 18–30; *Timerbaev Roland.* The IAEA and Nuclear Arms Control: Past, Present and Future // International Atomic Energy Agency. Personal Reflections. Vienna: IAEA, 1997. P. 157–168.

противников. Поскольку эта деятельность и эти дебаты в основном выходят за рамки того исторического периода, который охватывается настоящей монографией, мы не будем специально на них останавливаться. Подчеркнем, однако, что уже с самого начала, на заре переговоров о создании новой организации и в первые годы ее деятельности, перспектива участия Агентства в контроле за разоружением не только подразумевалась, она была заложена в качестве уставной функции МАГАТЭ.

В первые годы американцы, отталкиваясь от "плана Баруха", к перспективе этой деятельности Агентства проявляли наибольший интерес. Характерно в этом отношении заявление первого генерального директора МАГАТЭ американца Стерлинга Коула вскоре после его ухода с этого поста. В своей речи в Вашингтоне 2 апреле 1962 г. он говорил:

> "[А]томная энергия откроет пути, необходимые для международного контроля над атомной энергией в ее мирном применении на все времена. И следует понять, что эти пути ядерной инспекции мирного использования прокладывают путь для инспекции по любой программе ядерного разоружения и прекращения испытаний оружия ⟨...⟩. Агентство уже приняло такую систему инспекции"[93].

Более сдержанное отношение к участию МАГАТЭ в международном контроле над атомной энергией и к гарантиям Агентства, как было показано выше, проявлял на том этапе Советский Союз. Но в дальнейшем отношение СССР/России к участию МАГАТЭ в контроле за ограничением ядерных вооружений и разоружением стало меняться в положительном направлении, и сейчас Россия такую деятельность активно поддерживает.

23 октября 1956 г. Устав МАГАТЭ был единогласно принят Нью-Йоркской конференцией и 26 октября подписан 70 государствами. 29 июля 1957 г. Устав вступил в силу.

* * *

В настоящей главе мы затронули лишь те стороны сложного процесса создания Международного агентства по атомной энергии, которые относятся к "нераспространенческому" аспекту его деятельности.

Уже тогда отцы-основатели МАГАТЭ предвидели значение недопущения переключения ядерных материалов с мирных на военные цели. И, тем не менее, нужно отметить, что Агентство появилось на свет в тот период, когда ни СССР, ни США, ни другие основные державы еще не сознавали в полной мере опасность распространения ядерного оружия. Советский Союз оказывал содействие КНР в создании атомного оружия и заключал соглашения об атомном сотрудничестве с десятками государств, не требуя никакого контроля за предоставляемой помощью; США содействовали английской атомной программе; Франция готовилась стать ядерной державой и помогала Израилю создавать ядерный потенциал;

---

[93] АВП РФ. Ф. 047, оп. 8, п. 94, д. 20, лл. 204–209.

Канада поставляла ядерное оборудование Индии "под честное слово", не отдавая себе отчет в том, что это позволило индийскому правительству накопить расщепляющиеся материалы для взрывных целей, и т.д. и т.п.

Интерес СССР к МАГАТЭ в начальный период деятельности Агентства основывался на комбинации целого ряда факторов, среди которых нераспространение ядерного оружия еще не играло самую главную роль. В Москве прагматики отдавали отчет в том, что в условиях быстро развивающегося сотрудничества в мирном использовании атомной энергии новая международная организация, специально созданная для регулирования этой сферы общения между нациями, – дело исторически неизбежное и полезное для развития такого сотрудничества. А раз это так, то оставаться в стороне никак нельзя и, наоборот, нужно сделать все, чтобы завоевать в ней влияние и крепкие позиции. Кроме того, Агентство могло бы содействовать получению полезной для Советского Союза информации по использованию атомной энергии.

И, конечно же, советское руководство отдавало себе полный отчет в том, что необходимо упредить возможное переключение атомной помощи на военные цели и Агентство – единственный реально возможный международный механизм для реализации этой задачи. Отсюда и стремление как можно теснее привязать МАГАТЭ к Совету Безопасности ООН, где СССР располагал правом вето.

Что касается основного инициатора учреждения МАГАТЭ – США, то они в тот период были заняты активным содействием образованию Евратома, а также заключали многочисленные соглашения о двустороннем сотрудничестве в атомной области. Отношение США к Агентству, как считает исследователь американской политики в области нераспространения ядерного оружия Питер Клаузен, "отражало элементы фатализма, самоуспокоенности и противоречивости в отношении нераспространения как такового. Хотя такие настроения не разделялись всеми в администрации Эйзенхауэра, преобладающее мнение сводилось к тому, что распространение ядерного оружия является делом вероятным, не противоречило бы глубинным интересам США и могло при некоторых обстоятельствах даже послужить интересам страны"[94].

По мнению ряда наблюдателей, немалый вред Агентству в первоначальный период его деятельности нанесло настойчивое требование правительства США о том, чтобы первым генеральным директором МАГАТЭ стал американец Стерлинг Коул, и это не могло не "вызывать озабоченности у Советов, что Агентство будет служить интересам и политике США"[95]. Как отмечает профессор Лоуренс Шайнмэн, "экономические и технологические условия, с одной стороны, и политика, которую проводили ведущие ядерные державы, с другой, ограничили масштабы и значение деятельности Агентства еще даже до того, как МАГАТЭ приступило к работе"[96].

И, тем не менее, МАГАТЭ стало первым важным закладным кирпичем в фундамент того здания нераспространения, которое посте-

---

[94] *Clausen Peter A.* Op. cit. P. 42.
[95] *Scheinman Lawrence.* Op. cit. P. 75.
[96] Ibid. P. 76.

пенно создавалось и становилось все более многоэтажным и многомерным, и значение факта учреждения Агентства трудно переоценить, особенно если учитывать перспективы его дальнейшего укрепления и развития.

Советский Союз и Соединенные Штаты, поначалу относясь с недоверием друг к другу, буквально наощупь прокладывали путь к закладыванию фундамента работающей международной организации по атомной энергии. Временами они испытывали взаимные подозрения и опасения, но ситуации открытой вражды между ними практически не возникало. Обе стороны "в глубине души" понимали необходимость нового международного инструмента, его значение с точки зрения как своих собственных интересов, так и задач установления глобального атомного миропорядка. И в дальнейшем сотрудничество в МАГАТЭ между двумя державами стало краеугольным камнем его многолетней эффективной деятельности.

Глава 3

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АТОМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (50–60-е годы)

В 40–60-х годах – атомные технологии быстро развивались во многих странах. Научные исследования, технологические проработки и промышленные применения разворачивались по широкому спектру, затрагивая как мирные, так и военные аспекты внутриядерной энергии. В тот период, собственно говоря, практически и не проводилось принципиального различия между ними.

Всем были известны страшные разрушительные последствия применения Соединенными Штатами ядерного оружия над Хиросимой и Нагасаки. И тем не менее в начале 50-х годов, как отмечал шведский специалист по вопросам ограничения вооружений Ян Правиц, ядерное оружие широко рассматривалось просто как более мощное оружие "обычного типа", не представляющее особого политического значения. "Сегодняшние рефлексии относительно того, следует ли вообще применять ядерное оружие, – писал он, – в тот период не были столь определенно выражены"[1].

Примерно такая же точка зрения получила распространение и в Советском Союзе. Ее высказывал, в частности, в 1955 г. генерал-майор инженерно-технической службы Г. Петровский, который, несомненно отражая официальную позицию советских военных кругов, писал, что "атомное и термоядерное оружие на данной стадии развития лишь дополняет боевую мощь старых видов вооружений. Артиллерия, танки, авиация, и стрелковое и другое вооружение были и остаются основой боевой мощи армии"[2]. Маршал Советского Союза Н.В. Огарков позднее писал, что в 50–60-х годах, когда ядерного оружия было еще мало, оно рассматривалось лишь как средство, дающее возможность нарастить огневую мощь войск[3].

Для более всестороннего понимания процесса осмысливания мировым сообществом необходимости положить предел распространению ядерного оружия важно восстановить картину того, как в рассматриваемый период в целом ряде государств развивалось применение атомных технологий и создавалась атомная индустрия. Многое из того, о чем пойдет речь в настоящей главе, было известно тогда лишь хорошо информированным

---

[1] *Prawitz Jan.* From Nuclear Option to Non-Nuclear Promotion: The Sweden Case / The Swedish Inst. of Intern. Affairs, Research Report 20. Stockholm, 1995. P. 5.

[2] *Петровский Г.* Вооружение в современной войне // Марксизм-ленинизм о войне, армии и военной науке. Сборник статей. М.: Воениздат, 1955. С. 68.

[3] *Огарков Н.В.* История учит бдительности. М.: Воениздат. 1985. С. 51.

правительствам, которые делали для себя из такой информации соответствующие выводы. Достоянием широкой общественности это стало только в последнее время, когда открылся доступ ко многим ранее закрытым, в том числе архивным материалам. Впрочем, еще немало секретов по-прежнему находятся "за семью печатями". Но и того, что мы знаем сегодня, достаточно для объяснения причин возникшей в конце 50-х – начале 60-х годов в широких кругах мировой общественности озабоченности относительно распространения знаний, технологий и делящихся материалов и оборудования, позволяющих производить ядерные взрывные устройства. При изложении приводимых ниже данных мы будем давать по возможности только фактическую картину, стараясь не фокусировать внимание на побудительных мотивах государств, стремившихся к овладению ядерным оружием, так как это не является предметом настоящего исследования.

1. ТРЕТЬЯ АТОМНАЯ ДЕРЖАВА – АНГЛИЯ. СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ США И АНГЛИЕЙ

Как отмечалось в первой главе, соглашения военного времени (Квебек, август 1943 г., и Гайд-Парк, штат Нью-Йорк, сентябрь 1944 г.) предусматривали широкое англо-американское сотрудничество в атомной области. И в ходе уже послевоенной вашингтонской встречи руководителей США, Англии и Канады в ноябре 1945 г., на которой рассматривался вопрос о передаче атомной проблемы в ООН, США и Англия подписали секретный меморандум о "полном и эффективном" ядерном сотрудничестве. Однако вскоре американцы спохватились и дезавуировали эту договоренность, а летом 1946 г. конгрессом был принят закон Макмагона, установивший запрет на передачу атомной информации кому бы то ни было.

Премьер-министр Эттли уже летом 1945 г. создал сверхсекретный комитет под кодовым названием "Джен-75" по планированию и строительству объектов для производства атомной бомбы[4], а в начале января 1947 г. на заседании специального правительственного комитета (участвовали Эттли, Бевин, лорд-председатель тайного совета Моррисон, министр обороны Александер, министр по делам доминионов Аддисон и министр снабжения Уилмот; военные приглашены не были) принимается официальное решение о самостоятельном производстве атомного оружия (кодовое название "Джен-163"). Организационная сторона проекта, работы над которым в лабораториях Англии фактически не прерывались с довоенных времен, были возложена на маршала авиации Портала, а научная – на доктора Уильяма Пенни. До своего ареста в начале 1950 г. Клаус Фукс руководил отделом теоретической физики атомного центра в Харуэлле.

Но два важных вопроса в отношениях между союзниками оставались неурегулированными: во-первых, по квебекскому соглашению предусмат-

---

[4] об этом советская разведка узнала через Клауса Фукса, в 1946 г. вернувшегося из США в Англию, гражданином которой он являлся.(*Феклисов А.С.* Подвиг Клауса Фукса // Воен.-истор. журн. 1990. № 12. С. 27).

ривалось взаимное вето на применение атомного оружия, от чего США стремились избавиться; во-вторых, сохранялся британский контроль над поставками в Америку урана из Бельгийского Конго. Лишь в январе 1948 г. между двумя странами было достигнуто неформальное соглашение, известное как "*Modus vivendi*", согласно которому англичане отказались от вето, в обмен на что США согласились делиться информацией о конструкции реакторов на природном уране, при этом американцы стали получать львиную долю конголезского урана[5].

Год спустя администрация Трумэна в связи с предложением английского правительства и по рекомендации специального комитета под председательством госсекретаря Ачесона (в комитет входили министр обороны Луис Джонсон, председатель КАЭ Дэвид Лилиенталь и др.) предпринимает попытку возобновить ядерное сотрудничество с Англией, включая "полный обмен информацией об оружии"[6]. Однако это встречает решительное противодействие влиятельных сенаторов Ванденберга, Хикенлупера, Макмагона и других, которые выступили против "распродажи и раздачи британцам бесценных секретов"[7]. Окончательный удар по планам сотрудничества, надо полагать, нанес арест в Англии в феврале 1950 г. Клауса Фукса. То, что раскрытие разведывательной деятельности Фукса повлияло на сдерживание дальнейшего англо-американского сотрудничества в атомной области, подтвердил и Ачесон[8].

В этих условиях англичанам пришлось самостоятельно создавать бомбу, которую они успешно испытали 3 октября 1952 г на о-вах Монте-Белло в Индийском океане, предоставленных Австралией для этой цели Англии. Бомба (плутониевая) была взорвана на фрегате[9].

После вступления Англии в эксклюзивный "атомный клуб" процесс дальнейшего распространения атомной энергии стал быстро набирать темпы. Администрация Эйзенхауэра приняла стратегию "Нового взгляда" ("New Look"), суть которой состояла в распространении некоторых "ядерных фактов" внутри НАТО. Речь шла об оснащении сил НАТО тактическим ядерным оружием и об обучении натовских вооруженных сил обращению с этим оружием при сохранении американского контроля над ним и вето на его применение[10].

Однако изменения, внесенные в 1954 г. в закон Макмагона 1946 г., позволяли делиться только информацией, необходимой для обучения войск и разработки совместных военных планов. Союзники же требовали гораздо большего.

Как докладывало посольство СССР в Англии в январе 1955 г., в

---

[5] *Rhodes Richard*. Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y.: Simon and Schuster, 1955. P. 299–301; *Трухановский В.Г.* Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М.: Междунар. отношения, 1985. С. 59.

[6] *Acheson Dean*. Present at the Creation. My Years in the State Department. N.Y.: Norton and Co, 1969. P. 314.

[7] bid. P. 319.

[8] Ibid. P. 321.

[9] По свидетельству Дина Ачесона, англичане в 1951 г. просили США провести испытание изготовленной ими бомбы, но получили отказ.

[10] *Clausen Peter A*. Non-proliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Wedpons. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1993. P. 43–44.

октябре 1954 г. в Вашингтоне состоялись секретные англо-американо-канадские переговоры, в ходе которых США согласились на обмен определенной атомной информацией с Англией и Канадой и были разработаны "новые планы" в отношении такого обмена. От США в переговорах участвовал председатель КАЭ Страус, от Англии – руководитель управления по атомной энергии Плоуден. Советское посольство сделало вывод, что за последнее время противоречия между Англией и США в вопросах обмена атомной информацией "в значительной мере были урегулированы". США стали проявлять большую заинтересованность в обмене атомной информацией в связи с тем, что Англия к тому времени достигла определенных успехов в области атомной энергии: были проведены испытательные взрывы, сооружалась первая АЭС и т.д.[11]

В развивающейся ситуации администрация США в начале 1958 г. вошла в конгресс с предложением внести радикальные изменения в законодательство, которые повели бы к широкому ядерному сотрудничеству с союзниками по НАТО. В итоге правительство одержало лишь частичную победу: конгресс установил высокий порог для тех, кто хотел бы получить право на ядерное сотрудничество, и соответствовать такому порогу могла только Англия.

Если в первые годы англичане придерживались "концепции национальной независимости" в атомной области, то на встрече Эйзенхауэра и Макмиллана на Бермудских о-вах в 1957 г. между двумя странами установились отношения известной взаимозависимости. Таким образом, администрация Эйзенхауэра возобновила прерванное ядерное сотрудничество с Англией, что было подтверждено в последующем и администрацией Кеннеди. Эйзенхауэр и Макмиллан договорились в ходе встречи на Бермудах, что размещаемые в Англии ракеты "Тор", в отличие от тех же ракет на территории других натовских стран, будут находиться под британским национальным контролем и могут быть запущены британским персоналом, но с санкции президента США. Ядерные же боеголовки будут предоставляться Соединенными Штатами и находиться под американским контролем, но до тех пор, пока англичане не оснастят эти ракеты собственными боеголовками.

Со своей стороны англичане продолжали наращивать ядерный потенциал и в мае 1957 г. произвели первый взрыв водородный бомбы. Как бы в ответ на это, Эйзенхауэр во время встречи с Макмилланом в Кэмп-Дэвиде в марте 1960 г. согласился продать англичанам ракету "Скайболт" ("Skybolt") воздушного базирования, которая тогда разрабатывалась министерством обороны США.

Кеннеди, как указывалось, продолжил военное сотрудничество с Англией, однако его несколько беспокоило то, что британский прецедент может вызвать упреки в дискриминационном отношении к другим союзникам по НАТО, особенно со стороны де Голля. И тут представился подходящий случай: разработка ракеты "Скайболт" проходила с большими трудностями, и министр обороны Макнамара добился отмены этой программы.

Очередная встреча Кеннеди и Макмиллана в Нассау в декабре 1962 г.

---

[11] АВП РФ. Ф. 047, оп. 1, п. 65, д. 18, лл. 5–6.

началась в обстановке большой напряженности, и американскому президенту в конце концов пришлось уступить Макмиллану "во имя англо-саксонского сотрудничества" и согласиться на передачу англичанам ракеты "Поларис" морского базирования, причем в национальные руки. Макмиллан, правда, со своей стороны пошел на то, что английские подводные лодки с "Поларисами" будут приданы НАТО, но ему удалось добиться права на независимое использование их, когда этого потребуют "высшие национальные интересы"[12]. Кроме того, англичане неофициально согласились на размещение американских подлодок с "Поларисами" на военной базе в Шотландии[13].

Американо-британское военное атомное сотрудничество продолжалось и далее. С 1961 г. первые американские атомные подводные лодки стали базироваться в Шотландии. Позднее США дали согласие на проведение англичанами ядерных испытаний на американском полигоне в штате Невада.

2. ЧЕТВЕРТАЯ АТОМНАЯ ДЕРЖАВА – ФРАНЦИЯ

Французские ученые еще задолго до второй мировой войны внесли выдающийся вклад в развитие атомной науки. Достаточно назвать открытие Ирен и Фредериком Жолио-Кюри искусственной радиоактивности в 1934 г., за что им была присуждена Нобелевская премия. Жолио-Кюри первым установил возможность создания ядерного реактора на природном уране с тяжелой водой в качестве замедлителя. Уже в 1939–1940 гг. он вместе с Хансом фон Хальбаном и Львом Коварски вел в Коллеж де Франс работы по проектированию такого реактора. Несколько позднее к ним присоединился Франсис Перрен. Тогда практически весь мировой запас тяжелой воды, которую производила норвежская фирма "Norsk Hydro", – 185,5 кг – находился во Франции, куда он был переправлен за месяц до вторжения немецких войск в Норвегию в апреле 1940 г.

В связи с вступлением гитлеровских войск на французскую территорию фон Хальбан и Коварски переезжают вместе с драгоценным грузом – тяжелой водой в Англию, где продолжают работу в Кавендишской лаборатории в Кембридже. В декабре 1940 г. французские ученые впервые практически продемонстрировали возможность получения атомной энергии непосредственно из природного урана с использованием тяжелой воды в качестве замедлителя.

---

[12] *Clausen Peter*. Op. cit. P. 65. Уступка Кеннеди Макмиллану "вызвала удивление в Пентагоне и крайне мрачные настроения в госдепартаменте", – писал Джон Стайнбруннер (*Steinbrunner John D*. The Cybernetic Theory of Decision. Princeton: Princeton University Press, 1974. P. 238. Цит. по: *Clausen Peter A*. Op. cit. P. 65). Чтобы не задевать чувства французов, Кеннеди предложил аналогичную сделку и им, но это было воспринято ими как издевка, поскольку Франция еще только начинала создавать свой атомный подводный флот (*Seaborg Glenn*. Stemming the Tide. Lexington Books, 1971. P. 85). Де Голль на своей пресс-конференции 14 января 1963 г. обрушился на "англо-саксов" с язвительной критикой и вскоре подписал договор о сотрудничестве и дружбе с ФРГ.

[13] *Botti Timothy J*. The Ace in the Hole. Why the United States Did not Use Nuclear Weapons in the Cold War, 1945–1965. Westport (CT); London: Greenwood Press, 1996. P. 129.

Но в конце 1942 г. фон Хальбан и Коварски уже находятся в Канаде (к участию в Манхэттенском проекте они не привлекались), где в сентябре 1945 г. осуществляют пуск экспериментального тяжеловодного реактора[14].

После окончания войны Франция быстро возобновляет работы по атомной энергии и с тех пор ведет их с завидной последовательностью. Уже в октябре 1945 г. де Голль создает Комиссариат по атомной энергии (французское сокращенное название – CEA), который существует и поныне. Первым руководителем Комиссариата становится Ф. Жолио-Кюри, который осуществляет пуск тяжеловодного реактора в 1948 г. Международный приоритет Франции в разработке такого типа реактора был официально признан в 1968 г.

В 1950 г. после подписания им Стокгольмского воззвания в пользу запрещения атомного оружия Жолио-Кюри освобождают от руководства CEA, и на его место назначают Франсиса Перрена. Именно в начале 50-х годов принимаются принципиальные решения по атомной проблеме – и политические, и организационно-технические.

При решении вопроса о производстве атомной бомбы, как отмечают французские историки, "речь шла скорее о самозащите от своих союзников, чем о создании оружия против своих противников". "Атомный выбор Франции был больше функцией соперничества между союзниками, чем диктовался угрозой со стороны противников"[15]. Первый пятилетний план развития атомной энергии, предусматривавший производство 50 кг плутония в год, был принят в 1952 г. Поправка коммунистической фракции против проведения военных исследований была отклонена подавляющим большинством голосов в Национальном собрании (518 против 100).

К началу 1954 г. Франция имела два тяжеловодных реактора, третий реактор, уже уран-графитовый, мощностью 40 МВт сооружался в Маркуле, а за ним должен был последовать четвертый реактор, тоже уран-графитовый, мощностью 100 МВт[16].

Дальнейшим шагом было решение премьер-министра Мендес-Франса, принятое на заседании правительства 26 декабря 1954 г., о том, что Франция "сохраняет за собой военный выбор" ("option militaire"). Это решение последовало за Парижскими соглашениями, которые разрешали перевооружение ФРГ, запрещая, однако, ей производство атомного и других видов оружия массового уничтожения на своей территории.

Но окончательное решение о создании ядерного оружия было оформлено в конце 1956 г., после Суэцкого кризиса, когда франко-британское вторжение в Египет было сорвано в результате параллельных демаршей и угроз со стороны Советского Союза и США. Французские газеты писали

---

[14] Правда, первый в мире реактор такого типа был введен в эксплуатацию американскими учеными в Чикаго в мае 1944 г. Следует заметить, что советские ученые Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович в тот период не допускали возможности осуществления цепной реакции в системе "природный уран – тяжелая вода", считая, что для этого необходим обогащенный уран. См.: Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат, 1995. С. 289.

[15] La France et l'Atome. Etudes d'histoire nucléare, Sous la direction de Maurice Vaïsse. Bruxelles: Bruylant, 1994. P. 41–44.

[16] Ibid. P. 80.

тогда: "Первый урок Суэца состоит в том, что лишь обладание атомной бомбой придает государству мощь. Если Франция хочет вновь эффективно вмешиваться в международные дела, она должна обзавестись ядерным потенциалом, чтобы влиять на судьбы мира"[17].

В условиях, когда "американцы делали все возможное, чтобы не допустить заинтересованности стран НАТО в военном атоме"[18], 5 декабря 1956 г. в составе Комиссариата по атомной энергии создается комитет по военным применениям, а 19 декабря одобряется программа производства стратегического бомбардировщика, способного нести ядерные бомбы. В тот же период разрабатываются проекты строительства двух атомных подводных лодок: одной – на природном уране с тяжелой водой в качестве замедлителя и второй – на обогащенном уране.

С вторичным приходом к власти генерала де Голля в 1958 г., как считают французские военные историки, "атомное оружие становится приоритетным инструментом политики национальной независимости". Но еще до де Голля, при Четвертой республике, французским истэблишментом была заложена фундаментальная основа ядерной стратегии страны, суть которой состояла в следующем:

> «В рамках политики Североатлантического союза обладать бомбой значило иметь некоторое преимущество перед Германией и дополнительное средство давления на США. Поэтому атомный выбор Франции имел в виду скорее друзей, чем противников. Чтобы рассеять какие-либо подозрения, когда в планах французских вооруженных сил в 1957 году было предусмотрено применение ядерного оружия, то подразумевалась эвентуальная конфронтация с советскими войсками. Но по своей логике ядерное оружие в стратегическом плане подводило к доктрине "по всем азимутам", а в плане дипломатическом – к дистанцированию от союзов. Короче говоря, Франция периода Четвертой республики стремилась, сознательно или нет, получить символ статуса великой державы, в котором все международное окружение ей отказывало"[19].

Первое ядерное испытание Франция произвела в Сахаре в 1960 г.

Для понимания того, насколько последовательно Франция стремилась к достижению ядерной независимости, важное значение имела история со строительством французского атомного подводного флота. Попытка самостоятельно построить подлодку с судовым двигателем в виде тяжеловодного реактора на природном уране (подводная лодка Q-244) фактически провалилась. В этих условиях Комиссариат по атомной энергии вступил в переговоры с Комиссий США по атомной энергии с целью приобрести обогащенный уран, который Франция тогда сама не производила. (Решение о сооружении в Пьерлате завода по обогащению урана было принято только в 1957 г.) Трудные переговоры, проходившие в 1955–

---

[17] Ibid. P. 53.
[18] bid. P. 55.
[19] Ibid. P. 56–57.

1956 гг., завершились довольно плачевно для французской стороны: она получила лишь несколько десятков килограммов урана-235 для использования в исследовательских реакторах, но только в мирных целях и под американским контролем[20].

Сооружение прототипа реактора для подлодки на обогащенном уране началось в Кадараше в 1960 г., но, по требованию американской стороны, предоставившей топливо, оно могло быть использовано лишь на суше, почему реактор и получил название PAT (prototype à terre – прототип на суше). Программа Q-244, стоившая 14 млрд франков, была свернута. Первая подводная лодка "*Redoutable*" вышла на морские испытания лишь в 1969 г.

Об отношении Франции к стремлению США установить свое главенствующее положение в Европе более чем наглядно свидетельствует послание де Голля Эйзенхауэру от 25 мая 1959 г., в котором говорилось, что поскольку США зарезервировали за собой право принимать решение о применении ядерного оружия и это могло бы поставить Францию под угрозу полного уничтожения по прихоти американского президента, Соединенным Штатам не будет позволено размещать ядерное оружие на французской земле до тех пор, пока Париж не будет иметь право полного участия в процессе принятия решений[21].

Другим важным эпизодом, наглядно демонстрировавшим неизменный путь Франции к утверждению своей ядерной независимости, было ее отношение к американскому плану создания так называемых многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС), которые были предметом острых дебатов в НАТО в 1960–1965 гг. Франция с самого начала заняла отрицательную позицию к принципу "политического контроля, основанному на многосторонней системе", считая, что план США направлен на "изоляцию Франции" и вовлечение ФРГ[22]. Она с озабоченностью усматривала в плане США попытку создания американо-германского ядерного "кондоминимума"[23]. Из членов НАТО лишь ФРГ, Италия, Греция и Турция в той или иной степени поддержали МЯС. "Задуманный, чтобы сплотить союз, этот план вел к его расколу"[24], и неслучайно за ним во Франции утвердилось насмешливое название "Farce multilatérale" (многосторонний фарс) вместо "Force multilatérale" (многосторонние силы)[25]. (Подробнее о планах МЯС см. в гл. 6.)

Однако именно в период дискуссий по поводу многосторонних сил НАТО выкристаллизовалась стратегическая линия Франции на создание самостоятельных ударных ядерных сил (force de frappe). Как заявил де Голль, выступая в Страсбурге 23 ноября 1961 г., "великое государство, не располагающее ядерным оружием, в то время, когда другие им владеют, не располагает своей судьбой"[26]. И в дальнейшем "национальный

---

[20] Ibid. P.105.
[21] *Botti Timothy J.* Op. cit. P. 121.
[22] La France et l'Atome. P. 172.
[23] Ibid. P. 179.
[24] Ibid. P. 182.
[25] Ibid. P. 163.
[26] Ibid. P. 199.

характер стратегических ядерных сил уже никогда более под сомнение не ставился"[27].

В конце 1996 г. в периодической прессе появились сообщения о том, что англичане оказали Франции некоторое содействие в разработке водородной бомбы, которая впервые была взорвана в 1968 г. Об этом писали французский журнал "La Recherche" и английский "Nature". Сообщалось, в частности, что Уильям Кук, возглавлявший работы по созданию термоядерного оружия в английском ядерном центре Олдермастоне, якобы передал сведения о конструкции бомбы французскому военному атташе в Лондоне. Впрочем, эти сообщения были скептически встречены некоторыми английскими и французскими историками создания ядерного оружия[28].

В начале 70-х годов США предприняли некоторые шаги по налаживанию франко-американского сотрудничества в ядерной области, что подтверждают мемуары тогдашнего президента Франции Жискара д'Эстена, изданные в 1992 г. Проявив сами инициативу, американцы в мае 1971 г. высказали готовность оказать Франции содействие в ракетной технологии, безопасности ядерного оружия и высокоскоростных вычислительных машинах. По всей видимости, администрация США искала усиления общей мощи Запада в тот период, когда между США и СССР устанавливался военно-стратегический паритет. Однако, дальше общих обсуждений дело не пошло и к конкретным результатам не привело. Американцы, как свидетельствует Жискар д'Эстен, ограничивались предоставлением лишь "негативной информации" (т.е. в ответ на вопросы указывали, где Франция идет по неправильному пути).

Как сообщал журнал "The Bulletin of the Atomic Scientists" позднее – в номере за январь/февраль 1997 г., американо-французское сотрудничество осуществлялось на основе соглашения 1961 г. о взаимной обороне, не позволявшего передавать информацию о конструкции оружия. Но администрация Никсона фактически обходила американское законодательство, прибегая к практике "*negative guidance*", или "*двадцать вопросов*", в соответствии с которой американские специалисты по оружию в ответ на вопросы французских экспертов, отвечали "да" или "нет". В 1985 г. в соглашение 1961 г. были внесены поправки, разрешавшие передавать информацию для улучшения безопасности ядерного оружия. А в июне 1996 г. между США и Францией был подписан меморандум, значительно расширивший масштабы передаваемой французам информации[29].

---

[27] Ibid. P. 218.

[28] Nature. 1996. 5 Dec.

[29] Один из руководящих сотрудников французского Комиссариата по атомной энергии Бертран Гольдшмидт писал, что и на более раннем этапе США оказывали Франции определенное содействие в становлении ее военной атомной программы. Так, в начале 1958 г. председатель КАЭ США Луис Страус тайно разрешил группе французских специалистов ознакомиться с испытательным полигоном в штате Невада и закупить некоторое оборудование, которое было использовано при проведении первых испытательных взрывов в Сахаре (*Goldschmidt Bertrand*. Proliferation and Non-Proliferation in Western Europe:A Historical Survey // A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems / Ed. by Harald Müller. Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 13–14).

В целом следует отметить последовательность французской ядерной политики, которая была сформулирована еще в 50–60-х годах, в частности такими известными стратегами, как Пьер-Мари Галлуа и Шарль Айере. Последний в 1967 г. выдвинул и обосновал доктрину обороны и сдерживания **"по всем азимутам"**, которая остается в силе и поныне. Французская военная доктрина неизменно основывалась на массированном возмездии, а не на контрсиловых ударах, и продолжает держаться на следующих "китах": не допустить войны, не стремиться выиграть ее; применить силы сдерживания только в случае угрозы жизненным интересам страны; сдерживание-разубеждение (dissuasion) базируется на стратегическом уровне главным образом на угрозе массированного возмездия по жизненным центрам противника; "предстратегические" силы не являются продолжением обычных вооружений и могут быть применены по военным объектам в начале "ядерного процесса" в качестве "последнего предупреждения"; решение о применении принадлежит единственно президенту и поэтому не может быть разделено с союзниками.

3. СОТРУДНИЧЕСТВО В АТОМНОЙ ОБЛАСТИ МЕЖДУ СССР И КНР. КИТАЙ – ПЯТАЯ ЯДЕРНАЯ ДЕРЖАВА

Принято считать, что руководство Китайской Народной Республики заинтересовалось созданием собственного ядерного оружия (хотя Мао Цзедун и называл его "бумажным тигром") после того, как заместитель председателя КНР Чжу Дэ и министр обороны Пын Дэхуай с рядом китайских военоначальников были приглашены присутствовать, вместе с министрами обороны других союзных государств, на общевойсковом учении с применением атомной бомбы мощностью 40 кт, которое было проведено на Тоцком полигоне (расположенном между Самарой и Оренбургом) 14 сентября 1954 г. Учением руководил маршал Г.К. Жуков[30].

Однако по некоторым сведениям, во время пребывания Мао Цзедуна в Москве в конце 1949 – начале 1950 гг., завершившегося заключением советско-китайского договора о дружбе и взаимопомощи, с Мао были разговоры по атомной проблеме и, особенно о поставках китайской урановой руды, в которой СССР тогда остро нуждался.

Документы и материалы, относящиеся к оказанию помощи Китаю со стороны СССР в атомной области, еще ожидают рассекречивания, но то, что эта помощь имела широкие масштабы и охватывала весь ядерный топливный цикл, включая содействие в создании атомной бомбы, не вызывает сомнений, и этому есть немало свидетельств в многочисленных открытых источниках, прежде всего в воспоминаниях очевидцев.

В своих мемуарах, опубликованных в 1988 г., бывший министр второго министерства машиностроения (ведавшего вопросами атомной

---

[30] Информацию и материалы об этом учении, а также воспоминания участников см.: Известия. 25 марта; 1990. Бюл. Центра обществ. информ. по атомной энергии. М.: ЦНИИатоминформ. 1993. N 9. С. 60–72; Ядерные испытания СССР. М.: ИздАТ, 1997. С. 253–301.

энергии), Лю Цзе писал, что Чжоу Эньлай – "главное лицо, вокруг которого объединились ученые, инженеры и техники, занимавшиеся созданием ядерного оружия", – вскоре после образования КНР в 1949 г. распорядился выделить иностранную валюту для приобретения за рубежом оборудования, приборов, научно-технической литературы, имеющих отношение к проблемам высвобождения энергии атома. В 1954 г. в Гуанси-Чжуанском автономном районе китайские геологи обнаружили богатые залежи урановой руды[31].

По воспоминаниям Д.Т. Шепилова[32], посетившего Китай вскоре после Тоцкого учения – в конце сентября–начале октября 1954 г. в составе правительственной делегации в связи с празднованием пятой готовщины КНР, в ходе доверительной встречи Мао Цзедуна с Хрущевым в присутствии советского посла П.Ф. Юдина китайский руководитель обратился к Хрущеву с прямой просьбой "раскрыть Китаю секрет атомной бомбы и помочь Китаю поставить в КНР производство атомных бомб". По словам Юдина, советский руководитель отклонил просьбу китайцев.

> "Что касается атомной бомбы, то Хрущев мотивировал это тем, что если мы дадим бомбу китайцам, американцы дадут свою атомную бомбу западным немцам. Мао отвечал на это, что уже сейчас положение в двух мировых лагерях в этом вопросе неравное. Атомную бомбу имеют не только Соединенные Штаты. Ее имеет Англия. Ее делает или уже сделала Франция. К тому же все понимают, что в лабораторных тайниках все составные части атомной бомбы готовы и у западных немцев, и у японцев, имеющих высокоразвитые промышленные системы. В социалистическом же лагере атомную бомбу имеет только Советский Союз. Хрущев отшучивался: А разве этого мало, что мы имеем атомную бомбу? Мы же и вас прикрываем. В случае чего мы за вас удар нанесем"[33].

По некоторым другим данным, советское военное руководство также стремилось разубедить китайцев в необходимости иметь свое собственное атомное оружие на том основании, что советское ядерное оружие представляло бы для КНР необходимую защиту[34].

По свидетельству уже цитировавшегося нами Лю Цзе, Мао Цзедун, тем не менее, 15 января 1955 г. на секретариате ЦК КПК принимает "стратегическое решение" о создании атомной бомбы, положившее начало

---

[31] Эхо планеты. 1988. № 24. 10–16 сент. С. 26.

[32] Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995) – в тот период главный редактор "Правды", затем был секретарем ЦК КПСС, кандидатом в члены президиума ЦК, министром иностранных дел. В 1957 г. заодно с Молотовым, Маленковым и Кагановичем уволен со всех постов.

[33] Независимая газ. 1997. 11 ноябр.

[34] Дэвид Холлоуэй основывает это утверждение на своем интервью с генерал-лейтенантом Н.Н. Остроумовым, который в ходе Тоцкого учения по указанию командующего советскими ВВС имел соответствующий разговор с командующим китайскими ВВС (*Holloway David.* Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. New Haven: London: Yale Univ. Press, 1994. P. 354).

развитию китайской атомной промышленности. В первой половине того же года была образована "руководящая группа", в состав которой вошли Чжоу Эньлай, заместитель премьера и председатель Госплана Ли Фучунь и маршал Не Жуньчжэнь. Проект создания бомбы получил кодовый номер 596[35].

По словам Лю Цзе, Чжоу Эньлай "планомерно, шаг за шагом добивался советской помощи в области атомной технологии, что дало нам возможность сравнительно быстро овладеть ею и позволило в определенной степени выиграть время. Одновременно Чжоу Эньлай указывал, что Китай должен располагать обрудованием, которое позволит превратить его в самостоятельную ядерную силу"[36].

Однако решающая помощь Китаю в овладении атомной бомбой была оказана Советским Союзом. 17 января 1955 г. Совет Министров СССР принял постановление об оказании помощи социалистическим странам в проведении исследований в области мирного использования атомной энергии. Уже через несколько дней подписывается советско-китайское соглашение о ведении совместных геолого-разведывательных работ в Китае по поиску урановых руд. По соглашению Китай обязывался продавать излишки урана Советскому Союзу. Соглашение было взаимовыгодным, поскольку в тот период СССР испытывал нехватку урана.

Всего, по китайским данным, между 1955 и 1958 гг. СССР и Китай заключили шесть соглашений о содействии в развитии китайской ядерной науки, промышленности и создании атомного оружия: 1) от 20 января 1955 г. о совместной разведке урановых месторождений, включая согласие Китая продавать избытки урана Советскому Союзу; 2) от 27 апреля 1955 г. о помощи в ядерных исследованиях и использовании атомной энергии в мирных целях, включая поставку ядерного реактора мощностью 10 МВт и циклотрона; 3) от 17 августа 1956 г. о помощи в создании ядерной промышленности; 4) от 19 декабря 1956 г. о передаче совместных геолого-разведочных работ под китайское управление при сохранении советской помощи в проведении этих работ; 5) от 15 октября 1957 г. по новым военным технологиям, в соответствии с которым СССР должен был поставить Китаю макет атомной бомбы и ракеты, а также соответствующую техническую документацию; 6) от 29 сентября 1958 г. о графике поставок и объеме советской помощи в ядерной области[37].

В соответствии с указанными соглашениями в конце 50-х годов в Китае работали многие сотни советских специалистов-атомщиков, в том числе и несколько конструкторов ядерных устройств[38], а китайцы учились

---

[35] Эхо планеты. 1988. № 24.

[36] Там же. С. 28.

[37] *Lewis John Wilson, Xue Litai.* China Builds the Bomb. Stanford (CA): Stanford University Press, 1988. P. 41; Эхо планеты. 1988. № 24. С. 27.

[38] Так, с мая 1957 по ноябрь 1959 гг. в Китае работал Е.Д. Воробьев, один из ближайших помощников Курчатова в Челябинске-40, а с 1958 по 1960 г. – начальник газодинамического отделения Арзамаса-16 Б.Н. Леденев, один из главных конструкторов ядерного оружия. См.: *Негин Е.А., Смирнов Ю.Н.* Делился ли СССР с Китаем своими атомными секретами? Докл. на междунар. симпоз. в Дубне, 14–18 мая 1996 г. // Наука и общество. История советского атомного проекта. (40–50-е годы). М.: ИздАТ, 1997. Т. 1. С. 306–309. Сокращенный вариант доклада Е.А. Негина и Ю.Н. Смирнова см.: Итоги. 1996. 8 окт.

или проходили практику в СССР, в том числе в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. Таким образом, доводы Мао о необходимости укрепления "социалистического лагеря" в атомном отношении возымели свое действие.

Достаточно откровенно о помощи Китаю рассказал в своих мемуарах сам Хрущев:

> "Скажу, что еще во времена добрых контактов мы подписали соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии, в том числе о передаче Китаю секретов технологии производства атомного оружия. Мы вообще давали Китаю все. У нас от него не было секретов, а их ученые, инженеры и конструкторы, которые занимались атомными делами, работали рука об руку с нашими атомщиками. Когда Китай попросил у нас атомную бомбу, мы поручили своим ученым принять его представителей и обучить их, как ее делать. Наши ученые предложили сделать для них подходящую модель. Я не могу тут рассказать, что это была за модель и почему ее нужно было делать. Существует понятие государственной тайны. Достаточно упоминания. И, действительно, изготовлена была модель атомной бомбы небольшой мощности.
>
> Как раз в момент резкого ухудшения наших отношений завершилось обучение соответствующих китайских специалистов, а модель была уже упакована. Министр атомной промышленности СССР (должность называлась иначе) доложил, что все готово, включая решение об отправке модели, и люди приготовились отправлять ее, давайте сигнал! Мы собрались на совещание в Президиуме ЦК КПСС. Нам было очень трудно решить, как быть: мы знали, что Китай использует все против нас, если мы нарушим договор и не отправим модель бомбы. С другой стороны, нас так поносят, предъявляют нам немыслимые территориальные претензии, а мы в это время, как послушные рабы, будем снабжать их атомной бомбой? И мы решили не посылать ее"[39].

Действительно, рассказывают академик Е.А. Негин, бывший директор и главный конструктор Арзамаса-16, и Ю.Н. Смирнов, работавший с 1960 по 1963 гг. в коллективе Сахарова, наши специалисты подробно знакомили китайцев с конструкцией атомного оружия. В Арзамасе-16 в вагоны были погружены макет той бомбы, об устройстве которой уже было рассказано в Китае[40], а также полный комплект документации не только на саму бомбу, но и на стенды, пульты, различное оборудование, оснастку, испытательные приспособления и т.д. Вагоны простояли около полугода, когда из ЦК КПСС поступило указание все уничтожить: и макет бомбы, и чертежи[41].

---

[39] Вопр. истории. 1993. № 3. С. 77–78.

[40] По словам Ю.Н. Смирнова, речь шла об одной из первых испытанных в СССР атомных бомб РДС-3, известной также как "Татьянка", а не о более поздних конструкциях.

[41] *Негин Е.А., Смирнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 311–312.

Академик Негин вспоминает о своей командировке в Китай в 1958 г.:

> "В Китае мы должны были рассказать, что нужно уметь, чтобы сделать бомбу. Поездили по Китаю. Посмотрели заводы. С народом поговорили. Представили им тот вид кооперации предприятий, который может быть создан, типа "китайского Минсредмаша", сказали чего у них нет, что нужно сделать в первую очередь, в общем, оказали большую научно-техническую помощь"[42].

В 1958 г. в Китай были направлены 111 специалистов Главатома и 43 геолога, которые специализировались по поиску атомных сырьевых материалов. Промышленную часть, включая разведку и добычу урана, опекал в качестве советника главный инженер одного из главков министерства среднего машиностроения А.А. Задикян, работавший в Китае с 1956 по 1960 гг. Ряд авторитетных советских ученых, связанных с атомной тематикой (А.И. Алиханов, А.П. Виноградов, Д.И. Блохинцев и многие другие) бывали в Китае периодическими краткосрочными наездами[43].

М.С. Капица, долгое время курировавший в МИД СССР китайское направление советской внешней политики, писал, что в 1950–1960 гг. в КНР в общей сложности было направлено более 10 тыс. советских специалистов, а в СССР прошли обучение, начную подготовку и практику около 11 тыс. инженеров, техников, квалифицированных рабочих, около 1 тыс. ученых[44].

О характере и направлениях советской помощи в создании китайского ракетно-ядерного потенциала и подготовке народно-освободительной армии Китая (НОАК) можно составить определенное представление и по воспоминаниям генерал-полковника в отставке И.С. Глебова. В 1957–1958 гг. он работал советником начальника генерального штаба НОАК.

Как рассказывает генерал, с его участием рассматривались вопросы "организации новых ВС КНР", при этом намечалось создать "более 100 соединений и, кроме того, отдельные части всех видов и родов войск". Была достигнута договоренность о передаче ракет "земля–земля" и "земля–воздух". В качестве советника Глебов участвовал в оперативном учении, "причем были сделаны расчеты с учетом возможного применения ядерного оружия противником".

Предоставлялись консультации "по вопросам строительства полигона для испытания нового вооружения. Что касается передачи авиационных ядерных бомб, то, – как сообщил Глебов послу П.Ф. Юдину по прибытии в Китай в мае 1957 г., – этот вопрос отложен нашим руководством, поскольку он носит принципиальный характер ⟨...⟩"[45].

Китайские специалисты побывали на советском атомном полигоне. Более того, в конце ноября 1958 г. в качестве военных специалистов при

---

[42] Люди "объекта". Саров; Москва: ИНФО Человек К°, 1996. С. 150.

[43] *Негин Е.А., Смирнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 314, 306.

[44] *Капица М.С.* На разных параллелях. Записки дипломата. М.: Книга и бизнес, 1996. С. 57.

[45] Воен.-ист. журн. 1993. № 8. С. 49–53.

Военной инженерно-технической академии в Харбин прибыли два сотрудника ЦНИИ-12 Министерства обороны полковник Ф.К. Бурлаков и подполковник И.А. Размыслович, которые разработали программу по курсу противоатомной защиты в войсках[46].

Сын Н.С. Хрущева Сергей Хрущев в своих воспоминаниях рассказывает, что китайцам было обещано передать ракету Р-12, способную доставлять ядерные боеголовки, причем "предполагалось, что производство ракет в обеих странах начнется практически одновременно". Он пишет, что в Китай ушли образцы самонаводящихся крылатых ракет: катерной П-15 и береговой обороны – "Кометы". Их собирались возводить на вновь строящихся с помощью Советского Союза заводах[47].

Судя по всему, Хрущев принял решение о прекращении помощи Китаю в создании ядерного оружия, опасаясь того, как бы китайское руководство не втянуло СССР в конфликт с США и всем западным миром в связи с попытками КНР в 1958 г. захватить о-ва Цзиньмынь и Мацзу (Quemoy и Matsu) в Тайваньском проливе. Стало известно, что в сентябре 1958 г. Эйзенхауэр перед лицом китайских угроз подвергнуть бомбардировке Цзиньмынь принимает решение о возможном применении ядерного оружия, а вскоре объявляет об этом публично[48].

В конце июля–начале августа 1958 г. в Пекине состоялась встреча между Хрущевым (его сопровождали министр обороны маршал Р.Я. Малиновский и и.о. министра иностранных дел В.В. Кузнецов) и Мао Цзедуном. Эта встреча, несмотря на то, что совместное коммюнике было выдержано в привычных формулировках о верности "братской" дружбе, прошла в натянутой обстановке. По свидетельству Сергея Хрущева, китайцы хотели получить заверения о поддержке силой их попыток овладеть островами в Тайваньском проливе, но Н.С. Хрущев уклонился, считая, что "общие усилия должны согласованно направляться на отпор агрессии, а не провоцировать американцев на ненужную конфронтацию"[49].

Тем не менее Хрущев предложил Мао Цзедуну предоставить в распоряжение КНР отдельный советский полк ПВО, а 7 сентября в послании президенту Эйзенхауэру выступил с предупреждением: "Нападение на Китайскую Народную Республику, которая является великим другом, союзником и соседом нашей страны, – это нападение на Советский Союз. Верная своему долгу, наша страна сделает все для того, чтобы совместно с народным Китаем отстоять безопасность обоих государств, интересы мира на Дальнем Востоке, интересы мира во всем мире"[50]. Советская печать метала громы и молнии в адрес "американских агрессоров", но этим дело и ограничилось. Ни американцы, ни китайцы, пишет Банди в своей книге "Опасность и выживание", не восприняли советскую угрозу всерьез, поскольку хотя обстановка в Тайваньском проливе продолжала оставаться напряженной, опасность применения

---

[46] *Негин Е.А., Смирнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 312.

[47] *Хрущев С.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. М.: Новости, 1994. Т. 1. С. 347.

[48] *Bundy McGeorge.* Danger and Survival. N.Y.: Random House, 1988. P. 279–280.

[49] *Хрущев С.* Указ. соч. С. 349.

[50] Советско-китайские отношения. 1917–1957: Сб. док. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959. С. 411.

атомного оружия уже отошла назад. Позднее, в 1963 г., в разгар советско-китайского конфликта, китайцы утверждали, что советское руководство заявило о своей поддержке КНР только тогда, когда угрозы американского ядерного удара уже не существовало[51].

По словам Сергея Хрущева, к маю 1959 г. Н.С. Хрущев "созрел окончательно: ни под каким видом атомные секреты передавать нельзя", и 20 июня 1959 г. "соглашение, предусматривавшее передачу Китаю новейших технических достижений, в первую очередь в военной области, нами было в одностороннем порядке аннулировано"[52]. Китайские источники также подтверждают, что ЦК КПК получил официальное письмо от 20 июня, в котором сообщалось, что макет атомной бомбы, чертежи и техническая информация о бомбе не будут поставлены Китаю. По этим же данным, советское решение мотивировалось тем, что в Женеве ведутся переговоры с США и Англией о запрещении ядерных испытаний. В Пекине это решение было расценено как акция, идущая навстречу США, в связи с предстоящим первым визитом Хрущева в Америку[53].

18 июля 1960 г. посольство СССР в Пекине в ноте МИДу КНР сообщило об отзыве всех советских специалистов, включая военных, на родину ввиду "недружественных" по отношению к ним действий со стороны китайских властей[54], и в августе все советские специалисты, участвовавшие в китайской стратегической программе, вернулись в СССР[55].

Реакция Мао Цзэдуна была быстрой – изготовить бомбу в течение восьми лет, но этот срок был перевыполнен: бомба была создана через пять лет после прекращения советской атомной помощи[56]. О размахе работ свидетельствуют такие цифры: в них участвовали 26 министерств, 900 заводов и вузов. При этом руководитель китайского атомного проекта маршал Не Жунчжэнь не отрицает в своих мемуарах, что фундамент китайской ядерной мощи был заложен с помощью СССР. Он признает также, что Советский Союз передал Китаю образцы вооружений, которые могли служить средствами доставки ядерного оружия[57].

Основные усилия китайцев были сосредоточены на завершении строительства газодиффузионного завода в Ланчжоу, завода по производству топливных элементов в Баотоу и промышленного реактора по производству плутония в Цзюцюане (объект 404) и испытательного полигона в Лобноре (который также называют Синьцзяньским полигоном).

В целом в китайской, а также и в американской литературе преумень-

---

[51] *Bundy McGeorge*. Op. cit. P. 281.

[52] *Хрущев С.* Указ. соч. С. 353.

[53] *Lewis John Wilson, Litai Xue*. Op. cit. P. 64–65.

[54] Полный текст этой "строго конфиденциальной" ноты см.: Cold War Intern. History Project Bul. / Woodrow Wilson International Center for Scholars. Wash. (D.C.). Issues 8–9. 1996/1997/ Winter. P. 249–250.

[55] *Wilson Lewis John, Litai Xue*. Op. cit. P. 72.

[56] Мао, как уже отмечалось, не раз называл атомную бомбу "бумажным тигром", но это было до создания китайского ядерного оружия. Впрочем, он сам позднее признавал в частных беседах, что это его выражение было риторическим.

[57] Известия. 1994. 11 нояб.

шается роль СССР в создании ядерного оружия КНР. По оценкам же некоторых российских экспертов, советская помощь в атомной области позволила Китаю по меньшей мере лет на пятнадцать ускорить создание ядерного оружия, которое было впервые испытано в октябре 1964 г. Первая китайская водородная бомба была испытана 17 июня 1967 г.

Нужно, однако, заметить, что в своих внутренних документах американцы признавали решающее значение советской помощи. Так, по оценке ЦРУ (секретный доклад "Атомная программа китайских коммунистов" от 13 декабря 1960 г.), "советская помощь является важным фактором в китайской атомной программе. ⟨...⟩ Советы предоставили китайцам исследовательский реактор, циклотрон, техническую помощь, обеспечили подготовку специалистов. ⟨...⟩ Советская помощь в значительной мере связана и с разведкой урановой руды. ⟨...⟩ Сокращение помощи атомной программе китайских коммунистов существенно замедлит движение Китая на пути к тому, чтобы стать ядерной державой"[58].

Разногласия между китайским и советским руководством продолжались не один год. Особой остроты публичная полемика между ними достигла, пожалуй, в период заключения Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах в августе 1963 г. 1 сентября китайское правительство выступило с заявлением, в котором содержалась резкая критика договора и утверждалось, что он направлен на то, чтобы "связать по рукам социалистические страны, за исключением Советского Союза, связать все миролюбивые страны". В ответном заявлении правительства СССР, опубликованном 21 сентября, говорилось, что «рассуждения о "монополии" понадобились китайским руководителям ⟨...⟩ для того, чтобы обосновать свое право на ядерное оружие». Далее в советском заявлении указывалось:

> "Стремление любой ценой, во что бы то ни стало обзавестись атомной бомбой не может не порождать серьезных сомнений в целях внешней политики лидеров КНР. Ведь они не в состоянии доказать, что это необходимо для интересов обороны Китая и всего социалистического лагеря. Хорошо известно, что ядерная мощь СССР достаточна для того, чтобы стереть с лица земли любое государство или коалицию государств, которые посягнули бы на революционные завоевания стран социализма. На этот счет даже у империалистов нет иллюзий.
>
> Нужны ли в таких условиях для обороны социалистического лагеря еще и китайские атомные бомбы? Конечно, нет"[59].

Личные трения между советскими и китайскими руководителями сыграли немалую роль в прекращении ядерного сотрудничества между

---

[58] National Intelligence Estimate. No. 13-2-60. Dec. 13, 1960. The Chinese Communist Atomic Energy Program. NSA. Nuclear Non-Proliferation File. No. 00715.

[59] Сборник документов МИД СССР. Т. VI (1963). С. 443–487. Тут у Хрущева (а он, как правило, сам диктовал тексты своих посланий и многих заявлений правительства, посылая их затем в МИД на редакционную доработку) концы с концами не сходятся: ведь изначально помощь Китаю в создании атомного оружия исходила как раз от Советского Союза.

СССР и КНР. Но, конечно, главными факторами, приведшими к разрыву между двумя государствами в конце 50-х годов, были стремление Китая обрести статус великой державы, ни в чем не уступающей положению других ядерных государств, усиливавшееся соперничество обеих держав за гегемонизм и главенствующую роль в международном коммунистическом и рабочем движении.

4. СОТРУДНИЧЕСТВО В АТОМНОЙ ОБЛАСТИ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ, ФРГ И ИТАЛИЕЙ

К числу важных эпизодов в развитии военных атомных программ Западной Европы в 50-х годах следует отнести сравнительно мало известный факт – попытку Франции, ФРГ и Италии образовать "ядерно-стратегическое сообщество" в 1957–1958 гг.

Согласно мемуарам Франца Йозефа Штрауса, германского министра обороны, идея создания такого сообщества принадлежала французскому министру обороны Шабан-Дельмасу, который выдвинул это предложение в конце 1957 г. Центральным пунктом было стремление к совместному созданию и производству атомных взрывных устройств[60]. Переговоры проходили в большой тайне, и пока исследователям известны тексты только двух из трех соглашений, заключенных министрами обороны этих стран – Шабан-Дельмасом, Штраусом и Тавиани. Однако все, что до сего времени стало известно об этих соглашениях, отмечают историки западноевропейских атомных программ, свидетельствует о том, что "дело было весьма серьезным, и по крайней мере некоторые из замешанных в этом официальных лиц не считали ядерные усилия европейских стран просто средством нажима на США, а считали их самостоятельной целью. В особенности же, полагают они, поражаешься секретностью и той ложью, которой три заинтересованных государства сопровождали некоторые стороны этого дела в отношениях с англо-саксами". Так, французский министр Антуан Пино сказал своему английскому коллеге Селвину Ллойду, что франко-германское сотрудничество не затрагивает ядерные вопросы, то же самое Аденауэр сообщает американцам. Тексты трехсторонних соглашений были переданы в НАТО и Западноевропейский союз, но из них были исключены положения, относящиеся к ядерным делам[61].

В ФРГ только канцлер Аденауэр знал полностью о совместном проекте. Он сказал Штраусу: "Действуйте, но если возникнут проблемы, то я обо всем этом ничего не знаю"[62].

Французским исследователям удалось обнаружить документы, из которых следует, что Бонн хотел, чтобы его участие в совместных работах проходило "без формального изменения Парижских соглашений, без шума, совершенно секретно и легально". На это Шабан-Дельмас

---

[60] *Strauss Frans Josef*. Die Erinennungen. B., 1989. P. 314–315. Цит. по: *Kunzel Matthias*. Bonn & the Bomb, German Politics and the Nuclear Option. L.: Pluto Press, 1995. P. 9.

[61] La France et l'Atome. P. 124, 151–152.

[62] *Kunzel Matthias*. Op. cit. P. 9.

ответил, что, по мысли Парижа, "Германия будет участвовать во французских работах, которые будут проходить либо на французской, либо на итальянской территории, что никоим образом не компрометировало бы Парижские соглашения"[63].

В конкретном плане речь шла о совместном строительстве завода по разделению изотопов урана в Пьерлате, а также о сотрудничестве в производстве ракет. Стоимость завода оценивалась в 140 млн долл., 90% которой покрывалась Францией и ФРГ (по 45% каждой стороной) и 10% – Италией. Французские историки ссылаются на один приватный французский источник, согласно которому атомные бомбы производились бы во Франции и составили бы интегрированные ядерные силы трех стран. Согласно другому источнику, ФРГ обладала бы полной собственностью на ядерные боеголовки, которые в мирное время находились бы на территории Франции. Однако, замечают авторы, больше о деталях сделки можно будет узнать только тогда, когда будут полностью открыты архивы[64].

И лишь приход к власти де Голля положил конец этой опасной возне. Уже через две недели после его возвращения к руководству страной в июне 1958 г. Совет обороны Франции решает оставить в трехсторонних соглашениях только то, что относится к вооружениям обычного типа[65]. По мнению известной американской журналистки Флоры Льюис, Москва была в курсе французско-германо-итальянской сделки и "дала понять, что будет считать создание германской (атомной. – *Авт.*) бомбы в качестве *casus belli*"[66]. Действительно, в феврале 1963 г. в ноте правительству ФРГ Советское правительство в резкой форме заявило:

> "⟨...⟩ [П]равительство ФРГ уже в течение ряда лет упорно подбирает ключи к ядерным арсеналам. Оно не скрывает того, что готово примкнуть к любому плану ⟨...⟩, лишь бы заполучить ядерное оружие в свое распоряжение ⟨...⟩. Ради обладания ядерным оружием пускаются в ход все средства – от попыток шантажировать своих нынешних союзников до заведомо фальшивых заверений и обещаний ⟨...⟩.
>
> Советское правительство считает нужным, заявить, что допуск бундесвера к ядерному оружию ⟨...⟩ означал бы весьма серьезное обострение обстановки в Европе. Каким бы путем ядерное оружие ни попало в руки бундесвера ⟨...⟩, Советский Союз рассматривал бы это как непосредственную угрозу своим жизненным национальным интересам и был бы вынужден незамедлительно принять необходимые меры, которые диктовались бы такой обстановкой"[67].

---

[63] La France et l'Atome. P. 142.
[64] Ibid. P. 157.
[65] Ibid. P. 156.
[66] Intern. Herald Tribune. 1996. Jan. 19.
[67] Сборник документов МИД СССР. Т. VI. С. 35–36.

5. АТОМНЫЕ ПРОГРАММЫ ФРГ, ИТАЛИИ, ШВЕЦИИ, НОРВЕГИИ, ШВЕЙЦАРИИ, ЯПОНИИ, АВСТРАЛИИ, ЮЖНОЙ КОРЕИ, ТАЙВАНЯ, ИРАНА, ЮГОСЛАВИИ

ФРГ. Решением Союзного Контрольного совета для Германии фундаментальные исследования в области ядерной физики были допущены в оккупационных зонах в апреле 1946 г., но только с разрешения командующих зонами и при условии, что такие исследования "будут направлены на открытие новых знаний"[68].

В Западной Германии широкомасштабные теоретические исследования в ядерной области возобновились в 1949 г. – как только западные страны дали ей на это разрешение, и вскоре такие выдающиеся немецкие физики, как Вернер Гейзенберг, Отто Ган, Карл Фридрих фон Вайцзекер и другие, открыли объемный фронт работ. Что касается прикладных ядерных исследований, то они были разрешены западными державами в 1954 г. (вопреки возражениям Франции). В 1955 г. в ФРГ было создано федеральное ведомство по атомным вопросам, которое возглавил лидер ХСС Франц Йозеф Штраус, ставший в 1957 г. министром обороны. Штраус был в числе наиболее активных сторонников обладания Германией ядерным оружием. Исследователь германской политики по ядерной проблеме Кэтрин Келлехер считает, что "даже до того, как Штраус стал министром обороны, он был убежден, что атомное оружие является ключом к обладанию военной и политической мощью"[69].

Как отмечают французские историки германских атомных исследований, немцы проявили "заметный интерес к плутонию, что могло означать определенную направленность в сторону военных применений. Что касается канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, то он был убежден в важности ядерного оружия, и его отказ по Парижским соглашениям 1954 года от производства этого оружия **на германской территории** был определенно обусловлен обстоятельствами момента, а именно необходимостью убедить Францию согласиться на перевооружение Германии" по этим соглашениям[70]. Без этого обязательства ФРГ не могла бы вступить в НАТО.

Парижские соглашения и, соответственно, западногерманское обязательство об отказе от производства ядерного и других видов оружия массового уничтожения на своей территории вступили в силу 5 мая 1955 г., и через несколько дней – 9 мая – ФРГ стала пятнадцатым членом НАТО.

В ноябре 1957 г. министр иностранных дел ФРГ Хайнрих фон Брентано в беседе с Джоном Фостером Даллесом заявил, что главной заботой Западной Германии является обеспечение для себя полных прав в НАТО. Если англичане и французы владеют или будут владеть атомным оружием, то Западная Германия должна владеть им тоже. В противном случае Аденауэр возьмет назад обязательство не производить атомное,

---

[68] *Kelleher Catherine.* Germany & the Politics of Nuclear Weapons. N.Y.; L.: Columbia Univ. Press, 1975. P. 11.

[69] Ibid. P. 73.

[70] La France et l'Atome. P. 125–126.

биологическое и химическое оружие и германские ядерные силы будут созданы вне рамок НАТО. Германские власти были бы удовлетворены и тем, чтобы их участие (в ядерных делах) было гарантировано под общим контролем НАТО, включая право полного участия в обсуждении применения ядерного оружия[71].

Задел, созданный Гейзенбергом и его сотрудниками еще в годы второй мировой войны, быстро дал ощутимые результаты. В 50–60-е годах атомные исследования проводились в научных центрах в Западном Берлине, Геештахте (там в 1969 г. было построено атомное судно "Отто Ган"), Гамбурге, Юлихе, Карлсруэ, Гархинге, Нойерберге, имелись даже сведения о том, что существовала небольшая исследовательская группа, которая активно проводила эксперименты в области имплозивного метода взрыва[72].

В Советском Союзе весьма внимательно отслеживали деятельность ФРГ в атомной области. 21 января 1955 г. Громыко в качестве председателя Комитета Информации при МИД в докладной записке на имя Хрущева сообщал, что отказ Западной Германии от производства атомного, химического и биологического оружия на своей территории не понимается на Западе таким образом, что он распространяется, согласно второму приложению третьего протокола к Брюссельскому договору 1948 г., на производство в Западной Германии "любой аппаратуры, частей, оборудования, сооружений, веществ и организмов, которые используются для гражданских целей или для научных, медицинских и промышленных исследований в области чистой или прикладной науки".

Громыко докладывал, что 17 ноября 1954 г. английский министр иностранных дел Иден информировал палату общин об официальном письме канцлера Аденауэра по вопросу о планах проведения в Западной Германии работ в области атомной энергии. В этом письме указывалось, что эксперты боннского правительства "считают, что для мирных потребностей Федеральной Республики на ближайшие два года будет достаточно построить атомный реактор, мощность которого не будет превышать 10 мегаватт". В письме канцлера также сообщалось, что для работы этого реактора предполагалось использовать 3500 г расщепляющихся материалов в год. Между тем, в договоре о создании Европейского оборонительного сообщества 1952 г. (который, правда, в силу не вступил из-за отказа Национального собрания Франции ратифицировать его) максимальное количество расщепляющихся материалов, используемых Западной Германией "для гражданских целей", было установлено в 500 г в год. В палате общин раздавались голоса в пользу того, чтобы дать негативный ответ германскому канцлеру[73].

---

[71] Minutes of Meeting between Secretary of State and German Foreign Minister, 11/21/57, Records Group 59, 740.5/11–2157, National Archives. Wash. (D.C.). Цит. по: *Botti Timothy*. Op. cit. P. 97–98.

[72] Подробнее см.: *Николаев Н.* Атомная ставка Бонна. Ракетно-ядерное оружие в планах Западной Германии. М.: Междунар. отношения, 1969. С. 159–206.

Николаев Н. – псевдоним Кишилова Н.С. Кишилов Николай Сергеевич (1925–1998) в 1966–1973 гг. работал сотрудником Отдела международных организаций МИД СССР, принимал участие в переговорах по ДНЯО и по Договору ОСВ-1.

[73] ЦХСД. Ф. 5, оп. 30. д. 114, лл. 89–114.

Однако, как отмечалось выше, указанные ограничения вскоре были сняты, и в ФРГ стала быстро развиваться атомная энергетика, что вызывало большую озабоченность у европейских государств – не только в Восточной Европе, но и в Западной. Первая атомная электростанция была введена в строй в 1961 г. в Кале (Бавария), а к 1974 г. насчитывалось уже 11 АЭС общей мощностью 3,5 млн кВт. Ко второй половине 60-х годов германская реакторная программа, как считают специалисты, была "самой успешной в мире. И Западная Германия стала тогда ведущим экспортером ядерных технологий"[74].

В МАГАТЭ, в секретариате которого одно время функционировала рабочая группа по мирным ядерным взрывам, со стороны западных немцев был проявлен большой интерес к участию в прорытии с помощью мирных ядерных взрывов канала, соединяющего Средиземное море со впадиной Катарра (Quatarra) в египетской пустыне. Группа специалистов обследовала местность, предполагалось, что технико-экономическое обоснование будет финансироваться одной западногерманской фирмой[75]. Согласно расчетам немецких специалистов, на таком канале благодаря разнице в уровнях можно было бы поставить несколько гидроэлектростанций. Многими в МАГАТЭ идея канала с участием западногерманских фирм расценивалась как стремление германской ядерной индустрии всесторонне развивать ядерный потенциал ФРГ. Не без нажима со стороны США, а также СССР эта идея была похоронена.

Особую тревогу у многих стран вызывало то, что в ФРГ уже в тот период была сделана ставка на переработку облученного в энергетических реакторах топлива (в 1967 г. в Карлсруэ началось строительство пилотной установки по химпереработке), сооружение крупномасштабных заводов по химпереработке, использование выделенного плутония в реакторах на быстрых нейтронах, создание полного ядерного топливного цикла. В ФРГ в то время были достаточно сильны проядерные настроения[76].

В течение всего периода женевских переговоров по договору о нераспространении ядерного оружия со стороны боннских властей проводилась активная работа против договора или, во всяком случае, в пользу того, чтобы его условия были максимально приемлемы для ФРГ. Даже пришедшее к власти в конце 1966 г. коалиционное правительство Кизингера–Брандта, соглашаясь в принципе на подготовку договора о нераспространении, решительно настаивало на том, чтобы договор никак

---

[74] *Cassidy David C.* Uncertainty. The Life and Science of Werner Heisenberg. N.Y.: W.H. Freeman and Co, 1992. P. 512.

[75] *Shaker Mohamed I.* The Nuclear Non-Proliferation Treaty. London; Rome; New York: Oceana Public., 1980. P. 394, 416, 442.

[76] Были и противники ядерного вооружения. В ноябре 1956 г. Отто Ган, Вернер Гейзенберг и Карл Фридрих фон Вайцзекер направили письмо Штраусу, в котором сообщили о своем отказе участвовать в работах над атомным оружием. В апреле 1957 г. 18 ведущих физиков-атомщиков ФРГ (Ган, Гейзенберг, Хайнц Майер-Лейбниц, фон Вайцзекер и др.) призвали к отказу ФРГ от ядерного оружия и заявили, что не будут участвовать в его разработке (так называемое "геттингенское обращение").

не мешал ускоренному развитию германской атомной промышленности, которая быстро выходила на мировые атомные рынки[77].

ИТАЛИЯ. Итальянцы всерьез занялись фундаментальными ядерными исследованиями в 1951 г. К производству электроэнергии на АЭС интерес зародился в 1954–1955 гг., при этом итальянские военные в тот период подчеркивали необходимость уделить внимание и атомному оружию[78]. В апреле 1955 г. в Вашингтоне состоялись переговоры с итальянским премьер-министром Марио Шельба, в результате которых США согласились предоставить Италии 10 т тяжелой воды[79].

В отличие от Франции и Англии, которые с самого начала взяли курс на создание самостоятельных ядерных арсеналов в интересах упрочения их политического статуса, для Италии одним из главных побудительных мотивов при анализе целесообразности и возможностей ядерного выбора были сомнения в надежности американского ядерного зонтика. В этом контексте следует рассматривать и подписание Римских соглашений 1957 г., по одному из которых был образован Евратом. Под его эгидой вблизи Милана был создан научно-исследовательский центр Испра. Все это укрепляло у некоторых западноевропейских правительств, включая и Италию, иллюзию, родившуюся еще с образованием Европейского объединения угля и стали, что политическая и **военная** интеграция Западной Европы будет логическим продолжением начавшегося процесса экономической и технологической интеграции[80].

Наряду с находившимся в распоряжении Евратома центром Испра, в Италии создавались и национальные атомные центры – Касачча, расположенный вблизи Рима, куда после образования Испры была переведена большая часть научного оборудования; Фраскатти (тоже недалеко от Рима), Сорин, Чизе, Чеснеф и ряд других, причем, как отметил

---

[77] В связи с атомными делами в Германии нельзя не упомянуть и тот факт, что западные державы – США и Англия высказывали претензии к Советскому Союзу по поводу того, что в ГДР на границе Саксонии и Тюрингии был создан комбинат "Висмут" по добыче и переработке урана, который внес немалую лепту в создание атомного потенциала СССР. К 1948 г. добыча урановой руды составила 900 т в год. (*Sutton Antony C.* Western Technology and Soviet Economic Development, 1945 to 1965 / Hoover Institution Press. Stanford (CA): Stanf. Univ., 1973. Vol. 3. P. 242).

На Парижском СМИДе (апрель–июнь 1946 г.) госсекретарь США Бирнс и британский министр Бевин затрагивали данный вопрос. Стремление США прикрыть этот проект и, наоборот, желание СССР обеспечить его беспрепятственное развитие сыграли значительную роль в провале американского проекта договора о разоружении и демилитаризации Германии (известного как "договор Бирнса"). Проект содержал запрет производить "любые расщепляющиеся материалы, для какой бы цели они не предназначались", кроме как "на условиях, одобренных Высокими Договаривающимися Сторонами". Таким образом, судьба советского атомного проекта в ГДР ставилась в зависимость от общего решения четырех держав, в то время как по крайней мере одна из них – США – стремилась обеспечить свою атомную монополию (*Филитов А.М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М.: Междунар. отношения, 1993. С. 73–74).

[78] La France et l'Atome. P. 125.

[79] АВП РФ. Ф. 047, оп. 1, п. 64. д. 4, л. 2.

[80] *Арбатова Н.К.* Внешняя политика Италии. М.: Наука, 1984. С. 157.

посетивший их советский сотрудник МАГАТЭ, везде научные работы в них вели итальянцы, иностранных ученых он не встречал. Помимо исследовательских реакторов, развернулись работы по строительству энергетических реакторов мощностью 150–200 МВт[81].

Хотя в стране не было общенационального консенсуса или даже большинства в правящей политической элите в пользу создания ядерного оружия, тем не менее существовало активное военно-политическое ядро, которое проявляло значительный интерес к военной атомной программе. Итальянские военные круги прямо ставили вопрос о ядерном оружии. В пользу ядерного выбора, наряду с министром обороны Тавиани, выступали (на несколько более позднем этапе) генеральный секретарь МИД Гайя, заведующий политическим департаментом МИД Дуччи и директор международного департамента атомной комиссии Альбонетти. В защиту создания ядерных взрывных устройств для крупных инженерных проектов стали выступать мощные итальянские строительные корпорации[82].

В 1957–1958 гг. министр обороны Тавиани с готовностью откликнулся на предложение Франции, возложившей на себя миссию знаменосца европеизма, об образовании **ядерно-стратегического** сообщества между Францией, ФРГ и Италией. Итальянский министр подписал соглашения с министрами обороны двух других стран о совместном строительстве завода по разделению изотопов урана во Франции (в Пьерлате), а также о сотрудничестве в производстве ракет. По соглашению с Францией и ФРГ Италия должна была нести 10% всех расходов. Приход к власти в июне 1958 г. де Голля положил конец этим усилиям военного руководства трех западноевропейских стран[83]. (Позиция Италии в отношении планов создания многосторонних ядерных сил НАТО рассматривается в гл. 6.)

ШВЕЦИЯ. Ядерные исследования начались в Швеции еще в 40-х годах. В 1945 г. были образованы шведское Национальное управление оборонных исследований (FOA), на которое возлагалась координация исследований в военной, в том числе и в ядерной области, и Комитет по атомной энергии как консультативный орган при правительстве Швеции. А в ноябре 1947 г. было создано агентство для развития ядерной энергии – AB Atomenergi. Уже в 1947 г. в Нобелевском институте физики заработал первый циклотрон, а в 1954 г. достиг критичности первый экспериментальный реактор R-1 номинальной мощности 0,6 МВт (тепл.). В 1952 г. Управление оборонных исследований приступило к разработкам атомного оружия[84].

Позиция шведских военных в отношении атомной энергии была

---

[81] АВП РФ. Ф. 047, оп. 8, п. 85. д. 25, лл. 218–23.

[82] Интервью с генеральным секретарем Пагуошского движения профессорам Франческо Калоджеро (ныне – председатель Совета Пагуошского движения). По его воспоминаниям, именно эти лица, за исключением Тавиани, в дальнейшем выступали против Договора о нераспространении ядерного оружия и создавали сложности при переговорах по ДНЯО в Женевском комитете по разоружению.

[83] La France et l'Atome. P. 156.

[84] *Arnett Eric*. Norms and Nuclear Proliferation: Sweden's Lessons for Assessing Iran // The Nonprolifer. Rev. 1998. Winter. Vol. 5, No. 2. P. 36.

сформулирована командующим вооруженными силами генералом Юнгом в докладе правительству в апреле 1946 г. и заключалась в том, что Швеция должна постараться овладеть самыми широкими знаниями об условиях производства, возможностях применения, последствиях использования этого оружия и т.д.

В начале 1956 г. между Швецией и США вступило в силу соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, которое содержало стандартные ограничения, не позволявшие Швеции бесконтрольно нарабатывать плутоний. Приобретенный по этому соглашению реактор R-2 находился под гарантиями США. Поэтому после сооружения экспериментального тяжеловодного реактора R-1 и покупки американского реактора было решено самостоятельно построить еще два реактора – Agesta (R-3) и Marviken (R-4). Одновременно были развернуты работы по конструированию ядерного взрывного устройства имплозивного типа. Швеция имеет собственные обширные запасы естественного урана и к тому же располагала возможностью получать тяжелую воду из Норвегии. Для исследовательских целей закупались заграницей небольшие количества плутония (в Англии и Франции). Параллельно развивалась гражданская атомная энергетика.

Руководителем научно-исследовательских работ в области реакторной техники в тот период являлся Зигвард Эклунд, генеральный секретарь второй Женевской конференции по мирному использованию атомной энергии (1958 г.), затем в течение 20 лет (1961–1981 гг.) он занимал пост генерального директора МАГАТЭ.

Военные работы проходили в большой тайне. Так, в докладе ЦРУ 1949 г. был сделан вывод, что "нет признаков" того, что Швеция работает над атомной бомбой, в то время как она уже более четырех лет занималась соответствующими исследованиями[85].

Шведское военное ведомство финансировало исследования и готовило планы развертывания и использования ядерного оружия. В 1955 г. в докладе "Рэнд Корпорэйшен" так суммировались шведские усилия в этой области:

> Шведы "последовательно уделяют внимание разработке атомного оружия ⟨...⟩. Поэтому было бы правильно исходить из того, что не было недооценки значения атомного фактора в эволюции искусства и науки войны в целом"[86].

В январе 1957 г. генеральный директор FOA публично заявил, что Швеция имеет возможности и ресурсы для производства собственного ядерного оружия и оно может быть поставлено через 6–7 лет.

Как констатирует Кэтлин Фишер из центра им. Генри Стимсона в Вашингтоне, "к концу 50-х годов все было готово к тому, чтобы Швеция стала государством, обладающим ядерным оружием"[87]. Шведский исследователь Ян Правиц, со своей стороны, ссылаясь на рассекреченные

---

[85] *Cole Paul M.* Atomic Bombast: Nuclear Weapon Decisionmaking in Sweden. 1945–1972. Occasional paper. 1996. N 26. Apr. Wash. (D.C.): The Henry L. Stimson Center. 1996. P. 6.

[86] Ibid. P. 12.

[87] *Фишер Кэтлин.* Предисловие к научной записке Поля Коула. *Cole Paul M.* Op. cit. P. III.

шведские документы, указывает, что к концу 50-х годов было ясно, что атомные работы развивались такими темпами, что к 1964 г., самое раннее, нужно было бы уже принимать решение о создании атомного оружия[88].

Консервативная партия выступала за производство ядерного оружия. Правящая социал-демократическая партия в течение всего этого периода интенсивных работ в военной атомной области придерживалась политики "свободы рук", или "свободы решения"[89]. Опросы шведского общественного мнения в 1957 г. давали большинство в пользу создания ядерного оружия.

Можно с определенным основанием говорить, что шведское военно-политическое руководство все-таки исходило из того, что натовский "атомный зонтик" прикрывает и Швецию. По мнению Мартина Ферма, в прошлом руководителя FOA, которое он высказал в 1985 г., «Швеция, как нейтральное государство, зажатое между блоками двух сверхдержав, в сущности защищена так называемым "ядерным зонтиком", примерно таким же образом, как и страны, окружающие ее, независимо от тех сфер влияния, к которым они принадлежат ⟨...⟩"[90].

Советский Союз, со своей стороны, недвусмысленно дал понять, что не может быть "нейтрального" ядерного оружия, и что государство, располагающее таковым, не может быть нейтральным. Судя по всему, советское предупреждение сыграло определенную роль в изменении отношения шведов к ядерному выбору. Немалое влияние на настроения общественности оказывали антиядерные тенденции и в некоторых других западноевропейских странах.

Следует отметить, что Швеция довольно долго воздерживалась от принятия гарантий МАГАТЭ. Когда в 1963 г. настало время заменить первое шведско-американское соглашение о сотрудничестве 1956 г. более широким соглашением о поставках значительных количеств ядерных материалов для энергетических реакторов, она, несмотря на настойчивые требования США, не соглашалась на переход от американского контроля к гарантиям Агентства. Лишь в 1972 г., т.е. после присоединения Швеции к ДНЯО, вопрос был окончательно отрегулирован[91].

Шведское общественное мнение постепенно склонялось в пользу отказа от ядерного решения. Если в 1957 г. шведы выступали за создание атомной бомбы в пропорции 2,5:1 (40% за и 17% против), то в 1967 г. противники ядерного оружия опережали сторонников в 2,3 раза (69% против 30%). Один из крупнейших шведских социал-демократических политиков премьер-министр Таге Эрландер, в течение многих лет занимавший пост премьер-министра, как-то заметил: "Было время, когда я считал, что Швеция должна иметь ядерное оружие. Но к концу 1957 года я изменил свою точку зрения после длительного разговора с министром иностранных

---

[88] *Prawitz Jan.* Op. cit. P. 10.

[89] По-шведски: "handlingsfrihet linie" (эту формулировку приписывают Улофу Пальме), по-английски: "deciding not to decide".

[90] Цит. по: *Cole Paul M.* Arms Control in the Johnson Years. Lexinghton; Toronto: Lexington Books, 1987. P. 29.

[91] *Seaborg Glenn.* Stemming the Tide... P. 270–273.

дел Эстеном Унденом"[92]. Социал-демократы не могли не видеть, что Швеция не имела средств на то, чтобы одновременно строить и государство "социального благоденствия", и создавать атомное оружие, и иметь сильные классические средства обороны. В сущности, у Швеции просто не было выбора.

К середине 60-х годов в шведском руководстве сложилось мнение, что "обладание ядерным оружием приведет к вовлечению Швеции в будущую мировую войну на самом раннем этапе, ибо у Советского Союза появится искушение нанести упредительный удар по шведскому ядерному арсеналу. Иными словами, ядерное оружие, скорее всего, послужит как бы магнитом для военных действий, чем будет средством сдерживания, чего хотели бы шведские власти"[93].

Окончательное решение об отказе от создания ядерного оружия было принято шведским парламентом 22 мая 1968 г. Немалую роль сыграла в этом министр по вопросам разоружения Альва Мюрдаль[94].

Швеция подписала Договор о нераспространении ядерного оружия в августе 1968 г. и ратифицировала в январе 1970 г. Давая объяснение этому решению, шведский специалист по проблеме разоружения Ральф Бьернерштедт, одно время возглавлявший отдел разоружения секретариата ООН, писал, что отказ от создания ядерного оружия "основан скорее на политической культуре Швеции, чем на ее технических возможностях", и что он явился "следствием кумулятивного эффекта ряда постепенных решений и действий на протяжении двух десятилетий"[95].

Швеция официально информировала МАГАТЭ в 1974 г. о своем выведенном из эксплуатации подземном тяжеловодном реакторе Agesta мощностью 65 МВт, который в свое время мог нарабатывать плутоний в количестве, достаточном для изготовления одной-двух атомных бомб в год.

Тем не менее, по мнению ряда экспертов и, в частности, уже цитировавшегося нами американца Поля Коула, Швеция сохраняет технические возможности и ноу-хау для создания ядерного потенциала. И, видимо, неслучайно "Washington Post" сообщала 25 ноября 1994 г., ссылаясь на шведского специалиста Тора Ларссона из FOA, что до сих пор сохраняются около 25 специалистов по атомному оружию, и это, писала газета, не скрывают и публикуемые бюджетные материалы[96].

Сторонники движения к ядерному разоружению путем трансформации

---

[92] *Cole Paul M.* Op. cit. P. 27–28.

[93] Ibid. P. 28.

[94] *Myrdal Alva.* The Game of Disarmament. P. 172.

[95] Цит. по: *Jan Prawitz.* Op. cit. P. 11.

[96] Тот же Ларссон в интервью с автором 9 февраля 1997 г. отрицал это, утверждая, что руководимая им группа занимается исследованием опасности распространения радиоактивности в случае аварий на АЭС, технической поддержкой акций Швеции в вопросах разоружения и другими "совершенно безобидными вопросами". В группе, по его словам, работают и иностранные специалисты, включая ученого из России. Что касается реактора в Agesta, то он должным образом законсервирован не был, постепенно разрушается и восстановлению не подлежит. Плутониевая же лаборатория была демонтирована в 1972 г. Техническая компетентность шведских специалистов в вопросах, связанных с оружием, по утверждению Ларссона, уже утрачена.

ядерных арсеналов в "виртуальные"[97] обычно приводят в качестве примера Швецию, которая, считают они, "как и многие промышленно развитые страны, сохраняет возможности ядерного вооружения (...): реактор Agesta остановлен, но не демонтирован, небольшая группа физиков-теоретиков продолжает изучать ядерное оружие, материалы и опыт двадцатилетней программы по вооружениям остаются доступными"[98].

НОРВЕГИЯ. Эта страна[99], располагавшая еще до второй мировой войны единственным в мире производством тяжелой воды, приступила к работам по атомной энергии в 1946 г. под руководством Гуннара Рандерса (впоследствии возглавившего разработку первого документа МАГАТЭ по гарантиям) в Норвежском институте оборонных исследований (норвежское сокращение: FFI). Совместно с Голландией, предоставившей уран, Норвегия построила ядерный реактор Jeep в Kjeller (около Осло) в 1951 г., став шестой страной мира, пустившей в эксплуатацию реактор. Таким образом было продемонстрировано, что Норвегия может производить плутоний. В реакторе использовалось 7 т тяжелой воды в качестве замедлителя[100].

В 1946 г. Рандерс направил министру обороны два доклада, озаглавленных "Атомная бомба". Хотя содержание докладов пока неизвестно, по косвенным данным, считает Астрид Форланд, можно сделать вывод, что доклады были направлены на поддержку разработки атомного оружия.

В 1954 г. в Kjeller были получены, по разным сведениям, от 200 до 400 г плутония, причем его выделение продолжалось до начала 1970 г. Однако планы создания крупномасштабного производства по химпереработке были отставлены.

Параллельно в Kjeller был создан гражданский институт атомной энергии, в котором в 1959 г. при содействии Европейского агентства по атомной энергии (ENEA) достиг критичности еще один тяжеловодный реактор на кипящей воде – Halden.

Норвегия содействовала военным ядерным программам Франции и Израиля. В послевоенные годы во Францию было поставлено около 100 т тяжелой воды. В 1959 г. было продано 20 т тяжелой воды Израилю под гарантии, что она будет использоваться для мирных целей и Норвегия сможет проконтролировать это. Однако Израиль категорически отказался

---

[97] Под "виртуальными" ядерными арсеналами имеется в виду, что смонтированного и готового к применению ядерного оружия не было бы, ядерные государства постепенно демонтировали бы ядерные устройства и ставили бы их составные части (боеголовки, расщепляющиеся материалы, средства доставки) под международный контроль.

[98] *Мазарр Майкл Дж.* Виртуальные ядерные арсеналы // Survival. 1995. Т. 37, № 3. Autum. С. 7–26.

[99] Сведения по Норвегии почерпнуты в основном из статьи норвежской исследовательницы Астрид Форланд, опубликованной в журнале Монтерейского института международных исследований (*Forland Astrid.* Norway's Nuclear Odissey: From Optimistic Proponent to Nonproliferator // The Nonprolifer. Rev. 1997. Winter. 1997. Vol. 4. № 2. P. 1–16).

[100] Congress of the United States, Background Material for the Review of the International Atomic Policies and Programs of the United States, Report to the Joint Committee on Atomic Energy, Wash. (D.C.), 1960. Vol. 3. Oct. P. 620.

разрешить контроль над своим ядерным реактором, допустив один раз инспекцию норвежцами наличия воды за пределами реактора в 1962 г. После известных разоблачений израильской атомной программы, сделанных Мордехаем Вануну в 1986 г., разразился скандал. Израиль соглашался разрешить проинспектировать около 9 т тяжелой воды, заявив, что остальная вода была утрачена в ходе экспериментов. Дело завершилось возвратом в Норвегию лишь 10,5 т тяжелой воды в 1988 г.

Во второй половине 50-х годов в стране, включая и парламент, развернулись публичные дебаты, о целесообразности или нецелесообразности ядерного выбора. Правящая Рабочая партия заняла твердую позицию против создания атомного оружия, и это решило вопрос об отказе от ядерного выбора. Как член Североатлантического альянса Норвегия была прикрыта натовским "ядерным зонтиком". Но в декабре 1957 г. премьер-министр Эйнар Герхардсен объявил на встрече стран НАТО на высшем уровне в Париже, что Норвегия отказывается от размещения ядерного оружия и от хранения ядерных боеприпасов на своей территории в мирное время ("No Nukes in Peacetime Declaration").

ШВЕЙЦАРИЯ. Комиссия по изучению атомной энергии была создана швейцарским правительством в 1945 г. Для облегчения сотрудничества между государством и частным сектором была основана компания "Société Réacteur S.A.", которая в 1956 г. ввела в действие экспериментальный реактор бассейнового типа. Второй экспериментальный реактор на тяжелой воде введен в эксплуатацию в 1959 г. Швейцарский посол в Москве, обращаясь к заместителю министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецову в июле 1957 г. за содействием в избрании Швейцарии членом Совета Управляющих МАГАТЭ, подчеркивал в памятной записке, что в его стране "в настоящее время развернулась интенсивная деятельность" в области атомной энергии[101].

9 августа 1958 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось, что, "как стало известно, 11 июля 1958 г. Федеральный Совет Швейцарии официально заявил о том, что он принял решение о вооружении швейцарской армии атомным оружием и в связи с этим поручил Военному департаменту подготовить доклад и соответствующие предложения для представления их на рассмотрение федерального парламента". "В руководящих кругах Советского Союза выражают уверенность, что правительство Швейцарии еще раз взвесит всю тяжесть ответственности, которую оно берет на себя, принимая решение о вооружении своей армии атомным оружием, и воздержится от его осуществления"[102].

В 1996 г. швейцарский военный историк Ю. Штюсси-Лаутенбург обнаружил в архивах Берна доклад правительству Швейцарии с предложением закупить 3 кг норвежского плутония-239, который Норвегия будто бы выражала готовность продать "политически надежной стране вроде

---

[101] АВП РФ. Ф. 047, оп. 3, п. 89, д. 31. лл. 137–140.

[102] Известия. 1958. 9 авг. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. II. (1957–1958). С. 637–639.

Швейцарии". Бывший директор Норвежского института атомной энергии Викинг Эриксен подтвердил, что Норвегия действительно обладала тремя килограммами плутония. Норвежской газете "Афтенпостен" удалось выяснить, что сделка со Швейцарией не состоялась, но плутоний был продан в 1977 г. бельгийской фирме "Белгонуклеэр", а позднее оказался в Германии для использования на АЭС, строительство которой было прекращено. Дальнейший след плутония исчез[103].

Согласно опубликованному в 1996 г. докладу, сделанному по уполномочию правительства Швейцарии, работы по атомной проблеме, начатые в 1945 г., интенсифицировались в 1965 г., когда высшие офицеры швейцарских вооруженных сил пришли к выводу, что надежная оборона страны может быть обеспечена только с помощью ядерного оружия. В докладе говорится, что даже в конце 1960-х годов, когда Швейцария уже подписала договор о нераспространении, Берн все еще сохранял открытой возможность атомного выбора. Вопрос был полностью закрыт только к 1977 г., когда страна ратифицировала ДНЯО. В Швейцарии в течение этого времени в тайне сохранялись запасы урана, который предполагалось обогатить центрифужным методом. Межведомственная рабочая группа, занимавшаяся этой проблемой, была ликвидирована только в 1988 г. В средствах массовой информации сообщалось, что правительство решило предать указанные факты гласности, чтобы показать, что это дело давней истории[103a].

ЯПОНИЯ. Среди специалистов по проблеме нераспространения ядерного оружия идут постоянные дискуссии о том, имеет ли Япония "ядерные амбиции" или нет. Но во всяком случае совершенно ясно, что страна уже в течение длительного времени располагает научно-техническими и промышленными возможностями для создания ядерного потенциала.

В 50-х и 60-х годах в стране проходили внутренние дебаты относительно возможного ядерного будущего Японии. В 1957 г. премьер-министр Киси, а в дальнейшем и некоторые другие японские руководители утверждали, что обладание ядерным оружием для целей обороны не противоречит антиядерным принципам, заложенным в японской конституции. В официальном докладе "Основные принципы дипломатической политики нашей страны" (1969 г.) заявлялось, что Япония не может бесконечно полагаться на "ядерный зонтик" США, и рекомендовалось, чтобы она овладела возможностями для создания собственного ядерного оружия[104]. Рекомендация принята не была, но сам факт, что имелось поручение подготовить подобный доклад, не может не говорить о том, что в тот

---

[103] Известия. 1996. 6 июля.

[103a] PPNN Newsbrief. 1996. N 34. 2nd Quarter. P. 13. В августе 1998 г. в средствах массовой информации ряда стран, в частности Японии, были опубликованы подробности планов швейцарских военных в отношении создания атомного оружия, разработанных в 60–70-х годах. Так, сообщалось, что имелось в виду произвести и развернуть в течение 15 лет 400 ядерных боезарядов (Коммерсантъ-Daily. 1998. 7 авг.).

[104] *Mack Andrew.* Proliferation in Northeast Asia. Occasional paper. 1996. N 28. July. Wash. (D.C.): The Henry L. Stimson Center, 1996. P. 12.

период в японских официальных кругах рассматривалась возможность ядерного выбора.

Согласно сообщениям печати, впоследствии подтвержденным японским правительством, в период 1968–1969 гг. министерство иностранных дел Японии подготовило секретный доклад в поддержку создания экономического и технического потенциала, который позволил бы впоследствии приступить к производству ядерного оружия[105].

Соединенные Штаты в 1958 г. заключили соглашение с Японией о поставке ядерного топлива для японской атомной энергетики, а спустя 10 лет подписали новое соглашение о продаже 161 т обогащенного урана и 365 кг плутония, что, по данным советского посольства в Вашингтоне, представляло самое большое количество ядерных материалов по двустороннему соглашению с какой-либо страной[106].

Ратификация ДНЯО проходила в японском парламенте с серьезными трудностями. Договор был ратифицирован только в августе 1976 года – позднее всех промышленно развитых стран Запада и после первой конференции по рассмотрению действия ДНЯО, состоявшейся в 1975 г.

Немалую озабоченность вызывает среди специалистов наличие в Японии больших количеств избыточного плутония. По состоянию на декабрь 1995 г., Япония располагала 16,1 т выделенного плутония, из которых 11,4 т находились в Европе и 4,7 т в самой Японии[107]. По оценкам некоторых экспертов, к 2010 г. Япония может иметь порядка 80–85 т плутония[108]. Пытаясь объяснить факт накопления таких количеств плутония, японские официальные лица и промышленные круги обычно ссылаются на то, что это необходимо для использования в будущем и для обеспечения энергетической независимости страны. Но для многих специалистов такое объяснение неубедительно, хотя другие и склонны принимать его.

АВСТРАЛИЯ. Усилия этой страны[109] обзавестись ядерным оружием можно условно разбить на две фазы: 1) попытку приобрести у Англии (1956–1963 гг.) и 2) произвести его самостоятельно (1964–1972 гг.). Руководство страны по крайней мере трижды по инициативе министерства обороны обращалось к правительству Англии с предложением о приобретении у него ядерного оружия. Премьер-министр Роберт Мензис, хотя и без энтузиазма, вел переговоры по этому вопросу с английским премьером Гарольдом Макмилланом, но безуспешно.

Начиная с 1964 г., после первого китайского ядерного испытания,

---

[105] *Хрипунов И.А.* Усилиям по ядерному нераспространению – более широкий контекст // Ядерный контроль. 1997. № 25. Январь. С. 17.

[106] АВП РФ. Ф. 047, оп. 14, п. 143, д. 24, лл. 52–54.

[107] *Katahara Eiichi.* Japan's Plutonium Policy: Consequences for Nonproliferation // The Nonprolifer. Rev. Fall 1997. Vol. 5, № 1. P. 57.

[108] Служба внешней разведки РФ. Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. М., 1995. С. 68–70.

[109] Данные по Австралии основаны главным образом на исследованиях, проведенных Джимом Уолшем на базе недавно рассекреченных архивных документов (*Walsh Jim.* Surprise Down Under: The Secret History of Australia's Nuclear Ambitions // The Nonprolifer. Rev. // Fall 1997. Vol. 5, № 1. P. 1–20).

австралийское правительство всерьез рассматривало возможность самостоятельного производства ядерного оружия. В стране имелись два небольших реактора: исследовательский тяжеловодный реактор на обогащенном уране мощностью 10 МВт HIFAR и менее мощный экспериментальный реактор МОАТА. Когда в 1966 г. США предложили австралийцам поставить реакторы под гарантии МАГАТЭ (до этого они находились под американским контролем), правительство Гарольда Холта воспротивилось "из опасения, что это помешало бы будущей программе создания ядерного оружия". В правительстве рассматривался тогда вопрос о строительстве энергетического реактора.

Как свидетельствует председатель КАЭ США Гленн Сиборг, в январе 1967 г. он вместе с членом КАЭ Джеральдом Тейпом посетил Канберру, где видные представители правительства и парламента информировали его о проходивших внутренних дебатах относительно целесообразности принятия решения о производстве ядерного оружия в связи с опасностью, исходящей от Китая. В том же году состоялись дополнительные американо-австралийские консультации, в ходе которых австралийцы не скрывали, что они рассматривают возможность создания сдерживающего средства на случай угроз со стороны своих соседей[110].

В итоге этих дебатов, однако, было принято решение об отказе от создания ядерного оружия на том основании, что в противном случае: а) Австралия может лишиться американской защиты по союзному договору АНЗЮС; б) может быть стимулировано ядерное распространение в Восточной и Юго-Восточной Азии; в) производство будет дорогостоящим и длительным, причем нет уверенности в том, что бомба сможет дать должный ответ на возможную угрозу стране. В феврале 1970 г. Австралия (позднее, чем многие другие государства) подписала ДНЯО и в январе 1973 г. ратифицировала его.

Средства массовой информации иногда напоминают об этом. Так, австралийские и английские газеты писали в январе 1997 г., что существовал проект сооружения ядерного реактора в Южной Австралии для военной программы, но он был отставлен по решению премьер-министра Холта[111].

ЮЖНАЯ КОРЕЯ. Начало ядерной программы Республики Корея относится к 1959 г.; к настоящему времени страна располагает крупной и продолжающей развиваться атомно-энергетической промышленностью. Установленная мощность действующих девяти АЭС составляет 7,2 тыс. МВт, сооружается еще пять энергоблоков общей мощностью 4,3 тыс. МВт. Южная Корея обладает запасами урана. Южнокорейские власти, начиная с 1968 г., не раз предпринимали попытки создать мощности по химпереработке и получению плутония, но наталкивались на противодействие США.

Имелись сообщения, что в 1971 г. президент Пак Чон Хи принял политическое решение приступить к осуществлению программы создания ядерного оружия, но США воспрепятствовали этому. Затем он попытался

---

[110] *Seaborg Glenn.* Op. cit. P. 252–253.

[111] PPNN Newsbrief. 1997. N 37. 1st. Quarter. P. 12.

заручиться техническим содействием Франции. В 1975 г. Пак объявил, что Южная Корея приступит к производству ядерного оружия, если США уберут "ядерный зонтик". Было заключено соглашение с Францией о строительстве завода по химпереработке, но в начале 1976 г. под нажимом США от этой сделки Паку пришлось отказаться. Но это его, тем не менее, не остановило. Лишь после его убийства и прихода к власти Чон Ду Хвана в 1980 г. военная ядерная программа была окончательно свернута[112].

По условиям принятой в 1992 г. совместной декларации о создании безъядерного Корейского полуострова Южная Корея и КНДР приняли на себя обязательство не создавать мощности по химпереработке отработавшего топлива и обогащению урана и об установлении взаимного контроля за соблюдением этого обязательства. Но Декларация в действие введена не была.

ТАЙВАНЬ. В соответствии с опубликованными источниками интерес к ядерному оружию на Тайване возник в 60-х годах в период сложных отношений между Тайбэем и Вашингтоном. В 1965 г. был основан Тайваньский научно-исследовательский институт по ядерной энергии, штат которого к 1985 г. превысил 1100 чел. В 1968 г. министерство обороны учредило Национальный научно-технологический институт Chungshan, на который была возложена задача разработки "независимых ядерных возможностей"[113].

Тайвань имеет научно-технические и промышленные возможности для производства ядерных взрывных устройств. Достаточно сказать, что уже к середине 80-х годов здесь действовало шесть ядерных энергоблоков общей мощностью 4,9 тыс. МВт. Тайвань, правда, не имеет собственного урана и зависит от поставок обогащенного урана из США и Южной Африки для своих АЭС.

В 1969 г., т.е. через пять лет после китайского ядерного взрыва, Тайвань получил из Канады исследовательский реактор мощностью 40 МВт и тогда же предпринял попытку создать установку для химпереработки отработавшего ядерного топлива и выделения плутония, но США помешали этому. В дальнейшем тайваньские власти не раз делали такие попытки, в частности, в середине 70-х годов в период улучшения отношений между США и КНР, но американцы всякий раз оказывали нажим, чтобы пресечь подобные замыслы.

Бывший руководитель авторитетной научной организации "Академика Синика" У Даю публично подтвердил в сентябре 1997 г., что правительство Тайваня рассматривало в конце 60-х годов вопрос о создании ядерного оружия[114].

---

[112] *Suh Mark B.M.* From Confrontation to Accomodation: Ways and Means of Sustaining a Nuclear-Weapon-Free Korea. Paper presented at the 26th Pugwash Workshop on Nuclear Forces, 7–9 Feb. 1997. Geneva, Switzerland. P. 6.

[113] *Mack Andrew.* Op. cit. P. 7–11; Служба внешней разведки РФ. Договор о нераспространении ядерного оружия... С. 64–65.

[114] Intern. Herald Tribune. 1997. Sept. 22.

ИРАН. С конца 60-х годов в ядерном центре Тегеранского университета действует поставленный Соединенными Штатами исследовательский реактор мощностью 5 МВт, работающий на высокообогащенном уране, степень обогащения которого была в дальнейшем снижена с 93 до 20%. США предоставили также "горячие камеры" для выделения небольших количеств плутония из облученного топлива.

Иран подписал ДНЯО в 1968 г. и ратифицировал его в начале 1970 г. В 70-х годах шахский Иран заключил с германской фирмой "Siemens / KWU" соглашение о сооружении в Бушере двух энергоблоков мощностью 1300 МВт каждый. К приходу к власти аятоллы Хомейни в 1979 г. реакторы были построены соответственно на 80 и 65–70%, но во время ирано-иракской войны они были сильно повреждены в результате бомбардировок иракской авиацией. В настоящее время Российская Федерация сооружает в Бушере два энергоблока по 1000 МВт. Отработанное топливо будет возвращаться в Россию.

ЮГОСЛАВИЯ. Атомное ведомство Югославии по совместительству возглавил один из ближайших соратников Тито министр госбезопасности Ранкович. По мнению некоторых специалистов по вопросам распространения и нераспространения ядерного оружия, уже в 50-х–начале 60-х годов в Югославии были предприняты некоторые первоначальные шаги по организации исследований с целью овладения секретами создания ядерного оружия. Однако в 1970 г. Югославия присоединилась к ДНЯО[115].

Тем не менее в середине 70-х годов вопрос о ядерном вооружении Югославии вновь стал объектом серьезного внимания со стороны правительства Тито. Как считают некоторые американские специалисты на основе данных из югославских источников, на секретных совещаниях руководства Югославии в июне, осенью и в декабре 1974 г. при участии только военных и некоторых особо доверенных ученых было принято решение о возобновлении атомной программы. Судя по всему, ядерный взрыв, осуществленный Индией в 1974 г. сыграл существенную роль при принятии этого решения. В одном из научных центров Белграда были развернуты исследовательские работы, в ходе которых прорабатывались различные варианты производства оружейных расщепляющихся материалов, включая газодиффузионный метод обогащения урана[116].

7 декабря 1975 г. в белградской газете "Борба" появилась статья в пользу создания ядерного оружия, а 13 марта 1977 г. было опубликовано интервью с генерал-полковником Иваном Кукочем, который заявил, что если того потребуют обстоятельства, Югославия может отказаться от своего безъядерного статуса[117]. Работа над атомным проектом в дальнейшем была, однако, свернута.

---

[115] По свидетельству А.А. Рощина, который лично беседовал с представителем Югославии при ООН А. Вратушей, югославская делегация поддержала резолюцию Генеральной Ассамблеи об одобрении договора после значительных колебаний (*Рощин А.А.* Дома и за рубежом: (Неопубл. рук. восп.). С. 292.

[116] Сообщено Уильямом Поттером.

[117] *Dunn Lewis A.* Controlling the Bomb. Nuclear Proliferation in the 1980s. New Haven; London: Yale University Press, 1982. P. 61–62.

6. АТОМНЫЕ ПРОГРАММЫ ИЗРАИЛЯ, ИНДИИ, ПАКИСТАНА, ИРАКА, КНДР, ЮЖНОЙ АФРИКИ, АРГЕНТИНЫ, БРАЗИЛИИ

ИЗРАИЛЬ. Атомные исследования начались здесь вскоре после образования государства Израиль. По мнению некоторых исследователей, Давид Бен Гурион уже в 1955 г. принял решение о создании ядерного оружия[118]. Израильская программа овладения ядерным оружием стала принимать широкие масштабы осенью 1956 г. после Суэцкого кризиса, при существенной поддержке Франции.

Правительство Франции, возглавляемое Ги Молле, делало тогда ставку на Израиль в противовес арабскому национализму, угрожавшему французским интересам в Африке, прежде всего в Алжире[119]. По свидетельству Пьера Пеана, в начале ноября 1956 г. Ги Молле заявил: "Я им (израильтянам. – *Авт.*) должен дать бомбу". Премьер-министра поддержал начальник генерального штаба генерал Эли: "Нужно предоставить им этот контрбаланс, чтобы обеспечить их безопасность. Это жизненно необходимо"[120].

Ведущую роль в осуществлении израильского атомного проекта играл Шимон Перес, в дальнейшем ставший премьер-министром страны. Израиль заключил с Францией, имевшей к тому времени широко продвинутую ядерную программу, секретное соглашение о строительстве промышленного тяжеловодного реактора в Димоне (в пустыне Негев) мощностью 26 МВт и установки для получения плутония. Несмотря на запрет, установленный де Голлем после прихода к власти в 1958 г., французская промышленность продолжала оказывать помощь Израилю в сооружении этих установок[121]. Мощность Димонского реактора была в дальнейшем доведена до 40 МВт и более, что позволяло получать плутоний в количествах, достаточных для изготовления нескольких ядерных устройств в год. Димонский реактор стал нарабатывать плутоний в 1966 г. Тогда же заработала установка по химпереработке и выделению плутония[122].

Имелись сведения и том, что французы оказывали содействие израильтянам в разработке конструкции ядерного устройства и, возможно, поделились с ними информацией, полученной после своего первого ядерного испытания, проведенного в Сахаре в 1960 г.[123]

---

[118] *Pean Pierre*. Les Deux Bombes. P.: Fayard, 1982. P. 13.

[119] Как пишет Пьер Пеан, Ги Молле считал, что "Насера, который вооружает алжирское восстание, может сломить только одно средство – вооружение Израиля ⟨...⟩" (*Pean Pierre*. Op. cit. P. 78). И далее Ги Молле подчеркнул: "Нужно создать противовес Египту ⟨...⟩ Таким мощным противовесом является Израиль и его бомба" (P. 84).

[120] Ibid.

[121] *Pean Pierre*. Op. cit. P. 138.

[122] *Cohen Avner*. Stumbling into Opacity: The United States, Israel, and the Atom, 1960–1963. Security Studies. 1994. Vol. 4, № 2. Winter. L.: Frank Press, 1994. P. 218, 229.

[123] *Spector Leonard S., Smith Jacqueline R*. Nuclear Ambitions. The Spread of Nuclear Weapons 1989–1990. Boulder (CO): Westview Press, 1990. P. 149–159.

В декабре 1960 г. советскому правительству стало известно, что Израиль, возможно, будет иметь атомную бомбу через 8–10 месяцев. В связи с этим в начале января 1961 г. было принято решение обратиться к американскому руководству с предложением предпринять одновременный демарш послов СССР, США и Англии в Тель-Авиве с тем, чтобы помешать планам Израиля. Какова была реакция Вашингтона, нам установить не удалось.

По всей видимости, Израиль создал свою первую атомную бомбу в конце 1966 г.[124] К концу мая 1967 г., накануне очередной арабо-израильской войны, по мнению израильского исследователя Авнера Коэна, у Израиля были в готовом состоянии два ядерных взрывных устройства[125].

Хотя о строительстве Димонского реактора стало известно еще в 60-х годах, многие из важнейших сведений о ядерной программе Израиля стали достоянием гласности в результате сенсационных разоблачений, сделанных израильским специалистом Мордехаем Вануну, работавшим в Димоне в 1977–1985 гг., английской газете "Sunday Times" в 1986 г. Помощь Франции Израилю была подтверждена руководителем французского Комиссариата по атомной энергии в 1951–1970 гг. Перреном в интервью той же газете[126].

Известный израильский специалист по ядерной политике Шай Фелдман, подчеркнув, что официальный Израиль никогда не раскрывал масштабы своей ядерной программы, следующим образом подытожил данные **открытых** иностранных источников. В Израиле имеются: небольшой ядерный реактор в Сореке (находится под гарантиями МАГАТЭ), промышленный реактор в Димоне мощностью 26 МВт, которая была доведена до 70–150 МВт; установка по химпереработке и выделению плутония. Израиль произвел от 100 до 200 боезарядов и, возможно, изготовил ядерные боеголовки для своих баллистических ракет "Иерихон-2" дальностью свыше 1000 км[127].

По другим оценочным подсчетам, выполненным Олбрайтом, Беркхаутом и Уокером, Израиль к концу 1994 г. произвел до 880 кг плутония и, следовательно, мог изготовить до 176 ядерных боезарядов[128].

Официальная политика Израиля, начиная с министерства Бен Гуриона (1955–1963 гг.), состоит в том, что "Израиль первым не введет ядерное оружие на Ближнем Востоке". Премьер-министр Ицхак Рабин, вместе с тем, заявил в 1974 г.: "Мы не можем позволить себе стать второй страной, которая сделает это"[129]. С того же времени ядерный потенциал Израиля рассматривается как "экзистенциальное сдерживание" ("existential

---

[124] *Pean Pierre*. Op. cit. P. 147.

[125] *Cohen Avner*. Israel and the Evolution of U.S. Non-Proliferation Policy: The Critical Decade (1958–1968) // The Nonprolifer. Rev. 1988. Vol. 5. № 2. Winter. P. 16.

[126] Sunday Times. 1986. Oct. 5, 12.

[127] *Feldman Shai*. Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East. Cambridge (MA): The MIT Press, 1997. P. 46.

[128] *Albright David, Berkhout Frans, Walker William*. Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996 World Inventories. Capabilities and Policies / SIPRI Publication. Oxford Univ. Press. 1997. P. 262.

[129] *Shai Feldman*. Op. cit. P. 96.

deterrence")[130]. Наличие ядерного оружия, однако, неизменно скрывается, и в отношении существования оружия проводится политика "неясности", или "неопределенности" ("opacity" or "ambiguity"). Не оспаривая открыто значения международно-правовой нормы и режима нераспространения, Израиль утверждает, что "императивы безопасности и стратегические обстоятельства, существующие на Ближнем Востоке, не позволяют ему присоединиться к ДНЯО"[131].

Различные американские администрации занимали двусмысленную позицию в отношении израильской атомной программы, чаще всего закрывая глаза на ее развитие. Предоставив Израилю в 50-х годах небольшой исследовательский реактор "Сорек" при президентствах Кеннеди и Джонсона США высказывались против приобретения им ядерного оружия. Кеннеди не раз обсуждал этот вопрос с Бен Гурионом, в 1965 г. Джонсон направил в Израиль специальных эмиссаров – Аверелла Гарримана и Комера, чтобы попытаться добиться постановки Димонского реактора под гарантии МАГАТЭ. В следующем году США предлагали Израилю установку по опреснению воды в обмен на принятие инспекторов Агентства[132]. В 1968 г. заместитель госсекретаря Джордж Болл пытался получить от Израиля заверение, что он обязывается не создавать ядерное оружие, в качестве условия поставок Соединенными Штатами самолетов F-4 "Фантом", однако из-за оппозиции со стороны американского конгресса госдепартамент не стал настаивать на этом требовании.

Среди некоторых специалистов существует мнение, что политика "неясности" явилась результатом американских представлений правительству Израиля. В 60-х годах Израиль несколько раз допускал на двусторонней основе американские инспекции Димонского реактора, но после прихода к власти в 1969 г. республиканской администрации Генри Киссинджер, став советником Никсона по национальной безопасности, прекратил инспекции с 1970 г.[133] И в дальнейшем США сквозь пальцы наблюдали за развертыванием израильской ядерной программы, не прекращая оказывать военную помощь Израилю. Не настаивали и не настаивают США на присоединении его к ДНЯО. Как отмечает Шай Фелдман, "нигде избирательный характер американской политики по ядерному нераспространению не проявлялся столь явно, как в случае с Израилем"[134]. Существенной, если не решающей, поддержкой Израилю в обеспечении его безопасности было и остается "стратегическое партнерство" с Соединенными Штатами.

---

[130] Под термином "экзистенциальное сдерживание" понимается эффект сдерживания, проистекающий из самого факта наличия ядерного оружия в распоряжении данной страны или ее союзников и даже из существования способности у такой страны производить ядерное оружие. При этом не обязательно наличие объявленной ядерной доктрины, средств доставки оружия, развернутых сил, планов нацеливания, проведение военных учений и осуществление других действий, направленных на то, чтобы создать у потенциального противника или противников уверенность в том, что его или их агрессивные действия встретят ядерный ответ. См.: The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy / CISAC, National Academy of Sciences, National Academy Press. Wash. (D.C.), 1997. P. 15.

[131] *Feldman Shai*. Op. cit. P. 98.

[132] *Cohen Avner*. Israel and the Evolution... P. 14–15.

[133] *Feldman Shai*. Op. cit. P. 185–186; *Cohen Avner*. Stumbling into Opacity... P. 230.

[134] *Feldman Shai*. Op. cit. P. 196.

ИНДИЯ. Комиссия по атомной энергии Индии, деятельность которой первоначально носила консультативный характер, была создана еще в 1948 г. Ее главой формально был сам Джавахарлал Неру, фактическим же руководителем комиссии являлся талантливый физик и администратор Хоми Баба. В марте 1958 г. в Бомбее была образована государственная комиссия по атомной энергии, которая непосредственно подчинялась премьер-министру.

В ноябре 1954 г. премьер-министр Индии объявил, что Индия установила "тесную связь" с некоторыми странами по вопросу о строительстве атомных установок. С США и Францией были заключены соглашения по мирному использованию атомной энергии. В феврале 1955 г. появилось сообщение, что США продали Индии 10 т тяжелой воды[135].

По мнению Леонарда Спектора, специалиста по проблеме нераспространения ядерного оружия, фундамент индийской программы, ведущей к созданию ядерного оружия, был заложен еще в 50-е годы. Во второй половине этого периода при технической и финансовой помощи Канады был сооружен крупный исследовательский тяжеловодный реактор на естественном уране CIRUS"[136] мощностью 40 МВт, способный нарабатывать плутоний. Он достиг критичности в июле 1960 г. Канадцы не потребовали гарантий, ограничившись согласием на обещание индийской стороны использовать реактор только в мирных целях. Сами индийцы своими собственными силами построили в Тромбее (недалеко от Бомбея), установку для химического выделения плутония, которая вступила в строй в 1965 г.

Как вспоминал советский ученый и один из руководителей советской атомной промышленности член-корреспондент АН СССР В.С. Емельянов, Хоми Баба "неоднократно" говорил ему, что Индия не может закрыть для себя дверь к приобретению и производству в будущем ядерного оружия, "учитывая, что им владеет Китай, претендующий на обширные районы индийской территории"[137]. В 1960 г. Баба настойчиво добивался от Советского Союза согласия на строительство в Индии атомного реактора на естественном уране и тяжелой воде (т.е. реактора для производства плутония), но Москва уклонилась. США были об этом информированы[138].

До середины 60-х годов Индия публично категорически отвергала предположения о работах над ядерным оружием. Считается, тем не менее, что в конце 1964 г., после первого китайского ядерного взрыва, при премьер-министре Шастри было принято решение приступить к ускоренному осуществлению этой программы. Публично же Шастри продолжал выступать против обладания ядерным оружием, но в отличие

---

[135] АВП РФ. Ф. 047, оп. 1, п. 64, д. 4, л. 1.

[136] Аббревиатура расшифровывается: Canadian-Indian Reactor Uranium System (Канадско-индийская реакторно-урановая система).

[137] *Емельянов В.С.* Проблемы нераспространения ядерного оружия. М.: Наука, 1981. С. 46. В конце 50-х–начале 60-х годов Емельянов был Управляющим от СССР в Совете Управляющих МАГАТЭ. Хоми Баба (или Бхабха) руководил индийской атомной программой до 1966 года, когда погиб в авиационной катастрофе.

[138] Емельянов сообщил об этом председателю КАЭ США Джону Маккоуну в ноябре 1960 г. См.: U.S. AEC Memorandum, 11/19/60. NSA. Nuclear Non-Proliferation File, No. 00701.

от прежних деклараций индийского руководства он заявлял, что поддерживает разработку ядерных взрывных устройств, но только для мирных целей[139].

Индия отказалась подписать ДНЯО (окончательное решение на этот счет, по некоторым сведениям, было принято индийским правительством в апреле 1968 г.[140]), а в конце 1969 г. премьер-министр Индира Ганди подтвердила свою приверженность политике создания "мирных" ядерных взрывных устройств. В начале 1973 г. она дала указание о подготовке ядерного взрыва, и, наконец, в мае 1974 г. Индия произвела свой первый ядерный взрыв "в мирных целях". Существует мнение, разделяемое помощником президентов Кеннеди и Джонсона по национальной безопасности Банди, что к этому шагу Индию подтолкнули действия администрации Никсона в 1971 г. в пользу Пакистана[141].

По оценочным подсчетам Олбрайта, Беркхаута и Уокера, Индия имела к концу 1994 г. 285–310 кг плутония. Этого количества было бы достаточно для изготовления 60 ядерных боезарядов[142].

В мае 1998 г. Индия провела серию из пяти ядерных взрывов, в том числе один термоядерный, на этот раз не объявляя их "мирными". По данным Фонда Карнеги за международный мир, Индия имела в 1998 г. около 400 кг плутония, из которого можно было бы изготовить от 65 до 90 ядерных боезарядов (в зависимости от конструкции взрывного устройства)[143].

ПАКИСТАН. Комиссия по атомной энергии Пакистана, реорганизованная по указу президента Аюб Хана в самостоятельное государственное учреждение на правах министерства в 1960 г., была подчинена непосредственно президенту страны. В декабре 1965 г. в Институте ядерных наук и технологии в Исламабаде вступил в строй первый исследовательский реактор бассейнового типа мощностью 5 МВт. Одновременно были задействованы и другие атомные центры – в Лахоре, Дакке (позднее отошедшей к Бангладешу) и Тандоадаме. В те же годы были заключены соглашения по мирному использованию атомной энергии с 11-ю западными странами (США, Англией, Францией и др.), предусматривавшие обеспечение возможностей для подготовки пакистанских специалистов, получения оборудования и т.д.[144]

Пакистан, как и Индия, не присоединившись к ДНЯО, приступил к осуществлению программы, направленной на создание ядерного оружия, после сокрушительного поражения в войне с Индией в 1971 г. Поначалу пакистанское руководство рассчитывало на приобретение у Франции заво-

---

[139] *Spector Leonard.* Op. cit. P. 64.

[140] Сообщено индийскими специалистами по ядерной проблеме К. Субраманиамом и Брамой Челлани, однако, по другим сведениям, решение было принято раньше.

[141] *Bundy McGeorge.* Danger and Survival. P. 516.

[142] *Albright David, Berkhout Frans, Walker William.* Op. cit. P. 268.

[143] Carnegie Endowment for International Peace. Proliferation Brief, Vol. 1, No. 3 (http:// www. ceip. org).

[144] По данным советского генконсульства в Карачи. См.: АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 137, д. 30, лл. 35–39.

да по химпереработке и выделению плутония, однако в 1977 г. французское правительство пересмотрело свое решение и отказалось от поставки соответствующей установки.

В этих условиях, начиная с 1975 г., Пакистан приступил к закупкам оборудования за границей (в основном в Западной Германии) и овладению технологией обогащения урана методом центрифугирования. Ключевую роль в этом играл пакистанский специалист Абдул Кадир Хан, одно время работавший на англо-германо-голландском заводе по обогащению урана в Альмело (Нидерланды). Центрифужный завод, построенный в Кахуте, приступил к наработке высокообогащенного урана в 1984 г. и к началу 1988 г. Пакистан присоединился к числу "околоядерных" государств.

По подсчетам Олбрайта, Беркхаута и Уокера, Пакистан имел в 1991 г. около 160–260 кг оружейного урана и, следовательно, 8–13 ядерных боезарядов. По сведениям этих авторов, после 1991 г. высокообогащенный уран не производился[145].

В мае 1998 г. в ответ на индийские ядерные испытания Пакистан провел серию подземных ядерных взрывов. После взрывов Абдул Кадир Хан в интервью английской газете "Observer", опубликованном 31 мая 1998 г., заявил, что завод по обогащению урана в Кахуте производит оружейный уран с 1983 г. и что Пакистан был готов к проведению испытаний ядерного взрывного устройства с конца 1984 г.[146]

ИРАК. Среди специалистов существует широкое мнение, что Ирак, приступив к интенсификации атомных работ в середине 70-х годов, втайне вел дело к созданию ядерного оружия, хотя он и присоединился к ДНЯО еще в 1969 г., а два его небольших реактора – советский и французский и строившийся более мощный французский реактор находились под гарантиями МАГАТЭ.

Как и в случае с Израилем, существенная помощь пришла из Франции. В ноябре 1975 г. премьер-министр Франции Жак Ширак подписал в Париже соглашение с Садамом Хуссейном об использовании атомной энергии в мирных целях, а в 1976 г. был заключен контракт на строительство двух исследовательских реакторов – Тамуз-2 мощностью 800 кВт и Тамуз-1 ("Озирак") мощностью 70 МВт. В 1978 г. Ирак покупает в Италии лабораторию по химпереработке отработанного топлива[147].

Очевидным признаком военного направления иракской атомной программы стал тот факт, что исследовательский реактор "Озирак" должен был иметь довольно большую мощность и, следовательно, мог нарабатывать значительные количества плутония. Еще недостроенный реактор был уничтожен израильской авиацией в июне 1981 г., что вызвало большой международный скандал и было осуждено ООН и МАГАТЭ.

В результате поражения Ирака после операции "Буря в пустыне" в 1991 г. и инспекционной деятельности Спецкомиссии ООН и МАГАТЭ,

---

[145] *Albright David, Berkhout Frans, Walker William*. Op. cit. P. 276.
[146] Disarmament Diplomacy. 1998. May 26. P. 14–15.
[147] *Pean Pierre*. Op. cit. P. 164.

осуществлявшейся по решению Совета Безопасности ООН (резолюции 687, 715), было выявлено и доказано, что Ирак проводил широкую программу по овладению ядерным оружием, а также другими видами оружия массового уничтожения. Все производственные мощности по получению ядерных материалов и созданию из них боезарядов по решению ООН были уничтожены или обезврежены. Обогащенный уран в форме свежего и облученного топлива вывезен из страны в Россию и находится под гарантиями МАГАТЭ. В соответствии с решением Совета Безопасности Агентство в сотрудничестве со Спецкомиссией ООН продолжает осуществлять мониторинг в Ираке, с тем чтобы не допустить возрождения атомной программы, запрещенной ООН.

КНДР. Научно-экспериментальная инфраструктура в атомной области создавалась в Северной Корее с 60-х годов. Поставленный Советским Союзом небольшой исследовательский реактор на высокообогащенном уране был пущен в эксплуатацию в конце 60-х годов и находится под гарантиями МАГАТЭ.

По оценке экспертов Службы внешней разведки РФ, политическое решение о начале работ по созданию ядерного оружия было принято в КНДР в начале 70-х годов. Однако из-за трудностей экономического, финансового и научно-технического характера военная программа развивалась волнообразно. Тем не менее, опираясь главным образом на собственные силы, северокорейцы сумели создать почти полностью плутониевый ядерный цикл[148]. В 1986 г. корейцы ввели в эксплуатацию газографитный реактор мощностью 5 МВт, способный нарабатывать плутоний. По мнению Олбрайта, Беркхута и Уокера, Северная Корея могла накопить около 30 кг плутония, из которого можно было бы изготовить один-два ядерных боезаряда.

Вступив в 1985 г. в Договор о нераспространении ядерного оружия, КНДР заключила требуемое по договору соглашение о гарантиях с Агентством в нарушение ДНЯО с большим запозданием – только в 1992 г. Проверка инспекторами представленного в соответствии с соглашением первоначального отчета выявила, однако, ряд неясностей, что вызвало необходимость в дополнительных проверках наличия ядерного материала (в так называемых "специальных инспекциях"). Правительство Северной Кореи не дало на это согласия и в марте 1993 г. заявило о намерении выйти из ДНЯО, а спустя несколько месяцев и из МАГАТЭ.

Последовавшие за этим продолжительные американо-северокорейские переговоры привели к заключению в октябре 1994 г. договоренности ("Agreed Framework"), в соответствии с которой КНДР заморозила эксплуатацию действующего и прекратило строительство двух других, более мощных реакторов и согласилось остаться участником ДНЯО. Со стороны США было дано согласие на сооружение в Северной Корее энергетических реакторов, которые предполагается строить главным образом с помощью Южной Кореи. Из Агентства КНДР вышла.

---

[148] Служба внешней разведки РФ. Договор о нераспространении ядерного оружия... С. 54–57.

ЮЖНАЯ АФРИКА. В Южной Африке Управление по атомной энергии (Atomic Energy Board, ныне – Atomic Energy Corporation) было создано законом парламента в 1948 г. В 1959 г. в закон были внесены изменения, позволившие начать научно-исследовательские работы и строительство атомных установок в районе Пелиндаба около Претории.

Значительная помощь в развитии южноафриканской атомной программы поступала из-за границы. Так, США поставили исследовательский реактор Safari-1, который вступил в эксплуатацию в Пелиндабе в 1965 г. В течение последующих десяти лет американцы поставляли Южной Африке высокообогащенный уран под гарантиями МАГАТЭ, однако в 1975 г. с введением санкций ООН поставки были прекращены.

Согласно сообщениям периодической печати, Южная Африка получала научно-техническую помощь в области атомной энергии от США, Германии, Израиля, Франции и ряда других стран. Франция в 80-е годы поставила Южной Африке два энергетических блока типа PWR мощностью 900 МВт каждый.

Располагая высоким научно-техническим потенциалом, Южная Африка нуждалась в иностранной помощи меньше, чем, к примеру, Ирак или Пакистан. Обладая большими запасами природного урана, Южная Африка приступила к созданию собственного производства по обогащению урана. Начало работ по военной ядерной программе следует отнести к 1970 г. В 1974 г. принимается политическое решение о создании "ограниченного" ядерного арсенала. С этого момента было начато строительство опытного полигона в пустыне Калахари. В августе 1977 г. советские разведывательные спутники обнаружили наличие полигона и поставили в известность США, которые затем тоже зафиксировали этот факт. Южноафриканцам были сделаны представления, и они согласились закрыть полигон и не проводить испытания[149].

В 1979 г. был изготовлен первый ядерный заряд на основе урана пушечного типа с обогащением 80% и мощностью порядка 3 кт. К 1989 г. ЮАР становится обладателем еще пяти боезарядов с оценочной мощностью 10–18 кт каждый. Седьмое устройство было в стадии производства к моменту принятия решения об уничтожении всего арсенала в связи с подготовкой к присоединению ЮАР к ДНЯО.

Конструктивные особенности взрывных устройств и направленность НИОКР позволяли предположить, что Южная Африка усиливала боевые заряды путем использования в них высокообогащенного урана с добавками дейтерия и трития. 30 г трития для этих целей были получены из Израиля в обмен на 600 метрических тонн окиси урана. Этого количества трития, по оценкам специалистов, в принципе было бы достаточно для производства около 20 боезарядов усиленного типа (хранилище, обнаруженное в ЮАР, было рассчитано на 17 единиц)[150].

В феврале 1990 г. президент ЮАР де Клерк дал указание об уничтожении ядерных зарядов, демонтаж которых был завершен в августе

---

[149] *Spector Leonard.* Op. cit. P. 272.

[150] Служба внешней разведки РФ. Договор о нераспространении ядерного оружия... С. 66–67.

1991 г. В том же году Южная Африка присоединилась к ДНЯО. Агентство произвело тщательную проверку сохранившихся запасов ядерных материалов и отчет секретариата был принят Советом Управляющих МАГАТЭ.

АРГЕНТИНА. Эта страна приступила к работам в области атомной энергии еще в конце 40-х годов и в настоящее время обладает наиболее развитой ядерной промышленностью среди стран Латинской Америки. Сравнительно быстро овладев и производством урана, и ядерной энергетикой, и практически почти всеми остальными компонентами ядерного топливного цикла, включая газодиффузионное производство и химпереработку (последние на демонстрационной основе), Аргентина в итоге получила значительную степень независимости от ядерных поставщиков.

По данным советского посольства в Аргентине, уже в 1966 г. в атомном центре в Барилоче и его филиале Эсейса (в Буэнос-Айресе) работало 2000 специалистов, в том числе 600 ученых и инженеров. В центре действовал реактор, а в Эсейсе сооружался еще один реактор мощностью 5 МВт. Посольство отмечало, что развитие ядерных исследований в Аргентине "вызывает в соседних с Аргентиной странах, особенно в Чили, сильное беспокойство"[151].

Во время военного правления в Аргентине было втайне начато строительство установок для выделения плутония (в Эсейсе) и газодиффузионного обогащения урана (в Пилкание). Однако с приходом в 1983 г. гражданской администрации президента Рауля Альфонсина начался процесс подключения Аргентины (совместно с Бразилией) к режиму нераспространения ядерного оружия. В 1991 г. было подписано двустороннее соглашение с Бразилией в Гвадалахаре (Мексика) об использовании атомной энергии исключительно в мирных целях. В 1995 г. Аргентина присоединилась к ДНЯО.

БРАЗИЛИЯ. Национальная комиссия Бразилии по ядерной энергии была создана в октябре 1956 г. Управляющий от Бразилии в Совете Управляющих МАГАТЭ объявил на февральской сессии Совета 1962 г., что в стране действуют два исследовательских реактора. С 60–70-х годов в Бразилии осуществлялись две амбициозные параллельные атомные программы: гражданская ядерно-энергетическая – главным образом на базе научных центров в Рио-де-Жанейро, и военная, которая реализовывалась под фактическим руководством вооруженных сил страны, главным образом ВМС, в Сан-Паулу. В 1975 г. было подписано соглашение с ФРГ, предусматривавшее создание грандиозной атомной промышленности, включающей восемь АЭС. Западная Германия, в частности, поставила Бразилии экспериментальную установку по обогащению урана методом "вихревого сопла" (метод Бекера) в Белу-Оризонти и помогала в строительстве полупромышленной установки в ядерном центре в Резенде. В том же центре ФРГ оказывала помощь в строи-

[151] АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 137, д. 30, лл. 97–99.

тельстве полупромышленной установки по радиохимическому выделению плутония[152].

Намечавшаяся программа, однако, была осуществлена лишь частично. Метод Бекера оказался весьма неэкономичным, и бразильцы в конечном счете отказались от него. Радиохимическая установка также не была пущена в ход. Германская "Siemens/KWU" и бразильская "Нуклебраз" в 1976 г. приступили к сооружению одной из восьми АЭС – Анграа-2 мощностью 1300 МВт, но она, как ожидается, войдет в эксплуатацию не ранее 1999 г., и ее стоимость составит порядка 7–10 млрд долл. Тем не менее, в результате энергичных усилий Бразилия, как и Аргентина, располагает практически полным ядерным топливным циклом.

После окончания военного правления и прихода к власти в 1985 г. гражданского президента Жозе Сарнея начался постепенный, но более медленный, чем в Аргентине, процесс подключения Бразилии к режиму нераспространения ядерного оружия. В 1991 г. было подписано с Аргентиной Гвадалахарское соглашение, образовано Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов (АВАСС) и в том же году заключено четырехстороннее соглашение между Аргентиной, Бразилией, АВАСС и МАГАТЭ о всеобъемлющих гарантиях Агентства на территории двух стран. Бразилия стала участником договора Тлателолко о безъядерной зоне в Латинской Америке и Карибском бассейне и присоединилась к ДНЯО в 1998 г.

* * *

Приведенные данные далеко не исчерпывающие и, конечно, не претендуют на полноту. Мы и не ставили перед собой такой задачи, преследуя более ограниченную цель – показать, как шло в 50–60-е годы распространение атомных технологий и почему возникла потребность остановить или хотя бы затормозить этот процесс.

Быстро развивавшаяся в целом ряде стран ядерная энергетика неумолимо вела к накапливанию в отработавшем топливе атомных реакторов расщепляющихся материалов, пригодных для изготовления ядерного оружия. В научных исследованиях и средствах массовой информации все чаще стали появляться сведения о растущих атомных потенциалах многих государств. Помимо государств, обладающих ядерным оружием, реакторы, производящие плутоний в значительных количествах, имели – в 1957 г. 1 страна, в 1959 г. – 3, в 1962 г. – 7, в 1965 г. – 11, в 1968 г. – 13 и т.д.[153]

В опубликованном в ноябре 1965 г. докладе авторитетного лондонского Международного института стратегических исследований приводились данные о том, что к 1970 г. атомные реакторы Канады должны наработать плутония для 224 бомб того типа, что была сброшена над

---

[152] Ядерный фактор в современном мире / Под ред. В.И. Кривохижи / Рос. ин-тут стратег. исслед. М., 1996. С. 81.

[153] *Калядин А.Н.* Проблемы запрещения испытаний и распространения ядерного оружия. М.: Наука, 1976. С. 126. На с. 128–131 этой монографии приводится таблица атомных потенциалов неядерных стран.

Нагасаки, к 1972 г. Индия будет иметь плутоний для 230 бомб, Германия – для 170, Япония – для 92, Италия – для 120, Швеция – для 32, Чехословакия – для 30 бомб[154].

По решению Генеральной Ассамблеи ООН 2162 А(XXI) от 5 декабря 1966 г. международными экспертами, назначенными Генеральным секретарем ООН У Таном, было проведено исследование "Последствия возможного применения ядерного оружия, а также последствия приобретения и дальнейшего развития ядерного оружия для безопасности и экономики государств", которое было представлено ООН в октябре 1967 г. В состав группы экспертов входили В.С. Емельянов (СССР), Джон Полфри (США), Бертран Гольдшмидт (Франция), Солли Зукерман (Англия), Викрам Сарабхай (Индия) и др. В докладе экспертов приводились расчеты, что стоимость десяти 20-килотонных боеголовок из плутония (без носителей) за 10 лет может составить 104 млн долл., а 100 таких устройств за тот же период времени –188 млн долл., т.е. расходы были бы довольно умеренными[155]. Все эти сведения вызывали растущую озабоченность международного сообщества.

Советское руководство с исключительным вниманием, привлекая все возможные источники информации, следило за развитием атомных программ в других странах. Конечно, широко использовались в том числе и возможности разведывательных служб. В 1993 и 1995 гг. были опубликованы доклады Службы внешней разведки РФ, которые свидетельствовали о том, что Москва внимательно отслеживала складывавшуюся ситуацию и располагала богатой и зачастую уникальной информацией о том, что делалось в других странах в атомной области. В руководстве страны особо учитывалась специфика геополитической ситуации нашего государства, по всему периметру которого находятся страны, являющиеся официальными и неофициальными ядерными, либо "пороговыми" государствами. Само собой разумеется, что наиболее пристальный интерес в рассматриваемый период и в последующем вызывали атомные работы в странах НАТО и в первую очередь в Западной Германии.

Широкое распространение атомных технологий в 50-х и 60-х годах вызывало озабоченность и у многих других стран, как обладавших ядерным оружием, так и не обладавших им, что способствовало формированию общего международного консенсуса в пользу принятия мер по предотвращению появления новых ядерных государств.

---

[154] *Seaborg Glenn.* Op. cit. P. 250–251.

[155] Док. ООН А/6858. Именно в этом докладе впервые содержались официальные данные о количествах плутония-239 и высокообогащенного (до 90–95%) урана, требуемых для производства ядерных боеголовок мощностью 20 кт – соответственно 8 и 25 кг.

Глава 4

ОБРАЗОВАНИЕ ШИРОКОГО КОНСЕНСУСА В ПОЛЬЗУ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Распространение в 50-е годы ядерных технологий среди индустриально развитых государств и некоторых стран "третьего мира" стало вызывать озабоченность мировой общественности относительно возможного расползания ядерного оружия и появления все новых ядерных держав. Это привлекло к себе внимание и международных форумов. В ряде государств шли внутренние дебаты о том, стоит ли овладевать ядерным оружием. Многие страны были бы готовы отказаться от "ядерного выбора", но при условии, что и другие государства, прежде всего соседние, тоже взяли бы на себя аналогичные обязательства. Начались поиски возможных коллективных путей предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия – как на глобальном, так и на региональном уровне.

В этот период наибольшее беспокойство среди широких кругов международной общественности вызывало проведение ядерными державами испытаний ядерного оружия, главным образом в атмосфере, сопровождавшихся значительными радиоактивными выпадениями. В 1958–1961 гг. три ядерные державы – СССР, США и Англия соблюдали мораторий на ядерные взрывы и приступили в 1958 г. к переговорам об их прекращении. Эти переговоры привели к заключению в 1963 г. Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой, однако о запрете подземных взрывов договоренности тогда достигнуто не было.

Однако одновременно проблема географического распространения ядерного оружия (ее тогда часто называли проблемой «страны "*n*"») начинала все больше волновать политические и общественные круги многих стран[1]. Появление концепции нераспространения в международной практике, отмечал юрист-международник О.В. Богданов, следует отнести к концу 50-х – началу 60-х годов, "когда на очередь встала выработка таких предложений, которые ограничили бы ставший заметным в тот период процесс расползания ядерного оружия по всему миру"[2]. Характерной и широко распространенной для советских политологов того времени была

---

[1] В тот период обычно употреблялся термин "dissemination" или "diffusion". Термин "proliferation" появился позднее, и под этим термином многие специалисты, как в ядерных так и особенно в неядерных государствах, понимали не только "горизонтальное" распространение, но и "вертикальное", т.е. наращивание ядерными державами своих ядерных арсеналов.

[2] *Богданов О.В.* Договор, который нужен людям. Договор о нераспространении ядерного оружия и международно-правовые проблемы ядерного разоружения. М.: Междунар. отношения. 1968. С. 37–38.

точка зрения, что "[э]та угроза особенно ощутима применительно к некоторым государствам, добивающимся обладания ядерными средствами. В первую очередь это относится к ФРГ, где очень сильны агрессивные реваншистские круги, рвущиеся к новой территориальной экспансии и стремящиеся получить наиболее эффективные средства для ее осуществления"[3].

В числе первых на опасность распространения обратили внимание правительства СССР и США в ходе работы Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению в 1956–1957 гг. Советский Союз, озабоченный размещением американского ядерного оружия в Западной Европе, и особенно в ФРГ, предложил в марте 1956 г. образовать зону ограничения и инспекции вооружений в Центральной Европе, при этом предусматривалось бы "недопущение размещения в указанной зоне атомных военных соединений и каких-либо видов атомного и водородного оружия"[4]. Это было первое предложение о региональном ограничении и нераспространении ядерных вооружений.

В следующем, 1957 г., США внесли на рассмотрение Лондонского подкомитета пакет частичных мер по разоружению, в соответствии с которым с момента прекращения производства расщепляющихся материалов для оружия каждый участник соглашения обязался бы не передавать ядерное оружие из-под своего контроля, а другие участники не получать передач ядерного оружия, кроме как по соглашению между передающим и получающим государствами, при этом применение такого оружия могло бы иметь место только в ситуации, когда стороны оказались бы перед необходимостью индивидуальной или коллективной самообороны[5]. Это предложение относилось уже к глобальным мерам по нераспространению.

Советский Союз внес в 1957 г. на рассмотрение XII сессии Генеральной Ассамблеи меморандум о частичных мероприятиях по разоружению, в котором заявил, что он считает необходимым, "чтобы государства, которые обладают ядерным оружием (к тому времени это были США, СССР и Англия. – *Авт.*), приняли на себя по соответствующему соглашению обязательство не допускать размещения за пределами своих национальных границ атомных соединений и каких-либо видов атомного и водородного оружия, а также не передавать этого оружия в распоряжение других государств и командования военных блоков"[6]. Как с очевидностью явствует из этого заявления, Советский Союз делал особый акцент на неразмещение ядерного оружия за пределами национальных границ ядерных держав (т.е. американского оружия в странах НАТО, прежде всего в ФРГ) и на непередачу ядерного оружия в распоряжение Североатлантического договора.

Таким образом, уже на начальном этапе выявились разные подходы к

---

[3] Там же. С. 34–35.

[4] Док. ООН DC/SC. 1/41. Приводится по: Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы / Под ред. В.А. Зорина. М.: изд-е Ин-та междунар. отнош., 1961. С. 503.

[5] Док. ООН DC/SC.1/66. Приводится по: The United Nations and Disarmament. 1945–1970. N.Y.: U.N., 1971. P. 257–258.

[6] Док. ООН A/C.1/793. Приводится по: ООН и поддержание международного мира / Отв. ред. Р.М. Тимербаев. М.: Междунар. отношения. 1973. С. 65.

ядерному нераспространению: СССР добивался прежде всего установления запрета на **размещение** ядерного оружия **за пределами национальных границ ядерных держав** и на передачу его **военным блокам**, США же выступали за установление запрета на передачу ядерного оружия неядерным странам и на приобретение этого оружия такими странами, **оставляя в стороне** проблему его размещения за границей и передачи этого оружия в распоряжение военных блоков. Несколько позднее Соединенные Штаты попытались, правда, в конечном счете безуспешно, сохранить возможность передачи определенного контроля над ядерным оружием в руки НАТО путем создания многосторонних ядерных сил этого блока (см. гл. 5).

1. ИРЛАНДСКАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ

Первой предметно поставила перед Организацией Объединенных Наций проблему предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия Ирландия. Следует особо отметить личную инициативу в этом вопросе ее министра иностранных дел Фрэнка Эйкена, который проявлял большую настойчивость в продвижении предложения о ядерном нераспространении[7].

В октябре 1958 г. на XIII сессии Генеральной Ассамблеи ирландская делегация предложила проект резолюции, в котором констатировалось "наличие ⟨...⟩ опасности того, что увеличение числа государств, обладающих ядерным оружием, может вызвать усугубление международного напряжения и трудности в поддержании мира во всем мире, а также создание таким образом больших затруднений для достижения общего соглашения о разоружении" (п. 2 преамбулы). Проект резолюции предлагал "учредить специальный комитет для изучения опасностей, неразрывно связанных с дальнейшим расширением использования ядерного оружия" и рекомендовал XIV сессии Генассамблеи "принять соответствующие меры для предотвращения этих опасностей"[8].

Сообщая в Москву об этом проекте, советская делегация предлагала воздержаться при его голосовании. Позиция США и Англии была ей еще не известна, однако делегация высказала предположение, что США не поддержат этот проект, поскольку "он в известной мере направлен против оснащения бундесвера ядерным оружием". В Москве Громыко, докладывая ЦК КПСС об ирландском проекте, высказал мнение, что "такая направленность ирландского проекта отвечает нашим интересам", и предложил, чтобы советская делегация проголосовала за проект. Предложение Громыко было утверждено Политбюро ЦК КПСС[9].

---

[7] Автор капитального труда по ядерному нераспространению Мохамед Шакер писал об Эйкене: "Высокие идеалы министра иностранных дел Ирландии г-на Фрэнка Эйкена, как можно видеть из его заявлений и публикаций, явно были катализаторами позиции его страны" (*Shaker Mohamed.* The Nuclear Non-Proliferation Treaty, London; Rome, New York: Oceana Public., Inc., 1980. P. 3).

[8] Док. ООН A/C. 1/L. 206. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. II (1957–1958). С. 702.

[9] АВП РФ. Ф. 047, оп. 4, п. 97, д. 28, лл. 145–158.

В докладной записке Громыко не содержалось каких-либо соображений относительно китайского аспекта проблемы нераспространения, хотя, казалось бы, этот момент должен бы быть отражен: ведь в тот период Советский Союз еще продолжал оказывать Китаю помощь в создании ядерного оружия. Однако, в Москве уже начинали задумываться над дальнейшим отношением к предоставлению КНР содействия в овладении ядерным оружием. Незадолго до открытия сессии ООН, в конце июля 1958 г., Пекин посетил Хрущев, его беседы с Мао Цзэдуном носили напряженный характер. Но помощь Китаю в атомной области была прекращена только в 1959 г. (см. гл. 3). Видимо, поэтому делегация в Нью-Йорке и предлагала занять осторожную позицию, но в Москве решили поступить иначе и поддержать предложение Ирландии, направленное на нераспространение ядерного оружия.

Ирландская делегация, однако, не настаивала на постановке всего проекта резолюции на голосование, довольствовавшись тем, что было проведено голосование по пункту 2 преамбулы, который был принят 37 голосами при 44 воздержавшихся. СССР голосовал за этот пункт, признававший опасность увеличения числа ядерных государств. Советская делегация не пояснила свою позицию и предпочла не выступать по мотивам голосования.

Американцы же и их союзники воздержались по пункту 2 преамбулы, очевидно, считая, что выражение поддержки признанию опасности распространения создавало бы "психологический барьер" предпринимавшимся тогда Соединенными Штатами мерам по размещению в Европе ракет "Тор" и "Юпитер"[10].

На следующей сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1959 г. Ирландия внесла вопрос о предотвращении распространения ядерного оружия в повестку дня и 28 октября предложила проект резолюции, в котором признавалась опасность распространения ядерного оружия и содержалась рекомендация Женевскому комитету десяти государств по разоружению[11] рассмотреть возможность заключения международного соглашения, подлежащего инспекции и контролю, в соответствии с которым державы, производящие ядерное оружие, воздерживались бы от передачи контроля над таким оружием любым государствам, не обладающим им, а страны, не обладающие таким оружием, воздерживались бы от его производства[12].

Ирландская резолюция 1959 г. "О предупреждении более широкого распространения ядерного оружия" была принята 68 голосами при 12 воздержавшихся, против голосов подано не было. В основном пункте резолюции говорилось:

---

[10] См.: *Shaker Mohamed*. Op. cit. P. 12.

[11] Комитет десяти государств по разоружению был создан в сентябре 1959 г. по соглашению между СССР, США, Англией и Францией в составе 10 государств, входящих в НАТО и Варшавский договор. Он просуществовал до июня 1960 г., когда делегации стран – участниц Варшавского пакта вышли из него, сославшись на то, что он превратился в "ширму для прикрытия гонки вооружений".

[12] Док. ООН A/4286, para. 5. (A/C.1/L. 235/Rev.1–3). Приводится по: United Nations and Disarmament. 1945–1970. N.Y.: UN, 1971. P. 258.

"**Генеральная Ассамблея** ⟨...⟩

1. **Высказывает пожелание** о том, чтобы в ходе своих прений Комитет десяти государств по разоружению рассмотрел вопрос о соответствующих средствах предотвращения этой опасности (опасности того, что может произойти увеличение числа государств, обладающих ядерным оружием. – *Авт.*), включая возможность заключения подлежащего инспекции и контролю международного соглашения, на основе которого государства, производящие ядерное оружие, воздержались бы от передачи контроля над таким оружием любой стране, не обладающей ядерным оружием, а государства, не обладающие таким оружием, воздержались бы от производства его"[13].

Ирландский проект 1959 г. содержал новое положение о **непередаче контроля** над ядерным оружием, которое было явно заимствовано из американского атомного законодательства, принятого в 1958 г. Смысл этого положения закона состоял в том, что США не будут передавать контроль над самим оружием (и, следовательно, право его применения), сохраняя, однако, за собой возможность передавать своим союзникам информацию, необходимую, например, для обучения войск обращению с ядерным оружием.

США проголосовали за резолюцию. А Советский Союз, высказав обеспокоенность по поводу распространения ядерного оружия, не поддержал ирландскую резолюцию и воздержался при голосовании, мотивировав свою позицию тем, что в резолюции не предусматривались случаи доставки ядерного оружия на территорию союзного государства. Реальная опасность, по мнению советской делегации, состояла не в тайной передаче ядерного устройства, а в открытом **размещении** ядерного оружия на союзных территориях и базах. Франция также воздержалась при голосовании на том основании, что передачу расщепляющихся материалов и ядерного оружия трудно, если вообще возможно, проконтролировать[14].

Комитет десяти государств по разоружению заседал в 1960 г. в течение нескольких месяцев в Женеве, но, несмотря на обращение к нему Генеральной Ассамблеи ООН, проблемой нераспространения ядерного оружия так и не занялся.

2 июня 1960 г. Хрущев направил главам правительств всех стран послание, к которому были приложены предложения советского правительства об основных положениях договора о всеобщем и полном разоружении. Одно из положений первого этапа проекта договора предусматривало:

"5. Государства, располагающие ядерным оружием, берут на себя обязательство не передавать такое оружие или информацию, необходимую для его производства, государствам, которые не об-

---

[13] Резолюция 1380(XIV). Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. III (1959–60). С. 921.

[14] United Nations... Op. cit. P. 259.

ладают таким оружием. Одновременно государства, не обладающие ядерным оружием, обязуются воздерживаться от производства этого оружия".

Хотя это положение советского проекта не содержало требования о запрещении размещения американского ядерного оружия на территории союзников США, однако предложения о неразмещении содержались в других пунктах проекта договора[15].

В том же 1960 г. на сессии Генассамблеи Ирландия вновь внесла проект резолюции по нераспространению ядерного оружия. Ирландский проект, к которому в качестве соавторов присоединились делегации Японии, Ганы, Мексики и Марокко, призывал все правительства прилагать "всяческие усилия для достижения постоянного соглашения о предотвращении более широкого распространения" ядерного оружия. Новым моментом в проекте был призыв к государствам, производящим такое оружие, в качестве **временной и добровольной** меры **впредь до заключения постоянного соглашения**, воздерживаться от передачи контроля над ядерным оружием неядерным государствам, а последним – воздерживаться от производства такого оружия и от иного рода попыток его приобрести[16].

Призыв Ирландии к незамедлительному принятию мер по нераспространению имел под собой серьезные основания. Именно в тот период в средствах массовой информации стали все чаще появляться сообщения об атомных программах и практических действиях целого ряда государств в области использования атомной энергии, что вызывало озабоченность международной общественности.

Советский Союз поддержал проект, подчеркнув опасность передачи ядерного оружия Западной Германии в той или иной форме. Страны НАТО разделились: Канада, Дания, Исландия и Норвегия были за ирландское предложение, а США, Англия, Франция, Италия и Нидерланды не поддержали его. Американцы воздержались по проекту, сославшись на то, что "ядерные державы не могут ожидать от других стран, что они будут бесконечно отказываться от такого (ядерного. – *Авт.*) оружия, которое может потребоваться для их обороны, в то время, как они, ядерные державы, отказываются взять на себя ответственность за прекращение наращивания своих ядерных арсеналов и отказываются начать процесс уничтожения ядерного оружия". Делегация США подвергла критике и то, что в ирландской резолюции предлагались неконтролируемые обязательства государств[17].

Из приведенной мотивировки видно, что США еще не были готовы занять определенную линию в пользу безусловного нераспространения ядерного оружия. Именно в момент принятия ирландской резолюции, в декабре 1960 г., государственный секретарь США Кристиан Гертер выступил на сессии Североатлантического альянса с предложением о создании многосторонних ядерных сил НАТО (см. гл. 6). Очевидно, не в последнюю очередь на позицию некоторых стран НАТО в отношении

---

[15] Сборник документов МИД СССР. Т. III. С. 499–511.

[16] Док. ООН A/C. 1/L. 253/Rev.1. Приводится по: Там же. С. 832–833.

[17] Цит. по: *Shaker Mohamed*. Op. cit. P. 21–22.

ирландской резолюции повлияло то, что Франция как раз в 1960 г. приступила к проведению ядерных испытаний.

Ирландская резолюция была принята 20 декабря 1960 г. 68 голосами при 26 воздержавшихся, голосов против подано не было[18].

В 1961 г. Ирландия еще более интенсифицировала свои усилия в пользу принятия на основе общего согласия резолюции ООН по ядерному нераспространению. Основной пункт ее нового проекта резолюции гласил:

"**Генеральная Ассамблея**...

1. **Призывает все государства,** в особенности государства, обладающие в настоящее время ядерным оружием, приложить всемерные усилия к обеспечению заключения международного соглашения, содержащего постановления, согласно которым ядерные державы обязались бы воздерживаться от передачи контроля над ядерным оружием и от передачи сведений, необходимых для производства этого оружия, государствам, не обладающим таким оружием, а также постановления, согласно которым государства, не обладающие ядерным оружием, обязались бы не производить такого оружия или каким-либо иным способом приобретать контроль над ним"[19].

Проект был более простым, чем предыдущий, он не предлагал принятия временных мер и встретил всеобщую поддержку. Хотя некоторые делегации высказали сожаление, что проект, запрещая **передачу контроля** над ядерным оружием, не содержал запрета на **физическую передачу** такого оружия и, следовательно, не предупреждал возможность передачи ядерного оружия неядерным странам при сохранении ядерными державами контроля за его применением[20].

Ирландскую резолюцию на этот раз поддержали обе основные ядерные державы – СССР и США, где к власти пришла новая администрация Кеннеди, и она была одобрена единогласно[21]. Нужно, однако, отметить, что обе державы выступили на сессии со своими предложениями по другим вопросам разоружения, в которых зафиксировали отличающиеся в существенных аспектах позиции своих стран по нераспространению ядерного оружия.

Представитель США при ООН Эдлай Стивенсон направил председателю Генассамблеи 25 сентября 1961 г. "Заявление о разоружении – предлагаемая Соединенными Штатами программа всеобщего и полного разоружения в условиях мира во всем мире". Статья I американской программы содержала следующий пункт:

"е) Государства, располагающие ядерным оружием, не передают контроля над таким оружием государствам, которые не

---

[18] Резолюция 1576(XV). Текст см.: Сборник документов МИД СССР. Т. III. С. 925–926.

[19] Док. ООН A/C.1/L.298/Rev. 1. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IV (1961). С. 483.

[20] United Nations... Op. cit. P. 262–263.

[21] Резолюция 1685 (XVI). Текст см.: Сборник документов МИД СССР. Т. IV. С. 521–522.

обладают им, и не передают таким государствам сведений или материалов, необходимых для их производства. Государства, не располагающие ядерным оружием, не производят такого оружия, не пытаются получить контроль над таким оружием, принадлежащим другим государствам, а также не добиваются и не получают информации или материалы, необходимые для производства такого оружия"[22].

Советский Союз, со своей стороны, на следующий день внес "Меморандум о мерах, направленных на разрядку международной напряженности, укрепление доверия между государствами и содействующих всеобщему и полному разоружению". Он содержал раздел "О мерах против дальнейшего распространения ядерного оружия", в котором акцент делался на недопущение передачи атомного оружия в распоряжение ФРГ. Если сейчас вопрос о ликвидации ядерного оружия вызывает такие трудности, указывалось в советском меморандуме, "то чего же можно ожидать, если ядерным оружием будут владеть не три-четыре, а, скажем, десяток государств Востока и Запада?"[23].

Советская поддержка ирландской резолюции объясняется еще и тем, что одновременно по предложению Швеции была одобрена резолюция Генеральной Ассамблеи, в которой принималось к сведению предложение о том, что "следует обследовать условия, на которых страны, не обладающие ядерным оружием, были бы готовы принять конкретные обязательства воздерживаться от производства или приобретения иными способами такого оружия, а также **не разрешать размещать в будущем на своих территориях** (выделено мной. – *Авт.*) ядерного оружия другим странам", и поручалось Генеральному секретарю ООН подготовить такое исследование[24]. Шведская идея создания "безъядерного клуба" в противовес "ядерному клубу" получила название "плана Ундена" – по имени министра иностранных дел Швеции Эстена Ундена[25].

Делегация СССР (от ее имени выступил Л.И. Менделевич[26]) поддержала принятие шведского проекта, хотя и высказала критическое замечание в отношении слов "в будущем", считая, что эти слова ослабляют

---

[22] Док. ООН А/4891. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IV. С. 305.

[23] Док. ООН А/4892. Приводится по: Там же. С. 325–326.

[24] Док. ООН А/С.1/L.297. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IV. С. 458–459.

[25] "План Ундена" был внесен в ООН после дискуссий в шведском риксдаге, где еще шли дебаты относительно того, стоит ли Швеции или нет обзаводиться собственным ядерным оружием. План был одобрен парламентом. Несколько позднее, когда в мае 1963 г. Финляндия выступила с предложением о создании на Севере Европы безъядерной зоны в составе Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии, получившем название "плана Кекконена", Швеция, несмотря на то, что все названные страны фактически были безъядерными, прохладно отнеслась к инициативе Финляндии. Она предпочитала образование более широкого "безъядерного клуба". Сдержанное отношение к "плану Кекконена" проявили и другие скандинавские страны.

[26] Менделевич Лев Исаакович (1918–1989) – в 1963–1965 гг. работал заместителем заведующего Отделом международных организаций, в 1965–1968 гг. – заведующим Отделом стран Латинской Америки, позднее – послом в Дании.

резолюцию[27]. США же заявили, что будут голосовать против, поскольку ее одобрение могло бы нанести ущерб существующим оборонительным соглашениям[28]. Шведская резолюция была принята 58 голосами против 10 при 23 воздержавшихся (резолюция 1664 (XVI)).

2. РАССМОТРЕНИЕ В ООН И ЖЕНЕВСКОМ КОМИТЕТЕ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ В 1962–1963 гг.

Значение ирландской резолюции, принятой единогласно в 1961 г. после четырехлетнего обсуждения, состояло прежде всего в том, что в Организации Объединенных Наций и в мировом сообществе в целом складывался широкий консенсус в пользу заключения договора о нераспространении ядерного оружия.

Для Советского Союза первым по времени и значению фактором, повлиявшим на его отрицательное отношение к приобретению ядерного оружия другими государствами и на формирование активной позиции в пользу ядерного нераспространения, была угроза появления ядерного оружия в Западной Германии. В Москве были хорошо знакомы с достижениями немецкой атомной науки, более того, в советских атомных центрах работали многие немецкие ученые. В ФРГ быстро развивалась атомная энергетика. По Парижским соглашениям 1954 г., открывшим путь к перевооружению ФРГ, немцы были лишены возможности создания атомного оружия **только на своей территории,** и советскому руководству было известно об усилиях немцев наладить атомное сотрудничество с различными государствами – Францией, Италией, Южной Африкой, Бразилией, Аргентиной[29].

Наибольшее беспокойство у советского руководства вызывали попытки США подключить ФРГ к ядерным стратегическим планам НАТО и особенно **размещение** на западногерманской территории американского ракетно-ядерного оружия, а начиная с конца 1960 г. – планы создания многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС).

Другим фактором, воздействовавшим в тот период на позицию советского руководства по ядерному нераспространению, было ухудшение, начиная с 1958 г., советско-китайских отношений. Опасность втягивания СССР, связанного военным союзом с Китаем, в конфликт с Соединенными Штатами из-за спровоцированных КНР инцидентов в Тайваньском проливе, вынудили Хрущева пересмотреть программу военной помощи Китаю и прекратить в 1959 г. оказание содействия в создании китайской ядерной бомбы. Хотя это должно было привести и привело к росту напряженности между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и даже к серьезным пограничным конфликтам в 60-х годах, тем не менее и Хрущев, и его преемники рассчитывали на то, что отношения между двумя

---

[27] Сборник документов МИД СССР. Т. IV. С. 484–486.

[28] United Nations... P. 264.

[29] См.: Ядерный фактор в современном мире / Под ред. В.И. Кривохижи / Рос. ин-т стратег. исслед. М., 1996. С. 80–93.

государствами не выйдут полностью из-под контроля (так, собственно говоря, и произошло). К тому же, в Москве хорошо знали реальные технические возможности Китая и слабость его научно-технической и промышленной инфраструктуры, чтобы всерьез опасаться китайского атомного и ракетного потенциала в обозримом будущем.

Что касается американского подхода к проблеме нераспространения, то в этот период он еще окончательно не сформировался. Хотя администрация Кеннеди в принципе была против появления новых ядерных держав, Белый Дом, в основном с подачи государственного департамента, вел сложный поиск такого решения проблемы "НАТО, Европа и ядерное оружие", которое, с одной стороны, не вело бы к передаче контроля над ядерным оружием ФРГ и другим западноевропейским странам, а, с другой – давало бы им возможность каким-то образом приобщиться к американским ядерным планам и ядерной стратегии через посредство многосторонних ядерных сил НАТО при оставлении за США права вето на применение ядерного оружия.

Сам Кеннеди обдумывал даже идею отказа от планов МЯС летом 1963 г. перед поездкой в Москву Гарримана с миссией договориться с Хрущевым и англичанами о заключении соглашения о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой. Кеннеди имел к этому времени секретные данные Пентагона, из которых следовало, что более 10 государств могли овладеть ядерным оружием, а также средствами его доставки менее чем за десять лет. Эти рассекреченные сейчас данные приведены в таблице.

Ядерные возможности "проблемных" стран

Государство	Оценка числа лет			
	Первое испытание	Авиация	РСД	Ядерный стимул
Китай	0–1	7	9	Высокий
Израиль	2–3	5	5	Средне-высокий
Швеция	2–3	5	8	Оценивается
Западная Германия	4–5	6	7	Средний
Индия	4–5	5	8	Низкий, но зависит от Китая
Италия	5–6	7	8	Низкий
Япония	5–6	6	8	Низкий
Канада	5–6	6	7	Очень низкий

Примечания: Восточная Германия, Чехословакия и Польша были перечислены в конце списка с припиской: "СССР запрещает"; РСД – ракеты средней дальности.

Источник: Nuclear History Collection, National Security Archive, Memorandum of Feb. 12, 1963, from Secretary of Defense McNamara to President Kennedy (*Bunn George*. Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians. Stanford (CA): Stanf. Univ. Press, 1992. P. 68).

Кеннеди затронул рассматриваемую проблему в ходе встречи с Хрущевым в Вене в 1961 г., правда, мимоходом, при обсуждении вопроса о запрещении ядерных испытаний. По свидетельству Артура Шлезинджера, советника американского президента, Кеннеди заметил, что без запрета на ядерные испытания через несколько лет появятся 10–15 ядерных держав. Ссылаясь на позицию СССР по вопросу о числе инспекций на месте для контроля за запретом ядерных взрывов (по которому между обеими державами существовали разногласия), Кеннеди сказал, что Советскому Союзу нужно решить, что опаснее, риск шпионажа или риск распространения. Хрущев, как отмечает Шлезинджер, признал логику Кеннеди, но от прямого ответа ушел, заметив, что в то время когда в Женеве идут переговоры о запрещении испытаний, Франция продолжает развивать свою ядерную программу[30].

Кеннеди, как пишет Джордж Банн, не предполагал специально обсуждать с Хрущевым вопрос о нераспространении ядерного оружия после того, как Раск убедил его в значении многосторонних ядерных сил для американских союзников по НАТО, а советник по национальной безопасности Банди – в том, что этот вопрос следовало бы сохранить в качестве козырной карты для использования в будущем[31].

Тем не менее, как можно судить по единодушному принятию ООН ирландской резолюции, дело все же шло к подготовке соглашения о предотвращении дальнейшего распространения ядерного оружия. В определенной мере этому способствовало и то, что ряд индустриально развитых стран либо уже отказался от "ядерного выбора", либо постепенно склонялся в пользу отказа от производства ядерного оружия.

Потребуется, однако, еще много времени, прежде чем две основные ядерные державы сядут за стол серьезных переговоров по договору о нераспространении ядерного оружия. Это произойдет только осенью 1966 г. – лишь после того как США откажутся от идеи создания многосторонних сил НАТО. А тем временем в течение нескольких лет еще будет продолжаться дипломатическое маневрирование вокруг проблемы нераспространения.

В соответствии с упомянутым выше решением Генеральной Ассамблеи, принятым по предложению Швеции, Генеральный секретарь ООН в январе 1962 г. запросил мнения государств-членов относительно условий, на которых неядерные страны были бы готовы воздерживаться от производства ядерного оружия и не допускать в будущем его размещения на своей территории. Ответы были получены от 62 стран-членов, а также ГДР, которая тогда не входила в состав ООН. Ответы были в целом довольно разноречивы. В ответах трех западных ядерных держав проводилась мысль, что лучшим решением было бы достижение всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем[32].

Что касается Советского Союза, то в письме за подписью министра

---

[30] *Schlesinger Jr., Arthur M.* A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston: Houghton Miffin Co. 1965. P. 369.

[31] *Bunn George.* Op. cit. P. 67.

[32] Док. ООН DC/201 and Add. 1–3. Приводится по: United Nations… P. 265–266.

иностранных дел Громыко от 10 марта 1962 г. на имя и.о. Генерального секретаря ООН подчеркивалось, что "чем шире круг стран, располагающих ядерным оружием – безразлично, идет ли речь о владении ядерным оружием каким-либо новым государством, или о передаче такого оружия в распоряжение того или иного военного блока в целом, – тем труднее осуществить меры, необходимые для полного запрещения и уничтожения этого оружия ⟨...⟩". Особый упор в письме делался на образование географических регионов, "свободных от производства и размещения в них этого оружия массового уничтожения". В этой связи были названы такие регионы, как Африка, Центральная Европа, Дальний Восток и бассейн Тихого океана, Ближний и Средний Восток, Балканы и Адриатика[33].

В период сессии Генеральной Ассамблеи 1961 г. по договоренности между СССР и США был создан новый орган для проведения переговоров по вопросам ограничения вооружений и разоружения – Комитет восемнадцати государств по разоружению, который заменил предыдущий Женевский комитет – Комитет десяти государств по разоружению, состоявший только из блоковых стран и работавший главным образом над проблемой всеобщего и полного разоружения. Переговоры о преобразовании Комитета 10-ти в Комитет 18-ти проходили в Нью-Йорке между представителями СССР и США при ООН В.А. Зориным и Эдлаем Стивенсоном с большими трудностями[34]. Стороны упорно стремились включить в преобразовываемый комитет такие неприсоединившиеся и нейтральные государства, которые устраивали бы каждую державу политически в наибольшей степени.

Соглашение между двумя державами было достигнуто лишь в конце сессии и было одобрено решением Генассамблеи 20 декабря 1961 г. (резолюция 1722 (XVI)). В новый комитет из числа неприсоединившихся и нейтральных стран вошли: Бирма, Бразилия, Индия, Мексика, Нигерия, Объединенная Арабская Республика (Египет), Швеция и Эфиопия. Резолюция, однако, не содержала какого-либо упоминания о необходимости заключения международного соглашения о нераспространении (к чему призывала ирландская резолюция), фокусируя внимание Комитета 18-ти на "безотлагательных" переговорах по достижению соглашения о всеобщем и полном разоружении на основе согласованного в 1961 г. между правительствами СССР и США совместного заявления о принципах всеобщего и полного разоружения (известного в разоруженческой литературе как заявление Зорина–Макклоя).

Постоянными сопредседателями Комитета 18-ти были назначены представители СССР и США, которые "будут консультироваться друг с другом и с другими делегациями, если это представляется желательным, в целях облегчения как официальной, так и неофициальной работы совещания"[35]. С самого начала своей деятельности в марте 1962 г. Комитет 18-ти сосредоточил усилия на рассмотрении внесенных СССР и США

---

[33] Док. ООН A/5103. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. V (1962). С. 117–120.

[34] Автору довелось участвовать в этих переговорах в качестве советника Зорина.

[35] Док. ENDC/1. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. V. С. 128–129.

планов всеобщего и полного разоружения – советского проекта договора от 15 марта (док. ENDC/2) и американской схемы основных положений договора от 18 апреля (док. ENDC/30). Каждый из проектов предусматривал положения о нераспространении в качестве одной из мер первого этапа – и, конечно, в своей трактовке: СССР делал упор на непередаче контроля над ядерным оружием неядерным государствам и на неразмещение его на чужих территориях, в то время как США предлагали добиваться предотвращения создания новых "национальных ядерных сил" и с этой целью согласиться не передавать контроль над ядерным оружием какому-либо неядерному государству (не упоминая непередачу ядерного оружия группировкам государств).

Ввиду таких принципиальных разногласий между основными ядерными державами, главной причиной которых была проблема создания многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС), активно обсуждавшаяся тогда в рамках Североатлантического союза, сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1962 и 1963 гг. не принимали никаких резолюций по проблеме нераспространения ядерного оружия. Ни Ирландия, ни Швеция не выдвигали в ООН каких-либо предложений на этот счет из опасений, что они не встретят общей поддержки вследствие конфронтационного характера отношений по этой проблеме между Востоком и Западом.

Стремление Ирландии активизировать рассмотрение проблем нераспространения выразилось в обращении к советскому правительству со специальным письмом и памятной запиской от 12 марта 1962 г.[36] Судя по тексту обращения, аналогичное письмо ирландская сторона направила Соединенным Штатам, а, возможно, и другим членам Комитета 18-ти. Однако какого-либо эффекта ирландское обращение не возымело.

Ситуация с отсутствием каких-либо резолюций в пользу нераспространения продолжилась и на сессии Генеральной Ассамблеи 1964 г., которая не смогла плодотворно работать из-за финансового кризиса ООН. В повестку дня сессии вопрос о нераспространении был включен по инициативе Индии. Ее делегация при поддержке Швеции добивалась "более справедливой и практичной основы для соглашения ⟨...⟩ – пакетного или интегрированного подхода, состоящего из соглашения о нераспространении и некоторых других мер, прямо затрагивающих возможности ядерных держав в области ядерного оружия"[37]. Однако на сессии каких-либо решений по нераспространению принято не было.

Советский же Союз вел активную пропагандистскую кампанию в средствах массовой информации против МЯС, используя в этих целях и трибуну ООН.

Одновременно уже начинался зондаж возможностей выхода на решение проблемы нераспространения. Во время встречи Громыко и Раска в Женеве 25 июля 1962 г. советский министр поинтересовался "в порядке обсуждения", будет ли приемлемой для США формулировка о непередаче ядерного оружия "прямо или косвенно". Раск ответил, что он рассмотрит предлагаемую идею. Громыко заметил, что формулировка не

---

[36] АВП РФ. Ф. 047, оп. 8, п. 93, д. 17, лл. 13–18.

[37] *Myrdal Alva*. The Game of Disarmament. P. 168.

должна допускать лазеек для распространения ядерного оружия. И если затянется достижение более широкого соглашения о разоружении, это не должно задерживать договоренность по данному вопросу[38].

На заседании в Вашингтоне Комитета основных представителей (Committee of Principals) 26 июля Раск, проинформировав своих коллег о беседе с Громыко, выразил мнение, что Советский Союз серьезно озабочен проблемой ядерного распространения, особенно в том, что касается Западной Германии. Он ратовал за то, чтобы была разработана такая взаимоприемлемая формулировка по нераспространению, которая, сказал Раск, допускала бы создание многосторонних ядерных сил НАТО и в то же время "заверяла бы Советский Союз, что мы не будем помогать какому-либо государству в приобретении ядерного оружия для его использования на основе национального решения". 8 августа Раск передал через советского посла в Вашингтоне А.Ф. Добрынина личное послание Громыко, в котором изложил позицию США в пользу решения проблемы нераспространения при сохранении возможности создания МЯС[39]. 23 августа Добрынин передал заместителю госсекретаря Уильяму Тайлеру ответное устное послание Громыко Раску, в котором разъяснил, что Советский Союз имеет в виду, говоря о недопущении "косвенной" передачи ядерного оружия.

В послании Громыко были предложены следующие основные положения для соглашения о нераспространении:

> 1. Обязательство со стороны ядерных держав не передавать неядерным государствам ядерное оружие или техническую информацию, необходимую для его производства.
>
> 2. Обязательство со стороны неядерных государств не производить и не приобретать у других государств ядерное оружие, а также не получать техническую информацию, необходимую для его производства.
>
> 3. Должна также исключаться передача ядерного оружия через военные союзы тем государствам, которые им не обладают, т.е. передача такого оружия косвенным образом, независимо от того, входят или нет национальные вооруженные силы этих государств в какой-либо военный союз"[40].

В ответ Раск после консультаций с министрами иностранных дел Англии, Франции и ФРГ и с санкции президента Кеннеди[41] передал Громыко устно через Добрынина 10 декабря 1962 г. следующий текст:

> "Правительство Франции, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и

---

[38] Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. VII: Arms Control and Disarmament. Wash. (D.C.): US Gov. Print. Office, 1995. P. 496.

[39] Ibid. P. 503, 541–546.

[40] Ibid. P. 556–559.

[41] Объединенный комитет начальников штабов возражал против этого предложения, на том основании, что оно не предусматривало контроля, но Кеннеди поддержал позицию госдепартамента (Ibid. P. 619).

Союза Советских Социалистических Республик торжественно заявляют, что они не будут передавать ядерное оружие прямо или косвенно через военный союз под национальный контроль индивидуальных государств, которые в настоящее время не обладают таким оружием, и что они не будут помогать таким другим государствам в производстве такого оружия"[42].

Конфиденциальный обмен мнениями между двумя державами продолжался еще в течение некоторого времени, однако каких-либо новых существенных элементов ни одной из сторон в него внесено не было; обе державы продолжали придерживаться своих известных позиций. Так, 12 апреля 1963 г. Раск передал Добрынину еще один вариант декларации о "непередаче" ядерного оружия. В ней содержалось все то же заявление четырех ядерных держав, но также было добавлено, с учетом советского предложения, и заявление неядерных государств о непроизводстве ядерного оружия. Характерно, что в указаниях для бесед с советской стороной и другими возможными участниками пояснялось, что предлагаемая декларация "не будет препятствовать США или СССР передавать ядерное оружие в распоряжение подразделений многосторонних оборонительных сил в рамках соответственно сил обороны НАТО или Варшавского договора, если оружие не будет развертываться или использоваться на основе национального решения правительства, не обладающего в настоящее время таким оружием"[43].

8 мая 1963 г. Добрынину было дано поручение еще раз разъяснить Раску, что в военных блоках ядерное оружие не должно находиться в чьих-либо войсках, кроме войск самих ядерных держав. Необходимо полностью исключить прямой или косвенный, фактический или юридический допуск военнослужащих других стран к такому оружию, независимо от того, идет ли речь о постоянном допуске или временном, или даже эпизодическом, вроде сменного дежурства, вахты и т.п.

Примерно в том же ключе обсуждения между СССР и США продолжались еще в течение некоторого времени, в частности, в ходе бесед в Нью-Йорке Громыко и Раска 5 и 9 декабря 1964 г.[44]

Эти первые двусторонние обмены мнениями между СССР и США по вопросу о нераспространении ядерного оружия свидетельствовали о желании обеих сторон добиваться предотвращения распространения, но в то же время выявили и принципиальные разногласия в подходах: советская сторона считала необходимым закрыть все пути к распространению, Соединенные же Штаты хотели оставить возможность "разделения ядерной ответственности" посредством создания МЯС. Предложенная советским министром формулировка "прямо или косвенно" в дальнейшем вошла в текст ДНЯО, но при этом были предусмотрены и гарантии недопущения передачи ядерного оружия на коллективной основе, например, под видом многосторонних ядерных сил.

---

[42] Ibid. P. 620.

[43] NSA. Washington, D.C. File of Raymond Garthoff. Declassified by the Department of State on February 6, 1996.

[44] FRUS, 1964–1968. Vol. XI. P. 129–135, 139–140.

В 1962–1963 гг. между советским и китайским руководством состоялся обмен резкими посланиями и заявлениями по проблеме ядерного нераспространения, в ходе которого Советский Союз отстаивал важность заключения соглашения по этой проблеме. 3 сентября 1962 г. правительство КНР выступило с заявлением, в котором обвинило советское правительство в том, что, соглашаясь вступить в переговоры о мерах по предотвращению дальнейшего распространения ядерного оружия, оно может договориться с империалистами об ограничении обороноспособности социалистических стран.

В ответе советского руководства от 21 сентября 1962 г. говорилось, что проведение в жизнь мероприятий, направленных на ограничение дальнейшего распространения ядерного оружия, отвечает не интересам империалистического лагеря, а интересам лагеря социализма и всех миролюбивых сил. Правительство КНР утверждает, что военное превосходство и безопасность социалистического лагеря возрастут, если, помимо СССР, и другие социалистические страны, например КНР, будут обладать ядерным оружием. Вопрос о ядерном превосходстве решается не тем, сколько социалистических стран будут иметь ядерное оружие, и даже не количеством атомных бомб. Главное здесь – это степень совершенства оружия и средств его доставки. Наличие ядерного оружия в руках одной страны надежно обеспечивает безопасность всего социалистического лагеря.

20 декабря 1962 г. правительство КНР направило памятную записку, в которой развивался тезис о том, что безопасность каждой из стран социалистического лагеря обеспечивается прежде всего обороноспособностью данной страны. В ответ в апреле 1963 г. советское руководство заявило, что объединенные силы социалистического лагеря надежно гарантируют **каждую** страну от империалистической реакции и нужно не допустить увеличения числа капиталистических стран, располагающих ядерным оружием.

В ходе дальнейшей переписки советское правительство заявило в июле 1963 г., что необходимо закрепить существующее благоприятное для социалистического содружества соотношение ядерной мощи. Решить эту задачу будет легче, если будет достигнуто соглашение о нераспространении ядерного оружия, чем в том случае, если такого соглашения не будет и ядерное оружие окажется в арсеналах многих капиталистических стран. Создавать или не создавать собственное ядерное оружие – такой вопрос может решить для себя только само правительство КНР. Но мы хотели бы откровенно сказать, говорилось в советском ответе, что при решении этого вопроса только в национальном плане могут быть упущены важные возможности положить конец распространению ядерного оружия среди капиталистических стран, особенно таких, как ФРГ и Япония.

Несмотря на отсутствие в эти годы прогресса в подготовке международного соглашения о нераспространении ядерного оружия по ряду причин как объективного, так и субъективного характера (не будем забывать, что это был один из самых острых периодов "холодной войны"), между Советским Союзом и Соединенными Штатами постепенно стали устанавливаться вполне партнерские, временами даже солидарные,

отношения по многим важным аспектам ядерного нераспространения. Именно в этом вопросе их национальные интересы безопасности по большому счету в значительной мере совпадали.

Фундаментальным фактором, подводившим СССР и США, а также мир в целом к необходимости предпринять коллективные шаги по уменьшению ядерной угрозы, было осознание опасности, исходившей от этого оружия, которая с драматической очевидностью выявилась в период Карибского кризиса в октябре 1962 г. Достигнутый тогда между Хрущевым и Кеннеди компромиссный выход из критической ситуации послужил примером ответственного подхода ядерных держав к вопросам войны и мира в условиях, когда их интересы столкнулись впрямую.

Урегулирование Карибского кризиса стало предтечей и отправной точкой на пути к последующему достижению советско-американских соглашений по ракетно-ядерному оружию – Московскому договору о запрещении ядерных испытаний в трех средах, договоренности об установлении линии прямой связи между Москвой и Вашингтоном, а в дальнейшем – Договору о нераспространении ядерного оружия, Договору о "пороговом" ограничении испытаний ядерного оружия, Договорам ОСВ-1 и ОСВ-2, РСМД, СНВ-1 и СНВ-2, Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

3. СОЗДАНИЕ БЕЗЪЯДЕРНЫХ ЗОН

Параллельно с процессом образования широкого международного консенсуса в пользу глобального решения задачи ядерного нераспространения с середины 50-х годов, как уже указывалось, стала развиваться и концепция регионального подхода к денуклеаризации, выразившаяся в усилиях отдельных стран и регионов по созданию зон, свободных от ядерного оружия.

С самого начала весьма активную роль в продвижении предложений о создании безъядерных зон играли Советский Союз и его союзники по Варшавскому договору, видя в этом путь к недопущению или ограничению размещения американского ядерного оружия на подступах к границам стран, входивших в договор.

Первоначально идея зоны в **Центральной Европе** появилась в уже упоминавшемся "Предложении о сокращении вооружений обычного типа и вооруженных сил", внесенном Советским Союзом в Лондонском подкомитете Комиссии ООН по разоружению 27 марта 1956 г. В нем говорилось о целесообразности "в качестве важного шага в решении проблемы разоружения установить в Европе зону ограничения и инспекции вооружений, включающую территории обеих частей Германии, а также соседних с ними государств". Соглашение о зоне должно предусматривать предельные уровни войск великих держав, а также "недопущение размещения в указанной зоне атомных военных соединений и каких-либо видов атомного и водородного оружия"[45].

---

[45] Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы / Под ред. В.А. Зорина. М.: изд-е Ин-та междунар. отношений, 1961.

В 1957 г. министр иностранных дел Польской Народной Республики Адам Рапацкий выдвинул на Генеральной Ассамблее ООН официальное предложение о создании безъядерной зоны в Центральной Европе, охватывающей территории ФРГ, ГДР, Польши и Чехословакии ("**план Рапацкого**"). В меморандуме от 14 февраля 1958 г. польское правительство конкретизировало свое предложение, предусмотрев установление контроля, а также обязательство великих держав соблюдать и гарантировать статус безатомной зоны и воздерживаться от применения атомного оружия против включенных в зону государств[46]. Текст меморандума был заранее согласован с Советским правительством[47], которое публично его поддержало.

В связи с доводами западных стран, что создание безатомной зоны может нарушить существующее военное равновесие и ослабить обороноспособность Запада, правительство ПНР по согласованию с Москвой внесло в свое предложение изменение. В ноябре 1958 г. Рапацкий заявил о готовности его правительства обсудить вопрос об осуществлении плана о безатомной зоне в два этапа. На первом этапе осуществлялось бы замораживание атомного вооружения на территории государств, входящих в зону, а на втором этапе произошла бы полная деатомизация зоны под соответствующим контролем и одновременно сокращались бы вооружения обычного типа[48].

В марте 1964 г. правительство ПНР предложило в качестве шага к созданию такой зоны осуществить замораживание ядерных вооружений в Центральной Европе ("**план Гомулки**").

Правительство ГДР обратилось к правительству ФРГ в январе 1964 г. с предложением заключить договор о полном отказе от ядерного оружия обоих германских государств.

Наряду с Центральной Европой, в 50–60-е годы Хрущевым было выдвинуто еще несколько предложений об образовании зон, свободных от ядерного оружия, на европейском континенте. Во время пребывания в Албании летом 1958 г. советский лидер предложил создать на **Балканах и в районе Адриатического моря** зону, свободную от атомного и ракетного оружия. Позднее, в июне 1959 г., это предложение было официально изложено в заявлении Советского правительства от 25 июня 1959 г.

В мае 1963 г. Советское правительство направило правительствам средиземноморских государств, а также США и Англии ноту с предложением объявить район **Средиземного моря** зоной, свободной от ракетно-ядерного оружия.

В связи с предложением о зоне на Балканах и в районе Адриатики президент Югославии Тито заявил в 1959 г., что "⟨...⟩ и Италия, и Греция, и все Балканы должны быть в этой безатомной зоне". Эта инициатива получила название "**плана Тито**"[49].

---

[46] Там же. С. 418–419.

[47] Автор принимал участие при согласовании меморандума между Министерствами иностранных дел ПНР и СССР.

[48] Борьба Советского Союза... С. 421.

[49] Там же. С. 423.

В июне 1957 г. Хрущев предложил, чтобы зона **Балтийского моря** стала зоной "вечного мира". Летом 1959 г. в ряде выступлений он предложил создать безатомную и безракетную зону мира на берегах Балтики.

Как уже указывалось, в 1961 г. Швеция выдвинула в ООН идею "безъядерного клуба" в противовес "ядерному клубу", которая получила известность в качестве "**плана Ундена**". По решению Генассамблеи ООН членам Организации был направлен запрос об их отношении к этому предложению. В ответ Швеция сообщила, что она "была бы готова участвовать по возможности в самой широкой безъядерной зоне в Европе, включающей неядерные государства Центральной и Северной Европы"[50].

Президент Финляндии Урхо Кекконен в своем выступлении 28 мая 1963 г. предложил объявить **Север Европы** безатомной зоной. Он заявил, что северные страны уже теперь фактически составляют безъядерную зону и закрепление существующего положения с помощью взаимных обязательств не означало бы изменения политики, проводимой северными странами и не ослабило бы их безопасности. Советский Союз позитивно реагировал на это предложение.

В январе 1958 г. Советский Союз предложил, чтобы **Ближний и Средний Восток** стал зоной мира, где не будет ядерного и ракетного оружия, зоной добрососедства и дружественного сотрудничества между государствами[51]. В докладе на XXI съезде КПСС (27 января – 5 февраля 1959 г.) советский руководитель заявил: "Можно и нужно создать на **Дальнем Востоке и во всем Тихоокеанском бассейне** зону мира и в первую очередь зону, свободную от атомного оружия"[52].

Из приведенных многочисленных предложений СССР о зонах видно, что в конце 50-х – начале 60-х годов советское руководство весьма активно продвигало эту идею. Имелось даже в виду отразить значение безъядерных зон в программе КПСС – фундаментальном программном документе правящей партии, – которая принималась XXII съездом партии (1961 г.). В одном из первоначальных вариантов программы говорилось о необходимости «создания в наиболее опасных районах мира – в Центральной Европе и в Скандинавии, на Балканах и Адриатике, на Дальнем Востоке и на Тихом океане – "зон мира", т.е. районов безатомного и резко ограниченного вооружения"[53]. В окончательный текст программы это положение не вошло, как, впрочем, и какие-либо другие конкретные предложения по вопросам разоружения (если не считать центральной задачи – достижения всеобщего и полного разоружения, которая ставилась тогда во главу угла в области разоружения).

На все эти предложения о безъядерных зонах Запад, как и можно было ожидать, реагировал отрицательно. Вместе с тем, некоторые вид-

---

[50] *Prawitz Jan.* From Nuclear Option to Non-Nuclear Promotion: The Sweden Case // The Swedish Institute of International Affairs. Research Report 20, 1995. Stockholm, 1995. P. 21.

[51] Борьба Советского Союза... С. 424.

[52] Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 г. Стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1959. С. 77–78.

[53] РЦХИДНИ. Ф. 586, оп. 1, д. 146, лл. 41–42.

ные западноевропейские деятели проявили интерес к идее военной разрядки на европейском континенте. Так, бывший премьер-министр Франции Мендес-Франс в апреле 1959 г. заявил, что имеется ряд территорий – в Дании, Германии, Чехословакии, Венгрии, Австрии, Югославии, Болгарии, Греции, Албании и т.д., на которых соприкасаются силы Востока и Запада и где мероприятия по разрядке являются в силу этого "желательными" и "оправданными". Он предложил создать вдоль указанной линии соприкосновения "зону ноль" шириной примерно в 50–100 км, где было бы осуществлено полное разоружение. В этой зоне должны оставаться только полицейские войска, которые могли бы быть либо национальными, либо войсками ООН[54].

С предложениями о создании безъядерных зон выступили и другие страны и региональные группы стран. По инициативе африканских государств в 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о признании **Африки** зоной, свободной от атомного оружия. Толчком к выдвижению африканского предложения послужили французские атмосферные ядерные испытания в Сахаре, начатые в 1960 г. и прекращенные только в 1966 г.

В мае 1963 г. конференция африканских стран в Аддис-Абебе обратилась с призывом ко всем государствам уважать это решение. В послании участникам конференции Хрущев заявил о готовности Советского Союза дать необходимые гарантии, что в случае каких-либо военных осложнений Африка будет рассматриваться как континент, находящийся вне сферы применения ядерного оружия, если такие же гарантии будут одновременно даны Соединенными Штатами и другими ядерными державами.

Правительство Цейлона (Шри Ланки) в январе 1964 г. заявило, что не будет разрешать заход в свои порты судов и приземление на аэродромах самолетов, несущих ядерное оружие или оснащенных для ведения ядерной войны, что было бы шагом к созданию безъядерной зоны в **бассейне Индийского океана.** В ответной ноте от 22 февраля 1964 г. Советское правительство сообщило, что оно приветствует это решение и будет его уважать.

По договору об **Антарктике** 1959 г. весь континент был объявлен регионом, используемым только в мирных целях, и, следовательно, зоной, свободной от атомного оружия. Были запрещены и испытания любых видов оружия, включая ядерное, а также удаление в этом районе радиоактивных материалов.

Однако, если не считать ненаселенный континент – Антарктику, то наибольшую результативность в рассматриваемый период получило предложение о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в **Латинской Америке**. Толчком к внесению такого предложения послужил Карибский ракетный кризис октября 1962 г. Уже в ноябре того же года Бразилия выступила на Генеральной Ассамблее ООН с проектом резолюции о признании Латинской Америки и Африки безъядерными зонами[55].

---

[54] Борьба Советского Союза... С. 433.

[55] Док. ООН A/C.1/L.312. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. V. С. 766–767.

Эту идею подхватили и другие латиноамериканские страны, из которых наибольшую активность стала проявлять Мексика. Особую роль в практическом осуществлении идеи зоны сыграл выдающийся мексиканский дипломат Альфонсо Гарсия Роблес, которому в дальнейшем была присуждена Нобелевская премия мира. 29 апреля 1963 г. президенты Бразилии, Мексики, Чили, Боливии и Эквадора выступили с декларацией о готовности своих правительств заключить "многостороннее латиноамериканское соглашение, в силу которого эти страны обязались бы не производить, не получать, не хранить и не испытывать ядерного оружия или средств его доставки"[56].

На сессии Генеральной Ассамблеи 1963 г. по инициативе стран Латинской Америки была принята резолюция, в которой выражалась надежда, что государства региона приступят к изучению мер по достижению договоренности о зоне, а ядерные державы окажут этому свое содействие.

Делегации СССР, Кубы и других социалистических стран, поддержав идею создания такой зоны, подчеркнули, однако, что эффективное осуществление целей, предусматриваемых этим предложением, связано прежде всего с позицией единственной ядерной державы данного географического района – Соединенных Штатов, которые должны взять на себя обязательство не иметь ядерного оружия в зоне к югу от своих границ, включая зону Панамского канала и Пуэрто-Рико, и ликвидировать свои военные базы на данном континенте, включая Гуантанамо (на Кубе). Как США, так и другие западные державы, располагающие ядерным оружием или владеющие колониями в данном районе, должны дать гарантии, что ядерное оружие не будет размещаться в латиноамериканской зоне или применяться против нее[57].

В связи с заявлением США, что подобные обязательства являются для них неприемлемыми, Советский Союз, Куба и другие социалистические страны сочли, что американская позиция делает невозможным в нынешних условиях решение вопроса о создании безъядерной зоны в Латинской Америке, и воздержались при голосовании резолюции[58].

Тем не менее, подготовка договора о безъядерной зоне началась. В марте 1965 г. приступила к работе Подготовительная комиссия по выработке соответствующего договора. На ее заседании, состоявшемся в Мехико в августе–сентябре 1965 г., был создан комитет по переговорам с представителями ядерных держав и государств, имеющих территориальные владения в Латинской Америке, для подготовки доклада об отношении этих государств к планам создания в регионе безъядерной зоны.

10 декабря 1965 г. в Нью-Йорке во время XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялась встреча между представителем Мексики Гарсиа Роблесом и советским представителем С.К. Царапкиным. В ходе

---

[56] Декларация была издана в качестве документа ООН A/5415/Rev.1. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VI (1963). С. 112.

[57] См. выступление представителя СССР Н.Т. Федоренко в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН 15 ноября 1963 г. (Сборник документов МИД СССР. Т. VI. С. 555–556).

[58] Резолюция 1911 (XVIII) от 27 ноября 1963 г. В числе воздержавшихся была и Франция.

встречи Роблес пытался получить от Царапкина документ, который излагал бы отношение СССР к зоне. Роблес даже предложил два возможных проекта документа. Второй из вариантов, по мнению мексиканца, в большей мере идущий навстречу Советскому Союзу, содержал, в частности, следующую формулировку:

> "Однако, хотя оно (Советское правительство. – *Авт.*) считает в высшей степени желательным превращение Латинской Америки в безъядерную зону, очевидно, что эта цель не может быть достигнута, если другие ядерные державы не готовы соблюдать статус этого района и, в частности, если Соединенные Штаты Америки не возьмут на себя обязательство воздерживаться от размещения ядерного оружия к югу от своих границ, ликвидировать свои военные базы в Латинской Америке и воздерживаться от использования ядерного оружия против государств этого района. Другие ядерные державы, имеющие колонии в Латинской Америке, должны взять на себя подобное обязательство".

Хотя мексиканский проект в значительной степени учитывал советскую позицию, наш представитель уклонился от его обсуждения, отослав мексиканца к заявлению, которое было сделано делегацией СССР на Генеральной Ассамблее. Делегация Кубы о состоявшейся с Роблесом беседе была информирована[59].

В ходе подготовки договора о зоне Советский Союз возражал и против участия Секретариата МАГАТЭ в разработке контрольных положений договора, тем более без согласия на то Совета Управляющих Агентства. В феврале 1966 г. Советский Союз сделал соответствующее представление Генеральному директору Агентства Зигварду Эклунду, о чем и на этот раз был информирован представитель Кубы[60]. Следует заметить, что Советский Союз постоянно поддерживал тесные контакты с кубинским правительством по вопросам, связанным с созданием латиноамериканской безатомной зоны[61].

В июне 1966 г. представитель СССР Г.П. Аркадьев[62] выступил с заявлением на заседании Совета Управляющих, в котором сказал, что осуществление идеи создания безъядерной зоны зависит от того, будут ли державы, обладающие ядерным оружием, уважать и соблюдать статус этой зоны, и связано прежде всего с позицией единственной ядерной державы данного региона – Соединенных Штатов Америки[63]. В беседе с послом Мексики Амалией де Кастильо Ледон 13 сентября 1966 г. Аркадьев заявил, что контрольные функции и деятельность Агентства в отношении безатомных зон не предусмотрены его Уставом, это не вопрос

---

[59] АВП РФ. Ф. 047, оп. 11, п. 124, д. 27, лл. 88–94.

[60] Там же. Оп. 12, п. 128, д. 9, л. 80.

[61] Автору не раз приходилось участвовать в консультациях с кубинскими представителями в Москве, Гаване и в Нью-Йорке.

[62] Аркадьев Георгий Петрович (1905–1993) – постоянный представитель при МАГАТЭ, был также послом в Норвегии, заместителем постоянного представителя при ООН, заместителем Генерального секретаря ООН.

[63] АВП РФ. Ф. 047, оп. 12, п. 131, д. 34, лл. 65–67.

о мирном использовании атомной энергии, он выходит далеко за его пределы, не вмещается в рамки нынешней деятельности Секретариата МАГАТЭ и лежит в области более широких международных решений[64].

Многомесячная работа латиноамериканских стран над договором о безъядерной зоне завершилась его подписанием 14 февраля 1967 г. По месту его подписания он получил название "договора Тлателолко". Договор вступил в силу 25 апреля 1969 г. для одиннадцати государств, которые ратифицировали его к тому времени. Полностью он вступит в силу, когда его ратифицируют все латиноамериканские страны. Единственной страной, к настоящему времени не ратифицировавшей договор (1999 г.), является Куба, которая подписала его в марте 1995 г.

Этот договор сопровождается двумя дополнительными протоколами – протоколом I, который распространяет безъядерный статус на находящиеся в пределах зоны зависимые территории держав, не входящих в нее (США, Англию, Францию и Нидерланды), и протокол II, который предусматривает обязательства ядерных держав уважать безъядерный статус зоны.

Соединенные Штаты присоединились к протоколу II в 1971 г., сделав заявление о том, что они будут считать, что "вооруженное нападение договаривающейся стороной при содействии государства, обладающего ядерным оружием, было бы несовместимо" с обязательствами, взятыми на себя участниками зоны. При рассмотрении вопроса в сенате подчеркивалось значение договора Тлателолко для США ввиду "особых исторических взаимоотношений, поддерживаемых Соединенными Штатами со своими соседями по полушарию"[65].

Советский Союз долго затягивал присоединение к дополнительному протоколу II к договору Тлателолко. Вопрос об участии в протоколе неоднократно рассматривался министерством иностранных дел в консультации с соответствующим отделом ЦК КПСС, а также другими правительственными ведомствами. При этом учитывалось, что Советский Союз никак не может уклониться от присоединения к протоклу, ибо в таком случае он изменил бы своему принципиальному позитивному отношению к идее безъядерных зон и политике активной поддержки зон, которую СССР неизменно проявлял, в том числе при выработке в Женевском комитете по разоружению в 1975 г. принципов образования зон, свободных от ядерного оружия[66].

С другой стороны, исходя из наших особых отношений с Кубой, приходилось учитывать, что подписание протокола могло бы осложнить советско-кубинские отношения. С кубинским правительством не раз проводились консультации относительно протокола, в ходе которых советской стороной выдвигался довод в том плане, что участие в зоне укрепляло бы

---

[64] Там же. П. 128, д. 9, лл. 104–106.

[65] Из заявления АКВР США сенатскому комитету по иностранным делам от 22 сентября 1970 г. Цит. по: *Bunn George*. The Legal Status of Security Assurances against Nuclear Attack for Countries that Forswear Nuclear Weapons (unpublished paper). 1997. Mar. (Личный архив автора.)

[66] Док. ООН A/10027/Add.1.

позиции Кубы в Латинской Америке, помогало бы ей выйти из состояния изоляции в отношениях с латиноамериканскими странами.

Чтобы ослабить неблагоприятное впечатление, производимое на Мексику и другие латиноамериканские страны отрицательным отношением к договору Тлателолко, правительству Мексики в апреле 1968 г. было заявлено о готовности СССР уважать статус Мексики как безъядерной зоны – не использовать и не угрожать использованием ядерного оружия против этой страны. Такие обязательства могут быть даны и другим государствам – участникам договора, которые так же, как и Мексика, действительно превратят свои территории в зоны, полностью свободные от ядерного оружия. Одновременно тогда было заявлено, что Советский Союз не может подписать дополнительный протокол II.

СССР подписал дополнительный протокол II последним из ядерных государств – в 1978 г., сделав заявление о том, что "любые действия, предпринятые государством или государствами, являющимися участниками договора Тлателолко, несовместимые с их безъядерным статусом, а также совершение одним или несколькими государствами – участниками договора акта агрессии при поддержке государства, обладающего ядерным оружием, или совместно с таким государством будут рассматриваться Советским Союзом как несовместимые с соответствующими обязательствами этих стран по договору". В заявлении правительства СССР при подписании протокола было также высказано критическое отношение, но не в качестве формальных оговорок, к некоторым положениям "договора Тлателолко"[67].

Контроль за соблюдением участниками зоны взятых на себя обязательств возлагался на МАГАТЭ, с которым страны-участницы заключали бы соглашения о гарантиях, но создавалась и собственная организация для наблюдения за функционированием договора и за соблюдением его положений участниками (OPANAL). Однако на практике дело ограничилось применением гарантий МАГАТЭ. Договор Тлателолко создал добрый прецедент для образования новых зон, свободных от ядерного оружия, которые были в дальнейшем созданы в южной части Тихого океана, в Африке и в Юго-Восточной Азии.

Рассмотрение, начиная с 50-х годов, предложений о создании зон, свободных от ядерного оружия, в различных районах мира и начавшийся процесс их образования, несомненно, способствовали консолидации общей тенденции в пользу установления всеобъемлющего международного режима нераспространения ядерного оружия.

---

[67] В заявлении были высказаны замечения по положению договора, допускающему возможность проведения участниками зоны ядерных взрывов в мирных целях; по положению о зоне применения договора, предусматривающему распространение его действия за пределы территориальных вод; по положению о возможности транзита ядерного оружия через зону, охватываемую договором (Правда. 1978. 19 мая. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. XX (1978). Ч. 1. С. 222–224).

Глава 5

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ МАГАТЭ (1959–1965)

Как отмечалось в гл. 2, посвященной созданию МАГАТЭ, статья XII его Устава предусматривает применение гарантий Агентства в отношении любого его проекта и двусторонних или многосторонних соглашений об использовании атомной энергии, по требованию сторон таких соглашений. В статье достаточно развернуто определяются функции МАГАТЭ и его инспекторского аппарата, вплоть до "доступа в любое время во все места, ко всем данным и ко всем лицам ⟨...⟩, необходимым для учета доставленных исходных и специальных расщепляющихся материалов и для учета расщепляющихся продуктов, и устанавливать, соблюдаются ли обязательства относительно того, что их использование не будет способствовать каким-либо военным целям ⟨...⟩".

С самого начала предполагалось, однако, что на базе положений статьи XII будут разработаны подробные правила и инструкции, которые в совокупности составят, как ныне принято говорить, **систему гарантий** Агентства. Работа над созданием такой по необходимости сложной системы затянулась на несколько лет как по техническим, так и политическим причинам.

1. КРИТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ СССР К ГАРАНТИЯМ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Одной из причин задержки с созданием системы гарантий МАГАТЭ было то обстоятельство, что в конце 50-х годов в течение нескольких лет разрабатывалось соглашение о сотрудничестве между США и Евратомом, который был образован по Римскому договору 1957 г. Соглашение о сотрудничестве вступило в силу в феврале 1959 г., и хотя оно и содержало формальные отсылки на гарантии МАГАТЭ, на деле по существу отключало Агентство от применения гарантий в странах Западной Европы. К этому времени в Евратоме уже была создана своя собственная замкнутая всеобъемлющая система гарантий, охватывающая западноевропейские страны – участницы Евратома.

В период подготовки западноевропейскими странами договора о создании Евратома с советской стороны предпринимались интенсивные усилия по противодействию образованию этой организации. При этом учитывалось, что во Франции к Евратому относились неоднозначно. 12 июля 1956 г. было опубликовано заявление Советского правительства с предложением о создании **общеевропейской** региональной организации по

мирному использованию атомной энергии. Однако советское предложение, как докладывал в ЦК КПСС 31 августа 1956 г. Комитет Информации при МИД СССР, "не встретило во Франции большой поддержки, в том числе и среди значительной части противников Евратома. Комитет Информации предложил осуществить некоторые дополнительные шаги, в частности «изучить вопрос о возможности предоставления Советским Союзом определенного количества расщепляющихся материалов в распоряжение указанной (общеевропейской. – *Авт.*) организации на более выгодных условиях, чем это делают США в порядке оказания "помощи" иностранным государствам»[1]. Предложение МИД советским руководством принято не было, судя по всему, по той причине, что в тот период уран продолжал оставаться достаточно дефицитным материалом. Так или иначе, но Евратом был создан.

Следует отметить, что среди некоторых американских специалистов, в особенности связанных с работой нового международного атомного агентства, создание Евратома и, в частности, вопрос о взаимоотношениях между системами гарантий обеих организаций вызывал серьезные опасения. Первый Генеральный директор МАГАТЭ американец Коул даже направил 15 мая 1958 г. Эйзенхауэру конфиденциальное письмо, в котором высказал озабоченность в связи с тем, что планируемое соглашение о сотрудничестве между Евратомом и Агентством на территориях Евратома предусматривает, как он выразился, "самоинспекцию". Коул заявил, что такой шаг "будет иметь серьезные последствия для Агентства", и настоятельно призывал принять меры к тому, чтобы "гарантии и учет (ядерных материалов) в Евратоме были возложены на Агентство"[2]. 21 января 1959 г. Коул пишет еще одно письмо Эйзенхауэру с требованием, чтобы была создана "единообразная и универсально применимая система гарантий"[3].

Обращения Коула даже к американскому президенту действия не возымели. Страны Евратома разработали собственную систему гарантий, и на их территориях МАГАТЭ гарантий не применяло.

Это обстоятельство не могло отрицательно не повлиять на советскую позицию при разработке гарантий МАГАТЭ. После печальной эпопеи с "планом Баруха" Советский Союз вообще довольно подозрительно относился к какому-бы то ни было контролю за атомной деятельностью, хотя по Уставу Агентства он и не был обязан без собственного согласия принимать гарантии на своей территории. В Москве особое неприятие вызывал тот факт, что именно США проявляли чрезмерную настойчивость в проталкивании своих предложений по гарантиям через руководящие органы МАГАТЭ. В августе 1962 г. МИД СССР разослал советским посольствам ориентировку о деятельности Агентства за пять лет его существования, в которой обращалось внимание на признание,

---

[1] ЦХСД. Ф. 5, оп. 30, д. 174, лл. 99–105.

[2] Sterling Cole to the President. May 15, 1958. National Security Archive and Chadwyck-Healey. Nuclear Non-Proiliferation File, No. 00419.

[3] Sterling Cole to Dwight D. Eisenhower, President of the United States. Jan. 21, 1959. NSA. Nuclear Non-Proliferation File. No. 00518.

содержавшееся в докладе консультативного комитета о политике США в отношении МАГАТЭ под председательством Генри Смайса, что "США оказали сильное влияние для того, чтобы Совет Управляющих одобрил эту систему (гарантий. – *Авт.*)". В этой связи в ориентировке МИД указывалось: "По существу контроль и гарантии являются изобретением США и никем, кроме США, фактически не поддерживаются"[4]. И далее:

> "Одной из главных целей США, когда они выдвинули идею о создании Агентства, было их стремление контролировать использование атомной энергии в мирных целях во всем мире. Для этого они хотели приспособить механизм МАГАТЭ. Вместе с тем, говоря о поддержке международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, США пытались на самом деле прикрыть перед мировым общественным мнением свою деятельность в области ее военного использования. Участие Советского Союза в МАГАТЭ явилось причиной срыва американских планов по превращению МАГАТЭ в контрольную организацию"[5].

Следует, конечно, иметь в виду, что, рассылая эту ориентировку по посольствам, предназначенную для проведения работы по проблематике МАГАТЭ в дипломатическом корпусе и со средствами массовой информации в странах пребывания, МИД придал ей определенный пропагандистский оттенок.

Советская позиция по гарантиям в самом Агентстве в конце 50-х – начале 60-х годов сводилась к тому, что, поскольку Советский Союз уже согласился с уставными положениями о гарантиях, нецелесообразно возражать в принципе против проведения секретариатом Агентства работы по составлению правил и применению гарантий. Однако в то же время советскими представителями подчеркивалось, что нет необходимости в предоставлении приоритета этой программе, тем более, что еще ни одной стране не оказывалась атомная помощь через Агентство. Так, на XIII сессии Генассамблеи (1958 г.) советская делегация заявила, что ряд западных стран пытается подменить основную задачу деятельности Агентства – оказание помощи слаборазвитым странам – требованием создания контрольной системы, хотя в Агентстве нет даже объектов для такого контроля, ибо оно еще не оказало ни одной стране помощи, о которой говорится в ее Уставе.

В целях противодействия работе Агентства по гарантиям Советский Союз часто поддерживал линию Индии, Индонезии и некоторых других развивающихся стран против создания жесткой системы гарантий, что препятствовало разработке этой системы, замедляло процесс ее внедрения. На основе этого подхода, в июне 1958 г. Советский Союз поддержал в Совете Управляющих индийское предложение, направленное против создания в Секретариате Агентства отдела гарантий. 17 голосами

---

[4] АВП РФ. Ф. 047, оп. 8, п. 94, д. 22, л. 12.

[5] Там же. Л. 28.

против 6 (Индия, СССР и его союзники, Египет и Индонезия) Совет, однако, отклонил индийское предложение. В июле того же года он вместе с Индией выступил с предложением исключить из бюджета МАГАТЭ какие-либо расходы на гарантии, но оно также было отвергнуто подавляющим большинством голосов.

После 2-й сессии Генконференции МАГАТЭ (сентябрь–октябрь 1958 г.) работа над гарантиями в Секретариате интенсифицировалась. Зондировалась и позиция СССР в отношении критериев, которые должны быть положены в основу инспекции. В этом контексте в аналитической справке, подготовленной в Отделе международных организаций МИД, отмечалось:

> "Западники предлагали положить в основу инспекции количество производимого на реакторе плутония. Главатом[6] усмотрел в этом попытку выяснить минимальные количества, используемые для изготовления атомных бомб в СССР, и от ответа на поставленный вопрос уклонился. В связи с зондажем ⟨...⟩ Представительству СССР при МАГАТЭ было дано указание заявить, что мы считаем преждевременной разработку технических аспектов системы инспекции, так как еще нет условий, при которых ее учреждение и введение в действие имели бы значение и достигали своей цели"[7].

Только в январе 1959 г. Совет не без возражений со стороны Советского Союза одобрил положения о гарантиях на **ad hoc** основе для японского исследовательского реактора JRR-3, для которого Канада поставила 3 т природного урана. Это был первый случай применения гарантий Агентства в какой-либо стране.

На основании пожеланий, высказанных на Совете Управляющих, Секретариат к маю 1959 г. подготовил документы об общих принципах и о детальных правилах гарантий. На сессии Совета Управляющих в июне–июле того же года советский представитель заявил о своих возражениях, считая преждевременным и нецелесообразным на данной стадии учреждать систему контроля. Не приняв никаких решений по существу вопроса, Совет решил перенести обсуждение на сентябрьскую сессию 1959 г. На эту сессию советская делегация получила указание исходить из того, что СССР не заинтересован в форсировании рассмотрения навязываемой США системы гарантий и контроля, поскольку эта система направлена не столько на предотвращение военного использования помощи Агентства, сколько на обеспечение политических и экономических выгод США и других западных держав. По тактическим же соображениям следует предоставить инициативу в деле критических выступлений против

---

[6] Главатом – сокращенное название Главного управления по использованию атомной энергии СССР, которое в 1956–1957 гг. возглавлял Е.П. Славский, бывший в то время первым заместителем министра среднего машиностроения. В дальнейшем название учреждения изменялось, как и его функции и структура, но оно неизменно выполняло задачу представления нашего атомного ведомства во внешних сношениях. Позднее это ведомство называлось Госкомитет по использованию атомной энергии (ГКАЭ СССР).

[7] АВП РФ. Ф. 047, оп. 6, п. 117, д. 37, л. 72.

системы гарантий представителям слаборазвитых стран (Индии, ОАР, Индонезии и др.) и активно поддерживать их выступления.

Но на сессии Совета стало ясно, что среди стран-получателей единой линии в отношении гарантий нет. Представители Индии, Индонезии и ОАР (Египта) выступали против учреждения системы гарантий, а Бразилия, Аргентина, Пакистан и некоторые другие страны колебались. Сделав оговорки, они высказались в поддержку системы гарантий, "рассчитывая, по оценке МИД СССР, на то, что американцы передадут со временем под контроль Агентства свои двусторонние соглашения и жесткий американский контроль, осуществляемый по этим соглашениям, будет заменен международным контролем Агентства"[8].

Документ о гарантиях в предварительной форме был одобрен Советом 26 сентября 1959 г. В нем определялись типы предприятий, к которым должны применяться гарантии, виды помощи, требующие гарантий, количества ядерного материала, предоставление которых получателю не вызывают необходимости в установлении гарантий, и т.д

Об отношении Советского Союза к выработке системы гарантий на этом этапе красноречиво свидетельствуют как внутренние аналитические материалы соответствующих советских ведомств, так и публичные выступления представителей СССР на международных форумах.

Так, в проекте докладной записки для представления в Политбюро ЦК КПСС, подготовленном в Главном управлении по использованию атомной энергии при СМ СССР с участием работников МИД в конце 1958 – начале 1959 г., предлагалось выступить на январской сессии Совета Управляющих с заявлением о "неудовлетворительной деятельности" МАГАТЭ. Записка уже была подписана начальником Главатома В.С. Емельяновым, однако Громыко наложил на проект резолюцию: "Воздержаться". Рядом с этой резолюцией заведующим Отделом международных организаций МИД К.В. Новиковым было приписано, что с министром было условлено вернуться к этому вопросу после сессии Совета Управляющих.

В проекте заявления советского управляющего, предназначавшегося для опубликования в советской печати (что, вообще-то говоря, противоречило бы правилам работы Совета Управляющих, согласно которым протоколы его заседаний не подлежат публикации) предлагалось, в частности, сказать следующее о создававшейся системе гарантий:

> «(...) После того, как этот план ("план Баруха". – *Авт.*) потерпел неудачу, а также прекратилась временная монополия на производство атомной энергии, правительство США направило все свои усилия к тому, чтобы поставить под свой контроль развитие и производство атомной энергии во всех других западных странах. Система двусторонних соглашений США с другими странами в известной степени обеспечивала выполнение этих целей для США. Однако жесткая система контроля, которая предусматривается двусторонними соглашениями, вызывала и вызывает серьезные возражения со стороны стран-получателей,

[8] Там же. Лл. 74–75.

что поставило США в затруднительное положение. Поэтому теперь делается попытка подменить этот контроль так называемым "международным" контролем через Атомное агентство.

В течение минувшего (т.е. 1958 г. – *Авт.*) года в Агентстве велась активная работа по созданию контрольной системы, несмотря на то, что необходимости в создании такой системы не было, поскольку Агентство не предоставило еще своим членам ни одного грамма расщепляющихся материалов.

Нельзя, таким образом, не видеть, что США хотят воспользоваться в своих корыстных интересах[9] широкими правами контроля за использованием предоставляемой Агентством помощи, которые по их же настоянию были включены в Устав Агентства. В то время, когда слаборазвитые страны ожидают от Агентства бескорыстной помощи и содействия в получении расщепляющихся материалов и специального оборудования для атомных установок, США хотели бы контролировать при помощи Агентства все стороны развития атомных программ в слаборазвитых странах и использовать Агентство прежде всего как новый канал для проникновения в экономику других стран, как средство для захвата рынков сырья.

На опасность превращения Агентства в орудие атомного колониализма указывает не только Советский Союз, но и другие страны. Выступая в июле 1957 г. в Народной палате, премьер-министр Индии Неру заявил, что существует опасность атомного колониализма в том случае, если какая-либо группа стран будет контролировать Агентство.

Советский Союз еще в период подготовки Устава Агентства указывал, что проведение в жизнь системы гарантий, предусматриваемой проектом Устава, имело бы значение в том случае, если бы это было связано с запрещением ядерного оружия и если бы гарантии ⟨...⟩ распространялись на все государства, как получающие помощь, так и предоставляющие ее. Применение же строгих гарантий только в отношении стран, получающих помощь, т.е. прежде всего слаборазвитых стран, не достигает цели. Кроме того, странам, получающим атомную помощь от Агентства, навязывались бы такие условия контроля, которые нарушали бы суверенитет этих государств и тормозили бы мирное использование атомной энергии в этих странах ⟨...⟩.

Доводы и опасения Советского Союза в отношении контроля оказались правильными. Опыт работы Агентства показал, что система контроля отпугивает страны – получатели от Агентства: в течение года ни одна страна, не считая недавнего обращения Японии, не обратилась с просьбой о предоставлении расщепляющихся материалов.

⟨...⟩ Параллельно с деятельностью Международного агент-

---

[9] Слова "в корыстных интересах" были подчеркнуты Громыко карандашом извилистой чертой, что обычно означало его несогласие или сомнение в отношении какого-либо положения поступившего к нему документа.

ства, США создают при агрессивных блоках региональные атомные организации вроде Евратома. Причем основная помощь США в атомной области идет не через Международное атомное агентство, а через указанные региональные организации. Агентство же используется лишь для прикрытия истинных целей этих региональных организаций: использование атомной энергии в военных целях.

⟨...⟩ Создание организаций типа Евратома ведет к расколу международного сотрудничества, к разделению стран на противопоставленные друг другу группировки».

В заключение в предлагавшемся Главатомом заявлении высказывалось требование, чтобы Агентство "**впредь до заключения соглашения о запрещении атомного оружия и установления контроля за таким соглашением временно отказалось от создания той жесткой системы контроля, которая предусматривается Уставом Агентства** (выделено мной. – *Авт.*), поскольку такой контроль является односторонним – распространяется лишь на страны – получатели помощи от Агентства – и отпугивает страны – члены Агентства от использования такой помощи"[10].

Проект заявления, следовательно, шел так далеко, что предлагал даже действовать фактически в нарушение Устава МАГАТЭ. Хотя предполагавшееся заявление тогда в Совете Управляющих сделано не было, на сессии Генеральной Конференции Агентства 23 сентября 1959 г. в выступлении главы советской делегации К.В. Новикова излагались многие из содержавшихся в нем соображений, но сделано это было в куда более мягкой форме. Что касается положений, противоречащих Уставу, то в наше заявление на сессии МАГАТЭ они, разумеется, включены не были. В выступлении советской делегации, в частности, говорилось:

"Совет Управляющих занят спешной разработкой широкой системы гарантий и инспекции, которые охватывают даже предприятия по разделению изотопов урана и плутония. При этом западные державы, как показала дискуссия на истекшей сессии Совета Управляющих, пытаются утвердить гарантии в таком пожарном порядке, что создается впечатление, будто в Агентстве имеется уже достаточное количество проектов, реализация которых может создать возможность утечки материалов для военных целей.

При рассмотрении проблемы установления контроля за использованием атомных материалов только в мирных целях возникает также вопрос, достигает ли цели такой контроль. Мы, советская делегация, даем отрицательный ответ на этот вопрос.

⟨...⟩ Практика двусторонних соглашений показывает, что, например, Соединенные Штаты сопровождают свою атомную помощь другим государствам требованием установления довольно жесткого контроля за использованием этими государствами рас-

[10] АВП РФ. Ф. 047, оп. 5"а", п. 108, д. 2, лл. 1–18. Докладная записка Главатома была списана в архив спустя свыше полутора лет – в октябре 1960 г.

щепляющихся материалов и оборудования. В отличие от этого Советский Союз по заключенным им двусторонним соглашениям вообще не требует установления какого-либо контроля ⟨...⟩.

Под давлением некоторых держав предпринимаются попытки повернуть деятельность в сторону вопросов гарантий и контроля, поставив их во главе всех задач Агентства ⟨...⟩.

Предлагаемая система на деле может лишь привести к установлению господства сильных над слабыми ⟨...⟩.

Таким образом, зарождающаяся атомная промышленность указанных стран под флагом контроля могла бы быть легко поставлена в зависимость от различных компаний и корпораций ведущих в техническом отношении держав. Призрачный контроль над возможностями атомного вооружения превратился бы фактически в экономический контроль над развитием атомной промышленности и науки менее развитых стран, а возможно и над экономикой этих стран в целом ⟨...⟩"[11].

Из заявления видно, что в этот начальный период работы Агентства Советский Союз занимал негативное отношение к разработке системы гарантий, хотя официальное заявление СССР в МАГАТЭ и было сделано не в столь категоричной форме, как это первоначально предлагалось Главатомом.

Об отношении советского атомного ведомства и Отдела оборонной промышленности ЦК КПСС к деятельности международных организаций в атомной области говорит и такой, казалось бы, частный факт. 23 августа 1966 г. по предложению министра среднего машиностроения Е.П. Славского и заведующего Отделом оборонной промышленности И.Д. Сербина ЦК КПСС принял решение рекомендовать члену-корреспонденту АН СССР В.С. Емельянову, заместителю Председателя Госкомитета СМ СССР по использованию атомной энергии и председателю Комиссии по научным проблемам разоружения при Президиуме АН СССР, отказаться от получения премии "Атомы для мира" за 1966 г., которую американская организация "Атомы для дела мира" предлагала присудить пяти членам Научно-консультативного комитета ООН: Емельянову, Гольдшмидту (Франция), Уилфриду Льюису (Канада), Абдус Саламу (Пакистан) и Исидору Раби (США) за содействие "международному сотрудничеству в развитии возможностей благоприятного использования энергии атомного ядра".

Характерно, что Академия наук СССР за подписью ее президента академика М.В. Келдыша поддержала присуждение премии Емельянову "как признание вклада советских ученых в развитие международного сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях". Славский в докладной записке в ЦК мотивировал свое предложение об отказе от премии тем, что в данном случае она присуждается не за важные открытия и оригинальные изобретения, а за участие членов Научно-консультативного комитета ООН "в работе международных организаций и за пропаганду достижений в области атомной науки и техники в

[11] Сборник основных документов МИД СССР. Т. III (1959–1960). С. 192–194.

мирных целях". Сослался Славский и на "международную обстановку в связи с агрессивной войной США во Вьетнаме". Следует заметить, что МИД СССР (В.В. Кузнецов) предложение Славского и Сербина поддержал[12].

Работа над гарантиями в МАГАТЭ тем временем продолжалась. В январе 1960 г. Совет Управляющих рассмотрел процедуры применения гарантий к реакторам тепловой мощности менее 100 МВт, т.е. в основном к исследовательским реакторам, образовав комитет экспертов под председательством директора Норвежского института атомной энергии Рандерса для детальной проработки процедур гарантий.

По предложению США 20–22 января 1960 г. в Париже состоялось совещание представителей СССР, США, Англии и Франции для обмена мнениями о системе контроля и инспекции Агентства. США предложили, чтобы четыре державы договорились не продавать другим странам реакторы тепловой мощности более 100 тыс. кВт без применения контроля. МИД и Минсредмаш в записке в ЦК КПСС сочли американское предложение неприемлемым, поскольку согласие на установление контроля над поставками энергетических реакторов ничего не дало бы для предотвращения расширения круга стран, владеющих атомным оружием. Ведь контроль не распространялся бы на страны, которые не обращаются за помощью к ядерным державам, и поэтому не помешал бы индустриально развитым странам создать, если бы они захотели, свое атомное оружие. Контроль фактически распространялся бы лишь на слаборазвитые страны. На основе этого мнения двух ведомств в конце февраля американцам было сообщено о несогласии с их предложением.

Доклад комитета Рандерса рассматривался Советом Управляющих в марте–апреле 1960 г. В отчете о сессии, представленном постоянным представителем СССР при МАГАТЭ Л.М. Замятиным, содержался вывод, что "американцы решили во что было то ни стало завершить работу над созданием этой системы (системы гарантий. – *Авт.*) в ближайшее время". "⟨...⟩ Нами, – писал Замятин, – было сделано заявление о том, что предлагаемая западниками система контроля и гарантий Агентства по своему объему превосходит и опережает объем деятельности Агентства ⟨...⟩. Система контроля является жесткой и будет отпугивать страны-получатели от получения помощи через Агентство. Мы указали на несостоятельность доводов западников о том, что контрольная система Агентства может якобы предотвратить расширение круга стран, владеющих атомным оружием. В этой связи нами было сказано, что эта система могла бы быть эффективной лишь в том случае, если было бы запрещено ядерное оружие, прекращено его производство и уничтожены запасы такого оружия".

При постатейном обсуждении документа о гарантиях представителями СССР, ЧССР и НРБ был внесен ряд поправок, направленных, как их охарактеризовал советский представитель, "на приведение системы гарантий и контроля в соответствие с объемом и характером помощи". Так,

[12] ЦХСД. Ф. 89, оп. 64, док. 1, лл. 1–8.

«было предложено из понятия "основное ядерное средство", содержащегося в документе экспертов, исключить диффузионные заводы и предприятия по переработке облученного ядерного материала»; предельные количества ядерного материала, с которых начинают применяться гарантии Агентства, устанавливать двусторонними соглашениями; порядок системы учета не диктовать государству Агентством, а устанавливать по договоренности с государством, и др.

Советский представитель сетовал в своем отчете на то, что за поправки проголосовали только социалистические страны и Индия. "В целом слаборазвитые страны при обсуждении наших поправок вели себя пассивно: Индонезия и Цейлон в обсуждении не участвовали. Мексика и почти во всех случаях Венесуэла голосовали вместе с западниками против наших поправок. ОАР (Египет) и Индонезия по большинству пунктов в голосовании не участвовали"[13].

Наконец, 31 января 1961 г. Совет Управляющих при прохладной поддержке Франции и при пяти необязательных "стран" (СССР, ЧССР, НРБ, Индия и Цейлон) одобрил первый документ МАГАТЭ о гарантиях[14].

Оценивая первый документ Агентства по гарантиям, консультативный комитет США под председательством Генри Смайса (май 1962 г.) сделал вывод:

> "В течение первых лет деятельности Агентства вопрос о гарантиях вызывал ожесточенные споры в Совете Управляющих. Почти после трехлетнего обсуждения в Совете Управляющих и на Генеральной Конференции была разработана ограниченная, но достаточная система контроля и инспекций для ядерных установок, поставляемых через или с помощью Агентства ⟨...⟩.
>
> ⟨...⟩ Соединенным Штатам следует продолжать **играть ведущую роль в деле создания единообразной всемирной эффективной системы гарантий**"[15].

А вот оценка МИД СССР: "Несмотря на известное ослабление (по сравнению с первоначальным вариантом. – *Авт.*) системы гарантий, явившееся результатом критики со стороны Советского Союза и слаборазвитых стран, она по своему объему все еще превосходит и опережает деятельность Агентства в области оказания атомной помощи странам-членам, которые в ней нуждаются"[16].

Вопросы гарантий МАГАТЭ затрагивались в конфиденциальной переписке между Хрущевым и Эйзенхауэром в первой половине 1960 г. Советский руководитель в послании от 3 марта 1960 г. высказал озабоченность возможностью передачи Соединенными Штатами своим союзникам секретной информации о ядерном оружии. Отвечая на это послание 12 марта, Эйзенхауэр предлагал договориться о мерах, которые могли бы

---

[13] АВП РФ. Ф. 047, оп. 6, п. 117, д. 37, лл. 19–41.

[14] Официальное название документа – "Система гарантий Агентства (1961 г.)" – док. МАГАТЭ INFCIRC/26.

[15] АВП РФ. Ф. 047, оп. 8, п. 94, д. 21, л. 115. Выделено авторами доклада.

[16] Там же. Оп. 6, п. 117, д. 37, л. 85.

положить конец возможности появления новых ядерных держав. В числе таких мер он предлагал следующее:

"Мы можем на заседании Совета Управляющих Международного агентства по атомной энергии в апреле выступить в поддержку принятия процедур гарантий, которые обеспечат такое положение, при котором будущее расширение производства ядерной энергии само по себе не станет источником расщепляющихся материалов в целях производства ядерного оружия. Как в Соединенных Штатах, так и в Советском Союзе предпринимаются существенные шаги в развитии ядерной энергии и в предоставлении этих новых энергетических ресурсов другим странам для их блага. Несомненно, у нас имеются общие интересы, что нашло отражение в нашей приверженности принципам Устава Международного агентства по атомной энергии в обеспечении того, чтобы ядерные реакторы, которые в будущем будут построены во многих странах, не стали источником материалов для производства оружия новыми державами".

В новом послании от 21 марта Хрущев писал по этому вопросу:

"Вы предлагаете также использовать в целях предотвращения расширения круга государств, располагающих ядерным оружием, Международное агентство по атомной энергии. Но, во-первых, Агентство может установить контроль только за теми расщепляющимися материалами, которые оно предоставляет само. А, во-вторых, нельзя взять под контроль Агентства развитие атомной энергии во всех странах без запрещения ядерного оружия. Я уже не говорю о том, что стремление к установлению жестких контрольных функций Агентства по атомной энергии уже в настоящее время отпугивает многие государства от использования услуг этого органа.

Самой лучшей и наиболее надежной гарантией не только против дальнейшего распространения ядерного оружия, но также вообще против угрозы возникновения ядерной войны является, конечно, всеобщее и полное разоружение".

В ответе Эйзенхауэра от 1 апреля говорилось:

"Что касается гарантий Международного агентства по атомной энергии, я никогда не считал, что такие гарантии полностью разрешат проблему предотвращения распространения ядерного оружия. Однако я продолжаю считать, что поддержка таких гарантий как в Международном агентстве по атомной энергии, так и в двусторонних соглашениях может самым важным образом способствовать достижению этой цели"[17].

Обмен посланиями между руководителями обеих держав, как видно из приведенных выдержек, не внес каких-либо новых позитивных элементов в рассмотрение проблемы гарантий МАГАТЭ.

---

[17] Там же. Лл. 85–87.

2. ДОКУМЕНТ ОБ ИНСПЕКТОРАХ

Острые дебаты проходили и по одному из важных аспектов общей проблемы гарантий – вопросу об инспекторах Агентства, их функциях, правах, полномочиях, привилегиях и иммунитетах на основании ст. XII.A.6 Устава. Этот пункт, вновь процитируем из него выдержку, предусматривает право Агентства "посылать на территорию государства-получателя или государств-получателей инспекторов, которые будут назначаться Агентством по консультации с заинтересованным государством или государствами и которые должны будут иметь доступ в любое время во все места, ко всем данным и ко всем лицам, ⟨...⟩ необходимым для учета доставленных исходных и специальных расщепляющихся материалов, и устанавливать, соблюдаются обязательства относительно того, что их использование не будет способствовать каким-либо военным целям ⟨...⟩". Наряду с этим, статья XII.B предусматривает, что "Агентство по мере необходимости учреждает штат инспекторов".

В апреле 1960 г. Совет Управляющих решил созвать специальный комитет для выработки документа об инспекторах. Комитет провел сессию в Вене с 4 по 9 мая. Советский представитель в Комитете заместитель заведующего Договорно-правовым отделом МИД А.Н. Николаев получил указания, подписанные Славским и Кузнецовым, в соответствии с которыми ему поручалось "настаивать на том, чтобы штат инспекторов подбирался Генеральным директором и утверждался Советом Управляющих. При этом подбор штата инспекторов Агентства должен осуществляться на основе широкого представительства государств – членов Агентства с включением представителей стран-получателей и государств, оказывающих помощь Агентству в виде специальных расщепляющихся и исходных материалов и ядерных установок".

Однако, по предложению Кузнецова, в указания было включено добавление, что "если представители западных стран будут возражать, не настаивать на нашей поправке". И на этот раз МИД высказался за более конструктивный подход к деятельности атомного агентства. В МИДе, надо заметить, вообще преобладало мнение, что Агентство имеет потенциал для превращения в перспективную международную организацию и поэтому надо исподволь укреплять там наши позиции.

В инструкциях предлагалось "указать, что допуск инспекторов к материалам, оборудованию и техническим средствам следовало бы ограничить пределами, необходимыми для выполнения задачи данной инспекции", а также "настаивать на включении в документ положения о том, что государство, в котором проводится инспекция, имеет право во всякое время потребовать от любого инспектора оставления территории данного государства, если инспектор злоупотребляет предоставленными ему правами и привилегиями"[18]. Как следует из указанных инструкций, Советский Союз все же стремился по мере возможности ограничить права инспекторов.

Вследствие возникших разногласий специальный комитет не смог

---

[18] Там же. Лл. 62–64.

окончательно согласовать проект документа об инспекторах. В новом тексте, как докладывал представитель СССР при МАГАТЭ Замятин, "были учтены некоторые поправки СССР и других социалистических стран, направленные на ограничение прав Генерального директора и инспекторов Агентства. Однако ввиду принципиальных разногласий между социалистическими и афро-азиатскими странами, с одной стороны, и западниками, с другой, по ряду важных вопросов, в частности по вопросу укомплектования штата инспекторов, комитет не принял решения"[19]. Он представил промежуточный доклад Совету Управляющих, который продолжил рассмотрение проекта документа об инспекторах на своей сессии в июне 1960 г.

На этой сессии советская делегация предложила отложить обсуждение вопроса об инспекторах и "вернуться к нему после того, как генконференция примет решение об объеме и характере контроля и инспекции Агентства". Но западные страны настаивали на немедленном обсуждении документа, и в результате голосования советское предложение не прошло.

В ходе состоявшегося затем постатейного обсуждения документа об инспекторах поправки, вносившиеся советской делегацией в соответствии с изложенными выше указаниями, были отклонены. По настоянию американской делегации и вопреки советским возражениям Советом Управляющих было решено, что текст документа об инспекторах является окончательно принятым Советом и направляется Генеральной Конференции для сведения. За это проголосовало 13 западных управляющих, против – 8 (социалистические страны, Индия, Индонезия, ОАР, Цейлон и Венесуэла). Мексика и Бразилия воздержались[20].

В апреле и июне 1961 г. Совет Управляющих вновь вернулся к рассмотрению документа об инспекторах и решил, что генеральный инспектор (так тогда назывался заместитель Генерального директора МАГАТЭ по департаменту гарантий) и инспекторы могут быть назначены только с одобрения Совета[21]. В июне того же 1961 г. Совет окончательно ввел в действие Документ об инспекторах МАГАТЭ[22].

Данный документ устанавливает порядок назначения инспекторов, определяет права и обязанности как инспекторов, так и государств, в которых они проводят инспекционную деятельность. Предусматривается, что правительство соответствующего государства может отклонить предложенную кандидатуру инспектора. При повторном отклонении кандидатуры возможно специальное рассмотрение этого вопроса в Совете Управляющих, что, конечно, может повлечь за собой нежелательные для данного государства политические последствия, связанные с публичным обсуждением его отказа принять инспектора.

В Документе об инспекторах регулируются также порядок уведомления государства о выезде инспекторов, порядок въезда их в страну и выезда из нее, получения в данной стране необходимого оборудования для

---

[19] Там же. Лл. 181–202.

[20] Там же.

[21] *Szasz Paul C.* The Law and Practices of the International Atomic Energy Agency. Legal Series N 7. Vienna: IAEA, 1970. P. 561.

[22] Док. МАГАТЭ GC(V)/INF/39.

проведения инспекции. Предусматривается и право государства выделять своих представителей для сопровождения инспекторов. Инспекторам предоставляются привилегии и иммунитеты, необходимые для выполнения их функций.

Первая инспекция состоялась спустя пять лет после создания Агентства, в 1962 г., когда инспекторы МАГАТЭ провели проверку норвежского исследовательского реактора нулевой мощности.

3. ПОВОРОТ СССР К ГАРАНТИЯМ

В 1962 г. Агентство приступило к практическому осуществлению гарантий и в ряде других стран – в Японии, Финляндии, а затем в Конго (Заире)[23], Пакистане, Югославии. Это были инспекции исследовательских реакторов небольшой мощности. В тот же период США добровольно согласились поставить под контроль МАГАТЭ четыре исследовательских реактора и заключили с Агентством соответствующее соглашение. Советский представитель выступал против заключения этого соглашения на том основании, что США бесконтрольно производят атомное оружие и постановка под контроль четырех реакторов создавала бы ложное впечатление, что США ставят под контроль свою атомную промышленность.

Однако уже строились энергетические реакторы большой мощности, в частности в Японии, ФРГ и целом ряде других стран. США вступили в соглашение с Агентством о постановке под гарантии крупного энергетического реактора "Янки". В этих условиях Совет Управляющих в феврале 1963 г. решил, что действующую систему гарантий, принятую для реакторов малой мощности – до 100 МВт (тепл.) (INFCIRC/26), следует распространить на реакторы любой мощности.

Советом была создана рабочая группа, в которой Советский Союз поначалу занимал неконструктивную позицию, поддерживая, по сути, обструкционистскую линию Индии. Постоянный представитель СССР при МАГАТЭ П.К. Пономаренко[24] в беседе с представителем Индии Дас Гуптой 3 апреля 1963 г. говорил:

> "Мы продолжаем считать, что с помощью гарантий Агентства западники и, в первую очередь, американцы хотят держать под своим контролем все научные исследования и использование атомной энергии в развивающихся странах ⟨...⟩.
>
> Если и принимать саму идею контроля, то она должна быть разумной. Инспекции на постоянной основе или любая слишком большая цифра инспекций в год, например 12, как это предлагают США, неприемлемы по политическим соображениям, связанным с суверенитетом развивающегося государства ⟨...⟩. Настойчивые попытки американцев установить большое число инспекций вызывается их недоверием к развивающимся странам, стремлением

---

[23] Ныне Демократическая Республика Конго.

[24] Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) – партийный и государственный деятель, в 1962–1964 гг. постоянный представитель при МАГАТЭ.

сохранять зависимость этих стран от империалистических монополий"[25].

В конфиденциальном письме на имя Пономаренко от 28 мая 1963 г. индийский представитель писал:

> "Я искренне радуюсь, что вы в общем также разделяете нашу точку зрения и согласны с нами в том, что всякое преждевременное и несоответствующее применение гарантий при нынешнем состоянии международной обстановки не приведет к выполнению их назначения. Наоборот, это может серьезно помешать прогрессу мирного использования атомной энергии в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Исходя из этого я беру на себя смелость считать, что в наших общих интересах изучить вопрос более тщательно прежде чем Советом Управляющих или на Генеральной конференции будут предприняты дальнейшие действия"[26].

Тем не менее в советской позиции по гарантиям уже намечались перемены. Собравшаяся в июне 1963 г. рабочая группа Совета Управляющих рассмотрела и одобрила новую версию документа INFCIRC/26, хотя на Совете и высказывались сомнения в целесообразности такого шага, учитывая, что крупные реакторы производят большие количества плутония и поэтому требуется более радикальный пересмотр системы гарантий.

Состоявшийся вскоре – в том же июне 1963 г. – Совет Управляющих единодушно постановил распространить INFCIRC/26 в предварительном порядке на более мощные реакторы и провести общий пересмотр всей системы гарантий. Управляющий от СССР Емельянов **впервые** энергично поддержал систему гарантий Агентства. Как писал присутствовавший на заседании управляющий от Франции Гольдшмидт, Емельянов заявил "перед изумленной аудиторией, что ⟨...⟩ Советский Союз всегда рассматривал применение гарантий в качестве наиболее важной задачи Агентства"[27].

В феврале следующего года Совет одобрил пересмотренный вариант Документа о гарантиях (INFCIRC/26/Add.1) и учредил рабочую группу под председательством Рандерса для широкого пересмотра системы гарантий. Вместе с Емельяновым автор участвовал в заседаниях рабочей группы. Делегация имела поручение ЦК КПСС, подготовленное МИДом и Минсредмашем и подписанное Кузнецовым и председателем Государственного Комитета по использованию атомной энергии СССР А.М. Петросьянцем, вести дело к улучшению системы гарантий МАГАТЭ, поскольку эта система направлена на то, чтобы затруднить распространение ядерного оружия, и соответствует нашей установке на предотвращение дальнейшего расползания такого оружия.

---

[25] АВП РФ. Ф. 047, оп. 9, п. 102, д. 7, лл. 14–15.

[26] Там же. П. 104, д. 32, л. 65.

[27] *Goldschmidt Bertrand.* Le Complexe Atomique. P.: Fayard, 1980. P. 404.

При конструктивном сотрудничестве со стороны Советского Союза в 1964–1965 гг. рабочей группой Рандерса была разработана и в феврале 1965 г. в предварительном порядке принята Советом, а в сентябре того же года единодушно утверждена Генеральной Конференцией на своей сессии в Токио новая система гарантий, применимая к реакторам любой мощности (INFCIRC/66). На состоявшемся сразу же после конференции заседании Совета Управляющих документ по гарантиям был официально введен в действие.

Изменение подхода Советского Союза к гарантиям, как отмечал американский специалист по МАГАТЭ и его системе гарантий Лоуренс Шайнмэн, "не только способствовало развитию политики Агентства в отношении гарантий, но и прибавило легитимности системе гарантий Агентства". Он отмечал далее: "Пересмотренная система составила первую программу международных инспекций, взаимно поддерживаемую и Востоком, и Западом. Эта солидарность твердо сохраняется и сегодня"[28]. Это было написано в 1987 г., но с полным основанием данный вывод можно отнести и к настоящему периоду.

После принятия документа о гарантиях в отношении реакторов любой мощности возник вопрос о его распространении на заводы по химпереработке отработавшего топлива и по изготовлению ядерного топлива. Советский Союз активно поддержал проведение и этой работы. Представитель СССР при МАГАТЭ Г.П. Аркадьев в беседе с представителем Швеции бароном Лагерфельтом 18 марта 1966 г. сообщил, что Советским Союзом в этом вопросе "сделан значительный шаг вперед в том смысле, что советская сторона, которая в свое время не считала целесообразным обсуждать этот вопрос, согласилась ныне на рассмотрение этого вопроса в специальном комитете"[29].

Следует отметить, что Индия упорно возражала против распространения гарантий на заводы по химпереработке и проводила интенсивную закулисную работу в этом направлении. Так, представитель Индии Джа в беседе с представителем Чехословакии Богушом Вахатой (о чем тот поставил в известность Аркадьева) пытался убедить последнего, что социалистические страны "неосновательно опасаются того, что Западная Германия якобы стремится к агрессивным реваншистским действиям". Со своей стороны, Аркадьев, разъясняя Вахате советскую позицию, указал на то, что "в вопросе целесообразности рассмотрения в комитете вопроса о распространении гарантий и контроля МАГАТЭ на заводы Советский Союз, как нужно надеяться, и другие социалистические страны, займет позицию, исходя из того тезиса, что мы можем иметь подход к этой проблеме, отличающийся от позиции некоторых развивающихся стран. Мы заинтересованы в разработке документа, на основе которого мог бы осуществляться контроль над предприятиями облученного топлива в неядерных державах. Рассмотрение этого вопроса полезно и в плане ведущихся в Женеве переговоров в Комитете 18-ти по

---

[28] *Scheinman Lawrence*. The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Wash. (D.C.): Resources for the Future, 1987. P. 37.

[29] АВП РФ. Ф. 047, оп. 12, п. 128, д. 9, л. 41.

заключению соглашения о нераспространении ядерного оружия"[30]. В июне 1966 г. документ о гарантиях был дополнен положениями, относящимися к заводам по химпереработке отработавшего топлива (INFCIRC/66/Rev.1).

Следующим этапом было распространение системы гарантий на заводы по изготовлению ядерного топлива. Рабочая группа МАГАТЭ рассмотрела этот вопрос в ноябре 1967 г. На заседаниях группы советская делегация решительно отстаивала необходимость строгого контроля, учитывая характер подвергаемых гарантиям объектов. Она полностью поддержала проект соответствующего документа, подготовленного Секретариатом Агентства. В частности, она выступила против предложения ЮАР, поддержанного ФРГ, Японией и Индией, о том, чтобы гарантии распространялись не на сами заводы, а только на находящиеся на них ядерные материалы. Руководитель делегации Аркадьев сослался при этом на то, что предложение ЮАР расходится с ранее принятым документом о гарантиях в отношении заводов по химпереработке. Советскую позицию поддержали США, Чехословакия и Аргентина, предложение ЮАР было отклонено[31].

Эксперт от ФРГ Хефеле внес предложение о том, чтобы инспекции на заводах по изготовлению топлива осуществлялись только в **ключевых местах**, т.е. в основном на входе и выходе с предприятий и в пунктах между производственной зоной и зоной хранения, причем контроль осуществлялся бы преимущественно с помощью приборов. Однако делегации СССР, США и Англии выступили с возражениями, и предложение Хефеле было отклонено[32]. Проект, подготовленный Секретариатом, был принят при минимальных поправках и в июне 1968 г. утвержден Советом Управляющих. В сводной форме Документ о гарантиях получил индекс INFCIRC/66/Rev.2.

В таком виде указанная система гарантий Агентства действует и поныне применительно к **отдельным** атомным объектам, в отношении которых между Агентством и соответствующими странами заключены соглашения, одобренные Советом Управляющих.

Активно поддерживая применение гарантий в неядерных странах – получателях помощи, Советский Союз в тот период возражал против установления контроля МАГАТЭ над отдельными ядерными объектами на своей территории, как это было сделано США и Англией. В феврале 1964 г. председатель КАЭ США Сиборг обратился с письмом к А.М. Петросьянцу с предложением последовать примеру США, которые поставили под гарантии Агентства четыре небольших реактора и выразили готовность распространить гарантии на крупный энергетический реактор "Янки". Сиборг мотивировал свое обращение тем, что совместные действия двух стран (он назвал в качестве возможного советского шага постановку под гарантии Ново-Воронежского реактора) были бы "поддержкой Агентства" и содействова-

---

[30] Там же. Лл. 63–66.

[31] Там же. Оп. 13, п. 137, д. 31, лл. 153–154.

[32] Там же. Лл. 155–156.

ли бы "укреплению усилий Агентства по разработке удовлетворительных мер по гарантиям"[33].

Ответ советской стороны был отрицательным. Петросьянц писал Сиборгу:

> "Какой же смысл отрабатывать сейчас методику контроля на советском и американском реакторах, если само установление данного контроля не может быть приемлемо в предлагаемых США условиях, т.е. без осуществления разоружения?
>
> ⟨...⟩ Мы думаем, ⟨...⟩ что система гарантий МАГАТЭ может с успехом проверяться и отрабатываться на тех объектах, которые могут строиться в рамках оказания помощи по линии самого Агентства"[34].

Во время визита в Москву Генерального директора МАГАТЭ Зигварда Эклунда в апреле 1964 г. он в беседе с Петросьянцем также зондировал возможность постановки под гарантии одного из советских реакторов, но получил аналогичный ответ[35]. В июле 1965 г. директор отдела в Департаменте гарантий и инспекций Секретариата Агентства Слободан Накиченович (Югославия) в беседе с советниками советского представительства П.И. Федосимовым и В.И. Ивановым вновь затронул этот вопрос, но получил тот же ответ[36].

В ноябре 1966 г. Накиченович вновь обращается к советскому представителю в Вене – на этот раз с "личным и конфиденциальным" письмом. Он предлагает провести на Ново-Воронежской АЭС разработку практических методов и процедур применения гарантий в отношении водо-водяных реакторов. При этом "работа будет носить только научно-исследовательский характер и никоим образом не связывается с постановкой под гарантии установок, на основе которых такие процедуры разрабатываются". Накиченович сообщил, что со стороны Агентства координировать эту работу и непосредственно участвовать в ней будет советский сотрудник Департамента гарантий и инспекций В.М. Шмелев, который как руководитель группы исследований и разработок департамента отвечает за эту работу[37].

Через некоторое время советские организации положительно откликнулись на это предложение. В марте 1967 г. Накиченович и Шмелев посетили СССР, где заместитель министра среднего машиностроения и одновременно первый заместитель Председателя Госкомитета по использованию атомной энергии И.Д. Морохов сообщил Накиченовичу, что в Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова рассматривается предложение о заключении научно-исследовательского контракта с Агентством о разработке методов гарантий на базе Ново-Воронежской АЭС. Он сказал также, что госкомитет в принципе положительно относится к этому

---

[33] Там же. Оп. 10, п. 116, д. 42, лл. 81–82.
[34] Там же. Лл. 83–84.
[35] Там же. Д. 43, лл. 17–18.
[36] Там же. Оп. 11, п. 121, д. 11, л. 85.
[37] Там же. Оп. 12, п. 128, д. 9, лл. 124–129.

предложению и к возможности направления в Москву двух-трех сотрудников Агентства по вопросам, связанным с исполнением контракта, если он будет заключен[38]. Морохов официально информировал Эклунда в Вене 21 июля 1967 г. о принятом положительном решении[39].

В дальнейшем на Ново-Воронежской АЭС интенсивно осуществлялась разработка процедур гарантий для энергетических реакторов типа ВВЭР-440, регулярно проводились курсы по подготовке инспекторов Агентства для применения гарантий на таких реакторах, строившихся в ряде социалистических стран, а также в Финляндии. Однако официально Советский Союз объявил о добровольном согласии на постановку под гарантии Агентства некоторого числа советских энергетических и исследовательских реакторов значительно позже – только в 1982 г. в выступлении Громыко на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению[40]. Соответствующее соглашение с МАГАТЭ было подписано в 1985 г.

В 1966–1967 гг. деятельность МАГАТЭ в области гарантий быстро развертывалась. Так, если в январе 1966 г. под гарантиями Агентства находилось 46 атомных установок в 21 стране, то к сентябрю 1967 г. число контролируемых реакторов возросло до 65 в 29 странах[41]. Эту деятельность Советский Союз и его союзники по Варшавскому договору полностью поддерживали, рассматривая ее в качестве важного положительного фактора в деле предотвращения дальнейшего расползания ядерного оружия[42].

На X сессии Генеральной конференции Агентства (1966 г.) ЧССР и ПНР, а также ГДР, которая тогда еще не была членом МАГАТЭ, заявили о готовности поставить под гарантии Агентства свои атомные установки, если так же поступят неядерные страны НАТО и в первую очередь ФРГ. ЧССР объявила, что, стремясь способствовать решению важной задачи МАГАТЭ – обеспечению гарантий с тем, чтобы нельзя было злоупотреблять ядерной энергией и использовать ее для военных целей, она готова принять гарантии в отношении своих атомных установок, включая атомные электростанции. ЧССР, руководствуясь интересами своей безопасности, обусловила это согласие тем, что гарантии МАГАТЭ в отношении всех своих установок примет и ФРГ[43]. Аналогичные заявления сделали правительства ПНР и ГДР[44]. На следующей сессии Генконференции с такими же заявлениями выступили делегации НРБ и ВНР.

Делегация СССР, приветствуя выступления своих союзников по Варшавскому договору, заявила на Генконференции: "Этот подход может внести существенно новый элемент в содержание работы Агентства в

---

[38] Там же. Оп. 13, п. 137, д. 32, лл. 115–122.

[39] Там же. П. 135, д. 7, л. 84.

[40] Сборник документов МИД СССР. Т. XXIV (1982). С. 101.

[41] Док. МАГАТЭ GC(XI)/OR. P. 7.

[42] *Тимербаев Р.М.* Контроль за ограничением вооружений и разоружением. М.: Междунар. отношения, 1983. С. 135.

[43] Док. МАГАТЭ GC(X)/OR.104.

[44] Док. МАГАТЭ GC(X)/OR.103 и GC(X)/INF.91.

области гарантий. Заявления социалистических государств демонстрируют добрую волю этих стран, их искреннее стремление к тому, чтобы гарантии, охватив более широкий круг неядерных государств, способствовали предотвращению использования атомной энергии для военных целей. Постановка под гарантии МАГАТЭ существующих установок в ФРГ могла бы явиться определенным препятствием при использовании ею своего атомного промышленного потенциала в целях создания ядерного оружия"[45].

Инициатива ряда центрально- и восточноевропейских стран, направленная на расширение сферы действия системы гарантий Агентства и против обособленной контрольной системы Евратома, встретила понимание со стороны членов МАГАТЭ, что нашло свое отражение в заявлении Генерального директора Агентства Эклунда на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 22 ноября 1966 г. о том, что принятие указанного предложения приведет к "большей универсальности системы гарантий Агентства"[46]. В беседах с советской делегацией американцы, в том числе глава делегации США Сиборг, также положительно отзывались об инициативе социалистических стран. Сиборг сказал, что США оказывают нажим на ФРГ и другие члены Евратома в направлении принятия гарантий МАГАТЭ[47].

Представитель ФРГ заявлял, однако, что Западная Германия уже находится под эффективным международным контролем, имея в виду гарантии Евратома. В беседах с советскими представителями он, вместе с тем, утверждал, что Бонн намерен серьезно рассмотреть вопрос о постановке хотя бы одной атомной установки под гарантии Агентства[48]. Представители Бельгии и Нидерландов доверительно информировали поляков, что обе страны готовы пойти навстречу соцстранам и поставить свои ядерные установки под гарантии международной организации[49]. Эти заявления, однако, не были поддержаны политическим руководством соответствующих стран, и на практике ядерные объекты ФРГ и других стран – членов Евратома были поставлены под гарантии МАГАТЭ только после их присоединения к ДНЯО.

Здесь мы говорили о развитии контроля за **отдельными** атомными объектами на основе системы гарантий INFCIRC/66/Rev.2. Что касается контроля за **всей** ядерной деятельностью в странах, не обладающих ядерным оружием, то для этой цели уже после заключения ДНЯО в 1970–1971 гг., в соответствии с положениями статьи III этого договора, была разработана новая система гарантий, которую называют полноохватной (full-scope), или всеобъемлющей (comprehensive) (док. МАГАТЭ INFCIRC/153).

Советский Союз проявил инициативу в создании специального комитета Совета Управляющих для выполнения этой задачи[50]. В ходе работы

---

[45] Док. МАГАТЭ GC(X)/OR.104.
[46] Док. ООН A/PV.1474. P. 8.
[47] АВП РФ. Ф. 047, оп. 12, п. 131, д. 34, л. 32.
[48] Там же.
[49] Там же. Л. 48.
[50] Там же. Оп. 14, п. 140, д 5, лл. 1–3.

комитета делегации СССР, США и Англии, тесно сотрудничая, проводили линию на установление более строгой системы, вопреки возражениям и противодействию таких стран, как ФРГ, Япония и некоторые другие.

Существует немало предположений и спекуляций относительно того, что́ послужило причиной изменения Советским Союзом в 1963–1964 гг. своего скептически-критического отношения к гарантиям и его активного включения в работу по усовершенствованию и усилению системы гарантий Агентства. Так, управляющий от Франции Гольдшмидт высказывал предположение, что главной причиной была наступившая после Карибского кризиса 1962 г. разрядка в советско-американских отношениях, которая подтолкнула обе основные ядерные державы к заключению в 1963 г. договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой[51]. Профессор Лоуренс Шайнмэн тоже связывает сдвиги в советской позиции с заключением этого договора[52]. Дэвид Фишер, многие годы руководивший отделом внешних сношений Агентства и бывший помощником Генерального директора МАГАТЭ, придерживался мнения, что поворот в отношении СССР к гарантиям произошел по той причине, что Советский Союз "обжогся", помогая КНР ковать ядерное оружие, но в последний момент – в 1959 г. – передумал из-за опасений, как бы это оружие не было использовано против "самого благодетеля"[53].

В действительности (а мне довелось быть непосредственным свидетелем процесса пересмотра советского отношения к гарантиям Агентства и выработки нашей более конструктивной позиции) причины перемены в подходе к ним руководства СССР лежат главным образом в том, что Москва в начале 60-х годов стала проявлять все большую озабоченность ускоренным развитием ядерной энергетической промышленности ФРГ. Достаточно сослаться хотя бы на то, что, по данным Лондонского института стратегических исследований, атомные энергетические установки Западной Германии нарабатывали к 1966 г. плутоний в количествах, достаточных для производства свыше 60 бомб мощностью 20 кт[54].

В начале 1964 г. МИД СССР специально запрашивал Госкомитет по использованию атомной энергии СССР об имеющихся у него данных относительно развития атомной энергетики в Западной Германии. В марте был получен ответ, в котором приводились детальные сведения о количестве, мощности, типе, других характеристиках германских исследовательских и энергетических реакторах. Особое внимание обращалось на соглашение, заключенное фирмой "Сименс" с Комиссариатом по атомной энергии Фран-

---

[51] *Goldshmidt Bertrand*. Op. cit. P. 176.

[52] *Scheinman Lawrence*. Op. cit. P. 37.

[53] В дальнейшем Фишер изменил свое мнение. В 1997 г. он писал: "⟨...⟩ Нет сомнения, что подоплекой перемены позиции была советская озабоченность по поводу Федеративной Республики Германии и ее развивающейся ядерной программы. Стало ясным, что более строгие международные гарантии будут отвечать интересам Советского Союза, даже несмотря на то, что в 1963 году отнюдь не было уверенности, что гарантии МАГАТЭ когда-либо будут применяться в ФРГ (*Fischer David*. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna: IAEA, 1997. P. 251–252).

[54] *Beaton L*. Must the Bomb Spread? L., 1966. P. 92–95.

ции о строительстве реакторов на природном уране с графитовым и тяжеловодным замедлителями[55].

Другим важным обстоятельством, которое также учитывалось, было то, что ядерная деятельность ФРГ и других западноевропейских стран находилась вне контроля МАГАТЭ и под гарантиями только Евратома, к которому Советский Союз относился тогда с недоверием. В аналитическом материале "ФРГ и гарантии Евратома", подготовленном в МИДе СССР в мае 1966 г., отмечалось, что для ФРГ значение Евратома состоит в том, что он потенциально может открыть путь для налаживания производства ядерного оружия. "Даже при наличии формального запрещения производства ядерного оружия в ФРГ последняя может через свое участие в Евратоме создать необходимую научно-техническую и производственную базу для перехода к военному производству", – говорилось в данном документе[56].

В дальнейшем, во время переговоров по ДНЯО, поднимавшийся Соединенными Штатами (в основном с подачи стран Евратома) вопрос об использовании гарантий Евратома наряду с гарантиями МАГАТЭ был одним из основных камней преткновения при согласовании статьи III о контроле (см. гл. 8).

Советский Союз не мог не испытывать озабоченности и в отношении целого ряда других государств, например Японии, где также быстро развивалась атомная деятельность. И хотя к ней применялся контроль Агентства, но все же полной гарантии от возможного переключения ядерных материалов на военные цели это не давало. Отсюда – и заинтересованность Советского Союза в усилении системы гарантий Агентства, которая стала проявляться с 1963–1964 гг.

Разумеется, и общая эволюция международной обстановки после разрешения Карибского кризиса 1962 г. в сторону смягчения напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами, заключение в 1963 г. Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах также в определенной мере содействовали изменению подхода СССР к гарантиям МАГАТЭ в положительную сторону[57].

---

[55] АВП РФ. Ф. 047, оп. 10, п. 116, д. 42, лл. 85–87.

[56] Там же. Оп. 12, п. 131, д. 34, л. 68.

[57] На это справедливо обратили внимание Харальд Мюллер, Дэвид Фишер и Вольфганг Кёттер (*Müller Harald, Fischer David, Kötter Wolfgang*. Nuclear Non-Proliferation and Global Order / SIPRI Publucation. Oxford Univ. Press, Oxford: 1994. P. 17).

Глава 6

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ И ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ МНОГОСТОРОННИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ НАТО

В начале 60-х годов, как было показано в гл. 4, образовался широкий международный консенсус в пользу заключения международного соглашения о предотвращении дальнейшего распространения ядерного оружия. В мире появились четыре ядерные державы – США, СССР, Англия и Франция, а пятая – Китайская Народная Республика – вот-вот должна была произвести свой первый испытательный ядерный взрыв. Таким образом, все постоянные члены Совета Безопасности стали бы и обладателями ядерного оружия[1].

В складывавшихся условиях все более очевидной становилась объективная необходимость поставить предел расширению "ядерного клуба". Ведь целый ряд стран к тому времени уже располагал техническим потенциалом для создания собственного ядерного оружия. Был в основном подготовлен и необходимый контрольный механизм, способный осуществлять международный контроль за ядерной деятельностью государств – система гарантий МАГАТЭ.

Однако благоприятные возможности не были тогда своевременно использованы, и заключение ДНЯО затянулось более чем на пять лет. И это из-за того, что некоторые влиятельные правительственные инстанции США выдвинули планы создания так называемых многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС), которые США продвигали с конца 1960 г. до середины 1966 г. при активной поддержке ФРГ. По выражению Питера Клаузена, одного из исследователей американской политики в области нераспространения ядерного оружия, Соединенные Штаты, выдвинув план МЯС, "сделали зигзаг в развитии своей ядерной политики"[2].

Председатель Комиссии США по атомной энергии с 1961 по 1971 г., лауреат Нобелевской премии Глени Сиборг, один из крупнейших американских химиков, участвовавший в открытии нового химического элемента, пригодного для создания ядерного оружия, – плутония, так объясняет побудительные мотивы, которыми руководствовались сторонники МЯС, в течение ряда лет продвигавшие идею создания "флотилии", обреченной на то, чтобы "никогда не выйти в море":

---

[1] Точности ради заметим, что законные права КНР в ООН были восстановлены только в 1971 г.

[2] *Clausen Peter A.* Nonproliferation and the National Interest / Harper Collins College Publishers. N.Y., 1993. P. 70.

"1. Предполагаемая военная угроза развертывания Советским Союзом ракет средней дальности, нацеленных на Западную Европу.

2. Необходимость поддержания сплоченности союзников перед лицом советской угрозы и уменьшения их уверенности в том, что после того, как был запущен спутник, США будут способны обеспечить их защиту.

3. Понимание того, что основные западноевропейские страны, возродившие свою экономическую и политическую мощь – и в первую очередь Германия, – стремились играть бо́льшую роль при планировании использования ядерного оружия для их обороны.

4. Стремление США предотвратить появление новых независимых ядерных держав, которые могли бы нацеливать ракеты средней дальности на Советский Союз, а также воспрепятствовать тому, чтобы другие страны – и опять же в особенности Германия – вступили в сотрудничество с Францией в области ядерного оружия.

5. Желание США поощрять движение в направлении объединения Европы.

6. Желание США создать альтернативу, которая могла бы со временем подтолкнуть Англию и Францию к отказу от всего независимого ядерного сдерживающего средства.

7. Стремление США побудить своих союзников нести большую долю финансового и военного бремени взаимной обороны"[3].

Сиборг изложил доводы в пользу МЯС, выдвигавшиеся сторонниками их создания на различных этапах длительного рассмотрения плана, подчеркнув их стремление исключить появление в Европе дополнительных **независимых** ядерных государств, которые угрожали бы сохранению статус-кво на континенте. Своего отношения к МЯС (в целом отрицательного) он здесь не раскрывал. Он оставил в стороне и еще один важнейший фактор – отношение к плану МЯС со стороны Советского Союза, но и не только его, а некоторых влиятельных союзников США по НАТО – прежде всего Франции, но также и Англии – двух других ядерных держав, входивших в Североатлантический союз. Но об этом ниже. Рассмотрим вначале, как разрабатывался план создания МЯС и как проходило его рассмотрение в Вашингтоне и других натовских столицах.

Идея "поделиться атомными секретами с доверенными союзниками" обсуждалась в Вашингтоне начиная с 1958–1959 гг. Эрнест Лефевер, консультант сенатора Хуберта Хэмфри (в дальнейшем вице-президента страны) по внешнеполитическим вопросам, информировал своего шефа в июле 1958 г., что такое предложение рассматривается администрацией и встречает широкую поддержку[4].

---

[3] *Seaborg Glenn T.* with *S. Loeb Benjamin*. Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington (MA); Toronto: Lexington Books, 1987. P. 83–84. (В дальнейшем: *Seaborg Glenn T.*).

[4] Memorandum of E.W. Lefever to Senator Humphry, July 8, 1959, Hoover Institution Archives. Palo Alto (CA). Ernest W. Lefever Collection. Box 18.

В августе 1959 г., еще до первого французского ядерного испытания, верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО американский генерал Лорис Норстэд выдвинул идею передать часть ядерного оружия непосредственно под контроль НАТО и таким образом превратить блок в "четвертую ядерную державу", где атлантические союзники могли бы на равных сотрудничать в оперативном использовании этого оружия[5]. Летом 1960 г. Норстэд и генеральный секретарь НАТО бельгиец Поль-Анри Спаак поставили перед администрацией США вопрос о том, что европейские члены альянса хотели бы принимать большее участие в ядерных делах. Генерал Норстэд, которого в ФРГ считали сторонником атомного вооружения Западной Германии, был, однако, освобожден президентом Кеннеди с натовского поста в конце 1962 г. Выступая в Вашингтоне 14 января 1963 г. уже в качестве частного лица – президента Атлантического Совета США, Лорис Норстэд конкретизировал свою идею, предложив создать в рамках НАТО исполнительный орган в составе ядерных держав – США, Англии и Франции, который принимал бы решения о применении ядерного оружия. ФРГ, учитывая ее размеры и военную мощь, согласно его предложению, должна была бы принимать участие в деятельности исполнительного органа[6].

Очередной попыткой продвинуть вперед партнерство в атомной области в рамках НАТО явилось предложение министра обороны США Томаса Гейтса на совещании министров обороны стран – членов НАТО (31 марта–1 апреля 1960 г.). Он предложил создать ракетно-ядерные силы Североатлантического блока на базе ракет "Поларис". В качестве конечной цели намечалось размещение на европейском континенте 300 ракет на подвижных пусковых установках. Каждая страна – участница блока должна была выделить национальные команды для укомплектования ракетных расчетов. На США возлагалось обеспечение ядерными боеголовками ракет. За президентом США сохранялось исключительное право отдавать приказ о запуске ракет. Предполагалось организовать производство ракет "Поларис" (без боеголовок) и в Западной Европе[7].

Затем за дело взялось по поручению госсекретаря Кристиана Гертера управление внешнеполитического планирования госдепартамента под руководством Роберта Боуи, который и разработал первоначальный план МЯС. Эйзенхауэр формально не утверждал доклад, подготовленный Боуи, но госдепартамент приступил к его осуществлению как если бы президент одобрил его[8].

План был официально представлен госсекретарем Гертером на Совете министров НАТО в декабре 1960 г. Он предусматривал передачу блоку пяти подводных лодок, оснащенных 80-ю ракетами "Поларис", при понимании, что будет разработана система многостороннего контроля. В

---

[5] *Давыдов В.Ф.* Нераспространение ядерного оружия и политика США. М.: Наука, 1980. С. 28.

[6] Hoover Institution Archives, Atlantic Council of the U.S. Collection. Box 203.

[7] New York Times. 1960. June 25. Цит. по: *Калядин А.Н.* Проблемы запрещения испытаний и распространения ядерного оружия. М.: Наука, 1976. С. 146–147.

[8] *Botti Timothy J.* Ace in the Hole. Why the United Stated Did Not Use Nuclear Weapons in the Cold War, 1945–1965. Westport (CT.); L.: Greenwood Press, 1996. P. 134.

дальнейшем число ракет возрастет до 200. Гертер высказался также за то, чтобы другие страны – члены НАТО в качестве своего вклада в атлантические ядерные силы приобрели 100 ракет "Поларис", которые находились бы в коллективном владении и под коллективным контролем и располагались бы на подводных лодках, надводных кораблях или на суше. Ракетные расчеты для этих сил укомплектовывались бы на многосторонней основе.

Как считает американский исследователь Тимоти Ботти, "европейцы никогда не испытывали большого энтузиазма в отношении варианта натовских сил морского базирования". Немцы, итальянцы и турки предпочитали размещение наземных ракет средней дальности на основе принципа "двойного ключа", как это было согласовано для Англии[9]. Из стран НАТО лишь ФРГ и Италия высказали определенный интерес к плану МЯС, и с приходом к власти в начале 1961 г. администрации Кеннеди Соединенные Штаты значительной активности в отношении МЯС не проявляли. Рассмотрение плана Гертера было приостановлено.

Выступая в парламенте Канады 17 мая 1961 г., новый президент подтвердил готовность выделить для НАТО пять или более атомных подводных лодок, оснащенных ракетами "Поларис", которые могли бы использоваться по решению президента США. Кеннеди обусловил поддержку проекта создания коллективных ядерных сил выполнением американского требования об увеличении другими членами НАТО численности обычных вооружений в соответствии с новой доктриной "гибкого реагирования".

Правительство Кеннеди с момента прихода к власти и до конца 1962 г. не имело, однако, четкой линии в вопросе о ядерных силах НАТО и пыталось даже снять его с повестки дня. Затем, согласившись на его обсуждение, заняло пассивную, выжидательную позицию, стремясь найти другие пути и средства для укрепления Североатлантического союза и утверждения американского лидерства в нем. Только в конце 1962 г. под влиянием заместителя госсекретаря Джорджа Болла и нового директора управления планирования Уолта Ростоу Кеннеди официально одобрил план МЯС.

Следующим важным этапом в развитии концепции многосторонних сил была встреча Кеннеди с британским премьер-министром Макмилланом в Нассау (Багамские о-ва) в декабре 1962 г., в ходе которой американский президент согласился предоставить Англии ракеты "Поларис" вместо обещанных ранее "Скайболтов" (двухступенчатых баллистических ракет воздушного базирования, предназначавшихся для английских бомбардировщиков "V"), которые были сняты с разработки и производства из-за выявившихся технических недостатков. Со своей стороны Макмиллан поддержал МЯС, хотя и в довольно общей форме[10]. А присутствовавший на встрече английский министр иностранных дел Алек Дуглас-Хьюм (премьер-министр в 1963–1964 гг.) заявил, что невозможно держать 15 на-

---

[9] Ibid. P. 172.

[10] Подробно об американской позиции по МЯС см.: *Митяев В.Г.* Ядерная политика США в НАТО. М.: Междунар. отношения, 1973.

товских пальцев на "многостороннем курке", и потому идея МЯС по сути своей неразумна. Взамен он высказался за совместные американо-английские ядерные силы, к которым позднее присоединились бы французы[11].

Чтобы задобрить Францию, Кеннеди предложил "Поларисы" и де Голлю, но тот отверг американское предложение. Французский президент расценивал концепцию МЯС как "уловку", чтобы подчинить национальные ядерные сдерживающие средства американским командующим войсками НАТО. Это стало тем более неприемлемым для Франции после того, как Карибский кризис показал, что лидеры США недостаточно прислушиваются к своим западноевропейским союзникам, придавая больший приоритет американским интересам безопасности, чем европейским[12].

Французский президент подтвердил на пресс-конференции 14 января 1963 г. решимость Франции иметь независимые силы сдерживания. Предложение Кеннеди было расценено как неравноправное, поскольку, как отмечал Гольдшмидт, "Франция в течение ряда лет не будет обладать ни ядерными подлодками, способными нести ракеты, ни термоядерными боеголовками для них – в отличие от англичан, которые одни только получали американскую помощь в этом отношении"[13].

Тут трудности возникли и в самом Вашингтоне ввиду возражений против создания МЯС на основе передачи НАТО атомных подводных лодок. Оппозицию возглавил адмирал Хайман Риковер (один из инициаторов создания атомного подводного флота), которой считал, что размещение на них смешанных экипажей, пусть даже натовских, приведет к утечке важной секретной информации. Риковер, как свидетельствует специальный американский представитель на переговорах по МЯС Джерард Смит, разъяснил президенту, что атомная подлодка имеет три ключевых компоненты: судовой атомный двигатель, ракеты и систему коммуникаций. Он, Риковер, готов поделиться первыми двумя компонентами с союзниками, но, спросил адмирал президента, передаст ли тот шифрсвязь союзникам? После разговора с Риковером Кеннеди отклонил идею многостороннего подводного флота[14].

Поэтому весной 1963 г. было решено, что многосторонние ядерные силы будут представлять собой флотилию из 25 надводных судов, внешне похожих на торговые (merchant-type), каждое из которых будет нести по 8 ракет "Поларис А-3" дальностью 2500 миль. Суда будут иметь смешанные экипажи, состоящие из граждан не менее трех натовских государств. Ни одно государство не сможет вносить на общие расходы более 40% от общей суммы. США и Западная Германия взяли бы на себя по 40% расходов, а все другие участники – остальные 20%. Таким образом, ФРГ вносила бы почти 70% от европейской доли, при этом распределение должностей в командовании судов находилось бы в прямой зависимости от финансового взноса.

---

[11] *Botti Timothy*. Op. cit. P. 220.

[12] Ibid. P. 225.

[13] *Goldschmidt Bertrand*. The Atomic Adventure: Its Political and Technical Aspects. Oxford: Pergammon Press, 1964; Цит. по: *Seaborg Glenn T.* Stemming the Tide... P. 85.

[14] *Smith Gerard*. Disarming Diplomat. The Memoirs of Gerard Smith, Arms Control Negotiator. Lanham, N.Y.; L.: Madison Books, 1996. P. 132.

В марте 1963 г. западногерманский министр обороны фон Хассель выдвинул требование, чтобы среди командиров судов ядерного флота НАТО были не только американцы, но и немцы. По оценке МИД СССР, сделанной в связи с визитом в Вашингтон министра иностранных дел ФРГ Герхарда Шредера в сентябре 1963 г., «активизация переговоров о создании "многосторонних ядерных сил НАТО" явно происходит по инициативе Западной Германии»[15].

В организационном плане, как сообщалось в меморандуме госсекретаря Раска на имя председателя сенатского комитета по иностранным делам Фулбрайта от 17 августа 1964 г., предполагалось учредить международную организацию – Многосторонние силы (Multilateral Force), которая будет владеть союзным флотом, контролировать и укомплектовывать его[16]. Общие затраты на создание флота оценивались в 2,3 млрд долл., а содержание стоило бы 160 млн долл. в год[17].

Среди некоторых исследователей существует мнение, что Кеннеди не придавал большого значения созданию МЯС, они не были приоритетом в его внешней политике и что эти силы являлись детищем госдепартамента, который и проталкивал планы их создания. Как представляется, Кеннеди, во всяком случае, не был последователен в том, что касается продвижения идеи многосторонних сил. Однако эту точку зрения отрицает один из основных проводников концепции МЯС Смит, который в своих воспоминаниях утверждает, что именно президент в начале 1963 г. принял решение об ускорении переговоров по МЯС, направив эмиссара в Бонн для решающего разговора по данному вопросу с канцлером Аденауэром[18]. При этом, писал Смит в своих более поздних мемуарах, опубликованных в 1996 г., МЯС мыслились "именно с учетом требований установления контроля над вооружениями", поскольку, утверждает он, "многостороннее владение, комплектование и контроль над силами препятствовали бы какому-либо одному государству захватить контроль в свои руки"[19].

Самый главный вопрос – как будут приниматься решения об использовании ядерного оружия – формально оставался открытым. Американцы намеренно уходили от ответа на него, считая, что пока МЯС не созданы, решение вопроса может быть отложено. Вместе с тем, чтобы сделать предложение о МЯС более привлекательным, они давали понять, что со временем, скажем через 10 лет, США могут отказаться от права вето на применение ядерного оружия. Однако в циркулярной телеграмме госдепартамента посольствам США от 17 февраля 1964 г. разъяснялось, что применение ядерного оружия требовало бы согласия Соединенных Штатов[20].

---

[15] АВП РФ. Ф. 047, оп. 9, п. 103, д. 21, л. 84.

[16] LBJ Library. National Security File. Subject File. Box 23.

[17] Эти расчеты привел Дж. Смит на заседании Комитета Гилпатрика (Об этом комитете см. в гл. 7) 13–14 декабря 1964 г. См.: FRUS, 1964–1968, Vol. XI. P. 149.

[18] LBJ Library. Oral History Collection. Gerard C. Smith. AC 78–18. Interview I. P. 4–5.

[19] *Smith Gerard.* Op. cit. P. 135.

[20] LBJ Library, Administrative History of the State Department. Vol. I. Ch. 3 (Europe), Sec. A & B. Box I. Doc. b. 3. P. 2.

Тем временем англичане выдвинули альтернативный план создания атлантических ядерных сил (АЯС), которые состояли бы из **национальных** контингентов натовских государств, располагающих ядерным оружием. Британцы исходили из того, что АЯС будут находиться не в подчинении верховного главнокомандующего НАТО в Европе, а состоять под руководством особого органа, в котором ядерные державы сохраняли бы право вето в отношении применения этих сил. Со стороны англичан особо подчеркивалось, что они против того, чтобы когда-либо перейти к распоряжению этими силами на основе принятия решений большинством голосов[21]. Следует заметить, что еще в Нассау появились различия в подходах США и Англии к натовским ядерным силам, которые со временем стали все более и более ярко выраженными. Если администрация США предпочитала говорить о "многосторонних" силах, то англичане высказывались за "многонациональные" силы, в которых английское ядерное сдерживающее средство играло бы независимую роль.

Франция в противовес МЯС и АЯС выдвинула идею создания "европейских ядерных сил". Эту идею де Голль зондировал в переговорах с Аденауэром в сентябре 1963 г., заявив о готовности Франции включить в состав европейских сил французские национальные ядерные силы. В конце сентября того же года идею де Голля озвучил на Консультативной ассамблее Европейского Совета статс-секретарь министерства иностранных дел Франции Хабиб-Делонкль. Аденауэр выразил интерес к французскому предложению. Однако английское правительство, по данным МИД СССР, реагировало на него отрицательно[22].

Даже итальянцы не высказывали большого восторга относительно идеи смешанных экипажей. Чего они действительно хотели, так это установить "Поларисы" на своем крейсере "Гарибальди", что и было бы их вкладом в много*национальные* (а не много*сторонние*) силы[23].

Советский Союз с момента появления планов создания ядерных сил НАТО весьма оперативно дал им резко критическую оценку. В докладе на сессии Верховного Совета СССР 23 декабря 1960 г. Громыко заявил:

> «Превращение в "ядерную державу" НАТО на практике означало бы превращение в "ядерную державу" Западной Германии ⟨...⟩. Передача в распоряжение командования НАТО ядерно-ракетного оружия и допуск к этому оружию западногерманских милитаристов были бы преступлением против мира ⟨...⟩»[24].

В обстановке усиливавшегося "разброда" и "шатания" в стане НАТО по поводу МЯС Советский Союз стал разворачивать свои дипломатические и пропагандистские акции против МЯС. В ноте советского

---

[21] АВП РФ. Ф. 047, оп. 12, п. 130, д. 30, л. 115.

[22] См. сноску 15.

[23] *Botti Timothy*. Op. cit. P. 226.

[24] Правда. 1960. 24 дек. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. III (1959–1960). С. 913–914.

правительства правительству ФРГ от 5 февраля 1963 г., копии которой были направлены правительствам свыше 40 государств, говорилось:

> «Всем известно, что правительство ФРГ уже в течение ряда лет упорно подбирает ключи к ядерным арсеналам. Оно не скрывает того, что готово примкнуть к любому плану, будь то создание так называемых "многосторонних сил НАТО" или атомного партнерства на иной основе, лишь бы заполучить ядерное оружие в свое распоряжение. В свое время Гитлер связывал с атомным оружием расчеты на то, что ему удастся повернуть ход второй мировой войны. Он не смог овладеть этим оружием. Похоже, что определенным кругам в Западной Германии не терпится наверстать упущенное. Ради обладания ядерным оружием пускаются в ход все средства – от попыток шантажировать своих нынешних союзников до заведомо фальшивых заверений и обещаний ⟨...⟩.
>
> Советское правительство считает нужным заявить, что допуск бундесвера к ядерному оружию, независимо от формы такого допуска, – а сейчас на Западе усиленно обсуждается именно вопрос о форме допуска, – означал бы весьма серьезное обострение обстановки в Европе. Каким бы путем ядерное оружие ни попало в руки бундесвера, прямо или косвенно, Советский Союз рассматривал бы это как непосредственную угрозу своим жизненным национальным интересам и был бы вынужден незамедлительно принять необходимые меры, которые диктовались бы такой обстановкой»[25].

В ноте правительства СССР правительству США от 8 апреля 1963 г. (ноты аналогичного содержания были направлены правительствам Англии и Франции, а их копии – другим странам – участницам НАТО) указывалось:

> «В течение некоторого времени участники Североатлантического союза (НАТО) заняты разработкой планов создания объединенных ядерных сил этого блока. Как видно из опубликованных официальных заявлений, намечается собрать в один кулак, именуемый "многонациональными силами", ядерные формирования США и Англии вместе с соответствующими контингентами Федеративной Республики Германии и, возможно, ряда других участников НАТО. Имеется в виду создать далее специальные морские и ракетные ядерные силы, состоящие "в многостороннем владении и под многосторонним контролем". Особый упор делается на создание морских сил, вооруженных атомным оружием, включая надводные корабли, оснащенные ракетами "Поларис" и замаскированные под торговые суда ⟨...⟩.
>
> Какие бы окончательные формы ни приобрели планы создания

[25] Правда. 1963. 8 февр. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VI (1963). С. 35–36.

ядерных сил НАТО, – форму ли "многонациональных" или "многосторонних" сил, или же и тех и других вместе, – из того, что уже предано гласности, совершенно ясно одно – речь идет о намерении США и других держав НАТО открыть доступ к ракетно-ядерному оружию бундесверу и вооруженным силам других стран, еще шире раздвинуть рамки приготовлений к термоядерной войне и развязать не знающую ни государственных, ни географических границ гонку ракетно-ядерных вооружений ⟨...⟩.

Планы создания многосторонних ядерных сил НАТО, собственно говоря, и задуманы в расчете на то, чтобы удовлетворить все возрастающие запросы ФРГ. Ценой уступок милитаристским и реваншистским кругам ФРГ правительство США пробует разрешить противоречия внутри НАТО ⟨...⟩.

Представители США рисуют дело так, будто альтернативой многонациональным и многосторонним ядерным силам НАТО было бы создание Федеративной Республикой Германии своего собственного ядерного потенциала. Что же, выходит США и их союзники уже сейчас не в состоянии контролировать ход вооружения ФРГ и противостоять давлению и шантажу, исходящих из этой страны? Значит, логичен вывод, что после приобщения к ядерному оружию милитаристские круги ФРГ и подавно ни с кем в НАТО считаться не будут».

Советское правительство прямо обвинило в своей ноте западные державы в планах распространения ядерного оружия и предупредило:

"Если бы США, Англия и Франция пошли по пути распространения ядерного оружия, то Советское правительство, разумеется, было бы вынуждено сделать соответствующие выводы и принять с учетом новой обстановки такие меры, которые обеспечили бы поддержание на надлежащем уровне безопасности Советского Союза, его друзей и союзников ⟨...⟩"[26].

Мы привели столь пространные выдержки из обеих нот, поскольку после их опубликования в широкой прессе они были взяты на вооружение советской пропагандистской машиной и коммунистической и прокоммунистической прессой на Западе и успешно использованы против планов МЯС.

Американский посол в Москве Колер в телеграмме госсекретарю от 5 августа 1964 г. докладывал, что, по оценке посольства, Советский Союз "серьезно озабочен тем, что МЯС приближают день, когда ФРГ станет ядерной державой". "МЯС, – продолжал посол, – очевидно создадут проблемы военного характера для советских стратегов, но я склонен считать, что Советы еще более озабочены политическими последствиями. В конкретном плане они, вероятно, опасаются того, что обладание ядерным оружием усилит политические позиции Западной Германии, особенно в Центральной Европе"[27].

---

[26] Правда. 1963. 10 апр. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VI. С. 86–95.
[27] LBJ Library. National Security File. Subject File. Box 24.

В Вашингтоне тем временем продолжались внутренние дискуссии по поводу целесообразности или нецелесообразности продолжать оказывать давление на страны НАТО в пользу создания МЯС. И у Джона Кеннеди, и после его гибели у Линдона Джонсона, и у многих влиятельных представителей администрации, и у ряда конгрессменов продолжали оставаться сомнения в отношении создания МЯС. К ним, в частности, относились министр обороны Роберт Макнамара, Объединенный комитет начальников штабов, директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР) Уильям Фостер и др.

Так, по воспоминаниям Джерарда Смита, Фостер заявил на совещании у президента Джонсона 10 апреля 1964 г., обращаясь к президенту, что "если вы будете и дальше настаивать на МЯС, то вы должны знать, что это осложнит мои шансы договориться относительно соглашения о нераспространении ядерного оружия". Фостер особенно возражал против меморандума госдепартамента, в котором утверждалось, что МЯС не будут препятствовать заключению соглашений о разоружении. Он сказал, что, по его оценке, указанное утверждение "не совпадает с его представлениями, вытекающими из переговоров с Советами в Женеве"[28].

Другая партия – партия сторонников МЯС – тем не менее настойчиво продолжала отстаивать необходимость их создания. Адвокаты многосторонних сил были сосредоточены в основном в госдепартаменте, и их называли традиционалистами. Выдвигаемые ими аргументы сводились примерно к следующему. Заместитель госсекретаря Джордж Болл, говорил, например: "Те, кто утверждает, что мы слишком чувствительны к германским желаниям и озабоченностям и что мы должны стремиться к двустороннему взаимопониманию с Москвой, проповедуют опасный курс, который приведет к подобному же безрассудству, что и Версаль". Болл позднее признавался, что он "никогда не испытывал энтузиазма в отношении переговоров (о нераспространении ядерного оружия. – *Авт.*)"[29]. Руководитель управления внешнеполитического планирования госдепартамента Роберт Боуи, в свою очередь, заявлял: "Мы не должны отдавать в жертву общность Запада во имя символических соглашений с Советским Союзом"[30].

Выслушав обе стороны, Джонсон принял на совещании решение продолжить переговоры с европейскими союзниками. Но трудности с ними, прежде всего с французами и англичанами, не только оставались, но и усугублялись. Так, английское правительство выдвинуло новое требование: Англия, как и США, должна обладать правом вето на любое применение ядерного оружия многосторонними силами Североатлантического альянса. Посол США в Париже Чарльз Болен докладывал в Вашингтон после бесед с министром иностранных дел Кув де Мюрвилем, что, по мнению министра, включение Германии в МЯС "будет только подогревать аппетит немцев к ядерным делам" и что французы разделяют советскую точку зрения на этот счет[31].

---

[28] Цит. по: *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 99.

[29] LBJ Library. Oral History Collection. George W. Ball. Ac 88-3. Interview II. P. 28.

[30] *Clausen Peter.* Op. cit. P. 79.

[31] *Seaborg Glenn.* Op. cit. P. 103.

В этой ситуации канцлер ФРГ Эрхард на своей пресс-конференции 6 октября 1964 г. публично предложил, чтобы Германия и Соединенные Штаты на начальной стадии образования МЯС приступили к их созданию на **двусторонней** основе. Де Голль резко на это отреагировал, заявив, что в таком случае Франции придется пересмотреть свои взаимоотношения с ФРГ. Болен докладывал, что Франция будет препятствовать любым планам создания МЯС. В ноябре президент Франции еще раз выразил критическое отношение к многосторонним силам НАТО. Другие члены НАТО тоже высказали негативное отношение к немецкому предложению, и буквально спустя два дня после пресс-конференции германского канцлера госсекретарь Дин Раск поспешил опровергнуть предположения, что существует намерение рассматривать предложение Эрхарда.

И тем не менее в 1964 г. планы МЯС стали приобретать все более реальные очертания. США выделили эсминец-ракетоносец "Бидл" (затем получивший название "Клод В. Риккетс"), который должен был бы послужить прототипом кораблей со смешанным экипажем будущих многосторонних ядерных сил НАТО. В его экипаж вошли свыше 350 офицеров и матросов Западной Германии, Англии (что вызвало удивление многих наблюдателей), Италии, Нидерландов, Турции и Греции. Эсминец проходил морские испытания с октября 1964 г. по декабрь 1965 г. в Карибском море и в Атлантике.

В течение всего 1964 г. Советский Союз продолжал интенсивную и довольно результативную дипломатическую и пропагандистскую кампанию против многосторонних ядерных сил НАТО. Резкие возражения против МЯС содержались в Меморандуме правительства СССР о мерах, направленных на ослабление гонки вооружений и смягчение международной напряженности, внесенном в Комитете 18-ти государств по разоружению 28 января 1964 г., в выступлении представителя СССР в этом комитете В.А. Зорина 2 июля, в ноте правительства СССР правительству США от 11 июля, опубликованной в советской печати, в заявлениях ТАСС от 25 июля и 15 ноября, в Меморандуме правительства СССР о мерах по дальнейшему смягчению международной напряженности и ограничению гонки вооружений от 8 декабря, в докладе Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина на сессии Верховного Совета СССР 9 декабря и др.[32]

И в следующем, 1965 г., Советский Союз и его союзники по Варшавскому договору продолжали активную борьбу против многосторонних сил. Это нашло свое отражение в коммюнике Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора от 12 января 1965 г., в речи Л.И. Брежнева в Варшаве 8 апреля, в выступлении представителя СССР в Комиссии ООН по разоружению Н.Т. Федоренко 26 апреля, в речи министра иностранных дел СССР Громыко на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября и др.[33]

Как признавал Сиборг, "на Западе и даже в США советская позиция получила большую поддержку. Русские подвергались нападению со

---

[32] Сборник документов МИД СССР. Т. VII (1964). С. 16–21, 114–124, 132–135, 145–148, 249–255, 272–285, 285–288.

[33] Там же. Т. VIII (1965–1966). С. 6–10, 21–22, 32–47, 178–184.

стороны немцев дважды в течение одного поколения и, потеряв во второй мировой войне 20 миллионов человек, имели моральные основания добиваться гарантий того, что они вновь не подвергнутся вторжению". "Некоторые у нас вначале считали, – продолжал Сиборг, – что на возражения Советов могут быть даны убедительные ответы и с ними можно будет сговориться". Он сослался при этом в качестве примера на подобного рода оценку возможной реакции Советского Союза, сделанную Раском в его меморандуме на имя президента[34]. "Но в дальнейшем, по мере того, как Советы все чаще и настойчивее выступали (против МЯС. – *Авт.*), стало ясно, что это была слишком оптимистическая оценка"[35].

Серьезный удар по планам многосторонних сил нанесла Англия – ближайший союзник США. 7–8 декабря 1964 г. в Вашингтоне состоялась встреча Линдона Джонсона с лейбористским премьер-министром Гарольдом Вильсоном. Еще до начала переговоров администрации США стало известно, что Вильсон будет предлагать идею АЯС, которые состояли бы из трех-четырех подлодок с "Поларисами" и 8-ю эскадрильями бомбардировщиков типа "V" с английской стороны и соответствующего количества вооружений с американской стороны. Кроме того, в АЯС были бы включены размещенные в Европе наземные ракеты, в чем могли бы принять участие неядерные страны НАТО, включая ФРГ. Британский план, конечно, не мог бы иметь никакой привлекательности для немцев, поскольку он представлял бы собой соединение национальных ядерных сил, а ФРГ, не располагая такими силами, играла бы лишь незначительную роль в АЯС.

Перед встречей с Вильсоном Джонсон рассмотрел меморандум, подготовленный Хубертом Хэмфри, Раском, Макнамарой, Боллом, Банди и послом США в Англии Дэвидом Брюсом, в котором предлагалось, чтобы США поддержали в какой-то форме "АЯС плюс МЯС", в зависимости от того, о чем англичане договорятся с европейцами. Джонсон отклонил меморандум на том основании, что Соединенным Штатам не следует связывать себя формулой, ведущей к пересмотру существующих договоренностей в НАТО в ядерной области[36]. Кроме того, до приезда Вильсона Джонсон провел консультации с членами влиятельного Объединенного комитета конгресса по атомной энергии и убедился в серьезной оппозиции его членов планам МЯС.

В разговоре со своими советниками президент поставил "кардинальный" вопрос: как "продать" скептически настроенному сенату вызывающее споры предложение, по которому даже потенциальные европейские партнеры имеют разные мнения? "Я не хочу ради принципа стать Вудро Вильсоном и бороться во имя принципа, будучи не в состоянии добиться его реализации", – сказал Джонсон, имея в виду отказ сената

---

[34] Раск писал в меморандуме от 8 апреля 1964 г., что советская реакция будет "критической, но в ней не будет жара и пыла, которые обычно присутствуют, когда Советы действительно озабочены ⟨...⟩. Нет указаний на то, что МЯС мешают заключению соглашений, в пользу которых Советы выступали бы только при отсутствии МЯС, соглашений, которые были бы в наших интересах". Цит. по: *Seaborg Glenn.* Op. cit. P. 107.

[35] Ibid.

[36] *Geyelin Philip.* Lyndon B. Johnson and the World. N.Y.: Frederick A. Praeger, 1966. P. 167–168.

ратифицировать Устав Лиги Наций. Оппозиция в конгрессе исходила и от либералов, которым не нравилась даже мысль о том, чтобы дать немцам "хоть чуточку ядерной мощи", и от консерваторов, которые по-прежнему стремились цепляться за иллюзорную американскую атомную монополию. Когда Джонсону на совещании намекнули, что Фулбрайт поддерживает МЯС, он, как рассказывают, раздраженно заметил, что он лишь десять минут тому назад разговаривал с сенатором, и тот сказал, что он против. "Я не могу двигать войсками, если у меня их нет", – заключил президент[37].

Во время переговоров Джонсона с Гарольдом Вильсоном последний высказал возражения против многосторонних сил как военного, так и политического порядка, заявив также, что и в Европе существует оппозиция против того, чтобы "немцы когда-либо держали палец на ядерном курке"[38].

После переговоров Джонсон изменил тактику и вместо продолжения нажима на европейцев стал вести "разъяснительную" работу. Как считает Сиборг, концепция МЯС "так и не оправилась от удара, нанесенного ей в декабре 1964 г., и, как это определилось общим историческим консенсусом, тогда и наступила ее смерть"[39]. Ушли в отставку американский представитель при НАТО Томас Финлеттер и Джерард Смит, а возглавлявшийся последним отдел по многосторонним ядерным силам в госдепартаменте был ликвидирован.

Даже Западная Германия, по свидетельству Банди, советника по национальной безопасности президентов Кеннеди и Джонсона, утратила значительную часть своего былого энтузиазма в отношении МЯС. Будучи поначалу их ревностными сторонниками, немцы не очень поддерживали многосторонние силы в виде надводных судов, смущали их и возражения французов и англичан. Банди утверждает также, что провал планов МЯС не только не разжег немецкий интерес к ядерному оружию, а наоборот, привел к пониманию того, что следует придерживаться политики отказа от ядерного оружия[40].

И все же проект создания МЯС официально еще не был полностью забракован. После декабрьского решения президента госдепартамент дал указание американским послам в европейских столицах разъяснять, что МЯС – не живой труп, хотя вопрос об их создании теперь пусть решают союзники по НАТО. И еще в течение свыше полутора лет американская дипломатия продолжала держать открытой возможность создания натовских ядерных сил, в том числе и в ходе переговоров по договору о нераспространении ядерного оружия, предлагая такие формулировки, которые допускали бы передачу ядерного оружия неядерным странам на блоковой основе.

Дипломатические баталии по поводу планов МЯС продолжались и далее – вплоть до 1966 г. Так, 11 и 24 января 1966 г. Косыгин и Джонсон

---

[37] Ibid. P. 169–170.

[38] *Seaborg Glenn*. Op. cit. P. 126.

[39] Ibid. P. 129.

[40] *Bundy McGeorge*. Danger and Survival. Choices About the Bomb in the First Fifty Years. N.Y.: Random House, 1988. P. 495–496, 503–504.

обменялись посланиями, в которых вновь изложили противоположные позиции своих стран по вопросу о многосторонних ядерных силах НАТО.

Некоторые намеки на возможность отхода США от планов МЯС/АЯС появились в известной статье директора АКВР Фостера, опубликованной в журнале "Foreign Affairs" за июль 1965 г., которая была озаглавлена: "Новые ориентиры в контроле над вооружениями". Фостер высказывался в статье за прогресс в достижении разрядки между Востоком и Западом в области нераспространения ядерного оружия. Хотя статья была согласована с Раском, Макнамарой и Банди, она, как считает Сиборг, в основном скорее отражала мнение АКВР, чем общую точку зрения администрации США.

Фостер, по всей видимости, учитывал и позиции некоторых влиятельных членов Женевского комитета 18-ти из числа неприсоединившихся и нейтральных стран. Как писал член египетской делегации Мохамед Шакер, эти страны проявляли беспокойство в отношении планов создания многосторонних сил НАТО, хотя в то же время вели себя осторожно, чтобы не сложилось впечатление, что они принимают ту или иную сторону в этом вопросе. Тем не менее, когда на одном из заседаний Комитета в 1965 г. советский представитель заявил, что неприсоединившиеся страны решительно возражают против МЯС, те никаких опровержений не сделали[41].

Как отмечалось, после декабря 1964 г. вопрос о МЯС/АЯС официально между странами НАТО (не считая продолжавшихся дискуссий на рабочем уровне) на полном серьезе более не обсуждался. В марте 1965 г. советник президента Джонсона по национальной безопасности Банди подготовил меморандум, в котором затронул вопрос о том, не стоит ли рассмотреть "другие возможности координации в ядерной области" в рамках Североатлантического союза"[42].

И вскоре после этого, в конце мая 1965 г., Макнамара на заседании Совета министров обороны в Париже внес предложение об образовании группы ядерного планирования. Последовали продолжительные переговоры, и к осени 1966 г. было согласовано, что "комитет Макнамары", как его многие стали называть, будет состоять из семи стран – четырех постоянных членов (США, Англия, Германия и Италия) и трех чередующихся в порядке ротации. Группа официально приступила к работе в начале 1967 г.

Советское руководство критически реагировало на создание "атомного комитета". На заседании Верховного Совета СССР 8 декабря 1965 г. Громыко заявил:

> «Правительство СССР, сознавая свою ответственность за безопасность советского народа и свои обязательства в деле предотвращения германской агрессии, считает необходимым заявить, что если, вопреки существующим международным соглашениям, некоторые державы НАТО пошли бы на

---

[41] *Shaker Mohamed I.* The Nuclear Non-Proliferation Treaty. Origin and Implementation. 1959–1979. L.: Oceana Public. Inc., 1980. P. 167–168.

[42] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 172.

удовлетворение ядерных притязаний Федеративной Республики Германии, будь то в форме многосторонних или атлантических ядерных сил, на основе создания какого-то "атомного комитета" или в любой другой форме, то Советский Союз будет вынужден принять все меры, которые он вместе со своими союзниками и друзьями сочтет необходимыми для обеспечения мира в Европе»[43].

Выступая публично против создания группы ядерного планирования, Советский Союз, однако, не выдвигал образование этой группы в качестве препятствия для заключения договора о нераспространении ядерного оружия, как это было с МЯС/АЯС (см. гл. 7).

Между тем, предложив создать группу планирования, Соединенные Штаты еще в течение определенного времени все же не снимали вопроса о многосторонних силах, используя его в качестве "разменной карты" и в консультациях со своими союзниками, и в переговорах с Советским Союзом. Так, 9 июля 1965 г. Раск заявил послу ФРГ Кнапштайну, что "США никогда не соглашались и не соглашаются сейчас с советской точкой зрения, что МЯС имеет какое-либо отношение к распространению". Он, правда, добавил, что "если, однако, Советы будут настаивать на своей точке зрения в отношении МЯС, то соглашение о нераспространении не будет возможным ⟨...⟩", но тут же заверил посла, что весь вопрос находится под твердым контролем президента, и ФРГ не имеет оснований для беспокойства относительно заключения соглашения о нераспространении "любой ценой"[44].

Более того, после заявления де Голля в марте 1966 г. о выходе Франции из военной организации НАТО и о выводе штаб-квартиры Североатлантического блока из Франции риторическая поддержка МЯС даже усилилась, но уже не на долго.

Важным фактором, который ускорил окончательное крушение планов МЯС/АЯС, стала позиция американского сената. В январе 1966 г. сенатор Джон Пасторе, который был тогда заместителем председателя Объединенного комитета конгресса по атомной энергии, внес резолюцию, призывавшую президента предпринять "дополнительные усилия" в интересах скорейшего заключения договора о нераспространении. В ходе состоявшихся сенатских слушаний Раск продолжал отстаивать необходимость предложенных ядерных решений в рамках НАТО (т.е. планов МЯС). Во время показаний Фостера сенатор Пасторе заявил, что подавляющее большинство членов Объединенного комитета выступают против концепции многосторонних сил. В своих показаниях Макнамара дал понять, что эта концепция мешает заключению ДНЯО, и высказал мнение, что Советский Союз не будет очень противиться созданию группы ядерного планирования.

В итоге резолюция Пасторе 17 мая 1966 г. была принята сенатом

---

[43] Правда. 1965. 9 дек. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 283.

[44] Recent Correspondence Between the President and the Chancellor on Non-Proliferation Treaty. LBJ Library. National Security File. Subject File. Box 26.

единогласно (84 – "за", 0 – "против")[45]. Джонсон поддержал резолюцию, направив Пасторе письмо одобрительного содержания. 5 июля президент объявил на пресс-конференции, что США будут готовы найти взаимоприемлемое решение с русскими, что сделает возможным заключение ДНЯО. Вскоре стало ясно, что он имел в виду отказ от МЯС и решение натовских ядерных проблем на основе предложения Макнамары о группе планирования. Именно в этом плане, как сообщает Сиборг, он дал указания госдепартаменту и министерству обороны[46].

Сам президент Джонсон в своих мемуарах так суммировал многолетний итог дискуссий по проблеме МЯС:

> «По мере того как озабоченность снижалась, дипломаты и военные лидеры союзников приходили к выводу, что объединенные ядерные силы не являются необходимыми для жизнеспособности НАТО и что попытки разработать детальные положения относительно таких сил могут повести к большему расколу, чем к объединению. Британцы резко возражали против объединенных сил. Итальянцы раскололись. Французы осуждали эти силы. Даже западные немцы, которые поддержали идею с наибольшим энтузиазмом, пришли к выводу, что политические издержки превышают возможные преимущества. Они настаивали на том – и мы дали согласие на это, – что при любом договоре о нераспространении сохранятся система "двух ключей" и консультации о ядерном планировании.
>
> В дополнение к этому, я знал, что в конгрессе существует серьезное сопротивление разделению ядерной ответственности. Любые изменения в нашем законе, требуемые в результате создания союзных ядерных сил, вызовут сильную оппозицию на Капитолийском холме, даже если будет сохранен американский контроль за применением оружия»[47].

Примерно в том же плане описал крах планов МЯС в своих воспоминаниях Дин Раск:

> "К тому времени как президент Джонсон занял свой пост, стало ясно, что существует сопротивление идее многосторонних сил – как в альянсе, так и на Капитолийском холме – и сенаторы и конгрессмены были против. Так эта идея и умерла естественной смертью из-за отсутствия поддержки"[48].

---

[45] Комментируя решение сената, заместитель директора АКВР Адриан Фишер высказал мнение, что хотя дискуссии относительно планов МЯС/АЯС приобрели "разнообразные формы", их создание вело бы к нарушению законодательства США, которое не разрешает кому-либо, кроме президента, принимать решение об использовании американского ядерного оружия. И сенат резолюцией Пасторе это еще раз подтвердил. Фишер считал, что "русские хотели получить от договора не намного больше того, что уже требовалось законодательством США" (LBJ Library. Oral History Collection. Adrian S. Fisher. AC 74–105. Tapes 3, 4. P. 6–7).

[46] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 185.

[47] *Johnson Lindon Baines.* The Vantage Point. Perspectives of the Presidency. 1963–1969. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1971. P. 477.

[48] LBJ Library. Oral History Collection. Dean Rusk. III, IV. Ac 74–245. Interview IV. P. 14.

После того как под воздействием и советской дипломатии, и некоторых своих союзников, и европейской общественности, и собственных законодателей, и многих представителей исполнительной ветви власти администрация Соединенных Штатов окончательно положила под сукно планы создания многосторонних ядерных сил, был открыт путь к серьезным и решающим переговорам между СССР и США, а затем в Комитете 18-ти о заключении договора о нераспространении ядерного оружия, которые, если бы не планы создания этих сил НАТО, могли бы начаться еще в 1962 г., после принятия "ирландской резолюции" 1961 г.

История, как говорится, не любит сослагательного наклонения, но, кто знает, может быть, будучи создан на несколько лет раньше, режим ядерного нераспространения был бы и эффективнее и охватил бы, возможно, большее число государств?

Глава 7

ПРОБЛЕМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В 1964–1966 гг.

Несмотря на единогласно принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1961 г. "ирландскую резолюцию", содержавшую призыв ко всем государствам, и прежде всего к ядерным державам, принять меры к заключению международного соглашения о предотвращении распространения ядерного оружия, ни в 1962, ни в 1963, ни в 1964 гг. в практическом плане ничего не было сделано для воплощения рекомендации ООН в жизнь. Основной причиной этого, как было показано, стали глубокие расхождения между СССР и США по поводу планов создания МЯС.

Комитет 18-ти был занят главным образом обсуждением советского и американского планов всеобщего и полного разоружения, а также отдельных или, как тогда было принято говорить, "частичных" (collateral) мер разоружения, в число которых в качестве одной из мер ограничения вооружений входила и проблема нераспространения ядерного оружия.

Советский Союз в контактах с Соединенными Штатами и в своих официальных предложениях на международных форумах продолжал продвигать формулу о запрете как прямой, так и косвенной передачи ядерного оружия в своей трактовке (т.е. при исключении МЯС). Так, 28 января 1964 г. советская делегация внесла на рассмотрение Комитета 18-ти меморандум о "мерах, направленных на ослабление гонки вооружений и смягчение международной напряженности", пункт 6 которых предусматривал заключение соглашения о нераспространении и посредством "косвенной" передачи ядерного оружия[1].

Соединенные Штаты, со своей стороны, выдвигали аргументы в защиту собственной позиции по нераспространению, оставлявшей возможность создания МЯС. Показательно, что на консультациях западных стран в Вашингтоне 27 мая 1964 г., перед началом одной из очередных сессий Комитета 18-ти, при обсуждении вопроса, какой линии придерживаться по ядерному нераспространению в Комитете, американский представитель Адриан Фишер спросил своих коллег, следует ли понимать дело таким образом, что "общая точка зрения состоит в том, что до тех пор, пока соглашение о МЯС не будет подписано, в этом вопросе невозможно чего-либо предпринять". Итальянский посол Кавалетти поддержал такой подход, высказав мнение, что «как только мы подпишем соглашение о нераспространении, как бы оно ни было сформулировано, у нас возникли бы проблемы с СССР, который воспринял бы соглашение как "лицензию" на создание препятствий для МЯС». В заключение Фишер предложил

[1] Сборник документов МИД СССР. Т. VII. С. 19.

(и английский представитель Томас его поддержал), что "лучшим курсом действия будет просто продолжать развивать нынешнюю аргументацию относительно МЯС и нераспространения"[2].

На сессиях Генеральной Ассамблеи проблема нераспространения обсуждалась ежегодно. Наибольшую активность в ООН в этот период проявляли Ирландия, Швеция (по инициативе которой в 1961 г. Генеральной Ассамблеей также была принята резолюция по нераспространению) и особенно Индия, которая на сессии Генассамблеи 1964 г., после того как КНР произвела свой первый ядерный взрыв, внесла пункт о нераспространении в повестку дня сессии.

Первая в тот период более или менее обстоятельная дискуссия по проблеме нераспространения состоялась в Комиссии ООН по разоружению (в которую входят все члены ООН), созванной по инициативе Советского Союза и проходившей с апреля по июнь 1965 г.

На сессии Комиссии вновь разгорелась дискуссия между странами Востока и Запада по поводу планов создания МЯС. В свою очередь Индия выступила на сессии с предложением об "интегрированном" решении проблемы нераспространения. Элементами, которые могли бы войти в соглашение о нераспространении, были бы следующие:

> "1) обязательство ядерных держав не передавать ядерное оружие или данные о технологии производства ядерного оружия другим государствам;
>
> 2) обязательство не применять ядерное оружие против стран, которые им не обладают;
>
> 3) обязательство гарантировать через ООН безопасность стран, которым могут угрожать державы, располагающие ядерным оружием или приступающие к созданию ядерного оружия;
>
> 4) заметный прогресс в направлении разоружения, включая всеобъемлющий договор о запрещении испытаний, полное замораживание производства ядерного оружия и средств его доставки, а также существенное сокращение существующих запасов ядерного оружия;
>
> 5) обязательство неядерных держав не приобретать и не производить ядерное оружие"[3].

Предложение Индии имело определенную антикитайскую направленность. В индийской инициативе, – по всей видимости, впервые – ставится вопрос о предоставлении ядерными державами гарантий безопасности неядерным государствам **в контексте** решения проблемы нераспространения (см. гл. 9).

Примерно в это же время окончательно входит в употребление понятие "нераспространение" ядерного оружия (non-proliferation) вместо

---

[2] Меморандум о консультациях западных союзников по разоружению в АКВР 27 и 28 мая 1964 г. (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files. 1964–1966. Political and Defense. Box 1683).

[3] Выступление представителя Индии Б. Чакраварти 4 мая 1965 г. (Док. ООН DC/PV. 75). Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. (1965–1966). С. 128.

ранее применявшегося термина "нерасползание" и "непередача" (non-dissemination, non-diffusion). "Нераспространение" шире понятия "нерасползание" и включает в себя "неприобретение" ядерного оружия неядерными государствами (non-acquisition). Многие неядерные страны в понятие нераспространения включали также концепцию прекращения разработки и накопления ядерного оружия самими ядерными державами, т.е., как стало принято говорить, не только "горизонтальное", но и "вертикальное" нераспространение[4].

Работа Комиссии по разоружению завершилась принятием 15 июня 1965 г. резолюции с рекомендацией Комитету 18-ти уделить "особый приоритет рассмотрению вопроса о заключении договора или конвенции для предотвращения распространения ядерного оружия с уделением особого внимания предложениям об облегчении соглашения путем программы некоторых связанных с этим мер"[5]. Таким образом, индийская идея об "интегрированном" подходе к нераспространению нашла отражение в принятой резолюции. Однако и СССР, и США дали ясно понять, что, с их точки зрения, "программа связанных с этим мер" не представляет собой "пакета" или условия для заключения договора о нераспространении ядерного оружия.

Советский Союз и его союзники по Варшавскому договору воздержались при голосовании резолюции по той причине, что в ней не содержалось положения, на котором они настаивали, а именно, что должны быть закрыты все пути к ядерному оружию. В связи с этим у США возникло сомнение – согласится ли СССР на возобновление работы Комитета 18-ти в ранее согласованный срок: 27 июля 1965 г. Американский представитель Уильям Фостер выразил эту озабоченность советскому представителю в Комитете С.К. Царапкину. 12 июля СССР дал согласие на возобновление заседаний Комитета в обусловленный срок. Когда Комитет 18-ти возобновил свою работу в конце июля, проблема нераспространения стала доминирующей темой его деятельности на протяжении нескольких лет и в конечном итоге завершилась согласованием ДНЯО в 1968 г.

1. НАЧАЛО ПОДВИЖЕК В ПОЗИЦИИ США

Как отмечалось в предыдущей главе, с конца 1964 г. администрация Джонсона под влиянием комбинации различных факторов, в том числе широкой дипломатической и пропагандистской кампании, развернутой СССР и его союзниками, стала утрачивать былую настойчивость в продвижении планов создания многосторонних сил НАТО, что, разумеется, не могло не способствовать ускорению движения в сторону решения проблемы ядерного нераспространения.

В руководящих кругах США укреплялось убеждение в необходимости

---

[4] По свидетельству А.А. Рощина, термин "горизонтальное" и "вертикальное" нераспространение ввел в оборот Триведи, представитель Индии в Комитете 18-ти (*Рощин А.А.* Дома и за рубежом. Непублик. рук. восп. С. 315.)

[5] Док. ООН DC/225. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 713.

скорейшего заключения универсального международного соглашения о нераспространении ядерного оружия. Непосредственным поводом к принятию мер в этом плане послужило китайское ядерное испытание в октябре 1964 г. и усилившиеся опасения, что этот атомный взрыв может подтолкнуть и другие страны к принятию решения в пользу "атомного выбора" по соображениям национальной безопасности или престижа[6].

25 ноября 1964 г. президент Джонсон назначил группу, состоящую из влиятельных политических и военных деятелей, ученых и представителей деловых кругов, для выработки рекомендаций по нераспространению. Возглавил группу бывший заместитель министра обороны Розвелл Гилпатрик (почему эта группа и стала называться Комитетом Гилпатрика). В ее состав вошли: Дин Ачесон, Аллен Даллес, Джон Макклой, Джордж Кистяковский (бывший советник президента по науке), генерал Альфред Грюнтер (бывший командующий войсками НАТО), Артур Уотсон (корпорация Ай-Би-Эм), Герберт Йорк (бывший директор Ливерморской атомной лаборатории и руководитель оборонных исследований и разработок министерства обороны) и др[7]. Руководил аппаратом Комитета Гилпатрика Сперджен Кини, ответственный сотрудик Белого Дома. Вместе с Гилпатриком он был одним из основных авторов доклада[8].

Доклад Комитета Гилпатрика был подготовлен в короткие сроки и представлен президенту Джонсону уже 21 января 1965 г. Доклад представляет немаловажное значение для понимания того, как шло формирование политики США по нераспространению ядерного оружия, в нем впервые была обстоятельно и аргументированно сформулирована американская политика в области нераспространения, что представляет интерес и с точки зрения российской политики. Ведь во многих отношениях мы занимали и продолжаем занимать сходные или близкие позиции. Учитывая, что в докладе уделено большое внимание взаимодействию с СССР в этой области, остановимся на нем подробнее.

Полный текст доклада был рассекречен госдепартаментом в феврале 1996 года и опубликован в сборнике документов внешней политики США в 1997 г.[9] До этого исследователи имели доступ к частично рассекреченному тексту[10], в котором при рассекречивании были сделаны обширные изъятия, в основном относящиеся к рекомендуемым Комитетом действиям в отношении таких государств, как Индия, Япония, Израиль,

---

[6] Именно так Агентство США по контролю над вооружениями и разоружению оценивало обстановку в отношении возможного распространения ядерного оружия после китайского взрыва в меморандуме "Position Paper on a Non-Proliferation Agreement", представленном Белому Дому 15 июля 1965 г. в связи с предлагаемым для внесения проектом договора о нераспространении (LBJ Library. National Security File. Agency File. Box 6).

[7] NSA. Memorandum No. 320 of Nov. 25, 1964. FRUS. 1964–1968. Vol. II. P. 126.

[8] В течение многих лет Кини является президентом и исполнительным директором американской неправительственной Ассоциации по контролю над вооружениями.

[9] FRUS, 1964–1968. Vol. XI: Arms Control and Disarmament. P. 173–182.

[10] Рассекреченные части доклада были любезно предоставлены мне в 1995 г. Дэниэлом Эллсбергом, бывшим сотрудником Пентагона, в свое время предавшим гласности документы американского военного ведомства, разоблачавшие действия США во Вьетнаме. Доклад Гилпатрика хранится в архиве президента Джонсона (LBJ Library. National Security File. National Security Council History. Non-Prolifereation Treaty. Box 55, 56).

ОАР (Египет), а также к планам создания МЯС[11]. Приведем некоторые наиболее существенные, на наш взгляд, выдержки из доклада:

"⟨...⟩ Комитет единогласен в том, что предотвращение дальнейшего распространения ядерного оружия явно в (наших) национальных интересах, хотя для этого и потребуется принятие трудных решений. Мы пришли поэтому к выводу, что, если мы хотим иметь какую-либо надежду на успех, Соединенные Штаты должны, в качестве вопроса огромной срочности, существенно расширить масштабы и интенсивность наших усилий. По необходимости эти усилия должны идти в трех направлениях: (a) заключение официальных международных соглашений; (b) оказание нами самими и совместно с другими государствами воздействия на те страны, которые рассматривают возможность приобретения ядерного оружия; и (c) показ нашей политикой и нашими действиями примера другим ⟨...⟩.

⟨...⟩ Появление новых государств с ядерными возможностями ⟨...⟩ осложнит и усилит нестабильность баланса сдерживания между Соединенными Штатами и Советским Союзом ⟨...⟩.

В том, что касается перспектив поставить предел распространению ядерного оружия, мир быстро приближается к такому моменту, возврата от которого не будет. Недавний ядерный взрыв, проведенный китайскими коммунистами, укрепил убеждение, которое все более охватывает весь мир, что ядерное оружие – это отличительный знак мирового лидера, что оно необходимо для национальной безопасности и может быть создано при наличии скромных промышленных ресурсов. Ядерная программа китайских коммунистов оказывает давление на Индию и Японию, и обе эти страны приближаются к принятию решения приступить к программам создания ядерного оружия.

Хотя может возникнуть соблазн смириться с появлением у Индии или Японии ядерного оружия в качестве противовеса ядерному оружию Китая (рядом с этой фразой на полях доклада стоит пометка Дина Раска; по всей видимости, госсекретарь, который внутри администрации был известен наиболее сдержанным отношением к нераспространению, был с этим положением согласен. – *Авт.*), мы не считаем, что распространение ядерного оружия на этом прекратится или может быть остановлено.

[11] Так, в отношении Израиля в нерассекреченной части доклада говорилось следующее: "До тех пор пока Израиль остается неядерной державой, нам нужно продолжать предоставлять Израилю гарантии от захвата его ОАР. Мы должны ясно дать понять Израилю, что эти гарантии будут отозваны, если он создаст возможности для производства ядерного оружия, и что мы (в этом случае) будем также готовы рассмотреть и другие меры. ⟨...⟩ Мы должны приложить серьезные усилия, чтобы убедить Францию, Германию и других не предоставлять Израилю и ОАР помощь в отношении ракетных и ядерных дел и должны работать в пользу сотрудничества с Советским Союзом с целью удержать израильско-египетскую конфронтацию на неядерном уровне" (FRUS, 1964–1968. Vol. XI. P. 178). Полагаем, что читателю не нужно разъяснять, почему приведенный пассаж, как и многие аналогичные положения доклада касательно других стран, до последнего времени оставались закрытыми.

Решение Индии или Японии построить ядерное оружие, вероятно, вызовет цепную реакцию и приведет к принятию подобных решений Пакистаном, Израилем[12] и Объединенной Арабской Республикой (Египтом). В этих условиях нереалистично рассчитывать на то, что Германия и другие европейские страны решат не разрабатывать свое собственное ядерное оружие ⟨...⟩.

Мы должны признать важность участия Советского Союза в усилиях по прекращению распространения. Более того, маловероятно, чтобы можно было побудить другие государства бесконечно воздерживаться от приобретения ядерного оружия, если Советский Союз и Соединенные Штаты будут продолжать гонку ядерных вооружений. Поэтому меньший акцент Соединенных Штатов и Советского Союза на ядерное оружие и достижение соглашений о более широких мерах контроля над вооружениями должны быть признаны важными составляющими частями всеобщей программы предотвращения ядерного распространения. (Это положение представляется чрезвычайно актуальным и сегодня. – *Авт.*).

⟨...⟩. Мы считаем, что Советский Союз, ввиду его растущей уязвимости перед угрозой распространения (ядерного оружия) среди его соседей, вероятно, разделяет с нами сильную заинтересованность в предотвращении дальнейшего распространения ядерного оружия. Более того, мы считаем, что перемена в руководстве Советского Союза (незадолго до появления доклада Комитета Гилпатрика Хрущев был отправлен в отставку. – *Авт.*) и возможный в результате этого пересмотр советской ядерной политики могут теперь предоставить непосредственную возможность для совместных или параллельных действий в близком будущем в целях прекращения распространения ⟨...⟩".

В докладе Комитета Гилпатрика не предлагалось отказаться от планов многосторонних ядерных сил НАТО, но в то же время подчеркивалось:

"Мы должны быть готовы к тому, чтобы оказать сильный нажим на важные (с точки зрения возможности распространения. – *Авт.*) страны (включая Германию, Францию, Индию, Японию, Израиль, ОАР и Швецию), чтобы обеспечить их участие в соглашении. Наши инициативы в этой области не должны дожидаться или зависеть от разрешения вопросов, относящихся к созданию атлантических ядерных сил, как бы полезно ни было их разрешение".

При обсуждении доклада у президента, по свидетельству Сиборга, это положение доклада было расценено многими участниками совещания как

---

[12] Не совсем понятно, почему в этот перечень был включен Израиль, который ко времени подготовки секретного доклада Гилпатрика, по многим данным – и это не могло не быть известным американскому руководству – либо уже овладел ядерным оружием, либо во всяком случае сильно продвинулся в создании этого оружия и был весьма близок к овладению им.

отдающее предпочтение ДНЯО перед МЯС/АЯС, что вызвало возражения Дина Раска[13]. Однако в другом месте доклада по поводу многосторонних сил говорилось:

> "Некоторые члены Комитета полагают, что МЯС/АЯС или что-либо подобное им может быть существенным шагом для того, чтобы немцы были удержаны от того, чтобы эвентуально овладеть независимыми ядерными возможностями[14]. Другие члены Комитета считают, что более скромные меры, такие, как более широкое участие в ядерных консультациях и планировании и дальнейшее использование двусторонних договоренностей относительно систем ядерного оружия, будет достаточно, чтобы удержать немцев от независимого ядерного курса, особенно поскольку немцы сознают, что против такого курса решительно возражают Франция и Советский Союз".

С точки зрения Советского Союза было важно, что доклад Гилпатрика подчеркивал возможность полного взаимодействия с нами в решении проблемы нераспространения ядерного оружия[15].

Реакция Джонсона на доклад была сдержанной. Решительного сдвига в позиции администрации США сразу после появления доклада не произошло, хотя многие положения доклада в дальнейшем стали ориентирами американской позиции по нераспространению на долгие годы и даже остаются в силе по существу и поныне. Джонсон не подписал подготовленный авторами доклада Гилпатрика проект указаний (National Security Action Memorandum) госдепартаменту, министерству обороны, АКВР и ряду других правительственных ведомств, который опубликован не был и хранится в частично рассекреченном виде в архиве президента в Остине (штат Техас)[16].

Почему Джонсон тогда не поддержал доклад? В Вашингтоне существуют различные суждения на этот счет. По авторитетному мнению Сперджена Кини, главной причиной была позиция Раска и его ведущих помощников в госдепартаменте, занимавшихся европейскими делами, которые упорно вели линию на создание многосторонних сил и считали, что соглашение о нераспространении нанесет непоправимый удар по планам МЯС[17]. Действительно, 21 января 1965 г., перед встречей Джо-

---

[13] *Seaborg Glenn T., with Benjamin S. Loeb.* Stemming the Tide. Arms Control in Johnson Years. Lexington (MA); Toronto: Lexington Books, 1986. P. 145–146. (В дальнейшем – *Seaborg Glenn T.*)

[14] На включении этого положения особенно настаивал Джон Макклой, все другие члены комитета были против. Сообщено Спердженом Кини. Данный параграф доклада был рассекречен только в 1996 г.

[15] Ретроспективно, в 1998 г., оценивая доклад Гилпатрика и, в частности, данный его аспект, один из его авторов Герберт Йорк писал мне, что сейчас, спустя столько лет, он по-прежнему считает, что в нем правильно отражена важность совместной работы американцев и русских по нераспространению.

[16] LBJ Library. National Security File. Boxes 55, 56.

[17] Этим своим мнением Кини поделился со мной 16 апреля 1998 г. По его словам, Джонсон очень ценил лояльность Раска, особенно его поддержку президента в самом главном и сложном в тот период внешнеполитическом вопросе – ведении войны во Вьетнаме.

нсона с членами Комитета Гилпатрика, Банди писал своему руководителю, имея в виду проблему МЯС, что "Комитет делает сильный акцент на одной стороне этого сложного вопроса (о нераспространении. – *Авт.*) и по меньшей мере один из ваших советников – Дин Раск – имеет серьезные сомнения относительно его рекомендаций". Банди советовал президенту не спешить с принятием решения по докладу[18].

Имеется и другое мнение о причинах такого отношения Джонсона к докладу Комитета Гилпатрика, которое разделяет, в частности, Джордж Банн. Известно, что президент крайне неприязненно относился к сенатору Роберту Кеннеди, видя в нем своего основного политического конкурента, на что сенатор отвечал взаимностью. Содержание секретного доклада, согласно этой версии, стало известно Кеннеди, который 23 июня 1965 г. выступил в сенате с решительным требованием заключения договора о нераспространении ядерного оружия. Сенатор, в частности, заявил:

> "⟨...⟩ [П]о меньшей мере десять, возможно, двадцать других стран сейчас в состоянии создать ядерное оружие в пределах трех лет. Две из них – Израиль и Индия – уже располагают делящимися материалами, которые могут быть использованы для производства оружия, и могли бы создать атомное устройство за несколько месяцев.
>
> ⟨...⟩ [М]ы должны немедленно начать переговоры с Советским Союзом и другими странами, имеющими ядерный потенциал, в целях заключения договора о нераспространении. ⟨...⟩ [Е]сли бы удалось заключить договор о нераспространении, это отвечало бы национальным интересам всех стран. Поэтому мы должны с еще большей озабоченностью продолжить свои поиски той или иной формы ядерной гарантии для Западной Германии и других стран Европы, которая отвечала бы их потребностям, не наталкиваясь на возражения Советского Союза – скажем, такой, которая могла бы выкристаллизоваться в процессе консультаций между союзниками, как они были предложены на сессии НАТО министром обороны Макнамарой"[19].

Иными словами, Р. Кеннеди высказался за идею Макнамары о создании группы ядерного планирования **взамен** многосторонних ядерных сил. Но планы создания МЯС/АЯС продолжали еще более года оставаться в арсенале американской дипломатии. Как заметил американский специалист по нераспространению Питер Клаузен, речь в сущности шла о выборе между "НАТО и Женевой"[20], т.е. между возможностью передачи контроля над ядерным оружием НАТО и заключением договора в Женеве, не допускающем передачи оружия кому бы то ни было – ни отдельным странам, ни блокам государств. Согласно еще одному суждению о том, как проходило обсуждение доклада Гилпатрика у президента Джонсона, –

---

[18] FRUS, 1964–1968. Vol. XI.

[19] Congressional Records, 1965. Vol. III, N 113. P. 14050–14052. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII (1965–66). С. 139–148.

[20] *Clausen Peter*. Nonproliferation and the National Interest. P. 75.

последний в тот момент был весьма озабочен делами во Вьетнаме и не мог сосредоточиться на новых идеях и предложениях, направленных в сущности на переориентацию американской политики в такой важной области внешней политики, как ядерное нераспространение[21].

Документы, хранящиеся в американских архивах, свидетельствуют, что при подготовке доклада Гилпатрика рассматривались различные курсы действий для предотвращения распространения – от "мягких" до "жестких" – вплоть до силового воздействия. Авторы доклада отклонили, однако, вариант принудительных мер, остановившись в итоге единодушно на менее силовых, но все же "энергичных" мерах, и только о действиях в отношении МЯС/АЯС их мнения разошлись[22].

Американцы тщательно отслеживали атомные приготовления в КНР с помощью разведывательных самолетов У-2 и спутников-разведчиков "Дискаверер / Корона"[23]. В документах, подготовленных различными правительственными ведомствами, обсуждались возможные меры военного характера для недопущения создания Китаем ядерного оружия вплоть до уничтожения построенных китайцами предприятий для производства этого оружия. Это видно, в частности, из внутренних аналитических проработок, подготовленных советом внешнеполитического планирования госдепартамента (меморандумы Роберта Джонсона от 14 апреля и 17 июня 1964 г.) и специальным помощником директора АКВР Джорджем Ратженсом (его меморандум от 14 декабря того же года). В последнем документе предлагается продолжить "рассмотрение прямых действий против китайских ядерных установок и по крайней мере рассмотреть целесообразность обсуждения такой возможности с Советским Союзом"[24].

Однако, как пишет Гартхофф, "на наших заседаниях (Комитета Гилпатрика. – *Авт.*) возможности военных действий против Китая было уделено крайне мало внимания"[25]. В самом докладе Гилпатрика о Китае было сказано лишь следующее:

> "d. *Китай.* Мы считаем, что в длительной перспективе будет трудно остановить ядерное распространение и достичь всеобщего мира и стабильности до тех пор, пока Китай не присоединится к сообществу наций и не будет готов ответственно участвовать в мерах по контролю над вооружениями. Ввиду сложности и трудности этой проблемы мы рекомендуем, чтобы правительство предприняло широкий пересмотр на высоком уровне нашей

---

[21] Сообщено Гербертом Йорком. Йорк упоминает об этом и в своих воспоминаниях: *York Herbert.* Making Weapons. Talking Peace. A Physicist's Odyssey from Hiroshima to Geneva. N.Y.: Basic Books Inc., 1987. P. 230–31.

[22] Так считает, в частности, Рэймонд Гартхофф, представитель госдепартамента в аппарате Комитета Гилпатрика. *Garthoff Raymond L.* A Comment on the Discussion of "LBJ, China and the Bomb". The Society for Historians of American Foreign Relations Newsletter. 1997. Vol. 28, No. 3, Sept. P. 27–31.

[23] См.: *Burr William, Richelson Jeffrey T.* A Chinese Puzzle // The Bul. of the Atomic Scientists. 1997. July/Aug. P. 42–47.

[24] Memorandum "Destruction of Chinese Nuclear Weapons Capabilities" by George Rathjens of 12/14/64, NSA; Raymond Garthoff's File. Declassified by U.S. ACDA on Sept. 5, 1996.

[25] *Garthoff Raymond.* Op. cit. P. 29.

политики в отношении Китая, принимая во внимание, какое влияние эта политика будет оказывать на нашу национальную безопасность и наши союзы на Дальнем Востоке".

При администрации Дж. Кеннеди Соединенные Штаты, зондировали отношение советского руководства к возможности совместных действий в целях упреждения появления пятой ядерной державы. Расчет при этом был на то, что Советский Союз, находившийся тогда в состоянии острого конфликта с КНР, мог бы положительно откликнуться на предложение США. Когда Гарриман в июле 1963 г. направлялся в Москву для заключения договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, он имел секретное поручение президента переговорить с Хрущевым о возможности совместных действий двух стран, включая военные, или, во всяком случае, положительного отношения СССР к осуществлению американцами мер с целью "ограничить или воспрепятствовать" развитию ядерных возможностей Китая[26]. Хрущев, разумеется, отрицательно отреагировал на этот зондаж.

Доклад Гилпатрика еще больше интенсифицировал внутренние дискуссии в Вашингтоне по проблеме нераспространения, которые продолжались вплоть до лета–осени 1966 г., когда было принято окончательное решение в пользу ДНЯО (см. гл. 8). Характерным для этих дискуссий был, в частности, меморандум президенту директора АКВР Фостера:

> "Последние события на индийском субконтиненте подчеркивают неотложный характер проблемы (нераспространения. — *Авт.*). Индия сейчас, вероятно, может создать бомбу менее чем за год после принятия решения. Премьер-министр Шастри заявил о намерении продолжать придерживаться безъядерной политики. Однако, если мы не разработаем программу по нераспространению, в которой будут участвовать как Соединенные Штаты, так и СССР, давление в пользу того, чтобы Индия создала бомбу, будет возрастать.
>
> Более того, существуют указания на то, что Израиль приближается к принятию решения стать ядерной державой, и если сейчас и проявляется осторожность в этом отношении, то она существенно снизится, если Индия взорвет бомбу.
>
> Принятие решения о создании ядерного оружия Индией и Израилем послужит сильным стимулом для аналогичных действий со стороны Пакистана, ОАР и других. Такое развитие событий может также привести к принятию Швецией и Японией решений о ядерном выборе"[27].

Банди в меморандуме президенту, отметив, что Фостер не вполне учитывает всю сложность германской проблемы, все же рекомендовал взвесить целесообразность отказа от идеи МЯС ради договора о нера-

---

[26] Сообщено Рэймондом Гартхоффом. Об этом пишут также Уильям Берр и Джеффри Ричелсон. См.: The Bul. of the Atomic Scientists. 1997. July/Aug. P. 45.

[27] Memorandum for the President of October 8, 1965, by William Foster. LBJ Library. National Security File. Files of Spurgeon Keeny. Boxes 7, 8.

спространении. Он обратил внимание Джонсона на то, что Макнамара придерживается подобной же точки зрения[28]. Объединенный комитет начальников штабов тоже выступал в поддержку ДНЯО[29].

Летом 1965 г. Бонн, чувствуя, что в американском поведении стали заметны нежелательные нюансы, занервничал. 9 июля посол ФРГ Кнапштайн высказал свое беспокойство Раску, который заверил его, что США продолжают поддерживать МЯС. 30 июля госдепартамент дал указание американскому послу в Бонне разъяснять, что "мы не дадим согласия ни на какой текст по нераспространению, который мог бы помешать разработке новых ядерных договоренностей в НАТО по линии МЯС/АЯС"[30].

Развитие событий вынуждало администрацию Джонсона объявить публично свою позицию относительно международного соглашения по нераспространению, и 17 августа 1965 г. Соединенные Штаты внесли, наконец, на рассмотрение Комитета 18-ти проект договора о нераспространении ядерного оружия. Он базировался в определенной мере на английском варианте договора, представленном на рассмотрение НАТО еще в июне после обсуждений, проходивших между правительствами США и Англии в течение нескольких месяцев[31]. В ходе этих двусторонних обсуждений американцы добивались устранения формулировок, которые отдавали предпочтение английскому варианту натовских ядерных сил, т.е. АЯС[32]. При рассмотрении проекта в НАТО по настоянию западных немцев в него было включено положение, оставляющее открытой дверь для европейских коллективных ядерных сил, приемлемых для ФРГ (т.е. МЯС), что получило поддержку США. Обсуждение британского проекта продолжалось в НАТО пять недель и немцы добились своего. Англичане вынуждены были согласиться с немецким требованием, хотя и с неохотой, при этом британский министр по разоружению лорд Чалфонт заявил, что Соединенное Королевство предпочло бы, чтобы дверь для такого рода сил была закрыта[33].

Американский проект договора предлагал, чтобы его участники обязались не передавать ядерное оружие "под **национальный** (выделено мной. – *Авт.*) контроль любого неядерного государства как прямым путем, так и косвенным – через военные союзы" (ст. 1). Из формулировки недвусмысленно вытекает, что допускалась бы передача оружия военному союзу под наднациональный, совместный контроль. Проект содержал и еще одно положение, которое в дальнейшем станет яблоком раздора на переговорах в Женеве – о применении для контроля за выполнением договора гарантий МАГАТЭ "или другого равноценного контроля и

---

[28] LBJ Library. National Security File. Subject File. Box 25.

[29] Сообщено Спердженом Кинни.

[30] Department of State. Telegrams to Amembassy Bonn, July 9 and 30, 1965. NSA. Non-Proliferation File. Ns. 01125, 01130.

[31] Премьер-министр Англии Алек Дуглас-Хьюм впервые упомянул о проекте договора на пресс-конференции в Манчестере в октябре 1964 г.

[32] LBJ Library. Position Paper... P. 3.

[33] US ACDA. International Negotiations on the Treaty on the Nonproliferation of Nuclear Weapons. Public. 48. Wash. (D.C), 1969. P. 18.

гарантий", под чем имелись в виду гарантии Евратома (ст. 3)[34]. Таким образом, страны – члены Евратома находились бы не под международным контролем Агентства, а контролировались бы своей собственной региональной организацией (см. гл. 8). Проект предусматривал созыв через определенное число лет (которое в тексте не называлось) конференции участников "для того, чтобы рассмотреть действие настоящего договора" (п. 2 ст. 6).

После внесения проекта договора советский представитель Царапкин задал вопрос американскому представителю Фостеру: предусматривает ли проект США запрет доступа к ядерному оружию многосторонних ядерных сил с участием в них ФРГ? Фостер ответил, что не исключается создание таких сил (и, следовательно, допуск их к ядерному оружию), однако не может быть новой независимой международной ядерной организации, если только существующая ядерная держава не передаст ей все свое ядерное оружие и не откажется от права вето на его применение в пользу коллективных сил. Царапкин, естественно, остался не довольным таким ответом, поскольку разъяснение Фостера оставляло возможность доступа Западной Германии, пусть даже косвенного, к ядерному оружию[35].

Представитель Польши, со своей стороны, заявил, что договор и о нераспространении должен установить абсолютный и всеобъемлющий запрет на все формы ядерного распространения и заморозить нынешний статус всех государств в отношении физического доступа к ядерному оружию, владения и распоряжения им, его использования и контроля над ним, а также обучения его применению и ядерного планирования[36].

Критическая оценка Советским Союзом проекта США прозвучала и с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. На пленарном заседании 24 сентября 1965 г. Громыко заявил:

> «Мы ⟨...⟩ сплошь и рядом встречаемся с попытками под видом заключения международного соглашения о нераспространении ядерного оружия фактически легализовать его распространение. За примерами далеко ходить не приходится. Так, американский проект, внесенный недавно на рассмотрение Комитета 18-ти в Женеве, хотя и говорит о запрещении некоторых форм распространения ядерного оружия, однако оставляет такую "щель", сквозь которую без помех пройдет ни много, ни мало, как целый многосторонний флот, оснащенный сотнями ракет с ядерными боеголовками. Для чего это понадобилось, все хорошо знают. За такими уловками стоят ядерные аппетиты западногерманских милитаристов»[37].

---

[34] Док. Комитета 18-ти ENDC/152. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 161–164.

[35] Док. ENDC/PV. 224.

[36] The United Nations and Disarmament. 1945–1970. N.Y.: U.N., 1971. P. 272–273.

[37] Док. ООН A/PV 1335. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 178–184.

2. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ ДОГОВОРА О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ

Советский Союз и его союзники по Варшавскому договору намеревались выступить с проектом договора о нераспространении еще в начале 1965 г. Проект, подготовленный СССР и ГДР, рассматривался на совещании Политического консультативного комитета договора 19–20 января 1965 г., состоявшемся в Варшаве. Решение, однако, принято не было из-за позиции румынского руководства, которое оглядывалось на позицию КНР. В феврале правительство ГДР предложило внести договор от имени четырех государств – СССР, ГДР, ПНР и ЧССР. В Москве решили не делать этого, поскольку выступление с проектом четверых из семи членов Варшавского договора свидетельствовало бы о разногласиях между социалистическими странами. 24 сентября 1965 г. Советский Союз внес в повестку дня XX сессии Генассамблеи пункт "О нераспространении ядерного оружия" и свой проект договора. Его первая статья гласила:

> "1. Участники договора, обладающие ядерным оружием, обязуются не передавать это оружие в какой-либо форме – непосредственно или косвенно, через третьи государства или группировки государств, – во владение или распоряжение государств или групп государств, не обладающих ядерным оружием, и не предоставлять указанным государствам или группам государств право участия во владении, распоряжении и использовании ядерного оружия.
>
> Вышеуказанные участники договора не будут предоставлять ядерное оружие, а также контроль над ним, над его размещением и использованием подразделениям вооруженных сил или отдельным военнослужащим государств, не обладающих ядерным оружием, даже если эти военнослужащие переданы под командование каких-либо военных союзов.
>
> 2. Участники договора, обладающие ядерным оружием, обязуются не помогать непосредственно или косвенно, через третьи государства или группировки государств, государствам, не обладающим в настоящее время ядерным оружием, в производстве, в подготовке к производству и в проведении испытаний такого оружия, а также не передавать им никакой производственной, научно-исследовательской и иной информации и документации, которая может быть использована для производства или применения ядерного оружия"[38].

Текст приведенной статьи определенно и подчеркнуто был направлен против многосторонних ядерных сил НАТО и даже носил в этом отношении пропагандистский оттенок. При этом формулировки, касающиеся МЯС, были чересчур многословны для такого документа, как проект международного договора. Обращает также на себя внимание отсутствие

---

[38] Док. A/5976. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 184–190.

в проекте положения о контроле за соблюдением договора, хотя к этому времени (1965 г.) Советский Союз твердо поддержал систему гарантий МАГАТЭ и принимал деятельное участие в Агентстве в ее разработке и дальнейшем усовершенствовании.

Необычным следует считать внесение договора на рассмотрение ООН, а не Комитета 18-ти, где по рекомендации Генассамблеи, поддержанной Советским Союзом, и должны были проходить переговоры по выработке договора о нераспространении, что также свидетельствовало о желании советского руководства использовать трибуну ООН для усиления кампании против МЯС. Советское правительство, вполне естественно, стремилось максимально использовать разногласия в странах НАТО по поводу планов МЯС/АЯС, а также усиливающиеся в мире настроения в пользу скорейшего достижения международного соглашения о предотвращении дальнейшего распространения ядерного оружия, чтобы окончательно дискредитировать эти планы и добиться их полной отмены.

В связи с внесением проекта договора Л.И. Брежнев в одном из своих выступлений в сентябре 1965 г. заявил:

> "Вопрос ⟨...⟩ состоит в том, будет ли ядерное оружие становиться достоянием все новых и новых государств, распространяясь по земному шару, будет ли продолжена гонка ядерных вооружений, или же удастся поставить события под контроль, остановить распространение ядерного оружия и от этого пойти дальше – к его полному запрещению и ликвидации.
>
> Советский Союз выступает за второй путь. Мы предлагаем заключить международное соглашение, которое по-настоящему, а не для вида положило бы конец дальнейшему распространению ядерного оружия, в том числе и путем распространения такого оружия через военные блоки"[39].

После внесения советского проекта на сессии Генеральной Ассамблеи, как и следовало ожидать, между странами Востока и Запада развернулась острая полемическая дискуссия. Делегации СССР и США внесли проекты резолюций одностороннего содержания, которые они в конце концов сняли с голосования, не рассчитывая на их успешное прохождение.

В подкрепление советской инициативы по нераспространению в ООН посол в Вашингтоне Добрынин сделал 29 октября устное заявление госсекретарю Раску. Было, в частности, заявлено, что советскую сторону не может не настораживать то, что когда рассмотрение вопроса о нераспространении подошло к стадии обсуждения конкретных проектов соглашения, вновь активизировались усилия в противоположном направлении – в направлении разработки планов создания ядерных сил НАТО. Это – главное препятствие, и сейчас необходимо сделать выбор. Раск дал ответ 8 декабря, в котором была изложена прежняя американская позиция[40].

---

[39] *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. В 2-х т. М.: Политиздат, 1970. Т. 1. С. 204.

[40] LBJ Library. National Securiry File. Files of Spurgeon Keeny. Box. 7, 8.

Дискуссией на сессии Генассамблеи между двумя сторонами не преминули воспользоваться неприсоединившиеся и нейтральные государства, чтобы выдвинуть свои требования по содержанию договора о нераспространении ядерного оружия и по проблеме нераспространения в целом.

3. РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ 2028 (XX)

Неприсоединившиеся и нейтральные члены Комитета 18-ти государств по разоружению (Бирма, Бразилия, Индия, Мексика, Нигерия, ОАР, Швеция и Эфиопия) активно втянулись в рассмотрение проблемы нераспространения, взяв на себя выражение и продвижение в Комитете взглядов и мнений и других неядерных и неприсоединившихся стран, т.е. подавляющего большинства членов ООН.

Как отмечалось выше, Индия выступила весною 1965 г. в Комиссии ООН по разоружению с идеей "интегрированного" подхода к нераспространению, иными словами, "пакетного" решения этой проблемы – в увязке с другими вопросами разоружения. Другие неприсоединившиеся страны высказывали подобные или же иные предпочтения. Так, Нигерия и ОАР подчеркивали необходимость предоставления ядерными державами гарантий безопасности неядерным странам, Швеция делала акцент на полном запрещении испытаний ядерного оружия как наиболее практическом пути к предотвращению появления новых ядерных государств и т.д.

"Восьмерка" неприсоединившихся стран – членов Комитета 18-ти предприняла усилия для согласования своих позиций и 15 сентября 1965 г. представила в Комитет совместный меморандум по вопросу о нераспространении ядерного оружия, в котором высказала сожаление, что еще не удалось примирить различные подходы для достижения адекватного договора. Подчеркивалось, что договор о нераспространении – не самоцель, а средство достижения конечной цели – всеобщего и полного разоружения, особенно ядерного. Неприсоединившиеся страны, говорилось в меморандуме, "убеждены, что меры по запрещению распространения ядерного оружия должны поэтому сопровождаться или за ними должны последовать осязаемые шаги по прекращению гонки ядерных вооружений и ограничению, сокращению и уничтожению запасов ядерного оружия и средств его доставки"[41].

На XX сессии Генеральной Ассамблеи восемь неприсоединившихся государств продолжили совместные усилия по продвижению решения проблемы нераспространения в своем толковании и трактовке. 4 ноября 1965 г. они, выступая в качестве соавторов, внесли проект резолюции[42], содержавший "главные принципы" договора о нераспространении. В принятой Генеральной Ассамблеей резолюции 2028(XX)[43] в окончательном

---

[41] Док. ENDC/158.

[42] Док. ООН A/C. 1/L. 339.

[43] Резолюция была принята 19 ноября 1965 г. 93 голосами, против никто не голосовал, 5 делегаций воздержались (Куба, Гвинея, Пакистан, Румыния и Франция). Текст резолюции приводится по: Сборник документов МИД СССР, Т. VIII. С. 714–716.

виде эти "главные принципы" договора были сформулированы следующим образом:

– "a) договор не должен иметь никаких лазеек, которые могли бы позволить ядерным или неядерным державам осуществить распространение, прямо или косвенно, ядерного оружия в любой форме".

Эта формулировка, как и можно было предполагать, сразу же вызвала различные толкования со стороны делегаций СССР и США. Советский представитель Н.Т. Федоренко заявил, что в резолюции "ясно указывается, что в договоре о нераспространении ядерного оружия не должно быть никаких лазеек, никаких щелей, которые позволили бы распространение ядерного оружия, прямо или косвенно, в любой форме". Американский представитель, со своей стороны, сказал, что проект договора о нераспространении, предложенный США, не оставляет никаких лазеек для передачи ядерного оружия или информации о нем какой-либо неядерной стране. Представитель СССР так отреагировал на эти слова: «⟨...⟩ Никакие заявления кого бы то ни было не могут изменить очевидного смысла и содержания этого положения (т.е. пункта "а". – *Авт.*), означающего, конечно, необходимость пресечения распространения ядерного оружия в любых возможных и мыслимых формах и видах, в том числе и в форме, например, приобщения к нему западногерманских реваншистов через военные блоки»[44].

Таким образом, несмотря на согласие обеих держав на формулу о недопущении "лазеек", разногласия между ними продолжали оставаться.

– "b) договор должен воплощать приемлемое равновесие взаимной ответственности и обязательств ядерных и неядерных держав".

Поясняя этот принцип, представитель ОАР заявил, что он должен вести к "новой эре партнерства, обязательств и ответственности" во взаимоотношениях между ядерными и неядерными государствами[45]. Однако, относительно конкретного смысла этого положения среди неприсоединившихся стран существовало несколько трактовок, и с общего согласия они подчеркивали только необходимость "ощутимых" шагов в области прекращения гонки вооружений, с которыми договор о нераспространении должен сочетаться или которыми он должен сопровождаться.

Эти страны смогли сформулировать свои пожелания уже после принятия резолюции 2028 – в меморандуме "восьмерки", представленном Женевскому комитету по разоружению 19 августа 1966 г., где они перечислили такие требования, как прекращение испытаний ядерного

---

[44] Выступление представителя СССР в Первом комитете XX сессии ГА ООН 8 ноября. См.: Док. A/C.1/PV.1337. Приводится по: Там же. С. 227–230.

[45] Цит. по: *Shaker Mohamed*. The Nuclear Non-Proliferation Treaty. Origin and Implementation. 1959 – 1979. Vol. I – III. London; Rome; New York: Oceana Public., Inc., 1980. P. 52.

оружия, прекращение производства расщепляющихся материалов для создания оружия, замораживание и постепенное сокращение запасов ядерного оружия и средств его доставки, запрещение применения ядерного оружия и предоставление гарантий безопасности неядерным государствам. "Такие разнообразные меры могли бы быть воплощены в договоре как часть его положений или в декларации о намерении"[46].

– **"c) договор должен являться шагом в направлении достижения всеобщего и полного разоружения и, особенно, ядерного разоружения".**

Данный принцип достаточно ясен и вряд ли требует дополнительных пояснений. Следует напомнить, что всю первую половину 60-х годов Комитет по разоружению уделял, во многом благодаря настояниям Советского Союза и при активной поддержке неприсоединившихся стран, основное внимание именно этой проблеме. Предложение о всеобщем и полном разоружении было впервые выдвинуто Н.С. Хрущевым с трибуны ООН в сентябре 1959 г.

– **"d) должны быть приемлемые и осуществимые положения для обеспечения эффективности договора".**

Хотя в указанном положении прямо не говорилось о контроле за соблюдением договора, на что посетовал представитель США при обсуждении проекта резолюции в Первом комитете, это, разумеется, подразумевалось.

– **"e) ничто в договоре не должно оказывать неблагоприятного воздействия на право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях".**

Этот принцип был включен по предложению Мексики и отражал намерение латиноамериканских стран образовать на своем континенте зону, свободную от ядерного оружия, договор о создании которой был заключен и открыт для подписания в феврале 1967 г. Он представлял интерес и для африканских стран, которые в июле 1964 г. приняли на ассамблее Организации африканского единства на высшем уровне декларацию о денуклеаризации Африки, где было заявлено об их готовности объявить свой континент безъядерной зоной.

Резолюция 2028 призвала Комитет 18-ти рассмотреть в срочном порядке вопрос о нераспространении ядерного оружия и представить Генеральной Ассамблее "по возможности скорее доклад о результатах его работы по договору".

---

[46] Док. ENDC/178. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 610–613.

4. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ ПО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ В КОМИТЕТЕ 18-ти И В ООН В 1966 г.

Хотя на XX сессии Генеральной Ассамблеи был сделан существенный шаг в направлении выработки основы для достижения согласия по договору и несмотря на то, что переговоры относительно создания МЯС/АЯС стали все больше пробуксовывать и по существу зашли в тупик, значительная часть 1966 г. прошла в довольно бесплодных дискуссиях по проблеме нераспространения в Комитете 18-ти государств.

Незадолго до начала работы комитета Косыгин направил президенту Джонсону 11 января 1966 г. конфиденциальное послание, посвященное специально проблеме нераспространения, в котором предложил, чтобы в ходе его работы между обеими сторонами начались "деловые переговоры по подготовке договора о нераспространении". В обращении советского премьера содержалась критика планов создания МЯС и высказывалось мнение, что, поскольку правительство США еще не приняло окончательного решения на тот счет, сейчас настал тот момент, когда необходимо сделать ответственный выбор в пользу договора о нераспространении ядерного оружия[47].

Накануне возобновления работы Женевского комитета в Вашингтоне состоялись американо-английские консультации, в ходе которых лорд Чалфонт высказался за ускорение поисков взаимоприемлемого с Советским Союзом решения. Он прямо сказал, что решение проблемы нераспространения не лежит в области "создания новых ядерных сил со смешанным персоналом". Английский представитель предложил поправки к проекту договора, которые запрещали бы передачу ядерного оружия не только неядерным государствам, но и "группировкам и объединениям таких государств". Положительной реакции у американцев это не вызвало[48].

Внешне работа Комитета 18-ти началась на высокой ноте. Джонсон 27 января 1966 г. направил Комитету послание, в котором содержались обнадеживающие обещания:

> «⟨...⟩ [Д]авайте добиваться заключения договора о нераспространении, который, как было сказано на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, "не должен иметь никаких лазеек, которые могли бы позволить ядерным или неядерным державам осуществить распространение, прямо или косвенно, ядерного оружия в любой форме". Мы готовы подписать такой договор так, чтобы он распространялся в равной степени как на ядерные, так и на неядерные страны. Мы готовы работать вместе с другими странами в деле обеспечения того, чтобы ни одна неядерная страна не могла получить свое собственное ядерное оружие, добиться национального контроля над ядерным оружием,

---

[47] LBJ Library. Papers of Lyndon Baines Johnson. National Security File. Head of State Correspondence File. Box 7. USSR. Kosygin Correrspondence. Vol. 1.

[48] U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files. 1964–66. Political & Defense. Defense. Box 1595. US–UK Disarmament Discussions: Non-Proliferation. Jan. 19–20, 1966.

получить право самой применить ядерное оружие или получить помощь в производстве или испытании ядерного оружия. Мы готовы согласиться с тем, что все это не должно осуществляться, прямо или косвенно, через третьи страны или группы стран или через подразделения вооруженных сил или военный персонал, находящийся под командованием каких-либо военных союзов»[49].

По оценке Сиборга, слова в послании были подобраны так, чтобы "задобрить" тех, кто был против многосторонних ядерных сил. Однако, отмечает он, по существу в послании уступок сделано не было[50]. И как только Комитет приступил к делу, это стало очевидным.

Косыгин 1 февраля также направил послание Комитета 18-ти. Он, в частности, заявил:

> "Советское правительство настаивает на необходимости безотлагательного заключения договора о нераспространении ядерного оружия. Если не положить предел распространению в мире ядерного оружия, то опасность возникновения ядерной войны увеличится многократно. Между тем планы такого распространения существуют, хотя они прикрыты фразами о миролюбии. Эти планы предусматривают допуск к ядерным бомбам милитаристов и реваншистов ФРГ, которая открыто ставит главной целью своей политики ревизию существующих европейских границ и захват чужих территорий ⟨...⟩.
>
> Внесенный в комитет Советским Союзом проект Договора о нераспространении ядерного оружия пронизан одним стремлением: закрыть все пути для дальнейшего распространения ядерного оружия. Он находится в полном соответствии с принятой Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией, выразившей волю народов"[51].

В послании советского премьера содержалось также предложение о предоставлении гарантий безопасности неядерным государствам, получившее в дальнейшем в литературе название "формулы Косыгина", но о нем речь пойдет в гл. 9.

В период работы Комитета 18-ти между делегациями СССР (руководитель – Царапкин) и США (руководитель – Фостер) проходили регулярные встречи и консультации в качестве сопредседателей Комитета. В самом начале сессии Комитета и в ходе советско-американских консультаций Царапкин предложил приступить к постатейному рассмотрению текста договора на основе обоих проектов. Он сказал, что имеется широкая область согласия по таким вопросам, как выход из договора, подписание, ратификация и т.п., и нужно сосредоточиться на ключевых статьях, по которым продолжают оставаться разногласия.

Разъясняя позицию СССР по существу американского проекта,

---

[49] Док. ENDC/165. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 287–90.
[50] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 176–77.
[51] Док. ENDC/167. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 290–294.

советский представитель в своем выступлении 3 марта 1966 г. заявил, что в этом проекте

> "не достает целого ряда важных обязательств в области нераспространения ядерного оружия, которые делают этот проект неприемлемым:
>
> во-первых, в американском проекте не содержится обязательств не предоставлять неядерным государствам или группам государств права участия во владении, распоряжении и использовании ядерного оружия;
>
> во-вторых, в американском проекте отсутствует важное положение о том, что участник договора, обладающий ядерным оружием, не должен предоставлять это оружие, а также контроль над ним, над его размещением и использованием подразделениям вооруженных сил или отдельным военнослужащим государств, не обладающих ядерным оружием, даже если эти подразделения переданы под командование каких-либо военных союзов;
>
> в-третьих, там, где американский проект говорит об обязательствах неядерных держав, нет важного положения о том, что такие государства обязуются воздерживаться от получения ядерного оружия в какой-либо форме, непосредственно или косвенно, в свое владение, распоряжение или использование, что они не будут участвовать во владении, распоряжении и использовании такого оружия, а также в проведении его испытаний"[52].

17 февраля 1966 г. американский представитель передал советскому представителю измененный проект договора о нераспространении, в который были внесены некоторые поправки по сравнению с текстом, предложенным США 17 августа 1965 г. Основные отличия состояли в следующем:

> – ядерное оружие не должно передаваться ядерной державой не только под национальный контроль какого-либо неядерного государства, но и под контроль "любой группировки государств, не обладающих ядерным оружием" (ст. I, п. 1); соответственно, неядерное государство не должно принимать ядерное оружие под свой национальный контроль или "под контроль любой группировки государств, не обладающих ядерным оружием, членом которой оно является" (ст. II, п. 1). Но НАТО не было такой группировкой, так как в Североатлантический блок входили как неядерные, так и ядерные государства;
>
> – не должны предприниматься действия, которые "повели бы к увеличению общего числа государств и группировок государств, имеющих контроль над ядерным оружием" (ст. I, п. 3);
>
> – контроль определялся как "право или способность применить ядерное оружие без одновременного решения существующего государства, обладающего ядерным оружием" (ст. IV, п. "с")[53].

---

[52] Док. ENDC/PV. 245. Приводится по: Там же. С. 335.

[53] Цитаты из текста Фостера приводятся по: Там же. С. 313–316.

21 марта поправки к американскому проекту были официально внесены на рассмотрение Комитета 18-ти[54]. Поясняя определение контроля, Фостер заявил:

> "Я должен подчеркнуть, что решение ядерного государства должно быть ясным; оно должно быть одновременным с соответствующим событием; оно не может быть в виде общего согласия, данного заранее. Более того, необходимо иметь в виду, что в соответствии с этим определением контроль относится не только к праву, но также и к способности применить ядерное оружие".

Фостер также подчеркнул, что ни одно из возможных мероприятий по ядерной обороне НАТО не вело бы к отмене американского вето на использование ядерного оружия[55].

Советская реакция была очевидной. 29 марта Царапкин заявил в Комитете, что внесенные США поправки "не исправляют основных пороков их первоначального проекта". Он сказал далее:

> «⟨...⟩ [Н]овый вариант 1-й статьи американского проекта, запрещая передачу ядерного оружия под "национальный контроль" неядерного государства или группы таких государств, в то же время ни в малейшей степени не препятствует передаче ядерного оружия в какой бы то ни было форме во владение или распоряжение государств через посредство военных блоков. Таким образом, американский проект, как и раньше, не запрещает представление государствам, принадлежащим к военным союзам с ядерными державами, права участия во владении, распоряжении и использовании ядерного оружия.
>
> ⟨...⟩ [П]араграф 3 содержит явно неудовлетворительное, да и при том весьма двусмысленное положение. Он предусматривает обязательство ядерных держав – участников договора не увеличивать общего числа ядерных держав и союзов государств, обладающих ядерным оружием. Но он допускает, например, что место одной ядерной державы может быть занято союзом государств, который будет обладать ядерным оружием ⟨...⟩.
>
> ⟨...⟩ [Е]сли мы допускаем трансформацию ядерной державы в союз ядерных государств, то мы тем самым допускаем распространение ядерного оружия на те государства, которые до вхождения в ядерный союз сами не располагали ядерным оружием ⟨...⟩. Вместо, допустим, 5 ядерных держав будет 4 ядерные державы и один ядерный союз, охватывающий, например, 15 государств, входящих в этот союз. Таким образом, будет не 5, а 19 государств, в той или иной мере приобщенных к ядерному оружию.
>
> ⟨...⟩ Если бы был заключен договор на предлагаемых

---

[54] Док. ENDC/152/Add. 1.

[55] US ACDA. Texts and Histories of Negotiations. US Arms Control and Disarmament Agency. Wash. (D.C.), 1990 Edition. P. 36 – 37.

Соединенными Штатами условиях, то в таких военно-политических группировках, как НАТО, могли бы свободно создаваться многосторонние ядерные силы или осуществляться другие проекты, с помощью которых неядерные государства приобщались бы к ядерному оружию ⟨...⟩.

⟨...⟩ [С]лово "контроль" определяется как "право или способность применить ядерное оружие". Эта формулировка означает, что Соединенные Штаты отнюдь не имеют в виду запретить такую форму распоряжения ядерным оружием, как коллективное владение, распоряжение и использование ядерного оружия в рамках военных союзов ⟨...⟩.

⟨...⟩ [Г]осударства, которые **физически** и **юридически** имеют ядерное оружие, но не располагают правом самостоятельно применить его, не считаются государствами, обладающими ядерным оружием. Следовательно, можно сделать вывод, что американский проект договора допускает юридическое и физическое владение ядерным оружием теми государствами, которые ныне таким оружием не располагают. С этим согласиться, разумеется, нельзя ⟨...⟩.

⟨...⟩ [Н]ам представляются совершенно неубедительными доводы о "вето", с помощью которого США смогут-де предотвратить применение ядерного оружия неядерными державами, входящими в союз с ядерными державами. Ни Советский Союз, ни, я полагаю, многие другие государства, как участники, так и неучастники Комитета 18, не могут основывать свою безопасность на праве "вето" США при решении в НАТО вопросов об использовании ядерного оружия»[56].

В своих внутренних документах сами американцы признавали, что поправки от 21 марта, "действительно, не сужали фундаментальные разногласия с Советами по вопросу о МЯС/АЯС"[57]. Англичане в памятной записке госдепартаменту от 1 июня 1966 г. также признавали, что "последний вариант американского проекта договора о нераспространении (включающий поправки, внесенные в Женеве 21 марта 1966 г.) все же разрешает передачу (при определенных условиях) контроля над ядерным оружием ассоциации государств[58].

Неприсоединившиеся страны в целом симпатизировали советской точке зрения о важности закрытия всех лазеек для распространения ядерного оружия, однако стремились не присоединяться публично к позиции той или иной стороны. Основной упор они делали на необходимости обеспечения баланса интересов и взаимной ответственности и обязательств как ядерных, так и неядерных государств, отталкиваясь от соответствующего принципа, зафиксированного в пункте "b" резолюции 2028.

---

[56] Док. ENDC/PV. 252. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 361–369.

[57] *Keeny, Jr., Spurgeon M.* The Non-Proliferation Treaty. 12/24/68. P. 3. LBJ Library. National Security File. National Security Council History. Non-Proliferation Treaty. Boxes 55, 56.

[58] FRUS, 1964–1968. Vol. XI: Arms Control and Disarmament. P. 325–326.

19 августа, накануне завершения сессии Комитета 18-ти, они внесли Совместный меморандум по вопросу о нераспространении ядерного оружия, перечислявший, как уже отмечалось, требования неприсоединившихся стран относительно "ощутимых" шагов в области ограничения ядерных вооружений и гарантий безопасности, которые должны сочетаться с договором или сопровождать его. В меморандуме давалась оценка положения дел с подготовкой договора:

> "Делегации восьми государств сожалеют о том, что до сих пор невозможно было прийти к соглашению о договоре, приемлемом для всех договаривающихся сторон. Они глубоко встревожены опасностью, присущей ситуации, в которой отсутствует соглашение, предотвращающее распространение ядерного оружия ⟨...⟩.
>
> Делегации восьми государств отдают себе отчет в том, что главным препятствием к заключению соглашения до сих пор являются разногласия во взглядах относительно ядерных вооружений внутри союзов, что является проблемой, обсуждавшейся в основном между главными ядерными державами и их союзниками"[59].

Таким образом, вопрос о многосторонних ядерных силах НАТО и разногласия по этому вопросу между обеими сторонами продолжали в течение всей работы Женевского комитета 18-ти в 1966 г. (с конца января по конец августа) блокировать прогресс в разработке договора о нераспространении.

Состоявшаяся затем в Нью-Йорке XXI сессия Генеральной Ассамблеи рассмотрела вопрос о нераспространении. Советский Союз предложил в повестку дня сессии вопрос "Об отказе государств от действий, затрудняющих достижение договоренности о нераспространении ядерного оружия" и внес проект резолюции, в котором все государства призывались "впредь до заключения договора о нераспространении ядерного оружия воздерживаться от всяких действий, которые могли бы затруднить достижение договоренности о нераспространении ядерного оружия".

В объяснительной записке к вносимому пункту повестки дня и проекту резолюции заявлялось, что причиной отсутствия соглашения по нераспространению является то, что "западные страны, и в первую очередь Соединенные Штаты Америки, ⟨...⟩ стремятся сохранить в договоре о нераспространении лазейки, открывающие возможность для приобщения к ядерному оружию неядерных государств – участников НАТО, и прежде всего Западной Германии, или для осуществления других проектов так называемого разделения ядерной ответственности в рамках этого союза"[60]. Соединенные Штаты – а ко времени рассмотрения резолюции Генассамблеей уже основательно продвинулись проходившие в Нью-Йорке конфиденциальные советско-американские переговоры по договору (см. гл. 8) – не препятствовали принятию резолюции, а после внесения в нее нескольких непринципиальных поправок даже стали соавтором. В

---

[59] Док. ENDC/178. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 610–613.
[60] Док. ООН A/6398 от 23 сентября 1966 г. Приводится по: Там же. С. 649–651.

итоге резолюция была принята 4 ноября 1966 г. 110 голосами против 1 (Албания) и при одном воздержавшемся (Куба)[61].

На той же сессии по докладу Комитета 18-ти по инициативе неприсоединившихся стран была принята еще одна резолюция, в которой акцент делался на соблюдении баланса обязательств ядерных и неядерных государств и, в частности, на необходимости предоставления ядерными державами гарантий безопасности неядерным странам (резолюция 2153 А(XXI)).

Состоявшиеся в течение 1966 г. обсуждения проблемы ядерного нераспространения в Комитете 18-ти и на Генеральной Ассамблее ООН хотя и не привели к конкретным результатам, все же не прошли даром. Они помогли четче выявить позиции сторон[62], привлечь внимание основных держав к тем проблемам, которые препятствуют соглашению (прежде всего к проблеме МЯС, которую США в дальнейшем сняли), способствовали более глубокому пониманию необходимости ускорения решения вопросов договора. Дискуссии в ООН и в Комитете в 1965 и 1966 гг. позволили и неприсоединившимся странам определить в основных чертах свои пожелания по договору. Тем самым была заложена основа для дальнейшего поступательного движения в направлении заключения договора.

---

[61] Резолюция 2149 (XXI).

[62] 5 июля 1966 г. делегация Канады распространила в качестве официального документа Комитета 18-ти весьма полезную наглядную таблицу постатейного сравнения советского и американского проектов договора о нераспространении (док. ENDC/175). См.: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 803–809).

Глава 8

ПЕРЕГОВОРЫ ПО ДОГОВОРУ О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (1966–1968)

Рассмотрение проблемы предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия в ООН и в Женевском комитете по разоружению в конце 50-х – первой половине 60-х годов и параллельно проходившие консультации и контакты по этому вопросу между СССР и США подготовили почву для основательных переговоров по заключению ДНЯО, сначала между этими державами, а затем в Женевском комитете 18-ти государств по разоружению и, наконец, на Генеральной Ассамблее ООН. Эти переговоры продолжались без малого два года – с сентября 1966 по июнь 1968 гг.

1. КАНУН ПЕРЕГОВОРОВ

Осенью 1966 г., в период работы XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в Нью-Йорке начались конфиденциальные советско-американские переговоры по ДНЯО.

Этому предшествовали интенсивные консультации между делегациями СССР и США в Комитете 18-ти летом 1966 г., проходившие на фоне дальнейших подвижек в американской позиции по многосторонним ядерным силам НАТО. Эти подвижки вытекали из постепенного пересмотра отношения Соединенных Штатов к проблеме МЯС и "разделения ядерной ответственности" в рамках Североатлантического союза, а также из все более отчетливого понимания неотложного характера проблемы предотвращения распространения ядерного оружия и необходимости заключения ДНЯО.

По свидетельству Сиборга, важным фактором в произошедшем сдвиге в позиции администрации США был "феномен" Дина Раска, тогдашнего американского госсекретаря. Начиная с середины 1966 г., он "перестал быть частью проблемы, а стал частью ее решения"[1]. В немалой степени этому сдвигу способствовала позиция руководства Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР) – прежде всего директора агентства Уильяма Фостера и его заместителя Адриана Фишера, которые

[1] Выражение принадлежит Сперджену Кини мл. – сотруднику аппарата Белого Дома, в дальнейшем заместителю директора АКВР, а ныне президенту неправительственной организации Ассоциации по контролю над вооружениями и редактору издаваемого ею журнала "Arms Control Today". Приводится по: *Seaborg Glenn T.* Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington (MA); Toronto: Lexington Books, 1986. P. 189.

последовательно и настойчиво отстаивали в межведомственных дискуссиях важность, с точки зрения национальных интересов США, скорейшего заключения ДНЯО[2].

В июне 1966 г. Раск предложил межведомственной рабочей группе подготовить упрощенный вариант основных статей договора с учетом советской позиции о необходимости запрета "физического доступа" к ядерному оружию неядерных государств[3]. Можно с определенностью говорить о том, что указание Раска было согласовано с президентом Джонсоном, потому что вскоре после этого, на пресс-конференции 5 июля, президент заявил, что появилась возможность достижения "взаимоприемлемого компромисса" с русскими по тексту договора.

8 июля 1966 г. заместитель директора АКВР Адриан Фишер предложил компромиссную формулировку, предусматривавшую запрет на "передачу ядерного оружия любому государству, не обладающему ядерным оружием, или любой группировке государств"[4]. Представитель США в Комитете 18-ти (он же директор АКВР Фостер) прилетел в Вашингтон и добился получения указаний, одобренных Раском, переговорить "на личной основе" и "ad referendum"[5] с новым советским представителем А.А. Рощиным, незадолго до этого сменившим в Женеве С.К. Царапкина (который был назначен послом в Бонн), и выяснить "личное мнение" Рощина относительно возможной договоренности. В инструкциях американскому представителю от 27 июля говорилось:

> «Вы должны сказать ему (представителю СССР. – *Авт.*), что на Вас произвело впечатление, какой упор он делает на запрет "передачи" ядерного оружия. Добавьте к этому, что Вы обдумывали, какие рекомендации направить в Вашингтон ⟨...⟩ и Вы были бы благодарны за обмен мнениями на личной основе с тем, чтобы можно было представить Ваши рекомендации до конца недели. (Скажите, что), как Вы понимаете, ни он, ни его правительство никоим образом не будет связано его мнением, также как Вы и Ваше правительство не будет связано Вашим предложением».

---

[2] На эту сторону справедливо обратил внимание журнал "Arms Control Today" в 1997 г., когда администрация США решила прекратить самостоятельное существование АКВР и подчинить его госдепартаменту. Сперджен Кини писал в этой связи: "В период администрации Джонсона настойчивые усилия АКВР договориться о ДНЯО, вопреки оппозиции госдепартамента, дали возможность Джонсону пойти на этот договор, несмотря на возражения наших основных союзников" (Arms Control Today. 1997. Apr. P. 2).

[3] FRUS. Vol. XI. (1964–1968). Arms Control and Disarmament. Wash. (D.C.): U.S. Gov. Print. Office. P. 334–339.

[4] *Bunn George.* Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians. Stanford (CA): Stanf. Univ. Press, 1992. P. 75; *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 189.

[5] Ad referendum (Lat.) – для доклада вышестоящей инстанции. Как поясняет Банн, было отдано предпочтение такому личному обращению, чтобы оставить возможность дезавуирования на тот случай, если Советский Союз использовал бы согласие на формулу о "непередаче" с целью поставить США в затруднительное положение перед союзниками по НАТО, с которыми этот вопрос не согласовывался (*Bunn George.* Op. cit. P. 75).

Представителю США (в Женеве в это время был Фишер, а его начальник Фостер находился в Вашингтоне) было поручено предложить Рощину следующий текст:

> "Каждое из государств-участников настоящего договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать ядерное оружие какому-либо государству, не обладающему ядерным оружием, и не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия".

Слова "или любой группировке государств" не были включены в передаваемый Рощину текст. В этой связи Фишеру было дано указание:

> "Если Рощин спросит, почему отсутствует формулировка о группировках государств, ⟨...⟩ Вам следует ответить, что цель Вашего предложения состоит в том, чтобы выяснить, не может ли быть найдена простая формула, дабы избежать некоторых из тех трудностей, которые вызывали тупиковое положение. Вам не следует давать каких-либо дополнительных пояснений, а лишь стремиться выяснить его реакцию ⟨...⟩"[6].

В ходе бесед, состоявшихся 28 июля и 8 августа, Рощин сказал Фишеру, что предложенный текст является шагом в направлении советской позиции. Однако, заметил он, в нем отсутствует ряд положений, в том числе о непередаче ядерного оружия группировкам государств, и поэтому текст не может служить основой для переговоров[7].

По результатам неофициальных консультаций Фишер передал в Вашингтон 25 августа измененный текст, который, по его мнению, мог бы стать базой для переговоров. Статья I сохранялась бы в формулировке, предложенной Рощину, но при этом была бы добавлена отдельная статья, предусматривающая, что ни одно из запрещаемых действий не могло бы осуществляться через третьи государства, группировки государств или подразделения вооруженных сил, даже если они приданы военному союзу. Однако одновременно Фишер предложил еще одну новую статью, в соответствии с которой договор оставался бы в силе в течение пяти или десяти лет, и за шесть месяцев до истечения срока действия договора созывалась бы конференция для решения вопроса о его продлении. Он пояснил, что это предложение "направлено на то, чтобы ослабить (нежелательное) воздействие на потенциальные ядерные государства и избежать впечатления, что решение об отказе от ядерного оружия принимается на вечные времена, тем самым сделав его более приемлемым для ФРГ на том основании, что будущее развитие НАТО не будет навсегда заблокировано"[8].

Из доступных архивных или каких-либо других источников не известна

---

[6] LBJ Library. National Security File. National Security Council. History Non-Proliferation Treaty. Boxes 55, 56.

[7] Ibid.

[8] Ibid.

реакция американской администрации на телеграмму Фишера, однако следует полагать, что его предложения развития не получили, так как ни по вопросу о непередаче, ни по срокам действия договора США в тот период с подобными предложениями не выступали.

Тем не менее 26 августа президент Джонсон, выступая в штате Айдахо, заявил: "Я считаю, что мы сможем найти приемлемую формулировку, с которой согласились бы разумные люди. Просто необходимо двигаться вперед, потому что для всех нас на карту поставлена большая ставка – строительство мира на той планете, на которой мы живем"[9].

Подводя итоги советско-американских консультаций в Женеве в июле–августе 1966 г., Фостер в меморандуме на имя Раска от 30 августа информировал его на основании бесед между Фишером и Рощиным, что можно предвидеть возможность выработки договора, который не запрещал бы консультационного типа договоренностей с НАТО (т.е. типа комитета ядерного планирования, предложенного Макнамарой), и не препятствовал бы функционированию существующих двусторонних договоренностей (bilateral arrangements) с партнерами по НАТО, т.е. договоренностей, основанных на принципе "двух ключей" в отношении применения американского ядерного оружия, приданного Североатлантическому союзу, следовательно, при сохранении американского вето на его использование.

Однако "заключить договор, который обходил бы вопрос о непередаче группировкам государств, – по мнению Фостера, – было бы невозможно". "Я считаю, – продолжал он, – что для достижения договора нам придется запретить передачу ядерного оружия неядерному государству как прямо, так и косвенно через группировку государств. Я думаю, однако, что мы смогли бы разработать договор, который не исключал бы любое решение, на которое мы могли бы реально рассчитывать". Фостер предложил, чтобы президент направил послание канцлеру ФРГ Эрхарду, в котором информировал бы его, что создание сил НАТО, влекущих за собой коллективное владение ядерным оружием, размещаемым Соединенными Штатами, более нереально и что европейские ядерные силы могли бы стать возможными только в контексте полной политической федерации, в которую вступила бы одна из существующих (западноевропейских) ядерных держав.

Директор АКВР предложил сообщить советской стороне, что США "не предполагают создание каких-либо сил в рамках НАТО, которые влекли бы за собой совместное владение ядерным оружием", и высказал мнение, что следует вступить в "серьезные переговоры" с Советским Союзом либо на уровне Раск–Громыко, либо путем направления послания президента США на имя председателя Совета министров СССР[10].

2 сентября помощник президента по национальной безопасности Уолт Ростоу докладывал Джонсону на основании своего разговора с Макнамарой, что, по его мнению и по мнению министра обороны, договариваться с Советским Союзом о нераспространении следовало бы на той

---

[9] *Seaborg Glenn*. Op. cit. P. 191.

[10] LBJ Library. National Security File. Boxes 55, 56.

основе, что США обязуются не отказываться от своего права вето на применение ядерного оружия "ни при каких обстоятельствах в будущем и какую бы форму ядерная организация на Западе не приняла". Но, продолжал Ростоу в своем меморандуме президенту, в случае договоренности с русскими еще придется убеждать своих европейских союзников. На основании этого меморандума Ростоу, видимо с согласия президента, направил 3 сентября свое предложение Раску. В нем он подчеркнул, что вначале следует договариваться с русскими, а также отметил значение соглашения о нераспространении для решения и других проблем, в том числе для "сдерживания гонки в области противоракетной обороны"[11].

В порядке подготовки к встрече между Раском и Громыко, которая планировалась в связи с открывавшейся в середине сентября очередной сессией Генассамблеи ООН, 9 сентября состоялась беседа между руководителем юридической службы АКВР (General Counsel) Банном и советником посольства СССР в Вашингтоне Ю.М. Воронцовым, в ходе которой Банн информировал, что США не пойдут на заключение такого договора о нераспространении, который привел бы к изменению существующих в НАТО договоренностей о размещении ядерного оружия или запрещал бы проведение консультаций по ядерной обороне. В то же время Банн подчеркнул: "Мы понимаем озабоченность в отношении того, чтобы комитет Макнамары не превратился в орган, который путем голосования принимал бы решения относительно применения американского ядерного оружия. Но мы и не намерены так поступать"[12].

Громыко прибыл на сессию Генассамблеи ООН, имея указание исходить из того, что если в ближайшее время совместными усилиями СССР и США не будут приняты действенные меры по недопущению распространения ядерного оружия и с этой целью не будет заключен договор, то в дальнейшем это будет сделать несоизмеримо труднее. Договор должен исключать какое бы то ни было распространение и не допускать никаких лазеек. СССР готов договориться о том, какие действия должны быть по договору запрещены, именно **запрещены,** а не разрешены. При подготовке этих указаний МИД исходил из того, что вопрос о проведении консультаций по ядерным вопросам в рамках Комитета Макнамары не следует считать препятствием к заключению договора о нераспространении, в договоре об этом просто не будет упоминаться. Учитывалось также и то, что положительные факторы в пользу договора превышают тот относительно отрицательный момент, что руководство КНР, очевидно, попытается использовать договор для измышлений о сговоре с США. В подготовленных в МИД для ЦК КПСС материалах сообщалось, что в ближайшее время смогут начать производство ядерного оружия Индия, Канада, Италия, Япония, Бельгия, Швеция, Нидерланды, Израиль, ЧССР и, что особенно опасно, ФРГ.

Громыко и Раск имели две продолжительные встречи 22 и 24 сентября. Министры подчеркнули неотложный характер проблемы нераспро-

---

[11] Ibid. Files of Walt W. Rostow. Box 11. September 2. 1966 Memorandum by Rostow was published in FRUS, 1964–1968. Vol. XI. P. 354–356.

[12] LBJ Library. Boxes 55, 56; *Bunn George*. Op. cit. P. 76.

странения. Раск заверил Громыко, что США "никогда не намеревались предоставлять ядерное оружие и отказываться от контроля над ним под прикрытием смешанных сил, например, МЯС". С советской стороны было обращено внимание на то, что из-за известных разногласий было потеряно очень много времени. Раск сказал, что в результате недавних контактов в Женеве между Фостером и Рощиным "ощущается возможность движения к соглашению"[13].

Между 22 и 24 сентября состоялись контакты между экспертами обеих сторон, в ходе которых обсуждались возможные формулировки статей I и II. Затем министры в общих чертах прошлись по предварительным вариантам статей и очертили границы, в рамках которых возможно достичь соглашения. В ходе встреч между двумя министрами было достигнуто общее понимание, что договор не будет разрешать передачу ядерного оружия или контроля над ним группировкам государств, но существующие мероприятия по ядерным вооружениям в военных союзах, и в том числе вопросы ядерного планирования, не будут подлежать запрету. Раск высказал мнение, что такое общее понимание составляет 99% соглашения между двумя странами по нераспространению. Со своей стороны, Громыко согласился, что позиции двух стран близки и что их представителям в Комитете 18-ти следует продолжить работу по согласованию взаимоприемлемого проекта[14].

Министрами было решено создать двустороннюю рабочую группу для выработки соглашения по ключевым статьям договора – I (основные обязательства ядерных государств), II (основные обязательства неядерных государств) и III (контроль), а также и по другим положениям договора. С советской стороны в группу вошли А.А. Рощин, Л.И. Менделевич и Р.М. Тимербаев, с американской – Уильям Фостер, Сэмюэль де Пальма и Джордж Банн. В переговорах участвовали также советник советской делегации М.В. Антясов и советник госдепартамента по юридическим вопросам Леонард Микер. На одной из встреч делегаций присутствовал находившийся в тот период в Нью-Йорке первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов.

10 октября в Вашингтоне состоялись беседы Громыко с президентом Джонсоном и отдельно с госсекретарем Раском, в ходе которых стороны подтвердили стремление к скорейшему заключению договора и высказали оптимистическое отношение как Советского Союза, так и США к перспективам его выработки.

В обеих столицах существовали системы межведомственных согласований позиций на переговорах. В Советском Союзе в тот период не было специального межведомственного механизма подготовки решений по вопросам ограничения вооружений и разоружения. Проекты решений перед представлением на утверждение Политбюро ЦК КПСС (которые затем обычно, но далеко не всегда, оформлялись как постановления или

---

[13] LBJ Library. National Security File. Boxes 55, 56; Administrative History of the Department of State. Vol. I. Chap. 3 (Europe), Sec. A & B. Box 7. Doc. b. 3. P. 26–27.

[14] Ibid. Sec. E (The Soviet Union and the United States). Box 1. Subsection j. (The Nuclear Nonproliferation Treaty). P. 33; Memoranda of Rusk–Gromyko Conversations on 22 and 24 September, 1966. Published in FRUS, 1964–1968. Vol. XI. P. 368–374, 375–382.

распоряжения правительства) согласовывались между заинтересованными ведомствами в рабочем порядке, часто по телефону правительственной связи, или в рабочих группах, создаваемых для каждого отдельного случая. Созывал эти группы обычно МИД. Поэтому ключевую роль в ходе согласований, как правило, играли его ответственные представители – обычно К.В. Новиков, заведующий Отделом международных организаций, а в его отсутствие один из его заместителей (Ю.М. Воронцов, О.А. Гриневский или Р.М. Тимербаев). Межведомственная комиссия по нераспространению ядерного оружия под председательством первого заместителя министра иностранных дел Г.М. Корниенко была создана в конце 70-х годов[15].

Следует подчеркнуть, что за все время переговоров по нераспространению (а мне довелось быть причастным к ним на всем их протяжении – либо в Нью-Йорке, либо в Женеве, либо в Москве) я не припомню случая, когда при межведомственных согласованиях возникали бы какие-либо трудности и тем более разногласия принципиального характера. Все основные ведомства – соответствующие отделы ЦК КПСС, МИД, Министерство обороны, Министерство среднего машиностроения (нынешний Минатом), ВПК (Комиссия Совета Министров по военно-промышленным вопросам), КГБ – действовали вполне согласованно, имея перед собой в качестве центральной задачи жизненно важную необходимость для интересов безопасности Советского Союза поставить предел распространению в мире ядерного оружия и, главное, предотвратить допуск к нему ФРГ.

Не возникало сложностей при согласовании позиций на переговорах по нераспространению и с союзниками СССР по Варшавскому договору, если не считать некоторых трений с Румынией, к которым в Москве привыкли и особенного значения им не придавали. Нам было известно, что румынские представители информируют западные делегации о том, что происходило на заседаниях группы социалистических стран, и мы принимали необходимые меры к тому, чтобы ограничить обмен с ними наиболее конфиденциальной информацией. Как показывает знакомство с американскими архивными материалами, особенно с телеграммами миссии США в Женеве госдепартаменту, некоторые румынские представители не раз "грешили" нелояльным отношением к своим союзникам по Варшавскому пакту.

У наших основных контрагентов – Соединенных Штатов в Вашингтоне, как уже отмечалось, функционировал Комитет основных представителей (Committee of Principals) – межведомственный комитет по проблемам контроля над вооружениями, состоящий из руководителей или заместителей руководителей соответствующих ведомств под председательством государственного секретаря, директора АКВР или их заместителей.

---

[15] Что касается других проблем разоружения, то для проработки вопросов ограничения и сокращения стратегических вооружений и подготовки решений в ноябре 1969 г. была создана специальная комиссия Политбюро – "Большая пятерка" (см.: *Savel'ev Aleksandr G., Detinov Nikolay N.* The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Westport (CT): Praeger, 1995).

Серьезные переговоры о заключении договора о нераспространении стали возможными, когда обе державы в полной мере прониклись пониманием своей глубокой заинтересованности, с точки зрения совпадающих интересов национальной безопасности и независимо от разногласий по многим другим внешнеполитическим и иным проблемам (не следует забывать, что в тот период США вели войну во Вьетнаме), в скорейшем предотвращении дальнейшего распространения ядерного оружия. А как только для них это превратилось в очевидность, в политический императив, стороны стали не только возлагать надежды, но и высказывать даже уверенность в том, что переговоры непременно **должны** привести к положительному результату. Соответственно этому они и строили свое отношение к обсуждавшимся на переговорах вопросам.

Они отлично понимали, что этот процесс по необходимости будет сложным, а потому медленным и потребует максимума терпения и настойчивости и что нужно будет делать все реалистически возможное, чтобы не допустить срыва переговоров. В наибольшей степени это, пожалуй, относилось к американцам, которым приходилось иметь дело и со своими союзниками, прежде всего с руководством Западной Германии, где процесс "приобщения" к идее нераспространения шел особенно сложно. Советская сторона и ее союзники, как уже подчеркивалось, не испытывали каких-либо колебаний в отношении необходимости договора, настаивая лишь на том, чтобы он закрывал любые лазейки для распространения, и стремились помочь нахождению взаимоприемлемых формул, никак не ущемлявших их позиций. Понимание этого общего интереса незримо ощущалось с первых встреч в Вашингтоне и Нью-Йорке и в ходе всех последующих переговоров в Женеве и вновь в Нью-Йорке на сессии ООН в 1968 г., и именно это явилось залогом успеха переговоров.

2. ПОРЯДОК, ФОРМАТ И ХОД ПЕРЕГОВОРОВ

Переговоры в Нью-Йорке велись конфиденциально и на основе "ad referendum". Как правило, они проходили в резиденции Фостера в нью-йоркском отеле "Уолдорф–Астория Тауэрс". Первые заседания начались в конце сентября 1966 г. и продолжались почти до Рождества. В Нью-Йорке первая и вторая статьи были практически согласованы, и началась работа над третьей и некоторыми другими статьями договора.

Возобновились переговоры в Женеве в начале 1967 г. в рамках Комитета 18-ти и проходили там с небольшими перерывами более года – с 21 февраля 1967 г. по 14 марта 1968 г. Этот Комитет состоял, как уже отмечалось, из трех групп государств: пяти социалистических (СССР, Польша, Чехословакия, Болгария и Румыния), пяти западных (США, Англия, Франция, Италия и Канада) и восьми неприсоединившихся и нейтральных (Бирма, Бразилия, Индия, Мексика, Нигерия, ОАР, Швеция и Эфиопия).

Комитет работал на основе консенсуса. СССР и США были его постоянными сопредседателями. На практике это означало, что делегации обеих стран разрабатывали и согласовывали рекомендации, которые затем представлялись на рассмотрение и одобрение Комитета. Само собой

разумеется, что сопредседатели при выработке рекомендаций действовали в тесном контакте со своими союзниками, а также консультировались с наиболее влиятельными неприсоединившимися государствами. Сопредседатели время от времени, как правило по взаимному согласованию, информировали Комитет о ходе переговоров. Многие делегации выступали в нем с заявлениями, а также направляли сопредседателям ноты, памятные записки и другие дипломатические документы, в которых излагались их позиции или предложения и поправки по тем или иным положениям договора.

Ряд государств, внимательно и заинтересованно (исходя, разумеется, из своих собственных национальных интересов) следивших за ходом переговоров по договору о нераспространении, в частности такие, как ФРГ, Япония, ГДР, Бельгия, Югославия, не были представлены в Комитете. Они направили в Женеву своих наблюдателей, из которых своей активностью в работе с членами Комитета выделялись специальные представители Бонна в ранге послов Швидберт Шниппенкёттер[16] и Юрген Дизель[17]. Часто точка зрения ФРГ по договору озвучивалась в Комитете одной из западных стран, чаще всего Италией[18]. Значительный интерес к переговорам по ДНЯО проявляла японская миссия в Женеве, в частности, ее представитель Сенгоку.

Сопредседатели поддерживали контакты по вопросам договора с государствами–членами Комитета 18-ти в ходе двусторонних консультаций, проходивших в Москве, Вашингтоне, и в других столицах (см. гл. 9, где, в частности, говорится о консультациях ядерных держав с Индией по вопросу о предоставлении гарантии безопасности неядерным государствам), а также и с другими государствами[19].

Переговоры между делегациями проходили практически исключи

---

[16] Директор бюро по вопросам разоружения и контроля над вооружениями МИД ФРГ.

[17] Генеральный консул ФРГ в Женеве.

[18] Как отмечала исследовавшая позицию Италии на переговорах Луиза Каламо, "итальянское правительство строго придерживалось немецкой позиции" (*Calamo Luisa*. Non-Proliferation in Italy // Lo Spettatore Internazionale. 1967. N 3. P. 227. Цит. по: *Kuntzel Matthias*. Bonn & the Bomb, German Politics and the Nuclear Option L.: Pluto Press, 1985. P. 86.

По оценке ЦРУ, "во многих отношениях итальянские лидеры более громко возражают против проекта договора, чем немцы (...) Решительность их возражений удивила многих, но Риму будет трудно не последовать за союзниками, если те пойдут на договор" (CIA. Intelligence Memorandum. Status of Negotiations on the Nonproliferation Treaty. May 8, 1967. P. 5. LBJ Library. National Security File. Subject File. Box 26).

Англичане же считали, что во внутренних обсуждениях внутри НАТО итальянцы "прячутся за спинами немцев", как выразился Стрит, заведующий Отделом атомной энергии и разоружения Форейн Офиса, в беседе с советником посольства США в Лондоне 31 марта 1967 г. (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967–1969. Political and Defense. Box 1632).

[19] Так, американцы, в частности, имели контакты с Израилем и Южной Африкой и доверительно высказывали нам свою неудовлетворенность тем, что не проявили достаточной настойчивости в своих усилиях вовлечь эти государства в процесс нераспространения. Что касается Израиля, то демократические администрации Кеннеди и Джонсона действительно предпринимали определенные попытки сдержать его ядерные амбиции, однако это не встречало поддержки в конгрессе. После же прихода к власти администрации Никсона, ситуация изменилась в пользу Израиля (см. гл. 3).

тельно на английском языке, который в наше время в значительной мере заменил использовавшийся в прошлом французский язык как средство дипломатического общения. Это обстоятельство намного ускоряло процесс переговоров, позволяло легче находить взаимоприемлемые формулировки, что, как правило, достигалось в ходе доверительных встреч. Предварительно согласованные между двумя делегациями положения и пункты тех или иных статей договора тут же переводились на русский язык и передавались в Москву на утверждение. В интересах дела советская сторона сознательно шла на отказ от взаимности и на некоторое "ущемление" прав русского языка, и в конечном счете такое решение было полностью оправданным. Здесь хотелось бы еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что обе стороны нередко отказывались от многих условностей ради скорейшего достижения конечного положительного результата.

Наряду с основной работой над договором, проходившей в Женеве, между Советским Союзом и Соединенными Штатами время от времени проводились консультации на более высоком уровне, включая высший. В ходе встречи между председателем Совета Министров СССР Косыгиным и президентом США Джонсоном в Гласборо (штат Нью-Джерси) 23–25 июня 1967 г. состоялся обмен мнениями о положении дел на переговорах по ДНЯО. По окончании встречи Косыгин заявил на пресс-конференции:

> "Что касается ⟨...⟩ нераспространения ядерного оружия, то мы считаем, что имело место существенное продвижение вперед. ⟨...⟩ Мы продолжаем наши усилия в интересах нахождения решения этой проблемы. Я хочу сказать, что Советский Союз заинтересован в достижении положения, когда не будет распространения ядерного оружия. И мы считаем, что Соединенные Штаты преследуют ту же цель, как и большинство стран мира".

Со своей стороны, президент Джонсон заявил на пресс-конференции:

> "Мы согласились, что сейчас очень важно достичь международного соглашения по договору о нераспространении"[20].

Завершающая стадия переговоров состоялась в Нью-Йорке в ходе XII возобновленной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (24 апреля – 12 июня 1968 г.), которая одобрила договор и открыла его для подписания.

3. СОГЛАСОВАНИЕ СТАТЕЙ I И II

В ходе нью-йоркской фазы двусторонних переговоров вначале было разработано для последующего рассмотрения на более высоком уровне несколько альтернативных вариантов статьи I, каждый из которых содержал формулу о непередаче ядерного оружия или контроля над ним. В

[20] Background Paper on Non-Proliferation. U.S. Arms Control and Disarmament Agency. Wash. (D.C.) June 26. 1967. Hoover Institution Archives. Atlantic Council of the U.S. Collection. Box 200.

соответствии с первым вариантом запрещалась бы передача ядерной державой ядерного оружия "прямо или косвенно любому государству, не обладающему ядерным оружием, военному союзу или группировке государств"; второй вариант предусматривал запрет на передачу **в силу участия** в военном союзе или группировке; по третьему варианту ядерное оружие не будет передаваться "кому бы то ни было" ("to any recipient whatsoever"). По свидетельству Банна, автором последней формулировки был советник госдепартамента по юридическим вопросам Леонард Микер. С советской стороны была также выдвинута формулировка о непередаче "индивидуально или коллективно с другими членами военного союза или группировки".

Обе стороны с самого начала исходили из того, что не должно проводиться никаких различий между ядерными взрывными устройствами, независимо от того, для каких целей они используются – военных или мирных. Первоначально в американских предложениях фигурировала формула "ядерные взрывчатые вещества" ("nuclear explosives"), однако она была признана, по предложению советской стороны, неудачной, поскольку могла бы охватывать и используемый в исследовательских реакторах высокообогащенный уран[21]. Тогда с американской стороны было предложено предусмотреть в договоре, что запрещается передача не только ядерного оружия, но и "других ядерных взрывных **устройств**" ("other nuclear explosive devices", т.е. следовательно, и устройств для ядерных взрывов в мирных целях, что было принято советской стороной.

В ходе дальнейшей работы был предварительно, на основе "ad referendum", согласован текст, запрещавший передачу "ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств или контроля над таким оружием или взрывными устройствами неядерному государству, прямо или косвенно, индивидуально или коллективно с другими членами военного союза или группировки государств". Рощин и Фостер условились рекомендовать этот текст своему руководству.

Как разъясняла американская сторона, предложившая включить формулу о непередаче контроля, под контролем имеется в виду "право или возможность применить ядерное оружие без согласия существующей ядерной державы". Советская сторона не возражала против такого понимания и согласилась на включение формулировки о непередаче контроля, хотя, как ею было заявлено американской стороне, непередача оружия включает непередачу как владения им, так и контроля над оружием.

В Вашингтоне согласованный между двумя делегациями проект вызвал однако, возражения со стороны тех, кто занимался германскими делами и кто хотел бы каким-либо образом сохранить возможность создания многосторонних сил НАТО. Но он был поддержан юридическим

---

[21] На это обращали внимание США и англичане (которых американцы держали в курсе переговоров с Советским Союзом), что видно из беседы между послом Англии Харольдом Били (Beeley) и Сэмом де Пальмой 19 октября. Англичане считали, что плутоний сам по себе не является взрывчатым веществом, если он не находится во взрывном устройстве (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Policy Files. 1964–66. Political & Defense. Defense. Box 1594).

советником Леонардом Микером. Заместитель Фостера Адриан Фишер и Микер направили Раску 30 сентября меморандум, в котором писали:

> "Проект договора не нарушит существующие двусторонние соглашения ⟨...⟩. Договор не будет исключать наследование федеративным европейским государственным объединением ядерного статуса, которым обладает одна из его бывших составных частей. Он исключил бы передачу ядерного оружия или контроля над ним европейскому оборонительному сообществу, которое не предусматривало бы подлинного слияния государств, составляющих такое сообщество. Попытка изменить формулировку, ограничив ее смысл непередачей ядерного оружия под *национальный* контроль и оставляя тем самым возможность передачи владения ядерным оружием или контроля над ним международной группировке, сделала бы невозможной выработку договора о нераспространении"[22].

Одновременно с интенсивными советско-американскими переговорами правительство США провело консультации с ФРГ. 26–27 сентября в Вашингтоне побывали канцлер ФРГ Эрхард и министр иностранных дел Шредер, и характерно, что на этот раз в коммюнике по итогам встречи американского и германского руководителей, в отличие от предыдущих коммюнике, вопрос о многосторонних ядерных силах не упоминался.

1–2 октября в загородной резиденции американского президента Кэмп-Дэвид состоялись его консультации со своими основными советниками. Как вспоминает Линдон Джонсон в своих мемуарах,

> "[я] поинтересовался мнениями и рекомендациями своих советников. Они поделились не только своими взглядами, но информировали и о взглядах других в правительстве, кто давно работает над проблемой нераспространения. Некоторые из них считали, что мы достигли точки, когда соглашение с Советами легко достижимо, и что нам следует быстро продвигаться вперед. Но другие, и особенно Раск, полагали, что мы возьмем на себя большой риск, если будем двигаться слишком быстро и без тщательных консультаций со своими основными союзниками. Я полностью разделял эти взгляды и попросил Раска информировать всех заинтересованных лиц о моем решении. Мы не можем взять на себя договорное обязательство, сказал я, если оно связывало бы нас так, как будто Атлантического альянса не существовало. Мы не можем заявить нашим союзникам, что эти вопросы их не касаются. Мы должны продолжать добиваться заключения договора о нераспространении, сказал я госсекретарю, но без риска развала НАТО"[23].

Присутствовавший на беседе ответственный сотрудник госдепарта-

---

[22] *Bunn George*. Op. cit. P. 78.

[23] *Johnson Lyndon B*. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency. 1963–1969. N.Y.: Holt, Rinehart and Winson, 1971. P. 478–479.

мента Юджин Ростоу вспоминал, что Джонсон так суммировал двухчасовую дискуссию:

> "Я не буду входить в детали формулировок, но имеются два принципиальных вопроса. Первый – не может быть какой-либо передачи ядерного оружия. Закон (Акт об атомной энергии) запрещает это. И американское общественное мнение против этого. Подобное даже невозможно вообразить. А второй – я не собираюсь исключать возможности ⟨...⟩ блокового решения. Я не хочу такого решения сейчас, и мы можем не пожелать его в будущем, но эта возможность должна быть сохранена, поскольку может оказаться необходимым не выпускать немцев (из-под контроля), а также и по многим другим причинам"[24].

В результате обсуждения в Кэмп-Дэвиде формулировка, которая была предложена рабочей группой, возглавляемой Рощиным и Фостером (т.е. содержавшая ссылку на военный союз или группировку государств), не была принята.

В ходе встреч Громыко 10 октября в Белом доме с Джонсоном, а затем с Раском в госдепартаменте советский министр продолжал настаивать на запрете передачи ядерного оружия группировке государств. Соглашения достигнуто не было, но нью-йоркской рабочей группе Рощина–Фостера было предложено продолжить поиски взаимоприемлемого текста. После этих бесед Громыко сообщил прессе, что "похоже на то, что обе страны стремятся достичь согласия и ускорить заключение международного соглашения". Джонсон, со своей стороны, подчеркнул, что соглашение о нераспространении – это то, чего "нам больше всего необходимо добиться"[25].

Переговоры в отеле "Уолдорф-Астория Тауэрс" вновь интенсифицировались. 20 октября представитель СССР в Первом комитете Генеральной Ассамблеи Федоренко в этой связи смог заявить:

> "В последнее время в вопросе о нераспространении ядерного оружия наметились некоторые сдвиги, которые мы, разумеется, не можем не приветствовать. И мы хотели бы надеяться, что заверения ответственных деятелей Соединенных Штатов Америки о стремлении решить проблему предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия будут подкреплены конкретными, практическими делами со стороны Вашингтона, что позволило бы достичь договоренности уже в ближайшем будущем"[26].

Перспектива советско-американского соглашения о нераспространении "за счет ФРГ" вызвала серьезное беспокойство в Бонне. 26 октября посол Западной Германии в Вашингтоне Хайнрих Кнапштайн посетил и.о.

---

[24] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 193.

[25] US ACDA. Documents on Disarmament, 1966. P. 655–56.

[26] Док. ООН A/C.1/PV.1431. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 658–665.

госсекретаря Николаса Катценбаха, чтобы поинтересоваться состоянием переговоров о нераспространении, относительно которых поступает "противоречивая информация". Он заявил, что ФРГ не собирается производить или приобретать ядерное оружие, но не может рассматривать вопрос об участии в договоре до тех пор, пока не будет найдено удовлетворительное решение ядерных проблем НАТО. Катценбах ответил Кнанштайну, что необходимо найти решения, которые были бы согласованы и с Советским Союзом, и были бы приемлемы для НАТО, но что во всяком случае США не допустят нанесения ущерба НАТО и не будет какого-либо соглашения с СССР без предварительных консультаций с союзниками[27].

Тем временем Фостер передал Рощину новый вариант, предусматривавший запрет на передачу ядерного оружия неядерному государству "либо индивидуально, либо в силу его членства в военном союзе или в группировке государств". Поскольку этот текст мог бы допускать передачу ядерного оружия многосторонним силам (в нем отсутствовало слово "коллективно"), советская сторона не приняла его и в свою очередь предложила варианты, предусматривавшие непередачу "кому бы то ни было" и плюс к этому содержавшие запрет на передачу "группировкам государств". Но оба варианта были отклонены американскими представителями.

Последовали дальнейшие переговоры. Рассматривались три варианта – один советский и два американских. Советская сторона предпочитала формулировку, в соответствии с которой ядерные державы обязывались бы не передавать ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства кому бы то ни было, ни прямо, ни косвенно, **как на индивидуальной, так и на групповой основе** (подвариант: как на индивидуальной основе, так и совместно с другими членами военного союза или группировки государств). Эта формула была предложена советской стороной в проекте договора, переданном американской стороне 17 ноября.

Американцы предлагали два варианта:

– не передавать кому бы то ни было, ни прямо, ни косвенно; не отказываться в пользу кого бы то ни было от своего контроля над своим ядерным оружием или другими ядерными взрывными устройствами;

– не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами, ни прямо ни косвенно[28].

Американский представитель сообщил, что США предпочитают свой первый вариант, советский – заявил, что был бы готов рассмотреть второй американский вариант, в котором более категорично говорилось о непередаче контроля кому бы то ни было, т.е. фактически о недопущении Соединенными Штатами к ядерной кнопке как какого-либо государства,

---

[27] LBJ Library. National Security File. Boxes 55, 56.

[28] АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 27, лл. 15–16.

так и группировки государств или какого-либо государства через посредство группировки. В результате к концу нью-йоркских переговоров были согласованы на основе "ad referendum" для доклада правительствам два варианта.

Как пишет Банн, Фостер убедил Раска дать согласие на первый вариант[29]. Ключевой, конечно, была формула о непередаче ядерного оружия и контроля над ним "кому бы то ни было" ("to any recipient whatsoever"). Хотя она фактически и запрещала передачу ядерного оружия в распоряжение многосторонних ядерных сил или вообще каких-либо группировок государств, прямо об этом не говорилось, но совершенно определенно подразумевалось. И в то же время она спасала лицо американцам перед своими союзниками. Как выразился Сиборг, обговоренный рабочей группой текст, "запрещая МЯС, не тыкал немцев в нос"[30].

Статья II, содержащая обязательства неядерных государств, являлась как бы зеркальным отображением статьи I. В итоге советско-американская рабочая группа в начале декабря после более чем двухмесячного обсуждения завершила согласование статей I и II в следующем виде, рекомендовав их своим правительствам:

Статья I

Каждое из государств-участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать кому бы то ни было (to any recipient whatsoever) ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; равно как и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами.

Статья II

Каждое из государств-участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется не принимать передачи от кого бы то ни было (from any transferor whatsoever) ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или ядерные взрывные устройства, равно как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

Советская сторона решила не настаивать более на том, чтобы в тексте был прямо записан запрет на непередачу ядерного оружия и контроля

---

[29] *Bunn George*. Op. cit. P. 79.
[30] *Seaborg Glenn T*. Op. cit. P. 195.

над ним на блоковой, коллективной основе, поскольку формула о непередаче "кому бы то ни было" покрывала все возможные случаи непередачи. Учитывалось и то, что вопрос о МЯС, как стало ясно в ходе нью-йоркских переговоров, был полностью снят с повестки дня.

Еще 12 октября Громыко предложил из Нью-Йорка не возражать против предложенной США формулировки, что ядерное оружие не должно передаваться **кому бы то ни было, ни прямо, ни косвенно**, поскольку она закрывает все пути к распространению ядерного оружия. Он докладывал в Москву, что сами американцы подчеркивают, что они понимают эту формулу так, что она должна исключать возможность передачи ядерного оружия не только в национальные руки, но и на блоковой основе. 10 ноября советское руководство согласилось с предложением Громыко.

Формулировки статей I и II, согласованные в декабре 1966 г. в предварительном порядке, на основе "ad referendum", в дальнейшем вошли в **окончательный** текст договора **без каких-либо изменений**, однако этому предшествовали длительные консультации между США и их союзниками по НАТО.

Администрация США рекомендовала текст первых двух статей договора своим союзникам. К этому времени в ФРГ произошли важные политические изменения. В ноябре 1966 г. на смену христианско-демократическому правительству Эрхарда в результате национальных выборов пришло коалиционное правительство Кизингера–Брандта. Социал-демократ Вилли Брандт – новый вице-канцлер и министр иностранных дел, взявший курс на выравнивание отношений с Советским Союзом, не считал разумным тормозить выработку договора о нераспространении ради возможно несбыточной идеи союзных ядерных сил. Он считал, что без достижения большего европейского единства ядерные силы нереалистичны, а если будет создано новое федеративное европейское государство, то оно унаследует ядерное оружие Англии и Франции. Уже на первой беседе с американским послом Макги 8 декабря Брандт заверил правительство США, что "Германия не хочет владения ядерным оружием. Новое правительство надеется, что нераспространение может быть достигнуто таким образом, что законные интересы неядерных государств будут учтены. Оно (новое правительство) не примет решения, которое вело бы к передаче самого оружия"[31]. Это обстоятельство (позиция Брандта) в немалой степени облегчило достижение согласия по первым статьям будущего договора.

Тексты статей I и II были приняты на Совете министров стран НАТО в декабре 1966 года, на котором было также одобрено решение о создании группы ядерного планирования (Комитета Макнамары).

Рекомендуя согласованные статьи союзникам по НАТО, администрация США сделала интерпретирующие разъяснения. Было, в частности, пояснено, что запрещается передача ядерного оружия кому бы то ни было, включая и многосторонние образования, но указанные статьи не распространяются на носители и не возбраняют консультации в НАТО по

---

[31] Телеграмма Макги из Бонна (LBJ Library. National Security File. Country File. Europe and USSR. Germany. Box 187).

вопросам ядерной обороны (например, в рамках Комитета Макнамары), не препятствуют развертыванию принадлежащего США и контролируемого ими ядерного оружия на территории других членов Североатлантического союза, при этом в отношении решения о применении оружия действовал бы принцип "двух ключей". (Иными словами, право вето сохранялось бы за президентом США, но таким правом в принципе располагало бы и государство, на территории которого находилось бы американское ядерное оружие.)

Хотя в ходе двусторонних переговоров и последующих переговоров в Комитете 18-ти формально не уточнялось, что конкретно имеется в виду под положением о непередаче "контроля" над ядерными устройствами кому бы то ни было, со всей категоричностью непременно подчеркивалось, что при определенном участии неядерных стран НАТО в некоторых аспектах осуществления ядерной политики Североатлантического альянса, в том числе в консультациях по ядерному планированию, контроль за американским ядерным оружием, размещенным в странах НАТО, всегда будет оставаться за президентом США. И Соединенными Штатами, и их неядерными союзниками по НАТО всегда признавалось именно такое понимание положения о непередаче контроля.

Согласованные на двусторонней основе тексты статей I и II, как поясняли американцы, не исключали бы также и того, что федеративное европейское государство, если таковое было бы когда-либо образовано, могло бы унаследовать права Англии или Франции, либо их обеих, в качестве ядерных держав. При этом в таком случае не имело бы место увеличение числа государств, обладающих ядерным оружием.

Толкования статей I и II в виде вопросов и ответов были официально переданы американцами советской стороне 28 апреля 1967 г., хотя существо их неоднократно разъяснялось Соединенными Штатами в ходе всех предыдущих переговоров, начиная со встреч Громыко с Раском осенью 1966 г. В процессе советско-американских переговоров представители США подчеркивали значение указанных толкований для западной стороны. С советской же стороны было твердо разъяснено, что Советский Союз не мог бы согласиться с формулировками в договоре, которые допускали бы возможное участие Западной Германии в ядерных делах, таких, например, как создание МЯС или АЯС. При этом, особенно в отношении возможности создания в Европе федеративного государства, обладающего ядерным оружием, заявлялось, что советская сторона не будет считать себя связанной каким-либо односторонним толкованием договора. Американская сторона, заблаговременно доводя до сведения советской стороны значимость изложенных толкований для США в интересах получения согласия союзников и американского сената на заключение договора, не ставила вопроса о публичном согласии СССР с тем интерпретирующим заявлением, которое будет сделано при представлении договора на ратификацию сенатом. Но если с советской стороны поступят возражения, то США не смогут ратифицировать договор[32].

27 мая Рощин сделал Фостеру устное заявление, не передавая его

---

[32] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 196; *Bunn George.* Op. cit. P. 80.

текста, в котором в связи с возможностью создания нового федеративного европейского государства, которое могло бы унаследовать ядерное оружие одного из его бывших составных членов, говорилось, что СССР не будет связан какими-либо односторонними толкованиями договора. Никто не вправе давать такое толкование. Правительство США несет всю ответственность за односторонние толкования, переданные своим союзникам. В ответ делегация США сообщила советской стороне 2 июня, что, разумеется, никакое государство, как это следует из международного права, не имеет право давать толкование договора, которое было бы обязательным для других государств. Мы, сказал Фостер, не просили советскую сторону соглашаться со сделанными нами толкованиями и мы понимаем, что СССР не будет связан односторонними толкованиями договора[33].

Несмотря на довольно категоричный по форме тон устного заявления Рощина, Советский Союз не выдвинул возражений против самого существа толкований, сделанных Соединенными Штатами, подчеркнув только, что он не будет связан односторонними толкованиями. Кроме вопроса о возможности образования нового европейского федеративного государства, в советском заявлении в конкретном плане не затрагивались какие-либо другие положения американских толкований (размещение американского ядерного оружия в Западной Европе, ядерные консультации в рамках Комитета Макнамары и т.д.).

Что же касается вопроса о создании новой европейской федерации, которая располагала бы совместным ядерным оружием, принадлежащим Англии и Франции, то Советский Союз исходил из того, что это дело совершенно нереальное, учитывая характер взаимоотношений в треугольнике Англия–Франция–Германия и приверженность как Англии, так и особенно Франции сохранению своего независимого ядерного арсенала. В Москве отдавали отчет в том, что перспективы образования европейской федерации, обладающей совместным ядерным оружием, являются предметом обсуждения в рамках НАТО – просто для поддержания "на плаву" идеи "европейского выбора" в условиях, когда проблема МЯС с повестки дня была уже полностью снята. Предотвращение создания именно многосторонних ядерных сил НАТО и недопущение ФРГ через посредство таких сил к ядерному оружию были главнейшей целью советской дипломатии в ходе переговоров о ДНЯО.

В том, что касается других толкований, включая вопрос о размещении американского ядерного оружия на территории западноевропейских союзников, то они, собственно говоря, отражали уже существующую в течение многих лет реальность и при этом, на основе взаимности, имели смысл с точки зрения интересов и самого Варшавского договора, учитывая наличие или возможность размещения советского ядерного оружия на территории стран этого договора.

В дальнейшем, при представлении договора на ратификацию американского сената, Раск 10 июля 1968 г. заявил сенатскому комитету по иностранным делам:

---

[33] Телеграмма Фостера госдепартаменту от 27 мая 1967 г. (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Policy Files, 1967–1969. Political and Defense. Box 1634.

"Договор охватывает только то, что запрещается, а не то, что разрешается ⟨...⟩ Он не касается, а, следовательно, не запрещает передачу средств доставки или систем доставки ядерного оружия или контроля над ними кому бы то ни было, если такая передача не включает бомбы или боеголовки. Он не затрагивает консультаций между союзниками и планирование ядерной обороны, если это не ведет к передаче ядерного оружия или контроля над ним. Он не распространяется на договоренности о размещении ядерного оружия на территории союзников, поскольку это не влечет за собой какой-либо передачи ядерного оружия или контроля над ним, если и покуда не будет принято решение вступить в войну, в каковом случае договор более не будет действовать. И он не касается проблемы европейского единства и не запрещал бы наследование новым федеративным европейским государством ядерного статуса одного из своих бывших составных единиц. Новое федеративное европейское государство должно было бы иметь контроль над всеми своими функциями внешней безопасности, включая оборону и все вопросы внешней политики, относящиеся к внешней безопасности, но не должно было бы быть столь централизованным, чтобы принять на себя все правительственные функции. Хотя договор не касается вопроса о наследовании таким федеративным государством, он запрещал бы передачу ядерного оружия (включая владение) или контроля над ним кому бы то ни было, включая и многостороннее образование"[34].

При представлении ДНЯО на ратификацию сената вместе с письмом Раска президенту Джонсону от 2 июля 1968 г. были направлены и толкования в виде вопросов и ответов, которые были ранее переданы американцами своим союзникам и советской делегации в Женеве. С советской стороны какой-либо реакции на заявление Раска и указанные толкования в письме Раска президенту Джонсону от 2 июля высказано не было.

Если сейчас, ретроспективно, задаться вопросом, какая сторона пошла на большее для достижения соглашения по первым двум статьям договора, то, пожалуй, следует признать, что, при всей настойчивости и последовательности и притом конструктивности советской дипломатии, правительству США пришлось преодолевать и внутри у себя и, особенно, в отношениях с ФРГ и другими своими союзниками более сложные препятствия на пути к договоренности. Успешный исход переговоров по первой и второй статьям стал возможным в результате того, что в вашингтонском истеблишменте в 60-е годы постепенно формировалось и в конечном счете возобладало понимание крайней опасности для интересов национальной безопасности США распространения ядерного оружия и необходимости положить конец его дальнейшему расползанию по всему миру. А заслуга Советского Союза состояла в том, что он постоянно учитывал в своей стратегии и тактике переговоров ситуацию, в которой находились Соединенные Штаты и, когда это диктовалось обстоя-

[34] The Dep. of State Bul. 1968. Vol. LIX, N 1518, July 29. P. 132–133.

тельствами, проводил нажимную линию, а в тех случаях, когда это требовалось обстановкой, даже подсказывал американской стороне, как выйти на компромисс, разумеется, руководствуясь своими государственными интересами.

В целом же можно с полным основанием говорить о том, что ключевые положения договора о нераспространении, определяющие основные обязательства как ядерных, так и неядерных государств, были согласованы на рубеже 1966–1967 гг. благодаря взаимодополняющим усилиям обеих ведущих ядерных держав – Советского Союза и Соединенных Штатов. Но впереди предстояла еще большая работа над другими положениями договора о нераспространении.

Статьи I и II, как отмечалось, не запрещают размещение ядерного оружия, принадлежащего ядерным державам, на территориях неядерных стран–участниц ДНЯО. Тем не менее до тех пор, пока ядерное оружие, принадлежащее США, продолжает оставаться на территории неядерных стран, их пребывание там будет вызывать озабоченность. В новых геополитических условиях размещение ядерного оружия за пределами границ ядерных держав является анахронизмом, пережитком "холодной войны", хотя чисто юридически это и не противоречит положениям договора о нераспространении.

Для России этот вопрос представляет особую значимость, поскольку сама она в 1991–1992 гг. полностью отвела ядерное оружие в пределы своей национальной территории как из дальнего, так и из ближнего зарубежья, тогда как США продолжают размещать ядерное оружие на территории стран НАТО. В новой ситуации, когда неуклонно увеличивается число государств–участников безъядерных зон, на территории которых **полностью** отсутствует ядерное оружие, его размещение за пределами национальных границ все более воспринимается как распространение ядерного оружия.

Имеется еще один вопрос, на который специалистами по нераспространению не раз обращалось внимание. Это – отсутствие в статье II прямого обязательства неядерных стран не оказывать другим странам содействия в производстве и приобретении ядерного оружия. Данное упущение можно объяснить, очевидно, лишь недостаточной прозорливостью авторов статьи II, которые не смогли предвидеть в 1966–1967 гг. возможность появления у неядерных стран, даже промышленно высокоразвитых, технических возможностей для оказания соответствующего содействия другим странам. Между тем, как видно из гл. 3, уже в 50-е и 60-е годы целый ряд неядерных стран такими возможностями располагал (назовем хотя бы один пример – сотрудничество между Норвегией и Израилем, выразившееся в поставках норвежской тяжелой воды для израильской атомной программы).

На конференциях по рассмотрению действия ДНЯО данный вопрос несколько раз возникал. В частности, на второй конференции в 1980 г., когда некоторыми странами, в частности скандинавскими, даже предлагалось внести в заключительный документ конференции формулировку в том смысле, что неядерные государства несут такое же обязательство, как и ядерные по статье I, о неоказании содействия другим странам в

производстве и приобретении ядерного оружия. Но это предложение не получило поддержки из-за нежелания большинства стран ставить под сомнение текст договора. Со временем сформировался широкий консенсус, что ДНЯО налагает на неядерные государства-участники как бы "молчаливое" обязательство в этом духе, ибо в противном случае подрывались бы главная цель и весь смысл ДНЯО[35].

К вопросу об определениях и толкованиях положений статей I и II

При разработке статей I и II весьма обстоятельно рассматривались вопросы определений и толкований ряда их положений. Остановимся на некоторых из них, представляющих и ныне значение не только для исследователей, но и практиков, занимающихся проблемой нераспространения ядерного оружия.

В процессе переговоров, в частности, имела место дискуссия относительно понятий "**ядерное оружие**" и "**другие ядерные взрывные устройства**". Некоторые неядерные страны высказывали сомнения в отношении того, что "ядерное оружие" и "другие ядерные взрывные устройства" ставятся на одну доску (Япония, Италия, Бразилия, Индия). Бразилия и Индия были за то, чтобы ДНЯО разрешал производство и испытания ядерных взрывных устройств для мирных целей. Однако ни эти страны, ни другие члены Комитета 18-ти, конечно, не были в состоянии показать, каковы же различия в ядерной технологии оружия и "мирных" взрывных устройств. Как писал Мохамед Шакер в своем капитальном труде "Договор о нераспространении ядерного оружия", "история переговоров о ДНЯО ⟨...⟩ продемонстрировала единодушную убежденность в том, что ядерные взрывные устройства неотличимы от ядерного оружия"[36]. Тем не менее, некоторые неядерные страны пытались добиться общего понимания, что если и когда в результате прогресса атомных знаний станет возможным проводить между ними различия, следовало бы снять те ограничения и запрещения, которые устанавливаются в договоре в отношении "других ядерных взрывных устройств".

Сам договор не содержит определения ядерного оружия или ядерных взрывных устройств. Однако история переговоров о ДНЯО проливает достаточно определенный свет на этот вопрос. Представитель США Фостер так охарактеризовал понятие ядерного оружия на заседании Комитета 18-ти 8 июня 1967 г.

> "Все виды ядерного оружия имеют одну общую характеристику. Она состоит в том, что ⟨...⟩ они могут выделять огромные количества энергии в очень короткий период времени из источника относительно небольшого объема и легкого по весу"[37].

---

[35] См., например: *Dunn Lewis A.* The Nuclear Non-Proliferation Treaty: Issues of Compliance and Implementation // PPNN Issue Review. 1997. N 9. Feb.

[36] *Shaker Mohamed.* The Nuclear Non-Proliferation Treaty. Origin and Implementation. 1959–1979. Vol. I–III. London; Rome; New York: Oceana Public. Inc., 1980. P. 205.

[37] Док. ENDC/PV. 303. P. 4–11.

Эта характеристика никем не оспаривалась, и, следовательно, можно считать, что она составляет часть истории переговорного процесса по ДНЯО. В то же время со стороны американского представителя было разъяснено, что такая **контролируемая** ядерная реакция, как, например, реакция термоядерного синтеза, не подпадает под запрещения, содержащиеся в договоре. Это разъяснение также никем не оспаривалось[38].

Имели место дискуссии и давались разъяснения относительно запрета на "**производство**" ядерного оружия и ядерных взрывных устройств неядерными государствами. Первоначальный американский проект 1965 г. предусматривал лишь запрет производства. Советский проект 1965 г. предлагал запретить не только производство, но и **подготовку** производства. Это вызвало довольно негативную реакцию Швеции, которая в 50-х – начале 60-х годов проводила исследования в области атомного оружия и создавала мощности для производства оружейных ядерных материалов. Ее представитель Альва Мюрдаль попыталась сформулировать стадии производства ядерного взрывного устройства:

> "В течение первой стадии будут приниматься решения о планировании научно-исследовательских работ по ядерному оружию, о проведении альтернативных программ по его созданию, о приобретении расщепляющихся материалов для целей оружия – возможно, о строительстве газодиффузионного завода или завода по химпераработке, затем политическое решение пойти по пути создания ядерного оружия и его испытания. В ходе последующих стадий принимаются действительно оперативные решения о том, когда сооружать заводы, организовывать проведение испытаний и предпринимать другие мероприятия и действия, которые дают наглядные и убедительные доказательства (производства ядерного оружия. – *Авт.*), чего едва ли могут дать предыдущие решения".

Мюрдаль определенно не хотела бы запрещать возможность принятия правительствами названных ею первоначальных решений. Она сказала:

> «Запретить в этой длинной цепи решений только окончательный акт "производства" было бы слишком поздно. С другой стороны, выявление предварительных размышлений политиков и лабораторных исследований ученых, очевидно, было бы трудным делом, да и явилось бы нежелательным вмешательством (во внутренние дела). Нельзя ли найти среднее звено, на котором следовало бы самым определенным образом сосредоточить запретительный норматив?»[39]

Реагируя на этот вопрос, США внесли в марте 1966 г. поправки к

---

[38] См. подробнее об этом: См. *Bunn George, Timerbaev Roland.* Avoiding the "Definition" Pitfall To a Comprehensive Test Ban // Arms Control Today, 1993. May. P. 15–18; *Bunn George, Timerbaev Roland.* Nuclear Verification Under the NPT: What Should It Cover – How Far May It Go? // PPNN Study Five, Published by The Mountbatten Centre for International Studies, Univ. of Southampton. England, 1994.

[39] Док. ENDC/PV. 23. P. 11.

своему первоначальному проекту договора, которыми предусматривался запрет и **подготовки** к производству ядерного оружия неядерными странами. В поправках предлагалось также дать определение "ядерного оружия", но самого определения в них не содержалось, а лишь говорилось, что "определение будет представлено"[40].

В ходе дальнейших консультаций между СССР и США, однако, было решено не давать в самом тексте договора определений указанных понятий, ограничившись лишь включением в текст простого положения о том, что неядерные государства обязуются "не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства" (ст. II). Вместе с тем обе ядерные державы не высказывали возражений против заявления Швейцарии, изложенного в памятной записке в их адрес, о том, что упомянутое положение не будет распространяться на такие "ранние и промежуточные" шаги, как "разработка урановых месторождений, обогащение урана, выделение плутония из (отработанного) ядерного топлива, производство тепловыделяющих элементов и тяжелой воды, когда эти процессы осуществляются для гражданских целей"[41]. В то же время соавторами статьи I договора подчеркивалась важность содержащегося в ней положения о запрете помощи, поощрения и побуждения неядерных государств к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

В ходе приватных консультаций в период работы Комитета 18-ти между делегациями СССР и США, а также между США их союзниками обсуждались критерии понятия "производство". На основе этих обсуждений были разработаны некоторые критерии, о которых представитель США Фостер позднее информировал комитет по иностранным делам американского сената:

> «Факты, указывающие на то, что *целью* конкретной деятельности было приобретение ядерного взрывного устройства, свидетельствовали бы о несоблюдении договора. (Так, создание *экспериментального* ядерного взрывного устройства или его прототипа охватывалось бы понятием "производство", так же как и *создание компонентов, которые могли бы иметь отношение только к ядерному взрывному устройству*). И хотя *постановка конкретной деятельности* под гарантии сама по себе не решала бы вопроса о том, находится ли такая деятельность в соответствии с договором, постановка под гарантии, конечно, помогла бы рассеять подозрения относительно несоблюдения договора ⟨...⟩. Ни обогащение урана, ни накопление запасов расщепляющихся материалов в связи с мирной программой не были бы нарушением статьи II, *покуда такая деятельность находилась бы под гарантиями* в соответствии со статьей III»[42].

---

[40] Док. ENDC/152/Rev.1.

[41] Док. ENDC/204.

[42] Nonproliferation Treaty. Hearings before the Senate Committee on Foreign Relations, on Executive H (NPT), July 10, 1968, P. 39. (Курсив мой. – *Авт.*).

Советский представитель Рощин также подчеркнул в выступлении в Комитете 18-ти 27 февраля 1968 г., что "цель этой статьи (статьи III. – *Авт.*) – предусмотреть, чтобы исходные и специальные расщепляющиеся материалы, служащие для изготовления ядерного оружия, не отвлекались на *его производство, т.е.* на *производство* ядерного оружия"[43].

Здесь важно отметить два момента: выявление того, для какой **цели** осуществляется ядерная деятельность, а также значение эффективности **гарантий МАГАТЭ**. Высказанные Фостером соображения встретили понимание специалистов и, во всяком случае, не оспаривались[44]. Когда при ратификации договора такие страны, как ФРГ, Япония, Австралия, сделали заявления о своем понимании содержания договора, они тоже подчеркнули значение выявления **цели** ядерной деятельности для определения того, соблюдается договор или нет.

Важность критерия **цели** была еще раз зафиксирована в Лондонской договоренности 1977 г. о руководящих принципах для ядерного экспорта. В одобренной тогда 15 государствами–поставщиками ядерного экспорта международной договоренности, участниками которой сейчас являются свыше 30 государств, говорится, что "поставщики должны разрешать передачу указанных в Исходном списке (Trigger List) предметов или соответствующей технологии только при наличии официальных правительственных *заверений* со стороны получателя, явно исключающих использование, *которое может привести к созданию какого-либо ядерного взрывного устройства*"[45].

Изложенные понимания и толкования, хотя и не затрагивая и не меняя текста ДНЯО, представляют собой важные уточнения и (можно, очевидно, сказать) дополнения к тексту договора, укрепляют его и тем самым содействуют усилению всего международного режима нераспространения ядерного оружия. Они представляют значение и для будущих усилий государств в этой области.

4. СТАТЬЯ III (О ГАРАНТИЯХ)

Переговорам по статье III предшествовала длительная предварительная проработка сложной проблемы контроля. В проекте договора о нераспространении, внесенном США в августе 1965 г., не предусматривалось обязательного контроля. В проекте предлагалось, чтобы участники договора обязались "**сотрудничать в содействии** (выделено мной. – *Авт.*) применению контроля и гарантий Международного агентства по атомной энергии или **другого равноценного** (выделено мной. – *Авт.*) контроля и гарантий в отношении всей деятельности в области мирного использования атомной энергии"[46]. При этом не уточнялось, будет ли применяться

---

[43] Док. ENDC/PV. 370. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 122–131. (Курсив мой. – *Авт.*).

[44] См., например: *Shaker Mohamed*. Op. cit. P. 251.

[45] Док. МАГАТЭ INFCIRC/254. (Курсив мой. – *Авт.*).

[46] Док. ENDC/152. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 161–164.

контроль к ядерным или только к неядерным государствам. Внесенные США в марте 1966 г. поправки к своему проекту не касались статьи о контроле, которая сохранялась в первоначальном виде.

Необязательные гарантии были включены американцами в текст ввиду настойчивых пожеланий союзников США по НАТО, в частности Англии и Италии, но это вызвало резкие возражения со стороны Комиссии США по атомной энергии, которая настаивала на обязательных гарантиях[47]. Позиция КАЭ была поддержана и в американском конгрессе. Председатель Объединенного комитета конгресса по атомной энергии сенатор Джон Пасторе, касаясь статьи III американского проекта, заявил, что он "не примет необязывающую формулировку"[48].

Первоначальный советский проект договора от 24 сентября 1965 г. вообще не содержал положений о контроле, хотя к этому времени Советский Союз уже поддерживал систему гарантий МАГАТЭ и принимал активное участие в ее разработке. Как указывалось в гл. 5, система гарантий Агентства INFCIRC/66 была окончательно единодушно при полной поддержке СССР принята Генеральной Конференцией МАГАТЭ в Токио в 1965 г.

В марте 1966 г. Советский Союз выступил в поддержку использования гарантий Агентства для контроля за соблюдением договора неядерными государствами. 3 марта представитель СССР Царапкин заявил в Комитете 18-ти:

> "Некоторые представители неприсоединившихся государств ⟨...⟩ ставили вопрос о том, что, возможно, целесообразно было бы, чтобы для выполнения неядерными государствами договора о нераспространении ядерного оружия использовались контрольные меры (гарантии), разработанные Международным агентством по атомной энергии. В связи с этим вопросом мы хотели бы заявить, что Советский Союз был бы готов рассмотреть эту проблему ⟨...⟩. Если бы мы смогли договориться в ближайшее время по ⟨...⟩ главным принципиальным вопросам (имелись в виду статьи I и II. – *Авт.*), то, на наш взгляд, не представило бы особых трудностей урегулировать все другие проблемы"[49].

Только 28 июля 1966 г. заместитель Фостера Адриан Фишер объявил в Комитете, что США выступают за то, чтобы государства, не обладающие ядерным оружием, "обязались" принять гарантии МАГАТЭ или "равноценные" гарантии. Спустя месяц Фостер информировал Раска, что позиция США поддерживается американскими союзниками по НАТО, представленными в Комитете 18-ти[50]. Однако США так и не внесли соответствующего изменения в свой проект договора. Не сделал этого тогда и Советский Союз.

В процессе дальнейшего развития вопроса о контроле в связи с дого-

---

[47] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 275–277.
[48] Ibid. P. 278.
[49] Док. ENDC/PV. 245. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 330–342.
[50] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 282.

вором о нераспространении в сентябре 1966 г. между Сиборгом и руководителем делегации СССР на сессии Генеральной Конференции МАГАТЭ И.Д. Мороховым (заместитель министра среднего машиностроения) состоялась беседа, в ходе которой, как следует из дневниковых записей Сиборга, Морохов заявил, что "главной озабоченностью СССР является Западная Германия и что, *если Соединенные Штаты смогут убедить Западную Германию поставить свои энергетические реакторы под гарантии МАГАТЭ, то тогда Советский Союз обеспечит, чтобы восточноевропейские страны поступили таким же образом* (...). Морохов далее сказал, что предотвращение распространения потребует более жестких гарантий, чем те, которые МАГАТЭ сейчас имеет. В декабре 1966 г. Сиборг информировал Раска, что у него сложилось "твердое впечатление, что Советы примут обязательные гарантии (по ДНЯО), если не потребуется применения гарантий в отношении какой-либо деятельности в пределах СССР и если (в договоре) не останется положение о гарантиях Евратома в качестве равноценных гарантиям МАГАТЭ"[51].

После того, как обе державы приняли принцип обязательности гарантий МАГАТЭ для неядерных государств, основным камнем преткновения на переговорах стало требование США и стран Евратома о применении для контроля за соблюдением договора на территории этих стран только гарантий Евратома.

При создании этой региональной организации по Римскому договору 1957 г. страны–члены Евратома (тогда их было шесть: Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ) установили, что контроль за ядерной деятельностью будет осуществляться на замкнутой основе, без привлечения иностранных инспекторов, дабы избежать промышленного и иного шпионажа. Они высказывались против гарантий МАГАТЭ. Как свидетельствует Сиборг, верховный комиссар Франции по атомной энергии Франсис Перрен в разговоре с ним в ноябре 1964 г. прямо сказал, что французы возражают против гарантий МАГАТЭ главным образом по той причине, что могут появиться инспекторы из "такой страны, как Россия"[52].

До 1957 г., когда вступило в силу соглашение о Евратоме, США осуществляли гарантии в Западной Европе на двусторонней основе. К этому времени было создано МАГАТЭ, которое приступило к разработке своей международной системы гарантий. Страны Евратома настояли, однако, на применении у себя своей собственной системы гарантий, и в 1958 г. между США и Евратомом было заключено соглашение о поставках обогащенного урана для западноевропейской атомной энергетики без привлечения гаранатий МАГАТЭ. В соглашении США/Евратом 1958 г. о сотрудничестве, вступившем в силу в 1959 г., содержалась весьма слабая формулировка о том, что Евратом "готов консультироваться и обмениваться опытом с Международным агентством по атомной энергии с целью создания системы гарантий и контроля, разумно совместимой с системой

---

[51] Ibid. P. 283–284.

[52] Ibid. P. 274.

Международного агентства по атомной энергии" (ст. XII этого соглашения).

КАЭ США и Объединенный комитет Конгресса по атомной энергии, пишет Сиборг, "с неудовольствием" согласились на это, опасаясь "подрыва МАГАТЭ", где Соединенные Штаты имели преобладающее влияние, но уступили настояниям госдепартамента, заботившегося больше всего об "интересах европейского единства"[53]. В пользу гарантий Агентства выступили также англичане (тогда еще не входившие в Евратом) и канадцы. Но, как отмечал Банн, "администрация Эйзенхауэра предпочитала образование западноевропейского регионального ядерного агентства – Евратома созданию МАГАТЭ". Евратом представлял бы собой краеугольный камень грандиозного плана Эйзенхауэра по созданию Соединенных Штатов Европы[54].

Именно на этом основании США с самого начала переговоров о нераспространении ядерного оружия, уже в своем первом проекте договора от 17 августа 1965 г., предлагали, чтобы для контроля за его выполнением применялись гарантии Агентства "или равноценные (equivalent) международные гарантии" (читай: гарантии Евратома. – *Авт.*).

Следует напомнить, что практически с самого начала переговоров о создании Евратома советское руководство развернуло широкую политико-дипломатическую кампанию против образования этой узкой группировки, усматривая в ней опасность для интересов Советского Союза в Европе.

Уже 12 июля 1956 г. Советское правительство выступило с Заявлением об общеевропейском сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, в котором, в частности, говорилось:

> "⟨...⟩ В последнее время в некоторых западноевропейских государствах делаются определенные попытки использовать понятные стремления народов к развитию международного сотрудничества в области применения атомной энергии для создания и в этой области замкнутой группировки нескольких государств, что не может не помешать широкому сотрудничеству в этой области на общеевропейской основе. Именно такая группировка предусматривается планами создания так называемого Евратома, атомного объединения шести западноевропейских стран – Франции, Федеративной Республики Германии, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга ⟨...⟩.
>
> Нельзя не видеть, что создание такой организации в условиях, когда ряд государств Западной Европы входит в состав замкнутых военных блоков, противостоящих другим европейским государствам, повело бы к тому, что деятельность Евратома была бы подчинена военно-стратегическим целям этих блоков ⟨...⟩.
>
> Следует также отметить и то обстоятельство, что создание Евратома привело бы на деле к снятию всяких ограничений в области производства атомной энергии, которые предусматри-

---

[53] Ibid. P. 274–275.

[54] *Bunn George*. Op. cit. P. 86.

ваются в настоящее время в отношении Западной Германии[55]. Это позволило бы реваншистским западногерманским кругам организовать у себя производство атомного оружия, что создало бы серьезную угрозу для дела мира в Европе".

Советский Союз предложил созвать конференцию стран Европы для обсуждения вопроса о создании "общеевропейской региональной организации по мирному использованию атомной энергии". Текст заявления был направлен всем европейским государствам и США[56]. Положительного отклика оно, однако, не получило.

В 1957 г. Советский Союз предпринимает еще один демарш в отношении Евратома. 16 марта было обнародовано Заявление МИД СССР о планах создания Евратома и "Общего рынка", в котором утверждалось, что «вся деятельность Евратома и "Общего рынка" будет подчинена целям НАТО, агрессивный характер которых хорошо известен». И далее:

> "⟨...⟩ Не приходится сомневаться в том, что реваншистские круги Западной Германии не преминут использовать Евратом для накопления атомных материалов и сырья с тем, чтобы побыстрее приступить к изготовлению собственного ядерного оружия ⟨...⟩. В этой связи необходимо, однако, вновь напомнить, что оснащение западногерманской армии ядерным оружием будет чревато серьезными последствиями прежде всего для населения самой Западной Германии, которое может оказаться объектом ответного атомного удара".

Для того чтобы упредить опасную, как считало советское руководство, перспективу образования узкой западноевропейской атомной организации с лидерством в ней ФРГ, Совесткий Союз предложил основать научно-исследовательский институт или институт по атомной энергии на **общеевропейской** основе и сотрудничать в создании предприятий по производству атомной энергии в промышленных и научно-исследовательских целях, включая вопросы, связанные с обеспечением этих предприятий сырьем[57]. В Москве сознавали, что это предложение не имеет шансов на успех, но все же стремились сделать все возможное, чтобы не допустить создания Евратома. Западные страны тем не менее форсировали образование своей атомной организации, и 25 марта 1957 г. Римский договор о Евратоме был подписан, а 1 января 1958 г. вступил в силу.

Возвращаясь к переговорам по ДНЯО, напомним, что в Нью-Йорке в конце 1966 г. в центре внимания были статьи I и II. Тем не менее в ноябре

---

[55] Здесь допущена передержка. Существовал запрет на производство Западной Германией на своей территории ядерного и других видов оружия массового уничтожения, но не на производство атомной энергии в гражданских целях, что договор о Евратоме по идее был призван обеспечить путем установления своей системы гарантий. Но эта замкнутая система гарантий, естественно, не могла удовлетворить Советский Союз и другие страны, не входящие в Евратом. Именно поэтому СССР добивался применения международной системы гарантий МАГАТЭ для контроля за ДНЯО.

[56] Правда. 1956. 14 июля.

[57] Правда. 1957. 17 марта.

того же года представители США коснулись своего предложения о применении "равноценных" гарантий. Представители СССР квалифицировали это как попытку применить принцип "самоконтроля" к германским атомным реакторам, как и к реакторам других стран Евратома.

К концу нью-йоркского раунда двусторонних переговоров стороны обменялись текстами основных положений об обязательствах по контролю для включения в статью III. Советская сторона предложила 17 ноября следующий текст:

> "Каждое из государств–участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять **гарантии Международного агентства по атомной энергии** в отношении всей своей деятельности по мирному использованию атомной энергии"[58].

Американцы предложили свой вариант:

> "Каждое из государств–участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять **эффективные международные гарантии** в отношении всей своей деятельности по мирному использованию ядерной энергии"[59].

Хотя обе стороны, таким образом, согласовали принцип обязательности контроля, уже их первоначальные проекты выявили серьезные разногласия между ними, поскольку Соединенные Штаты продолжали вести дело к тому, чтобы для контроля не обязательно использовались гарантии МАГАТЭ.

Между тем, в своем докладе президенту от 29 декабря 1966 г. Фостер сообщил, что его личное мнение состоит в том, что соблюдение договора должно инспектироваться МАГАТЭ. "Такова цель США, – продолжал Фостер, – о которой публично заявил председатель КАЭ Сиборг и которая имеет сильную поддержку в сенате. Процедуры гарантий Евратома, хотя, по нашему мнению, и являются надежными, неприемлемы для Советов, поскольку они в сущности представляли бы собой инспекцию наших союзников самими нашими союзниками. Я считаю, что мы должны приложить решительные усилия, чтобы убедить союзников принять гарантии МАГАТЭ и, если добьемся успеха, то это было бы приемлемо для Советского Союза, и я считаю, что такой исход получил бы сильную поддержку в сенате"[60].

Из-за проблемы МАГАТЭ/Евратом согласование статьи III заняло еще целый год.

Как сопредседатели Комитета 18-ти государств по разоружению, делегации СССР и США продолжили переговоры по этой статье после возобновления Комитетом своих заседаний в Женеве в феврале 1967 г. В советскую группу входили представитель СССР в Комитете Рощин, а

---

[58] АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 27, л. 18 (Выделено мной. – *Авт.*).

[59] Там же (Выделено мной. – *Авт.*).

[60] LBJ Library. Papers of Lyndon Baines Johnson. Confidential File. Agency Reports. U.S. Arms Control and Disarmament Agency. Box 134.

также Тимербаев, Шустов, Антясов и другие сотрудники делегации[61], в американскую – представитель США Фостер, а также Банн и Калвер Глайстин. На различных этапах переговоров в работе советской делегации принимали участие О.А. Гриневский и В.П. Суслов, а американской – заместитель директора АКВР Фишер (в отсутствие Фостера) и Сэмюэль де Пальма.

Нужно заметить, что в связи с возникшим тупиком по статье III американцы сами стали, причем даже публично, высказывать озабоченность сложившейся ситуацией, и 10 февраля 1967 г. Раск, отвечая на вопрос по поводу контроля, заявил в телевизионном интервью:

> «Это трудный вопрос, потому что если договор о нераспространении станет всеобъемлющим и охватит весь мир, то многие государства, подписавшие его, возможно, будут не очень довольны тем, что станут применяться гарантии Евратома, принятые на внутренней основе. Более того, могут образоваться другие группировки государств в разных районах мира, которые могут пожелать образовать небольшие "семейные" группы стран, инспектирующие сами себя и отклоняющие попытки внешнего контроля на том основании, что каждая региональная группа вправе иметь свою собственную инспекцию ⟨...⟩.
>
> ⟨...⟩ Я никак не сомневаюсь в том, что гарантии Евратома обеспечат отсутствие злоупотреблений в отношении деятельности Евратома. У меня самого проблем в этом смысле не возникает. Проблема в том, как убедить в этом 120 других государств. Мы пока еще не нашли ответа на этот вопрос»[62].

Одновременно Соединенные Штаты, как, во всяком случае, утверждали в Западной Европе, стали задерживать отгрузку ядерного топлива для западногерманских АЭС, без которого они просто могли бы остановиться.

Заявления и действия США вызвали явное неудовольствие стран Евратома, которые отреагировали в том духе, что американский подход представляет угрозу продвижению к европейскому единству и нарушает соглашение о сотрудничестве между США и европейским сообществом[63].

В этой обстановке, столкнувшись и с возражениями Евратома во главе с ФРГ, и с твердой позицией СССР, и сам испытывая колебания, Вашингтон решил рекомендовать странам Евратома принять гарантии МАГАТЭ без положения о "равноценных" гарантиях, но пока не стал настаивать на обязательных гарантиях, чтобы не "перегружать лодку". Вместо этого была предложена формула о принятии членами Евратома гарантий МАГАТЭ "как можно скорее", т.е. без установления какого-либо

---

[61] В том числе представители различных правительственных ведомств – генерал-майор Н. В. Пестерев (Минобороны), Б.А. Семенов (Минсредмаш – ныне Минатом).

[62] US ACDA. International Negotiations on the Treaty on the Nonproliferation of Nuclear Weapons. Wash. (Д.С.): U.S. Gov. Print. Office, 1969. P. 70.

[63] *Clausen Peter A.* Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons. N.Y.: Harper Collins College Publishers. 1993. P. 88.

конкретного срока[64]. В Западную Европу для продвижения предложений США зачастили американские, а также английские представители, в том числе вице-президент США Хуберт Хэмфри, Фостер, лорд Чалфонт.

Однако, как информировало МИД СССР советское посольство в Бельгии, сопротивление Евратома проекту статьи III продолжало сохраняться. Наряду с ФРГ весьма критическую позицию занимала Франция, которая постоянно блокировала любые опытки неядерных стран Евратома согласовать совместную позицию по этой статье[65].

Из бесед, которые велись советскими представителями в Женеве с находившимися там эмиссарами ФРГ, в частности с Шниппенкёттером, складывалось впечатление, что дело не только в том, что немцы, как и некоторые другие западные страны, хотели утвердить приоритетную роль Евратома в области контроля, но и в том, что вопрос этот вообще использовался ими для противодействия заключению договора. Ведь, в конце концов, и в самом МАГАТЭ США и их союзники с самого начала играли ведующую роль.

Позиция ФРГ по контролю была сформулирована Шниппенкёттером на заседании западногерманского межведомственного комитета в феврале 1967 г.:

> – Исключить статью о контроле.
>
> – Если этого избежать нельзя, то контроль должен применяться повсеместно посредством (a) привязки его к фактической цели договора и (b) недопущения дискриминации между ядерными и неядерными государствами, т.е. одинаковый контроль должен быть распространен на весь гражданский ядерный сектор.
>
> – Перманентное обеспечение интерсов Евратома.
>
> – В том, что касается процедур контроля, то, по возможности, меньше инспекций; вместо них современные автоматические контрольные приборы в ключевых местах ядерного топливного цикла[66].

Следует отметить, что тем временем в Комитете 18-ти, где продолжалось обсуждение проблемы нераспространения, многие представители, в частности Швеции (г-жа Мюрдаль) и Египта (Х. Халаф), подчеркивали важность обязательного и недискриминационного контроля. Так, Мюрдаль заявила, что наилучшим решением было бы "применение *единой* системы гарантий к (ядерной) деятельности во всех странах", а Халаф сказал, что договор должен четко требовать "обязательных и единообразных" гарантий МАГАТЭ во всех неядерных странах и что контрольная система должна охватывать передачи ядерных материалов и "всю ядерную деятельность, прошлую и настоящую". Советский представитель Рощин

---

[64] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 287–288; *Bunn George.* Op. cit. P. 91–92.

[65] АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 27, лл. 46–57.

[66] *Kuntzel Matthias.* The Troubled Partnership. N.Y.: McGraw-Hill Book Co., 1965. P. 83–84. Кюнцель ссылается на документы архива МИД ФРГ.

О позиции ФРГ в отношении переговоров по ДНЯО см. также: *Николаев Н.* Атомная ставка Бонна. Ракетно-ядерное оружие в планах Западной Германии. М.: Междунар. отношения, 1969. С. 208–234.

поддержал мнение Халафа, заявив, что оно заслуживает "самого серьезного внимания" и вряд ли может быть оспорено.

Возражения против принципа "самоконтроля" в странах Евратома высказала и Япония, что, отмечал Сиборг, "усилило разногласия между союзниками"[67]. Как указывал в меморандуме на имя помощника президента США по национальной безопасности Банди ответственный сотрудник Белого Дома Сперджен Кини, "Советы занимают сильную позицию, поскольку международный контроль Евратомом стран Евратома явно является самоконтролем. Более того, самоконтроль Евратома противоречил бы нашим собственным интересам, поскольку он бы подтолкнул к установлению подобных же процедур контроля для Соватома, Арабатома и т.д."[68].

Между тем, не дожидаясь официального отклонения союзниками приведенного выше предложения США по статье III (которое не устраивало ни, с одной стороны, ФРГ, ни, с другой – влиятельные вашингтонские круги, в том числе в конгрессе), американцы подготовили еще один вариант.

24 марта в конфиденциальной беседе с Рощиным Фостер сказал, что "его весьма беспокоит вопрос о согласовании с союзниками США статьи о контроле ⟨...⟩ за соблюдением договора. Консультации, которые он провел в Бонне, Риме, Гааге и Брюсселе, показали, что правительства стран Евратома и сам аппарат Евратома упорно возражают против замены системы контроля Евратома за мирным использованием ядерной энергии системой контроля МАГАТЭ. К этим трудностям, продолжал он, прибавилось и то, что Советский Союз отклоняет предложение о переходном периоде от системы Евратома к системе МАГАТЭ. Все это, по мнению Фостера, может повлечь за собой затягивание согасования текста договора как между самими западными странами, так и между западными и социалистическими государствами". Фостер передал советскому представителю новый вариант статьи III, в котором, в частности, предлагалось:

> "2. После вступления настоящего договора в силу каждое из государств–участников настоящего договора, не обладающих ядерным оружием, которое проводит деятельность, подпадающую под какую-либо из систем международных гарантий, помимо системы Международного агентства по атомной энергии, обязуется содействовать в проверке данным Агентством эффективности системы международных гарантий, применяемых к такой деятельности.
>
> 3. Как только это станет практически осуществимым, но не позднее чем через три года со времени вступления в силу настоящего договора, международными гарантиями по настоящей статье будут либо гарантии МАГАТЭ, либо такие другие международные гарантии, в целом соответствующие этому, какие приняты МАГАТЭ с процедурой проверки, взаимно согласованной

---

[67] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 291.

[68] Memorandum for Mr. Bundy by Spurgeon Keeny of June 23, 1967. P. 9; LBJ Library. National Security File. Subject File. Box 26.

властями МАГАТЭ и властями другой заинтересованной системы международных гарантий.

4. Во всяком случае, если соглашение о средствах проверки Международным агентством по атомной энергии другой системы международных гарантий, как это предусмотрено в настоящей статье, не достигнуто в течение трех лет со времени вступления в силу настоящего договора, применяются гарантии МАГАТЭ"[69].

31 марта 1967 г. США предложили западноевропейцам такой вариант. Но и его отклонило коалиционное правительство ФРГ, хотя министр иностранных дел Брандт и был настроен к нему благосклонно[70].

Отношение советской стороны к новому американскому предложению видно из аналитического материала, подготовленного в Отделе международных организаций МИД СССР в апреле 1967 г., в котором советская позиция суммировалась следующим образом:

"В вопросе о контроле советская делегация исходила из того, что такой контроль мог бы осуществляться МАГАТЭ и что такой контроль должен быть введен немедленно"[71].

В Москве с советской стороны делались представления посольству ФРГ относительно необходимости решения проблемы контроля на основе гарантий МАГАТЭ: 23 марта Громыко специально поднимал этот вопрос перед послом, 17 апреля заместитель министра В.С. Семенов – перед германским советником-посланником.

Согласование статьи III затягивалось. Совет НАТО многократно рассматривал в апреле–мае положения о гарантиях, но безрезультатно. Без этой статьи ФРГ и Италия возражали против внесения на рассмотрение Комитета 18-ти (который практически топтался на месте с февраля месяца) уже согласованного между сопредседателями текста других статей договора, включая статьи I и II.

Хотя переговоры пробуксовывали, между советской и американской делегациями установились неплохие рабочие контакты, в том числе на уровне заместителей и советников делегаций, в ходе которых они обменивались мнениями на основе "ad referendum". В мае–июне Банн и Глайстин вместе с Тимербаевым и Шустовым неоднократно имели неофициальные рабочие беседы, стремясь найти выход из создавшегося тупика. Обе делегации вели напряженную внутреннюю проработку различных вариантов, естественно, постоянно советуясь со своими столицами и согласовывая с ними свои шаги.

В конце апреля на 70-летии Фостера в женевском отеле "де Берг" Банн и другие сотрудники делегации США подарили ему морской фонарь, давая понять, что пора открыть зеленый свет решению вопроса о контроле и что такое решение находится в пределах видимости. Фостер намекнул присутствовавшим советским представителям о возможности решения на такой основе, которая устраивала бы тех, кто настаивает на

---

[69] АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 28, лл. 63–66.

[70] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 291; *Bunn George*. Op. cit. P. 93.

[71] АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 28, л. 19.

гарантиях МАГАТЭ, и в то же время давала бы какую-то сатисфакцию и странам Евратома. "Помогите нам найти взаимоприемлемую формулировку, которая могла бы удовлетворить и вас, и нас, и страны Евратома", – обратился к советской делегации Фостер[72].

В советской делегации в ходе внутренних обсуждений различных вариантов Антясов высказал мысль о возможности использования прецедента договора Тлателолко о безъядерной зоне в Латинской Америке, ст. 13 которого предусматривала заключение странами–участницами зоны "многостороннего или двустороннего соглашения" о применении гарантий МАГАТЭ. Эта статья латиноамериканского договора основывается на Уставе МАГАТЭ, в котором предусматривается применение гарантий как по односторонним, так и по многосторонним соглашениям (ст. III.A.5). Возможность договоренности на этой основе казалась достижимой, и поэтому делегация решила испробовать такой вариант для снятия проблемы Евратома.

Вскоре Банн и Глайстин с Тимербаевым и Шустовым совершили плавание на катамаране по Женевскому озеру, а также "прогулку в горах" – поездку по зубчато-рельсовой дороге в горы из горного местечка Ко (Caux), что над Монтрё, в Роше де Нэ (Roche de Naye). В вагончике поднимавшегося на скалистую вершину горы поезда обсуждались возможности выхода из тупика по статье III. Предоставим теперь слово Банну, который в монографии "Контроль над вооружениями. Согласование в комитетах" довольно точно описал состоявшийся разговор:

> «Тимербаев, конечно, знал, что Устав МАГАТЭ уполномочивает распространять, "по требованию сторон, применение гарантий на любые двусторонние или *многосторонние* соглашения" между государствами[73]. Он понимал и то, что соглашение между МАГАТЭ и Евратомом может рассматриваться как многостороннее соглашение, и МАГАТЭ уполномочено применить гарантии к такому соглашению. Он видел смысл в том, чтобы отложить на время спор о том, сколь значительную ответственность МАГАТЭ будет нести в странах Евратома. Когда мы любовались окрестностями из окна вагончика зубчато-рельсовой дороги, он предложил, чтобы в договоре предусматривалось заключение "соглашения о соглашении", при условии, что нормы и персонал МАГАТЭ будут в достаточной степени использоваться на более поздней стадии. Он предложил, чтобы положение о гарантиях позволяло неядерным государствам вести переговоры с МАГАТЭ "либо в индивидуальном порядке, либо совместно с другими государствами". Если понимать формулу "с другими государствами" как означающую страны Евратома, которые вели бы переговоры (с МАГАТЭ) через Евратом, то это в значительной мере удовлетворяло бы предложение, выдвинутое Соединенными Штатами.
>
> Появилась благоприятная возможность, к которой мы стреми-

---

[72] Этот и последующий абзацы основаны на воспоминаниях В.В. Шустова.

[73] Статья III.A.5. Выделено Банном.

лись. Это была основа формулы, которая могла бы решить проблему гарантий и была бы приемлема для ФРГ и других стран Евратома (...). Чувствуя, что есть база для сделки, я доложил о состоявшемся разговоре Фостеру и в Вашингтон»[74].

К сказанному Банном следует добавить, что советскими представителями внимание американцев было обращено на то, что предлагаемое решение было бы основано на уже существующем прецеденте, при том исходящем как бы из нейтрального источника – из текста договора Тлателолко о безъядерной зоне в Латинской Америке, разработанного латиноамериканскими странами и уже подписанного.

Советский Союз при работе над статьей III с самого начала исходил из того, что фундаментальной основой контроля может и должно быть использование международной системы гарантий Агентства – и только Агентства. Проблема состояла в том, как подключить к этой системе Евратом, сделав его гарантии как бы подотчетными, подчиненными гарантиям МАГАТЭ. И это оказалось возможным благодаря настойчивым усилиям советской дипломатии, совместным дипломатическим усилиям обеих договаривающихся сторон, включая США, которые тоже искали выход из тупика.

Следует отметить творческий дух, который царил в обеих делегациях. Их руководители поощряли инициативы своих сотрудников, обе столицы внимательно и благосклонно следили за действиями делегаций. Советской делегации в Женеве было известно, что Громыко лично внимательно знакомился с шифртелеграммами из Женевы и вмешивался в процесс переговоров только в крайних случаях, чаще всего полагаясь на те предложения, которые поступали от делегации.

Когда в период сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь–декабрь 1967 г.) один из ответственных сотрудников делегации СССР попытался в Нью-Йорке вмешаться в ход переговоров по статье III ДНЯО и это стало известно советской делегации в Женеве через одного американского представителя, она обратила внимание Москвы на данный факт, и порядок был тут же по указанию руководства МИД восстановлен: делегации в Нью-Йорке было дано указание вести переговоры только в одном месте – в Женеве. Это был важный урок для тех, кто ведет переговоры, хотя справедливости ради нужно заметить, что принцип проведения переговоров в одном месте ни тогда, ни в дальнейшем не всегда соблюдался.

Громыко придавал особое значение заключению ДНЯО. Позднее он говорил своему сыну Анатолию:

> "На фоне гонки вооружений с обеих сторон договор 1968 года (о нераспространении) был особенно важен. Он показал, что с

---

[74] *Bunn George*. Op. cit. P. 95.

Нужно также отметить немаловажную роль в поисках компромиссного решения советника делегации Бельгии Альбера Вийо (Albert Willot), который подготовил свой вариант соответствующей формулировки для статьи III, сходный с советским предложением: "индивидуально или в ассоциации с другими государствами". См.: Телеграмму Фостера госдепартаменту от 17 июня (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967–1969. Political and Defense. Box 1635).

США и Англией, двумя столпами НАТО, мы можем решить важную проблему. После подписания в Сан-Франциско Устава ООН это была моя вторая по значению подпись под историческим документом. Очень был рад достижению этого соглашения Брежнев, да и все советское руководство"[75].

Предложенная советской стороной идея заключения многостороннего соглашения между Евратомом и МАГАТЭ вызвала интерес у США не только потому, что она подсказывала выход из тупика по контролю, но и потому, что такой подход имел важное практическое значение, поскольку Евратом **коллективно** владел ядерными материалами и имел ряд совместных атомных предприятий[76].

В итоге длительных переговоров по статье III окончательное решение было принято в полном соответствии с Уставом Агентства, предусматривающим применение гарантий и к двусторонним, и к многосторонним соглашениям. Немалую роль в достижении такой договоренности сыграли также неприсоединившиеся члены Комитета 18-ти, проводившие линию на установление единообразного и недискриминационного контроля, исключавшего создание привилегированного положения для отдельных участников договора и создания условий "самоконтроля" для них. В окончательном виде соответствующее положение статьи III гласило:

"4. Государства – участники Договора, не обладающие ядерным оружием, заключают соглашения с Международным агентством по атомной энергии с целью выполнения требований настоящей статьи **либо в индивидуальном порядке, либо совместно с другими государствами** (выделено мной. – *Авт.*) в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии".

Далее в этом пункте следовало изложение обязательств участников договора по срокам заключения соглашения с МАГАТЭ, причем эти сроки были сокращены с трех лет, как первоначально предлагали некоторые западные страны, до 18 месяцев.

Известная французская журналистка Женевьева Табуи так охарактеризовала суть и значение выработанной формулировки по статье III. 4:

"В политической битве, длившейся месяцы, верх одержал Советский Союз. Контроль будет осуществлять Международное агентство по атомной энергии в Вене. Единственная уступка Бонну, которая была сделана ради формы, заключается в том, что венское агентство сможет поручить, скажем, Евратому, провести ту или иную инспекцию, ответственность за которую, однако, будет нести оно само"[77].

Поскольку согласование этого и остальных пунктов статьи III за-

---

[75] *Громыко Анатолий.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля: Воспоминания и размышления сына. М.: Автор, 1997. С. 49.

[76] Телеграмма Раска Фостеру от 3 июля 1967 г. (U.S. NARA. General Records of the Department of State. General Foreign Policy Files, 1967–69. Political and Defense. Box 1634).

[77] За рубежом. 1968. № 5. С. 2. (В этом журнале помещались переводы из иностранной периодики.)

тягивалось (с советской стороны в переговорах на рабочем уровне участвовали Шустов и Антясов, а Тимербаев вернулся в Москву, с американской – Банн и Глайстин, затем их сменили де Пальма и Алан Найдл), обе стороны договорились представить 24 августа на рассмотрение Комитета 18-ти разработанный к тому времени проект договора без статьи о контроле – в виде отдельных, но идентичных текстов[78].

Многие задавались вопросом, почему согласованный между двумя сопредседателями проект был представлен не в качестве совместного документа, а в виде отдельных идентичных текстов. Это было сделано по предложению советской стороны, которая не была готова полностью ассоциироваться с Соединенными Штатами по проекту договора, еще не согласованному окончательно. Только тогда, когда в конце мая 1968 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН работа над текстом была полностью завершена, обе ядерные державы – сопредседатели Комитета 18-ти внесли совместный текст. Высказывалось предположение (например, руководителем отдела разоружения секретариата ООН Уильямом Эпстайном[79]), что Советский Союз хотел сохранить возможность внесения односторонних изменений в согласованный с американцами текст, но для таких предположений, конечно, не было и не могло быть никаких оснований. Просто политически Советский Союз в тот период не был готов к тому, чтобы проект договора, к тому же не согласованный полностью, был "советско-американским" (или "американо-советским").

Статья III не была включена в тексты от 24 августа, для нее было оставлено место с короткой припиской: "Международный контроль". Рекомендация в пользу такого решения, т.е. внесения проекта договора пока без статьи о контроле, была представлена Раском президенту Джонсону еще 16 мая. Правительство ФРГ возражало против этого, считая, что может быть нанесен ущерб интересам Евратома, но потом согласилось[80].

Джонсон предложил такое решение на встрече с Косыгиным в Гласборо 25 июня, мотивировав свое предложение тем, что проблема гарантий – это предмет спора не между СССР и США, а между странами Евратома и другими государствами[81]. В ходе состоявшейся в Гласборо беседы Громыко с Раском, на которой присутствовал и Макнамара, госсекретарь и министр обороны спросили Громыко, считает ли он возможным достижение соглашения по договору уже в октябре. Советский министр ответил, что этот срок представляется разумным, если будет решена проблема Западной Европы. На это Раск заметил, что главная проблема – Франция, де Голль. Громыко, со своей стороны, сказал, что из бесед в Париже сложилось впечатление, что Франция настроена в пользу договора, хотя, по-видимому, не подпишет его[82]. 22 августа Рощину было дано указание внести идентичный текст проекта договора без статьи о

---

[78] Под индексами ENDC/192 и ENDC/193.

[79] *Epstein William*. The Last Chance. Nuclear Proliferation and Arms Control. N.Y.: The Free Press, 1976. P. 71–72.

[80] Memorandum of the Secretary of State for the President of May 16, 1967. LBJ Library, National Security File. Subject File. Box 26.

[81] LBJ Library. National Security File. Country File. Addendum. Temporary.Box 295.

[82] Ibid. Files of Walt Rostow. Box 10.

контроле, но только от имени СССР, при этом подчеркивалось, что затяжка с внесением была бы на руку тем кругам, которые выступают против заключения договора, и прежде всего Западной Германии.

После внесения 24 августа проекта договора в Комитет 18-ти переговоры по содержанию статьи III продолжались на уровне советников "ad referendum" еще месяц и были доложены главам делегаций в сентябре. Они были по договоренности между делегациями направлены в столицы на утверждение как "проект Рощина" – в Вашингтон и как "проект Фостера" – в Москву.

Эта согласованная в Женеве между делегациями тактика, направленная на то, чтобы облегчить утверждение текста Москвой и Вашингтоном, чуть было не дала сбой. Банн рассказывает, что посол США в Советском Союзе Луэллин Томпсон в беседе с Громыко назвал текст "проектом Рощина", советский же министр называл его "проектом Фостера". Когда телеграмма Томпсона о состоявшейся в МИДе беседе пришла в госдепартамент, там вначале произошло некоторое замешательство, поскольку далеко не все в американском внешнеполитическом ведомстве были посвящены в то, что сам Раск ранее дал разрешение Фостеру согласиться на примат контроля МАГАТЭ над контролем Евратома[83].

Согласованный по инициативе советской стороны и на основе ее предложений проект статьи III в начале сентября был передан американским союзникам по НАТО в качестве "компромиссного проекта Рощина". Фостер считал "крайне важным" соблюдать конфиденциальность в контактах с союзниками в отношении того, что делегация США участвовала в подготовке этого проекта[84].

Как свидетельствует Банн, при обсуждении этого проекта в НАТО некоторые союзники США не были в восторге от того, что гарантиям МАГАТЭ отводилось такое значительное место, в то время как ссылка на "другие" гарантии, т.е. гарантии Евратома, отсутствовала. Они также высказали возражения против того, что проект предусматривал гарантии не только в отношении ядерных материалов, но и установок[85]. Последовали интенсивные консультации на различных уровнях, в том числе и на высоком – Громыко–Раск, Раск–Брандт. Западные немцы продолжали добиваться ослабления обязательств в отношении гарантий МАГАТЭ. Они считали, что "советский проект" является "значительным шагом

---

[83] *Bunn George*. Op. cit. P. 98.

[84] Телеграмма Фостера "только для сведения" Раска от 11 сентября (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Archives. 1967–1969. Political and Defense. Box 1635). Однако в связи с тем, что союзники стали задавать вопросы об отношении США к "проекту Рощина", Фостер в телеграмме от 18 сентября рекомендовал сообщить им, что "после тщательного изучения советского проекта статьи III и при том понимании, что будут рассмотрены детальные мнения других, по нашему мнению, он создает разумную основу для соглашения по этому вопросу". Предложение Фостера было принято (телеграмма госдепартамента представителю США при НАТО Кливленду от 20 сентября). См.: Ibid.

[85] В первоначальном американском варианте ссылок на ядерные установки не было, их включили по настоянию советской стороны.

назад"[86]. Как сообщал госдепартаменту 2 ноября посол США в Бонне Макги, в Западной Германии усиливается оппозиция договору[87]. Однако Англия, Канада, страны Бенилюкса выступали за более определенное признание приоритета гарантий Агентства перед гарантиями Евратома.

После консультаций с союзниками США предложили 2 ноября новый вариант статьи, в пункте первом которого было несколько перефразировано его начало. Если ранее рассматривалась формулировка, в соответствии с которой неядерные участники договора принимают гарантии МАГАТЭ, как они будут изложены в соглашении, заключаемом с Агентством, то теперь предлагалось сказать, что неядерные страны принимают гарантии, о которых будут вестись переговоры и будет заключено соглашение с МАГАТЭ в соответствии с его Уставом и системой гарантий Агентства, т.е. упор делался на проведение переговоров и заключение соглашений с МАГАТЭ. Тем самым несколько менялся акцент, хотя суть дела по большому счету оставалась прежней. Советская сторона заявила, что она предпочитает первоначальный вариант и в течение некоторого времени настаивала на его принятии с тем, чтобы побудить Соединенные Штаты проявлять бóльшую настойчивость в их переговорах с ФРГ по контрольной статье договора.

В Москве исходили из того, что хотя обязательство о принятии гарантий изложено в проекте США от 2 ноября менее четко, все же предлагаемая формулировка ведет к установлению определенного международного контроля со стороны Агентства за атомной деятельностью неядерных стран, включая и страны Евратома. Решение вопроса о контроле, когда в странах Евратома, наряду с системой гарантий этой организации, будет осуществляться контроль МАГАТЭ (например, путем проверки отчетности Евратома и проведения выборочных инспекций), дает возможность установить в этих странах контроль за тем, чтобы не допустить утечки ядерных материалов для использования их в военных целях. При этом учитывается и то, что такие страны Евратома, как Франция, Бельгия, Голландия, не хотят появления ядерного оружия в руках западных немцев и поэтому заинтересованы в контроле за атомной деятельностью ФРГ. Американская формулировка, вместе с тем, не носит дискриминационного характера. Если бы социалистические страны того пожелали, они могли бы создать свою собственную систему контроля и на этой основе заключить соглашение с МАГАТЭ.

Американский текст от 2 ноября не говорил о применении гарантий к ядерным установкам, но сохранялось их применение ко всей ядерной деятельности неядерных государств и к исходному или специальному расщепляющемуся материалу, независимо от того, производится ли он, обрабатывается или используется в любой основной ядерной установке или находится за пределами любой такой установки. Формула в пункте 4 о заключении соглашений с Агентством в индивидуальном порядке или совместно с другими государствами также сохранялась. Советская делегация возражала против исключения из под контроля атомных установок,

---

[86] Телеграмма госдепартамента Кливленду от 20 сентября (U.S. NARA. Box 1636).

[87] LBJ Library. National Security File. Country File. Europe and USSR. Germany. Box 188.

но в конце концов согласилась, поскольку на практике применение гарантий ко всей ядерной деятельности влекло бы за собой осуществление контроля и на установках, на которых находятся ядерные материалы. При этом учитывалось, что контроль за расщепляющимися материалами, в том числе и за находящимися в основных ядерных установках, обеспечивает эффективную проверку выполнения договора.

Однако из-за позиции ФРГ тупик по статье III продолжался. В этих условиях заместитель госсекретаря США Филипп Фарли и руководитель отдела внешнеполитического планирования госдепартамента Генри Оуэн даже рекомендовали вообще опустить в договоре положения об обязательном контроле, считая достаточным включение в договор рекомендации принять гарантии[88], против чего, однако, решительно возразили АКВР, КАЭ и Объединенный комитет начальников штабов[89].

Переговоры по статье III и другим положения договора продолжались непрерывно вплоть до Рождества 1967 г. В ноябре меня вновь командировали в Женеву для участия в них.

В декабре американцы пустили в ход "тяжелую артиллерию" – президент Джонсон направил конфиденциальное послание канцлеру ФРГ Кизингеру с настойчивым призывом принять статью о контроле[90]. Он также затронул вопрос о проекте договора в своем послании о положении страны 17 января 1968 г.

В конце концов статья III была окончательно согласована, и 18 января полный текст проекта договора был внесен делегациями СССР и США на рассмотрение Комитета 18-ти[91].

В связи с внесением на рассмотрение Комитета полного текста договора Джонсон 22 января передал Косыгину через посла в Москве Луэллина Томпсона устное послание, в котором говорилось, что это "обнадеживающее свидетельство того, что мы можем преодолевать разногласия по вопросу, жизненно важному для сохранения мира". Косыгин сказал послу, как докладывал Томпсон, что он также удовлетворен достигнутым прогрессом. Советская сторона делала все возможное для ускорения решения остающихся вопросов и считает, что договор о нераспространении должен быть подписан как можно скорее. Таким образом, добавил советский премьер, в этом вопросе взгляды США и СССР совпадают[92].

Хотя по многим положениям проекта договора еще предстояли длительные и трудные переговоры и с американскими союзниками по НАТО, и с неприсоединившимися странами – членами Комитета и некоторые из статей подверглись изменениям и дополнениям, появились и новые статьи,

---

[88] LBJ Library Administrative History of the U.S. ACDA. Pt. I–IV. Boxes 1, 2. Summary and Analysis of Principal Developments. P. 79.

[89] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 299–303; *Bunn George.* Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians. Stanford: Stanf. Univ. Press. P. 97–102.

[90] Телеграмма госдепартамента посольству США в Бонне от 1 декабря (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967–1969. Political and Defense. Box 1637).

[91] Под индексами ENDC/192/Rev. 1 и ENDC/193/Rev. 1.

[92] LBJ Library. National Security File. Intelligence File. Boxes 10, 11.

но текст статьи III остался в изначальном виде, согласованном между Советским Союзом и США и внесенном 18 января. Первый ее пункт гласит:

> "1. Каждое из государств – участников Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять гарантии, как они изложены в соглашении, о котором будут вестись переговоры и которое будет заключено с Международным агентством по атомной энергии в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии и системой гарантий Агентства, исключительно с целью проверки его обязательств, принятых в соответствии с настоящим Договором, с тем чтобы не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. Процедуры гарантий, требуемых настоящей статьей, осуществляются в отношении исходного или специального расщепляющегося материала, независимо от того, производится ли он, обрабатывается или используется в любой основной ядерной установке или находится за пределами любой такой установки. Гарантии, требуемые настоящей статьей, применяются ко всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пределах территории такого государства, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было".

Смысл формулировки о "мирной" ядерной деятельности состоял в том, что неядерные государства, по определению, не должны были заниматься военной ядерной деятельностью, хотя договор, в отличие от Устава МАГАТЭ, не запрещает использовать ядерную энергию для военных целей, не связанных с ядерными взрывами, например, для подводных лодок или надводных военных кораблей, приводимых в движение атомными реакторами. Впрочем, на практике после заключения ДНЯО таким правом ни одно неядерное государство – участник договора пока не воспользовалось.

Пункт 2 статьи о контроле имеет следующую формулировку:

> "2. Каждое из государств – участников Договора обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный расщепляющийся материал не распространяются гарантии, требуемые настоящей статьей".

Этот пункт, который в принципе был обговорен между советской и американской сторонами еще в Нью-Йорке в конце 1966 г., налагает обязательства на всех участников договора, ядерных и неядерных (следует заметить, что распространение обязательства на неядерные страны в значительной мере компенсирует отсутствие в статье II требования,

чтобы такие страны не содействовали другим странам в обзаведении ядерным оружием, о чем говорилось выше). При этом данный пункт относится к экспорту материалов и оборудования в **любую** неядерную страну, независимо от того, является она участником договора или нет. Как отмечал Антясов, "такое положение бесспорно правильно, иначе страны – неучастницы договора оказались бы в привилегированном положении. Требование, чтобы неядерные страны-импортеры приняли гарантии на поставляемый им материал, объективно способствует распространению гарантий МАГАТЭ даже и на те страны, которые не являются участниками договора ⟨...⟩"[93].

При практическом осуществлении пункта 2 статьи III важно иметь единообразное понимание того, какие именно оборудование и ядерный материал следует рассматривать как требующие применения гарантий в стране-получателе. В договоре не раскрываются эти понятия, поскольку составление соответствующего списка материалов и оборудования могло бы надолго затянуть разработку и согласование всей статьи III, а следовательно, и заключение договора. Эта работа была выполнена позднее – в начале 70-х годов в так называемом Комитете Цангера[94], который постоянно (и по сей день) уточняет и расширяет такой список, известный как Исходный список (Trigger List), учитывающий развитие атомных технологий.

Следует заметить, что, по мнению ряда специалистов, пункт 2 статьи III страдает определенным упущением: предусматривая обязательство, согласно которому поставки неядерным странам-неучастникам ДНЯО материалов и оборудования осуществляются только при условии постановки их под соответствующий контроль, он не уточняет, однако, должна ли находиться под гарантиями МАГАТЭ **вся** ядерная деятельность в таких неядерных государствах или нет. Поначалу существовало довольно широко распространенное понимание, что полный контроль за ядерной деятельностью не требуется. И это позволяло поставлять ядерные материалы и оборудование в такие страны, как Индия, Пакистан, Израиль и другие государства, которые отказывались принять всеобъемлющие гарантии.

В дальнейшем появилась идея выработать международную договоренность о том, чтобы поставщики ядерных материалов, оборудования и технологий требовали применения так называемых полноохватных (full-scope) или всеобъемлющих (comprehensive) гарантий. Впервые это обсуждалось в Группе ядерных поставщиков (ГЯП) в Лондоне в 1975–1977 гг. Некоторые государства стали самостоятельно применять принцип полноохватных гарантий, не дожидаясь общей договоренности, например США начиная с 1978 г. Только в 1992–1993 гг. в ГЯП был окончательно согласован этот принцип (к которому присоединилась и Россия), т.е. обязательство поставщиков предоставлять предметы Исходного списка лишь в те страны, которые приняли всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ.

---

[93] Атом и мир. Договор о нераспространении ядерного оружия и Международное агентство по атомной энергии / Под ред. И.Д. Морохова. М.: Междунар. отношения, 1974. С. 34.

[94] Назван по имени профессора Клода Цангера (Швейцария), первого председателя Комитета.

Однако не все ядерные поставщики (например, Китай) являются участниками этой договоренности.

Тем не менее и в своем первоначальном понимании согласование пункта 2 имело исключительно важное, принципиальное значение, ибо создавалась юридически обязательная международно-правовая основа для установления контроля за ядерным экспортом. На этом положении статьи III зиждется вся современная широко разветвленная система международного и национального экспортного контроля.

При разработке статьи III возник вопрос о том, должен ли договор допускать поставки неядерным государствам ядерного топлива или оборудования для **военных** судов с ядерными энергетическими установками. В этой связи делегация США в Комитете 18-ти 15 марта 1968 г. передала советской делегации заявление, в котором, в частности, говорилось:

> «Договор запрещает государствам, не обладающим ядерным оружием, производство или приобретение "ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств".
>
> Для целей договора подводная лодка с ядерной энергетической установкой сама по себе не является "оружием". Договор не касается таких форм применения ядерной энергии, как ядерный двигатель, установленный на военных судах. Таким образом, ничто в договоре не запрещает предоставления ядерного топлива в этих целях, и такого рода деятельность не является предметом контроля, как он изложен в статье III проекта договора, который предусматривает применение контроля ко всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пределах территории любого государства, не обладающего ядерным оружием, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было. Исключительной целью такого контроля является не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства»[95].

Советская сторона согласилась с таким пониманием соответствующего положения статьи III. В дальнейшем, в 1970–1971 гг., при согласовании типового соглашения о гарантиях для неядерных стран – участниц ДНЯО, было решено, что гарантии не будут применяться к ядерному материалу в "незапрещенной военной деятельности", но он вновь будет поставлен под гарантии, как только такой материал снова будет возвращен в мирную ядерную деятельность (пункт 14 типового соглашения о гарантиях – INFCIRC/153).

Согласование статьи ДНЯО о гарантиях, в ходе которого Советский Союз проявлял большую настойчивость в отстаивании обязательности контроля МАГАТЭ для всех неядерных стран-участниц ДНЯО, следует считать результатом значительной эволюции Советского Союза в сторону принятия концепции международного контроля за мерами ограничения вооружений и разоружения, хотя в данном случае речь шла лишь об

---

[95] Сборник документов МИД СССР. Т. X (1968). С. 224–226.

инспекции не на самой советской территории. До согласия на контроль на территории СССР еще оставалось некоторое время. Тем не менее, преодоление застарелой, начавшейся еще со времен "плана Баруха" аллергии к какому-либо внешнему контролю следует считать решительным шагом вперед.

Советская позиция основывалась на принципе соразмерности контроля и разоружения: сколько разоружения, столько и контроля; объем контроля должен соответствовать масштабу мер разоружения; контроль и разоружение должны находиться в органическом взаимодействии. По настоянию советской стороны принцип соразмерности контроля и разоружения получил подтверждение в согласованных между СССР и США и одобренных Генеральной Ассамблеей ООН в 1961 г. принципах для переговоров по разоружению, в которых говорилось, что "характер и размеры ⟨...⟩ контроля зависят от потребностей проверки мероприятий разоружения" (они известны как заявление Зорина–Макклоя)[96].

Важную роль в эволюции советского подхода к контролю сыграло то обстоятельство, что руководство страны проявляло большую озабоченность в отношении широкого развертывания ядерных программ в ряде промышленно развитых государств, прежде всего в ФРГ, и стремилось установить за ними строгий международный контроль. Настойчивость западных стран в продвижении "равноценных" гарантий Евратома, которые могли бы таким образом сохранить за собой привилегию на осуществление "самоконтроля", тоже объективно подталкивала Советский Союз к действиям, направленным на установление международного контроля во всех неядерных странах по договору о нераспространении. МИД при поддержке министерства среднего машиностроения неоднократно обращал на это внимание Политбюро ЦК КПСС, и со стороны тогдашнего высшего органа власти эти соображения получали полное одобрение. При внутренних обсуждениях на заседаниях Политбюро упорство западных стран в отношении Евратома содействовало формированию позитивного отношения советских руководителей к международному контролю МАГАТЭ.

Как свидетельствовал в своих мемуарах посол в Соединенных Штатах А.Ф. Добрынин, поворот Советского правительства лицом к установлению гарантий МАГАТЭ в первую очередь диктовался стремлением не допустить появления ядерного потенциала у Германии, что с очевидностью следует из внутренних документов Политбюро и МИД. Так, в цитируемой Добрыниным записке Громыко в ЦК КПСС о внешнеполитическом курсе СССР от 13 января 1967 г., которую одобрило Политбюро, этот вопрос занимал центральное место в разделе разоружения:

> "Разоружение: Мы должны занимать активную позицию по разоружению. Одновременно с дальнейшей борьбой за всеобщее и полное разоружение, что потребует длительного времени, мы должны уделять особе внимание некоторым ограниченным мерам, и прежде всего достижению соглашения о нераспространении

---

[96] Док. ООН А/4879. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IV. С. 271–274. Подробнее о принципе соразмерности контроля и разоружения см.: *Тимербаев Р.М.* Контроль за ограничением вооружений и разоружением. М.: Междунар. 1983. С. 24–28.

ядерного оружия. Необходимо завершить наш диалог с Соединенными Штатами и добиваться заключения такого соглашения, чтобы воспрепятствовать допуску к ядерному оружию в любой форме ФРГ и других неядерных государств"[97].

Советские и американские представители в Женевском комитете по разоружению и те, кто направлял их деятельность из Москвы и Вашингтона, затратившие на переговоры по статье III более года, внесли существенную лепту в достижение успешного результата.

Наряду с текстом самой статьи III, немаловажное значение, особенно для дальнейшей разработки процедур гарантий применительно к договору, имели относящиеся к гарантиям пункты преамбулы. В их продвижении существенную роль сыграла ФРГ, где в Национальном научном центре атомных исследований в Карлсруэ проводились работы по гарантиям, направленные в первую очередь на их "упрощение"[98]. О них публично объявил Вилли Брандт в выступлении в германском бундестаге 27 апреля 1967 г.:

> "Мы исходим из предпосылки, что применение гарантий не помешает производственным процессам и не раскроет производственные секреты, а лишь устранит опасность переключения (ядерных материалов на военные цели. – *Авт.*). Для этого будет достаточно применять гарантии к исходным или расщепляющимся материалам и к топливному циклу в некоторых ключевых местах, используя, насколько это возможно, автоматические приборы"[99].

Позицию ФРГ, вполне естественно, поддерживали государства – члены Евратома и другие промышленно развитые страны. Две ядерные державы в определенной мере пошли им навстречу и включили в преамбулу следующий пункт:

> "Выражая свою поддержку усилиям по исследованию, усовершенствованию и другим усилиям, направленным на содействие применению в рамках системы гарантий Международного агентства по атомной энергии принципа эффективных гарантий в отношении движения исходных и специальных расщепляющихся материалов посредством использования приборов и других технических способов в определенных ключевых местах"[100].

В статью III по настоянию промышленно развитых стран – ФРГ, Японии, Италии, Швейцарии, выражавших опасения, что гарантии будут

---

[97] *Dobrynin Anatoly.* In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. N.Y.: Times Books, Random House, 1995. P. 642.

[98] Результаты этих работ в литературе иногда называют "доктриной Карлсруэ" (по названию атомного центра).

[99] Цит. по: *Shaker Mohamed.* Op. cit. P. 742.

[100] Строго говоря, положение преамбулы о проведении инспекций в "определенных ключевых местах" расходится с положением Устава МАГАТЭ о том, что инспекторы Агентства "должны будут иметь доступ в любое время во все места, ко всем данным и ко всем лицам" (ст. XII. А. 6).

препятствовать мирному использованию атомной энергии, и высказывавших озабоченность по поводу возможного промышленного шпионажа, был также включен пункт 3:

> "Гарантии, требуемые настоящей статьей, осуществляются таким образом, чтобы соответствовать статье IV настоящего Договора и избегать создания препятствий для экономического или технологического развития участников Договора или международного сотрудничества в области мирной ядерной деятельности, включая международный обмен ядерным материалом и оборудованием для обработки, использования или производства ядерного материала в мирных целях в соответствии с положениями настоящей статьи **и принципом применения гарантий, изложенным в преамбуле Договора**" (выделено мной. – *Авт.*).

Пункт 4 статьи III определяет сроки заключения соглашений о гарантиях между неядерными странами-участницами ДНЯО и МАГАТЭ: они должны быть заключены и вступить в силу в течение 18 месяцев со дня присоединения к договору, при этом первоначальные участники ДНЯО должны начать переговоры не позднее шести месяцев со дня вступления в силу договора. Это положение было принято по предложению Советского Союза, который руководствовался стремлением к тому, чтобы страны Евратома, включая ФРГ, как можно скорее заключили соглашение с МАГАТЭ. США, как выше отмечалось, называли более продолжительный срок – три года.

Согласование договорной статьи о международном контроле еще не означало, что вопрос о контроле за соблюдением ДНЯО полностью решен и закрыт. В ходе дальнейших переговоров о конкретных процедурах гарантий возникало немало проблем, особенно в связи с тем, что индустриально развитые страны – ФРГ, Япония и некоторые другие неядерные государства стремились ослабить эти процедуры. Однако постепенно, хотя и с большими задержками, возникавшие проблемы так или иначе решались. Практически МАГАТЭ приступило к применению гарантий в странах Евратома только в 1978 г. Отголоски этих проблем ощущались и в последние годы, при согласовании в Совете Управляющих Агентства мер по повышению эффективности системы гарантий в неядерных странах, охваченными всеобъемлющими гарантиями ("Программа 93+2"), которые были окончательно одобрены Советом Управляющих в 1997 г.[101]

Согласие МАГАТЭ на осуществление контроля за ДНЯО

Еще в разгар переговоров в Женеве по статье III ДНЯО, имеющей самое непосредственное отношение к Агентству, и задолго до согласования текста самой статьи, которое было завершено только в январе 1968 г., в Москве возникла идея о том, чтобы Международное агентство

---

[101] Док. МАГАТЭ INFCIRC/540.

высказало свое отношение к перспективе принятия на себя функций контроля за выполнением договора о нераспространении ядерного оружия.

19 апреля 1967 г. представитель СССР при МАГАТЭ Г.П. Аркадьев в разговоре с американским представителем Льюисом высказался за то, чтобы Советом Управляющих Агентства был создан комитет по гарантиям, который занялся бы задачей повышения эффективности системы гарантий в порядке подготовки к осуществлению Агентством дополнительных функций в связи с договором о нераспространении. Комитет состоял бы из восьми членов (по три от Запада и Востока и два от развивающихся стран). Представитель США ограничился замечанием, что предложенная идея интересна, но он должен проконсультироваться с Вашингтоном. В своей телеграмме госдепартаменту Льюис дал осторожную оценку советского предложения, считая, что оно направлено на поддержку советской позиции на переговорах в Женеве по статье III[102].

В указаниях госдепартамента и КАЭ США Льюису от 4 мая сообщалось, что хотя в дальнейшем и было бы желательно создать орган для рассмотрения и оценки функционирования гарантий МАГАТЭ, в настоящее время, когда "внимание всего мира приковано к гарантиям МАГАТЭ в контексте развития событий вокруг ДНЯО", было бы "однако преждевременным предпринимать открытое обследование адекватности гарантий". Американскому представителю было поручено сообщить Аркадьеву, что США "выражают надежду, что советская сторона отложит обсуждение своего предложения до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение по контрольным положениям договора о нераспространении"[103].

В связи с тем, что американцы не поддержали предложение о создании комитета по гарантиям на июньской сессии Совета Управляющих, советская сторона стала продвигать идею принятия Генеральной Конференцией на ее осенней сессии решения о готовности Агентства взять на себя функции контроля за договором о нераспространении. 5 июня Аркадьев затронул данный вопрос в беседе с представителем Чехословакии. В ходе беседы между ними рассматривалась возможность внесения на Генеральной конференции Агентства делегациями двух государств совместно с "некоторыми дружественными странами" проекта резолюции, в которой содержался бы призыв к Комитету 18-ти о скорейшем завершении переговоров по ДНЯО и выражалась уверенность, что МАГАТЭ эффективно выполнит те контрольные функции, которые могут быть возложены на Агентство договором о нераспространении[104]. Цель такой резолюции была очевидна: заранее, еще до окончательного согласования статьи III, зафиксировать, что контроль за выполнением договора будет осуществляться только с помощью гарантий МАГАТЭ.

14 сентября Аркадьев вновь поднял этот вопрос перед представителем США Льюисом. Советский представитель предложил, чтобы Генеральная конференция приняла резолюцию примерно следующего содержания:

---

[102] U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967–1969. Political and Defense. Box 1634.

[103] Ibid.

[104] АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 135, д. 7, л. 79.

1. Просить Комитет 18-ти государств по разоружению продолжить свои усилия для скорейшего завершения переговоров о договоре о нераспространении, с тем чтобы к нему могли присоединиться все разделяющие цели договора государства.

2. Информировать Генеральную Ассамблею ООН и Комитет 18-ти, что МАГАТЭ будет стремиться должным образом обеспечить выполнение функций контроля в связи с указанным договором, если эта задача будет на него возложена.

В личном плане Льюис высказал в общем положительное отношение к этой идее и сказал, что запросит Вашингтон[105]. В тот же день Аркадьев поставил вопрос о принятии такой резолюции перед Генеральным директором Агентства Эклундом, который также реагировал положительно[106].

Взяв на себя инициативу в продвижении данного вопроса на сессии Генеральной конференции. Эклунд сказал на заседании конференции 26 сентября 1967 г., что, по его мнению,

"он выражает волю Агентства, заявляя, что оно готово выполнять контрольные функции, предусматриваемые проектом договора. Он уверен, что существующая система гарантий Агентства дает ему возможность реализовать их и, как он полагает, Агентство может с полным основанием утверждать, что оно является организацией, наиболее подходящей для выполнения этой важной задачи"[107] .

Делегация США получила, однако, указание возражать против принятия резолюции, о чем сообщила советской стороне, мотивировав свою позицию тем, что ее принятие осложнило бы завершение переговоров по статье III в Женеве. В результате нескольких встреч между двумя делегациями, в которых мне довелось участвовать, было согласовано, что на заключительном пленарном заседании Генеральной Конференции председатель сессии Нойман (ЧССР) сделает от имени Конференции заявление о том, что

"такая задача (применение гарантий Агентства для контроля за выполнением ДНЯО – *Авт.*) будет полностью соответствовать целям Агентства. Председатель, соответственно, выражает уверенность в том, что Конференция хотела бы, чтобы он объявил о готовности Агентства взяться за выполнение этой задачи и осуществить такие приготовления, которые могут потребоваться для выполнения более широких обязанностей, которые могут быть на Агентство возложены"[108].

---

[105] Там же. Лл. 124–125.

[106] Там же. Лл. 127–128.

[107] Records of the Eleventh Regular Session (26 September–2 October, 1967). One Hundred and Eleventh Plenary Meeting. Doc. IAEA GC(XI)/OR. III. P. 4.

[108] Doc IAEA. GC(XI). OR. 118. P. 3.

Таким образом, Генконференция единогласно решила, хотя и не в форме резолюции, что Агентство берется за осуществление функций по контролю за договором о нераспространении. Уже после вступления ДНЯО в силу Совет Управляющих в апреле 1970 г. создал Комитет по гарантиям для подготовки типового соглашения для неядерных государств – участников договора, которое было разработано в 1970–1971 гг. (INFCIRC/153).

В 1971 г. Генеральная Ассамблея ООН, исходя из того, что на Агентство возлагается новая важная роль в области нераспространения ядерного оружия, приняла резолюцию, в которой просила МАГАТЭ включать в ежегодные доклады информацию о своей деятельности по применению гарантий в соответствии с ДНЯО.

Хотя договор о нераспространении не предусматривает создания специального контрольного органа для обеспечения соблюдения договора, можно считать, что Совет Управляющих МАГАТЭ фактически таким органом является в силу того, что статья III ДНЯО устанавливает право Агентства выполнять контрольные функции по договору. Совет эти функции осуществляет на практике, утверждая соглашения о гарантиях с государствами – участниками договора, давая необходимые ориентиры секретариату по процедурам применения гарантий, постоянно работая над повышением эффективности системы гарантий, ежегодно заслушивая отчеты секретариата о выполнении гарантий и принимая, в необходимых случаях, меры при несоблюдении соглашений о гарантиях, вплоть до представления докладов о несоблюдении Совету Безопасности ООН, как это было в 1991 г. в связи с Ираком и в 1993 г. в связи с КНДР.

О добровольной постановке ядерными державами под гарантии МАГАТЭ гражданских ядерных установок

Для содействия получению согласия на принятие гарантий в отношении всей ядерной деятельности неядерных государств, особенно индустриально развитых, в ходе переговоров по статье III возникла необходимость в определенных встречных шагах со стороны ядерных держав. Некоторые неядерные страны (Индия, Бразилия, Швейцария, Швеция, Нигерия, Эфиопия) выступали с весьма радикальных позиций, предлагая, чтобы гарантии на "недискриминационной" основе применялись и в ядерных державах.

Другие неядерные государства (ФРГ, Япония, Италия, Бельгия), не выдвигая столь далеко идущих требований, утверждали, что открывая свои реакторы и другие ядерные установки для инспекций международными контролерами, они тем самым оказываются в невыгодном с точки зрения промышленной и коммерческой конкуренции положении. Во внутренних обсуждениях этими государствами, писал Сиборг,

> "чаще всего в качестве конкурента назывался Советский Союз, но нам было ясно, что они на деле были более озабочены конкуренцией со стороны Соединенных Штатов, но дипломатично умалчивали об этом. Мы пытались ответить на их жалобы тем,

что инспекторы МАГАТЭ будут иметь инструкции не вмешиваться в эксплуатацию реакторов. Однако убедительно подать этот аргумент было трудно ⟨...⟩.

Как мне представляется, аргументы относительно коммерческих невыгод, возможно, были несколько надуманными и на деле предназначались для того, чтобы закамуфлировать сопротивление основным положениям ДНЯО. В некоторых промышленных странах требование об их отказе от ядерного оружия на неопределенное время было серьезной внутренней политической проблемой. Однако для любой из них признать это было не вполне респектабельно. Но, с другой стороны, было совершенно респектабельно утверждать, что предлагаемые положения о гарантиях угрожают поставить законное развитие их промышленности в невыгодное положение"[109].

Директор АКВР Фостер предложил такой выход: США предоставляет МАГАТЭ возможность применять гарантии ко всей американской **мирной** ядерной деятельности, но при условии, что 1) такое предложение будет сделано только после того, как станет ясно, что оно существенно облегчит принятие статьи III; и 2) оно будет реализовано только после вступления в силу ДНЯО и что договор будет предусматривать обязательные гарантии в неядерных странах[110]. Предложение АКВР поддержали все основные американские правительственные ведомства и одобрил президент Джонсон в апреле 1967 г. По рекомендации Сиборга было решено обнародовать американскую инициативу 2 декабря 1967 г. – в 25-ю годовщину пуска в Чикаго первого атомного реактора. Джонсон заявил на церемонии в этом городе:

"Мы теперь прилагаем большие усилия к тому, чтобы добиться такого договора (о нераспространении) в форме, приемлемой для всех стран ⟨...⟩.

Мы не считаем, что гарантии, которые мы предлагаем в этом договоре, будут мешать мирной деятельности любой страны.

И я хотел бы дать миру ясно понять, что мы в Соединенных Штатах не просим какую-либо страну принять гарантии, которые мы сами не хотели бы принять.

Поэтому я объявляю сегодня, что когда такие гарантии будут применяться согласно договору, то Соединенные Штаты разрешат Международному агентству по атомной энергии применять его гарантии ко всем видам ядерной деятельности в Соединенных Штатах, за исключением только тех, которые имеют непосредственное значение для национальной безопасности.

Согласно этому предложению Агентство сможет инспектировать широкую сферу деятельности в области ядерной энергии в

---

[109] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 297.

[110] Следует заметить, что еще в июне 1964 г. США заключили с МАГАТЭ соглашение о постановке под гарантии Агентства нескольких энергетических и исследовательских атомных реакторов для отработки процедур гарантий.

Соединенных Штатах, как правительственной, так и частной, включая топливо в ядерных реакторах, принадлежащих предприятиям по выработке электроэнергии, и производство и химическую переработку такого топлива"[111].

Аналогичное заявление сделал 5 декабря в Комитете 18-ти представитель Англии И. Портер[112]. С советской стороны каких-либо заявлений не делалось.

Раск в беседе с Громыко в Нью-Йорке еще 27 июня 1967 г. высказался за то, чтобы как США, так и СССР поставили свои гражданские атомные установки под гарантии МАГАТЭ, что было бы "политически полезно", учитывая "сильное сопротивление" гарантиям со стороны неядерных стран. Громыко, однако, выступил тогда против, заявив, что это не относится к предмету договора о нераспространении[113].

Советский Союз довольно долго затягивал постановку под гарантии Агентства своих атомных установок на добровольной основе, при этом делались ссылки на то, что на некоторых атомных установках Агентство так или иначе осуществляло, хотя и неформально, некоторые виды фактической инспекторской деятельности – для подготовки и стажировки международных инспекторов, отработки процедур инспекций на реакторах советского типа и т.д. Кроме того, когда СССР дал такое согласие, то, в отличие от США и Англии, он согласился на принятие гарантий МАГАТЭ в отношении не **всей** своей гражданской ядерной деятельности, а только нескольких десятков ядерных установок, поскольку в СССР гражданский и военные секторы атомной отрасли исторически не были разделены и в ряде случаев, например на гражданских научно-исследовательских реакторах, проводились закрытые военные исследования.

Соответствующие соглашения с МАГАТЭ о гарантиях вступили в силу: с Англией – в 1978 г., с Соединенными Штатами – в 1980 г.[114] Соглашения о добровольной постановке под гарантии Агентства части мирной ядерной деятельности были заключены и вступили в силу с Францией в 1981 г., с Советским Союзом – в 1985 г. и с Китаем – в 1989 г.[115]

Практически деятельность Агентства по применению гарантий в ядерных державах ограничивается очень небольшим количеством ядерных установок ввиду весьма скромных финансовых возможностей МАГАТЭ. Однако, во всяком случае, добровольные действия ядерных держав способствовали отклонению доводов некоторых неядерных государств, что ДНЯО носит дискриминационный характер и что гарантии будут применяться только к ядерной деятельности неядерных стран и поэтому эти страны будут находиться в невыгодном положении.

---

[111] Док. ENDC/206. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IX. С. 357–360.

[112] Док. ENDC/PV.353. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IX. С. 360–361.

[113] U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967–1969. Political and Defense. Box 1635.

[114] *Rainer Reinhard H., Czasz Paul C.* The Law and Practices of the International. Atomic Energy Agency, 1970–1980. Suppl. 1 to the 1970 Edit. of Legal Ser. N 7. Vienna: IAEA, 1993. P. 312–315.

[115] Ежегодный доклад МАГАТЭ за 1995 г. См.: док. GC(40)/8. С. 93.

5. СТАТЬЯ IV (О МИРНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ)

В отличие от статей I, II и III, которые остались в тексте договора неизменными, т.е. в том виде, в котором они были представлены Комитету 18-ти сопредседателями – делегациями СССР и США, статья IV, включенная в текст договора, который был внесен ими в Комитет 24 августа 1967 г., по инициативе неядерных государств далее подверглась существенным изменениям в ходе ее обсуждения в Комитете. В первоначальных советском и американском проектах договора 1965 г. и в поправках США к своему проекту, предложенных в 1966 г., соответствующая статья вообще отсутствовала.

Предложенный двумя державами 24 августа проект статьи о мирном использовании атомной энергии учитывал пожелания многих неядерных государств, и в первую очередь Мексики. Он состоял из одного пункта и гласил:

> "Никакое положение настоящего Договора не следует толковать как затрагивающее неотъемлемое право всех участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации и в соответствии со статьями I и II настоящего Договора, а также право сторон участвовать в возможно самом полном обмене информацией и способствовать отдельно или в сотрудничестве с другими государствами дальнейшему развитию использования ядерной энергии в мирных целях".

Мексика, Румыния, Бразилия и Нигерия предложили поправки к приведенному тексту, существенно усиливающие его. Представитель Мексики Хорхе Кастаньеда так обосновывал свое предложение:

> "По нашему мнению ⟨...⟩, существенно важно установить **юридическое обязательство** ядерных держав – наиболее высокоразвитых стран – содействовать техническому развитию других стран, а также предоставлять в их распоряжение научно-технические знания в области мирного использования ядерной энергии. Мы считаем, что предоставление такой технической помощи должно стать юридическим обязательством и что должно быть провозглашено право некоторых стран получать научно-технические знания и обязанность других делиться этими знаниями. Мы считаем, что если в качестве вклада в дело международного мира и безопасности неядерные государства навсегда откажутся от определенной деятельности и экспериментов, которые они могли бы проводить при отсутствии договора, было бы вполне справедливо, чтобы они по праву получали взамен любые научно-технические выгоды, извлекаемые из тех экспериментов, от которых они отказываются" (выделено мной. – *Авт.*)[116].

---

[116] Док. EDDC/PV.331. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IX. С. 184–192.

ОАР, Швеция, Нигерия и Румыния согласились с мексиканским подходом, а Италия пошла еще дальше. С ее стороны поступило предложение, оглашенное в Комитете министром иностранных дел Фанфани 1 августа (почему оно и получило название "предложение Фанфани"), о заключении соглашения независимо от договора, но связанного с ним или даже включенным в него, "в силу которого ядерные державы периодически передавали бы определенное согласованное количество расщепляющихся материалов странам, подписавшим его"[117].

На эти предложения, как можно было предположить, отрицательно отреагировал Вашингтон, не вызвали они восторга и в Москве. По оценке Сиборга, предложение Мексики "возлагало бы на ядерные государства *обязанность* оказывать помощь неядерным участникам в развитии ими мирных применений" ядерной энергии[118].

В сложившейся ситуации сопредседателям пришлось, однако, пойти на некоторые уступки. Мексиканское предложение было частично учтено ими при представлении пересмотренного проекта 18 января 1968 г. Последовали новые поправки, но они не были приняты Советским Союзом и США при внесении измененного проекта договора 11 марта. И только при рассмотрении проекта Генеральной Ассамблеей в апреле–июне были включены дополнительные изменения, и текст статьи IV обрел окончательную форму. Он гласит:

> "1. Никакое положение настоящего Договора не следует толковать как затрагивающее неотъемлемое право всех участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации и в соответствии со статьями I и II настоящего Договора.
>
> 2. Все участники Договора обязуются способствовать возможно самому полному обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях и имеют право участвовать в таком обмене. Участники Договора, которые в состоянии делать это, также сотрудничают в деле содействия, по отдельности или совместно с другими государствами или международными организациями, дальнейшему развитию применения ядерной энергии в мирных целях, особенно на территориях государств – участников Договора, не обладающих ядерным оружием, с должны учетом нужд развивающихся стран мира".

Как видно из текста, пункт 1 полностью воспроизводит начальную формулировку текста от 24 августа 1967 г. Представляется чрезвычайно важным, что сохранилось положение о том, что развитие мирных применений атомной энергии должно осуществляться в соответствии со

---

[117] Док. ENDC/PV.318. Приводится по тому же Сборнику документов. С. 128–133. Следует заметить, что делегация Италии в Комитете 18-ти зачастую высказывала соображения и предложения, согласованные с ФРГ, которая не была членом Комитета. Впрочем, предложение Фанфани могло быть и чисто итальянской инициативой.

[118] *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 363.

статьями I и II Договора, т.е. на прочном фундаменте принципа нераспространения ядерного оружия.

Второй же пункт претерпел существенные изменения по сравнению с завершающей формулировкой прежнего проекта. Здесь расширяется и объем обмениваемой информацией (добавлено: научной и технической); и дополнительно предусматривается обмен оборудованием и материалами; и говорится об обязательстве способствовать возможно самому полному обмену; и предусматривается сотрудничество в деле содействия дальнейшему развитию применения ядерной энергии в мирных целях, в том числе на многосторонней основе; и подчеривается, что это должно иметь место особенно на территориях неядерных участников договора, и при этом с должным учетом нужд развивающихся районов мира. Как заметил Сиборг, размеры "выкупа" за согласие неядерных государств пойти на ДНЯО "несколько вышли из под контроля"[119].

Следует отметить, что ссылка на статьи I и II содержится только в пункте 1 рассматриваемой статьи, но отсутствует в пункте 2. Это в дальнейшем вызывало определенные трения между развитыми и развивающимися странами, поскольку некоторые из последних утверждали, что обязательство о "возможно самом полном" обмене материалами, информацией и т.д. будто бы не ограничено требованием о соблюдении принципа нераспространения. Со своей стороны государства – поставщики ядерных материалов и оборудования с полным основанием заявляли, что такое понимание противоречит и духу, и самому смыслу ДНЯО.

В целом же следует признать, что статья IV отражает взаимный баланс интересов ядерных и неядерных государств в вопросах ядерного нераспространения и мирного использования атомной энергии.

6. СТАТЬЯ V (О ЯДЕРНЫХ ВЗРЫВАХ В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ)

Первоначальные американский и советский проекты договора о нераспространении 1965 г. не содержали положений о ядерных взрывах в мирных целях (МЯВ).

Идея использования энергии ядерного взрыва для гражданских целей, в частности для прорытия каналов, например альтернативного Панамского канала, первоначально принадлежала Соединенным Штатам. Первый такой испытательный взрыв был произведен еще в 1957 г. Затем была разработана и утверждена специальная программа "Plowshare"[120]. В ходе трехсторонних (СССР–США–Англия) переговоров в 1958–1963 гг. о запрещении яденых испытаний Соединенные Штаты добивались исключения МЯВ из-под запрета, Советский Союз, со своей стороны, настаивал на полной внешней и внутренней инспекции зарядов перед проведением взрывов.

При заключении Московского договора 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в трех средах руководитель делегации США Гарриман поднял

---

[119] Подробный весьма обстоятельный и взвешенный анализ переговоров по статье IV см.: *Shaker Mohamed.* Op. cit. P. 273–377.

[120] Плуг, плужный лемех.

перед Хрущевым вопрос о том, чтобы сделать исключение для МЯВ, но ввиду советских возражений и с согласия Кеннеди не настаивал на этом. Он, однако, добился включения в договор положения о выходе из него при исключительных обстоятельствах, ставящих под угрозу высшие интересы страны. Это положение было нужно Соединенным Штатам на случай необходимости возобновления взрывов ввиду ожидавшегося начала китайских ядерных испытаний.

США продолжали программу "Plowshare" до 1973 г., когда она была прекращена как по экологическим причинам, так и потому, что не продемонстрировала убедительно экономические выгоды от применения МЯВ. Как позднее заявил Джеральд Джонсон, руководитель этой программы в Ливерморской лаборатории, он "твердо убежден, что МЯВы не будут давать практическую экономическую пользу в Соединенных Штатах ни сейчас, ни в обозримом будущем"[121].

Советский Союз приступил к своей программе МЯВ позднее – в 1965 г. и до ее завершения в 1988 г. произвел 124 взрыва в народнохозяйственных целях, в частности, для ликвидации аварийных газовых фонтанов, создания подземных емкостей в массивах каменной соли для образования, например, конденсатохранилищ, для крупномасштабных земляных работ камуфлетным способом, геологического зондирования и т.д.[122] Существовали планы переброски северных рек с помощью ядерных взрывов и был даже проведен эксперимент – групповой взрыв на выброс в Пермской области. Однако от этой идеи пришлось отказаться, поскольку радиоактивный выброс от взрывов вышел бы за пределы территории страны и это было бы нарушением Московского договора 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в трех средах[123].

В связи с большим интересом к мирным ядерным взрывам, проявленным в Комитете 18-ти, делегация США изложила 21 марта 1967 г. пять общих принципов, на основе которых потенциальные блага от мирных ядерных взрывов могли бы быть доступны для неядерных государств в соответствии с отдельным соглашением:

> 1. Если и когда МЯВы будут технически и экономически возможны, ядерные государства будут предоставлять неядерным услуги по мирному применению взрывов. Это будет осуществляться под международным наблюдением, причем сами устройства будут находиться под контролем ядерных держав.
>
> 2. Взрывы будут осуществляться через посредство международной организации.
>
> 3. Стоимость взрывов будет по возможности низкой, при этом она не будет включать расходы на НИОКР.
>
> 4. Будут проведены консультации между ядерными и неядерными государствами относительно внесения поправки в договор о частичном запрещении ядерных испытаний 1963 г., которая может потребоваться.

---

[121] Цит. по: *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 350–351.

[122] Ядерные испытания СССР. М.: ИздАТ, 1997. С. 29–33 и 177–184.

[123] *Шустов В.* Дипломатия и наука // Междунар. жизнь. 1990. № 3. С. 23.

5. Условия и процедуры международного сотрудничества в проведении проектов МЯВ будут разработаны в консультации с неядерными странами[124].

Советский Союз был согласен с таким решением вопроса о МЯВ[125]. Однако неядерные страны высказались за включение соответствующего обязательства в сам текст договора. При этом такие страны, как Индия и Бразилия, выступали за то, чтобы неядерные государства вообще имели право самостоятельно изготовлять ядерные устройства для проведения мирных ядерных взрывов.

В сложившейся ситуации два сопредседателя сделали шаг навстречу неядерным странам и включили в **преамбулу** своего проекта договора от 24 августа следующий пункт:

"Провозглашая свое намерение в отношении того, что потенциальные блага от любого мирного применения ядерных взрывов должны быть посредством соответствующих международных процедур доступны участникам настоящего Договора, не обладающим ядерным оружием, на недискриминационной основе, и что стоимость используемых взрывных устройств для таких участников Договора должна быть такой низкой, как только это возможно, и не должна включать расходы по их исследованию и усовершенствованию".

На основе этого пункта делегация Мексики подготовила текст статьи для оперативной части проекта договора[126]. Она была принята за основу двумя сопредседателями, которые предложили статью V в своих идентичных проектах договора от 18 января 1968 г.[127] В дальнейшем она претерпела только некоторые изменения и была окончательно согласована на Генеральной Ассамблее ООН весной 1968 г. в следующем виде:

"Каждый из участников настоящего Договора обязуется принять соответствующие меры с целью обеспечения того, чтобы в соответствии с настоящим Договором, под соответствующим международным наблюдением и посредством соответствующих международных процедур потенциальные блага от любого мирного применения ядерных взрывов были доступны государствам – участникам настоящего Договора, не обладающим ядерным оружием, на недискриминационной основе, и чтобы стоимость используемых устройств для таких участников Договора была такой низкой, как только это возможно, и не включала расходы по их исследованию и усовершенствованию. Государства – участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, будут в состоянии получать такие блага в соответствии со специальным международным соглашением или соглашениями через

---

[124] Док. ENDC/PV.280.
[125] Док. ENDC/PV.297.
[126] Док. ENDC/196.
[127] Док. ENDC/192/Rev.1 и 193/Rev.1.

соответствующий международный орган, в котором должным образом представлены государства, не обладающие ядерным оружием. Переговоры по этому вопросу начнутся так скоро, как это возможно, после вступления в силу настоящего Договора. Государства – участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, могут также получать такие блага в соответствии с двусторонними соглашениями".

Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 2605B(XXIV) от 16 декабря 1968 г. просила МАГАТЭ приступить к исследованию характера международного наблюдения, предусматриваемого статьей V. На этом основании Совет Управляющих МАГАТЭ в июле 1969 г., еще до вступления в силу ДНЯО, в своем первом докладе по МЯВ сделал заключение, что международное наблюдение, о котором говорится в статье, входит в техническую компетенцию Агентства и находится в рамках уставных функций МАГАТЭ[128].

У некоторых стран были предложения о создании специальной международной организации по МЯВ. Например, представитель Швеции Мюрдаль высказалась в Комитете 18-ти за то, чтобы выдача международной лицензии на мирный ядерный взрыв решалась отдельным международным органом "вне рамок МАГАТЭ, но в рамках ООН". Советский Союз же выступил за то, чтобы международной организацией по МЯВ было Агентство. В 1969 г. им было направлено письмо Генеральному директору МАГАТЭ, в котором указывалось, что "Международное агентство по атомной энергии при его нынешней структуре располагает необходимыми возможностями, чтобы обеспечить осуществление задач, связанных с проведением мирных ядерных взрывов в соответствии с договором о нераспространении", а также, что "Агентство могло бы послужить тем органом, который ⟨...⟩ осуществлял бы соответствующее международное наблюдение за проведением мирных ядерных взрывов для неядерных государств – участников договора о нераспространении"[129].

Генеральный директор Агентства в ноябре 1970 г. созвал группу экспертов для изучения вопроса о международном наблюдении, и в июне 1972 г. Совет Управляющих принял руководящие принципы наблюдения Агентством за МЯВ[130]. В соответствии с этими правилами основная цель международного наблюдения заключалась бы в том, чтобы в процессе предоставления услуг по проведению мирных ядерных взрывов была полностью исключена вероятность нарушения договора о нераспространении.

Каких-либо сомнений в том, что МАГАТЭ должно быть тем международным органом по МЯВ, о котором идет речь в ДНЯО, по сути дела и не возникло. По решению Совета от 13 сентября 1974 г. в секретариате Агентства было создано подразделение для изучения технологических, экономических, юридических аспектов использования МЯВ, а также

---

[128] Док. ООН A/7678.
[129] Док. МАГАТЭ GOV/COM.21/1/Add.8.
[130] Док. МАГАТЭ INFCIRC/169.

аспектов безопасности. В 1975 г. первая конференция по рассмотрению действия ДНЯО пришла к выводу, что МАГАТЭ является тем международным органом по МЯВ, который предусматривается статьей V.

Однако дальнейшего развития вопрос о ядерных взрывах в мирных целях в рамках ДНЯО не получил, ни одно неядерное государство не ставило официально вопрос о предоставлении ему услуг по проведению МЯВ. Основными причинами были опасность радиоактивных заражений, а также отсутствие убедительной практической потребности в проведении мирных взрывов[131].

7. СТАТЬЯ VI (О ПЕРЕГОВОРАХ ПО ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ)

Ни советский, ни американский первоначальные проекты договора о нераспространении 1965 г., ни поправки США 1966 г. не содержали каких-либо обязательств, касающихся разоружения. Соответствующие положения были включены только в преамбулу обоих проектов. В проекте США предлагалось включить пункт: "стремясь достичь заключения эффективных соглашений, направленных на прекращение гонки ядерных вооружений и сокращение вооружений, включая, в частности, ядерные арсеналы". Советский проект предлагал следующий пункт, на словах более радикальный, но по своей сути не более обязывающий, чем американский: "руководствуясь стремлением к скорейшему достижению соглашения о полном запрещении и ликвидации всех видов ядерного оружия в рамках всеобщего и полного разоружения под строгим международным контролем".

Первой предложила включить в договор специальную статью о разоружении делегации ОАР. Представитель этой страны Х. Халаф заявил в Комитете 18-ти 3 марта 1966 г., что его делегация "считает, что договор о нераспространении ядерного оружия должен содержать отдельную статью, согласно которой ядерные державы приняли бы юридическое обязательство остановить гонку ядерных вооружений, ограничить, сократить и ликвидировать запасы ядерного оружия и средств его доставки и, с этой целью, продолжить и ускорить ведение переговоров для достижения соглашений о соответствующих конкретных мерах"[132].

В совместном меморандуме делегаций восьми неприсоединившихся стран–членов Комитета от 19 августа 1966 г. говорилось, что они подтверждают свое "убеждение в том, что такой договор (о нераспростра-

---

[131] Согласно Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. (ДВЗЯИ) предусматривается проведение каждые 10 лет конференций по рассмотрению действия договора, на которых по просьбе любого участника договора на *основе консенсуса* может быть принята рекомендация о внесении поправки к договору, которая разрешала бы проведение МЯВ, но при исключении получения военных выгод от такого взрыва. Согласно статье VII ДВЗЯИ поправки к договору принимаются *консенсусом*. В российской периодической печати время от времени появляются статьи о пользе или вреде мирных ядерных взрывов. Точка зрения их сторонников была изложена, например, в статье Б. Литвинова и В. Лоборева (Ядерный контроль. 1997. № 36. Дек.).

[132] Док. ENDC/PV.245. Приводится по: Сборник документов СССР. Т. VIII. С. 318–330.

нении. – *Авт.*) должен сочетаться с ощутимыми шагами – или сопровождаться ими – в отношении прекращения гонки ядерных вооружений, а также ограничения, сокращения и ликвидации запасов ядерного оружия и средств его доставки"[133].

Однако и в согласованном советско-американском проекте от 24 августа 1967 г. статьи о разоружении не было. Ядерные державы ограничились лишь тремя пунктами преамбулы:

> "Заявляя о своем намерении по возможности скорее достигнуть прекращения гонки ядерных вооружений,
>
> Настоятельно призывая к сотрудничеству всех государств в достижении этой цели,
>
> Стремясь содействовать смягчению международной напряженности, а также укреплению доверия между государствами, с тем чтобы облегчить достижение прекращения производства ядерного оружия и средств его доставки из национальных арсеналов в соответствии с договором о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем"[134].

Первой 19 сентября 1967 г. текст соответствующей статьи предложила делегация Мексики (ее возглавлял Кастаньеда):

> "Каждое обладающее ядерным оружием государство – участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли, со всей быстротой и настойчивостью, вести переговоры для достижения дальнейших соглашений относительно запрещения всех испытаний ядерного оружия, прекращения производства ядерного оружия, уничтожения всех существующих его запасов и исключения ядерного оружия и средств его доставки из национальных арсеналов, а также для достижения соглашения по договору о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем"[135].

На этот раз две ядерные державы не могли оставить без ответа конкретное предложение о включении статьи о разоружении в оперативную часть договора. Тем более, что различные формулировки на этот счет последовали, в дополнение к мексиканскому тексту, со стороны многих делегаций – Бразилии, Бирмы, Индии, Румынии, Швейцарии. В пользу принятия ядерными державами мер по ограничению и сокращению своих ядерных арсеналов высказывались и другие делегации, в частности канадская.

Японское правительство еще в декабре 1966 г. передало правительству США через своего посла в Вашингтоне "настойчивое пожелание" Японии, чтобы ядерные державы выразили в договоре (или в декларации) свое намерение приложить все усилия в направлении

---

[133] Док. ENDC/178. Приводится по: Там же. С. 610–613.
[134] Док. ENDC/192 и 193.
[135] Док. ENDC/196.

разоружения, особенно ядерного[136]. Министр иностранных дел Японии Т. Мики заявил в японском парламенте 14 марта 1967 г.: "⟨...⟩ [Д]оговор должен не только предотвратить распространение ядерного оружия среди стран, не обладающих им, но в нем следует также ясно заявить об искреннем намерении стран, обладающих ядерным оружием, предпринять усилия к ядерному разоружению ⟨...⟩"[137].

Внося в Комитет 18-ти государств 18 января 1968 г. пересмотренный совместный проект договора, СССР и США впервые включили статью VI следующего содержания:

> "Каждый участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах прекращения гонки ядерных вооружений и разоружения, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем".

СССР и США, следовательно, взяли за основу мексиканский текст, исключив из него перечень мер ядерного разоружения. Делегации СССР и США возражали против перечисления конкретных мер, считая, что обсуждение этого вопроса будет контрпродуктивно и даже может поставить под угрозу возможность завершения согласования столь важного международного договора. Они аргументировали свою позицию тем, что сам договор о нераспространении, как таковой, увеличит безопасность всех его участников, особенно неядерных стран, и создаст более благоприятный климат для прогресса в деле ограничения и сокращения ядерных арсеналов. Они подчеркивали, что предлагаемый проект – максимально достижимое в рамках данного договора, и те, кто будет осложнять договоренность, возьмут на себя тяжелую ответственность.

Приняв за основу главную идею мексиканской формулы, ядерные державы сохранили и три прежних пункта преамбулы. Но все это не удовлетворило неядерные государства. 8 февраля Швеция предложила поправки: включить после слов "гонки ядерных вооружений" слова "в ближайшем будущем" и добавить перед словом "разоружения" слово "ядерного". Кроме того, шведы предложили дополнительный пункт преамбулы следующего содержания:

> "Напоминая о выраженной участниками Договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия 1963 года в его преамбуле решимости достичь навсегда прекращения испытательных взрывов ядерного оружия и продолжать переговоры с этой целью"[138].

---

[136] Телеграмма Раска американскому послу в Токио от 29 декабря 1966 г. о беседе посла Такеучи с директором АКВР Фостером(LBJ Library. National Security File. Subject File. Box 26).

[137] Сборник документов МИД СССР. Т. IX. С. 60–61.

[138] Док. ENDC/215. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 69.

В пересмотренный советско-американский проект договора от 11 марта были включены все шведские поправки лишь с небольшими уточнениями. Еще одно добавление в преамбуле было сделано по предложению Югославии на сессии Генеральной Ассамблеи ООН[139].

На заключительном этапе согласования статьи VI Румыния попыталась предусмотреть в договоре обязательство ядерных держав принять в течение пятилетнего срока конкретные меры в целях прекращения производства ядерного оружия и его уничтожения. На состоявшемся в Софии 6–7 марта 1968 г. совещании Политического консультативного комитета Варшавского договора Советский Союз отклонил это предложение, заявив, что оно повело бы к срыву договоренности по договору о нераспространении. Шесть участников Варшавского договора (кроме Румынии) приняли заявление в поддержку проекта договора, внесенного в Комитет 18-ти, и за его скорейшее одобрение Генассамблеей ООН[140].

В дальнейшем Советский Союз был готов несколько конкретизировать проект шестой статьи, и 31 мая 1968 г. В.В. Кузнецов в беседе с представителем США Артуром Голдбергом зондировал возможность согласия США на включение в нее после слов "ядерного разоружения" добавления: "включая прекращение производства и совершенствование ядерного оружия, ликвидацию всех их существующих запасов и устранение из национальных арсеналов ядерного оружия и средств его доставки". США, однако, высказали возражения, и советская делегация ради ускорения завершения переговоров по ДНЯО на своем предложении не настаивала.

На заключительном этапе согласования статьи VI и при подписании договора его главными инициаторами – Советским Союзом и Соединенными Штатами было сделано немало обещаний относительно их намерений в области прекращения гонки ядерных вооружений и ядерного разоружения.

Советский Союз, о чем объявил при подписании договора в Москве Косыгин, направил всем правительствам Меморандум о некоторых неотложных мерах по прекращению гонки вооружений и разоружению, среди которых были такие, как запрещение применения ядерного оружия, прекращение производства этого оружия, сокращение и ликвидация его запасов, ограничение и последующее сокращение средств доставки стратегического оружия и др.[141]

Представитель США Голдберг при рассмотрении проекта договора на Генассамблее заявил 26 апреля 1968 г.:

---

[139] Подробно о переговорах по статье VI см.: *Shaker Mohamed*. Op. cit. P. 555–648; *Bunn George, Timerbaev Roland*. Nuclear Disarmament. Now Much Have the Five Nuclear Powers Promised in the Non-Proliferation Treaty? // At the Nuclear Crossroads / Rhinelander John B., Scheinman Adam (Eds.) The Lawyers Alliance for World Security. Lamham; N.Y.; L.: Univ. Press of America, Inc., 1995. P. 11–29.

[140] Правда. 1968. 9 марта.

[141] Док. ENDC/227. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 406–412 и 420–421.

"Моя страна считает, что неослабевающая жизнеспособность этого договора в большой степени будет зависеть от наших успехов в дальнейших переговорах, предусмотренных в статье VI ⟨...⟩. Сам договор требует, чтобы они активизировали эти усилия ⟨...⟩. Вслед за заключением настоящего договора мое правительство будет, в духе статьи VI, а также соответствующих заявлений в преамбуле, проводить и дальше переговоры о разоружении с удвоенным усердием, с надеждой и с оперативностью ⟨...⟩"[142].

При подписании договора в Вашингтоне 1 июля 1968 г. президент США Джонсон заявил, что договор закладывает необходимую основу "для принятия дополнительных мер к прекращению гонки ядерных вооружений"[143].

Летом 1968 г. Комитетом 18-ти была единогласно, с согласия Советского Союза и Соединенных Штатов, принята повестка дня, которая под общим пунктом "Эффективные меры по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению" (формулировка из ст. VI) включала рассмотрение вопросов о прекращении испытаний, неприменении ядерного оружия, прекращении производства расщепляющихся материалов для оружия, прекращении производства ядерного оружия, сокращении и последующем уничтожении запасов ядерного оружия и т.д.

Однако, как известно, практическая реализация обязательств по статье VI оказалась делом трудно достижимым, более того, гонка ядерных вооружений после заключения ДНЯО продолжалась, что постоянно осложняло отношения между ядерными и неядерными государствами и в целом ряде случаев затрудняло принятие мер по дальнейшему укреплению режима нераспространения ядерного оружия.

Вопрос о том, насколько определенные и твердые обязательства по ядерному разоружению взяли на себя ядерные державы по статье VI, неизменно был предметом разногласий и споров на протяжении всего существования ДНЯО. Об этом, в первую очередь, свидетельствуют периодические конференции по рассмотрению действия договора, три из которых – в 1980, 1990 и 1995 гг. завершились без принятия заключительного документа именно из-за расхождений относительно того, выполняют ли ядерные державы свои обязательства по этой статье, особенно в том, что касается прекращения испытаний ядерного оружия.

Поскольку острые дебаты между ядерными и неядерными государствами по данному вопросу развернулись в основном уже после вступления договора в силу и выходят поэтому за рамки рассматриваемого нами периода, подробно останавливаться на этом мы здесь не будем, ограничившись лишь некоторыми соображениями, непосредственно вытекающими из текста статьи VI и истории переговоров по ней.

---

[142] Док. A/C.1/PV.1556. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 259–276.
[143] Там же. С. 422–25.

На наш взгляд, одними из ключевых в статье VI в первую очередь являются положение о проведении **переговоров в духе доброй воли**[144] об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений и слова **в ближайшем будущем.**

По отдельным аспектам замедления гонки ядерных вооружений вскоре после заключения договора имели место двусторонние советско-американские переговоры, завершившиеся соглашениями ОСВ-1 (Временное соглашение по стратегическим наступательным вооружениям и Договор об ограничении систем ПРО) 1972 г., "пороговыми" договорами о подземных ядерных взрывах и МЯВ 1974 и 1976 гг., и трехсторонние (СССР, США и Англия) переговоры о запрещении ядерных испытаний в 1977–80 гг., закончившиеся, однако, безрезультатно. Тем не менее следует считать, во всяком случае так полагает подавляющее большинство неядерных государств, что положения договора относительно переговоров об **эффективных** мерах по **прекращению** гонки ядерных вооружений в **ближайшем** будущем в удовлетворительной мере выполнены не были.

Наибольшую озабоченность среди неядерных стран со времени первой конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 1975 г. вызывало состояние дел с заключением договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который неизменно считался ключом к движению вперед в деле прекращения гонки ядерных вооружений и который был единственной конкретной мерой разоружения, упомянутой в договоре, хотя и в его преамбуле. Именно вопрос о ядерных испытаниях постоянно вызывал острые трения с ядерными державами, особенно на периодических конференциях по рассмотрению действия договора. ДВЗЯИ был разработан и подписан только в 1996 г., т.е. спустя более 25 лет после вступления ДНЯО в силу.

По другим аспектам прекращения гонки ядерных вооружений – прекращению производства ядерного оружия, запрещению его применения и др. – переговоры к настоящему времени (1999 г.) еще и не начинались, не говоря уже о переговорах о ядерном разоружении, относительно которых участники ДНЯО также взяли на себя договорные обязательства по статье VI. При этом если Россия и США, хотя и медленно, но все же двигаются в направлении, предусматриваемом статьей VI (особенно в последние годы – договор РСМД 1987 г., договоры СНВ-1 и СНВ-2 1991 и 1993 гг. и др.), то остальные ядерные державы – Китай, Англия и Франция пока что даже и не подключались к процессу переговоров.

Разумеется, необходимо отдавать отчет в том, что построение мира, полностью свободного от ядерного оружия, не есть дело близкого буду-

---

[144] Следует обратить внимание на определенное несоответствие между русским и английским текстами содержащейся в статье VI формулировки "в духе доброй воли". Английский текст ("in good faith") скорее соответствует русскому "добросовестно", что, как представляется, предполагает более твердое обязательство, чем "в духе доброй воли". Формула "in good faith", по мнению авторитетных юристов, имеет существенный вес и значение с точки зрения теории и практики международного права. См., например: *Koplow David A.* Parsing Good Faith: Has the United States Violated Article VI of the Non-Proliferation Treaty? // Wisconsin Law Rev. 1993. N 2. P. 301–394.

щего, но, главное, важно обеспечить неуклонное движение к данной цели, непрерывный процесс укрепления ядерной стабильности и безопасности. Именно в этом, как представляется, заложен основной смысл статьи VI.

8. СТАТЬЯ VII (О БЕЗЪЯДЕРНЫХ ЗОНАХ)

Идея включения в резолюцию XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1965 г.) в качестве одного из главных принципов нераспространения положения о том, что договор не должен затрагивать права какой-либо группы государств заключать региональные договоры о полном отсутствии ядерного оружия на их территориях, принадлежала Мексике – одному из инициаторов создания безъядерной зоны в Латинской Америке. Договор об образовании этой зоны (договор Тлателолко) был подписан в феврале 1967 г., т.е. еще до разработки ДНЯО.

Мексика явилась и автором предложения о включении соответствующей статьи в текст самого договора. Оно было выдвинуто ее делегацией в Комитете 18-ти 19 июля 1966 г.[145] Сопредседатели Комитета СССР и США откликнулись на мексиканское предложение, но изложили его в согласованном между ними проекте договора от 24 августа 1967 г. в виде не отдельной статьи, а пункта преамбулы.

В дальнейшем, однако, в проекте от 18 января 1968 г., СССР и США согласились включить в проект договора самостоятельную статью VII в следующей редакции:

> "Никакое положение настоящего Договора не затрагивает право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях".

Проект статьи вошел в этой формулировке в окончательный текст договора, хотя в последний момент и были попытки изменить его. Так, Бразилия добивалась, но безуспешно, переформулировать его таким образом, чтобы в какой-то форме подтвердить записанную в договоре Тлателолко эвентуальную возможность проведения ядерных взрывов в мирных целях[146].

Включение в ДНЯО статьи, подтверждающей право государств на образование региональных зон, свободных от ядерного оружия, несомненно усилило нераспространенческий характер договора, способствовало и способствует созданию безъядерных зон в различных регионах мира. В статье особо подчеркивается цель "**полного** отсутствия ядерного оружия" на территории зон, иными словами, в безъядерных зонах должно запрещаться не только производство, приобретение или получение ядерного оружия неядерными участниками зоны, но и **размещение** в пределах зон ядерного оружия, принадлежащего ядерным державам, что договором о нераспространении не возбраняется.

---

[145] Док. ENDC/PV.274. Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 498–511.

[146] Док. ENDC/201/Rev.2.

9. СТАТЬЯ VIII (О ПОПРАВКАХ К ДОГОВОРУ И О ПЕРИОДИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ПО РАССМОТРЕНИЮ ЕГО ДЕЙСТВИЯ)

Поправки. Положения договора о внесении в него поправок (пп. 1 и 2 ст. VIII) делают возможность изменения договора, как признают специалисты, чрезвычайно сложным делом[147].

Вносимая поправка должна быть рассмотрена созываемой правительствами – депозитариями (СССР, США и Англией) конференцией, если этого потребует 1/3 или более участников договора. Поправка, далее, должна быть принята большинством участников договора, включая все ядерные державы, а также все другие участники договора, являющиеся членами Совета Управляющих МАГАТЭ на дату рассылки поправки.

По советско-американскому проекту от 24 августа 1967 г. принятая и ратифицированная теми же участниками договора поправка должна была вступать в силу для **всех** участников договора. Однако по предложению Румынии от 19 октября 1967 г.[148], поддержанному другими членами Комитета 18-ти и принятому сопредседателями в их совместном проекте договора от 18 января 1968 г. и включенному в окончательный текст, поправка после ее принятия вступала бы в силу **только для тех** государств, которые ее ратифицируют. Таким образом, можно представить такую гипотетическую ситуацию, при которой для одних государств действовал бы один текст договора – измененный, а для других – иной, первоначальный, что, конечно, было бы юридическим нонсенсом.

Согласование положения о поправках проходило с большими трудностями и при сопротивлении некоторых неядерных государств. Сопредседатели добивались принятия предложенной ими сложной процедуры внесения в договор изменений, руководствуясь стремлением практически исключить возможность пересмотра текста договора. Они исходили из того, что порядок рассмотрения и принятия поправок – это не просто формальное юридическое положение, которое присутствует, как правило, в любом соглашении. Это был вопрос существа и чрезвычайной важности, вопрос прочности договора. Иными словами, Советский Союз и США вели дело таким образом, чтобы с помощью соответствующей юридической формулы решить политически важную задачу обеспечения стабильности режима нераспространения ядерного оружия. И они этого добились, чем установили важный прецедент[149].

---

[147] См., например: *Bunn George, Van Doren Charles, Fischer David.* Options & Opportunities: The NPT Extension Conference of 1995. PPNN Study Two. Published by The Mountbatten Centre for International Studies Southampton, England: Univ. of Southampton, 1991. P. 33.

[148] Док. ENDC/199. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IX. С. 308–311.

[149] Следует отметить, что в ходе переговоров по юридическим положениям договора советская делегация опиралась на опыт работы Комиссии международного права ООН в области кодификации международного права и консультировалась с секретарем Комиссии А.П. Мовчаном.

Конференции по рассмотрению действия договора. Положение о проведении конференций по рассмотрению действия договора было впервые предложено Соединенными Штатами еще в проекте договора от 17 августа 1965 г. Соответствующая статья содержала формулировки:

> "1) Настоящий договор является бессрочным, при условии, что любой участник настоящего Договора имеет право выйти из Договора, если решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны ⟨...⟩.
>
> 2) Через ⟨...⟩ лет после вступления в силу настоящего Договора может быть созвана конференция участников для того, чтобы рассмотреть действие настоящего Договора. Время и место конференции определяются соглашением $^2/_3$ участников настоящего Договора"[150].

При внесении проекта представитель США пояснил, что положение о конференции было включено ввиду широкой озабоченности многих государств тем, чтобы договор о нераспространении сопровождался прекращением роста запасов ядерного оружия и их сокращением[151]. В американском предложении речь шла об одной конференции, к тому же созываемой по решению квалифицированного большинства участников договора. Советский проект от 24 сентября 1965 г. не содержал положения о конференции, однако в нем был пункт о внесении поправок к договору, которого не было в американском проекте. В этой связи делегация ОАР предложила 3 марта 1966 г. объединить обе идеи: внесение поправок в договор и проведение конференций по рассмотрению его действия. Оба положения неизменно рассматривались неядерными государствами как средство подталкивания ядерных держав к ослаблению и – по возможности – устранению той дискриминации, которая, по их мнению, создавалась договором о нераспространении, разделявшим мир на две категории государств – ядерных и неядерных (haves and have-nots).

В ходе двусторонних советско-американских переговоров в Нью-Йорке советская сторона 5 декабря 1966 г. передала американцам следующий проект положения о конференции:

> "Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) должна быть созвана конференция участников Договора, чтобы рассмотреть, как действует настоящий Договор, имея в виду, что такое рассмотрение не должно повлечь за собой ослабление положений этого Договора, определяющих обязательства государств, обладающих ядерным оружием, и государств, не обладающих таким оружием, в отношении нераспространения ядерного оружия"[152].

Предлагая этот текст, советская сторона была озабочена тем, чтобы

---

[150] Док. ENDC/152. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 161–164.

[151] Док. ENDC/PV.224.

[152] АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 27, л. 20.

конференция не привела к пересмотру основных обязательств по нераспространению или к иному способу ослабления таких обязательств.

В ответ американский представитель Фостер 8 декабря предложил контрвариант:

> "Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) должна быть созвана конференция участников Договора, чтобы рассмотреть, как действует настоящий Договор, для того, чтобы иметь уверенность в том, что цели Договора осуществляются"[153].

В согласованном проекте от 24 августа 1967 г. сопредседатели Комитета 18-ти в ответ на пожелания неядерных стран объединили в одной статье оба положения: о поправках к договору и о конференции. Пункт о конференции звучал так:

> "3. Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) должна быть созвана конференция участников Договора, чтобы рассмотреть, как действует настоящий Договор, для того чтобы иметь уверенность в том, что цели и **положения** Договора осуществляются".

Выделенное добавление было сделано с учетом советской позиции.

В проекте речь шла об одной-единственной конференции. Советская делегация в соответствии с указанием из Москвы от 11 декабря 1967 г. отводила предложения о периодическом созыве конференций через каждые пять лет, поскольку в таком случае договор становился бы нестабильным. Предусматривалось также, что если это не удастся, то согласиться, что в последующем такие конференции могут созываться по решению большинства участников договора, включая голоса государств-депозитариев.

В конце концов последовало компромиссное предложение Швеции от 8 февраля 1968 г.: "Через каждые последующие пять лет большинство участников Договора может, путем представления предложений с этой целью правительствам-депозитариям, добиться созыва дальнейших конференций с той же целью рассмотрения действия настоящего Договора"[154].

И, наконец, по предложению Англии, поддержанному Италией, в пункт о периодических конференциях было добавлено, что на них будет рассматриваться не только выполнение положений договора, но и реализация целей **преамбулы.** Мотивы своего предложения представитель Англии Ф. Малли пояснил в Комитете 23 января 1968 г. следующим образом:

> "⟨...⟩ Преамбула все же шире, чем новая статья VI, касается области разоружения и в ней указывается довольно подробно, что необходимо сделать; в ней также содержится важная декларация

---

[153] Там же. Л. 21.

[154] Док. ENDC/215. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 69.

о намерении достичь как можно скорее прекращения гонки ядерных вооружений. В ней также содержатся ссылки на другие важные вопросы"[155].

Шведская и английская поправки были приняты, и с этими дополнениями пункт 3 статьи VIII принял свой окончательный вид.

Конференции по рассмотрению действия договора, созывавшиеся каждые пять лет (1975, 1980, 1985, 1990, 1995 гг.)[156], играли и играют важную роль в поддержании жизнеспособности договора и всего режима нераспространения. На них было принято немало решений, укрепивших договор. Неядерные участники договора использовали конференции для оказания давления на ядерные державы прежде всего с целью побудить их принять меры по прекращению гонки ядерных вооружений и ядерному разоружению и осуществлению более энергичных усилий по "вертикальному" нераспространению. Ввиду разногласий, возникавших по этим вопросам между неядерными и ядерными государствами, особенно по вопросу о необходимости полного запрещения ядерных испытаний, конференции 1980, 1990 и 1995 гг. не смогли принять заключительные документы, которые содержали бы согласованные выводы о том, как выполняется ДНЯО, особенно в части, касающейся ядерного разоружения. Очередная конференция по рассмотрению действия договора состоится в 2000 г., на которой следует ожидать решительных требований неядерных стран о необходимости дальнейших радикальных шагов всех ядерных держав в направлении создания мира без ядерного оружия, в том числе установления временнóго графика достижения этой цели.

10. СТАТЬИ IX И XI (ПОДПИСАНИЕ И ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ДОГОВОРУ, ДЕПОЗИТАРИИ, ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЯДЕРНЫХ ДЕРЖАВ И ДРУГИЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ)

ДНЯО открыт для подписания и присоединения к нему всех государств. К настоящему времени подавляющее большинство государств мира, в том числе все официальные ядерные государства, воспользовались этой возможностью. Индия, Израиль и Пакистан не вступили в договор и считаются " околоядерными" или "пороговыми" государствами. (Список участников договора помещен в Прил. 2.)

Правительствами-депозитариями договором определены СССР (сейчас Россия), США и Англия. Их традиционные права и полномочия оговорены в тексте договора (п. 5 статьи IX). Необходимость такого нестандартного решения, впервые предусмотренного договором о запрещении ядерных испытаний в трех средах 1963 г., объяснялась тем, что некоторые государства (например, ГДР, Северная и Южная Корея) не имели дипломатических отношений со всеми тремя ядерными державами или не были представлены в ООН и в других международных организациях.

---

[155] Док. ENDC/PV.358. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 24–32.

[156] Последняя из них рассмотрела и решила вопрос о бессрочном продлении ДНЯО.

Идея такого решения вопроса о депозитариях принадлежала Советскому Союзу. По предложению советской стороны на начальном этапе переговоров по ДНЯО в Нью-Йорке было также согласовано, что если Франция пожелает присоединиться к договору, то она тоже могла бы стать депозитарием[157].

В настоящее время сложилась прочно устоявшаяся практика назначения депозитарием многосторонних договоров Генерального секретаря ООН или руководителей других универсальных международных организаций.

Договор вступил в силу после его ратификации и депонирования ратификационных грамот государствами, правительства которых назначены депозитариями (СССР, США и Англия), а также 40 другими государствами. Цифра 40 была определена сопредседателями Комитета 18-ти таким образом, чтобы вступление ДНЯО в силу не затягивалось. Советский Союз первоначально предлагал 36 государств. Выдвигались и предложения увеличить эту цифру, скажем, до 60 (Мексика), однако, СССР и США настояли на меньшей цифре. Процесс вступления договора в силу и так занял почти два года: он завершился 5 марта 1970 г.

Для целей договора государством, обладающим ядерным оружием, определено государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г. (пункт 3 статьи IX). Определение было предложено сопредседателями Комитета в их проекте от 24 августа 1967 г. и отражало то положение, которое имело место в период ведения переговоров по ДНЯО. Более поздний срок, например после вступления договора в силу, мог бы подтолкнуть то или иное государство форсировать создание ядерного оружия и тем самым перейти в категорию ядерных держав и получить закрепление этого статуса в договоре. Предложенное определение осталось без изменений в окончательном тексте договора.

Таким образом, это определение распространяется на все пять ядерных держав, включая Францию и Китай, которые вначале воздерживались от подписания ДНЯО и присоединились к нему лишь в 90-х годах. Указанное определение ядерного государства не распространяется на такие страны, как Индия (взорвала ядерные устройства в 1974 и 1998 гг.), Пакистан (произвел взрывы в 1998 г.) и Израиль, которые отказываются от присоединения к договору о нераспространении.

Южная Африка, создавшая в конце 70–80-х годах несколько ядерных взрывных устройств (см. гл. 3), но не взорвавшая ни одного из них, демонтировавшая затем эти устройства, что было подтверждено по результатам проверки инспекторами МАГАТЭ, и присоединившаяся к ДНЯО в 1991 г., также, конечно, не подпадала под определение ядерного государства для целей договора о нераспространении.

Договор, в соответствии с пунктом 6 статьи IX, был зарегистрировал в ООН согласно статье 102 Устава ООН. Его равно аутентичными текстами являются русский, английский, французский, испанский и китайский.

---

[157] Телеграмма Голдберга госдепартаменту от 30 ноября 1966 г. (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files. Political & Defense. Defense. Box 1594).

11. СТАТЬЯ X (О ВЫХОДЕ ИЗ ДОГОВОРА И СРОКЕ ЕГО ДЕЙСТВИЯ)

Выход из договора (п. 1). Как уже отмечалось, положение о выходе из договора при чрезвычайных обстоятельствах было впервые включено в договор 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах и в дальнейшем предусматривалось всеми договорами, относящимися к ограничению и сокращению вооружений, что вполне логично. Следует считать естественным правом каждого суверенного государства, особенно с учетом того, что эти договоры затрагивают коренные интересы национальной безопасности государств-участников, иметь юридически зафиксированную возможность сложить с себя обязательства по ним в случае возникновения обстоятельств, подвергающих опасности само существование государства.

Для ДНЯО была принята та же формула, которая предусматривалась договором 1963 г., но с важным дополнением, предложенным Соединенными Штатами в своем первоначальном проекте от 17 августа 1965 г. и поддержанным Советским Союзом: о предстоящем выходе из договора государство должно не только предупредить за три месяца других участников договора, но и поставить в известность Совет Безопасности ООН, причем в уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которое данное государство рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы. Это предполагает, что Совет Безопасности как орган, несущий по Уставу ООН главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, может принять меры, которые он сочтет необходимыми, для поддержания или восстановления мира и безопасности в случае выхода того или иного государства из ДНЯО. Такое положение было принято не без дискуссии. Против уведомления Совета Безопасности об исключительных обстоятельствах возражали Бразилия и Румыния, но безуспешно.

Как и в Московском договоре о частичном запрещении ядерных испытаний, в договоре о нераспространении не уточняется характер "исключительных обстоятельств", которые могут повлечь за собой выход из договора, говорится лишь, что они должны быть **связаны с его содержанием.**

Эта формула взята из договора 1963 г. Во время переговоров в Москве США предлагали конкретно квалифицировать эти обстоятельства. Они использовали формулировки своего проекта договора о запрещении испытаний 1962 г.: невыполнение обязательств по договору каким-либо другим участником договора; проведение ядерных взрывов государством-неучастником (явно имелся в виду Китай); проведение ядерных взрывов при обстоятельствах, когда невозможно установить, какое государство – участник или неучастник – произвело взрыв[158].

Гарриман, который вел переговоры с советскими представителями в Москве, заявил, что если в договор не будет включено положение, что в случае его нарушения государством-участником или проведения ядерного

[158] Док. ENDC/58. Сборник документов МИД СССР. Т. V. С. 586–599.

взрыва любым государством, не являющимся участником, можно выйти из договора, то сенат США вряд ли его ратифицирует.

Громыко предложил формулировку о выходе не по причине нарушения договора, а в порядке осуществления суверенных прав государств, т.е. сформулировать право на выход в более общем виде. Советская сторона не имела возражений против включения в договор положения об обстоятельствах, которые могли бы вынудить принять решение о выходе из договора в порядке осуществления государственного суверенитета и при наличии угрозы высшим интересам страны. Однако она стремилась избежать формулировок, которые могли бы содержать намек на Китай. Отсюда – компромиссная формула об исключительных обстоятельствах, "связанных с содержанием" договора.

Формулировка пункта 1 четко указывает, что основанием для выхода являются лишь обстоятельства, "связанные с содержанием настоящего Договора", иначе говоря, договор предусматривает, что даже возникновение каких-то достаточно важных политических или военных факторов, но не имеющих прямого отношения к договору, не может служить оправданием для выхода из него[159].

Срок действия (п. 2). Содержание пункта 2 о сроке действия договора было предметом сложных и длительных переговоров и в итоге стало результатом нелегкого компромисса между ядерными и неядерными государствами.

Первоначальные американский и советский проекты 1965 г. и согласованный проект 1967 г. предусматривали, что договор будет бессрочным. Первое предложение по сроку поступило от неядерных государств сразу же после внесения американцами своего проекта договора от 17 августа 1965 г. Это было предложение министра иностранных дел Италии Фанфани, оглашенное в Комитете 18-ти 29 августа 1965 г. и направленное на установление неядерными государствами одностороннего "моратория ⟨...⟩ на конкретный срок" на неприобретение ядерного оружия до тех пор, пока ядерные державы не проведут переговоры о своих обязательствах перед неядерными, включая "гарантии от ядерного нападения" и достижение "некоторого прогресса в области разоружения". Мораторий не исключал бы образования многосторонних ядерных сил НАТО и одной из его целей было бы создание "фактора давления и убеждения" в отношении ядерных держав, чтобы "подтолкнуть их заключить всеобщее соглашение, тем самым ускоряя процесс ядерного разоружения"[160].

Итальянская делегация 14 сентября 1965 г. представила на рассмотрение Комитета 18-ти "Одностороннюю декларацию о неприобретении", в которой было оформлено предложение Фанфани. США в лице госсекре-

---

[159] Следует заметить, что когда Совет Безопасности ООН в 1993 г. рассматривал заявление КНДР о намерении выйти из договора о нераспространении, то, на наш взгляд, было упущено из поля зрения то обстоятельство, что приведенные Северной Кореей мотивы для объяснения выхода (американо-южнокорейские маневры "Тим Спирит" и "несправедливые действия некоторых должностных лиц секретариата МАГАТЭ" – док. ООН S/25407) не могут рассматриваться как исключительные обстоятельства, связанные с содержанием договора.

[160] Док. ENDC/PV.219.

таря Раска и своего представителя в Женевском комитете, исходя из союзнических соображений, высказали общую поддержку итальянскому предложению в качестве "возможной временной меры". Определенно поддержал его канцлер ФРГ Эрхард. Однако неприсоединившиеся и нейтральные члены Комитета выдвинули возражения против принятия на себя неядерными государствами односторонних обязательств без того, чтобы ядерные державы взяли на себя встречные обязательства по "вертикальному" нераспространению.

Внесение Советским Союзом 24 сентября 1965 г. своего проекта договора, в котором предлагалось заключить **бессрочный** договор, подкрепил американскую позицию в пользу такого решения вопроса о сроке, и с тех пор обе державы стали совместно отстаивать в Комитете постоянный характер договора. Их согласованный проект договора от 24 августа 1967 г. предусматривал именно такое положение о сроке.

Однако американцы под влиянием подхода ФРГ и Италии к вопросу о сроке в своей внутренней переписке между Женевой и Вашингтоном обсуждали возможность перехода на другую позицию по этому вопросу. Уже 25 августа 1966 г. А. Фишер, возглавлявший в тот период делегацию США в Женеве, в телеграмме в госдепартамент предложил такой вариант:

> "Настоящий договор остается в силе (пять) (десять) лет после его вступления в силу. За шесть месяцев до истечения этого периода в Женеве (Швейцария) созывается конференция участников, чтобы решить, продлить ли действие договора".

Фишер мотивировал этот вариант следующим образом: "Пяти- или десятилетний период с возможностью продления позволил бы ослабить давление на потенциальные ядерные государства, избегая впечатления, что решение об отказе от ядерного оружия принимается навсегда, и делая его более приемлемым для ФРГ на том основании, что не исключается навсегда будущее развитие НАТО"[161].

И после внесения советско-американского проекта от 24 августа 1967 г. ФРГ и Италия продолжали добиваться установления срока действия договора. 24 октября 1967 г. итальянская делегация внесла поправку к договору:

> «Настоящий договор остается в стиле "X" лет и возобновляется автоматически для каждого участника настоящего договора, не сделавшего за шесть месяцев до истечения срока действия договора предварительного уведомления о своем намерении не продлевать для себя срок действия договора»[162].

Представитель Италии Р. Карачиоло, представляя этот текст, заявил: "⟨...⟩ Предложенная поправка могла бы рассматриваться как приемлемое

---

[161] Цит. по: *Bunn George, Van Doren Charles, Fischer David.* Options & Opportunities: The NPT Extension Conferense of 1995. PPNN Study Two. Published by The Mountbatten Centre for International Studies Southampton, England: Univ. of Southampton, 1991. P. 6.

[162] Док. ENDC/200. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IX. С. 319–320.

компромиссное решение между неограниченным сроком действия и определенным сроком действия, так как, с одной стороны, эта формулировка предусматривает, что договор всегда будет оставаться в силе для тех, кто его не денонсирует, и, с другой стороны, она дает возможность тем, кто не удовлетворен действием договора, по истечении определенного числа лет выйти из договора"[163].

Спустя месяц, 23 ноября, итальянский представитель несколько переформулировал свою поправку, не меняя, впрочем, ее основного смысла: «Настоящий договор остается в силе "X" лет. Он возобновляется автоматически на периоды, равные первоначальной длительности для тех правительств, которые за шесть месяцев до истечения срока действия договора не сделают предварительного уведомления о своем намерении выйти из договора»[164].

Поясняя поправку, итальянец не скрывал, что "более высокоразвитые в технологическом отношении страны, которые могли бы быть не вполне удовлетворены достижениями в области ядерного разоружения, легче могли бы поддаться искушению использовать эту исключительную возможность для того, чтобы выйти из договора до возобновления ранее принятых на себя обязательств".

Следует заметить, что в кулуарах Комитета 18-ти существовало широко распространенное мнение, что итальянская активность в вопросе об ограниченном сроке действия договора в немалой степени проистекала из того, что делегация Италии действовала заодно с ФРГ, которая не была членом Комитета. Известно, что ФРГ настойчиво добивалась как можно более короткого срока действия ДНЯО. В октябре 1967 г. Брандт в письме на имя Раска предлагал пятилетний срок договора[165].

Швейцария, также не являвшаяся членом Комитета 18-ти, активно поддержала установление конкретного срока действия договора. 17 ноября швейцарский представитель при Европейском отделении ООН Келлер передал Рощину (и, по-видимому, и американскому сопредседателю) памятную записку, в которой было сказано, что бессрочный договор "трудно представить в сфере, где эволюция столь же скоротечна и непредсказуема, как и развитие ядерной науки и ее последствий в военной, политической, экономической и технологической областях. Поэтому было бы предпочтительней, чтобы договор был заключен на определенный срок, в конце которого конференция по рассмотрению его действия приняла бы решение о возобновлении договора. В течение же этого срока государства, обладающие ядерным оружием, могли бы принять конкретные меры по ограничению вооружений"[166].

Приведенные итальянские варианты по сроку действия договора, поддержанные и рядом других неядерных стран, не могли не повлиять на усилия сопредседателей Комитета 18-ти выработать текст положения о сроке, который имел бы общеприемлемый характер и мог рассчитывать на получение согласия Комитета, который действовал на основе консенсуса.

---

[163] Док. ENDC/PV. 341. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IX. С. 316–319.
[164] Док. ENDC/PV. 350. Приводится по: Там же. С. 345–349.
[165] *Kuntzel Mattias.* Op. cit. P. 85.
[166] АВП РФ. Ф. 047, оп. 13, п. 136, д. 28, л. 29.

В итоге текст о сроке принял следующий вид, представленный Комитету 18 января 1968 г., который не претерпел дальнейших изменений:

> "2. Через двадцать пять лет после вступления Договора в силу созывается конференция для того, чтобы решить, должен ли Договор продолжать оставаться в силе бессрочно или действие Договора должно быть продлено на дополнительный определенный период или периоды времени. Это решение принимается большинством участников Договора".

Для понимания приведенного положения, необычного в договорной практике, следует учитывать, что после первоначального двадцатипятилетнего срока действия конференция должна решить только **один** вопрос, на какой срок он будет продлен – и тут предусмотрены три возможных варианта, четко сформулированных в тексте. Вопрос о прекращении действия договора через 25 лет, таким образом, исключался. При подготовке к конференции 1995 г. по рассмотрению действия и продлению договора среди специалистов развернулось много дискуссий относительно точного понимания формулировок пункта 2 статьи X и возможных вариантов решения вопроса о сроках продления ДНЯО[167]. Конференция 1995 г. решила продлить договор о нераспространении бессрочно.

12. ОДОБРЕНИЕ ДОГОВОРА ООН, ОТКРЫТИЕ ЕГО ДЛЯ ПОДПИСАНИЯ И ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ

После завершения работы над проектом договора в Комитете 18-ти он должен был поступить на одобрение Генеральной Ассамблеи ООН. Советский Союз настаивал на скорейшем созыве возобновленной XXII сессии Ассамблеи, чтобы, не теряя темпа, заручиться поддержкой ООН и тем самым оказать нажим на колеблющихся, прежде всего ФРГ. Учитывалось и то, что в августе–сентябре по решению Генассамблеи предстоял созыв конференции неядерных государств, что могло бы осложнить прохождение договора через ООН. У США же были некоторые колебания из-за опасений, что договор не получит подавляющего большинства голосов на Генассамблее и ряд стран уклонится от его подписания. Они вели работу по дипломатическим каналам с Бразилией, Израилем, Италией, Южной Африкой и другими странами, с тем чтобы побудить их присоединиться к договору. В конце концов было согласовано, что сессия начнется 24 апреля 1968 г.

На состоявшейся с 24 апреля по 12 июня 1968 г. возобновленной XXII сессии Генеральной Ассамблеи обсуждение договора проходило в непростой обстановке. Одни страны (Швеция, Нигерия, Эфиопия), подвергнув критике некоторые положения проекта, заявили о его поддержке. Другие (Индия, Бразилия) объявили, что не подпишут договор. Япония высказала ряд критических замечаний, подчеркнув, что договор "потеряет

---

[167] Наиболее авторитетным аналитическим исследованием по этой проблеме следует считать уже цитировавшуюся нами работу Джорджа Банна, Чарльза Ван Дорена и Дэвида Фишера "Options and Opportunities: The NPT Extension Conference of 1995".

моральную основу", если ядерные державы не достигнут прогресса в разоружении. Южная Африка заметила, что проект договора не учитывает законных интересов неядерных государств, и т.д.

Французская делегация не принимала участия в работе Первого комитета Генассамблеи, как и вообще в переговорах по ДНЯО. На пленарном заседании 12 июня ее представитель А. Берар заявил:

> "Франция, со своей стороны, страна, которая не подпишет договор о нераспространении, будет действовать в будущем точно так же, как и государства, присоединившиеся к договору. В этом отношении, безусловно, ни у кого нет сомнения"[168].

С учетом состоявшейся дискуссии в проект договора были включены некоторые изменения, касающиеся преамбулы и статей IV (о мирном использовании атомной энергии) и V (о ядерных взрывах в мирных целях), и проект в окончательном виде 31 мая был представлен делегациями Советского Союза (руководитель – В.В. Кузнецов) и Соединенных Штатов (руководитель – Артур Голдберг) Первому комитету Генассамблеи.

По предложению большой группы государств 12 июня 1968 г. Генассамблея приняла резолюцию 2373(XXII), в которой заявлялось, что она одобряет договор о нераспространении, просит правительства-депозитарии открыть договор для подписания и ратификации как можно скорее и выражает надежду на возможно более широкое присоединение к договору. Резолюция была принята подавляющим большинством Генассамблеи – 95 голосами против 4 (Албания, Замбия, Куба, Танзания[169]) при 21 воздержавшемся (в том числе Индия, Франция, Алжир, Бразилия, Аргентина, Испания).

Договор был открыт для подписания в Москве, Вашингтоне и Лондоне 1 июля 1968 г. В этот день его подписали три правительства-депозитарии и еще свыше 60 государств. Договор, однако, не был подписан тогда такими государствами, как ФРГ, Италия, Япония, Швейцария и другие, которые, как и некоторые другие промышленно развитые страны, осуществлявшие значительную атомную деятельность (в частности, Бельгия, Нидерланды), оформили свое присоединение к нему спустя пять–семь лет. Мы уже не говорим об Индии, Израиле, Пакистане, Кубе, которые до сих пор остаются в стороне от договора.

В Советском Союзе процесс ратификации прошел без каких-либо осложнений, хотя и более через год после подписания договора. Задержка была обусловлена тем, что советское руководство ожидало решения сената США. 24 ноября 1969 г. состоялось заседание Президиума

---

[168] Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 387.

Еще 31 января 1967 г. заведующий отделом разоружения французского МИД Маттеи в ответ на американское обращение сообщил посольству США в Париже, что у Франции "нет серьезных вопросов" по проекту статей I и II и она "не будет убеждать другие правительства противодействовать договору" (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files. Political and Defense. Box 1632).

[169] Наблюдатели отмечали, что большинство стран, проголосовавших против резолюции, поддерживали тесные отношения с КНР, и на основании этого высказывали предположение, что их голосование учитывало отношение Китая к ДНЯО.

Верховного Совета СССР под председательством Н.В. Подгорного, на котором присутствовали Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, М.А. Суслов и др. До заседания Президиума Комиссии по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР единодушно рекомендовали ратифицировать договор. На заседании Президиума был подписан указ о ратификации.

В своем выступлении на Президиуме Верховного Совета Громыко информировал, что сенат США одобрил договор и что американское правительство информировало Москву о том, что оно готово завершить ратификацию договора одновременно с Советским Союзом. Громыко подчеркнул, что СССР

> "всегда придавал и придает первостепенное значение тому, чтобы участниками Договора о нераспространении стали государства, обладающие развитой промышленностью и, следовательно, имеющие потенциальные возможности для создания ядерного оружия ⟨...⟩. Во время подготовки Договора о нераспространении ядерного оружия мы ясно заявляли нашим партнерам по переговорам, прежде всего США, что заключение договора будет иметь смысл только в том случае, если его участниками обязательно будет ФРГ, как ряд других государств, имеющих соответствующий экономический и технический потенциал.
>
> Особенно мы подчеркивали, – продолжал министр, – значение участия в договоре Западной Германии. В последнее время глава нового западногерманского правительства Брандт и другие деятели ФРГ заявили о твердом намерении правительства ФРГ в ближайшем будущем стать участником Договора о нераспространении. Это подтверждается всей имеющейся в нашем распоряжении информацией. Собственно, и раньше было ясно, что ФРГ не сможет остаться в стороне от договора, если СССР, США, Англия будут твердо стоять за договор и за присоединение к нему Западной Германии. Некоторые противники присоединения ФРГ к договору, а они там есть, сейчас ссылаются на то, что спешить Западной Германии с присоединением к договору не следует, потому что его не ратифицировали СССР и США. Нужно поэтому выбить у них из рук эту карту".

Громыко затронул вопрос о Китае и Франции. Китай, заявил он, занял "свою собственную позицию" по нераспространению, которая "идет вразрез с нашей позицией и других участников договора". Что касается Франции, то она не намерена принимать участия в договоре, но "будет действовать в соответствии с целями и задачами договора"[170].

В американском сенате обсуждение договора началось еще в июле 1968 г. 17 сентября сенатская комиссия по иностранным делам одобрила

---

[170] Сборник документов МИД СССР. Т. XI, С. 582–597.

ФРГ присоединилась к ДНЯО лишь в мае 1975 г. после принятия в МАГАТЭ типового соглашения о гарантиях для государств – участников договора о нераспространении и незадолго до открытия первой конференции по рассмотрению действия договора. Китай и Франция присоединились к ДНЯО в 1992 г.

договор солидным большинством голосов. Однако сам сенат накануне предстоящих президентских выборов решил отложить голосование.

После прихода к власти Никсон в феврале 1969 г. вновь внес ДНЯО на ратификацию, при этом помощник президента по национальной безопасности Генри Киссинджер распространил меморандум, в котором говорилось, что администрация не будет оказывать давление на другие государства, особенно на ФРГ, с тем чтобы они ратифицировали договор[171]. Впрочем, сотрудник Киссинджера Мортон Хальперин позднее раскрыл подоплеку этого обращения: "Никсон и Киссинджер не верили в договор. Генри считал, что расползание ядерного оружия по миру было бы полезным делом"[172]. Сенат, однако, одобрил договор 13 марта 83 голосами против 15.

Для вступления договора в силу требовалась его ратификация 43 государствами, включая страны-депозитарии. ДНЯО вступил в силу 5 марта 1970 г. – в этот день ратификационные грамоты были депонированы Советским Союзом, Соединенными Штатами и Англией. Выступая на церемонии сдачи на хранение ратификационных грамот, Председатель Совета Министров Косыгин подчеркнул международно-правовое значение договора, справедливо отражая тот факт, что ДНЯО открыл много новых страниц в договорной практике. Советский премьер особо отметил, что устанавливается правовая норма нераспространения ядерного оружия. Он заявил:

> "Теперь с вступлением договора в силу обязательства об отказе от распространения ядерного оружия становятся одной из важнейших норм международного права. И те государства, которые не являются участниками договора, не могут не считаться с этой международно-правовой нормой. На них тоже лежит ответственность в том, будет ли установлен предел распространению ядерного оружия, в чем заинтересовано все человечество"[173].

БССР и УССР, будучи в то время частью Советского Союза, не присоединились тогда к ДНЯО. Перед подписанием договора (а он был открыт для подписания по решению Генассамблеи ООН, членами которой они являлись, причем их делегации проголосовали за одобрение ДНЯО) они поинтересовались мнением советского руководства относительно целесообразности их участия в договоре. Советское руководство, принимая постановление о подписании Советским Союзом ДНЯО, специальным пунктом решило, что правительствам БССР и УССР нецелесообразно присоединяться к договору, поскольку в случае, если это будет сделано ими в качестве ядерных государств, произойдет увеличение числа ядерных держав, т.е. распространение ядерного оружия. Если же они подпишут ДНЯО как неядерные страны, то вся их ядерная деятельность будет

---

[171] *Seaborg Glenn T. with Loeb Benjamin S.* The Atomic Energy Commission under Nixon. Adjusting to Troubled Times. N.Y.: St. Martin Press, 1993. P. 53–54.

[172] Ibid. P. 54.

[173] Цит. по: Сборник документов МИД СССР. Т. XII. С. 100–102.

поставлена под международный контроль[174]. Украина и Белоруссия, став независимыми суверенными государствами, присоединились к договору в 90-е годы.

К настоящему времени (1999 г.) участниками договора являются 187 государств. Их список с указанием дат присоединения приведены в Прил. 2.

Одновременно с подписанием ДНЯО в Москве и Вашингтоне было объявлено, что между правительствами СССР и США достигнута договоренность "вступить в ближайшее время в переговоры относительно комплексного ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического ядерного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет"[175]. Обмен мнениями между сторонами о начале этих переговоров продолжался более года, и согласование ДНЯО и установление даты его подписания ускорили достижение договоренности об этом[176]. Хотя переговоры об ограничении и сокращении стратегических оборонительных и наступательных ядерных вооружений по ряду причин начались только в 1969 г., договор о нераспространении послужил важнейшим толчком для заключения ряда масштабных соглашений в этой области, которые способствовали прекращению гонки ядерных вооружений.

---

[174] Следует отметить, что накануне завершения переговоров по ДНЯО, в ответ на соответствующий запрос, итальянскому правительству американцами было сообщено, что США, очевидно, не признают подписи Украины и Белоруссии под договором, если те его подпишут (Телеграмма Раска послу США в Риме от 4 марта 1968 г. U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967–1969. Political and Defense. Box 1638).

[175] Правда. 1968. 2 июля. Цит. по: Сборник документов по разоружению. Т. X (1968). С. 429.

[176] Текст заявления о начале переговоров согласовывался между Косыгиным и Джонсоном буквально накануне подписания ДНЯО – 21, 22 и 27 июня 1968 г. они обменялись посланиями на этот счет.

Глава 9

О ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ НЕЯДЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ

С началом атомной эры и появлением оружия небывалой доселе мощи проблема обеспечения безопасности государств приобрела совершенно новое измерение: ведь с такой угрозой человечество ранее не сталкивалось. Пример Советского Союза, а затем и некоторых других государств, лихорадочно стремившихся как можно скорее вступить в "ядерный клуб" вслед за США, показывает, какое значение государства стали придавать обеспечению своей безопасности в ядерный век, в условиях, когда другие страны овладели или овладевают атомным оружием.

Поэтому когда подавляющее большинство международного сообщества пришло к убеждению, что следует положить конец беспредельному распространению ядерного оружия, то одновременно возникла проблема – как обеспечить тем, кто отказывается от овладения ядерным оружием или не имеет возможности сделать это, необходимую безопасность от применения или угрозы применения против них этого оружия со стороны тех, кто им располагает или стремится его создать, иными словами, дать им гарантию от давления и возможного шантажа со стороны ядерных держав. Их также заботил вопрос о том, придут ли им на помощь и обеспечат ли им надлежащую защиту, если кто-либо на них нападет или будет угрожать ядерным нападением. На разоруженческом жаргоне первый вид гарантий безопасности – гарантии неприменения получил название "негативных", второй – гарантии помощи – "позитивных".

В получении гарантий безопасности в первую очередь были заинтересованы неприсоединившиеся и нейтральные неядерные государства, поскольку страны, входившие в военные блоки, такие, как Североатлантический союз и Варшавский договор, или вступившие в иные союзнические соглашения с ядерными державами, могли рассчитывать на помощь с их стороны, иначе говоря, имели над собой "ядерный зонтик". Подавляющее большинство неприсоединившихся стран к тому же и не располагало техническими и экономическими возможностями для осуществления своих атомных программ.

Именно поэтому неприсоединившиеся и нейтральные государства–участники Женевского комитета 18-ти по разоружению в ходе рассмотрения проблемы нераспространения и выработки договора о нераспространении ядерного оружия поставили перед ядерными державами вопрос о получении ими как негативных, так и позитивных гарантий. Они добились включения в резолюцию Генассамблеи 2028(XX) от 19 ноября 1965 г. в

качестве одного из "главных принципов" разрабатываемого договора положения о том, что "договор должен воплощать приемлемое равновесие взаимной ответственности и обязательств ядерных и неядерных держав". В совместном меморандуме от 19 августа 1966 г. – восемь ведущих неприсоединившихся стран–членов Комитета 18-ти в числе мер, которые должны быть осуществлены ядерными державами в связи с договором о нераспространении, назвали "запрещение применения ядерного оружия и гарантии безопасности государств, не обладающих ядерным оружием", при этом такие меры "могли бы быть воплощены в договоре как часть его положений или в декларации о намерении"[1].

В том, что касается негативных гарантий безопасности, первым из числа ядерных держав – членов Комитета 18-ти откликнулся на пожелания неядерных стран Советский Союз. В послании от 1 февраля 1966 г. Косыгин сообщил членам Комитета:

> "С целью облегчения договоренности о заключении договора Советское правительство заявляет о своей готовности **включить в проект договора** статью о запрещении применения ядерного оружия против неядерных государств – участников договора, **не имеющих на своей территории ядерного оружия** (выделено мной. – *Авт.*).
>
> Советское правительство полностью поддерживает предложения Польской Народной Республики о создании безъядерной зоны в Центральной Европе и о замораживании ядерных вооружений в этом районе, так же, как и предложения о создании безъядерных зон в других районах земного шара. Оно готово принять на себя обязательство уважать статус безъядерных зон, которые будут созданы, если такие же обязательства возьмут на себя другие ядерные державы"[2].

Указанное заявление Советского правительства, которое в литературе часто называют "формулой Косыгина", оставалось советской позицией по негативным гарантиям безопасности вплоть до распада СССР и принятия в 1993 г. Основных положений военной доктрины Российской Федерации. Направленность этого заявления была очевидна: сфокусировать внимание на ядерной ситуации в ФРГ и изолировать страны НАТО, и прежде всего Западную Германию, на территории которых было размещено ядерное оружие США, обещав в то же время дать гарантии безопасности тем натовским государствам, которые откажутся принимать на своей территории ядерное оружие. Тем самым они выводились бы из-под "ядерного зонтика" НАТО. Помимо ФРГ, американское или английское ядерное оружие размещалось также на территории некоторых других натовских стран.

В отношении позитивных гарантий безопасности первое заявление было сделано Соединенными Штатами после китайского ядерного испытания. 18 октября 1964 г. президент Джонсон объявил, что "государства, которые

---

[1] Док. ENDC/178. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 610–613.

[2] Док. ENDC/167. Приводится по: Там же. С. 290–294.

не стремятся иметь собственное национальное ядерное оружие, могут быть уверены, что если им потребуется наша сильная поддержка против угрозы ядерного шантажа, то они получат ее"[3]. Подобное же заявление Джонсон сделал и в послании Комитету 18-ти от 27 января 1966 г.[4]

Из числа неприсоединившихся государств одной из первых о необходимости гарантий заявила Индия, премьер-министр которой Лал Бахадур Шастри на пресс-конференции 4 декабря 1964 г., подвергнув критике китайский ядерный взрыв, высказался в том плане, что все неядерные государства нуждаются в получении от ядерных держав гарантий против ядерного нападения. Он сказал, что ядерные державы поступили бы "весьма мудро", если "серьезно рассмотрели бы этот аспект (ядерной) проблемы"[5].

1. ПРОБЛЕМА ГАРАНТИЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1965–1967 гг.

Вопрос о гарантиях безопасности неядерных стран вызывал наибольшие сложности и был одним из основных, если не основным, камнем преткновения при рассмотрении проблемы нераспространения в Комитете 18-ти и в ООН и при разработке самого договора. Неслучайно поэтому многие неядерные государства выступили на этих форумах с целым рядом конкретных предложений о рассмотрении гарантий безопасности в рамках проблемы нераспространения ядерного оружия вплоть до включения в сам договор о нераспространении положений как по негативным, так и по позитивным гарантиям безопасности.

Первым по времени выступлением с такого рода предложением следует считать заявление представителя Индии в Комиссии ООН по разоружению Б. Чакраварти 4 мая 1965 г., в котором предлагалось "интегрированное решение проблемы нераспространения", на которое мы уже ссылались выше. Элементами, которые должны войти в соглашение о нераспространении, по мнению Индии, в частности, являлись бы:

> "2) обязательство не применять ядерное оружие против стран, которые не обладают им;
>
> 3) обязательство гарантировать через посредство Огранизации Объединенных Наций безопасность стран, которым могут угрожать державы, располагающие ядерным оружием или приступающие к созданию ядерного оружия".

---

[3] Цит. по: *Shaker Mohamed*. The Nuclear Non-Proliferation Treaty. Origin and Implementation, 1959–1979. London; Rome; New York; Oceana Public., Inc., 1980. P. 474.

[4] Док. ENDC/165. По свидетельству Сиборга, эти заявления американского президента вызвали "встревоженность" со стороны как конгресса, так и некоторых представителей администрации. В этой связи Макнамара "постарался немного сдать назад", заявив в феврале 1966 г., что хотя варианты гарантий безопасности обсуждались с другими государствами, администрация не имеет намерения делать из США мирового полицейского (*Seaborg Glenn with Loeb Benjamin S*. Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington (MA); Toronto: Lexington Books, 1986. P. 372.

[5] Цит. по: *Epstein William*. The Last Chance. Nuclear Proliferation and Arms Control. N.Y.: The Free Press, 1976. P. 135.

В "интегрированном предложении" содержались и другие требования, в том числе касающиеся ядерного разоружения. Чакраварти подчеркнул при этом, что "только интегрированное предложение такого рода могло бы разрешить проблему распространения ядерного оружия. Одной или двух мер из этой интегрированной программы было бы недостаточно"[6]. Столь жесткую позицию Индии по гарантиям безопасности в их увязке с нераспространением следует объяснить индийской реакцией на китайский ядерный взрыв и происходившем в руководящих инстанциях Нью-Дели процессом определения общего отношения Индии к атомной проблеме.

Предложения по гарантиям безопасности поступили и от ОАР, Румынии, Нигерии, ряда других делегаций. В пользу гарантий выступила Канада. Ее представитель Бернс огласил в Комиссии по разоружению 7 мая 1965 г. заявление канадского министра иностранных дел Мартина:

> "Вероятно, необходимо гарантировать безопасность неядерных государств по крайней мере против ядерного нападения ⟨...⟩, если от них ожидают, чтобы они отказались стать ядерными державами когда-либо в будущем. Соглашения о коллективной безопасности уже обеспечили гарантию такого рода союзникам великих ядерных держав. Неприсоединившиеся и нейтральные государства не пользуются подобными гарантиями"[7].

"Формула Косыгина" встретила положительное отношение неприсоединившихся государств – Нигерии, Индии, ОАР, Мексики, Бирмы, хотя некоторые из них и отмечали ее ограниченный, не всеохватывающий характер. Страны НАТО – участницы Комитета 18-ти, в частности Италия и Канада, к советскому предложению, как и можно было ожидать, отнеслись критически. Они ссылались на трудности контроля за неразмещением ядерного оружия и на "дискриминационный" характер советского предложения в отношении неядерных стран, имеющих на своей территории ядерное оружие, принадлежащее другим государствам.

Следует, однако, заметить, что в течение некоторого времени англичане, по-видимому, проявляли определенный интерес к советскому предложению. Во всяком случае, на сессии Генассамблеи 1966 г. при рассмотрении проекта резолюции по гарантиям безопасности представитель Англии Чалфонт предлагал включить в этот проект пункт, в котором содержалась просьба к Комитету 18-ти "срочно рассмотреть предложение о том, чтобы ядерные державы дали гарантии, что они не будут использовать или угрожать использовать ядерное оружие против неядерных государств, не имеющих ядерного оружия на своей территории, а также любые другие предложения, которые могут быть сделаны для

---

[6] Док. ООН DC/PV.75. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 128–129.
[7] Док. DC/PV. 76. Приводится по: Там же. С. 129–130.

решения этой проблемы". США предполагали воздержаться по предложению Чалфонта[8].

Если по позитивным гарантиям Соединенные Штаты свою общую позицию высказали, то в отношении негативных гарантий они держались в Комитете 18-ти и в ООН весьма уклончиво, уходя от каких-либо конкретных заявлений. Их разъяснения, как писал член делегации Египта Мохамед Шакер, "носили туманный характер и касались общей проблемы гарантий безопасности"[9].

Банн на основе изучения архивных документов сообщает, что американской администрацией в 1965 г. при разработке своего первого проекта договора о нераспространении ядерного оружия рассматривалась возможность выступления США с формулой негативных гарантий и ее включения в проект договора. АКВР высказалось за то, чтобы предложить следующую формулировку:

> "Каждый участник настоящего договора, обладающий сейчас ядерным оружием, обязуется не применять ядерное оружие против любого другого участника, который не обладает ядерным оружием, кроме как для обороны от акта агрессии, в который вовлечено государство, обладающее ядерным оружием".

Однако, хотя предложенная формулировка и содержала существенную оговорку, Объединенный комитет начальников штабов США высказал возражения, пишет Банн, против "этого ограничения на свободу ядерных действий" и предложенная АКВР формулировка в проект договора включена не была[10].

По предложению более 40 неядерных государств Генассамблея ООН 17 ноября 1966 г. приняла резолюцию 2153А(XXI), в которую был включен следующий пункт:

> "**Генеральная Ассамблея** ⟨...⟩
>
> 4. **просит** совещание Комитета восемнадцати государств по разоружению срочно рассмотреть предложение о том, что державы, обладающие ядерным оружием, должны дать заверения в том, что они не будут использовать или угрожать использовать ядерное оружие против не обладающих ядерным оружием государств, на территории которых не имеется ядерного оружия, а также любые другие предложения, которые были внесены или могут быть внесены для решения этой проблемы".

Генеральной Ассамблеей была также принята резолюция 2153В, которая постановила созвать не позже июля 1968 года конференцию **неядерных** государств для рассмотрения ряда вопросов, относящихся к

---

[8] Memorandum of Assistant Secretary of State Joseph J. Sisco to Secretary of State of Nov. 8, 1966. U.S. National Archives and Record Administration. (NARA). College Park (MD). General Records of the Department of State. Central Policy Files. Political & Defense. Defense. Box 1594.

[9] *Shaker Mohamed*. Op. cit. P. 498.

[10] *Bunn George*. The Legal Status of U.S. Negative Security Assurances to Non-Nuclear Weapon States // The Nonprolifer. Rev. 1997. Spring/Summer. P. 3.

нераспространению, и прежде всего вопроса о том, "как наилучшим образом обеспечить безопасность государств, не обладающих ядерным оружием"[11].

Одной из наиболее активных в продвижении решения проблемы гарантий безопасности неядерных стран неизменно была Индия, которая в феврале 1967 г. направила в Москву, а позднее также в Вашингтон, Лондон и Париж специальную делегацию во главе с помощником премьер-министра Л.К. Джа и председателем КАЭ Викрамом А. Сарабхаем, которые были приняты Косыгиным и провели консультации с Громыко и Кузнецовым. Индийские представители настойчиво добивались получения гарантий безопасности, не скрывая озабоченности по поводу возможной угрозы со стороны Китая.

По позитивным гарантиям с советской стороны была высказана готовность выступить с заявлением (и индийцам был передан соответствующий текст, утвержденный советским руководством 16 марта) о том, что нападение ядерной державы на неядерное государство создаст "качественно новую обстановку", требующую немедленного принятия мер Советом Безопасности ООН, и прежде всего его постоянными членами, в соответствии с Уставом ООН. Однако было четко дано понять, что речь не идет относительно гарантий непосредственного использования Советским Союзом ядерного оружия в случае применения такового против Индии, а вопрос должен решаться Советом Безопасности в соответствии с Уставом ООН. Индийской делегации было также заявлено, что вопрос о гарантиях безопасности должен быть решен вне рамок договора о нераспространении. СССР был бы готов выступить с указанным заявлением, если аналогичные заявления будут сделаны другими ядерными державами – участницами договора, что должно быть согласовано заранее.

Спустя некоторое время (после повторного визита Джа в Москву в апреле) Советский Союз, идя навстречу Индии, дополнил свое предложение согласием на включение в заявление ссылки на статью 51 Устава, признающую право на индивидуальную или коллективную самооборону до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Кроме того, в заявление было добавлено, что Совет Безопасности должен будет принять меры не только в случае нападения, но и **угрозы** нападения.

Тем не менее, ни в Москве, ни в других столицах ядерных держав индийская делегация удовлетворительных для себя заверений не получила, да и получить не могла. Индийская сторона хотела, чтобы Советский Союз, как и другие ядерные державы, действовали немедленно, не дожидаясь решения Совета Безопасности, где существует право вето постоянных членов. Ни обе основные ядерные державы, ни Англия и

---

[11] Тексты производятся по: Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. С. 724–726. Резолюция А была принята 97 голосами (в том числе СССР) против 2 (Албания и ЦАР) при 3 воздержавшихся (Франция, Исландия, Конго–Киншаса), резолюция В – 48 голосами (в том числе Англия) против 1 (Индия), при 59 воздержавшихся (в том числе СССР, США и Франция).

Франция[12] не были готовы гарантировать Индии прямую помощь в случае ее конфликта с Китаем[13].

Из бесед Джа в МИД СССР, на которых мне довелось присутствовать, я вынес впечатление, что Индия навряд ли пошла бы на подписание договора о нераспространении, даже если ядерными державами и были бы ей даны соответствующие гарантии безопасности. Индия, как представлялось, фокусировала внимание на проблеме гарантий безопасности, наперед зная, что она не может быть решена на индийских условиях[14]. В беседах и в Москве, и в Вашингтоне поднимался также и вопрос о контроле за выполнением договора, по которому у индийской стороны были весьма серьезные замечания.

При внесении 24 августа 1967 г. в Комитет 18-ти согласованного советско-американского проекта договора о нераспространении в нем отсутствовало положение о гарантиях безопасности. Советский представитель Рощин, внося этот проект, напомнил о предложении Косыгина и заявил, что

> "советская делегация исходит из достигнутой сопредседателями договоренности о продолжении обмена мнениями относительно гарантий безопасности для неядерных стран с тем, чтобы найти положительное решение этого насущного и важного вопроса"[15].

Более определенно, но еще менее позитивно высказался представитель США Фостер:

> "Мы признаем, что предстоит еще рассмотреть проблему гарантий безопасности, которая является предметом заботы некоторых неприсоединившихся государств. Соединенные Штаты придерживаются мнения, что этот вопрос, в силу его сложности и связанных с ним различных интересов, **не может быть рассмотрен в рамках самого договора.** Однако мы изучаем различные возможные решения его, включая действия, которые могли бы быть предприняты **в рамках Организации Объединенных Наций,** основной целью которой является поддержание мира и безопасности.

---

[12] Любопытно, что индийская делегация посетила и Париж (об этом факте автору сообщили индийские специалисты по ядерной проблематике К. Субраманиам и Брама Челлани), хотя Франция не участвовала в переговорах по ДНЯО.

[13] И все же после визита в Москву Джа в беседе с английским верховным комиссаром в Нью-Дели Фримэном оценивал позицию СССР по гарантиям как "гораздо менее негативную, чем он ожидал" (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967–1969. Political and Defense. Box 1633).

[14] Такое же представление о позиции Индии в отношении ДНЯО должно было сложиться и в Вашингтоне. Во всяком случае, в телеграмме, обнаруженной Банном в архивах, которая была направлена делегацией США в Женеве в госдепартамент, сообщалось, что член делегации Индии в Комитете 18-ти, представлявший министерство обороны, сказал сотруднику американской делегации еще 30 июля 1966 г., что любых гарантий, полученных от США и/или от Советского Союза, не было бы достаточно для того, чтобы Индия присоединилась к договору (*Bunn George*. Prohibiting Nuclear Use Against Countries: The International Status of the US Commitment (Unpublished Paper), 1997. P. 14–15).

[15] Док. ENDC/PV.325. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IX. С. 146–152.

Мы надеемся, что сопредседатели будут дальше изучать эту проблему с тем, чтобы представить рекомендации этому комитету в ходе рассмотрения нами договора" (выделено мной. – *Авт.*)[16].

Рассмотрев совместный проект договора от 24 августа, неядерные страны (ОАР, Румыния, Швейцария) предложили проекты дополнительных статей о гарантиях. Однако соавторы проекта договора – СССР и США – не приняли ни одного предложения.

На заключительной стадии женевских переговоров по ДНЯО в начале 1968 г. между делегациями ядерных держав обсуждалась идея выступления с гарантиями безопасности **вне рамок** договора. Американцы поинтересовались возможностью отказа СССР от "формулы Косыгина", на что получили отрицательный ответ. АКВР и госдепартамент США пытались добиться согласия президента Джонсона на декларацию в духе того, что предлагалось АКВР в 1965 г. для включения в проект договора:

"Соединенные Штаты заявляют о своем намерении воздерживаться от угрозы или применения ядерного оружия против любого государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающего ядерным оружием, которое не вовлечено в вооруженное нападение при поддержке государства, обладающего ядерным оружием".

Это было бы не юридически обязательным заявлением, а декларацией о намерении, но и на этот раз Объединенный комитет начальников штабов США высказал возражения, направив президенту меморандум, в котором утверждалось, что подобная декларация "ослабляет правдоподобность американского ядерного сдерживания, уменьшает возможность гибкости в применении военных средств и создает прецедент, который мог бы привести к дальнейшим ограничениям на свободу ядерных действий". Джонсон не поддержал АКВР и госдепартамент[17].

Неядерные страны еще раз попытались включить в договор положение о гарантиях и на сессии Генассамблеи весной 1968 г., на которой рассматривался проект договора о нераспространении, но этого они добиться не смогли ввиду решительного сопротивления ядерных держав. В окончательном варианте договора, который был внесен на сессии Генассамблеи 31 мая и в конце концов ею одобрен, появился лишь пункт преамбулы, воспроизводивший общеизвестное положение Устава ООН о неприменении силы и прямо не отвечавший на конкретные требования неприсоединившихся государств по гарантиям безопасности:

"Напоминая, что в соответствии с Уставом Организация Объединенных Наций государства должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций ⟨...⟩".

---

[16] Док. ENDC/325. Приводится по: Там же. С. 153–160.

[17] *Bunn George*. The Legal Status... P. 4.

2. РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ О ПОЗИТИВНЫХ ГАРАНТИЯХ

Из-за позиции США и других западных держав, воспротивившихся решению вопроса о негативных гарантиях безопасности на обсуждавшихся тогда условиях, так как это противоречило бы их доктрине сдерживания и оперативным стратегическим планам, прежде всего на европейском театре, и неприемлемости для Запада "формулы Косыгина", проблема негативных гарантий в период завершения работы над договором о нераспространении была ими отставлена в сторону. Не проявлял должной настойчивости в продвижении своего предложения по негативным гарантиям и Советский Союз, используя его в основном в политических целях – для активизации кампании против присутствия американского ядерного оружия в Европе, в первую очередь в ФРГ. Советское руководство в то же время не считало, что нерешенность данной проблемы должна стоять на пути скорейшего заключения договора о нераспространении.

Отсутствие вообще какого-либо решения вопроса о негативных гарантиях в течение многих лет вызывало (и продолжает вызывать) неудовлетворенность неприсоединившихся государств. В создавшихся условиях они сосредоточили свои усилия на решении одновременно с заключением договора хотя бы вопроса о позитивных гарантиях безопасности, отложив на будущее проблему негативных гарантий.

Особую активность по проблеме позитивных гарантий проявляла Нигерия, претендовавшая на роль лидера африканских стран. 2 ноября 1967 г. она предложила к советско-американскому проекту договора от 24 августа дополнительную статью следующего содержания:

> "Каждое из государств – участников настоящего договора, обладающих ядерным оружием, обязуется в случае обращения к нему с соответствующей просьбой прийти на помощь любому, не обладающему ядерным оружием государству, которое сталкивается с угрозой ядерным оружием или подверглось нападению с применением такого оружия"[18].

Нигерийская делегация вновь предложила включить в договор положение о позитивных гарантиях и после внесения СССР и США пересмотренного проекта договора 11 марта 1968 г. Но к этому времени советская, американская и английская делегация 7 марта выдвинули идею принятия Советом Безопасности ООН резолюции по позитивным гарантиям и внесли на обсуждение Комитета 18-ти соответствующий проект[19].

Первоначально идея предоставления неядерным странам позитивных гарантий через Совет Безопасности, как отмечалось выше, была предложена Советским Союзом Индии, она обсуждалась 23 июня 1967 г. между Громыко и Раском (во время встречи между Джонсоном и Косыгиным в Гласборо). Тогда Громыко пояснил, что речь идет об обязательствах относительно действий постоянных членов Совета в рамках их

---

[18] Док. ENDC/202. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IX. С. 332–334.
[19] Док. ENDC/222. Сборник документов МИД СССР. Том X. С. 180.

обязательств по Уставу ООН, при этом советская сторона готова проявить гибкость в отношении того, будут ли гарантии даны в качестве приложения к договору или в качестве какого-либо заявления при заключении договора.

Раск, со своей стороны, подчеркнул, что для США возникли бы проблемы конституционного порядка, если бы гарантии безопасности предоставлялись исполнительной властью, договор подлежит одобрению сенатом $^2/_3$ голосов. В ответ на замечание Раска о том, что если Индия просит гарантий безопасности, их пожелают иметь и другие неядерные страны, Громыко разъяснил, что заявление будет сделано не одной Индии, а вообще неядерным государствам[20].

Нигерия, не удовлетворившись предложением трех ядерных держав от 7 марта, продолжала отстаивать вариант включения в договор специальной статьи или пункта по гарантиям безопасности, т.е. добивалась договорного юридического обязательства ядерных держав по позитивным гарантиям, иными словами, предоставления неприсоединившимся неядерным государствам почти такого же "ядерного зонтика", которым располагали блоковые государства.

14 марта нигерийская делегация внесла следующий текст в качестве пункта 2 статьи II проекта договора, сходный с ее предложением от 2 ноября 1967 г.:

> "Каждое из государств – участников настоящего договора, обладающих ядерным оружием, обязуется прийти на помощь любому государству – участнику настоящего договора, не обладающему ядерным оружием, которое является объектом угрозы или жертвой нападения с применением ядерного оружия"[21].

Однако нигерийское предложение не получило сколько-нибудь существенной поддержки, во-первых, из-за отрицательного отношения к нему ядерных держав, особенно в ситуации, когда они предложили принять резолюцию Совета Безопасности по позитивным гарантиям, и, во-вторых, по причине нежелания ряда неприсоединившихся стран идти на решение, которое могло бы в какой-либо степени ущемить их статус государств, придерживающихся политики неприсоединения.

Предложенное тремя ядерными державами 7 марта в Комитете 18-ти решение – принятие резолюции Советом Безопасности вместе с подкрепляющими резолюцию заявлениями, которые были бы ими сделаны в Совете, – самое большее, на что СССР, США и Англия могли пойти по позитивным гарантиям. Советский представитель, выступая в Комитете 7 марта, заявил: "Мы считаем, что проект резолюции Совета Безопасности по вопросу о гарантиях безопасности должным образом решает

---

[20] LBJ Library. National Security File. Country File. Europe and USSR. Box 230; Files of Walt W. Rostow. Box 10; Administrative History of the U.S. Arms Control and Disarmament Agency. Pt. I–IV. Box. 1–2. Summary and Analysis of Principal Developments. P. 54–55. FRUS, 1964–1968. Vol. XI: Arms Control and Disarmament. P. 481–483.

В докладе АКВР отмечалось, что именно Советский Союз своим предложением Индии "наметил путь к решению" вопроса о гарантиях безопасности.

[21] Док. ENDC/220/Rev.1. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 223–224.

проблему обеспечения безопасности неядерных государств – участников договора о нераспространении ядерного оружия"[22]. В аналогичном ключе высказались представители США и Англии.

На более обязательные гарантии, чем резолюция Совета Безопасности, ни одна из ядерных держав не была готова пойти. Для США, погрязших в этот период в непопулярной войне во Вьетнаме, принятие на себя юридических обязательств, которые требовали бы одобрения конгресса, было вдвойне неприемлемо. Раск заявил в конгрессе: "Это очень сложный вопрос, потому что для нас дать кому-либо ⟨...⟩ такие гарантии, которые их полностью удовлетворили бы, привело бы к очень далеко идущему расширению американских обязательств". Когда его спросили в сенате, идут ли обязательства по резолюции Совета Безопасности дальше тех, которые Соединенные Штаты взяли на себя по Уставу ООН, Раск ответил: "Я не считаю этого ⟨...⟩ как с точки зрения юридической, так и политической"[23].

Трехсторонний проект резолюции по позитивным гарантиям был внесен на рассмотрение Совета Безопасности тремя ядерными государствами 12 июня 1968 года – в день принятия Генассамблеей решения об одобрении договора о нераспространении – и одобрен Советом 19 июня в качестве резолюции 255(1968) (см. Прил. 3). За нее голосовали 10 членов Совета, против голосов не было, воздержались Франция[24], Индия, Пакистан, Алжир и Бразилия.

Перед принятием резолюции представители трех держав сделали заранее согласованные идентичные заявления. В заявлении советского представителя Кузнецова было сказано, что ключевым является положение резолюции о том, что агрессия с применением ядерного оружия или угроза такой агрессии против неядерного государства создала бы обстановку, в которой Совет Безопасности, и прежде всего его постоянные члены, обладающие ядерным оружием, должны были бы немедленно действовать в соответствии с их обязательствами по Уставу ООН. Он отметил, что резолюция подтверждает неотъемлемое право всех государств, признаваемое статьей 51 Устава, на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на государство – члена ООН, до тех пор, пока Совет не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Имея это в виду, Советский Союз заявляет:

> "В случае агрессии с применением ядерного оружия против государства, не обладающего ядерным оружием, или угрозы такой агрессии возникла бы качественно новая обстановка, в которой обладающие ядерным оружием государства, являющиеся постоян-

---

[22] Док. ENDC/375. Приводится по: Там же. С. 181–184.

[23] Цит. по: *Clausen Peter*. Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons / Harper Collins College Publishers. N.Y., 1993. P. 97.

[24] Представитель Франции заявил по мотивам голосования, что Франция воздержалась на том основании, что единственный способ устранить угрозу ядерного оружия – это прекратить его производство и уничтожить запасы этого оружия и что Франция готова предпринять любые действия в этом вопросе, на которые были бы готовы пойти другие державы (Док. ООН S/PV.1430).

ными членами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, должны были бы немедленно действовать через Совет Безопасности с тем, чтобы предпринять меры, необходимые для отражения такой агрессии или устранения угрозы агрессии в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций ⟨...⟩. Поэтому любое государство, которое совершит агрессию с применением ядерного оружия или будет угрожать такой агрессией, должно знать, что его действия будут эффективным образом отражены при помощи мер, которые должны быть приняты в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для подавления агрессии или устранения угрозы агрессии.

Советский Союз подтверждает свое намерение в качестве постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций добиваться немедленных действий со стороны Совета Безопасности, с тем чтобы обеспечить в соответствии с Уставом ООН поддержку любому не обладающему ядерным оружием государству – участнику Договора о нераспространении ядерного оружия, которое явится жертвой агрессии или объектом угрозы агрессии с применением ядерного оружия ⟨...⟩.

Голосование Советского Союза за эту резолюцию и настоящее заявление о действиях, которые Советский Союз намеревается предпринять в соответствии с Уставом ООН, основаны на том, что указанная резолюция поддерживается другими постоянными членами Совета Безопасности, обладающими ядерным оружием, которые намереваются подписать Договор о нераспространении ядерного оружия, а также на том, что эти государства выступают с подобного же рода заявлениями относительно того, как они намереваются действовать в соответствии с Уставом".

Кузнецов подчеркнул также, что изложенное заявление Советского правительства вступит в силу одновременно с принятием резолюции Совета Безопасности[25].

Как видно из приведенного текста советского заявления и идентичных с ним текстов заявлений США и Англии, они взаимосвязаны и, следовательно, составляют **совместные** гарантии безопасности. Резолюцию и заявления ядерных держав приветствовали такие страны, как Канада, Финляндия, Австралия, Кипр и др.

Скептицизм по поводу возможности совместных действий трех ядерных держав высказали Цейлон (Шри Ланка) и Танзания. Были и критические заявления, например, со стороны Алжира и Бразилии, которые обратили внимание на то, что только три из постоянных членов Совета выступили в качестве гарантов. Особо резкую критику высказала Индия, подчеркнувшая дискриминационный характер представленной Совету Безопасности резолюции. Уже тогда было очевидно, что Индия не подпишет ДНЯО. Представитель Индии, выступая в Совете Безопасности 19 июня, заявил, что резолюция Совета несовместима с Уставом ООН, "который не дискриминирует между теми, кто пожелал бы присоединиться

[25] Док. ООН S/PV.1430. Приводится по: Сборник документов СССР. Т. X. С. 388–392.

к тому или иному договору, и теми, кто не пожелал бы сделать это". Он утверждал, сославшись на Устав, что резолюция противоречит его целям и принципам[26].

Сбалансированную оценку принятой Советом резолюции дал египетский дипломат Шакер:

> "Хотя политическое значение шага, согласованно предпринятого тремя государствами, не следует недооценивать, необходимо иметь в виду, что вероятность их совместных действий в значительной мере будет зависеть от состояния их будущих взаимоотношений и окружающей политической среды. Тем не менее Совет Безопасности в принципе по-прежнему будет оставаться основным гарантом международного мира и безопасности"[27].

Резолюцию 255 многие наблюдатели восприняли как направленную против Китайской Народной Республики, которая в тот период не была представлена в ООН и, следовательно, в Совете Безопасности ООН. Подобное мнение вызывало, однако, вопросы со стороны некоторых неприсоединившихся государств, особенно на том основании, что КНР сразу же после своего ядерного испытания в 1964 г. заявила, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не применит первой ядерное оружие, причем Китай стал единственным ядерным государством, который сделал такое далеко идущее заявление. Он подверг резкой критике проект резолюции Совета Безопасности о позитивных гарантиях, впервые представленный Комитету 18-ти 7 марта 1968 г. Китайская пресса осудила проект как шаг в направлении создания американо-советского альянса против Китайской Народной Республики[28].

Что касается Франции, то хотя эта страна тогда не присоединилась к ДНЯО (и в основном по этой причине воздержалась при голосовании по резолюции Совета), она заявила на Генеральной Ассамблее, что будет вести себя так, как если бы была в числе его участников.

Резолюция Совета Безопасности – нельзя с этим не согласиться[29] – по сути дела мало чего добавляла к уставным положениям относительно возможных действий Совета Безопасности по поддержанию международного мира и безопасности, однако она (и это существенно) специально подчеркивала значение предоставления гарантий безопасности неядерным государствам – участникам ДНЯО и сопровождалась важными согласованными заявлениями трех ядерных держав-гарантов, которые в соавторстве внесли проект резолюции на рассмотрение Совета. Поясняя позицию Советского Союза по этому вопросу, Кузнецов заявил на сессии Генассамблеи 20 мая:

---

[26] Док. ООН S/PV.1433.

[27] *Shaker Mohamed*. Op. cit. P. 529.

[28] Ibid. P. 534.

[29] Представители администрации США в ходе слушаний на Капитолийском холме (см., в частности, приведенное выше заявление Раска) не раз подчеркивали в конгрессе, что резолюция Совета Безопасности не вносит каких-либо изменений в те обязательства, которые записаны в Уставе ООН и которые США уже взяли на себя. Это разъяснение принял американский сенат.

"В связи с договором о нераспространении ⟨...⟩ речь, конечно, не идет и не может идти о том, чтобы была обеспечена абсолютная гарантия безопасности, стопроцентная гарантия против любого нападения ⟨...⟩. Такой гарантии никто никому дать в настоящее время не может ⟨...⟩.

⟨...⟩ Если подойти к этому вопросу со всей серьезностью и ответственностью, надо сказать, что вполне реалистично говорить о том, что безопасность неядерных стран в условиях договора о нераспространении будет обеспечена, несомненно, более надежно ⟨...⟩.

⟨...⟩ Некоторые делегации выступили в ходе дискуссии с тех позиций, что предлагаемая резолюция Совета Безопасности якобы не содержит ничего нового, ничего такого, что уже и теперь не было бы предусмотрено Уставом ООН ⟨...⟩. Но такая оценка не учитывает главного. Новым и весьма важным элементом предлагаемой резолюции Совета Безопасности как раз и является то, что она предусматривает немедленные действия постоянных членов Совета Безопасности, обладающих ядерным оружием ⟨...⟩. Принятие резолюции Совета Безопасности, возлагающей на ядерные державы такое обязательство, наполнит более глубоким содержанием те положения Устава ООН, которые касаются действий Организации Объединенных Наций в интересах сохранения и упрочения мира, особенно применительно к угрозе ядерного нападения ⟨...⟩.

⟨...⟩ Предлагаемая резолюция Совета Безопасности своим острием и направлена на то, чтобы не допустить ядерного нападения, заранее поставить потенциального агрессора в такое положение, когда бы он знал, что его действия будут эффективным образом отражены ⟨...⟩. Разве это не новый шаг со стороны Организации Объединенных Наций в направлении укрепления безопасности неядерных стран?

И еще об одной стороне дела ⟨...⟩ – о новом подтверждении в резолюции Совета Безопасности неотъемлемого права государств, признаваемого статьей 51 Устава ООН, на индивидуальную и коллективную самооборону ⟨...⟩. В этом положении резолюции ⟨...⟩ заключен ответ на соображения тех делегаций, которые ставили вопрос о том, как быть, если Совет Безопасности по тем или иным причинам не сможет сразу принять решение о действенных мерах по отражению ядерной агрессии против неядерного государства или по устранению угрозы такой агрессии. Мы привлекаем внимание этих делегаций и к тому факту, что положение о подтверждении статьи 51 Устава ООН в связи с вопросом о безопасности неядерных стран выдвигается тремя ядерными державами ⟨...⟩. Этот факт, как нам кажется, говорит сам за себя"[30].

---

[30] Док. ООН A/C.1/PV/1571. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 350–352.

И несмотря на неудовлетворенность ряда неядерных стран резолюцией Совета Безопасности 255, это не помешало огромному большинству этих стран присоединиться к договору о нераспространении, так что можно с уверенностью утверждать, что решение Совета Безопасности относительно позитивных гарантий вместе со сделанными при его принятии заявлениями правительств СССР, США и Англии сыграли свою роль в формировании международного режима нераспространения ядерного оружия. Когда в апреле 1995 г. Совет Безопасности единодушно принял новую, более конкретную и содержательную резолюцию по позитивным гарантиям безопасности, уже с участием Франции и Китая, ставших к тому времени участниками ДНЯО, эта новая резолюция[31] была по сути дела основана на тех же принципиальных положениях, что и резолюция 255(1968 г.), хотя и содержала ряд существенных уточнений и дополнений. Принципиально важно, конечно, что резолюция 1995 г. представляла собой совместную гарантию безопасности со стороны **всех** ядерных держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН (см. Прил. 3).

3. КОНФЕРЕНЦИЯ НЕЯДЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ 1968 г.

Конференция неядерных стран состоялась в Женеве с 29 августа по 28 сентября 1968 г. Идея ее проведения принадлежала Пакистану, поддержанному некоторыми другими неядерными странами, которые считали, что государствам, не обладающим ядерным оружием, было бы полезно и важно обменяться мнениями и скоординировать свои позиции по проблеме нераспространения ядерного оружия для установления диалога с ядерными державами и более решительного отстаивания своей позиции по договору о нераспространении. Они считали, что конференция должна состояться как можно скорее, еще в ходе переговоров по ДНЯО – не позднее июня 1967 г. Поскольку это вызвало возражения ядерных (включая СССР) и ряда неядерных государств, опасавшихся, что созыв конференции может осложнить переговоры по ДНЯО, Пакистан и соавторы его предложения выразили готовность несколько сдвинуть сроки организации конференции.

Как уже отмечалось, XXI сессия Генассамблеи 17 ноября 1966 г. приняла резолюцию 2153В, постановившую созвать конференцию неядерных стран не позднее июля 1968 г. для рассмотрения следующих вопросов:

> "a) как наилучшим образом обеспечить безопасность государств, не обладающих ядерным оружием?
>
> b) как государства, не обладающие ядерным оружием, могут сотрудничать между собой в предотвращении распространения ядерного оружия?
>
> c) как ядерные устройства могут быть использованы в мирных целях?"

---

[31] Резолюция Совета Безопасности 984(1995).

Хотя резолюция и была принята большинством голосов, значительное число стран, в том числе Советский Союз и Соединенные Штаты, при ее голосовании воздержались. Индия в единственном числе голосовала против, очевидно, усматривая в пакистанском предложении дипломатический ход, направленный против индийских интересов[32].

Созданный по решению Генассамблеи Подготовительный комитет конференции, который состоял только из неядерных стран, рекомендовал провести конференцию в марте–апреле 1968 г. При рассмотрении доклада Комитета на XXII сессии Ассамблеи осенью 1967 г. делегация Пакистана и поддерживающие ее делегации отстаивали предложенные сроки доводами о необходимости согласования формулы гарантий безопасности. Возникла достаточно серьезная угроза, что те неядерные страны, которые не довольны содержанием проекта договора и тем, как идет рассмотрение проблемы гарантий безопасности, смогут на своей конференции провести решения, негативно воздействующие на окончательный текст договора и вообще на завершение переговоров по ДНЯО в Комитете 18-ти.

В создавшейся ситуации делегации СССР и США провели встречу с группой неприсоединившихся стран и не без значительного нажима постарались убедить их пойти на такое решение, при котором обе ядерные державы дадут согласие на созыв конференции неядерных стран, но при условии, что она будет отложена до августа 1968 г. Так на сессии Генассамблеи и было решено. Конференция состоится в более поздние сроки – в августе–сентябре 1968 г.,[33] одновременно же Генассамблея приняла решение просить Комитет 18-ти представить ей "полный доклад" относительно переговоров по проекту договора о нераспространении до 15 марта 1968 г.[34] На этот раз и Индия не возражала против резолюции, воздержавшись при ее голосовании, считая, по всей видимости, что конференция предоставит ей трибуну для активной работы против договора о нераспространении.

Таким образом, было в сущности предопределено, что решение по договору будет рассмотрено и, скорее всего, принято Генассамблеей еще до созыва конференции неядерных стран. И все же сам факт принятия решения о проведении конференции означал, что среди значительного числа неядерных государств имели место неудовлетворенность тем, как ведется работа над договором, и стремление оказать давление на ядерные державы в интересах принятия ими предложений неядерных стран по тексту договора и, в частности, по проблеме предоставления гарантий безопасности неядерным странам.

В конференции приняли участие 92 неядерных государства (из которых 81 страна уже подписала договор), а также четыре ядерные держа-

---

[32] Руководитель отдела разоружения секретариата ООН Уильям Эпстайн рассказывает, что в июле 1966 г. Пакистан направил генеральному секретарю ООН письмо, в котором предупредил, что Индия намеревается стать ядерной державой, и обратился с просьбой, чтобы вопрос был расследован. Это письмо, однако, из-за возражений Индии и по рекомендации сопредседателей Комитета 18-ти СССР и США не было распространено в качестве официального документа Комитета (*Epstein William*. The Last Chance. P. 126–127).

[33] Резолюция 2346B (XXII) была принята 19 декабря 1967 г. 110 голосами (в том числе СССР и США), голосов против подано не было, при 8 воздержавшихся.

[34] Резолюция 2346A (XXII).

вы – СССР, США, Англия и Франция в качестве "участников без права голоса" (как это было решено Подготовительным комитетом). Ни одна из делегаций ядерных государств на конференции не выступала, но они, особенно страны – депозитарии ДНЯО, вели весьма активную работу в кулуарах конференции.

Советская делегация (руководитель – А.А. Рощин, заместители – В.С. Емельянов и Р.М. Тимербаев, советники – В.В. Шустов и генерал Н.В. Пестерев) имела указание придать работе конференции такое направление, которое способствовало бы укреплению договора о нераспространении; противодействовать попыткам противников договора, прежде всего ФРГ, направленным на ослабление договора, на выдвижение условий для присоединения к нему и на затягивание его ратификации; всячески противодействовать попыткам учредить на конференции какие-либо постоянные рабочие органы, а также проведения сессий конференции неядерных стран в будущем на регулярной периодической основе; поддерживать контакты с США и Англией.

Между делегациями СССР и США осуществлялось тесное сотрудничество в целях недопущения нанесения какого-либо ущерба договору о нераспространении, вовлечения в членство в договоре возможно большего числа государств и скорейшего вступления его в силу. Делегации обеих стран встречались для взаимных консультаций почти ежедневно для согласования тактической линии на конференции, особенно на рабочем уровне (с советской стороны в таких встречах, как правило, участвовали Рощин, Тимербаев и Шустов). Однако другой депозитарий договора – англичане, как констатировалось в аналитических материалах МИД СССР, "вели себя на конференции весьма пассивно"[35].

В ходе кулуарной работы представители ядерных держав интенсивно использовали свои связи с союзными странами и другими убежденными сторонниками ДНЯО из числа неядерных стран. Им оказывали помощь делегации Чехословакии, Польши, Канады, Бельгии, Нидерландов, Ирландии и ряда других неядерных стран. "Довольно последовательную позицию поддержки договора, как отмечалось в материалах МИД СССР, занимали на конференции делегации многих развивающихся и нейтральных стран – ОАР, Сомали, Афганистана, Ирака, Швеции, Финляндии, Камеруна и др."[36]

В то же время с целым рядом претензий к договору выступили делегации ФРГ, Бразилии, Израиля, Швейцарии, Аргентины, Италии и др. Противники договора стремились провести через конференцию решения, которые могли бы в дальнейшем послужить условием для присоединения к договору или предлогом для отказа от его подписания или ратификации. Основным содержанием работы конференции, собственно говоря, и была открытая или закулисная борьба между сторонниками и противниками договора.

В центре внимания конференции стояла проблема **гарантий безопасности неядерных государств.** Группа латиноамериканских стран во главе с

---

[35] АВП РФ. Ф. 047, оп. 14, п. 143, д. 24, лл. 104–115.

[36] Там же. Л. 107.

Бразилией и Аргентиной выдвинула проект резолюции, в соответствии с которым предусматривался созыв специальной международной конференции в целях подписания соглашения, по которому ядерные державы обязались бы принять "надлежащие меры для обеспечения безопасности всех государств, не обладающих ядерным оружием". Он получил широкую поддержку на конференции, но все же не набрал требуемых $^2/_3$ голосов.

Хотя для принятия резолюции не хватило всего лишь одного голоса, ретроспективно следует все же считать, что участники конференции в конце концов проявили достаточно реалистический подход. Если бы было принято это или аналогичное предложение о созыве специальной конференции, которая явно не имела бы шансов на успех, то всякое государство, не желающее присоединиться к договору о нераспространении, могло бы оправдать свою позицию провалом этой конференции и ссылками на недостаточную обеспеченность своей безопасности.

Латиноамериканский и некоторые другие проекты резолюций по гарантиям безопасности отличались тем, что предлагали предоставить гарантии безопасности **всем** неядерным государствам, независимо от их отношения к договору о нераспространении, иными словами, независимо от того, возьмут ли они на себя обязательство о непроизводстве и неприобретении ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств или нет.

На ход рассмотрения данной проблемы, как подчеркивалось в аналитических материалах МИД СССР, "существенное влияние оказало отсутствие единства между неядерными странами. Особенно сильными были противоречия между делегациями Индии и Пакистана ⟨...⟩. Пакистан стремился к тому, чтобы конференция приняла такие рекомендации, согласно которым гарантии безопасности предоставлялись только неядерным государствам, которые либо по договору о нераспространении, либо по другим международным соглашениям или путем официально сделанных односторонних деклараций отказались от производства или получения ядерного оружия. Против этого предложения решительно выступила Индия ⟨...⟩"[37].

В итоге конференция приняла по вопросу гарантий безопасности не наносящую ущерба договору о нераспространении резолюцию А, подтвердившую "принцип неприменения силы и запрещения угрозы силой с использованием ядерного или неядерного оружия в отношениях между государствами"; "право каждого государства на равенство, суверенитет, территориальную целостность и невмешательство во внутренние дела и самоопределение"; и неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону, признаваемое статьей 51 Устава ООН. Согласно резолюции ядерные державы должны были "вновь подтвердить эти принципы"[38].

Резолюция была предложена Западной Германией, причем не без подтекста: в период работы конференции (август 1968 г.) страны Варшавского договора ввели войска в Чехословакию, и призыв к соблюдению принципа неприменения силы явно имел в виду и это событие. Против резолюции голосовали лишь пять неядерных государств – участниц

---

[37] Там же.

[38] Док. A/CONF.35/10. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. X. С. 813–814.

Варшавского договора. Выше уже указывалось, что СССР как ядерная держава не имел права голоса на конференции.

Кроме того, в резолюции N (заключительная декларация конференции неядерных государств), одобренной единогласно, ее участники подчеркнули "необходимость дальнейших шагов в отношении скорейшего решения вопроса о гарантии безопасности в атомную эпоху", не предложив, однако, каких-либо конкретных рекомендаций[39].

При рассмотрении вопросов **мирного использования атомной энергии** конференцией некоторые принятые решения имели определенное положительное значение. К их числу, в частности, относится резолюция, основанная на проекте Швеции, Финляндии, Норвегии, Австрии и некоторых других стран, в которой отмечается "интерес, стимулированный дополнительно статьей IV Договора о нераспространении ядерного оружия" к мирному использованию ядерной энергии, и намечаются некоторые конкретные шаги в этой области (резолюция H)[40].

В то же время по инициативе Испании, Швейцарии, Аргентины, Бразилии при активной поддержке ФРГ, Италии и Японии и, несмотря на противодействие Советского Союза и его союзников, была принята резолюция, в которой выдвигалось требование об "упрощении" и "избежании дублирования процедуры гарантий", а фактически об ослаблении системы гарантий МАГАТЭ (резолюция F)[41].

Ряд государств (Италия, Бразилия, Пакистан, Югославия) предприняли попытки превратить конференцию неядерных стран в постоянно действующий механизм. Они предлагали рекомендовать периодически созывать конференции неядерных стран и создать специальный комитет, который занимался бы проведением в жизнь решений таких конференций и вырабатывал общую платформу и требования этих государств по вопросам разоружения и мирной атомной деятельности.

Это по сути дела вело бы к внедрению в международную жизнь деления государств на противостоящие друг другу группы ядерных и неядерных стран. Большинство участников конференции достаточно ясно поняло отрицательные последствия размежевания государств по такому признаку. Предложения о создании постоянного механизма неядерных стран не получили широкой поддержки. Тут свою роль сыграли, в частности, противоречия между Мексикой и Бразилией. Последняя настаивала на создании постоянного механизма, а Мексика выступала против. Конференция ограничилась рекомендацией Генассамблее ООН "и в дальнейшем прилагать усилия по рассмотрению этих проблем (т.е. проблем, обсуждавшихся на конференции. – *Авт.*), включая созыв другой конференции в надлежащее время" (резолюция N).

Подводя итоги конференции неядерных стран, ее участник – советник советской делегации Шустов писал, что "конференция, проходившая под сильным воздействием Договора о нераспространении ядерного оружия, еще раз подтвердила актуальность и популярность этого важного между-

---

[39] Там же. С. 830–833.
[40] Там же. С. 822–824.
[41] Там же. С. 819–821.

народного соглашения; попытки подорвать или ослабить его провалились"[42].

МИД СССР, оценивая результаты конференции неядерных государств, сделал вывод, что "попытки противников договора о нераспространении использовать конференцию для того, чтобы ослабить договор о нераспространении и создать постоянный механизм неядерных стран, потерпели провал. Это – главный итог конференции"[43].

Конференция неядерных стран стала лишь одним из многочисленных эпизодов в сложной борьбе за укрепление ДНЯО и всего режима нераспространения ядерного оружия. Больше такие конференции не созывались. Круг стран, подписавших договор, продолжал расширяться. Только перед самым началом и в период работы конференции его подписали Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швеция, Йемен, Мадагаскар.

В ходе конференции произошло становление механизма тесного сотрудничества стран – депозитариев договора – СССР, США и Англии, который в дальнейшем играл весьма положительную роль при подготовке и проведении конференций по рассмотрению действия договора, в соответствии с пунктом 3 статьи VIII ДНЯО, и конференции по продлению его срока в 1995 г. и продолжает функционировать и поныне. После присоединения к ДНЯО двух остальных ядерных держав – Франции и Китая, наряду с механизмом депозитариев, в практику теперь вошли регулярные встречи представителей всех пяти ядерных держав для подготовки конференций по рассмотрению действия договора и их вспомогательных подготовительных органов.

Результаты работы конференции неядерных государств были рассмотрены на XXIII сессии Генассамблеи осенью 1968 г. на которой делегации Пакистана, Бразилии, Италии и некоторых других стран предприняли попытку создать специальный комитет Генассамблеи по наблюдению за выполнением решений конференции, что вызвало сопротивление советской, американской и ряда других делегаций. В итоге напряженных дискуссий было принято несколько резолюций, которые передавали решения конференции на рассмотрение различных организаций системы ООН включая МАГАТЭ (резолюции 2456A-D). Следующая, XXIV сессия Генассамблеи в 1969 г. приняла еще две резолюции в пользу осуществления решений конференции неядерных государств (резолюции 2605A и B), однако постепенно вопросы, рассматривавшиеся конференцией неядерных государств, перешли в русло рутинных дискуссий в различных международных органах, в частности в Комитете 18-ти и МАГАТЭ.

Уильям Эпстайн в своей книге "Последний шанс" называет конференцию неядерных государств "забытой" конференцией[44]. Хотя такие конференции больше не проводились, конференция 1968 г. оставила после себя определенный след с точки зрения как принятых ею резолюций, некоторые из которых нашли в дальнейшем отражение в решениях других международных органов (например, при выработке типового соглашения о

---

[42] *Шестов В.* Конференция неядерных стран // Междунар. жизнь. 1968. № 11. С. 39–42. (В. Шестов – псевдоним В.В. Шустова.)

[43] АВП РФ. Ф. 047, оп. 14, п. 143, д. 24, л. 115.

[44] *Epstein William.* Op. cit. P. 126–134.

гарантиях МАГАТЭ в связи с ДНЯО), так и в том смысле, что она помогла отдельным государствам и группам государств более отчетливо определить свое отношение к договору о нераспространении. Сформировался и стал функционировать институт депозитариев ДНЯО, который играл и продолжает играть активную роль в вовлечении в договор новых членов и в международных мероприятиях по повышению эффективности режима нераспространения. Промышленно развитые страны определеннее уяснили себе значение договора, его плюсы для себя (и, конечно, минусы). Практически все они спустя недолгое время присоединились к договору.

4. О НЕГАТИВНЫХ ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ НЕЯДЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ

В рассматриваемый нами период, завершившийся заключением ДНЯО, только две из ядерных держав – Китай и СССР объявили свои позиции по негативным гарантиям безопасности неядерных государств: КНР – о неприменении первым ядерного оружия и неприменении этого оружия ни при каких обстоятельствах против неядерных государств; Советский Союз – о неприменении его против неядерных государств, не имеющих ядерного оружия на своей территории ("формула Косыгина").

США и другие западные ядерные державы сформулировали свои позиции за пределами данного исторического периода. Впервые США сделали это в 1971 г. при ратификации Дополнительного протокола II к договору Тлателолко о создании в Латинской Америке зоны, свободной от атомного оружия, в соответствии с которым ядерные державы должны были взять на себя обязательства об уважении полностью безъядерного статуса зоны. Соединенные Штаты сделали при ратификации договора заявление о том, что вооруженное нападение договаривающейся стороны, при котором ей будет оказывать помощь государство, обладающее ядерным оружием, будет "несовместимо" с обязательствами такой стороны по договору Тлателолко. Иными словами, американцы обязались не применять ядерное оружие и не угрожать его применением только при условии, что участник договора не будет действовать совместно с ядерной державой. Эту оговорку США в дальнейшем распространили и на остальные неядерные страны.

Советский Союз, как отмечалось, продолжал придерживаться "формулы Косыгина" вплоть до распада Варшавского договора. В 1993 г. Россия приняла формулу негативных гарантий, сходную с американской. Подобной же позиции по гарантиям безопасности придерживаются Англия и Франция.

В 1995 г. в связи с конференцией по рассмотрению действия ДНЯО и его продлению все пять ядерных держав возобновили свои односторонние заявления о негативных гарантиях (тексты см. в Прил. 3).

Неядерные неприсоединившиеся страны все эти годы пытались в Женевском комитете по разоружению, на конференциях по рассмотрению действия ДНЯО, в ООН и на других международных форумах добиться принятия юридически обязывающих негативных гарантий безопасности в форме конвенции или договора, но пока безуспешно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непреходящее значение для России Договора о нераспространении ядерного оружия трудно переоценить. Он неизменно рассматривается всем официальным российским истеблишментом, политической элитой и политически активной частью населения как один из важнейших международно-правовых инструментов, самым непосредственным образом способствующих обеспечению интересов национальной безопасности Российской Федерации. Можно с полным основанием говорить об общероссийском консенсусе на этот счет.

Проведенное исследование показывает, что столь крупное достижение нашей дипломатии пришло непросто. После того, как американской атомной монополии наступил конец, и Советский Союз овладел атомным, а затем водородным оружием, он, равно как и многие другие государства, не сразу подошел к выводу о необходимости остановить дальнейшее распространение ядерного оружия. Однако уже с конца 50-х – начала 60-х годов ядерное нераспространение становится одним из приоритетных направлений советской внешней политики.

Чтобы добиться практической реализации этой задачи, советской дипломатии пришлось преодолеть немало препятствий и трудностей, стоявших на пути достижения советско-американского согласия по договору, который в полной мере отвечал бы нашим государственным интересам.

Сложная многоходовая борьба за обеспечение удовлетворительных для нашего государства условий договора, исключавших возможность допуска неядерных государств к контролю над ядерным оружием в любой форме и под любым предлогом, потребовала немалых усилий и значительного времени.

В Западной Европе (прежде всего в ФРГ), да и не только там отказ США от планов создания многосторонних ядерных сил НАТО в пользу ДНЯО на условиях, приемлемых для СССР, был воспринят многими едва ли не как советско-американский *fait accompli* и как установление своеобразного кондоминимума двух основных ядерных держав в ядерной области. Главным образом именно по этой причине Франция и Китай, избравшие путь независимого ядерного развития, отказались на том этапе от присоединения к договору, хотя он, казалось бы, должен был полностью отвечать интересам их национальной безопасности. Две последние державы присоединились к ДНЯО только в 90-х годах.

На этот "кондоминимум" Советский Союз и Соединенные Штаты пошли не сразу и под влиянием изменявшихся геостратегических обстоятельств, и прежде всего ввиду складывавшегося в 60-х годах советско-американского стратегического равно- и противостояния. Для многих в США предпочтительным вариантом был бы ДНЯО в сочетании с "европейским выбором" (т.е. с многосторонними ядерными силами или каким-либо другим механизмом приобщения к ядерному оружию ФРГ и других

неядерных стран НАТО). Но твердый курс Советского Союза на заключение договора на подлинно международной основе, что поддерживалось и большинством неядерных государств – как в Европе, так и в мире в целом, позволил выработать договор на равноправном фундаменте, во всяком случае в том, что касалось взаимоотношений между двумя ядерными державами. (Другое дело, что некоторые неядерные страны критиковали и продолжают критиковать ДНЯО за его "дискриминационный" характер в том, что касается отношений между ядерными и неядерными государствами.)

Решение США пойти на заключение договора отвечало американским интересам сохранения и проецирования своего влияния на мировой арене. На эту связь между нераспространением ядерного оружия и другими американскими интересами за пределами США обращал внимание, в частности, Уолт Ростоу, помощник президента США по национальной безопасности на последнем этапе администрации Джонсона. Ростоу писал, что за общими аргументами в пользу нераспространения стоят "более узкие американские интересы, редко озвучиваемые, а именно: появление дополнительных ядерных держав могло бы ослабить структуру коллективной безопасности некоммунистического мира в критических точках". Развивая эту мысль, он писал:

> "Если какое-нибудь государство, с которым Соединенные Штаты связаны обязательствами, встанет на путь производства ядерного оружия и утвердит свое независимое право применить его, то США столкнутся с серьезной дилеммой: либо избегать возможности втягивания их каким-либо другим государством в ядерную войну по его инициативе, либо выхолостить или взять обратно свои обязательства по обеспечению безопасности в тех частях мира, которые считаются жизненно важными с точки зрения американских интересов"[1].

Хотя такой более узкий, пронизанный сугубо прагматическим политическим содержанием подход к ядерному нераспространению ранее играл и сейчас продолжает играть немалую роль в американской внешней политике, все же в большинстве своем наиболее влиятельные политические силы США, как и в России, исходили и исходят из того, что международный режим нераспространения ядерного оружия – это оптимальное решение по самому большому счету, ибо предотвращение какого бы то ни было распространения ядерного оружия неизбежно уменьшает ядерную угрозу. Как выразился в ходе слушаний в конгрессе основной американский переговорщик по ДНЯО Фостер, предупреждая об опасностях распространения, "увеличение числа (ядерных государств. – *Авт.*) находится в прямой арифметической прогрессии"[2]. Макнамара в ходе тех же слушаний сказал, что "нашим (американским. – *Авт.*) национальным интересам будет нанесен ущерб при появлении **любой** (выделено мной. – *Авт.*) ядерной

---

[1] *Rostow Walt.* The Diffusion of Power. N.Y.: Macmillan, 1972. P. 379–380. Цит. по: *Clausen Peter.* Nonproliferation and the National Interest. P. 94.

[2] Nonproliferation of Nuclear Weapons, Hearings, Joint Committee on Atomic Energy, 89th Congr. 2nd sess. Feb. / Mar. 1966. P. 43.

державы ⟨...⟩. Я не думаю, имеет значение, будет это Швеция или Швейцария или какая-либо другая страна ⟨...⟩[3].

Однако верно и то, что со стороны не только некоторых представителей американских академических кругов (Кеннета Уолца, Джона Миершаймера и др.[4]), но и отдельных официальных должностных лиц США высказывались соображения в пользу поощрения распространения, в частности, в том, что касается, например, Японии и Индии. К их числу на определенном этапе принадлежал и Раск. Их довод был предельно прост: "Почему нашим друзьям не иметь ядерного оружия, в то время как наши враги его имеют?"[5]

Россия, за исключением, пожалуй, одного явного случая – атомного сотрудничества с Китаем в период 50-х годов, когда, руководствуясь идеями "пролетарского интернационализма", советское руководство пошло на оказание прямой помощи КНР в создании ядерного оружия, но затем довольно быстро спохватилось и эту помощь прекратило, последовательно проводила линию на ядерное нераспространение. Конечно, Китай так или иначе пришел бы самостоятельно к созданию ядерного оружия, но на это ему без иностранной помощи потребовалось, как считают специалисты, не менее 15 лет, что могло бы существенно повлиять на развитие геополитической обстановки не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в глобальном масштабе.

В дальнейшем – вначале главным образом под влиянием германского фактора, а именно опасения, что ФРГ может приобщиться тем или иным способом к ядерному оружию, – Советский Союз не только придерживался принципов нераспространения, но и последовательно проводил целенаправленную практическую политику в этой области, включая и активное участие, начиная с 1963–1964 гг., в разработке и постоянном усовершенствовании системы гарантий МАГАТЭ, а также в принятии для ДНЯО обязательных гарантий.

В этот период произошла радикальная эволюция подхода СССР/России к международному контролю, что позволило пойти на принятие далекоидущих контрольных мер для заключенных позднее договоров по сокращению стратегических вооружений, запрещению химического оружия и всеобъемлющему прекращению испытаний ядерного оружия.

Понимание того, что появление новых ядерных держав представляет для советского геополитического пространства особую опасность, разделялось практически всеми советскими руководящими кругами. Довольно

---

[3] Ibid. P. 89.

[4] Анализ их аргументации содержится в исследовании Т. Огильви-Уайт. См.: *Ogilvie-White Tanya*. Is There a Theory of Nuclear Proliferation? An Analysis of the Contemporary Debate // The Nonprolifer. Rev. Fall 1996. Vol. 4, N 1. P. 43–60.

[5] Раск сам признавался в своих мемуарах: "⟨...⟩ Откровенно говоря, я проявлял меньше энтузиазма относительно договора о нераспространении ядерного оружия, чем других мер контроля над вооружениями, не потому что это плохой договор, а потому что я просто не считал, что этот договор будет иметь большой смысл. В условиях, когда Китай развивает свой ядерный потенциал, я задавался вопросом, стоит ли странам, находящимся в китайской "тени", таким как Индия и Япония, брать на себя обязательство никогда не создавать ядерное оружие и следует ли им полагаться исключительно на американский ядерный зонтик" (*Rusk Dean*. As I Saw It. N.Y.: Penguin Books, 1990. P. 342).

рано было вполне ясно осознано, что, в отличие от Соединенных Штатов, отделенных от всего остального мира широкими водными пространствами, по всему периметру Советского Союза располагаются либо официальные, либо де-факто ядерные государства, либо высокоразвитые индустриальные страны, технологически способные в случае принятия политического решения быстро овладеть ядерным потенциалом.

Со стороны советско-промышленного комплекса уже после заключения ДНЯО, скорее не по военно-политическим, а по экономическим соображениям и формально в рамках международных обязательств СССР по нераспространению, временами делались попытки оказывать помощь некоторым неядерным странам в создании полного ядерного цикла. Например, в 70-х годах – Ливии, которая, располагая тогда крупными запасами нефте-долларов, стремилась создать полную ядерную инфраструктуру, включая сооружение тяжеловодного реактора на природном уране. Внутри советского руководства имели место разногласия (МИД возражал против этой чреватой большими опасностями сделки), но в конце концов разумный подход возобладал, да и ливийская казна с окончанием мирового нефтяного кризиса иссякла.

Согласование проекта договора о нераспространении между двумя основными ядерными державами, которые для этого поначалу двустороннего процесса имели никем не оспаривавшиеся основания и военно-политического, и юридического характера (будучи официальными сопредседателями Женевского комитета 18-ти государств по разоружению), и совместное продвижение этого проекта через многосторонние инстанции – Комитет 18-ти и Генеральную Ассамблею ООН, а также общие усилия по обеспечению в целом благоприятного для них исхода конференции неядерных государств 1968 г. заложили твердую базу для дальнейших согласованных действий обоих государств (а с вступлением ДНЯО в силу и Англии как третьей страны – депозитария договора) по укреплению режима ядерного нераспространения.

Основой этого с тех пор практически не прекращавшегося сотрудничества между обеими державами была неизменная общность стратегических интересов в целях недопущения появления новых ядерных государств и тем самым подрыва их международных позиций. Можно с полным основанием говорить, что это сотрудничество, зачастую даже доверительное, никогда не прекращалось – даже в самые острые периоды "холодной войны". Между обеми странами поддерживались регулярные контакты и постоянно проводились консультации – не только в качестве депозитариев совместно с Англией, но и на двусторонней основе. Бывали периоды (например, во время особо сильного обострения двусторонних отношений в начале 80-х годов), когда нераспространение было едва ли не единственной крупной международной проблемой, по которой имели место регулярные двусторонние контакты и консультации на достаточно высоком уровне[6].

---

[6] Как-то в начале 80-х годов, в период очередного кризиса между СССР и США, вызванного советским вторжением в Афганистан и планами размещения ракет СС-20, Громыко сказал, что нераспространение ядерного оружия – это "единственная шелковая нить", которая связывает обе державы.

Переговоры по ДНЯО и заключению договора в главных его положениях на условиях СССР и США (наиболее наглядно это видно по статьям I–III, VI и по тому, как была решена проблема гарантий безопасности неядерных государств) показали, что две ядерные "сверхдержавы" (если пользоваться уже отжившей терминологией) не были готовы поступиться своими прерогативами во имя достижения нераспространения на условиях, которые удовлетворяли все стороны – как государства, владеющие, так и не владеющие ядерным оружием. В этом неравноправии между ядерными и неядерными сторонами заключается противоречие, изначально заложенное в договоре и во всем режиме нераспространения. Большинство стран мира воспринимает это как неизбежную данность, но есть весьма влиятельные государства, которые не готовы и очевидно никогда с этим не смирятся. Причем, это относится не только к тем, кто не присоединился к договору, но и к некоторым его участникам. Поэтому, несмотря на общепризнанный факт достигнутого ограничения числа ядерных государств[7] и постоянно развивающиеся международные механизмы нераспространения (сам Договор о нераспространении ядерного оружия, МАГАТЭ, ГЯП[8], Комитет Цангера, РКРТ[9], Вассенарская договоренность и др.) и вовлечение в них все новых государств, нельзя не признать, что режиму нераспространения присуща определенная неустойчивость. Распространение ядерных технологий и ядерных материалов, знаний о принципах конструирования ядерных взрывных устройств давно уже стали и навсегда останутся неотъемлемой частью прогресса науки и техники, да и вообще поступательного развития человечества.

Окончание "холодной войны", прекращение ядерного противостояния между Россией и Соединенными Штатами не внесли и не могли внести коренного изменения в этот черед исторических событий. Превращение мира из двуполярного в многополярный также не может отменить эту непреложность, более того, может даже усилить побудительные мотивы к овладению ядерным оружием. Зримый сигнал в этом направлении – оформление Индии и Пакистана в качестве держав, располагающих ядерным и взрывными устройствами.

Сказанное диктует необходимость постоянных усилий по совершенствованию и усилению международной системы нераспространения ядерного оружия, но ясно и то, что радикального, окончательного решения это не даст и дать не может. Только одновременное принятие со стороны держав, обладающих ядерным оружием, притом обязательно **всех** таких держав, а не только России и США, адекватных ответных шагов навстречу неядерным государствам, которые вели бы к постепенному стиранию грани между теми, "кто имеет", и теми, "кто не имеет", может проложить путь к универсальному и, главное, реалистическому, а не виртуальному, ядерному нераспространению.

---

[7] По мнению многих аналитиков, если бы не ДНЯО, то число ядерных государств, принимая во внимание их технические и промышленные возможности, на сегодняшний день могло бы достичь 40–50.

[8] ГЯП – Группа ядерных поставщиков.

[9] РКРТ – Режим контроля за ракетными технологиями.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Государства, заключающие настоящий Договор, ниже именуемые "Участниками Договора",

учитывая опустошительные последствия, которые имела бы для всего человечества ядерная война, и вытекающую из этого необходимость приложить все усилия для предотвращения опасности возникновения такой войны и принять меры для обеспечения безопасности народов,

считая, что распространение ядерного оружия серьезно увеличило бы опасность ядерной войны,

в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, призывающими к заключению соглашения о предотвращении более широкого распространения ядерного оружия,

обязуясь сотрудничать в целях содействия применению гарантий Международного агентства по атомной энергии в отношении мирной ядерной деятельности,

выражая свою поддержку усилиям по исследованию, усовершенствованию и другим усилиям, направленным на содействие применению в рамках системы гарантий Международного агентства по атомной энергии принципа эффективных гарантий в отношении движения исходных и специальных расщепляющихся материалов посредством использования приборов и других технических способов в определенных ключевых местах,

подтверждая тот принцип, что блага мирного применения ядерной технологии, включая любые технологические побочные продукты, которые могут быть получены государствами, обладающими ядерным оружием, от развития ядерных взрывных устройств, должны быть доступны для мирных целей всем государствам – участникам Договора, как обладающим, так и не обладающим ядерным оружием,

будучи убежденными, что в осуществление этого принципа все участники настоящего Договора имеют право участвовать в возможно самом полном обмене научной информацией для дальнейшего развития применения атомной энергии в мирных целях и вносить в это развитие свой вклад по отдельности или в сотрудничестве с другими государствами,

заявляя о своем намерении по возможности скорее достигнуть прекращения гонки ядерных вооружений и принять эффективные меры в направлении ядерного разоружения,

настоятельно призывая к сотрудничеству всех государств в достижении этой цели,

напоминая о решимости, выраженной участниками Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г. в его преамбуле, стремиться достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия и продолжать переговоры с этой целью,

стремясь содействовать смягчению международной напряженности и укреплению доверия между государствами, с тем чтобы способствовать достижению прекращения производства ядерного оружия, уничтожению всех существующих его запасов и исключению ядерного оружия и средств его доставки из национальных арсеналов в соответствии с договором о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем,

напоминая, что в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций государства должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций, и что следует содействовать установлению и поддержанию международного мира и безопасности с наименьшим отвлечением мировых людских сил и экономических ресурсов для дела вооружения,

согласились о нижеследующем:

Статья I

Каждое из государств – участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; равно как и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами.

Статья II

Каждое из государств–участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, равно как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

Статья III

1. Каждое из государств – участников Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять гарантии, как они изложены в соглашении, о котором будут вестись переговоры и которое будет заключено с Международным агентством по атомной энергии в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии и системой гарантий Агентства, исключительно с целью проверки выполнения его обязательств, принятых в соответствии с настоящим Договором, с тем чтобы не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. Процедуры гарантий, требуемых настоящей статьей, осуществляются в отношении исходного или специального расщепляющегося

материала, независимо от того, производится ли он, обрабатывается или используется в любой основной ядерной установке или находится за пределами любой такой установки. Гарантии, требуемые настоящей статьей, применяются ко всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пределах территории такого государства, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было.

2. Каждое из государств – участников Договора обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный расщепляющийся материал не распространяются гарантии, требуемые настоящей статьей.

3. Гарантии, требуемые настоящей статьей, осуществляются таким образом, чтобы соответствовать статье IV настоящего Договора и избегать создания препятствий для экономического и технологического развития Участников Договора или международного сотрудничества в области мирной ядерной деятельности, включая международный обмен ядерным материалом и оборудованием для обработки, использования и производства ядерного материала в мирных целях в соответствии с положениями настоящей статьи и принципом применения гарантий, изложенным в преамбуле Договора.

4. Государства – участники Договора, не обладающие ядерным оружием, заключают соглашения с Международным агентством по атомной энергии с целью выполнения требований настоящей статьи либо в индивидуальном порядке, либо совместно с другими государствами в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии. Переговоры о таких соглашениях начинаются в течение 180 дней со времени первоначального вступления в силу настоящего Договора. Для государств, сдавших на хранение свои ратификационные грамоты или документы о присоединении по истечении периода в 180 дней, переговоры о таких соглашениях начинаются не позднее даты такой сдачи. Такие соглашения вступают в силу не позднее восемнадцати месяцев со дня начала переговоров.

Статья IV

1. Никакое положение настоящего Договора не следует толковать как затрагивающее неотъемлемое право всех Участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации и в соответствии со статьями I и II настоящего Договора.

2. Все Участники Договора обязуются способствовать возможно самому полному обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях и имеют право участвовать в таком обмене. Участники Договора, которые в состоянии делать это, также сотрудничают в деле содействия, по отдельности или совместно с другими государствами или международными организациями, дальнейшему развитию применения ядерной энергии в мирных целях, особенно на территориях государств – участников Договора, не обладающих ядерным оружием, с должным учетом нужд развивающихся районов мира.

Статья V

Каждый из Участников настоящего Договора обязуется принять соответствующие меры с целью обеспечения того, чтобы в соответствии с настоящим Договором, под соответствующим международным наблюдением и посредством соответствующих международных процедур потенциальные блага от любого мирного применения ядерных взрывов были доступны государствам – участникам настоящего Договора, не обладающим оружием, на недискриминационной основе, и чтобы стоимость используемых взрывных устройств для таких Участников Договора была такой низкой, как только это возможно, и не включала расходы по их исследованию и усовершенствованию. Государства – участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, будут в состоянии получать такие блага в соответствии со специальным международным соглашением или соглашениями через соответствующий международный орган, в котором должным образом представлены государства, не обладающие ядерным оружием. Переговоры по этому вопросу начнутся так скоро, как это возможно, после вступления в силу настоящего Договора. Государства – участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, которые пожелают этого, могут также получать такие блага в соответствии с двусторонними соглашениями.

Статья VI

Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем.

Статья VII

Никакое положение настоящего Договора не затрагивает право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях.

Статья VIII

1. Любой Участник настоящего Договора может предложить поправки к этому Договору. Текст любой предложенной поправки представляется правительствам-депозитариям, которые рассылают его всем Участникам Договора. Затем, если этого потребует одна треть или более Участников Договора, правительства-депозитарии созывают конференцию, на которую они приглашают всех Участников Договора для рассмотрения такой поправки.

2. Любая поправка к настоящему Договору должна быть утверждена большинством голосов всех Участников Договора, включая голоса всех государств-участников, обладающих ядерным оружием, и всех других Участников Договора, являющихся членами Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии на дату рассылки такой поправки. Поправка вступает в силу для каждого Участника Договора, сдающего свою грамоту о ратификации поправки, после сдачи на хранение таких ратификационных грамот большинством всех Участников Договора, включая ратификационные грамоты всех государств – участников настоящего Договора, обладающих

ядерным оружием, и всех других Участников Договора, являющихся членами Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии на дату рассылки этой поправки. Впоследствии она вступает в силу для любого другого Участника Договора после сдачи им на хранение своей грамоты о ратификации поправки.

3. Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) созывается конференция Участников Договора для рассмотрения того, как действует настоящий Договор, чтобы иметь уверенность в том, что цели, изложенные в преамбуле, и положения Договора осуществляются. Через каждые последующие пять лет большинство Участников Договора может, путем представления предложения с этой целью правительствам-депозитариям, добиться созыва дальнейших конференций с той же целью рассмотрения того, как действует Договор.

Статья IX

1. Настоящий Договор открыт для подписания его всеми государствами. Любое государство, которое не подпишет Договор до вступления его в силу в соответствии с пунктом 3 данной статьи, может присоединиться к нему в любое время.

2. Настоящий Договор подлежит ратификации государствами, подписавшими его. Ратификационные грамоты и документы о присоединении сдаются на хранение правительствам Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Соединенных Штатов Америки, которые настоящим назначаются в качестве правительств-депозитариев.

3. Настоящий Договор вступает в силу после его ратификации государствами, правительства которых назначены в качестве депозитариев Договора, и 40 другими подписавшими настоящий Договор государствами и сдачи ими на хранение ратификационных грамот. Для целей настоящего Договора государством, обладающим ядерным оружием, является государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 года.

4. Для государств, ратификационные грамоты или документы о присоединении которых будут сданы на хранение после вступления в силу настоящего Договора, он вступает в силу в день сдачи на хранение их ратификационных грамот или документов о присоединении.

5. Правительства-депозитарии незамедлительно уведомляют все подписавшие и присоединившиеся к настоящему Договору государства о дате каждого подписания, дате сдачи на хранение каждой ратификационной грамоты или документа о присоединении, дате вступления в силу настоящего Договора, дате получения любых требований о созыве конференции, а также о других уведомлениях.

6. Настоящий Договор должен быть зарегистрирован правительствами-депозитариями в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций.

Статья X

1. Каждый Участник настоящего Договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком

выходе он уведомляет за три месяца всех Участников Договора и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы.

2. Через двадцать пять лет после вступления Договора в силу созывается конференция для того, чтобы решить, должен ли Договор продолжать оставаться в силе бессрочно или действие Договора должно быть продлено на дополнительный определенный период или периоды времени. Это решение принимается большинством Участников Договора.

Статья XI

Настоящий Договор, русский, английский, французский, испанский и китайский тексты которого являются равно аутентичными, сдается на хранение в архивы правительств-депозитариев. Должным образом заверенные копии настоящего Договора препровождаются правительствами-депозитариями правительствам государств, подписавших Договор и присоединившимся к нему.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Договор.

Совершено в трех экземплярах, в городах Москве, Вашингтоне и Лондоне, июля месяца I дня тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года.

УЧАСТНИКИ ДОГОВОРА О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

(по состоянию на 1 января 1999 г.)

Государство	Дата подписания	Дата сдачи ратификационной грамоты	Дата присоединения
Австралия	27.02.70	23.01.73	
Австрия	01.07.68	27.06.69	
Азербайджан			22.09.92
Албания			12.09.90
Алжир			12.01.95
Ангола			14.10.96
Андорра			07.06.96
Антигуа и Барбуда			17.06.85
Аргентина			10.02.95
Армения			15.08.93
Афганистан	01.07.68	04.02.70	
Багамские О-ва			11.08.76
Бангладеш			31.08.79
Барбадос	01.07.68	21.02.80	
Бахрейн			03.11.88
Белиз			09.08.85
Белоруссия			22.07.93
Бельгия	20.08.68	02.05.75	
Бенин	01.07.68	31.10.72	
Болгария	01.07.68	05.09.69	
Боливия	01.07.68	26.05.70	
Босния и Герцеговина			15.08.94
Ботсвана	01.07.68	28.04.69	
Бразилия			18.09.98
Бруней–Даруссалам			26.03.85
Буркина-Фасо	25.11.68	03.03.70	
Бурунди			19.03.71
Бутан			23.05.85
Вануату			26.08.95
Ватикан			25.02.71
Венгрия	01.07.68	27.05.69	
Венесуэла	01.07.68	25.09.75	
Вьетнам			14.06.82
Габон			19.02.74
Гаити	01.07.68	02.06.70	
Гайана			19.10.93

Государство	Дата подписания	Дата сдачи ратификационной грамоты	Дата присоединения
Гамбия	04.09.68	12.05.72	
Гана	01.07.68	04.05.70	
Гватемала	26.07.68	22.09.70	
Гвинея			29.04.85
Гвинея-Биссау			20.08.76
Германия	28.11.69	02.05.75	
Гондурас	01.07.68	16.05.73	
Гренада			02.09.75
Греция	01.07.68	11.03.70	
Грузия			07.03.94
Дания	01.07.68	03.01.69	
Демократическая Республика Конго	22.07.68	04.08.70	
Джибути			16.10.96
Доминика			10.08.84
Доминиканская Республика	01.07.68	24.07.71	
Египет	01.07.68	26.02.81	
Замбия			15.05.91
Зимбабве			26.09.91
Индонезия	02.03.70	12.07.79	
Иордания	10.07.68	11.02.70	
Ирак	01.07.68	29.10.69	
Иран	01.07.68	02.02.70	
Ирландия	01.07.68	01.07.68	
Исландия	01.07.68	18.07.69	
Испания			05.11.87
Италия	28.01.69	02.05.75	
Йемен	23.09.68	14.05.86	
Кабо-Верде			24.10.79
Казахстан			14.02.94
Камбоджа			02.06.72
Камерун	17.07.68	08.01.69	
Канада	23.07.68	08.01.69	
Катар			03.04.89
Кения	01.07.68	11.06.70	
Кипр	01.07.68	10.02.70	
Киргизия			05.07.94
Кирибати			18.04.85
Китай			09.03.92
КНДР			12.12.85
Колумбия	01.07.68	08.04.86	
Коморские О-ва			04.10.95
Коста-Рика	01.07.68	03.03.70	

Государство	Дата подписания	Дата сдачи ратификационной грамоты	Дата присоединения
Конго			23.10.78
Кот-д'Ивуар	01.07.68	06.03.73	
Кувейт	15.08.68	17.11.89	
Лаос	01.07.68	20.02.70	
Латвия			31.01.92
Лесото	09.07.68	20.05.70	
Либерия	01.07.68	05.03.70	
Ливан	01.07.68	15.07.70	
Ливия	18.07.68	26.05.75	
Литва			23.09.91
Лихтенштейн			20.04.78
Люксембург	14.08.68	02.05.75	
Маврикий	01.07.68	08.04.69	
Мавритания			26.10.93
Мадагаскар	22.08.68	08.10.70	
Македония (бывш. Югосл. Республика)			12.04.95
Малави			18.02.86
Малайзия	01.07.68	05.03.70	
Мали	14.07.69	10.02.70	
Мальдивские О-ва	11.09.68	07.04.70	
Мальта	17.04.69	06.02.70	
Марокко	01.07.68	27.11.70	
Маршалловы О-ва			30.01.95
Мексика	26.07.68	21.01.69	
Микронезия (Федерат. Штаты)			14.04.95
Молдавия			11.10.94
Мозамбик			04.09.90
Монако			13.03.95
Монголия	01.07.68	14.05.69	
Мьянма			02.12.92
Намибия			02.10.92
Науру			07.06.82
Непал	01.07.68	05.01.70	
Нигер			09.10.92
Нигерия	01.07.68	27.09.68	
Нидерланды	20.08.68	02.05.75	
Никарагуа	01.07.68	06.03.73	
Новая Зеландия	01.07.68	10.09.69	
Норвегия	01.07.68	05.02.69	
Объединенные Арабские Эмираты			26.09.95
Оман			23.01.97

Государство	Дата подписания	Дата сдачи ратификационной грамоты	Дата присоединения
Палау			12.04.95
Панама	01.07.68	13.01.77	
Папуа–Новая Гвинея			13.01.82
Парагвай	01.07.68	04.02.70	
Перу	01.07.68	03.03.70	
Польша	01.07.68	12.06.69	
Португалия			15.12.77
Республика Корея	01.07.68	23.04.75	
Российская Федерация	01.07.68	05.03.70	
Руанда			20.05.75
Румыния	01.07.68	04.02.70	
Сальвадор	01.07.68	11.07.72	
Самоа			17.03.75
Сан-Марино	01.07.68	10.08.70	
Сан-Томе и Принсипи			20.07.83
Саудовская Аравия			03.10.88
Сейшельские О-ва			12.03.85
Сенегал	01.07.68	17.12.70	
Сент-Винсент и Гренадины			06.11.84
Сент-Китс и Невис			22.03.93
Сент-Лусия			28.12.79
Сингапур	05.02.70	10.03.76	
Сирия	01.07.68	24.09.69	
Словакия			01.01.93
Словения			07.04.92
Соединенное Королевство	01.07.68	27.11.68	
Соединенные Штаты Америки	01.07.68	05.03.70	
Соломоновы О-ва			17.06.81
Сомали	01.07.68	05.03.70	
Судан	24.12.68	31.10.73	
Суринам			30.06.76
Свазиленд	24.06.69	11.12.69	
Сьерра-Леоне			26.02.75
Таджикистан			17.01.95
Таиланд			02.12.72
Танзания			31.05.91
Того	01.07.68	26.02.70	
Тонга			07.07.71
Тринидад и Тобаго	20.08.68	30.10.86	
Тувалу			19.01.79
Тунис	01.07.68	26.02.70	

Государство	Дата подписания	Дата сдачи ратификационной грамоты	Дата присоединения
Туркменистан			29.09.94
Турция	28.01.69	17.04.80	
Уганда			20.10.82
Узбекистан			02.05.92
Украина			05.12.94
Уругвай	01.07.68	31.08.70	
Фиджи			14.07.72
Филиппины	01.07.68	05.10.72	
Финляндия	01.07.68	05.02.69	
Франция			03.08.92
Хорватия			29.06.92
Центрально-африканская Республика			25.10.70
Чад	01.07.68	10.03.71	
Чешская Республика	01.07.68	22.07.69	01.01.93
Чили			25.05.95
Швейцария	27.11.69	09.03.77	
Швеция	19.08.68	09.01.70	
Шри Ланка	01.07.68	05.03.79	
Эквадор	09.07.68	07.03.69	
Экваториальная Гвинея			01.11.84
Эритрея			03.03.95
Эстония			07.01.92
Эфиопия	05.09.68	05.02.70	
Югославия	10.07.68	04.03.70	
Южная Африка			10.07.91
Ямайка	14.04.69	05.03.70	
Япония	03.02.70	08.06.76	

Общее число государств-участников ДНЯО: 187*.

* Кроме того, Тайвань, признаваемый Россией, как и большинством государств мира, в качестве неотъемлемой части КНР, подписал ДНЯО 01.07.68 г. и сдал ратификационную грамоту 27.01.70 г. МАГАТЭ применяет гарантии в соответствии с соглашениями (INFCIRC/133 и INFCIRC/158) к ядерным установкам на Тайване (Китай) при этом отношения между Агентством и органами власти на Тайване носят неправительственный характер и осуществляются на этой основе (Док. МАГАТЭ GC(41)/8).

ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ НЕЯДЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ

Резолюция Совета Безопасности 255 (1968)

Совет Безопасности,

высоко оценивая желание большого числа государств подписать Договор о нераспространении ядерного оружия и, таким образом, взять на себя обязательство не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно, не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, равно как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств,

принимая во внимание заинтересованность некоторых из таких государств в том, чтобы одновременно с их присоединением к Договору о нераспространении ядерного оружия были предприняты соответствующие меры по обеспечению их безопасности,

имея в виду, что любая агрессия с применением ядерного оружия поставила бы под угрозу мир и безопасность всех государств,

1) **признает**, что агрессия с применением ядерного оружия или угроза такой агрессии против государства, не обладающего ядерным оружием, создала бы обстановку, в которой Совет Безопасности и прежде всего его постоянные члены, обладающие ядерным оружием, должны были бы немедленно действовать в соответствии с их обязательствами по Уставу Организации Объединенных Наций;

2) **приветствует** намерение, выраженное некоторыми государствами, в отношении того, что они обеспечат или поддержат оказание немедленной помощи в соответствии с Уставом ООН любому не обладающему ядерным оружием государству – участнику Договора о нераспространении ядерного оружия, которое является жертвой акта или объектом угрозы агрессии с применением ядерного оружия;

3) **вновь подтверждает**, в частности, неотъемлемое право, признаваемое статьей 51 Устава ООН, на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на государство – члена Организации Объединенных Наций, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности.

Резолюция Совета Безопасности 984 (1995)

Совет Безопасности,

будучи убежден в том, что должны быть приложены все усилия с целью избежать и предупредить опасность ядерной войны, предотвратить распространение ядерного оружия, содействовать международному сотрудничеству в деле использования ядерной энергии в мирных целях с особым

упором на потребности развивающихся стран, и подтверждая решающее значение Договора о нераспространении ядерного оружия для таких усилий,

признавая законное стремление не обладающих ядерным оружием государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия получить гарантии безопасности,

приветствуя тот факт, что более 170 государств стали участниками Договора о нераспространении ядерного оружия, и отмечая желательность всеобщего присоединения к нему,

вновь подтверждая необходимость того, чтобы все государства – участники Договора о нераспространении ядерного оружия в полном объеме выполняли все свои обязательства,

принимая во внимание законную заинтересованность не обладающих ядерным оружием государств в том, чтобы одновременно с их присоединением к Договору о нераспространении ядерного оружия были предприняты дополнительные соответствующие меры по обеспечению их безопасности,

считая, что настоящая резолюция является шагом в этом направлении,

считая далее, что согласно соответствующим положениям Устава Организации Объединенных Наций любая агрессия, связанная с применением ядерного оружия, поставила бы под угрозу международный мир и безопасность,

1) **с удовлетворением принимает к сведению** заявления, сделанные каждым из государств, обладающих ядерным оружием (S/1995/261, S/1995/262, S/1995/263, S/1995/264, S/1995/265), в которых они предоставили не обладающим ядерным оружием государствам – участникам Договора о нераспространении ядерного оружия гарантии безопасности против применения ядерного оружия;

2) **признает** законное стремление не обладающих ядерным оружием государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия получить гарантии того, что Совет Безопасности, и прежде всего государства – его постоянные члены, обладающие ядерным оружием, предпримут немедленные шаги согласно соответствующим положениям Устава Организации Объединенных Наций в случае, если такие государства станут жертвой акта агрессии или объектом угрозы агрессии с применением ядерного оружия;

3) **признает далее,** что в случае агрессии с применением ядерного оружия или угрозы такой агрессии против не обладающего ядерным оружием государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия любое государство может немедленно довести данный вопрос до сведения Совета Безопасности, с тем чтобы Совет мог принять срочные меры для оказания помощи в соответствии с Уставом государству, которое является жертвой акта агрессии или объектом угрозы такой агрессии; и **признает также,** что государства – постоянные члены Совета Безопасности, обладающие ядерным оружием, немедленно доведут данный вопрос до сведения Совета и будут побуждать Совет принять меры для оказания, в соответствии с Уставом, необходимой помощи государству, ставшему жертвой агрессии;

4) **принимает к сведению** имеющиеся в его распоряжении способы оказания помощи такому не обладающему ядерным оружием государству – участнику Договора о нераспространении ядерного оружия, включая расследование ситуации и надлежащие меры, направленные на урегулирование спора и восстановление международного мира и безопасности;

5) **призывает** государства-участники, индивидуально или коллективно, в случае, если любое не обладающее ядерным оружием государство – участник Договора о нераспространении ядерного оружия явится жертвой акта агрессии с применением ядерного оружия, принять надлежащие меры в ответ на просьбу жертвы агрессии об оказании ей помощи технического, медицинского, научного или гуманитарного характера, и вновь заявляет о своей готовности рассмотреть необходимые в этой связи меры в случае такого акта агрессии;

6) **выражает** свое намерение рекомендовать надлежащие процедуры в ответ на какие-либо запросы со стороны не обладающего ядерным оружием государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия, ставшего жертвой такого акта агрессии, в отношении компенсации в соответствии с международным правом со стороны агрессора потерь, разрушений или другого ущерба, понесенного в результате агрессии;

7) **приветствует** намерение, выраженное некоторыми государствами, в отношении того, что они обеспечат или поддержат оказание немедленной помощи в соответствии с Уставом любому не обладающему ядерным оружием государству – участнику Договора о нераспространении ядерного оружия, которое является жертвой акта агрессии или объектом угрозы агрессии с применением ядерного оружия;

8) **настоятельно призывает** все государства, как это предусмотрено в статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия, в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах, касающихся ядерного разоружения, и о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем, что остается всеобщей целью;

9) **вновь подтверждает** неотъемлемое право, признаваемое статьей 51 Устава, на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации Объединенных Наций, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности.

10) **подчеркивает**, что вопросы, поднятые в настоящей резолюции, постоянно находятся в поле зрения Совета.

Заявление МИД Российской Федерации 5 апреля 1995 г.

(Док. ООН S/1995/261)

Российская Федерация не применит ядерное оружие против государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Российскую Федерацию, ее территорию, ее вооруженные силы или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательство в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием.

Из заявления Уоррена Кристофера, государственного секретаря США, от 5 апреля 1995 г. в связи с декларацией президента о гарантиях безопасности для не обладающих ядерным оружием государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия

(Док. ООН S/1995/263)

Соединенные Штаты Америки вновь подтверждают, что они не применят ядерное оружие против не обладающих ядерным оружием государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Соединенные Штаты Америки, их территории, их вооруженные силы или другие войска, их союзников или на государство, по отношению к которому они имеют обязательство по обеспечению безопасности, осуществляемого или поддерживаемого таким не обладающим ядерным оружием государством совместно или в союзе с государством, обладающим ядерным оружием.

Из заявления Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о гарантиях безопасности, сделанного постоянным представителем Соединенного Королевства при Конференции по разоружению Майклом Уэстоном 6 апреля 1995 г.

(Док. ООН S/1995/262)

Соединенное Королевство не применит ядерное оружие против государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Соединенное Королевство, его зависимые территории, его вооруженные силы или другие войска, его союзников или на государство, с которым оно имеет обязательство в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием.

Из выступления Постоянного представителя Франции на Конференции по разоружению 6 апреля 1995 г. по вопросу о гарантиях безопасности государствам, не обладающим ядерным оружием

(Док. ООН S/1995/264)

[О]на (Франция) подтверждает (уточняя их) негативные гарантии безопасности, данные ею в 1982 году, а именно:

"Франция подтверждает, что не применит ядерное оружие против государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Францию, ее территорию, ее вооруженные силы или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязатель-

ство в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием".

Из заявления Китайской Народной Республики от 5 апреля 1995 г. о гарантиях безопасности

(Док ООН S/1995/265)

1. Китай берет на себя обязательство никогда и ни при каких обстоятельствах не применять первым ядерное оружие.

2. Китай берет на себя обязательство никогда и ни при каких обстоятельствах не применять ядерное оружие и не угрожать его применением против государств, не обладающих ядерным оружием, или зон, свободных от ядерного оружия. Это обязательство, естественно, применимо к не обладающим ядерным оружием государствам – участникам Договора о нераспространении ядерного оружия или к не обладающим ядерным оружием государствам, которые взяли на себя какие-либо сопоставимые обязательства, имеющие обязательную силу в международном масштабе, не производить или не приобретать ядерные взрывные устройства.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

АВП РФ	–	Архив внешней политики Российской Федерации. М.
АП РФ	–	Архив Президента Российской Федерации. М.
РЦХИДНИ	–	Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. М.
ЦХСД	–	Центр хранения современной документации. М.
HIA	–	Hoover Institution Archives. Palo Alto. (CA):
LBJ Library	–	Lyndon Baines Johnson Library. Austin (Tex.).
NSA	–	National Security Archive. Wash. (D.C.).
U.S. NARA	–	U.S. National Archives and Records Administration. Archives II. College Park (MD.).
Архив МАГАТЭ	–	Архив Международного агентства по атомной энергии. Вена.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Сборник основных документов МИД СССР	–	Сборник основных документов по вопросу о разоружении. В 30-ти т. (1945–1988). М.: изд-е МИД СССР.
Сборник предложений СССР, УССР и БССР	–	Сборник предложений СССР, УССР и БССР, вносившихся в ООН в 1946–1950 гг. М.: изд-е МИД СССР, 1952.
СССР за разоружение	–	Советский Союз в борьбе за разоружение. Сб. док. / МИД СССР. М.: Политиздат, 1977.
Ядерное нераспространение	–	Нераспространение ядерного оружия. Сб. док. / Ассоциация содействия нераспространению. М.: Междунар. отношения, 1993.
Док. ООН	–	Официальные документы Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк.
Док. МАГАТЭ	–	Официальные документы Международного агентства по атомной энергии. Вена.
Doc. ENDC	–	Официальные документы Комитета 18-ти государств по разоружению. Женева.
U.S. ACDA	–	Arms Control and Disarmament Agreements. Texts and Histories of Negotiations. US ACDA. Wash. (D.C.): U.S. Gov. Print. Office, 1990. Edition.
Documents on Disarmament	–	Documents on Disarmament. Department of State and Arms Control and Disarmament Agency. 1945–1968. Wash. (D.C.): U.S. Gov. Print. Office.
FRUS	–	Foreign Relations of the United States. Arms Control and Disarmament. Vol. VII (1961–1963), Vol. XI (1964–1968). Wash. (D.C.): U.S. Gov. Print. Office.

PPNN Briefing Book – Briefing Book. Vol. II. Treaties, Agreements and Other Relevant Documents (3-rd Ed.). Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation (PPNN). Southampton (UK), 1995.

ЛИТЕРАТУРА

Арбатова Н.К. Внешняя политика Италии. Процесс формирования и осуществления. М.: Наука, 1984.

Архангельский И.А., Ермаков С.В., Толченков Д.Л., Хлебников Н.Н. Система международного контроля за мирным использованием атомной энергии. М.: Энергоатомиздат, 1986.

Атом и мир. Договор о нераспространении ядерного оружия и Международное агентство по атомной энергии. М.: Междунар. отношения, 1974.

Атомная наука и техника в СССР / Под ред. И.Д. Морохова и др. М.: Атомиздат, 1977.

Атом – только мирный / Под ред. А.М. Петросьянца. М.: Наука, 1985.

Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Междунар. отношения, 1992.

Бабаев Н.С., Адамов Е.О., Рыжов М.Н., Соболев И.А. МАГАТЭ. М.: Грин Лон, 1997.

Банн Джордж, Тимербаев Роланд. Режим нераспространения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам. Науч. зап. Центра полит. исслед. в России (Центра ПИР), № 1. М., 1996.

Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М.: Рос. унив.изд-во, 1995.

Богданов О.В. Договор, который нужен людям. Договор о нераспространении ядерного оружия и международно-правовые проблемы ядерного разоружения. М.: Междунар. отношения, 1968.

Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 гг. / Под ред. В.А. Зорина. М.: Изд-е Ин-та междунар. отношений, 1961.

Военная стратегия / Под ред. В.Д. Соколовского 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1963.

Громыко А.А. Памятное. М.: Политиздат, 1988. Кн. 1, 2.

Громыко Анатолий. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля: Воспоминания и размышления сына. М.: Автор., 1997.

Губарев В. Ядерный век. Бомба. М.: ИздАТ, 1995.

Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. М.: Наука, 1980.

Давыдов В.Ф. Россия и США: проблемы взаимодействия в укреплении режима нераспространения ядерного оружия. М.: ИСКАН РАН, 1997.

Емельянов В.С. Проблемы нераспространения ядерного оружия. М.: Наука, 1981.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. М.: АПН, 1974.

Ийрыш А.И. Ядерный джин. М.: ИздАТ, 1994.

История советского атомного проекта: Документы, воспоминания и исследования / Под ред. В.П. Визгина. М.: Янус-К, 1998. Вып. 1.

Калядин А.Н. Проблемы запрещения испытаний и распространения ядерного оружия. М.: Наука, 1976.

Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М.: Книга и бизнес, 1996.

Капица П.Л. Письма о науке. М.: Моск. рабочий, 1989.

Капица П.Л. О науке и власти. М.: Правда, 1990.

Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Междунар. отношения, 1994.

Кортунов С.В. Контроль за вооружениями и интересы России. М.: Моск. обществ. науч. ф., 1997.

Кохрэн Томас Б., Норрис Роберт С., Бухарин О.А. Создание русской бомбы. От Сталина до Ельцина. Боулдер: Сан-Франциско: Оксфорд: Вествью Пресс, 1995. Русск. пер., 1995.

К переговорам между правительством СССР и правительством США по атомной проблеме. М.: Госполитиздат, 1954.

Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М.: ЦНИИатоминформ, 1995.

Ларин В. Международное агентство по атомной энергии. М.: Госюриздат, 1957.

Люди "Объекта". Саров; Москва: ИНФО, Человек К°, 1996.

Малинин С., Онушкин В. Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. М., 1961.

Малинин С.А. Мирное использование атомной энергии. Международно-правовые вопросы. М.: Междунар. отношения, 1971.

Мальков В.Л. "Манхэттенский проект". Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995.

Митяев В.Г. Ядерная политика США в НАТО. М.: Междунар. отношения, 1973.

Мишарин В.Н. Мирное использование атомной энергии. Правовые вопросы. М.: Междунар. отношения, 1986.

Наука и общество. История советского атомного проекта (40–50-е годы). Труды международного симпозиума, Дубна, 14–18 мая 1996. М.: ИздАТ, 1997. Т. 1.

Николаев Н. Атомная ставка Бонна. Ракетно-ядерное оружие в планах Западной Германии. М.: Междунар. отношения, 1969.

Огарков Н.В. История учит бдительности. М.: Воениздат, 1985.

Орлов В.А. Перспективы международного режима нераспространения ядерного оружия во второй половине 90-х годов и Конференция 1995 года по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. (Канд. дис.). М., 1997.

Петр Леонидович Капица. Воспоминания, письма, документы. М.: Наука, 1994.

Последствия возможного применения ядерного оружия, а также последствия приобретения и дальнейшего развития ядерного оружия для безопасности и экономики государств. Док. Ген. секретаря, препровождающий исслед. его консульт. группы / ООН. Нью-Йорк, 1968 (Док. ООН А/6858).

Радзинский Эдвард. Сталин. М.: Вагриус, 1997.

Рощин А.А. Дома и за рубежом: (Неопубл. рук. восп.)

Рощин А.А. Международная безопасность и ядерное оружие. М.: Междунар. отношения, 1980.

Сахаров А.Д. Воспоминания. В 2-х т. М.: Права человека, 1996.

Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления. Л.: Сов. писатель, 1990.

Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945–1985). Новое прочтение. М.: Междунар. отношения, 1995.

Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... / Рук. авт. кол. Е.А. Негин. Нижний Новгород, Арзамас-16, 1995.

Создание первой советской ядерной бомбы / Гл. ред. В.Н. Михайлов, зам. гл. ред. А.М. Петросьянц. М.: Энергоатомиздат, 1995.

Стратегическое ядерное вооружение России / Под ред. П.Л. Подвига. М.: ИздАТ, 1998.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996.

Тимербаев Р.М. Контроль за ограничением вооружений и разоружением. М.: Междунар. отношения, 1983.

Тимербаев Р.М. Мирный атом на международной арене. М.: Междунар. отношения, 1969.

Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997.

Трухановский В.Г., Капитонова Н.К. Советско-английские отношения. 1945–1978. М.: Междунар. отношения, 1979.

Феклисов Александр. За океаном и на острове. Записки разведчика. М.: ДЭМ, 1994.

Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М.: Междунар. отношения, 1993.

Хрущев Н.С. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопр. истории. 1990–1995.

Хрущев Сергей. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. В 2-х т. М.: Новости, 1994.

Ядерная энциклопедия / Благотворит. ф. Ярошинской. М., 1996.

Ядерные испытания СССР / Под ред. В.Н. Михайлова. М.: ИздАТ, 1997.

Ядерный фактор в современном мире / Ред. В.И. Кривохижа. М.: РИСИ, 1996.

Acheson Dean. Present at the Creation. My Years at the State Department. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1969.

Albright David, Berkhout Frans, Walker William. Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996 World Inventories, Capabilities and Policies / SIPRI. Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, 1997.

Barnaby Frank. How Nulcear Weapons Spread. Nuclear-Weapon Proliferation in the 1990s. Routledge; L.; N. Y., 1993.

Bechhoeffer Bernhard G. Postwar Negotiations for Arms Control / The Brookings Institution. Wash. (D.C.), 1961.

Beckman Robert L. Nuclear Non-Proliferation. Congress and the Control of Peaceful Nuclear Activities. Boulder (CO): L.: Westview Press, 1985.

Berezhkov Valentin. At Stalin's Side. His Interpreter's Memoirs from the October Revolution to the Fall of the Dictator's Empire. N.Y.: A Birch Lane Press Book. 1994.

Berezhkov Valentin. Origins of the Cold War: Lessons for Future U.S. – Russian Relations. Occasional Paper N 4 / Monterey Institute of International Studies. Monterey (CA), 1994.

Bernstein Jeremy. Hans Bethe, Prophet of Energy. N.Y.: Basic Books, Inc., 1992.

Botti Timothy J. Ace in the Hole. Why the United States Did Not Use Nuclear Weapons in the Cold War, 1945–1965. Westport. (CT); L. Greenwood Press, 1996.

Bundy McGeorge. Danger and Survival. N.Y.: Random House, 1988.

Bunn George. Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians. Stanford: Stanf. Univ. Press, 1992.

Bunn George, Timerbaev Roland. Nuclear Disarmament: How Much Have the Five Nuclear Powers Promised in the Non-Proliferation Treaty? // At the Nuclear Crossroads /

Eds. Rhinelander John A., Scheinman Adam M. Lanham (MD).: Univ. Press of America, Inc. 1995.

Bunn George, Timerbaev Roland. Nuclear Verification Under The NPT: What Should It Cover – How Far It May Go? PPNN Study Five / The Mountbatten Centre for Intern. Studies, Univ. of Southampton, England, 1994.

Bunn George, Van Doren Charles, Fischer David. Options & Opportunities: The NPT Extension Conference of 1995. PPNN Study Two / The Mountbatten Centre for Intern. Studies, Univ. of Southampton. England, 1991.

Cassidy David C. Uncertainty. The Life and Science of Werner Heisenberg. N.Y.: W.H. Freeman and Co., 1992.

Chace James. After Hiroshima. Sharing the Atom Bomb // Foreign Affairs. 1996. Jan./Feb. Vol. 75, N 1.

Clausen Peter A. Nonproliferation and the National Interest. America's Response to the Spread of Nuclear Weapons. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1993.

Cohen Avner. Stumbling into Opacity: The United States, Israel, and the Atom, 1960–63. Security Studies. 1994. Vol. 4. N 2. Winter. L.: Frank Cass, 1994.

Dewitt David B. (Ed.) Nuclear Non-Proliferation and Global Security. L.; Sydney: Croom Helm, 1987.

Djilas Milovan. Conversations with Stalin. N.Y.: Harcourt, Brace and World, Inc., 1962.

Dobrynin Anatoly. In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. Times Books. N.Y.: Random House. 1995.

Drell Sidney D. In the Shadow of the Bomb. Physics and Arms Control. N.Y.: The American Institute of Physics. N.Y., 1993.

Dunn Lewis A. Controlling the Bomb. Nuclear Proliferation in the 1980s. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1982.

Epstein William. The Last Chance. Nuclear Proliferation and Arms Control. N.Y.: The Free Press, 1976.

Feldman Shai. Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1997.

Fischer David. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna: IAEA, 1997.

Fischer David. Towards 1995: The Prospects for Ending the Proliferation of Nuclear Weapons. Dartmouth (UK): UNIDIR. 1993.

Fischer David, Szasz Paul. Safeguarding the Atom: A Critical Appraisal / Ed. by J. Goldblat. SIPRI Publication. L.; Philadelphia: Taylor & Francis. 1985.

Forland Astrid. Hope over Fear. The Establishment of the International Atomic Energy Agency. Forsvarsstudier 3/1995. Oslo: Institutt for Forsvarsstudier, 1995.

La France et l'Atome. Etudes d'histoire nucleare. Sous la direction de Maurice Vaisse. Bruxelles: Bruylant, 1994.

The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. Committee on International Security and Arms Control / Nat. Acad. of Sciences. Wash. (D.C.): Nat. Acad. Press. 1997.

Geyelin Philip. Lyndon B. Johnson and the World, N.Y.: Frederick A. Praeger. 1966.

Goldblat Jozef (Ed.). Non-Proliferation: The Why and the Wherefore. SIPRI Publication. L.; Philadelphia: Taylor & Francis, 1985.

Goldblat Jozef. Arms Control. A Guide to Negotiations and Agreements / PRIO. International Peace Research Institute, Oslo; L.: Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1994.

Johnson Lyndon Baines. The Vantage Point. Perspectives of the Presidency. N.Y.: Holt, Rinehhart and Winston, 1971.

Hearings on Nonproliferation of Nuclear Weapons, U.S. Congress, Senate, Committee on Foreign Relations, 90th Congr., 2nd Sess. July. 1968.

Hershberg James G. James B. Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. N.Y.: Knopf, 1993.

Hewlett Richard, Anderson, Jr. Oscar. A History of the United States Atomic Energy Commission. Vol. 1: The New World, 1939–1946. University Park: Pennsylv. State Univ. Press. 1962.

Holloway David. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1994.

International Atomic Energy Agency. Personal Reflections. Vienna: IAEA, 1997.

International Nuclear Trade and Nonproliferation. The Challenge of the Emerging Suppliers / Ed. by William Potter. Lexington (MA): Lexington Books, 1990.

Jones Rodney W., McDonough Mark G. with Dalton Toby F. and Koblentz Gregory D. Tracking Nuclear Proliferation. A Guide in Maps and Charts, 1998. Wash. (D.C.): A Carnegie Endowment Book, 1998.

Kelleher Catherine. Germany & the Politics of Nuclear Weapons, N.Y.; L.: Columbia Univ. Press, 1975.

Kissinger Henry. The Troubled Partnership. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1965.

Kolko Joyce and Gabriel. The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, 1945–1954. N.Y.: Harper & Row. 1972.

Kuntzel Matthias. Bonn & the Bomb, German Politics and the Nuclear Option. L.: Pluto Press, 1995.

Lewis John Wilson, Xue Litai. China Builds the Bomb. Stanford (CA): Stanf. Univ. Press, 1988.

Müller, Harald (Ed.). A European Non-Proliferation Policy. Prospects and Problems. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Müller Harald, Fischer David, Kötter Wolfgang. Nuclear Non-Proliferation and Global Order / SIPRI Publication. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994.

Myrdal Alva. The Game of Disarmament. How the United States and Russia Run the Arms Race. Nottingham (UK): Spokesman, 1980.

Niels Bohr. A Centenary Volume / Eds. A.P. French, P.J. Kennedy. Cambridge (MA); L.: Harv. Univ. Press. 1985.

Nogee Joseph L. Soviet Policy Towards International Control of Atomic Energy. Notre Dame (Ind.): Univ. of Notre Dame Press, 1961.

Nonproliferation of Nuclear Weapons, Hearings, Joint Committee on Atomic Energy, 89th Congr., 2nd Sess. Feb.-Mar. 1966.

Nuclear Proliferation in South Asia. The Prospects for Arms Control / Ed. by Stephen Philip Cohen. Boulder (CO): Westview Press. 1991.

Nuclear Weapons and South Asian Security. Report of the Carnegie Task Force on Non-Proliferation and South Asia Security / Carnegie Endowment for International Peace, Wash. (D.C.), 1988.

Pande Savita. The Future of NPT. New Delhi: Lancer Publishers, 1995.

Pean Pierre. Les Deux Bombes. P.: Fayard, 1982.

Pilat Joseph F., Pendley Robert E. (Eds.). Beyond 1995. The Future of the NPT Regime. N.Y.; L.: Plenum Press, 1990.

Pilat Joseph F., Pendley Robert E. (Eds.). 1995. A New Beginning for the NPT? N.Y.; L.: Plenum Press, 1995.

Potter William. Nuclear Power and Nonproliferation. An interdisciplinary Perspective. Cambridge (MA): Oelgeschlager, Gunn & Nain Publishers, Inc., 1982.

Prawitz Jan. From Nuclear Option to Non-Nuclear Promotion: The Sweden Case, The Swedish Institute of International Affairs, Research Rep. 20. Stockholm, 1995.

Rainer Reinhard H., Szasz Paul C. The Law and Practices of the International Atomic Energy Agency. 1970–1980. Suppl. 1 to the 1970 Edit. of Legal Ser. N 7. Vienna: IAEA, 1993.

A Report on the International Control of Atomic Energy. Prepared for the Secretary of State's Committee on Atomic Energy (Acheson-Lilienthal Report). Dep. of State Publ. 2498. Wash. (D.C.), Mar. 16, 1946.

Rhodes Richard. Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y.: Simon & Schuster, 1995.

Rhodes Richard. The Making of the Atomic Bomb. A Touchstone Book. N.Y., 1986.

Rusk Dean. As I Saw It. N.Y.: Penguin Books, 1990.

Savel'yev Aleksandr G., Detinov Nikolay N. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Westport (CT): Praeger. 1995.

Scheinman Lawrence. The International Atomic Energy Agency and World Nuclear Order. Wash. (D.C.): Resources for the Future. 1987.

Schlesinger Jr. Arthur M. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston: Houghton Miffin, Co.; Cambridge: The Riverside Press, 1965.

Seaborg Glenn T., William R. Corliss. Man and Atom. Building a New World Through Nuclear Technology. N.Y.: Dutton & Co, Inc., 1971.

Seaborg Glenn T. with Loeb Benjamin S. Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington (MA); Toronto: Lexington Books, 1986.

Seaborg Glenn T. with Benjamin S. Loeb. The Atomic Energy Commission under Nixon. Adjusting to Troubled Times. N.Y.: St. Martin's Press, 1993.

Shaker Mohamed I. The Nuclear Non-Proliferation Treaty. Origin and Implementation. 1959–1979. Vol. I–III. L.; Rome; N. Y.: Oceana Publ., Inc., 1980.

Sherwin Martin J. A World Destroyed. Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y.: Vintage Books. 1987.

Simpson John, McGrew Anthony (Eds). The International Nuclear Non-Proliferation System. Challenges and Choices. L.: Macmillan, 1984.

Simpson John (Ed.). Nuclear Non-Proliferation: an Agenda for the 1990s. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.

Smith Gerard. Disarming Diplomat. The Memoirs of Gerard Smith, Arms Control Negotiator. Lanham; N.Y.: L.: Madison Books, 1996.

Sokolski Henry, (Ed.). Fighting Proliferation. New Concerns for the Nineties. Alabama: Air Univ. Press, Maxwell Air Force Base, 1996.

Spanier John W., Nogee Joseph I. The Politics of Disarmament. A Study of Soviet-American Gamesmanship. N.Y.: F. Praeger, 1962.

Spector Leonard with Smith Jaqueline. Nuclear Ambitions. The Spread of Nuclear Weapons 1989–1990. Boulder (CO): Westview Press, 1990.

Speed Roger D. The International Control of Nuclear Weapons. Center for International Security and Arms Control. Stanford: Stanf. Univ. Press, 1994.

Strauss Lewis L. Men and Decisions. Garden City; N.Y.: Doubleday & Co., Inc. 1962.

Subrahmanyam K. (Ed.). Nuclear Proliferation and Internationsl Security. Lancer International. New Delhi, 1985–1986.

Sutton Antony C. Western Technology and Soviet Economic Development 1945 to 1965 / Hoover Institution Press. Stanford (CA.): Stanf. Univ., 1973.

Szasz Paul C. The Law and Practices of the International Atomic Energy Agency, Legal Ser. N 7. Vienna: IAEA, 1970.

Teller Edward. Revival of the Baruch Plan. Unpublished Memorandum / Lawrence Liveremore Nat. Laboratory. Jan. 29, 1992.

Timerbaev Roland. Evolution of the Soviet Approach to International Control of

Nuclear Energy. Unpublished Paper for the Symposium "Proliferation of Nuclear Weapons: Past, Present, and Future". Chicago, Dec. 3–5, 1992.

Timerbaev Roland, Susan Welsh. The IAEA's Role in Nuclear Arms Control: its Evolution and Future Prospects // The Nonprolifer. Rev. 1994. Spring / Summer. Vol. 1, N 3 / Monterey Inst. of Intern. Studies. Monterey (CA).

Timerbaev Roland. Nonproliferation Organizations and Regimes beyond 1995 // 1995. A New Beginning for the NPT? / Eds. Pilat Joseph, Pendley Robert. N.Y.; L.: Plenum Press, 1995.

Timerbaev Roland. Prospects for Internationsl Control of Nuclear Energy: A Russian Perspective // Kernwaffenverbreitung und Internationaler Systemwandel. Joachim Krause (Hrsg.). Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1994.

Ulam Adam. Stalin. The Man and His Era. Boston, 1989.

US ACDA, International Negotiations on the Treaty on the Nonproliferation of Nuclear Weapons, Publ. 48. Wash. (D.C.): Gov. Print. Office, 1969.

van Creveld Martin. Nuclear Proliferation and the Future of Conflict. N.Y.: The Free Press, 1993.

Wyden Peter. Day One. Before Hiroshima and After. N.Y.: Simon & Schuster, 1984.

Willrich Mason. Non-Proliferation Treaty: Framework for Nuclear Arms Control. Charlottesvile (VA.): The Michie Co, 1969.

Yager Josef A. (Ed.). Nonproliferation and U.S. Foreign Policy. Wash. (D.C.): Brookings Inst., 1980.

York Herbert F. Making Weapons, Talking Peace. N.Y.: Basic Books, Inc., 1987.

Zubok Vladislav, Pleshakov Constantine. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Krushchev. Cambridge (MA): Harv. Univ. Press, 1996.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Известия
Правда
Большевик / Коммунист
Бюллетень Центра общественной информации ЦНИИатоминформа
Вестник МИД СССР
Военная мысль
Военно-исторический журнал
Вопросы истории естествознания и техники
За рубежом
Известия ЦК КПСС
Исторический архив
Итоги
Коммерсантъ-Daily
Курчатовец
Международная жизнь
Московские новости
Независимая газета
Независимое военное приложение
Новое время
Новый мир
Успехи физических наук
Эхо планеты
Ядерное нераспространение
Ядерный контроль
International Herald Tribune
New York Times
Times
Washington Post
Arms Control Today
Bulletin of the Atomic Scientists
Department of State Bulletin
Foreign Affairs
New Yorker
Nature
Nonproliferation Review
Survival

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адамский В.Б. 73
Аддисон 119
Аденауэр Конрад 135, 137, 138, 214, 215
Айерс Шарль 127
Александер 119
Александров С.П. 44
Алиханов А.И. 32, 68, 91, 131
Альбонетти 141
Альварес Луис 69
Альфонсин Рауль 160
Андерсон Джон 12, 13, 15, 18, 19
Андерсон Оскар 20, 24, 25, 41
Антясов М.В. 8, 255, 279, 283, 286, 291
Арбатова Н.К. 8, 140
Аркадьев Г.П. 184, 202, 203, 296, 297
Арнетт Эрик 141
Арцимович Л.А. 80
Ачесон Дин 12, 19, 29, 30, 39, 40, 41, 59, 75, 76, 81, 120, 229

Баба Хоми 111, 155
Банди Макджордж 11, 12, 16, 20, 23, 28, 31, 42, 75, 82–84, 132, 133, 156, 173, 220–222, 233, 235, 281
Банди Харви 14, 22
Банн Джордж 8, 172, 173, 185, 233, 251, 254, 255, 260, 261, 264, 266, 271, 276, 279, 280, 282–284, 286, 287, 289, 310, 314, 321, 323, 332, 334, 335
Барух Бернард 3, 34, 39–44, 46, 47, 51, 52, 58, 76, 83–85, 89, 95, 108, 188, 191, 293
Батюк В. 48
Бевин Эрнест 35, 51, 119, 140
Бекман Р.Л. 42
Белевич Е.В. 9
Берар А. 324
Берджес Шарлейн 9
Бережков В.М. 12, 14, 21
Бернс 331
Бен Гурион Давид 152–154
Берия Л.П. 32, 33, 52, 54, 60, 64–72, 85, 91
Беркхаут Франс 153, 156–158
Берр Уильям 9, 234, 235
Бечофер Бернхард 43
Бидо 88
Били Харольд 260
Бирнс Джеймс 24, 25–31, 33, 35–37, 40, 41, 76, 140
Битон Л. 207
Бликс Ханс 8
Блохинцев Д.И. 131
Богданов О.В. 163
Богденко 57
Болен Чарльз 25, 83, 218, 219
Болл Джордж 154, 212, 218, 220
Бор Нильс 12, 13, 15–19, 21, 22, 67–69
Ботти Тимоти 63, 85, 122, 125, 138, 211, 212, 213, 215
Боуи Роберт 211, 218
Брандт Вилли 139, 265, 282, 287, 322
Брежнев Л.И. 219, 239, 285, 325
Брюс Дэвид 220
Булганин Н.А. 54, 55, 80, 93
Бурлаков Ф.К. 132
Буш Ванневар 12, 13, 18–22, 24, 30, 37, 39, 82
Бьернеритедт Рольф 144

Ванисс Морис 123
Ван Дорен Чарльз 314, 321, 323
Ванденберг 120
Ванников Б.Л. 33, 64, 68, 105
Вануну Мордехай 146, 153
Васильев А. 57
Вахата Богуш 202
Верещагин Б.Н. 8
Верт Александр 49
Вийо Альбер 284
Вильсон Вудро 220
Вильсон Гарольд 220, 221
Виноградов А.П. 91, 131
Виноградов С.А. 55, 97, 98
Вознесенский Н.А. 64
Воробьев Е.Д. 129
Воронцов Ю.М. 8, 254, 256
Вратуша А. 151
Вышинский А.Я. 55, 62

Гаддис Джон 59
Гайя 141
Галифакс Эдуард 15, 18, 19
Галилей 71
Галлуа Пьер-Марк 127

Ган Отто 137, 139
Ганди Индира 156
Гапонов Ю.В. 68
Гарриман Аверелл 33, 154, 172, 235, 303
Гартхофф Рэймонд 8, 177, 234, 235
Гауинг Маргарет 11, 12, 13, 15–17, 19, 21
Гейзенберг Вернер 15, 137–139
Гейлин Филип 220
Гейтс Томас 211
Гертер Кристиан 168, 211, 212
Герхардсен Эйнар 146
Гилпатрик Розвелл 229–235
Гитлер Адольф 62, 216
Гинзбург В.Л. 74
Глайстин Калвер 279, 282, 283, 286
Глебов И.С. 131
Голд ("Раймонд") 26
Голдберг Артур 310, 318, 324
Гольдблат Йозеф 8
Гольдшмидт Бертран 55, 109, 111, 126, 162, 194, 201, 207, 213
Гомулка Владислав 180
Гончаров А.А. 85
Гончаров Г.А. 8
Гончаров С.Н. 8, 9
Гречко А.А. 48
Гриневский О.А. 8, 256, 279
Гровс Лесли 12, 23, 24, 39, 42
Громыко А.А. 27, 42, 54, 55, 61, 76, 138, 165, 166, 174–176, 191, 192, 215, 219, 222, 237, 253–255, 262, 265, 266, 282, 284, 285, 287, 293, 300, 320, 325, 333, 336, 337, 352
Громыко Ан.А. 61, 77, 284, 285
Грюнтер Альфред 229
Густафсон Милтон 9

Давыдов В.Ф. 211
Даллес Аллен 229
Даллес Джон Фостер 59, 82, 85, 87, 88, 89, 101, 137
Даниэльсон Елена 9
Дани Луис 151, 270
Дас Гупта 200
де Голль Шарль 14, 121–125, 136, 141, 152, 213, 215, 219, 223, 286
де Кастильо Ледон Амалия 184
де Клерк 159
де Пальма Сэмуэль 255, 260, 279, 286
Дейл Генри 15
Деканозов В.Г. 53, 54
Детинов Н.Н. 256
Джа Л.К. 202, 333, 334
Джилас Милован 51
Джонсон Джеральд 304
Джонсон Линдон 42, 154, 156, 218, 220, 221, 224, 228, 229, 232, 233, 236, 243, 251, 253, 255, 258, 259, 261, 262, 268, 278, 289, 296, 299, 311, 327, 330, 335, 336, 350
Джонсон Луис 120
Джонсон Роберт 234
Дизель Юрген 258
Дирак Пол 73
Добрынин А.Ф. 27, 28, 176, 177, 239, 293
Драгунский Д.А. 62
Дуглас-Хьюм Алек 213, 236
Дуччи 141

Евстафьев Д.Г. 48
Емельянов В.С. 100, 155, 162, 191, 194, 201, 344

Жискар д'Эстен Валери 126
Жолио-Кюри Ирен 122
Жолио-Кюри Фредерик 13, 14, 122, 123
Жуков Г.К. 26, 127

Завенягин А.П. 74, 91, 104
Задикян А.А. 131
Замятин Л.М. 195, 199
Зарубин Г.Н. 87, 88, 97, 109, 111, 112
Зеленцов С.А. 8
Зельдович Я.Б. 32, 123
Зинн Валли 100
Зобов А.И. 8, 9
Зонненфельдт Хельмут 99
Зорин В.А. 96, 164, 174, 179, 219, 293
Зотиков И. 65
Зукерман Солли 162

Иванов В.И. 204
Иден Антони 14, 19, 21, 26, 85, 87, 138
Иммерман Ричард 59
Иоффе А.Ф. 19, 32, 64, 92

Йорк Герберт 8, 229, 232, 234

Кавалетти 226
Каганович Л.М. 128
Кадир Хан Абдул 157
Каламо Луиза 258
Калоджеро Франческо 8, 141
Калядин А.Н. 8, 161, 211
Капитонова Н.К. 51
Капица А.А. 65
Капица М.С. 131
Капица П.Л. 15, 19, 64–73
Каплан Карел 62
Карачиоло Р. 321
Кастаньеда Хорхе 301, 308
Кассиди Дэвид 15, 139
Катахара Эйичи 148
Катрич Йозеф 9
Катценбах Николас 263
Кекконен Урхо 170, 181
Келдыш М.В. 194
Келлер 322
Келлехер Кэтрин 137
Кеннан Джордж 43

Кеннеди Джон 11, 42, 121, 122, 154, 156, 169, 172, 173, 176, 211, 212–214, 218, 221, 235, 258, 304
Кеннеди Роберт 233
Кеттер Вольфганг 208
Кизингер 139, 265, 289
Кикоин И.К. 32, 91
Кинг Маккензи 34
Кини Сперджен 8, 229, 232, 235, 236, 239, 247, 250, 281
Кириллин В.А. 73
Киси 147
Киссинджер Генри 154, 326
Кистяковский Джордж 229
Кишилов Н.С. (Николаев Н.) 138
Клаузен Питер 44, 84, 111, 116, 120, 122, 209, 218, 233, 279, 338, 350
Кливленд 287
Кнапштайн Хайнрих 223, 236, 262, 263
Коварски Лев 13, 122, 123
Кокрофт Джон 100
Колер Фой 217
Колко Джойс 44
Колко Габриел 44
Комер 154
Комптон Артур 19
Конэнт Джеймс 13, 18, 19, 24, 37, 38, 39, 40, 41, 52
Коперник 71
Коплоу Дэвид 312
Корниенко Г.М. 256
Кортрайт Дэвид 44
Косыгин А.Н. 219, 221, 243, 244, 259, 286, 289, 310, 325, 326, 327, 329, 331, 333–336, 348
Коул Поль 142–144
Коул Стерлинг 58, 59, 115, 188
Кочкин Н.В. 9
Коэн Авнер 152–154
Кривохижа В.И. 161, 171
Круглов А.К. 32, 44
Кув де Мурвиль Морис 218
Кузнецов А.А. 48
Кузнецов В.В. 132, 146, 195, 198, 201, 255, 310, 324, 333, 338–340
Кузнецов Г.А. 63
Кук Уильям 126
Кукоч Иван 151
Курчатов И.В. 26, 27, 32, 33, 64, 65, 68, 72–80, 91, 93, 129
Кюнцель Маттиас 135, 258, 280, 322

Лагерфельд 202
Лалл Артур 109
Ландау Л.Д. 73, 74
Ларин (Оберемко В.И.) 80, 98, 105, 106, 109
Ларссон Тор 8, 144
Леб Бенджамин 24, 210, 326, 330
Леги Уильям 30
Леденев Б.Н. 129
Лемэй Кэртис 44
Лефевер Эрнест 210
Либби Уиллард 73
Лилиенталь Дэвид 12, 19, 39, 40–42, 59, 120
Линдеман Ф. (Черуэлл) 11, 15, 18, 19
Литвинов Б.В. 307
Литвинов М.М. 36, 47, 48
Ли Фучунь 129
Ллойд Селвин 135
Лозовский С.А. 48
Лоуренс Эрнест 24, 69
Лоборев В. 307
Льюис У. 100, 296, 297
Льюис Джон Уилсон 129, 133
Льюис Уилфрид 194
Льюис Флора 136
Лю Цзе 128, 129
Любимов Ю.П. 73

Мазарр Майкл Дж. 145
Майер-Лейбниц Хайнц 139
Макги 265, 288
Макклой Джон 28, 39, 174, 229, 232, 293
Маккоун Джон 155
Маклин Дональд 63
Макмагон 44, 77, 80, 81, 119, 120
Макмиллан Гарольд 121, 122, 148, 212
Макнамара Роберт 7, 59, 121, 172, 218, 220, 222, 223, 224, 233, 236, 253, 254, 265–267, 286, 330, 350
Маленков Г.М. 64, 91, 93, 128
Малинин С.А. 113
Малинин С.М. 81, 107
Малиновский Р.Я. 132
Малли Ф. 316
Малышев В.А. 91–94
Мальков В.Л. 17, 22, 25, 33
Мао Цзедун 127, 128, 130, 132, 133, 166
Мартин 331
Маршалл Джордж 21, 24
Маттеи 324
Мельчин С.А. 9
Менделевич Л.И. 170, 255
Мендес-Франс 123, 182
Мензис Роберт 148
Менон 104
Мещеряков М.Г. 44
Миершаймер Джон 351
Микер Леонард 255, 260, 261
Мики Т. 309
Митяев В.Г. 213
Михайлов В.Н. 11
Мовчан А.П. 8, 314
Мозжохина Н.П. 9
Молле Ги 152
Молотов В.М. 21, 26, 32, 33, 35–38, 44–47, 51, 52, 56, 66, 67, 70, 76, 83, 87, 89, 91, 93, 95, 104, 105, 128

Моран Чарльз 46
Морохов И.Д. 80, 204, 205, 275, 291
Моррисон Герберт 119
Мэк Эндрю 147, 150
Мэрфи Роберт 100
Мюллер Харальд 126, 208
Мюрдаль Альва 43, 58, 144, 175, 271, 280, 306

Найдл Алан 286
Накиченович Слободан 204
Насер Гамаль 152
Негин Е.А. 60, 129, 130–132
Нежинский Л.Н. 94
Не Жуньчжень 129, 133
Неру Джавахарлал 155, 192
Несмеянов А.Н. 92
Николаев А.Н. 198
Николаев Н. (Кишилов Н.С.) 138, 280
Никсон Ричард 126, 154, 156, 258, 326
Новиков К.В. 54, 113, 191, 193, 256
Новиков, Н.В. 47
Нойман 297
Норстэд Лорис 211

Оберемко В.И. (Ларин) 111
Огарков Н.В. 118
Огильви-Уайт Таня 351
Озеруд Ф. 68
Олбрайт Дэвид 153, 156–158
Олифант Марк 41, 42
Онушкин В. 81
Опарин А.И. 92
Оппенгеймер Роберт 12, 17, 24, 39, 42, 74, 81, 82, 84
Орлов В.А. 8
Осборн 52
Остроумов Н.Н. 128
Оуэн Генри 289

Павлов В.Н. 26
Павлов С.В. 9
Пайерлс Рудольф 11, 32
Пак Чон Хи 149, 150
Палевский Гастон 97, 98
Паленых И.М. 111
Пальме Улоф 143
Пасторе Джон 223, 224, 274
Пеан Пьер 152, 153, 157
Пенни Уильям 119
Первухин М.Г. 32, 68
Перрен Франсис 100, 122, 123, 153, 275
Перес Шимон 152
Пестерев Н.В. 279, 344
Петржак К.А. 32
Петросьянц А.М. 11, 201, 203, 204
Пиню Антуан 135
Подгорный Н.В. 325
Пономаренко П.К. 200, 201

Портал 119
Портер И. 300
Поттер Уильям 8, 9, 151
Петровский Г. 118
Плоуден 121
Полфри Джон 162
Правиц Ян 8, 118, 142–144, 181
Пын Дэхуай 127

Раби Исидор 100, 101, 194
Рабин Ицхак 153
Радзинский Э. 62
Размымлович И.А. 132
Райнер Райнхард 300
Райнлэндер Джон 310
Рандерс Гуннар 145, 195, 201, 202
Ранкович 151
Рапацкий Адам 180
Раск Дин 24, 25, 42, 173, 175–177, 219, 220, 222–224, 230, 232, 233, 236, 239, 250, 251, 253–255, 261, 262, 264, 266, 268, 274, 275, 279, 285–287, 300, 309, 321, 322, 327, 336–338, 340, 351
Ратженс Джордж 234
Риковер Хайман 213
Ричелсон Джеффри 234, 235
Роблес Гарсия 83, 184
Ростоу Уолт 212, 253, 254, 286, 337, 350
Ростоу Юджин 262
Роудс Ричард 44, 61, 82, 84, 85, 120
Рощин А.А. 8, 46, 53, 55, 94, 151, 228, 252, 255, 260, 262, 263, 266, 267, 273, 278, 280, 281, 286, 287, 322, 344
Рощина О.А. 46
Рубинин П.Е. 8, 9, 68, 69, 73
Рубинштейн Модест 45
Рузвельт Франклин 12–18, 20–22, 25, 75–77
Рузвельт Эллиот 49, 50
Рэндал 111

Савельев А.Г. 256
Сазыкин 60
Салам Абдус 194
Сарабхай Викрам 162, 333
Сарней Жозе 161
Сас Поль 101, 112, 113, 199
Саттон Антони 140
Сахаров А.Д. 72, 73, 130
Семенов Б.А. 279
Семенов В.С. 282
Сенгоку 258
Сербин И.Д. 194, 195
Серов И.А. 73
Сиборг Гленн 24, 122, 143, 149, 162, 203, 204, 206, 209, 213, 218–222, 224, 231, 232, 244, 250, 253, 262, 264, 266, 274, 275, 280–282, 289, 298, 299, 302–304, 326, 330
Симане Ч. 100

Сиско Джозеф 332
Скобельцын Д.В. 52–54, 92, 100, 101
Славский Е.П. 54, 73, 190, 194, 195, 198
Смайс Генри 34, 189, 196
Смидович П.А. 9
Смирнов Ю.Н. 129, 130–132
Смит Беделл 81
Смит Джерард 59, 89, 100–102, 213, 214, 218, 221
Смит Жаклин 152
Смит Кингсбери 50
Смэтс Ян 16
Соколовский В.Д. 48, 93, 95
Сокольски Генри 51, 52
Солдатов А.А. 94, 100
Спаак Поль-Анри 211
Спектор Леонард 8, 152, 155, 159
Стайнбруннер Джон 122
Сталин И.В. 21, 22, 25–28, 31–33, 37, 38, 44, 46, 48–51, 59–66, 70, 72, 75–77, 82, 85, 91, 128
Старухин В.В. 63
Стассен Гарольд 50
Стивенсон Эдлай 169, 174
Стимсон Генри 14, 19, 20, 22–25, 28, 29, 33, 75, 76
Страус Луис 59, 69, 83, 84, 97, 121, 126
Стрит 258
Су Марк 150
Субраманиам К. 8, 156, 334
Судоплатов П.А. 60, 63
Суслов В.П. 279
Суслов М.А. 325
Сцилард Лео 11, 24
Сюэ Литай 129, 133

Табуи Женевьева 285
Тавиани 135, 141
Таленский Н. 94
Тамм И.Е. 72
Терлецкий Я.П. 68
Татеучи 309
Тейлер Уильям 176
Тейп Джеральд 149
Теллер Эдуард 39, 58, 59, 85
Тимербаев Р.М. 1, 2, 80, 81, 92, 107, 114, 164, 205, 255, 256, 271, 279, 282, 283, 286, 293, 310, 344
Тито Иосиф Броз 51, 151, 180
Толченов 45
Томас 227
Томпсон Луэллин 287, 289
Триведи 228
Трояновский О.А. 77
Трумэн Гарри 22, 23, 25–29, 31, 33, 34, 40–44, 75–77, 120
Трухановский В.Г. 26, 51, 120
Тункин Г.И. 113

У Даю 150
У Тан 162
Уайден Питер 18, 20, 26
Уилмот 119
Улам Адам 38
Улам Станислав 85
Унден Эстен 144, 170, 181
Уодсворт Дж. 111
Уокер Уильям 153, 156–158
Уоллес Генри 30
Уолмсли У. 96
Уолц Кеннет 351
Уолш Джим 148
Уотсон Артур 229
Уэлш Сюзан 114

Файс Герберт 25, 28
Фанфани 302, 320
Фарли Филипп 89, 289
Ферми Энрико 24
Федоренко Н.Т. 183, 219, 241, 262
Федосимов П.И. 104, 107, 204
Феклисов А.С. 26, 32, 119
Фелдман Шай 8, 153, 154
Ферм Мартин 143
Филитов А.М. 140
Финлеттер Томас 221
Фишер Адриан 224, 226, 250–253, 261, 274, 279, 321
Фишер Дэвид 8, 79, 207, 208, 314, 321, 323
Фишер Кэтлин 142
Флеров Г.Н. 32
фон Брентано Хайнрих 137
фон Вайцзекер Карл Фридрих 137, 139
фон Хальбан Ханс 13, 122, 123
фон Хассель 214
Форланд Астрид 8, 99, 145
Форрестол Джеймс 29
Фостер Уильям 218, 222, 223, 228, 235, 237, 244–246, 250, 252, 253, 255, 257, 260–262, 264, 266, 267, 270, 274, 278–281, 284–287, 299, 309, 316, 334, 350
Франк Джеймс 24
Франкфуртер Феликс 16, 22
Фримэн 334
Фриш Отто 11, 32
Фукс Клаус 26, 32, 63, 119, 120
Фулбрайт 214, 221

Хабиб-Делонкль 215
Халатников И.М. 71, 72
Халаф Х. 280, 281, 307
Хальперин Мортон 326
Хаммершельд Даг 21
Хан Аюб 156
Хан Мунир Ахмад 8
Харитон Ю.Б. 32, 74, 123
Хершберг Джеймс 13, 18, 19, 38, 40

Хефеле 203
Хикенлупер 120
Холл Джон 101
Холл Джэк 82, 88, 101
Холлоуэй Дэвид 8, 22, 26, 32, 33, 37, 38, 65, 128
Холт Гарольд 149
Хомейни 151
Хрипунов И.А. 148
Хрущев Н.С. 65, 70, 73, 80, 91, 93, 128, 130, 132–134, 138, 166, 167, 171–173, 180–182, 196, 197, 231, 235, 242, 304
Хрущев С.Н. 132, 133
Хуссейн Саддам 157
Хэмфри Хуберт 210, 220, 280
Хью-Бейли 49
Хьюлетт Ричард 20, 24, 25, 41, 82, 88, 101

Цангер Клод 291
Царапкин С.К. 88, 95, 105, 183, 228, 237, 244, 246, 251, 274

Чакраварти Б. 227, 330, 331
Челлани Брама 8, 156, 334
Челышев И.А. 94
Чалфонт 236, 243, 280, 331, 332
Чедвик Дж. 11
Чейс Джеймс 31, 37, 41, 75
Черуэлл (Линдеман Ф.) 11, 15, 18, 19
Черчилль У. 11, 13, 15–18, 20, 21, 25–27, 45, 46, 85
Чжоу Энлай 128, 129
Чжу Дэ 127
Чон Ду Хван 150

Шабан-Дельмас 135
Шайнмэн Адам 310
Шайнмэн Лоуренс 9, 59, 98, 101, 106, 116, 202, 207
Шакер Мохамед 8, 139, 165, 166, 168, 222, 241, 270, 273, 294, 303, 310, 330, 332, 340
Шанер Аннет 8
Шарапов А. 57
Шахов П.Ф. 94
Шастри Лал Бахадур 155, 235, 330
Шельба Марио 140
Шепилов Д.Т. 128
Шервин Мартин 14, 17, 20, 23
Шинтльмайстер 85
Ширак Жак 157
Шлезинджер Артур 77, 173
Шмелев В.М. 204
Шнипенкёттер Швидберт 258, 280
Шредер Герхард 214, 261
Штейн Б.Е. 56, 57
Штраус Франц Йозеф 135, 137, 139
Штюсси-Лаутенбург Ю. 146
Шустов В.В. 9, 279, 282, 283, 286, 304, 344, 346, 347

Эйзенхауэр Дуайт 59, 82–86, 90–92, 105, 109, 116, 120, 121, 125, 132, 188, 196, 197, 211, 276
Эйзенхауэр Милтон 83
Эйкен Фрэнк 165
Эйнштейн Альберт 11, 19
Эклунд Зигвард 9, 142, 184, 204–206, 297
Эли 152
Эллсберг Дэниэл 9, 229
Эльбарадей Мохамед 9
Эпстайн Уильям 286, 330, 343, 347
Эриксен Викинг 147
Эрландер Таге 143
Эрхард Людвиг 219, 253, 261, 265, 321
Эттли Клемент 31, 34, 46, 58, 76, 119

Юдин П.Ф. 128, 131
Юнг 142

Научное издание

Тимербаев Роланд Махмутович

**РОССИЯ
И ЯДЕРНОЕ
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ
1945–1968**

Заведующая редакцией
"Наука – экономика, философия, право"
Р.С. Головина

Редактор *А.М. Радченко*
Художник *В.А. Смирнов*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректор *А.В. Морозова*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 03.12.98
Формат 70×100 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 31,2. Усл.кр.-отт. 31,7. Уч.-изд.л. 33,4
Тираж 2500 экз. Тип. зак. 294
Заказное

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Р. М. ТИМЕРБАЕВ

РОССИЯ И ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ